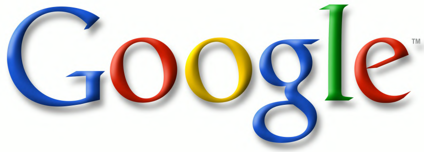
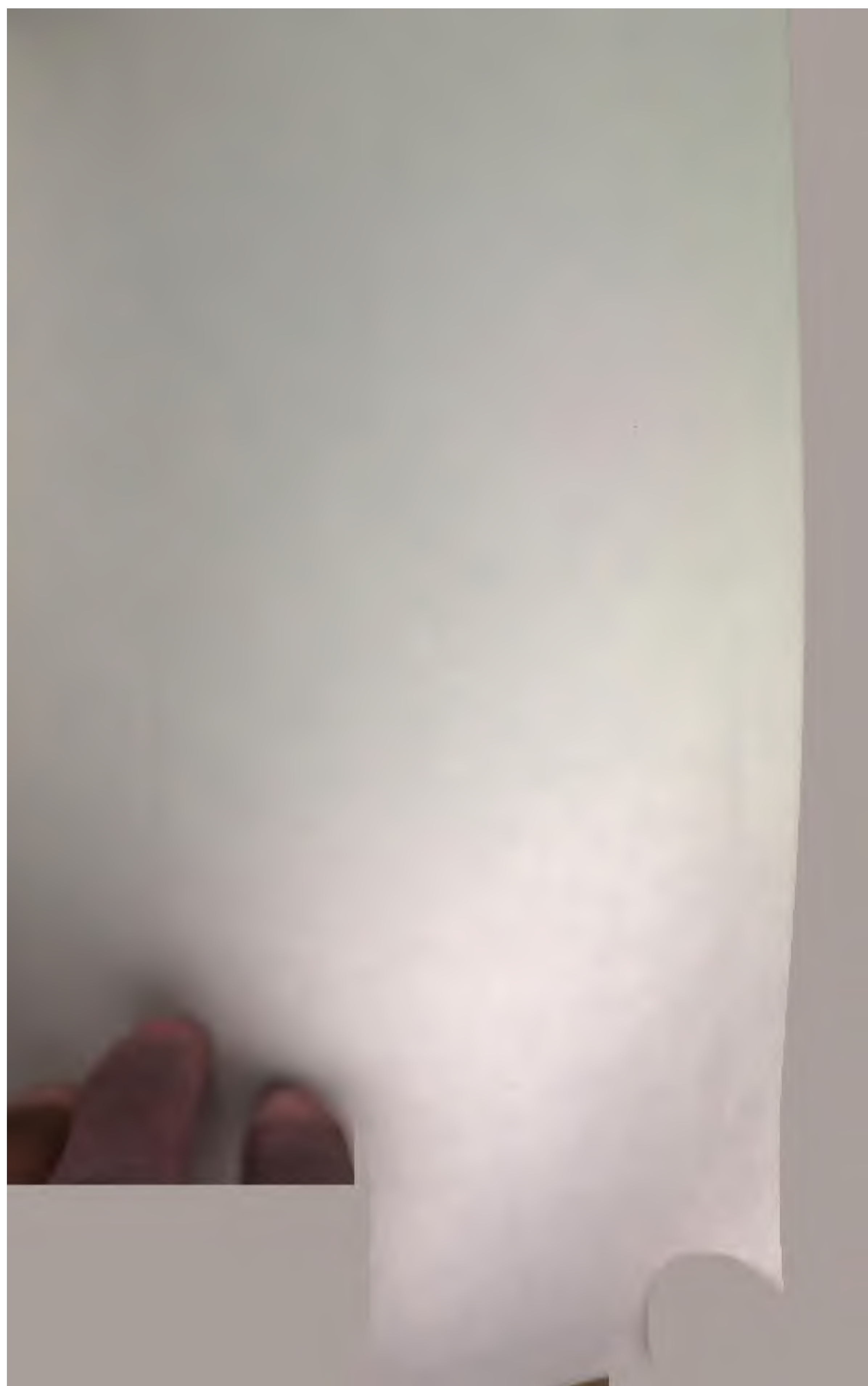

Археологическія Извѣстія и Замѣтки

издаваемыя

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. Н. АНУЧИНА и А. И. КИРПИЧНИКОВА.

ГОДЪ VI.

№ 1.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1898

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности — церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1898 г. № 1

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“,

издаваемыхъ Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ въ Москвѣ.

Начатыя изданіемъ въ 1893 г., „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“ являются единственнымъ въ Россіи періодическимъ органомъ по изученію нашихъ древностей. За это время уже достаточно выяснился общій характеръ журнала, вступающаго нынѣ, подъ новой редакціей, въ 6-ой годъ своего существованія. Какъ и въ прежніе годы, журналъ будетъ заключать въ себѣ четыре рубрики: I. *Статьи* по различнымъ отдѣламъ Археологіи, описаніе раскопокъ, описаніе и изслѣдованіе вновь найденныхъ или недостаточно изученныхъ древнихъ памятниковъ быта, искусства, письменности и т. д. II. *Археологическую хронику:* краткія извѣстія о находкахъ, раскопкахъ, экспедиціяхъ, съѣздахъ, музеяхъ и другихъ ученыхъ учрежденіяхъ и т. п., а также некрологи археологовъ и пр. III. *Засѣданія Обществъ*—археологическихъ, археографическихъ, историческихъ и другихъ, если въ нихъ были сообщенія, касающіяся археологіи. IV. *Библіографію* и *критику* по археологіи.

Попрежнему журналъ будетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ памятники русской старины, но, по мѣрѣ возможности, въ немъ будутъ находить себѣ мѣсто извѣстія и о движеніи археологической науки за предѣлами Россіи, при чемъ, конечно, особое вниманіе будетъ обращено на то, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ *русской* археологіи.

Область археологіи такъ обширна, количество дѣлаемыхъ въ послѣднее время открытій и находокъ, производимыхъ даже въ предѣлахъ одного нашего отечества изысканій и раскопокъ, вновь появляющихся описаній и изслѣдованій древнихъ памятниковъ такъ велико, что достиженіе хотя бы нѣкоторой полноты въ указаніи ихъ возможно лишь при содѣйствіи многихъ лицъ, какъ спеціалистовъ въ дѣлѣ изученія извѣстныхъ видовъ древностей, такъ и вообще любителей старины. Поэтому редакція обращается съ покорнѣйшею просьбою къ лицамъ, занимающимся изученіемъ древностей или ихъ собираніемъ и храненіемъ, а также и ко всѣмъ, кто интересуется археологіей, оказать журналу посильную помощь доставленіемъ статей, замѣтокъ, запросовъ и отвѣтовъ на чужіе запросы, описаній памятниковъ (или фотографій и рисунковъ съ нихъ), свѣдѣній о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ, новыхъ пріобрѣтеніяхъ музеевъ или частныхъ коллекцій и пр., какъ отъ себя лично, такъ и доставляя выписки и вырѣзки изъ газетъ и изданій, особенно провинціальныхъ или мало распространенныхъ, или по крайней мѣрѣ указывая на изданія, въ которыхъ подобныя свѣдѣнія появились. Редакція будетъ чрезвычайно благодарна за всякое подобное содѣйствіе, и чѣмъ бо́льшую поддержку встрѣтитъ она въ этомъ отношеніи, тѣмъ полнѣе и разнообразнѣе будутъ въ журналѣ отдѣлы *Хроники* и *Библіографіи*. Крайне желательно также достигнуть возможной полноты въ отдѣлѣ *Засѣданій Обществъ;* поэтому редакція обращается съ покорнѣйшей просьбой къ предсѣдателямъ и секретарямъ ученыхъ Обществъ, ихъ отдѣловъ и коммиссій, при чемъ кромѣ Обществъ и коммиссій, спеціально археологическихъ, нумизматическихъ, археографическихъ и архивныхъ, было бы желательно имѣть также извѣстія о дѣятельности другихъ Обществъ: историческихъ, филологическихъ, географическихъ, естественно-историческихъ, художественныхъ и т. д., по скольку ихъ дѣятельность касается археологіи, которая нуждается въ содѣйствіи самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія: геологіи, палеонтологіи, антропологіи и естествознанія вообще, этнографіи, исторіи церкви, исторіи искусства, лингвистики и пр., и пр. Труды состоявшихся до сихъ поръ десяти русскихъ археологическихъ съѣздовъ наглядно доказываютъ важность и необходимость совмѣстной работы различныхъ спеціалистовъ въ дѣлѣ изученія русскихъ древностей, и было бы крайне

желательно, чтобы „Археологическія Извѣстія и Замѣтки", въ доступной имъ, скромной формѣ, выражали собою это благотворное единеніе наукъ для изученія древней жизни человѣка и его творчества.

Извѣстно, что каждый періодъ этой жизни является наслѣдникомъ ему предшествовавшаго и въ свою очередь подготовляетъ слѣдующій за нимъ, и что каждый культурный народъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ другими народами и болѣе или менѣе испытываетъ на себѣ ихъ вліяніе, вслѣдствіе чего въ исторіи культуры нѣтъ рѣзкихъ граней ни между періодами, ни между народностями. Тѣмъ не менѣе и въ наукѣ о древностяхъ намѣчаются сами собою извѣстные отдѣлы уже однимъ тѣмъ, что факты, ихъ составляющіе, изучаются различными группами спеціалистовъ. Эти отдѣлы долженъ имѣть въ виду посвящаемый археологіи періодическій органъ, въ которомъ желательно видѣть представленными слѣдующія группы древностей:

I. *Первобытныя или до-историческія древности*. Сюда входятъ древнѣйшіе остатки человѣка и его культуры, такъ наз. палеолитической эпохи, соотвѣтствующей началу современнаго геологическаго періода или даже захватывающей конецъ періода, ему предшествовавшаго (третичнаго). Затѣмъ, сюда же относятся древности позднѣйшаго каменнаго вѣка (неолитическаго), встрѣчающіяся во многихъ мѣстностяхъ Россіи, но, къ сожалѣнію, въ рѣдкихъ только случаяхъ обстоятельно описанныя и изученныя. Наконецъ, сюда же входятъ и древности эпохи металловъ, особенно мѣди и бронзы, представленной у насъ въ Россіи, по преимуществу въ Сибири, Приуральскомъ краѣ и на Кавказѣ, весьма многочисленными и своеобразными группами издѣлій, а также и начальной эпохи желѣза, далеко уходящей въ до-историческія времена и вообще предшествовавшей началу русской исторіи съ ея древнѣйшими письменными памятниками. Поэтому сюда относится бо̀льшая часть древнихъ языческихъ могильниковъ, кургановъ, жертвенныхъ мѣстъ, а равно и многіе отдѣльные клады и находки до-христіанской эпохи. Если всѣ эти памятники по отношенію къ Россіи могутъ считаться до-историческими, то по отношенію къ другимъ странамъ съ болѣе древней культурой они оказываются иногда относящимися къ опредѣленной исторической эпохѣ. Такъ, напр., многія произведенія классическаго и восточнаго искусства, найденныя въ южной Россіи, иногда въ сообществѣ съ варварскими издѣліями до-историческихъ обитателей этихъ мѣстностей, являются историческими для древне-греческихъ колоній, Аѳинъ, Римской имперіи, странъ Передней Азіи. Съ другой стороны, они смѣняются на почвѣ Россіи древностями Византіи и Персіи, и переходятъ отъ древностей скиѳско-сарматскихъ въ древности славяно-русскія, болѣе или

менѣе связанныя съ древностями финскими и тюркскими и служащія основой позднѣйшихъ древностей собственно русскихъ. Такимъ образомъ, *до-историческія* древности Россіи оказываются связанными съ древностями слѣдующихъ категорій, относящихся къ эпохамъ и народностямъ *историческимъ*. Эта связь или, лучше сказать, эти разнообразныя связи, свидѣтельствующія о различныхъ послѣдовательныхъ культурныхъ вліяніяхъ на русской почвѣ, позволяютъ выдѣлить изъ до-историческихъ древностей Россіи въ періодъ металловъ болѣе или менѣе обособленныя группы: древностей скиѳскихъ, сарматскихъ, славяно-русскихъ и татарскихъ на югѣ, чудскихъ, болгарскихъ, татарскихъ на востокѣ, финнскихъ и русскихъ въ средней Россіи и т. д., отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя другія вліянія: готское, варяжское и т. п.

II. *Древности восточныя* и *классическія*, разумѣя подъ востокомъ—главнымъ образомъ Переднюю Азію и Египетъ, а подъ классическими—преимущественно греческія и затѣмъ римскія. Культурное вліяніе этихъ странъ на южную Россію и Кавказъ доказано вполнѣ убѣдительно многими находками; но это вліяніе распространялось и далѣе на сѣверъ, по бассейну Днѣпра и Дона, а изъ Персіи также по Волгѣ, Камѣ и черезъ Среднюю Азію въ Сибирь. Наглядно свидѣтельствуютъ объ этомъ вліяніи, кромѣ многихъ художественныхъ издѣлій, также находки монетъ, особенно римскихъ первыхъ вѣковъ имперіи, затѣмъ сассанидскихъ и другихъ восточныхъ, клады которыхъ были находимы во многихъ мѣстностяхъ южной, западной, средней и восточной Россіи. Такимъ образомъ, изученіе восточныхъ и классическихъ древностей, важное уже само по себѣ, имѣетъ особое значеніе по отношенію къ нашему отечеству, гдѣ въ извѣстныя эпохи древности этихъ категорій имѣли значительное распространеніе и сбытъ.

Отдѣльную группу составляютъ позднѣйшія восточныя (мусульманскія) древности, получающія мѣстами, какъ въ Средней Азіи, отчасти также на Кавказѣ, на средней Волгѣ и т. д., выдающееся значеніе.

III. *Древности византійскія* и связанныя съ ними по содержанію и отчасти по формѣ иныя христіанскія, опредѣляющія собой начало русской исторической эпохи, конечный вѣкъ язычества и первые вѣка христіанства. Хотя произведенія этого періода и оказываются у насъ иногда смѣшанными съ древностями двухъ предыдущихъ категорій, при чемъ кое-гдѣ представляютъ, очевидно, лишь продукты случайнаго заноса въ чуждую имъ языческую среду, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ они свидѣтельствуютъ несомнѣнно о новой культурной эпохѣ, новомъ міровоззрѣніи, новомъ складѣ жизни. Сюда относятся древнѣйшіе христіанскіе храмы на почвѣ Россіи, древнѣйшіе памятники скульп-

туры и живописи, разнообразные продукты византійскаго и такъ наз. корсунскаго искусства, давшіе толчекъ развитію ремеслъ и художествъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ, Владимірѣ и т. д., а также на Кавказѣ—въ Грузіи, Абхазіи и пр. Изученіе византійскихъ древностей, имѣющее чрезвычайно важное значеніе въ исторіи развитія европейской культуры вообще, представляетъ еще бо́льшій интересъ для Россіи, заимствовавшей непосредственно изъ Византіи или изъ странъ, съ нею тѣсно связанныхъ, всѣ основы своей послѣдующей художественной и духовной культуры, тѣмъ болѣе, что и многое изъ того, что̀ наши предки первыхъ вѣковъ христіанства получали прямо съ запада, оказывается въ близкомъ родствѣ съ Византіей, которая долгое время была почти единственнымъ носителемъ христіанской цивилизаціи и творчества. А такъ какъ на Руси сохранилась масса памятниковъ византійскихъ, представляющихъ типы, исчезнувшіе на ихъ родинѣ и до неузнаваемости измѣнившіеся на западѣ, то *русско-византійскія древности* (къ сожалѣнію еще мало изученныя) оказываются имѣющими огромный интересъ и для исторіи культуры всего христіанскаго міра.

IV. *Собственно русскія древности*—продукты культуры, сложившейся на основѣ всѣхъ традицій и вліяній, представленныхъ древностями предыдущихъ категорій, а отчасти и продолжавшихъ получаться съ востока (въ эпоху татарскаго ига), съ юга (съ Балканскаго полуострова и Малой Азіи) и съ запада (главнымъ образомъ черезъ Польшу). Обильныя для XVII столѣтія, они становятся все болѣе и болѣе рѣдкими съ удаленіемъ вглубь вѣковъ до XIII стол. включительно, и всѣ въ совокупности составляютъ область, имѣющую первенствующее значеніе для исторіи русской культуры. Но и XVII столѣтіе есть только кульминаціонный пунктъ московской цивилизаціи, а не крайній предѣлъ *собственно русскихъ древностей:* въ теченіе всего XVIII вѣка, когда высшій классъ русскаго общества усвоилъ себѣ внѣшніе признаки культуры запада, въ народѣ продолжали бытовать многія существенныя черты вѣковъ предшествовавшихъ.

V. *Памятники языка* и *письма.* Этотъ родъ древностей могъ бы быть распредѣленъ и по предшествовавшимъ категоріямъ, но удобнѣй его выдѣлить въ особую группу, такъ какъ для изученія его употребляются особые пріемы и требуется совершенно особая подготовка. Сюда относятся какъ созданія народной словесности, такъ и всѣ произведенія древней письменности; первые заключаютъ въ себѣ пережитки и отголоски далекихъ, часто до-историческихъ временъ; вторыя даютъ совершенно ясное и опредѣленное представленіе о культурныхъ теченіяхъ и, сопоставленныя съ памятниками вещественными, служатъ другъ къ

другу необходимымъ дополненіемъ. Поэтому небольшія статьи и извѣстія по палеографіи и археографіи, какъ и по исторіи языка и словесности, являются весьма желательными въ нашемъ журналѣ.

Вышеприведенное перечисленіе категорій древностей имѣетъ цѣлью намѣтить тѣ разнообразныя отрасли изученія, по которымъ редакція нуждается въ содѣйствіи лицъ, интересующихся археологіей, преимущественно русской, и по которымъ читатель въ правѣ ожидать замѣтокъ и извѣстій въ разныхъ рубрикахъ издаваемаго Московскимъ Археологическимъ Обществомъ журнала; но, конечно, редакція не можетъ имѣть претензіи въ каждомъ № давать обстоятельныя свѣдѣнія по всѣмъ этимъ столь обширнымъ и разнообразнымъ отдѣламъ знанія.

12 января 1898 года.

Д. Анучинъ.
А. Кирпичниковъ.

II.

Раскопки Пронскихъ кургановъ.

За послѣдніе годы Рязанская Архивная коммиссія послѣдовательно осуществляетъ одну изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности, направленную на разысканіе мѣстныхъ древностей, обслѣдованіе и разработку ихъ. Съ этою цѣлью, каждое лѣто мнѣ одному или при содѣйствіи нѣсколькихъ членовъ коммиссіи приходится производить археологическія изслѣдованія и раскопки въ разныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи, по опредѣленному плану, выработанному мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Археологическими работами выяснено, что Рязанская губернія до сихъ поръ еще богата древностями, относящимися какъ къ отдаленному отъ насъ, такъ и къ болѣе близкому къ намъ времени; хотя несомнѣнно, огромное количество памятниковъ мѣстной старины погибло безвозвратно, — они частію размыты и снесены весенними разливами водъ и перемѣщеніемъ русла теченія рѣкъ, частію уничтожены при раздѣлкѣ земли подъ пашню, поселки, сады и огороды (такимъ путемъ особенно много исчезло кургановъ и курганныхъ кладбищъ) и кладоискателями, которые въ поискахъ за золотомъ и серебромъ безсмысленно губятъ рѣдкія древности.

Древнѣйшими мѣстными памятниками являются остатки культуры каменнаго вѣка, открытые на мѣстахъ бывшихъ поселковъ и временныхъ стоянокъ первобытныхъ обитателей нашего края. Эти остатки

встрѣчаются преимущественно на песчаныхъ буграхъ и розсыпяхъ, раскинутыхъ по берегамъ Оки и ея главныхъ притоковъ съ правой стороны: Осетра, Прони и Пары. Въ уѣздахъ—зарайскомъ, рязанскомъ, спасскомъ, касимовскомъ, михайловскомъ и пронскомъ найдено большое количество бытовыхъ предметовъ каменнаго вѣка. По берегамъ Оки довольно часто встрѣчаются слѣды временныхъ стоянокъ и только изрѣдка — остатки поселковъ и могилы каменнаго вѣка. До настоящаго времени въ Рязанской губерніи не открыты изолированныя скопленія каменныхъ орудій и оружія, которыя можно было бы съ увѣренностію отнести къ древнему періоду каменнаго вѣка — палеолитическому; всѣ извѣстныя намъ находки, въ общемъ составѣ, носятъ признаки болѣе поздняго періода каменнаго вѣка—неолитическаго. Это обстоятельство побуждаетъ оставить открытымъ вопросъ,—переживало ли первобытное населеніе Рязанскаго края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей средней Россіи, палеолитическій періодъ каменнаго вѣка или появилось въ бассейнѣ Оки уже съ болѣе позднею культурою неолитическаго періода.

За остатками культуры каменнаго вѣка слѣдуютъ древніе памятники, относящіеся къ эпохѣ широкаго распространенія металлическихъ издѣлій (изъ желѣза, мѣди, бронзы и серебра) среди древняго мѣстнаго населенія. Эти памятники найдены въ могильникахъ, открытыхъ за послѣднія девять лѣтъ по берегамъ Оки, въ рязанскомъ, спасскомъ и касимовскомъ уѣздахъ. Изслѣдуя могильники, мы находимъ въ нихъ несомнѣнныя и многочисленныя свидѣтельства, что населеніе, оставившее эти интересные и богатые памятники, стояло уже на довольно высокой ступени развитія внѣшней стороны быта, которую едва ли возможно разсматривать, какъ непосредственно слѣдующую за культурою мѣстнаго каменнаго вѣка. Между тѣмъ, до сихъ поръ въ Рязанской губерніи не встрѣчались древности, которыя указывали бы на существованіе переходной эпохи отъ культуры каменнаго вѣка ко времени широкаго пользованія металлическими издѣліями. Въ изслѣдованныхъ частяхъ Рязанской губерніи не обнаружено никакихъ слѣдовъ ни мѣдной, ни бронзовой культуръ, которыя у другихъ народовъ составляютъ переходныя ступени или послѣдовательныя звенья, соединяющія каменный вѣкъ съ желѣзнымъ.

Древности слѣдующаго періода хранятся въ курганныхъ кладбищахъ, многочисленныхъ городкахъ и городищахъ, разбросанныхъ по всей Рязанской губерніи, а также въ древнихъ кладахъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ однихъ серебряныхъ куфическихъ монетъ (диргемовъ) или изъ тѣхъ же монетъ и серебряныхъ украшеній. Въ болѣе древнихъ монетныхъ кладахъ (VIII и IX ст. по Р. X.), вмѣстѣ съ дир-

гемами попадаются въ небольшомъ количествѣ серебряныя сассанидскія монеты, а въ болѣе позднихъ (XI ст.) встрѣчаются западно-европейскія и византійскія монеты. Кромѣ монетныхъ находокъ, изрѣдка открываютъ клады съ одними серебряными или золотыми украшеніями, напримѣръ—одинъ въ с. Дѣдновѣ, на берегу Оки съ серебр. вещами конца XI ст. и три извѣстныхъ богатыхъ клада XIII и XIV ст., найденные на городищѣ Старой Рязани, въ Спасскомъ уѣздѣ. Всѣ перечисленныя древности этого періода знакомятъ насъ съ бытомъ и культурою мѣстнаго населенія съ X-го до половины XIV ст. по Р. Х., т.-е. съ эпохою непосредственно предшествовавшею образованію великаго княжества Рязанскаго и первыми двумя столѣтіями его упроченія и роста. Изученіе остатковъ этого послѣдняго періода представляетъ высокій и живой интересъ, такъ какъ съ первыхъ годовъ водворенія южно-русскихъ князей въ Рязанскомъ краѣ начинается крутой переломъ въ бытѣ кореннаго мѣстнаго населенія и въ то же время зарождаются новыя основы общественной жизни, вошедшія впослѣдствіи въ укладъ великокняжеской Руси.

Послѣднія два лѣта археологическая дѣятельность Рязанской архивной коммиссіи была направлена преимущественно на изслѣдованіе курганныхъ кладбищъ. За время съ 1888 по 1896 годъ было собрано большое количество древностей мѣстнаго каменнаго вѣка, и подробно изслѣдованы три большихъ могильника: Курманскій, Борковскій и Кузьминскій, и только отчасти—Старо-рязанскій; кромѣ того были собраны образцы древностей изъ Пальновскаго и Тырновскаго могильниковъ. Собравши довольно обильные матеріалы по культурамъ каменнаго вѣка и могильниковъ и располагая ничтожнымъ количествомъ древностей изъ курганныхъ кладбищъ и городищъ, было бы излишнею роскошью со стороны архивной коммиссіи сосредоточивать вниманіе на однихъ древнѣйшихъ памятникахъ мѣстной старины и откладывать на будущее время изслѣдованіе курганныхъ кладбищъ и городищъ.

Съ 1896 года Рязанская архивная коммиссія рѣшила широко повести разысканія и раскопки мѣстныхъ кургановъ. Для успѣшнаго выполненія задуманнаго дѣла были ассигнованы довольно крупныя денежныя средства, и нѣсколько членовъ коммиссіи изъявили готовность принять участіе въ производствѣ работъ. При такихъ условіяхъ мнѣ, какъ завѣдующему раскопками, можно было надѣяться на успѣхъ. Дѣйствительно, результаты работъ за два лѣта не обманули нашихъ надеждъ. Въ 1896 году было изслѣдовано въ Зарайскомъ уѣздѣ пять группъ кургановъ и одна группа въ Рязанскомъ уѣздѣ; во всѣхъ группахъ было вскрыто 56 кургановъ. Въ 1897 году изслѣдованы три курганныхъ

кладбища, найденныя въ разныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ города Пронска, закончены раскопки Кривишинскихъ кургановъ въ Зарайскомъ уѣздѣ и обслѣдованы части Курманскаго могильника, случайно не попавшія въ составъ площади раскопокъ, произведенныхъ графомъ Ѳ. А. Уваровымъ въ 1888 году.

Съ 13 мая 1897 г. были начаты работы на окраинѣ г. Пронска. Пронскъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Рязанской губ.; его основаніе можно отнести къ началу XII ст. Первое извѣстіе о пронскихъ князьяхъ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1131 г.; о самомъ же городѣ вполнѣ опредѣленно упоминается въ Воскресенской лѣтописи подъ 1146 г. Пронскъ названъ по имени рѣки Прони. Это названіе перенесено изъ южной Руси, именно изъ Черниговскаго княжества отъ рѣки Прони, впадающей въ р. Сожъ. Никакихъ достовѣрныхъ преданій не сохранилось, какое названіе носила рѣка и селеніе, бывшее на мѣстѣ нынѣшняго Пронска до занятія Рязанскаго края южно-русскими князьями. Въ до-историческія времена, несомнѣнно, на мѣстѣ г. Пронска или вблизи отъ него существовало небольшое селеніе. На это достовѣрно указываютъ находки въ самомъ Пронскѣ и окружающихъ его оврагахъ каменныхъ орудій и металлическихъ украшеній, относящихся къ глубокой старинѣ.

Прежде всего мы обратили вниманіе на полуразрушенный бугоръ, находившійся съ правой стороны дороги, проложенной по скату Покровской горы. Старожилы г. Пронска возлагали большія надежды на содержаніе бугра и не сомнѣвались, что въ немъ скрыты рѣдкія древности. Поводомъ къ этому послужилъ любопытный кладъ, найденный въ 1872 году у подошвы бугра. Кладъ состоялъ изъ 19 серебряныхъ слитковъ (денежныхъ гривенъ), вѣсившихъ 9 фунтовъ 42 золотника, и 7 тонкихъ золотыхъ пластинокъ, вѣсомъ въ 18 золотниковъ. Находка была доставлена въ Императорскую Археологическую коммиссію. Къ сожалѣнію, дорогой кладъ остался необслѣдованнымъ. Между тѣмъ золотыя пластинки, повидимому, представляютъ древнія денежныя единицы и являются рѣдчайшими памятниками цѣлыхъ золотыхъ гривенъ или частей русской золотой гривны. Внимательное изслѣдованіе этого клада, быть можетъ, выяснило бы неразгаданное до сего времени отношеніе русской серебряной гривны къ гривнѣ золотой.

Послѣ тщательнаго осмотра бугра со всѣхъ сторонъ, у меня не оставалось сомнѣнія, что онъ состоитъ изъ мусора, образовавшагося отъ какого-то разрушеннаго каменнаго зданія, возлѣ котораго были могилы. На размытыхъ водою скатахъ бугра видны были обломки кирпичей, куски извести, остатки истлѣвшаго дерева, человѣческіе черепа

и кости, заржавленные гвозди и черепки отъ глиняныхъ сосудовъ. Вся толща бугра, повидимому, была пронизана подобнымъ мусоромъ. Несмотря на увѣреніе пронянъ, что раскопки бугра дадутъ много интереснаго, я оставилъ бугоръ въ покоѣ и сдѣлалъ пробную раскопку противъ самаго бугра въ Покровской горѣ, надѣясь найти болѣе сохранившіеся остатки каменнаго зданія въ той части горы, гдѣ, по разсказамъ пронянъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ открытъ какой-то кирпичный сводъ. Съ поверхности горы по крутому обрыву, аршина на два внизъ, срѣзали землю тонкими слоями; по снятіи нѣсколькихъ слоевъ, обнаружилась въ горѣ часть кирпичной полукруглой стѣны; стѣна была возведена на бутѣ изъ бѣлаго камня, залитаго известковымъ растворомъ; отъ стѣны сохранилось пять рядовъ кирпичной кладки. Полукруглое очертаніе стѣны ясно опредѣляло назначеніе каменнаго зданія, — передъ нами была восточная (алтарная) часть разрушеннаго храма. По сторонамъ открытой части алтаря находились остатки истлѣвшихъ костяковъ. Такимъ путемъ вполнѣ опредѣлилось происхожденіе интересующаго пронянъ бугра: бугоръ лежалъ къ западу отъ алтарной части храма, въ разстояніи 9 аршинъ отъ нея, слѣдовательно на мѣстѣ бугра прежде находилась средняя часть храма; остатки же отъ колокольни, если только колокольня была при храмѣ, исчезли въ глубокой промоинѣ, непосредственно примыкающей къ западной сторонѣ бугра. Судя по формѣ кирпичей, храмъ былъ построенъ въ концѣ XV или началѣ XVI стол.

Въ окрестностяхъ г. Пронска мы нашли три группы кургановъ, о которыхъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній въ археологической литературѣ и ничего не знали мѣстные старожилы. Самая большая изъ этихъ группъ находится верстахъ въ 3 отъ Пронска, близъ мужскаго монастыря (Пронская пустынь). Древнее курганное кладбище широко раскинулось рядомъ съ монастырскою рощею по возвышенности и ея южному скату. Курганы занимаютъ площадь въ $2^1/_2$ десятины. Болѣе полусотни кургановъ вполнѣ сохранилось, нѣкоторые — частію разрушены промоинами, образовавшимися въ послѣднія 30 лѣтъ, и многіе курганы совсѣмъ исчезли въ оврагахъ, прорытыхъ бурными стоками весеннихъ водъ. Курганы имѣютъ полушарообразную форму; высота ихъ незначительна, отъ 1-го до $2^1/_2$ аршина; у основанія многихъ кургановъ сохранились остатки канавы, кольцомъ окружающей курганъ. Изъ этой группы раскопано 46 кургановъ. Каждый курганъ прорѣзали траншеею, шириною отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ, смотря по величинѣ кургана; траншеи вели съ востока на западъ, соотвѣтственно положенію костяковъ въ рязанскихъ курганахъ.

Изъ 46 вскрытыхъ кургановъ только въ пяти были найдены вещи, при остаткахъ болѣе или менѣе истлѣвшихъ костяковъ. Въ остальныхъ же курганахъ или ничего не оказалось, кромѣ частей отъ истлѣвшихъ костяковъ, или встрѣчались слѣды сгнившихъ досокъ, которыми было обставлено съ боковъ, а иногда и прикрыто сверху тѣло погребеннаго. Въ нѣсколькихъ курганахъ костяки истлѣли безслѣдно. Въ двухъ курганахъ найдены остатки полуистлѣвшаго луба, который служилъ для подстилки и покрытія умершихъ. Въ одномъ курганѣ сохранились части истлѣвшей дубовой колоды, верхняя половина колоды въ двухъ противоположныхъ (наискось) углахъ была скрѣплена съ нижнею половиною крупными желѣзными гвоздями съ широкими неправильной формы шляпками.

Почти всѣ костяки, найденные въ курганахъ, лежали въ могильныхъ ямахъ, вырытыхъ на глубину отъ $^1/_2$ до 1 аршина отъ поверхности земли. Насыпая надъ могилою курганъ, землю брали тутъ же, вслѣдствіе чего кругомъ кургана оставалась болѣе или менѣе широкая и глубокая канава. Въ рѣдкихъ случаяхъ костяки лежали не въ могильной ямѣ, вырытой въ грунтѣ, а прямо, какъ кажется, на поверхности земли. Положеніе костяковъ было однообразное, — головою на западъ, ногами на востокъ, лицомъ вверхъ или съ наклономъ головы на тотъ или другой високъ. Въ положеніи рукъ наблюдалось различіе,—кисти рукъ были сложены на груди, на животѣ или лежали на тазовыхъ костяхъ; довольно часто одна рука была протянута вдоль, другая согнута въ локтѣ и кисть ея лежала на нижней части груди или на верхней части живота. Въ трехъ курганахъ костяки лежали съ руками, протянутыми вдоль тѣла; такое же положеніе имѣли и ноги.

Нѣкоторые костяки можно было измѣрить. Длина мужскихъ костяковъ отъ брегмы до конца пяточной кости колебалась отъ 2 аршинъ 6 вершковъ до 2 аршинъ 9 вершковъ; костяки послѣдняго размѣра встрѣчались рѣдко. Женскіе костяки имѣли меньшую длину: отъ 2 аршинъ 4 вершковъ до 2 аршинъ 6 вершковъ. Остатки волосъ, найденные въ женскихъ могилахъ, были темно - русаго и свѣтло - русаго цвѣта; въ одной могилѣ, вмѣстѣ съ простыми височными кольцами, подняты небольшія прядки черныхъ волосъ.

Ни въ одномъ изъ вскрытыхъ кургановъ этой группы не оказалось цѣльныхъ глиняныхъ горшковъ и только въ немногихъ изъ нихъ попадались отдѣльные черепки отъ горшковъ и то преимущественно въ насыпи кургановъ и очень рѣдко въ самой могилѣ, куда найденные обломки горшковъ могли попасть случайно, во время засыпки могилы землею. Въ насыпи одного кургана (№ 10), на глубинѣ $^3/_4$ аршина

отъ поверхности его, нашли нѣсколько камней (песчанистый плитнякъ) неправильной формы, расположенныхъ въ одинъ рядъ, въ видѣ настилки. Въ курганѣ № 17, надъ головою похороненнаго былъ сложенъ какъ бы небольшой сводъ изъ необдѣланныхъ камней (плитнякъ), безъ всякаго цемента; камни были поставлены на ребро съ трехъ сторонъ головы и перекрыты сверху однимъ большимъ камнемъ—плитою. Въ нѣсколькихъ курганахъ, въ насыпи на разной глубинѣ находили отдѣльные камни разной величины; камни были мѣстной породы (песчанистый плитнякъ); ими очень богаты берега р. Прони и прилегающія къ рѣкѣ возвышенности. Въ могилахъ, на костякахъ случалось находить мелкіе, а иногда и крупные угли. Въ курганѣ № 17 на костякѣ лежали остатки какой-то гари, распадающейся въ мелкій порошокъ при прикосновеніи къ ней.

Пронскіе курганы оказались очень бѣдными по содержанію бытовыхъ предметовъ и украшеній. При остаткахъ мужскихъ погребеній не найдено ни оружія, ни металлическихъ украшеній, ни остатковъ одежды; только въ курганѣ № 1, на костякѣ, на мѣстѣ шеи лежала бронзовая пуговка, величиною въ среднюю горошину, съ ушкомъ и внутри полая. Въ пяти курганахъ съ женскими погребеніями были найдены украшенія; въ двухъ курганахъ (№№ 6 и 15) оказались ожерелья,—въ одномъ (№ 6) изъ сердоликовыхъ продолговатыхъ граненыхъ бусъ, въ другомъ—изъ такихъ же сердоликовыхъ и круглыхъ изъ горнаго хрусталя; височныя кольца, согнутыя изъ мѣдной проволоки (отъ $^3/_8$ до $^1/_2$ вершка въ діаметрѣ), найдены въ 4 курганахъ (№№ 2, 6, 11 и 23), по одному кольцу на вискѣ; въ курганѣ № 15, по обѣ стороны головы лежало по одной мѣдной посеребренной семилопастной подвѣскѣ; между дужкою и лопастями подвѣски находилось по небольшому колечку изъ мѣдной проволоки; въ курганахъ №№ 11 и 15 поднято по одному бронзовому браслету, согнутому изъ узкой пластинки; несведенные концы браслетовъ суживаются; въ этихъ же курганахъ на пальцахъ рукъ найдено по одному спаянному кольцу въ видѣ жгутика. Въ курганѣ № 2 на мѣстѣ верхней части груди костяка найденъ узкій обрывокъ ткани; въ уткѣ ткани были серебристыя нити; вѣроятно, это была обшивка у ворота рубашки; на ногахъ костяка сохранились остатки полуистлѣвшихъ кожаныхъ башмаковъ и чулокъ, вязаныхъ изъ очень грубыхъ шерстяныхъ нитокъ. Послѣдняя находка любопытна тѣмъ, что ранѣе въ рязанскихъ курганахъ не встрѣчались остатки обуви. Въ настоящемъ случаѣ, обувь не истлѣла безслѣдно, благодаря благопріятному положенію кургана и свойствамъ грунта: курганъ занималъ вершину возвышенности, верхъ кургана состоялъ изъ суглинка, затѣмъ, на глубинѣ

1 аршина отъ вершины кургана, шелъ слой глины въ $^{1}/_{2}$ арш. толщиною, подъ нимъ залегалъ грунтовой песокъ; костякъ лежалъ на глубинѣ $3^{1}/_{4}$ аршинъ отъ вершины кургана, въ пескѣ, такъ что положеніе кургана и особенности насыпи и грунта способствовали сохраненію остатковъ обуви. Въ виду рѣдкости находокъ обуви курганной эпохи, привожу подробное описаніе башмаковъ и чулокъ. По формѣ, матеріалу и способу шитья башмаки значительно отличаются отъ нынѣшнихъ; они напоминаютъ теперешнія полуботинки, сшитыя изъ цѣльнаго куска кожи, обхватывающаго пятку и верхнюю сторону ступни; швъ, соединяющій концы куска кожи, съ наружной стороны, съ боку, въ $1^{1}/_{2}$ вершкахъ отъ конца пятки; высота башмака съ боку, по шву $2^{1}/_{2}$ вершка, у пятки же только 2 вершка, такъ что башмакъ какъ бы срѣзанъ въ направленіи къ пяткѣ. Надъ самымъ подъемомъ ноги, на башмакѣ сдѣланъ вырѣзъ въ видѣ ромба, длиною въ $1^{3}/_{4}$ вершка. Башмаки сшиты изъ двойной кожи; верхняя кожа похожа на теперешній тонкій шагрень, нижняя—нѣсколько тоньше верхней и совершенно гладкая, безъ признаковъ ряби на ея поверхности. Подошвы вырѣзаны изъ цѣльныхъ кусковъ той же самой кожи и также двойныя; нижняя часть подошвы изъ кожи, похожей на шагрень, внутренняя же подошва—изъ гладкой кожи; подошвы подшиты къ башмаку нитками. Ни каблуковъ, ни набоекъ на подошвахъ нѣтъ. Верхняя часть башмака на высотѣ щиколодки стягивалась ремешкомъ или шнуркомъ, продѣтымъ въ небольшіе сквозные прорѣзы, расположенные кругомъ на верхней части башмака не параллельно съ подошвою, а съ небольшимъ наклономъ въ сторону пятки, такъ что сбоку башмака линія прорѣзовъ отстоитъ на $1^{1}/_{4}$ вершка отъ подошвы, у задней же части пятки—только на $^{3}/_{4}$ вершка отъ подошвы. Прорѣзы идутъ не сплошнымъ рядомъ, а прерываются надъ пяткою и на обѣихъ боковыхъ сторонахъ башмака; промежутки между рядами прорѣзовъ имѣютъ по $^{5}/_{8}$ вершка. Ремешкомъ или шнуркомъ стягивалась верхняя часть башмака, вмѣстѣ съ ромбовиднымъ разрѣзомъ на подъемѣ. Отъ чулокъ сохранились нижнія части, прикрытыя башмаками и мелкіе истлѣвшіе обрывки отъ верхнихъ частей чулокъ; послѣдніе лежали немного выше колѣнъ, слѣдовательно у этихъ чулокъ длина была одинаковая съ нынѣшними чулками. Чулки вязаны изъ очень толстыхъ и грубыхъ шерстяныхъ нитокъ на одной спицѣ, накидною петлею. Такой способъ вязанія чулокъ и варежекъ сохранился до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Рязанской, Тульской и Калужской губерній. Въ Калужской губерніи чулки, вязаные накидною петлею, называются зачетырными чулками. Цвѣтъ чулокъ темно-коричневый, но прежде они были, вѣроятно, красные. Внутри чулокъ сохранились полуистлѣвшія

кости ступней и голеней. Башмаки и чулки были, несомнѣнно, новые, не ношеные. На концѣ одного чулка, на мѣстѣ закрѣпленія вязанія сохранилась часть конечной нитки, чего не могло бы быть, если бы чулки были ношены. О башмакахъ можно сказать то же самое,—подошвы башмаковъ не имѣли никакихъ слѣдовъ, которые непремѣнно были бы замѣтны, если бы ихъ носили. Кромѣ того, можно положительно утверждать, что такіе башмаки шили только для умершихъ,—тонина подошвъ дѣлала ихъ непригодными для ношенія. Во всякомъ случаѣ, найденные башмаки и чулки даютъ намъ понятіе объ обуви зажиточной части населенія средней Россіи въ XII стол.

Пронскіе курганы какъ и зарайскіе, раскопанные нами въ 1896 году, я отношу приблизительно къ XII ст. по Р. Х. Болѣе ранняя дата, напримѣръ—X или XI ст., по моему мнѣнію, не подходитъ къ нимъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія серебряныхъ диргемовъ и украшеній арабскаго стиля. Притокъ арабской серебряной монеты и восточныхъ металлическихъ издѣлій прекращается для Рязанскаго края въ половинѣ XI ст. Впрочемъ, вопросъ о времени образованія рязанскихъ кургановъ можно будетъ положительно рѣшить при большемъ количествѣ матеріаловъ; теперь же позволительны лишь предположенія и догадки.

Вторая группа кургановъ находилась верстахъ въ 5 отъ г. Пронска, къ сѣверо-востоку отъ него; она состояла изъ 11 кургановъ, расположенныхъ въ сведенномъ лѣсу, рядомъ съ пахатнымъ полемъ. Сохранившіеся курганы составляли часть болѣе обширнаго кладбища и уцѣлѣли только потому, что находились въ лѣсу, всѣ же остальные распаханы. По внѣшней формѣ эти курганы отличались отъ первой группы бо̀льшими размѣрами, отъ $1^3/_4$ до $^3/_4$ аршина, и бо̀льшею скученностію. Всѣ курганы этой группы мною вскрыты и по содержанію украшеній оказались богаче кургановъ первой группы, во всемъ же остальномъ представляли полное сходство съ ними, какъ со стороны похоронной обрядности и положенію костяковъ, такъ и по характеру металлическихъ женскихъ украшеній и бусъ. Изъ 11 кургановъ, въ 4-хъ были найдены остатки женскихъ костяковъ и украшенія при нихъ. Въ курганѣ № 1. въ могильной ямѣ, вырытой въ глинистомъ грунтѣ, на остаткахъ истлѣвшаго костяка, на мѣстѣ шеи лежала небольшая мѣдная пуговка съ ушкомъ и ожерелье изъ продолговатыхъ сердоликовыхъ и круглыхъ изъ горнаго хрусталя бусъ; тутъ же найдена буса изъ композиціи и обломокъ плоской, овальной формы, бусы изъ синяго стекла. Вмѣстѣ съ бусами поднятъ небольшой четырехконечный крестъ ($^3/_8$ вершка длиною) курганнаго типа, съ остатками эмали въ углубле-

нія на средокрестіи. На запястьѣ правой руки—витой изъ двухъ толстыхъ бронзовыхъ проволокъ браслетъ съ округлыми петлевидными концами; на пальцѣ найденъ обломокъ широкаго бронзоваго ажурнаго перстня. На лѣвой рукѣ былъ сомкнутый браслетъ овальной формы, изъ узкой пластинки, выпуклой на наружной поверхности и гладкой—на внутренней. У висковъ лежало по одной бронзовой посеребренной семилопастной височной подвѣскѣ, вмѣстѣ съ пучками темнорусыхъ волосъ. Въ курганѣ № 5 по обѣ стороны головы найдено по три семиполостныхъ височныхъ подвѣски; а на мѣстѣ шеи—ожерелье изъ сердоликовыхъ и горнаго хрусталя бусъ; на правой рукѣ—бронзовый плоскій браслетъ и бронзовый ажурный перстень; на мѣстѣ живота—крупный шарообразный бубенчикъ, съ прорѣзомъ на нижней поверхности и ушкомъ на верхней; въ отверстіи ушка сохранился обрывокъ шнурка, сплетеннаго изъ шерстяныхъ нитей. Въ курганѣ № 7, въ могильной ямѣ, вырытой въ глинистомъ грунтѣ на глубину $1/2$ аршина, обнаружены два рядомъ лежавшіе костяка,—женскій и дѣтскій (лѣтъ 7-ми). На останкахъ женскаго костяка оказались два браслета: бронзовый, витой изъ двухъ толстыхъ проволокъ, съ петлевидными расходящимися концами и обломки другого браслета изъ темно-фіолетоваго стекла, круглаго, съ рубчатою поверхностью. На рукѣ ребенка былъ небольшой бронзовый браслетъ, согнутый изъ узкой пластинки. Въ курганѣ № 10 найдены три костяка: одинъ среднихъ лѣтъ женщины, другой, повидимому, молодой дѣвушки и третій дѣтскій. На первомъ костякѣ оказалось красивое ожерелье изъ сердоликовыхъ и горнаго хрусталя бусъ, кромѣ того, были синія бусы съ глазками и плоскія изъ темно-синяго стекла; по срединѣ низки лежали двѣ шлифованныя каменныя бусы, по формѣ и величинѣ похожія на утиное яйцо; на рукахъ было по одному бронзовому витому браслету и два кольца, одно въ видѣ жгутика, другое—широкое ажурное. При второмъ костякѣ находилось по сторонамъ головы по одной височной привѣскѣ и на лѣвой рукѣ бронзовый витой браслетъ.

Третья группа кургановъ расположена въ лѣсу, саженяхъ во 150 отъ второй группы и не болѣе какъ въ одной верстѣ отъ городка, извѣстнаго подъ именемъ „Чортово городище". Земляныя укрѣпленія городка находятся на высокомъ бугрѣ, поросшемъ густымъ лѣсомъ. У пронянъ сохранилось много легендъ о Чортовомъ городищѣ. Мѣстные любители старины и кладоискатели дѣлали попытки открыть сокровища, по ихъ мнѣнію, скрытыя въ нѣдрахъ городка, но безъ желанной удачи,—находили совсѣмъ не то, чего искали. Третья группа состоитъ изъ 25 кургановъ, раскинутыхъ на пространствѣ не болѣе 300 квадратныхъ

саженъ. Они занимаютъ скатъ высокаго бугра, поросшаго частымъ лѣсомъ. Высота кургановъ отъ $2^1/_4$ до $3^1/_2$ аршинъ; курганы полушарообразной формы; у основанія каждаго изъ нихъ сохранилась канава, болѣе или менѣе затянутая наплывомъ земли и перегноемъ отъ листьевъ и травы.

Изъ этой группы мною раскопано 18 кургановъ. Вскрытые курганы оказались очень бѣдными по содержанію бытовыхъ предметовъ и украшеній,—только въ одномъ курганѣ № 5 на остаткахъ истлѣвшаго женскаго костяка найдены: по обѣимъ сторонамъ черепа по одному височному кольцу ($^3/_8$ вершка въ діаметрѣ), согнутому изъ мѣдной проволоки, бусы изъ сердолика и горнаго хрусталя, два витыхъ браслета и три бронзовыхъ ажурныхъ перстня.

Въ другихъ курганахъ ничего не нашлось, кромѣ остатковъ или только слѣдовъ отъ истлѣвшихъ костяковъ; иногда попадались куски истлѣвшихъ досокъ, которыми были обставлены съ боковъ костяки. Положеніе костяковъ было то же самое, какое мы встрѣчали и въ первыхъ двухъ группахъ, и только въ курганѣ № 4 оказалась любопытная особенность,—надъ костякомъ возвышалась на аршинъ груда камней неправильной формы (песчанистый плитнякъ), сложенныхъ безъ всякаго цемента въ видѣ продолговатой пирамиды (вѣрнѣе—призмы), состоявшей отъ основанія до вершины изъ 9 рядовъ камней. Основаніе имѣло форму прямоугольнаго четырехъугольника, въ 3 аршина 14 вершк. длины и 2 аршина ширины; вершина состояла изъ небольшихъ неправильной формы плитъ, уложенныхъ въ одинъ рядъ по длинѣ пирамиды. Нижній рядъ камней облегалъ костякъ съ 4-хъ сторонъ. Костякъ лежалъ на спинѣ на песчаномъ грунтѣ, голова была обращена на западъ, протянутыя вдоль ноги—на востокъ; кисть правой руки лежала на нижней части живота; кисть лѣвой руки находилась на тазовыхъ костяхъ. На правомъ плечѣ найденъ небольшой обрывокъ истлѣвшей толстой шерстяной ткани темно-коричневаго цвѣта. Черепъ раздавленъ осѣвшими камнями; судя по стертости зубовъ, умершій былъ преклоннаго возраста. Длина костяка отъ брегмы до конца пяточной кости—2 арш. $6^3/_4$ вершка. Въ курганахъ первыхъ двухъ группъ мужскіе костяки имѣли среднюю длину отъ 2 арш. 7 вершк. до 2 арш. 8 вершк., а женскіе отъ 2 арш. 4 вершк. до 2 арш. 6 вершковъ.

Сравнивая пронскіе курганы съ зарайскими, раскопанными въ 1896 году, мы видимъ, что первые значительно бѣднѣе послѣднихъ. Въ пронскихъ курганахъ украшенія менѣе разнообразны: шейныхъ гривенъ совсѣмъ не оказалось, равно какъ круглыхъ и ажурныхъ привѣсокъ, цѣпочковидныхъ браслетовъ и крупныхъ ножей при остаткахъ женскихъ

костяковъ. При мужскихъ костякахъ не найдено желѣзныхъ ножиковъ, желѣзныхъ штырей съ крупнымъ кольцомъ и цѣлыхъ глиняныхъ горшковъ. Что же касается народности кургановъ, то всѣ изслѣдованныя нами группы можно признать славянскими. По моему мнѣнію, курганы принадлежатъ Вятичамъ, по догадкамъ П. Н. Милюкова, — Кривичамъ. Дальнѣйшія изслѣдованія рязанскихъ кургановъ, вѣроятно, дадутъ болѣе опредѣленныя указанія на время образованія кургановъ и на ихъ народность.

Ал. Черепнинъ.

III.

Археологическая хроника.

Новѣйшая классификація до-историческихъ эпохъ Г. де-Мортилльe.

Маститый французскій археологъ Габріель де-Мортилльe былъ первымъ, рѣшившимся классифицировать отложенія до-историческихъ эпохъ по находимымъ въ нихъ издѣліямъ человѣка. Правда, уже до него составилось представленіе о каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ вѣкѣ, равно какъ помимо него, въ Англіи, было предложено дѣленіе каменнаго вѣка на палео- и неолитическую эпохи; но Мортилльe провелъ эти дѣленія далѣе, и первый подраздѣлилъ палеолитическую эпоху на четыре, одна за другой слѣдовавшія. Впослѣдствіи онъ неоднократно пополнялъ свою классификацію, примѣнительно къ новымъ открытіямъ и находкамъ, и въ послѣднее время (въ сочиненіи: „Formation de la nation française", P. 1897) вводитъ уже 19 подраздѣленій, изъ коихъ три послѣднія заходятъ въ историческій періодъ. Классификація Мортилльe встрѣчаетъ много возраженій, даже въ примѣненіи къ Франціи; для другихъ же странъ Европы она еще менѣе пригодна; тѣмъ не менѣе, ея принципъ и нѣкоторые установленные ею типы заслуживаютъ вниманія. Мортилльe старается для каждой устанавливаемой имъ эпохи указать наиболѣе типичные виды издѣлій и обозначаетъ каждую эпоху именемъ мѣстности, давшей предметы соотвѣтственной эпохи въ наиболѣе характерныхъ формахъ и въ большемъ числѣ, или сдѣлавшейся ранѣе и болѣе извѣстной археологамъ. Хотя классификація эта имѣетъ въ виду по преимуществу Францію, однако для трехъ эпохъ Мортилльe воспользовался находками и названіями мѣстностей Швейцаріи и Австріи. Съ другой стороны, осно-

вываясь на данныхъ французской археологіи, Мортилье не признаетъ мѣдной эпохи, предшествовавшей бронзовой, хотя она и оказывается все болѣе и болѣе выраженной для нѣкоторыхъ другихъ странъ Европы и Азіи. Начинаетъ Мортилье свою классификацію съ третичной эпохи, хотя и признаетъ, что существо, оставившее по себѣ грубыя каменныя орудія того періода, не было еще настоящимъ человѣкомъ, а только его предшественникомъ (précurseur), котораго онъ называетъ Anthropopithèque или Homosimien.

Эолитическій періодъ признается многими изслѣдователями сомнительнымъ. Древнѣйшая эпоха, Thenaysienne, представлена мелкими кремнями, найденными въ 1867 г. аббатомъ Буржуа (Bourgeois) въ среднетретичныхъ отложеніяхъ (такъ наз. известняковъ de Beauce) въ Thenay, недалеко отъ Pontlevoy, и выказывающими слѣды растрескиванія отъ огня и, отчасти, намѣренной обдѣлки по краямъ. Слѣдующая эпоха, puycournienne, названа по имени мѣстности Puy-Courny, около Aurillac (Cantal), гдѣ Рамесъ (Rames) нашелъ въ 1877 г., въ отложеніяхъ верхнетретичнаго періода (характеризуемыхъ, между прочимъ, присутствіемъ остатковъ гиппаріона или предшественника лошади), грубо отбитые кремневые осколки со слѣдами вторичной оббивки по краю. Подобные же кремни и приблизительно въ отложеніяхъ той же эпохи были найдены въ долинѣ Таго, въ Португаліи, въ 1878 г. археологомъ Рибейро. Шелльская и Сентъ-Ашёльская эпохи относятся уже къ четвертичному періоду, именно къ началу его, предшествовавшему, по Мортилье, ледниковому періоду и характеризовавшемуся сырымъ и сравнительно теплымъ климатомъ, когда человѣкъ могъ ходить еще нагимъ, не нуждаясь въ одеждѣ. Ледники могли уже существовать въ это время на крайнемъ сѣверѣ Европы, но большая часть ея была отъ нихъ свободна, и здѣсь отлагались наносы мощныхъ потоковъ, омывавшихъ тогда среднюю Европу. Въ палеонтологическомъ отношеніи эпохи эти характеризуются присутствіемъ древнихъ ископаемыхъ формъ слоновъ, предшествовавшихъ мамонту, Elephas meridionalis и Elephas antiquus. Обѣ эти эпохи отличаются, по отношенію къ издѣліямъ человѣка, крупными орудіями изъ кремня и кварцита, полученными оббивкой большихъ голышей и употреблявшимися, вѣроятно, для ударовъ отъ руки (безъ прикрѣпленія къ рукояткѣ), почему ихъ Мортилье и называетъ coups de poing. Орудія Шелльской эпохи грубѣе; часто въ нихъ обдѣлана только половина голыша (а другая оставлена гладкою), или, если и бо́льшая часть, то только немногими сильными ударами, для приданія орудію заостренной на одномъ концѣ и, въ общемъ, удлиненно-округло-овальной формы (французскіе рабочіе назвали ихъ „кошачьими языками“,

КЛАССИФИКАЦІЯ МОРТИЛЛЬЕ.

Времена.		Вѣка.	Періоды.	Эпохи.
Четвертичныя современныя.	Историческія.	Желѣзный.	Меровингскій.	Wabenienne. (Waben, деп. Pas-de-Calais).
			Римскій.	Champdolienne. (Champdolent, деп. Seine-et-Oise).
				Lugdunienne. (Lyon, деп. Роны).
	Протоисторическія.		Галатскій.	Beuvraysienne. (Mont-Beuvray, Niévre).
				Marnienne. (Деп. Марны).
				Hallstattienne. (Hallstatt, Австрія).
		Бронзовый.	Цыганскій.	Larnaudienne. (Larnaud, Jura).
				Morgienne. (Morges, кантонъ Vaud, Швейцарія).
	Доисторическія.	Каменный.	Неолитическій.	Robenhausienne. (Robenhausen, кант. Цюрихъ, Швейцарія).
				Campignyenne. (Campigny, Seine-Inférieure).
				Tardenoisienne. (Fère-en-Tardenois, Aisne).
Четвертичныя древнія.			Палеолитическій.	Tourassienne. (La Tourasse, Haute-Garonne).
				Magdalenienne. (La Madeleine, Dordogne).
				Solutréenne. (Solutré, Saône-et-Loire).
				Moustérienne. (Le Moustier, Dordogne).
				Acheuléenne. (Saint-Acheul, Somme).
				Chelléenne. (Chelles, Seine-et-Marne).
Третичныя.			Эолитическій.	Puycournienne. (Puy-Courny, Cantal).
				Thenaysienne. (Thenay, Loir-et-Cher).

langue de chat). Орудія Сентъ-Ашёльской эпохи представляютъ подобную же форму и размѣры, но тщательнѣе оббиты, и рядомъ съ ними появляются уже и болѣе мелкія кремневыя издѣлія позднѣйшихъ типовъ. Coups de poing—форма орудій весьма распространенная; ихъ находили въ древнѣйшихъ отложеніяхъ каменнаго вѣка Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, Испаніи, Россіи, въ Египтѣ, южной Африкѣ, въ Сиріи, Индіи и т. д.

Эпоха Мустье (Moustérienne) соотвѣтствуетъ, по Мортиллье, эпохѣ бо̀льшаго охлажденія средней Европы, когда южныя формы слоновъ и гиппопотамовъ уже исчезли, и мѣсто ихъ заняли мамонтъ и покрытый шерстью носорогъ (Rhinoceros tichorinus). У человѣка уже оказалась въ это время потребность въ теплой одеждѣ (изъ шкуръ), сообразно съ чѣмъ явилась надобность въ мелкихъ издѣліяхъ изъ кремня для прокалыванія, разрѣзанія, очистки шкуръ и т. д. Ранѣе человѣкъ дѣлалъ себѣ орудія изъ голышей, оббивая ихъ, но не обращая вниманія на отдѣлявшіеся осколки; теперь онъ сталъ утилизировать послѣдніе, обдѣлывая ихъ въ ножи, скребки, проколки и т. д. Эти болѣе мелкія орудія являются оббитыми только съ одной стороны и по краямъ, тогда какъ другая сторона ихъ гладкая, какая получалась при откалываніи ихъ отъ кремневаго голыша или желвака. Эпоха Мустье характеризуется въ особенности треугольными остріями, широкими скребками (racloirs) и короткими, оббитыми съ краевъ ножами (lames). Издѣлія этихъ типовъ были найдены болѣе въ южныхъ частяхъ Европы, во Франціи, Италіи, Крыму, Сиріи. Слѣдующая эпоха, Солютрэ, продолжалась, повидимому, короткое время и ограничивалась почти исключительно только Франціей. Техника обдѣлки кремня достигла въ это время значительнаго совершенства, какъ то доказываютъ длинныя и прекрасно оббитыя, овальныя, въ формѣ лавроваго листа, острія, служившія, повидимому, наконечниками копій и стрѣлъ; нѣкоторыя стрѣлки имѣютъ характерный черепокъ (cran) для привязыванія къ древку. Человѣкъ жилъ въ эту эпоху преимущественно охотой за сѣвернымъ оленемъ и дикою лошадью. Тѣсно связанною съ этою эпохой является эпоха Мадлены (Magdalenienne); она характеризуется нѣкоторымъ упадкомъ техники обдѣлки кремня, производившей большей частью только ножи (lames) и длинные скребки (grattoirs), но за то необыкновеннымъ развитіемъ техники въ обдѣлкѣ кости и оленьяго рога, начавшейся, впрочемъ, уже въ предшествовавшую эпоху. Изъ кости дѣлались, между прочимъ, иголки (съ ушкомъ), изъ рога—наконечники стрѣлъ или дротиковъ, гарпуны съ зубцами, кинжалы и многія другія издѣлія, отчасти украшенныя нарѣзками, грубымъ орнаментомъ, но иногда и за-

мѣчательными по своей реальности оброннымы или врѣзаными изображеніями охотничьихъ животныхъ (сѣв. оленей, лошадей, зубра, рыбъ и др.) и человѣка (очень грубо). Въ качествѣ украшеній носились продыравленные зубы оленей, волковъ, медвѣдей, каменныя привѣски, раковины, а также употреблялась для окраски тѣла красная охра. Люди жили, повидимому, мирно, занимаясь охотой, и не прилагали заботъ къ погребенію своихъ ближнихъ (ибо такихъ погребеній не открыто); они не умѣли еще дѣлать себѣ посуду изъ глины. Отложенія Мадленской эпохи были констатированы во многихъ мѣстностяхъ Франціи, также Швейцаріи, южной Германіи, Англіи, Австріи и др.

Неолитическая эпоха большей частью рѣзко отдѣлена въ отложеніяхъ отъ палеолитической, характеризуясь иной фауной, особенно отсутствіемъ сѣв. оленя, песца, пищухи и другихъ животныхъ полярной зоны и замѣной ихъ благороднымъ оленемъ (Cervus elaphus) и другими видами современной средне-европейской фауны, а также появленіемъ посуды, полированныхъ каменныхъ орудій, погребеній и т. д. Мортилье принималъ даже перерывъ между отложеніями обѣихъ эпохъ—hiatus—, но впослѣдствіи онъ призналъ существованіе переходной эпохи, которой и придалъ названіе Tourassienne (отъ мѣстности La Tourasse, въ деп. Верхней Гаронны, гдѣ были констатированы такія отложенія). Переходная эпоха эта характеризуется отсутствіемъ полированныхъ каменныхъ орудій и посуды, и преобладаніемъ формъ, свойственныхъ палеолитическому періоду, въ томъ числѣ и гарпуновъ, но только сдѣланныхъ уже изъ рога благороднаго оленя, а не сѣвернаго. Эпоха эта была, впрочемъ, кратковременная, какъ и Кампиньенская, характеризуемая первыми попытками созданія каменнаго топора, въ формѣ такъ наз. tranchet, весьма обыкновенной между прочимъ и въ такъ наз. кухонныхъ остаткахъ (кьёккенмёддингахъ) Даніи. Между обѣими этими эпохами Мортилье принимаетъ еще эпоху Тарденуазскую, связывающую между собою, по издѣліямъ изъ кремня, эпоху Мадлены съ неолитическимъ періодомъ. Связь эта выражается особенно въ мелкихъ (часто очень маленькихъ) остріяхъ, формы правильнаго или неправильнаго треугольника, сегмента круга и т. п., служившихъ, повидимому, стрѣлками, ножичками и т. д. Расцвѣтъ неолитическаго періода наступаетъ въ Робенгаузенскую эпоху, соотвѣтствующую эпохѣ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка въ Швейцаріи и представленную многочисленными отложеніями въ различныхъ мѣстностяхъ Европы и другихъ частей свѣта. Рядомъ съ болѣе или менѣе тщательно оббитыми орудіями изъ кремня, мы встрѣчаемъ въ отложеніяхъ этой эпохи также полированныя каменныя орудія (топоры, молотки, долота и т. д. изъ

разныхъ породъ камня), издѣлія изъ рога и кости, глиняную посуду, а равно слѣды скотоводства (остатки домашнихъ животныхъ: собаки, свиньи, крупнаго и мелкаго рогатаго скота) и земледѣлія (ячмень, пшеница, ленъ). Повидимому, Европа была заселена въ этотъ періодъ новыми племенами, пришедшими съ Востока, изъ Азіи.

Древнѣйшимъ металлическимъ періодомъ Мортилльe признаетъ въ Средней Европѣ *бронзовый* и приписываетъ введеніе бронзовыхъ орудій какимъ-то бродячимъ торговцамъ (въ родѣ цыганъ-кузнецовъ) и миссіонерамъ, явившимся съ Востока. Орудія эти появляются сразу въ совершенныхъ формахъ, и очень часто ихъ находятъ въ кладахъ, спрятанныхъ, очевидно нарочно, въ землѣ и затѣмъ покинутыхъ обладателями (вѣроятно, умершими или убитыми въ своихъ странствіяхъ). Такихъ кладовъ извѣстно теперь во Франціи до 450 (въ 68 департаментахъ), изъ коихъ нѣкоторые заключали въ себѣ только новыя орудія, иногда помногу экземпляровъ тѣхъ же типовъ, другіе же—только поломанныя и обитыя (какъ бы собранныя для переливки). Судя по формѣ орудій, особенно топоровъ, Мортилльe дѣлитъ бронзовый вѣкъ во Франціи на двѣ эпохи, изъ коихъ древнѣйшая характеризуется плоскими топорами съ недостаточными приспособленіями для прикрѣпленія рукоятки, а позднѣйшая—типичными „цельтами“, съ такъ называемыми крыльями (ailerons) или со втулкой (à douille).

Древнѣйшій желѣзный вѣкъ представленъ въ Европѣ, по мнѣнію Мортилльe, всего лучше Гальштатскимъ могильникомъ въ Зальцбургѣ (Австріи), съ его разнообразными издѣліями изъ желѣза и бронзы, бронзовыми сосудами и т. д. Культура эта получила особое развитіе въ Италіи, къ сѣверу отъ Аппенинъ (въ Болоньѣ и др.); за ней уже слѣдовала эпоха Марнская (Marnienne), характеризуемая появленіемъ фибулы (простѣйшей брошки для сцѣпленія платья), и получившая, по мнѣнію Мортилльe, особое развитіе во Франціи, откуда она распространилась по южной Германіи, въ бассейнъ Дуная, въ Боснію и Герцеговину и т. д. Что касается эпохи La Tène (отъ одной стоянки на Невшательскомъ озерѣ въ Швейцаріи), которой нѣмецкіе археологи придаютъ большое значеніе, какъ предшествовавшей римской, то Мортилльe полагаетъ, что это только конецъ Марнской эпохи, выдѣляемый, впрочемъ, имъ въ особое подраздѣленіе, èpoque Beuvraysienne.—Далѣе слѣдуютъ уже эпохи историческія: римская и меровингская.

Признавая, что человѣкъ появился во Франціи еще до наступленія ледниковаго періода, Мортилльe приписываетъ ему древность не менѣе 200,000 лѣтъ. Первая раса людей представлена остатками человѣческихъ череповъ и другихъ частей скелета, найденными въ Неандерталь-

ской и Эгизгеймской пещерахъ, въ пещерахъ Нолеттъ и Спи въ Бельгіи и нѣкоторыхъ другихъ; это была раса малорослая, съ недостаточно развитымъ, удлиненнымъ, долихоцефальнымъ черепомъ, покатымъ взадъ лбомъ и небольшимъ, мало выдающимся подбородкомъ. Во второй половинѣ палеолитическаго періода типъ человѣка однако уже измѣняется; ростъ его становится больше, черепъ объемистѣе, лобъ округленнѣе (остатки въ пещерахъ Laugerie Basse, Chancelade, Duruthy и др.). Извѣстныя, находки въ гротѣ Кро-Маньонъ, описанныя Брока и другими, какъ замѣчательные остатки палеолитическаго періода, Мортилльe (какъ и до него еще Бойдъ-Даукинсъ) относитъ къ началу неолитическаго, куда онъ причисляетъ также погребенія въ гротахъ Baumes-Chaudes Лозеры и въ гротахъ Baoussé-Roussé, около Ментоны, изслѣдованныхъ Ривьеромъ. Преобладающая раса этого періода была также долихоцефалическая, то высокаго роста (какъ въ Кро-Маньонѣ), то болѣе низкаго, но рядомъ съ нею появляются и брахицефалы, по мнѣнію Мортилльe— представляющіе собою новое расовое наслоеніе, тогда какъ долихоцефалическая раса того же періода можетъ считаться продуктомъ развитія болѣе древней, палеолитической расы тѣхъ же мѣстностей.

Мы ограничиваемся только передачей въ краткихъ словахъ новѣйшей классификаціи Мортилльe, не входя въ ея критику. Мортилье отличается вообще смѣлостью въ своихъ выводахъ, придавая иногда преувеличенное значеніе однимъ фактамъ, и отрицая или игнорируя другіе. Но его стремленіе къ анализу, къ установленію аналогическихъ типовъ, къ выдѣленію послѣдовательныхъ эпохъ и наслоеній въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ до-историческимъ временамъ Франціи представляетъ, во всякомъ случаѣ, нѣкоторый интересъ, тѣмъ болѣе, что его подраздѣленія принимаются и многими другими французскими археологами. *Д. А.*

—— Въ газетѣ „Кіевлянинъ“ (1897 г. № 170) мы находимъ интересную статью подъ заглавіемъ: „Историческія справки о р. Днѣпрѣ у г. Кіева“, сущность которой въ томъ, что общераспространенное мнѣніе относительно постепеннаго обмелѣнія нашихъ судоходныхъ рѣкъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, оказывается несправедливымъ. Инженеръ путей сообщенія, Н. И. Максимовичъ, представилъ недавно оффиціальную записку, гдѣ собралъ рядъ документальныхъ свидѣтельствъ, отъ XI вѣка по XIX-й, доказывающихъ, что „теченіе Днѣпра измѣнялось много разъ и чрезвычайно рѣзко“.

Что касается до историческихъ показаній о количествѣ воды въ Днѣпрѣ, то свѣдѣнія по этому вопросу весьма разнообразны, смотря

по тому, говорится-ли о большихъ весеннихъ водахъ или о лѣтнемъ мелководьѣ. Такъ, лѣтомъ 1149 года, въ 40 верстахъ ниже Кіева и Витачева, отправляясь на Переяславль, Великій князь Изяславъ вмѣстѣ съ Ростиславомъ „перебредоста Днѣпръ и оттуда поидоста въ Олто". Въ настоящее время, даже въ самую низкую воду, въ этомъ мѣстѣ нельзя въ бродъ переправиться черезъ Днѣпръ. Также въ 1708 году, 6 октября, Мазепа въ письмѣ своемъ къ графу Головкину, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Во время нынѣшней настоящей суши на многихъ мѣстахъ такъ Днѣпръ повысыхалъ, что въ бродъ коньми чрезъ оный переѣзжаютъ, а межь Переяславлемъ и Теректеміровымъ два броды такъ мелкія вновь на Днѣпрѣ явилися, что черезъ оный люди возами ѣздятъ".

Эти справки—такъ говоритъ въ заключеніе Н. И. Максимовичъ—могутъ отчасти служить отвѣтомъ на легковѣрно повторяемое мнѣніе, что Днѣпръ въ старину былъ широкъ и глубокъ, а теперь, будто-бы на глазахъ у всѣхъ, прогрессивно и быстро мелѣетъ и высыхаетъ.

—— Н. Ѳ. Петровскій, ген.-консулъ въ Кашгарѣ, въ письмѣ на имя предсѣдателя И. М. А. О., графини П. С. Уваровой, указываетъ, что вся его коллекція—рѣзные камни, терракоты, изображенія Будды, индійскіе идолы, монеты — находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ; рукописи (исключительно индійскія), на бумагѣ, корѣ, кожѣ —въ Академіи Наукъ [1]). Г. Петровскій занятъ подробнымъ описаніемъ мѣстностей своихъ находокъ, но замѣчаетъ при этомъ, что „вся Кашгарія, или, вѣрнѣе, весь Восточный Туркестанъ—полонъ древностями: нѣтъ города и селенія, гдѣ бы нельзя было найти что-нибудь древнее". Не отрицая сходства своихъ рѣзныхъ камней съ находимыми въ Малой Азіи, Персіи и на Кавказѣ, г. П. не думаетъ, чтобъ они могли быть занесены въ Вост. Туркестанъ изъ Персіи или М. Азіи: „всего вѣроятнѣе (если не вполнѣ достовѣрно), что они пришли сюда вмѣстѣ съ буддизмомъ, слѣды котораго во всемъ Вост. Туркестанѣ очевидны, хотя, въ настоящее время, по малому количеству образцовъ, трудно еще сказать, къ которому изъ двухъ типовъ буддійскаго искусства (Buddhistische Kunst in Indien von A. Grünwedel) они принадлежатъ". — „Что касается до мнѣнія членовъ Общества, изучающихъ древности Кавказа, что изъ М. Азіи и Персіи надвигались, по всему вѣроятію, племена и народы, заселившіе Кавказъ, то я позволю себѣ высказать одну догадку—и только догадку—объ одной народности, этому мнѣнію противоположную. Въ отдаленной древности Фергана (нынѣ Ферганская область, а ранѣе Кокандское ханство) была заселена народомъ Анды

---

1) См. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.

(ср. г. Андижанъ). Эти Анды (или Хинды, какъ называютъ ихъ нѣкоторые, слышавшіе объ Индіи) живутъ теперь (и стыдятся называть себя Андами) въ г. Туркестанѣ (Хозретѣ) и въ селеніяхъ: Машадѣ, Кара-Сараѣ, Манкендѣ (всѣ близки къ Туркестану). На Кавказѣ есть Андійцы и, кажется, округъ Андійскій. Все сказанное позволяетъ сдѣлать догадку: не ушли ли ферганскіе Анды или часть ихъ на Кавказъ, оставивъ въ четырехъ указанныхъ мѣстностяхъ слѣды своего передвиженія?" *С. С.*

—— Имп. Публ. Библ. осенью 1897 г. получила въ даръ весьма цѣнное собраніе рисунковъ (копій), о которомъ Нов. Вр., въ нѣсколько восторженной статьѣ, печатаетъ слѣдующее:

„Въ библіотекѣ Британскаго Музея, столь богатой восточными рукописями, довольно давно уже находится одна рукопись на джагатайскомъ языкѣ (одномъ изъ старѣйшихъ тюркскихъ нарѣчій Средней Азіи). Это — „Жизнь Чингисъ-хана" и его потомства, сочиненная въ XVI в., по повелѣнію знаменитаго восточнаго владыки Шейбани-хана, одного изъ потомковъ Чингиса. Біографія эта извѣстна въ разныхъ редакціяхъ, въ спискахъ, хранимыхъ въ разныхъ европейскихъ библіотекахъ, но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ иллюстрацій. Списокъ же Британскаго Музея украшенъ рисунками, представляющими величайшій интересъ для исторической науки вообще, а для русской въ особенности.

Этихъ рисунковъ — 15. Они значительной величины: наименьшій имѣетъ $5\frac{1}{2}$ вершковъ вышины и 4 вершка ширины, наибольшіе достигаютъ $7\frac{3}{4}$ вершковъ вышины и $5\frac{1}{4}$ вершковъ вышины и $5\frac{1}{4}$ вершковъ ширины. Сюжеты ихъ слѣдующіе:

1) Сцена, изображающая, какъ, незадолго до своей смерти, Чингисъ-ханъ даетъ наставленіе своимъ сыновьямъ. 2) Сцена изъ войны Батыя (внука Чингисъ-хана) и его военачальника, Шабанъ-хана, съ башкырдами и уруссами. 3) Восшествіе на престолъ Угэдей-хана (третьяго сына Чингисъ-ханова). 4) Сцена изъ войны Тулуй-хана (четвертаго сына Чингисъ-ханова) съ китайцами, зимой. 5) Восшествіе на престолъ Джучи-хана (старшаго сына Чингисъ-ханова) въ своемъ улусѣ. 6) Восшествіе на престолъ Джагатай-хана (второго сына Чингисъ-ханова). 7) Восшествіе на престолъ Тулуй-хана (четвертаго сына Чингисъ-ханова). 8) Восшествіе на престолъ Менгу-хана (внука Чингисъ-ханова). 9) Пиръ Гулагу-хана (внука Чингисъ-ханова) послѣ взятія Багдада. 10) Основаніе обсерваторіи съ Мерагѣ, въ концѣ XIII вѣка. 11) Абака-ханъ (правнукъ Чингисъ-хана) преслѣдуетъ Борака. 12) Восшествіе на престолъ Газанъ-хана (правнука Чингисъ-ханова) (начало XIV вѣка). 13) Осада Самарканда монголами, въ 906 году гиджры

(1568 г. по Р. Хр.), Шейбанихановъ. 14) Возвращеніе Шейбани-хана, изъ похода на Ташкентъ, въ Самаркандъ. 15) Празднованіе разныхъ побѣдъ Шейбани-хана, въ началѣ XVI вѣка. Итакъ, изъ числа этихъ 15-ти рисунковъ, сюжеты первыхъ 11 относятся къ XIII вѣку, одного—къ XIV, остальныхъ трехъ – къ XVI в.

Рисунки—превосходны. Исполнены они были, по всей вѣроятности, художниками персидскими. Въ этихъ рисункахъ заключается очень много подробностей тюркскихъ, джагатайскихъ, какъ по части оружія, одежды, головныхъ уборовъ и т. д., такъ и по части племенныхъ типовъ лица, прически, волосъ на бородѣ и усахъ, и т. д.

Познакомясь съ этой рукописью въ концѣ 80-хъ годовъ, во время своего изученія рисунковъ (миніатюръ) въ джагатайскихъ рукописяхъ, В. В. Стасовъ обратилъ вниманіе на рисунки этой рукописи, изучилъ ихъ подробно и, возвратясь въ Петербургъ, сообщилъ о ней многимъ нашимъ оріенталистамъ. По его представленію, Восточное Отдѣленіе Русскаго Археологическаго Общества поручилъ молодому магистранту, П. М. Меліоранскому, отправлявшемуся въ Лондонъ съ ученою цѣлью, снять фотографіи съ миніатюръ чингисъ-хановой біографіи и списать джагатайскіе тексты, находящіеся при рисункахъ. Это было выполнено. Но такъ какъ эти снимки оказались мало удовлетворительными, то В. В. Стасовъ просилъ, весной настоящаго года, оріенталиста барона Д. О. Гинцбурга, ѣхавшаго въ Лондонъ, снять копіи въ краскахъ хотя съ нѣкоторыхъ изъ этихъ рисунковъ, предполагая принести ихъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ. Но баронъ Д. О. Гинцбургъ распорядился снять эти копіи со всѣхъ 15 рисунковъ и принесъ ихъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ. Эти копіи стоили ему около 500 рублей.

Новое пріобрѣтеніе является важнымъ дополненіемъ къ собранію принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ джагатайскихъ рукописей съ рисунками, несомнѣнно, первому во всей Европѣ“ („Н. Вр.“ 7840).

—— На содержаніе Императорской Публичной Библіотеки, въ виду ея значительнаго съ перестройкой расширенія, предполагается, по словамъ газетъ, ежегодное ассигнованіе суммы въ 142,470 руб., болѣе противъ прошлыхъ лѣтъ на 62,462 р. Изъ этой суммы на покупку книгъ и рукописей предположено ежегодно расходовать 40,000 р.

—— Рѣзная арка мечети Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ, разрушенная землетрясеніемъ 5 сентября [1]), собрана по распоряженію мѣстныхъ властей и помѣщена на храненіе въ сараѣ.

---

[1]) Арх. Изв. и Зам. 1897, стр. 410.

—— По достовѣрнымъ слухамъ, ученымъ секретаремъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, на мѣсто избравшаго другой родъ дѣятельности П. Д. Погодина, назначается Б. В. Фармаковскій, магистрантъ (по каѳедрѣ исторіи искусства) Новороссійскаго Университета, почти уже окончившій магистерскую диссертацію по исторіи древнегреческаго искусства.

—— По тѣмъ же слухамъ, дѣятельность этого Института вскорѣ имѣетъ быть расширена, вслѣдствіе увеличенія средствъ, а лѣтомъ будутъ предприняты раскопки и экскурсіи, на которыя наука въ правѣ возлагать большія надежды.

—— Историко-филологическій факультетъ Моск. университета на дняхъ присудилъ орд. профессору Новороссійскаго университета Э. Р. ф. Штерну премію имени В. П. Боткина за рядъ чрезвычайно цѣнныхъ научныхъ работъ его по памятникамъ классической археологіи, найденнымъ въ Россіи; работы эти помѣщены, главнымъ образомъ, въ Запискахъ Императорскаго Общества исторіи и древностей въ Одессѣ; едва ли не наиболѣе важной изъ нихъ должно быть признано недавно вышедшее въ свѣтъ (1897 г. Одесса, in 4°) описаніе терракоттъ Музея Общества (Музей Император. Одесскаго Общества исторіи и древностей. Вып. I). *А. К.*

—— Прошедшимъ лѣтомъ въ Костромскомъ уѣздѣ членами мѣстной архивной коммиссія произведенъ рядъ экскурсій и раскопокъ, давшихъ интересные результаты. Такъ, среди шейныхъ подвѣсокъ въ видѣ полулунницъ на монистѣ изъ разноцвѣтныхъ бусъ оказались подвѣски—однѣ формы крестообразной, другія формы круглой, съ рельефными на нихъ изображеніями; на одной подвѣскѣ явственно вырисовывается фигура человѣческая *съ нимбомъ вокругъ гловы*, со скипетромъ и державою въ рукахъ и *съ крыльями на плечахъ*. Въ двухъ курганахъ на черепѣ костяковъ сохранились остатки тонкой ткани съ золотистыми полосками. Очевидно, и ткань и вышеупомянутая фигура — вещи завозныя и указываютъ на сношенія некультурныхъ туземцевъ съ странами цивилизованными. А близъ деревни Святое, въ 3-хъ верстахъ отъ города Костромы, открыта стоянка каменнаго вѣка: два діоритовыхъ молотка, множество каменныхъ стрѣлокъ, черепковъ отъ глиняной посуды примитивной структуры и пр. (Костромскія Вѣдом. 1897 г., № 44). 8 іюня въ томъ же уѣздѣ близъ дд. Юрьевки и Авдотьино раскопаны въ 5 группахъ 46 кургановъ, въ которыхъ найдено множество височныхъ мѣдныхъ колецъ, подвѣсокъ, перстней, серегъ и пр. „Изъ нихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе по своей цѣнности и относительному изяществу тѣ, которыя сдѣланы изъ

бронзовыхъ проволочныхъ колецъ съ нанизанными на каждомъ изъ нихъ тремя крупными дутыми серебряными бусами“ (ib., № 47).

—— 7 декабря 1897 г. въ г. Орлѣ открытъ Губернскій Музей съ отдѣлами археологіи, нумизматики, историческимъ, архивнымъ и церковно-историческимъ. Помѣщеніе и средства Музея пока очень скромныя; тѣмъ не менѣе и теперь уже въ немъ имѣется рядъ любопытныхъ ископаемыхъ древностей, много старинныхъ монетъ, оружія, рукописей, стулъ царя Алексѣя Михайловича, и пр. Здѣсь съ этихъ поръ будетъ собираться Орловская Ученая Архивная Коммиссія. О торжествѣ открытія подробно разсказано въ Орловскихъ Вѣдомостяхъ отъ 10 декабря (№ 94).

IV.

Засѣданія Обществъ.

24 октября 1897 года состоялось первое осеннее засѣданіе **Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества**, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Д. Н. Анучина. Были доложены три реферата. Первый изъ нихъ, прочитанный предсѣдательствующимъ, принадлежалъ г. Ѳ. Аѳанасьеву, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, и носилъ заглавіе „О формѣ рыболовныхъ удочекъ у обитателей неолитической эпохи въ Иркутской губерніи на основаніи раскопокъ, произведенныхъ Н. И. Витковскимъ“. Въ небольшой статьѣ, иллюстрированной изображеніями реконструированныхъ доисторическихъ удочекъ, авторъ разбираетъ рядъ предметовъ, значеніе которыхъ прежніе изслѣдователи не могли объяснить, и приходитъ путемъ различныхъ этнографическихъ сближеній къ выводу, что предметы эти ничто иное, какъ части рыболовныхъ удочекъ. Два другихъ доклада—г. Г. Козубскаго, также изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, „Отчетъ о раскопкахъ кургана у г. Темиръ-Ханъ-Шуры“ и ч.-кор. В. М. Сысоева „Отчетъ о поѣздкѣ лѣтомъ 1896 г. къ верховьямъ р. Кубани“ были доложены секретаремъ Общества. Оба автора производили свои изслѣдованія по порученію и на средства Моск. Археолог. Общества. Г. Козубскій раскопалъ часть громаднаго кургана у самаго города Темиръ-Ханъ-Шуры и натолкнулся на цѣлый рядъ погребеній, правда, очень бѣдныхъ, но тѣмъ не менѣе давшихъ нѣсколько интересныхъ и типичныхъ предметовъ изъ бронзы. Г. Сысоевъ объѣздилъ въ верховьяхъ р. Кубани много мѣстностей, на которыя указывалось, какъ на дающія постоянно случайныя находки предметовъ древности. Въ большинствѣ случаевъ указанія оказались ложными, но зато автору удалось найти довольно много монументальныхъ памятниковъ, развалинъ, башенъ, статуй и т. д. и цѣлый рядъ грубыхъ изображеній на скалахъ, частью древнихъ, частью новѣйшихъ. Со всѣхъ этихъ памятниковъ сняты были фотографіи и рисунки. Оба доклада имѣютъ войти въ назначенный уже къ печати VII т. Матеріаловъ по Археологіи Кавказа. Затѣмъ было доложено объ участіи Общества въ чествованіи его д. чл. г.-л. Н. Е. Бранденбурга, 10 октября, въ день 25-лѣтія управленія имъ Историческимъ Артиллерійскимъ музеемъ, причемъ юбиляру былъ посланъ адресъ, составленный Д. Н. Анучинымъ и напечатанный славянскимъ шрифтомъ, и о привѣтствіи, посланномъ отъ имени Общества Сербской Академіи наукъ

по случаю перенесенія праха В. Ст. Караджича изъ Вѣны въ Бѣлградъ, 28—30 Сентября 1897 г.

Въ засѣданіи 4-го января с. г. была отслужена панихида, по д. чл. академикѣ архитектуры А. М. Павлиновѣ, и затѣмъ засѣданіе открылось рѣчью председателя графини П. С. Уваровой, посвященной памяти почетнаго члена Общества графа Делянова, а проф. К. М. Быковскій прочелъ теплый очеркъ дѣятельности академика архитектуры А. М. Павлинова, указавъ на цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ его работъ по исторіи русскаго древняго зодчества, по реставраціи церковныхъ памятниковъ Москвы и Владиміра по изученію древностей Ростова, Ярославля, Чернигова, Полоцка, Витебска, Крыма, Кавказа и друг. и отмѣтивъ въ особенности его плодотворную дѣятельность въ состоящей при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. Покойный началъ работать въ 1881 г., представивъ проектъ реставраціи Черниговскаго собора, въ теченіе 16 лѣтъ трудился неустанно и окончилъ свою дѣятельность тѣмъ же Черниговскимъ соборомъ, осматривать который, а равно и другія древнія церкви Черниговской губ. онъ ѣздилъ осенью прошлаго года по порученію Общества. Вернувшись изъ этой поѣздки 10 ноября, онъ, 13 числа того же мѣсяца, скоропостижно скончался. — Проф. И. А. Линниченко сообщилъ „о раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевской губ. и С. А. Мазараки, въ Полтавской губ. лѣтомъ 1897 г. Въ Кіевѣ недавно основанное Общество Искусствъ и Древностей устроило выставку предметовъ древностей искусства, гдѣ наибольшее вниманіе привлекали результаты недавнихъ раскопокъ гг. Хвойко и Мазараки по новизнѣ и оригинальности найденныхъ ими предметовъ. Первый изъ нихъ, г. Хвойко, натолкнулся у мѣст. Триполья, въ 60 верстахъ ниже Кіева по рѣкѣ Днѣпру, на рядъ убитыхъ глиной площадокъ, окруженныхъ глиняными же стѣнками. Внутри площадокъ оказались въ нѣсколькихъ случаяхъ слѣды погребеній, но главное содержаніе этихъ площадокъ составляли глиняные сосуды совершенно оригинальныхъ типовъ и формъ, кремневыя и костяныя орудія, бронзовые топорики, глиняныя статуэтки и др., почему надо предполагать, что площадки эти скорѣе служили для жертвенныхъ цѣлей, чѣмъ погребальныхъ. Г. Мазараки раскопалъ рядъ кургановъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, у деревни Аксютинцы, и хотя большинство ихъ было уже разграблено, повидимому, въ XVI в. и ранѣе, но ему все же удалось напасть на нетронутыя погребенія, замѣчательныя золотыми украшеніями одежды и конской сбруи, отчасти варварской, отчасти греческой работы, мѣдными панцырями, булавами, мечами и т. п. — Проф. А. С. Хаханов сообщилъ краткія біографическія свѣдѣнія о бывшемъ профессорѣ Лаз. Инст. Вост. языковъ И. Л. Окромчедѣловѣ-Серебряковѣ, читавшемъ тамъ прежде грузинскій языкъ, извѣстномъ своими трудами по грузиновѣдѣнію и въ послѣднее время жившемъ въ Тифлисѣ. Скончался онъ неожиданно 3 января с. г., о чемъ телеграмма была получена во время засѣданія. Въ заключеніе проф. А. И. Кирпичниковъ сдѣлалъ сообщеніе „Одинъ изъ византійскихъ Дантовъ (Тимаріонъ)“.

Въ засѣданіи 16-го с. января директоръ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, проф. Ѳ. И. Успенскій, сообщилъ о замѣчательной находкѣ у дер. Нарышъ-Кіой, въ 2 ч. пути отъ Салоникъ: тамъ найдена колонна съ греч. надписью, несомнѣнно доказывающею, что въ 903 г. на этомъ мѣстѣ была граница владѣній Ромеевъ и Болгаръ.

Затѣмъ, проф. Д. В. Айналовъ прочелъ докладъ „Византійскія эмали“ (разборъ сочиненія Франца Бока). Содержаніе доклада касалось, главнымъ образомъ, полемики г. Бока въ его послѣднемъ трудѣ „Die Byzantinischen Zellenschmelze“ съ проф. Н. П. Кондаковымъ, по отношенію къ тексту послѣдняго въ изданіи эмалей г. Звенигородскаго. Рядомъ послѣдовательныхъ указаній и примѣровъ референтъ опровергалъ доказатель-

ства г. Бока противъ пр. Кондакова и пришелъ къ выводу, что національное увлеченіе и было главной причиной того неправильнаго толкованія, а часто и умолчанія фактовъ, которыми на повѣрку оказывается полно изслѣдованіе г. Бока и что мнѣнія и взгляды г. Кондакова нисколько не опровергнуты его противникомъ.—Н. В. Тепловъ доложилъ „Отчетъ о раскопкахъ урочища Дуны, близъ г. Лихвина, Калужской губ.“, совершенныхъ имъ лѣтомъ 1897 г. по порученію и на средства Общества. Урочище это находится на обрывистомъ берегу р. Оки; внѣшнихъ признаковъ погребенія никакихъ не имѣетъ, и лишь случайныя находки въ 1896 г. открыли здѣсь слѣды погребенія. Раскопки совершены были въ 3 пунктахъ, при чемъ, по характеру вещей, можно прослѣдить три послѣдовательно смѣнявшіяся наслоенія или эпохи. Наиболѣе ранняя эпоха, въ нижнемъ наслоеніи, можетъ быть пріурочена ко времени не позже V в.; вторая—средняя, на основаніи найденнаго здѣсь диргема 758 г.—къ VIII—IX в., а позднѣйшая къ X—XII в. Сообщеніе сопровождалось демонстраціей найденныхъ предметовъ, плановъ и модели городища на урочищѣ.

Въ засѣданіи **Восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества** 9 дек. 1897 г. Ѳ. Е. Коршъ сообщилъ о сборникѣ „Восточныя замѣтки“, изданіи восточнаго факультета Импер. С.-Петербургскаго университета въ честь 100-лѣтняго юбилея парижской Школы живыхъ восточныхъ языковъ [1]). М. О. Аттая доложилъ о семи арабскихъ надписяхъ изъ Ферганской области. Надписи эти—съ двухъ древнихъ кладбищъ: одно въ селѣ Узгенъ, Андиджанскаго уѣзда, другое (Сахабляръ-Мазаръ)—близъ села Янги-Наукатъ, Ошскаго уѣзда. Снимки любезно присланы, по просьбѣ Общества, Ферганскимъ областнымъ музеемъ, какъ и описаніе Сахабляръ-Мазара („кладбища святыхъ“), составленное г. Рудановскимъ и доложенное въ засѣданіи. Съ Узгенскаго кладбища присланы три снимка, съ Янги-Наукатскаго—четыре. Всѣ три узгенскихъ памятника, прочтенные г. Аттаей, оказались принадлежащими историческимъ личностямъ XIII вѣка. Вотъ ихъ текстъ:

1. „Нѣтъ бога кромѣ Бога и Мухаммедъ Его посланникъ. Тутъ находится гробница великаго свѣтила, славнаго эмира, побѣдоноснаго, Богомъ хранимаго и побѣждающаго, вѣнца ислама и мусульманства, гордости владѣтелей и султановъ, великаго Хакана Кутбу-д-дина Мустальмыша Маликъ-Шаха, сына Илчи Маликъ-Шаха. Да пошлетъ ему Богъ милость Свою и благословеніе Свое и да дастъ ему высокое жилище въ раю. Шестьсотъ шестдесятъ пятый годъ“. Годъ соотвѣтствуетъ 1266 нашей эры, а могила—заключаетъ въ себѣ одного изъ сельджукскихъ повелителей.

2. „Онъ—Живый, Безсмертный. Здѣсь находится усыпальница шейха, имама славнаго, отшельника, Богу поклонившагося, ученаго дѣятеля, благочестивѣйшаго изъ благочестивыхъ, убѣжища благородныхъ, лучшаго изъ суффитовъ, столпа добра и благочестія, жившаго по правиламъ вѣры, знавшаго законъ и истину, гордости народа и вѣры, примѣра для посвятившихъ себя Богу и изученія закона Его, Мухаммеда сына Аль-Хаджи Аз-Зузани. Да упокоитъ его Богъ въ усыпальницѣ его, и да благоухаетъ его могила. Скончался наканунѣ пятницы 11 шавваля шестьсотъ шестдесятъ девятаго года“.

Годъ 669=1270 по Р. Х.; Мухаммедъ Аз-Зузани—извѣстный дѣятель Средней Азіи, литераторъ и проповѣдникъ; отецъ его Риза-д-динъ былъ въ 1204—1222 г. губернаторомъ въ Керманѣ.

3. „Здѣсь усыпальница великаго шейха, славы отшельниковъ, примѣра для страждущихъ, Божіей милости на землѣ того, кто имѣлъ страхъ только передъ Богомъ, и котораго сами султаны боялись; того, который былъ искреценъ передъ Богомъ, почему

---

[1]) Докладъ вскорѣ появится въ „Древн. Вост.“ изд. Имп. Моск. Арх. Общ. Содержаніе сборника изложено ниже въ отдѣлѣ библіографіи.

и повиновались ему всѣ тираны, и того, въ чьихъ глазахъ міръ не имѣлъ цѣны и... милость къ нему... онъ сталъ... центромъ для знавшихъ его, славой своего вѣка, старшимъ изъ шейховъ ислама и мусульманъ, примѣромъ для людей душевныхъ и хорошаго поведенія на свѣтѣ, шейха Баба Хаджи, — да благословитъ Богъ душу его, и покой его... Его смерть наступила до обѣденнаго времени... при молитвѣ... двадцать шестаго мѣсяца шаввали годъ девяносто...»

М. О. Аттая предполагаетъ здѣсь, по сравненію съ предыдущими надписями, годъ 690 = 1291 по Х. Хр. Въ этомъ году умеръ знаменитый проповѣдникъ ислама Баба Хаджи [1]), могила котораго и оказалась въ Узгенѣ.

Всѣ три надписи красиво вырѣзаны и снабжены изящнымъ узоромъ (особенно памятникъ Аз-Зузани). Камни лишь слегка отдѣланы, длинные, слегка округлые.

Надписи Янги-Наукатскаго кладбища, судя по четыремъ присланнымъ снимкамъ, относятся къ XII—XIV в. Три изъ присланныхъ надписей принадлежатъ имамамъ и мусульманскимъ проповѣдникамъ. Лишь на одной (свѣтскаго лица) приведена формула „Нѣтъ бога кромѣ Бога“... Одна изъ надписей — куфическая. Камни неотдѣланные, округлые и совершенно похожи на камни семирѣченскихъ несторіанскихъ кладбищъ (XIII—XIV вв.); на нѣкоторые изъ послѣднихъ похожи и камни узгенскаго кладбища.

Засѣданіе **Археографической коммиссіи Императ. Москов. Археолог. Общества** 1 декабря 1897 г. П. А. Кожевниковъ прочиталъ докладъ, касавшійся архивовъ въ Германіи и Австро-Венгріи (отчетъ о командировкѣ, выполненной по порученію Арх. коммиссіи). Референтъ указалъ на основной принципъ современнаго государственнаго архивнаго строя въ большинствѣ государствъ Западной Европы и преимущественно во Франціи и Германіи, а именно на стремленіе къ централизаціи архивовъ въ смыслѣ единства управленія и общаго устройства и къ децентрализаціи архивовъ въ смыслѣ ихъ внутренняго документальнаго состава (распредѣленіе матеріала мѣстнаго происхожденія по мѣстнымъ архивамъ). Далѣе, референтъ представилъ очеркъ современнаго архивнаго дѣла въ Пруссіи и Баваріи, такъ какъ въ этихъ двухъ государствахъ (особенно въ Баваріи) указанное дѣло стоитъ выше, чѣмъ въ другихъ государствахъ Германіи. Вслѣдъ затѣмъ референтъ перешелъ къ описанію устройства и состава отдѣльныхъ архивовъ: берлинскаго Тайнаго архива, королевскаго архива въ Шарлоттенбургѣ и мюнхенскаго Всеобщаго Государственнаго архива. При этомъ докладчикъ указывалъ на нѣкоторые документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи Россіи („Rossica“), какъ-то: на памятники дипломатическихъ сношеній, ливонскіе документы, записку Фокеродта и друг. Вторая часть доклада касалась архивовъ въ Австро-Венгріи. Референтъ представилъ историческій обзоръ архивнаго дѣла въ Австріи и затѣмъ перешелъ къ описанію устройства и состава вѣнскаго домоваго дворцоваго и государственнаго архива и архивовъ министерствъ. Среди документовъ, важныхъ для исторіи Россіи референтъ обратилъ особенное вниманіе на извѣстныя грамоты кн. Д. М. Пожарскаго къ императору Матѳѣю 1612 г. По поводу этихъ грамотъ въ наказѣ посламъ Ушакову и Заборовскому (1613 года) говорится, что отправленное княземъ Пожарскимъ посольство, въ составѣ котораго находился нѣмецкій переводчикъ Еремѣй Еремѣевъ (онъ же Вестерманъ) приглашало австрійскаго эрцгерцога Максимиліана къ занятію Московскаго престола. Имѣющіяся на лицо грамоты однако недостаточно освѣщаютъ этотъ интересный историческій моментъ. Докладчику не удалось найти въ вѣнскомъ архивѣ документовъ, которые точнымъ образомъ отвѣчали бы на поставленные вопросы. Далѣе референтъ остановился на описаніи любопытнаго архива Нѣмецкаго ордена, при чемъ указалъ на современное устройство и дѣятельность самаго ордена. Кромѣ

---

[1]) Противополагавшій себя Магомету, взволновавшій мусульманскихъ владѣтелей вооруженнымъ возстаніемъ во главѣ своихъ приверженцевъ.

того, докладчикъ упомянулъ о важнѣйшихъ провинціальныхъ архивахъ Австро-Венгріи, правительственныхъ и земскихъ, нѣмецкихъ, венгерскихъ и славянскихъ. Заключеніе доклада было посвящено общему разсмотрѣнію современнаго архивнаго строя въ Австріи съ его достоинствами и недочетами сравнительно съ тѣмъ же строемъ въ Германіи. Между прочимъ референтъ указывалъ на отсутствіе объединенія архивовъ и на отсутствіе спеціальной архивной пропедевтики, подобной той, которая существуетъ въ Баваріи. Второй рефератъ былъ прочтенъ Ю. В. Готье: „Документы шведскаго государственнаго архива, касающіеся осады Смоленска 1609—1611 гг.“ (также отчетъ о командировкѣ въ Стокгольмъ).

Годичный отчетъ Археографической коммиссіи Импер. Московскаго Археологическаго Общества, читанный въ засѣданіи 17 декабря 1897 г.

Археографическая коммиссія Имп. Моск. Археол. Общ. утверждена Обществомъ въ ноябрѣ 1896 года и 22 декабря того же года состоялось первое ея засѣданіе. Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ засѣданіи мы заканчиваемъ первый годъ нашего существованія. Въ истекшемъ году коммиссія состояла изъ 64 членовъ коммиссіи и 47 членовъ Общества, пожелавшихъ принимать участіе въ ея занятіяхъ. Бюро коммиссіи состояло изъ предсѣдателя А. И. Кирпичникова, тов. предсѣд. В. И. Холмогорова и секретаря М. В. Довнаръ-Запольскаго. Въ истекшемъ году коммиссія имѣла 11 засѣданій, изъ которыхъ одно было распорядительное, а 10 посвящены чтенію рефератовъ и обсужденію различныхъ ученыхъ вопросовъ. Въ чтеніи докладовъ принимали участіе слѣдующіе 20 членовъ, прочитавшихъ 26 сообщеній: М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, М. А. Веневитиновъ, Ю. В. Готье, Довнаръ-Запольскій, П. А. Кожевниковъ, П. А. Лавровъ, Л. С. Мацѣевичъ, В. М. Михайловскій, П. П. Никольскій, Н. А. Рожковъ, Д. Я. Самоквасовъ, В. Р. Фохтъ, Н. Н. Харузинъ, В. И. Холмогоровъ, Н. П. Чулковъ, гр. П. С. Шереметевъ, Д. И. Эварницкій, В. О. Эйнгорнъ, А. И. Яцимирскій.

Доклады названныхъ гг. сочленовъ затрогивали разнообразные научные вопросы, связанные съ задачами нашей коммиссіи: одни изъ нихъ касались теоретической постановки вопросовъ русскаго архивоведенія, другіе посвящены были изученію аналогичныхъ вопросовъ въ иностранныхъ архивахъ, наконецъ, ими выяснены были многія темы, касающіяся изученія различныхъ видовъ источниковъ русской исторіи, палеографіи и пр., во многихъ рефератахъ указаны были новые архивные документы, касающіеся тѣхъ или иныхъ вопросовъ русской исторической науки.

Вся совокупность сообщеній, прочитанныхъ въ истекшемъ году въ коммиссіи, когда сдѣлается, по появленіи въ печати, извѣстной наукѣ исторіи,—позволительно выразить увѣренность,—принесетъ несомнѣнный вкладъ въ общую ея сокровищницу. Къ научнымъ работамъ, имѣющимся въ распоряженіи коммиссіи, слѣдуетъ прибавить, что ею полученъ капитальный трудъ нашего сочлена А. П. Сапунова — описаніе богатѣйшаго и интереснѣйшаго Полоцкаго консисторскаго архива — результатъ 2-лѣтней кропотливой работы его автора.

Но чтеніе рефератовъ и обмѣнъ мнѣній по поводу поднимаемыхъ ими вопросовъ составляли только одну часть работы коммиссіи.

Съ первыхъ же засѣданій коммиссіи выяснилась необходимость широкаго общенія со всѣми лицами, заинтересованными въ предметѣ нашихъ занятій, необходимость въ разработкѣ различныхъ отдѣльныхъ вопросовъ архивоведенія и, наконецъ, личнаго знакомства членовъ съ научною постановкою архивнаго дѣла на Западѣ и съ малоизвѣстными русскими архивами. Въ этомъ отношеніи дѣятельность коммиссіи отличалась большимъ разнообразіемъ. Сразу выяснился интересъ, возбужденный задачами нашей коммиссіи въ средѣ иногороднихъ ученыхъ лицъ и учрежденій и сношенія съ ними отличались оживленіемъ, что видно изъ большаго количества писемъ и запросовъ, полученныхъ коммиссіей. По этому началу позволительно выразить увѣрен-

ность, что сношенія коммиссіи съ иногородними учрежденіями по архивныхъ вопросамъ принесутъ свою пользу наукѣ.

По вопросу объ изученіи постановки архивнаго дѣла и состава малоизвѣстныхъ русскихъ архивовъ коммиссіею приняты слѣд. мѣры: по ея предложенію Имп. Моск. Археолог. Общ. были командированы въ теченіе лѣта слѣд. члены коммиссіи: Ю. В. Готье въ Стокгольмъ, П. А. Кожевниковъ — въ Германію и Австрію, Довнаръ-Запольскій — въ Варшаву, В. Н. Перетцъ — для изученія состава кіевскихъ монастырскихъ древнехранилищъ, и гр. П. С. Шереметевъ—для изученія архивовъ г. Пскова. Кромѣ того, Н. О. Бѣлявскій доставилъ коммиссіи записку о посѣщенныхъ имъ архивахъ г. Калуги.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ въ жизни коммиссіи за истекшій годъ является участіе, какое она приняла въ дѣлѣ ознакомленія съ Моск. губ. архивомъ старыхъ дѣлъ. Весною члены коммиссіи по предложенію предсѣдателя Общества граф. П. С. Уваровой, посѣтили этотъ архивъ, при чемъ нѣкоторыя помѣщенія его найдены были, къ сожалѣнію, неудовлетворительными. Коммиссія просила предсѣдателя Общества войти съ соотвѣтственнымъ представленіемъ къ Его Высочеству Московскому Генералъ - Губернатору объ ассигнованіи средствъ на приведеніе архива въ порядокъ и о разрѣшеніи на участіе въ этой работѣ членовъ коммиссіи. Въ настоящее время значительная часть документовъ переведена въ болѣе удобное помѣщеніе. Кромѣ того, особой разборкой оставшихся бумагъ заняты избранные для этой цѣли депутаты коммиссіи въ лицѣ ея тов. предс. В. И. Холмогорова, М. А. Веневитинова, Ю. В. Готье, М. М. Богословскаго и секретаря Довнаръ-Запольскаго. Депутаты уже посвятили 4 засѣданія различнымъ вопросамъ, касающимся разборки дѣлъ Моск. губ. архива. Есть полная надежда на то, что отношенія коммиссіи къ Моск. губ. архиву старыхъ дѣлъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію г. Московскаго гражданскаго губернатора, станутъ на твердую почву и составъ этого громаднаго и важнаго архива сдѣлается извѣстнымъ и доступнымъ людямъ науки.

Выше было указано, что коммиссія обратила вниманіе на изслѣдованіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ архивнаго дѣла. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести слѣд. мѣропріятія. Коммиссія, имѣя въ виду полную неопредѣленность, существующую въ законодательной практикѣ нашихъ архивовъ по вопросу объ архивныхъ описяхъ, разослала по различныхъ архивамъ особое циркулярное предложеніе высказаться по вопросу о томъ, какъ ведутся архивныя описи и какими онѣ должны быть. Циркуляръ коммиссіи встрѣченъ былъ сочувственно многими учрежденіями и поступающіе въ нее отвѣты прольютъ много свѣта на этотъ важный вопросъ.

Съ другой стороны коммиссія хорошо сознаетъ, что по настоящее время существованіе многихъ архивовъ, иногда даже оффиціальныхъ вѣдомствъ, въ особенности же частныхъ лицъ, остается совершенно неизвѣстнымъ наукѣ; драгоцѣнные памятники старины гніютъ въ подвалахъ, валяются на чердакахъ, продаются своими владѣльцами, не придающими значенія историческимъ памятникамъ. Въ этомъ отношеніи коммиссія дѣлаетъ все возможное съ своей стороны, стараясь по крайней мѣрѣ привести въ извѣстность существующія частныя собранія рукописей. Съ этою цѣлью коммиссіею, по предложенію предсѣдателя Общества графини П. С. Уваровой, были разосланы предводителямъ дворянства циркуляры съ просьбою о сообщеніи свѣдѣній о дворянскихъ семейныхъ архивахъ; разсылаются такія же просьбы частнымъ лицамъ. И въ этомъ отношеніи коммиссія обогатилась не малымъ количествомъ отвѣтовъ, представляющихъ важныя свѣдѣнія; нѣкоторыя частныя лица обратились къ коммиссіи съ предложеніемъ разсмотрѣть имѣющіяся у нихъ бумаги, за что коммиссія имъ весьма признательна.

Коммиссія обратила вниманіе и еще на одну сторону. Извѣстно, что отсутствіе библіографическихъ указателей по археографіи и источниковѣдѣнію служитъ не малымъ тормазомъ въ развитіи нашей науки. Вопросъ этотъ былъ поднятъ въ коммиссіи членомъ

ея В. О. Эйнгорномъ; въ настоящее время часть нашихъ сочленовъ работаетъ надъ составленіемъ по обширной программѣ библ. указателя по археографіи и палеографіи и, можетъ быть, удастся что-нибудь сдѣлать и въ этомъ отношеніи. Съ вопросомъ о библіографіи тѣсно связанъ вопросъ о библіотекѣ, въ которой были бы собраны труды по археографіи и палеографіи. Въ этомъ отношеніи большимъ недостаткомъ московскихъ библіотекъ является отсутствіе въ нихъ иностранныхъ журналовъ и изданій, посвященныхъ общимъ вопросамъ археографіи и палеографіи. Коммиссія дѣлаетъ все отъ нея возможное для обогащенія библіотеки Общества. Отъ разныхъ учрежденій и лицъ коммиссія получила болѣе 70 томовъ книгъ и брошюръ, и въ настоящее время приняты всѣ мѣры къ обогащенію библіотеки иностранными журналами по архивовѣдѣнію.

Заканчивая нашъ отчетъ за истекшій годъ, приходится указать на то, что коммиссіею было поднято не мало важныхъ вопросовъ; не всѣ они могли быть разрѣшены въ теченіе одного года, при неокрѣпшихъ еще силахъ коммиссіи; выполненіе многихъ только еще начинается, но начало позволяетъ надѣяться на благополучный исходъ, при дружныхъ усиліяхъ ея членовъ. Быть можетъ, можно надѣяться, что коммиссіи удастся разработать и еще два вопроса—вопросъ о дѣйствующемъ архивномъ законодательствѣ въ Россіи и вопросъ объ архивной переписи; но эти темы пока еще только слегка затронуты.

Окончимъ нашъ отчетъ указаніемъ на потери, которыя понесла коммиссія въ лицѣ скончавшихся въ этомъ году ея сочленовъ—А. Н. Зерцалова и И. И. Шимко.

Въ засѣданіи **Общества Любителей Древней Письменности** 2 января 1898 г. секретарь Общества прочелъ некрологъ графа И. Д. Делянова. Я. И. Смирновъ сообщилъ о греческой лицевой рукописи, конца XI нач. или XII в., находящейся въ Смирнѣ и содержащей: физіологъ въ древнѣйшей редакціи, статьи объ одеждѣ іерея, о 12 камняхъ эфуда и сочиненіе какого-то Максима—повидимому, выдержки изъ лицевой христіанской топографіи Козьмы Индикоплова. При различныхъ предметахъ ветхозавѣтнаго храма, которые изъяснялись, какъ символы Божіей Матери, помѣщены изображенія иконъ Ея. Изображенія единорога и гиппопотама, отличаясь отъ изображеній ихъ во флорентійскомъ спискѣ Козьмы, явно показываютъ вліяніе сассанидскаго искусства (вѣроятно, изображеній на тканяхъ). Миніатюры (свыше 100) физіолога, не смотря на отдѣльныя черты античнаго наслѣдія (олицетворенія дня и ночи, нимфы источниковъ, ликъ Геліоса и др.), не даютъ права, по обычности этихъ чертъ въ византійскомъ искусствѣ, предполагать, что въ основаніи этихъ миніатюръ лежитъ древнѣйшая рукопись физіолога. Въ изображеніяхъ изъ исторіи церкви и житій святыхъ иллюстраторъ или его руководитель явилъ большую начитанность въ отеческой литературѣ. — Затѣмъ было доложено сообщеніе С. Н. Брайловскаго: „Нѣсколько соображеній по поводу анонимнаго сочиненія: О исправленіи въ прежде печатныхъ книгахъ минеяхъ нѣкоторыхъ погрѣшностей“. Установивъ черезъ сопоставленіе флорищевскаго и чудовскаго списка сочиненія, что послѣдній былъ основнымъ, и что нѣтъ основанія не довѣрять датѣ его - 1692 г., авторъ выводитъ, что сочинителемъ не могъ быть патр. Іоакимъ (умершій въ 1690 г.), но было другое лицо, и при томъ близко стоявшее къ первому исправленію книгъ, принадлежавшее къ братіи Чудовскаго монастыря и хорошо знавшее греческій языкъ, а такимъ могъ быть въ концѣ XVII в. только чудовскій іеромонахъ, справщикъ Евфимій.

Въ Императорскомъ **Историческомъ Обществѣ** въ засѣданіи 2 января 1898 года, И. В. Лучицкій прочелъ „О крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи въ XVIII в.“, на основаніи данныхъ изъ центральныхъ и мѣстныхъ архивовъ сѣв.-зап., зап. и центральной Франціи. Общая сумма крестьянскаго землевладѣнія до революціи была гораздо больше, чѣмъ думаютъ, колеблясь въ среднемъ между 35—40% общаго количества

земли, хотя по отдѣльнымъ деревнямъ колебанія громадны: 5—95%. Крупное церковное землевладѣніе встрѣчалось лишь на сѣверѣ. Вопреки принятому мнѣнію, въ послѣднее время передъ революціей число частныхъ собственниковъ увеличивалось: концентрація явилась лишь во-время революціи, въ результатѣ продажъ конфискованныхъ имѣній.—Э. Д. Гриммъ сдѣлалъ сообщеніе „О власти и политикѣ императоровъ IV вѣка".

V.

Библіографія.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (по рукоп. московскаго Главнаго Архива Минист. Иностранныхъ Дѣлъ). Выпускъ II (Отъ Днѣстра до Москвы). Москва. 1897.

Это, безъ сомнѣнія, самая интересная книга по русской археологіи, изъ вышедшихъ въ только-что истекшемъ году. Если первый выпускъ [1]) далъ много цѣннаго матеріала для древностей Константинополя (см. особенно стр. 21, 23 и т. д.), для православной иконографіи (см. стр. 52. 67 и пр.), для изученія стараго быта и нравовъ Румыніи, плохо изслѣдованныхъ, несмотря на появляющіеся въ послѣднее время сборники документовъ (см. стр. 89, 118 и мн. др.) и вобще для культурной исторіи православнаго Востока, то читая настоящій довольно объемистый выпускъ (больше 200 стр. формата Чтеній) положительно не можемъ надивиться, что такой важный памятникъ русской исторіи и археологіи, къ тому же лежавшій у насъ—sit venia verbo—подъ носомъ, былъ до сихъ поръ извѣстенъ только въ *крайне неполномъ* англійскомъ переводѣ! Тѣхъ изъ нашихъ читателей, кто не имѣлъ до сихъ поръ случая ознакомиться съ повѣствованіемъ Павла Алеппскаго ни въ Чтеніяхъ, ни въ Русскомъ Обозрѣніи, просимъ представить себѣ ловкаго, наблюдательнаго и до крайности любопытнаго сирійца, для своего времени и происхожденія разносторонне образованнаго, который, проѣхавъ значительную часть турецкой имперіи, долго поживъ въ Молдавіи, попадаетъ въ началѣ 50-хъ годовъ XVII вѣка къ намъ въ Россію, попадаетъ въ очень выгодныхъ условіяхъ: въ свитѣ желаннаго и дорогого гостя, антіохійскаго патріарха, своего отца, ѣдетъ медленно, все осматривая, проживая въ главныхъ пунктахъ цѣлыми недѣлями, добирается, наконецъ, до Коломны, гдѣ и принужденъ прожить пять слишкомъ мѣсяцевъ, но съ полной увѣренностью, что онъ не нынче-завтра долженъ попасть въ Москву, на которую и отецъ его и онъ самъ, какъ и всѣ ихъ спутники, возлагаютъ великія надежды.

И вотъ, такой-то человѣкъ, на наше счастье, чувствуетъ страсть къ

---

[1]) Появился отдѣльнымъ изданіемъ въ концѣ 1896 г. съ предисловіемъ переводчика.

писанію и, какъ самъ неоднократно говоритъ, готовъ сидѣть цѣлыя ночи на-пролетъ, чтобы разсказать потомству о любопытныхъ вещахъ, имъ видѣнныхъ, при чемъ, къ нашему еще бо̀льшему счастью, онъ и разсказчикомъ то оказывается не заурядныцъ, а очень талантливымъ и въ то же время добросовѣстнымъ. Конечно, дѣло не обходится безъ того, чтобы пылкое воображеніе сирійца, безъ сомнѣнія, въ дѣтствѣ слыхавшаго сказки Шехеразады, не сыграло надъ нимъ кое-гдѣ штуки; конечно, онъ частенько наклоненъ къ преувеличенію, излишне скорому обобщенію, къ собственнымъ смѣлымъ домысламъ въ объясненіе того, чего не могли или не хотѣли растолковать ему драгоманы, и *кое-гдѣ* его разсказы о необыкновенномъ благочестіи русскихъ, о ихъ необыкновенномъ послушаніи правительству, о необыкновенныхъ холодахъ зимою и пр. напоминаютъ разсказы французскихъ путешественниковъ временъ Дюма-отца; но это случаи сравнительно рѣдкіе: въ чемъ онъ зналъ толкъ, то̀ онъ наблюдалъ умно и осторожно и описывалъ вѣрно, да и во всемъ другомъ онъ всѣми силами старался написать правду и о своемъ прославленіи вовсе не думалъ; къ тому же, и къ нашимъ предкамъ (включая въ число ихъ и „казаковъ", т. е. украинцевъ) онъ относится не съ призрѣніемъ, а съ искренней и глубокой симпатіей.

Написать подробную рецензію на настоящій выпускъ Павла Алеппскаго значило бы перепечатать изъ него, примѣрно, страницъ двадцать и прокомментировать ихъ, положимъ, съ археологической стороны, небольшими экскурсіями, напр., по вопросу объ орга̀нахъ въ церквахъ Украйны (къ стр. 22, 27 и passim), значеніи критской живописи въ XVI и XVII вѣкахъ (къ стр. 89 и слѣд.), объ иконописи XVII в. вообще (см. стр. 41, 49—50, 52, 76, 78—79, 82 и мн. др.), въ частности о композиціи „деисусъ" (см. стр. 38, 89, 148 стр. въ 1-мъ вып. стр. 52 и др.), объ иконѣ успенія (стр. 52), о Покровѣ Богородицы (стр. 151), или съ другой стороны: о грамотности на Украйнѣ (стр. 136 и passim) о положеніи воеводъ, о торговлѣ и пр. и пр. и пр. Не нашему скромному изданію брать на себя такую задачу. Мы только смѣло можемъ рекомендовать вниманію всякаго, кто интересуется XVII в. на Руси интересную книгу г. Муркоса [1]). *А. К.*

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. II. Одесса. 1897.

Подобно книгѣ г. Муркоса, и настоящій (только что появившійся) томъ Извѣстій Института нуждается въ несравненно болѣе обширной рецензіи, нежели можетъ ему предоставить нашъ скромный органъ: уже одинъ отчетъ

---

[1]) Мимоходомъ замѣтимъ, что странная, до насъ ни въ одномъ экземплярѣ не дошедшая кіевская композиція Софіи Премудрости=церкви, въ которую стрѣляютъ изъ луковъ и даже ружей (см. стр. 68 и 71), намъ представляется искаженіемъ того типа Сошествія св. Духа, гдѣ «въ мѣстѣ темнѣ» изображаются «народы и племена» и въ этомъ числѣ человѣкъ, вооруженный лукомъ (см. примѣръ въ нашей статьѣ «Къ иконографіи Сошествія св. Духа». М. 1893. Рис. № 1).

о дѣятельности единственнаго русскаго ученаго учрежденія за-границею съ обстоятельнымъ изложеніемъ экскурсій по Малой Азіи, по Болгаріи и по Палестинѣ (стр. 11—37) представляетъ столько новыхъ и интересныхъ фактовъ [1]), что оцѣнка ихъ потребуетъ обстоятельной и обширной статьи. Первая статья ученой части: „Дѣлопроизводство по обвиненію Іоанна Итала въ ереси" Ѳ. И. Успенскаго заключаетъ въ себѣ любопытный во многихъ отношеніяхъ новый текстъ (по рук. монастыря св. Діонисія на Аѳонѣ), съ переводомъ и обстоятельное введеніе къ нему. Почтенный изслѣдователь безусловно правъ, утверждая, что печатаемые акты „разрѣшаютъ не одинъ спорный вопросъ не только спеціальнаго, но и общаго характера"; къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ въ интересныхъ, но еще недостаточно обслѣдованныхъ областяхъ, какова духовная жизнь Византіи, тѣ же акты относительно Іоанна Итала и его учениковъ возбуждаютъ рядъ новыхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ надо ждать отъ будущихъ открытій [2]). Затѣмъ слѣдуетъ двѣ небольшія, но весьма цѣнныя статьи: академика В. К. Ернштедта „Греческая рукопись болгарскаго Книжевнаго Дружества № 6", и Г. Джеффри, „Остатки константиновской Базилики въ Іерусалимѣ" съ 3-мя планами; затѣмъ, если исключить небольшую греческую статейку профессора Пароники „О политическомъ стихѣ византійцевъ (она подтверждаетъ тезисъ проф. Крумбахена о древности политическаго стиха и его употребленіи у церковныхъ пѣснопѣвцевъ), всѣ остальные листы ученой части Извѣстій окажутся занятыми большой статьей, вѣрнѣе, цѣлымъ историко-археологическимъ изслѣдованіемъ гг. Погодина и Вульфа о Никомидіи [3]), съ массой разнообразныхъ рисунковъ, снимковъ съ надписей и глазомѣрнымъ планомъ. Отдѣлъ *Хроники* этого тома Извѣстій состоитъ изъ 12 статеекъ разнообразнаго объема и содержанія; наиболѣе цѣнными изъ нихъ мы считаемъ рецензію на 2-е изд. Исторіи Византійской литературы проф. Крумбахера (№ 1) и археологическія замѣтки по сѣверной Болгаріи (№ 6 П. Д. Погодина). Въ видѣ приложенія къ тому помѣщенъ въ высшей степени важный памятникъ— *Синодикъ царя Бориса* (по софійской рук., съ разночтеніями по рук. М. С.

---

[1]) Нѣкоторая часть этихъ фактовъ была доложена на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ.

[2]) Кстати объ І. Италѣ. Проф. Успенскій много сдѣлалъ для выясненія его оригинальной личности и роли (въ особенности см. его Очерки по исторіи виз. образ., стр. 149—165 и развитія), но если не ошибаемся, онъ ни разу не привлекалъ къ дѣлу одинъ литературный памятникъ XII в., именно путешествіе Тимаріона въ адъ (*Τιμαρίων ἢ περὶ τῶν κατ᾽αὐτὸν παθημάτων*, изд. впервые Hase, Notices et Extraits 9, 1813 г., а позднѣе Эллисеномъ въ Analekten Lpz. 1860, IV, стр. 87 и слѣд., гдѣ этотъ византійскій вольнодумецъ и аристотеликъ является собственной персоною въ видѣ, пытается усѣсться рядомъ съ Пиѳагоромъ, но прогнанъ имъ, вступаетъ въ ссору съ Діогеномъ, который чуть не задушилъ его, и вообще вездѣ оказывается не на своемъ мѣстѣ и, какъ говорится, между двумя стульями, что до мелочей подтверждаетъ его характеристику, сдѣланную Анной Комненой. За то нынѣ издаваемый Ѳ. И. Успенскимъ документъ въ высшей степени важенъ для объясненія соотвѣтствующаго мѣста Тимаріона.

[3]) Съ нимъ тоже отчасти знакомы члены Рижскаго съѣзда по реферату г. Вульфа.

Дринова и съ греческимъ текстомъ), изданный (впервые) одесскимъ славистомъ М. Г. Попруженко, который обѣщаетъ посвятить ему особое изслѣдованіе.

Общій и *несомнѣнный*, мы думаемъ, выводъ изъ этого тома Извѣстій Института (какъ и изъ 1-го) тотъ, что Русскій Археологическій институтъ въ Константинополѣ *хорошо работаетъ на пользу науки*, и не напрасно съѣзды и Московское Археологическое Общество такъ хлопотали объ осуществленіи этой счастливой идеи. *А. К.*

Византійскій Временникъ, подъ ред. В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля т. IV, вып. 3 и 4, представляетъ собою толстый томъ почти въ 500 страницъ, въ которомъ наиболѣе цѣнными статьями, послѣ здѣсь заканчиваемаго изслѣдованія г. *Панченки* „О тайной исторіи Прокопія", можно считать: *Ю. Кулаковскаго*, „Гдѣ находилась вичинская епархія?"; *Хр. Лопарева*, „Описаніе нѣкоторыхъ (именно одиннадцати) греческихъ житій святыхъ", *П. Лаврова*, Юго-славянская передѣлка Зонары. Массу новыхъ и интересныхъ фактовъ найдетъ читатель въ рецензіяхъ академика А. Н. Веселовскаго на нѣсколько новыхъ книгъ по исторіи легенды объ Александрѣ Македонскомъ. Отдѣлъ библіографіи распредѣленный весь на семь подъотдѣловъ, какъ и въ прежнихъ выпускахъ, пріятно поражаетъ своей полнотой и тщательностью обработки. Въ отдѣлѣ Хроники описывается таже вновь открытая мозаическая карта Палестины, о которой значительно подробнѣй, но зато безъ образцовъ надписей говорится въ Хроникѣ Извѣстій института въ Константинополѣ (стр. 4–8). *А. К.*

Восточныя Замѣтки. Сборникъ статей изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Санктпетербургъ. 1895.

Сборникъ составленъ по случаю 100-лѣтняго юбилія парижской школы живыхъ восточныхъ языковъ. Содержаніе сборника:

1) В. П. Васильева, Буддизмъ въ полномъ развитіи по винаямъ (стр. 1—7). Буддизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по своимъ книгамъ, сложился въ III или IV в. по Р. Х.

2) Н. Я. Марръ, Сказаніе о католикосѣ Петрѣ и ученомъ Іоаннѣ Козерiѣ (стр. 8—34). Это сказаніе сохранилось не только въ исторіи Матѳея Эделкама, но и отдѣльно, и сочинено не имъ, хотя возникло въ его время (въ XII в.). Текстъ сказанія по рукописи Академіи Наукъ со списками первой страницы и переводъ.

3) В. Д. Смирновъ, Грамота султана Османа II-го семейству іудейки Киры (стр. 35—78). Кира, собственно Эсѳирь, служила политическимъ агентомъ султаншѣ-валидэ Сафіе, родомъ венеціанкѣ, при Мухамедѣ III. Этой грамотой ея дѣти освобождаются отъ всякихъ повинностей. Текстъ и переводъ, а въ приложеніи списокъ со всей грамоты.

4) В. А. Жуковскій, Пѣсни Гератскаго старца (стр. 79—114). Гератскій старецъ—литературный псевдонимъ извѣстнаго суфійскаго богослова и поэта Абдуллы Энсара (XI в.). Текстъ двадцати стихотвореній и прозаическаго разсужденія о тщетѣ міра сего и переводъ.

5) Д. А. Хвольсонъ, Софійско-тюркскія несторіанскія надгробныя надписи XIII и XIV столѣтій, найденыя въ Семирѣчьѣ (стр. 115—129). Текстъ 12 надписей, писанныхъ сирскими и отчасти арабскими буквами и въ снимкахъ, толкованіе и переводъ.

6) П. М. Меліоранскій, Отрывки изъ дивана Ахмеда Бурванъ-эд-Дина Сивасскаго (стр. 131—152). Сочинитель—султанъ Сиваса, Кесаріи и, вѣроятно, Эрзмиднана (XIV в.), языкъ его близокъ къ „архаическому османскому". Текстъ 32 четверостишій со спискомъ по рукописи Британскаго Музея и переводъ.

7) Баронъ В. Р. Розенъ, Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худâй-Нâмэ (стр. 153—191). Текстъ и переводъ разсказа о Балатѣ, сынѣ Фирузовѣ, изъ арабскаго историка Ан-Джâвиза (IX в.). Онъ заимствовалъ его изъ книги Ан-Кифавія (также IX в.)., которая представляла собою передѣлку изъ персидской книги Царей. Возможно, что и Книга Царей (Шâхнâмэ) Фирдаусія восходитъ къ какой-нибудь арабской передѣлкѣ этого персидскаго памятника.

8) П. К. Коковцовъ, изъ „Книги бесѣды и упоминанія" *(Китâбъ ал-Мухâдара ва 'л-Музâкара)* Моисея Ибнъ-Эзры (стр. 193 — 220). Авторъ—Еврей изъ Гранады, знаменитый поэтъ XII в. Его книга, изданная далеко не вся, содержитъ въ себѣ исторію еврейской литературы X—XII в. и еврейской риторики и піитики. Текстъ (арабскій еврейскими буквами), содержащій въ себѣ введеніе и первыя четыре главы, данъ въ видѣ предварительнаго образчика полнаго изданія.

9) Н. Я. Марръ, Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ „Русуданіани" (стр. 221—259). Этотъ сборникъ сказокъ, передаваемыхъ 12 братьями Русуданы, относится, судя по духу, языку и культурнымъ признакамъ, къ XVII в. Текстъ сказки и переводъ.

10) А. О. Ивановскаго, Тибетскій текстъ въ маньчжурской транскрипціи (стр. 261—268). Текстъ маньчжурской транскрипціи русскими буквами и въ снимкѣ съ китайской ксилографіи въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Произношеніе пекинское.

11) К. Г. Залеманъ, Шугнанскій словарь Д. Л. Иванова (стр. 269—320). Шугнанскій языкъ принадлежитъ къ числу мало изслѣдованныхъ восточныхъ иранскихъ нарѣчій. Текстъ словаря, расположенный не по предметамъ, какъ у автора, а въ алфавитномъ порядкѣ по соотвѣтствующимъ словамъ ново-персидскаго языка, и опытъ грамматики.

12) Н. И. Веселовскій, Памятникъ Ходжи-Ахрара въ Самаркандѣ (стр. 321—335). Этотъ святой, котораго настоящее имя было Ходжа Насираддинъ Убейдамахъ, жилъ въ XV в. Медресе, при которомъ онъ похороненъ, выстроено

позже, а именно, какъ видно изъ хронограммы на зданіи, въ 1040 г. гиджры (=10 августа 1630—29 іюля 1631 г. по Р. Х.). Хвалебныя надписи на памятникѣ по-арабски и по-персидски.

13) С. Ѳ. Ольденбургъ, Замѣтки о буддійскомъ искусствѣ (стр. 337—365). Статья изъ двухъ отдѣловъ: 1) изображенія въ нѣкоторыхъ храмахъ и пещерахъ, передающія эпизоды изъ джатакъ, и 2) хотанскія бронзы изъ собранія Н. Ѳ. Петровскаго—три статуэтки Будды, двѣ—Авалактисвары и одна—Сивы.

14) А. М. Позднѣевъ, Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ (стр. 367—386). Сообщенное здѣсь впервые письмо Алтанъ-хана тюметскаго къ китайскому императору при отсылкѣ дани въ 1580 г. представляетъ собою единственный памятникъ монгольской письменности за два вѣка—XV и XVI. Текстъ состоитъ изъ китайскаго подлинника и монгольскаго перевода; первый безграмотенъ, второй составленъ по китайско-монгольскому словарю механически, безъ малѣйшаго вниманія къ монгольской грамматикѣ. Упадокъ письменности у монголовъ въ эпоху династіи Минъ вполнѣ подтверждается этимъ памятникомъ. Письмо (въ 13 арш. 3 вершка длины и пол-аршина ширины) воспроизведено въ приложеніи. Указатель собственныхъ именъ составленъ Александрой Алексѣевной Марръ и Марьей Алексѣевной Жуковской. *Ѳ. К.*

J. de Morgan. Recherches sur les Origines de l'Egypte. L'âge de la pierre et les metaux, Paris. 1896.

— Recherches sur les origines de l'Egypte. Ethnographie préhistorique et tombeau royal de Négadah. Paris. 1897.

Оба сочиненія проливаютъ новый свѣтъ на древнѣйшую исторію египетской культуры. Уже начиная съ конца 60-хъ годовъ, находками Arcelin, Hamy, Lubbock и многихъ другихъ былъ установленъ фактъ существованія нѣкогда въ Египтѣ каменнаго вѣка, хотя египтологи и относились къ этимъ находкамъ довольно скептически. Вопросъ однако осложнился, когда раскопки Флиндерса Петри въ Кахунѣ (Kahoun), въ 1889—90 гг., открыли остатки города временъ XII династіи, съ многочисленными издѣліями изъ кремня, представлявшими многія аналогіи съ однородными издѣліями изъ бронзы. Возникло мнѣніе, что каменная промышленность продолжала жить въ Египтѣ еще во времена такъ наз. Средней Имперіи, въ періодъ разцвѣта египетской культуры. Впослѣдствіи, благодаря новымъ раскопкамъ въ Тукѣ (Toukh) и Балласѣ Фл. Петри измѣнилъ свое мнѣніе и пришелъ къ заключенію, что открытая имъ каменная промышленность принадлежитъ „новой расѣ" (*не*-египтянамъ), вторгшейся въ Египетъ изъ Ливіи, приблизительно въ эпоху за 3300 — 3000 л до Р. Х., истребившей и выгнавшей египтянъ изъ всей Ѳиваиды и господствовавшей здѣсь нѣкоторое время, покуда она не была, въ свою очередь, истреблена и прогнана египтянами. Де-Морганъ, въ результатѣ своихъ изысканій и раскопокъ, пришелъ къ иному заключенію. Онъ

доказываетъ, что Египетъ былъ заселенъ еще въ палеолитическую эпоху, что здѣсь жило затѣмъ неолитическое населеніе и что египетская культура возникла уже на основѣ этой древней, благодаря новымъ пришельцамъ изъ Азіи, принесшимъ съ собою новые культурные элементы изъ Месопотаміи. Раскопки де-Моргана не только дали массу интересныхъ данныхъ для познанія древнѣйшей культуры египетскихъ автохтоновъ, но и открыли новые факты по отношенію къ первымъ вѣкамъ исторіи самихъ египтянъ (первыхъ трехъ династій), именно благодаря раскопкамъ царскаго некрополя въ Negadah и въ окрестностяхъ Абидоса (раскопки Amélineau). Оба сочиненія украшены массою рисунковъ и заключаютъ въ себѣ, вообще, много интересныхъ данныхъ, къ которымъ мы надѣемся еще вернуться. *Д. А.*

G. De Mortillet. Formation de la nation française. Paris. 1897.

Престарѣлый французскій археологъ Габріель де-Мортилльe за послѣдніе годы постепенно терялъ зрѣніе и наконецъ совершенно ослѣпъ, но, благодаря удачной операціи снятія катаракта, зрѣніе ему было возвращено, и онъ немедленно же принялся за окончаніе начатаго уже ранѣе труда, который и вышелъ недавно изъ печати. Авторъ посвятилъ свою книгу д-ру Despagnet, даровавшему ему снова зрѣніе. Въ началѣ книги разбираются историческія и лингвистическія свидѣтельства объ образованіи французской націи, причемъ доказывается ихъ недостаточность для объясненія первоначальнаго сложенія народности; затѣмъ, авторъ переходитъ къ даннымъ палэтнологіи, археологіи и антропологіи, и прослѣживаетъ развитіе до-исторической культуры на почвѣ Франціи, а также смѣну жившихъ здѣсь антропологическихъ типовъ. Съ принятой въ этомъ сочиненіи классификаціей эпохъ мы знакомимъ читателя въ отдѣлѣ археологической хроники. *Д. А.*

Некрологъ.

Памяти Ильи Лазаревича Серебрякова-Окромчеделова.

3 января скоропостижно скончался въ г. Тифлисѣ на шестидесятомъ году жизни бывшій профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Илья Лазаревичъ Серебряковъ-Окромчеделовъ. Покойный происходилъ изъ хорошей грузинской семьи Кахетіи и въ зрѣломъ возрастѣ почувствовавъ жажду къ знаніямъ, подъ вліяніемъ своего брата, агронома по спеціальности, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ короткое время съ успѣхомъ приготовился къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Поступивъ на факультетъ восточныхъ языковъ Петербургскаго университета, онъ одновременно съ большимъ увлеченіемъ слушалъ лекціи на словесномъ и юридическомъ факультетахъ, а по окончаніи курса первымъ

кандидатомъ былъ приглашенъ въ Лазаревскій институтъ преподавателемъ грузинскаго языка. Въ 1871 г., при преобразованіи штатовъ при институтѣ, онъ былъ назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ грузинскаго языка въ спеціальныхъ классахъ. Въ теченіе двадцатипятилѣтней службы въ институтѣ, покойный принималъ близкое участіе во всѣхъ его дѣлахъ и состоялъ долгое время дѣятельнымъ членомъ его экономическаго совѣта, дѣлая богатыя пожертвованія деньгами и книгами въ пользу института, просвѣтительное значеніе котораго для Кавказа онъ чрезвычайно высоко цѣнилъ. По выходѣ въ отставку въ 1889 г. онъ переселился въ Грузію, гдѣ занялся лѣсопромышленнымъ дѣломъ, весьма выгоднымъ для населенія въ экономическомъ отношеніи предпріятіемъ. На родинѣ онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность, какъ щедрый филантропъ и издатель памятниковъ древней грузинской литературы. Ему принадлежитъ рядъ цѣнныхъ работъ по грузинскому языку и исторіи, изъ которыхъ „Происхожденіе грузинскаго алфавита“, „Клинообразныя надписи близъ Вана“, „Замѣтки по грузинской лѣтописи“ донынѣ остаются образцовыми научными изысканіями. Смерть Ильи Лазаревича, послѣдовавшая отъ злокачественной кавказской лихорадки, произвела удручающее впечатлѣніе какъ на его сотоварищей, такъ и всѣхъ, кто когда либо имѣлъ сношенія съ этимъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ. *А. Хахановъ.*

СПИСОКЪ КНИГЪ

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за январь 1898 г.

Vĕstník českoslovanských museí a spolku archaeologických. № 1, 1898.

Skrifter utgifna af Kongl. humanistisko vetenskaps-samfundet. Upsala. T. V.

Н. Н. Пантусовъ. Матеріалы къ изученію нарѣчія Таранчей. Вып. 1-й.

L'Anthropologie. Ноябрь—декабрь. 1897 г.

Т. Флоринскаго, Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. II.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XX.

Этнографическое Обозрѣніе, изданіе Этнографическаго отдѣла Импер. Общ. Любителей Ест., Антр. и Этногр. 1897 г. Вып. 1, 2 и 3-й.

Архіепископа Месропа, Описаніе Шемахинской Епархіи (по-армянски)

Notizie degli scavi di antichitá. Ноябрь. 1897 г.

Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. 1, 1898 г.

Неврологическій Музей Император. Москов. Университета имени проф. А. Я. Кожевникова. Описали проф. Кожевниковъ и пр.-доц. Прибытковъ. М. 1897 г.

Записки Кавказскаго Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общ. Книги XIX и XX. Тифлисъ. 1897 г.

Записки Приамурскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. Хабаровскъ. 1897 г. Т. II, вып. 1-й.

Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г., собранныя и изданныя П. Щукинымъ. М. 1897 г.

Slovenské Pohlády. Časopis zábavno-poučný. T. XVIII, вып. 1.

Suomen Museo. Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen. Kaukauslehti. IV.

Finskt Museum. Finsko-Fornminnes-föreningens. Mönadsblad. IV.

The Canadian Antiquarian and Numismatic Journal. Numismatic and Antiquarian Society of Montreal. T. I, № 1. 1897.

Cachettes de fondeur de Loupian, de la Boissière et de Bautarès-Péret par *Cazalis de Fondouce.*

Beiträge zur Kunde Ehst-Liv- und Kurlands, herausgegeben von den Ehstländischen Literärischen Gesellschaft. T. V, вып. 2-й.

Documente privitóre la Istoria Romániloi. T. IX и X.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Декабрь, 1897 г.

Русскіе акты Копенгагенскаго Государственнаго Архива, извлеченные Щербачевымъ.

Дѣло о Патріархѣ Никонѣ, изд. Археографич. Комм. въ Спб.

Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археограф. Комм.

Программа для собиранія свѣдѣній о древностяхъ, изд. Кіевскаго отдѣленія Предвар. Комитета по устройству XI Археол. Съѣзда.

Каталогъ изданій, находящихся въ Редакціи Филологическихъ Записокъ. 1897 г.

The Imperial University Calendar. 1896—1897.

Národni Hlásnik. Январь, 1898 г.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXIV. Акты о Боярахъ. Вильна, 1897 г.

А. Н. Зерцаловъ. Краткій историко-географическій очеркъ Симбирска, Сызрани и Каширы во второй половинѣ XVIII вѣка. Симбирскъ. 1896 г.

П. Мартыновъ. Остатки старины, сохранившіеся въ Симбирскомъ уѣздѣ. Изд. Симбир. Ученой Архивной Коммиссіи. Симбирскъ. 1896 г.

Ѳ. Виноградовъ. Слѣды язычества въ домашнемъ обиходѣ Чувашъ. Изд. Симбир. Ученой Архивной Коммиссіи. Симбирскъ. 1897 г.

Книга строельная города Симбирска. Изд. Симбир. Ученой Архивной Коммиссіи, подъ редакціей П. Мартынова. Симбирскъ. 1897 г.

Вѣстникъ „Народнаго Дома". Январь, 1898 г. Львовъ.

Д. И. Эварницкій. Исторія села Фалѣевки-Садовой. Изданіе Н. Н. Комстадіусъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Январь, 1898 г. Спб.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

1898 г. № 2

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Археологія у южныхъ славянъ.

Археологическое изученіе въ Сербіи и Болгаріи оставляетъ желать еще весьма многаго: обѣ страны въ этомъ отношеніи изучены весьма слабо, собираніе и изслѣдованіе археологическаго матеріала въ нихъ только начинается. Мѣстныя силы для этого изученія считаются единицами, настоящій *научный* интересъ къ своему прошлому у сербовъ и болгаръ едва только пробуждается, причемъ оба народа интересуются изъ этого прошлаго преимущественно только тѣмъ, что̀ стоитъ въ связи съ ихъ политическими взглядами и стремленіями, въ связи съ національными идеями небольшого народа, наконецъ, съ тѣмъ, что̀ такъ или иначе пріятно щекочетъ самолюбіе людей, только недавно почувствовавшихъ себя на свободѣ и начавшихъ сравнивать себя съ другими старшими въ наукѣ народами, стремясь поскорѣе найти и у себя то, чѣмъ гордятся иные. Таково общее впечатлѣніе, полученное мною во время моего послѣдняго (лѣтомъ истекшаго года) посѣщенія Сербіи и Болгаріи. Это общее впечатлѣніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ областяхъ жизни, находитъ его въ частности въ тѣхъ археологическихъ наблюденіяхъ, которыя мимоходомъ пришлось сдѣлать.

Тѣ же наблюденія дали возможность и уяснить, хотя, можетъ быть, субъективно, и причины такого общаго впечатлѣнія. Разница между сербами и болгарами въ ихъ исторической судьбѣ, разница въ складѣ народнаго характера дали возможность объяснить подробнѣе и различную форму и различное отношеніе къ своему прошлому у сербовъ и болгаръ, что нашло себѣ, при многомъ сходномъ, отраженіе и въ состояніи археологическихъ изслѣдованій у обоихъ народовъ.

Давая ниже нѣсколько своихъ наблюденій, я надѣюсь выяснить, насколько возможно, общее свое положеніе, не претендуя, впрочемъ, ни на его законченность, ни на полноту. Въ значительной степени мои сужденія, повторяю, могутъ быть субъективны; для болѣе полнаго и точнаго отчета о состояніи археологіи у нашихъ юго-славянскихъ собратій потребовалось бы спеціальное детальное изученіе, что возможно только при условіи болѣе долговременнаго пребыванія но мѣстѣ, нежели было въ моемъ распоряженіи. Тѣмъ не менѣе и тѣ немногіе факты, которые сообщаются ниже, не лишены интереса, хотя бы въ качествѣ матеріала для будущаго отчета, особенно въ виду слабости нашихъ свѣдѣній по юго-славянской археологіи вообще. Начинаю свои замѣтки съ Бѣлграда.

Бѣлградъ въ его теперешнемъ видѣ, городъ сравнительно новый: нигдѣ на поверхности земли мы не находимъ уже слѣдовъ римскаго Сигидунума, если не считать стараго колодезя въ бывшей турецкой крѣпости, при сліяніи Савы съ Дунаемъ: этотъ колодезь, лежащій глубоко въ нѣдрахъ скалы, которая служитъ основаніемъ грандіознаго „града“, по преданію, называется „римскимъ“ (римски бунар). Зато подъ современнымъ Бѣлградомъ не рѣдко находятъ остатки древней эпохи. Для примѣра можно привести фактъ, что при рытьѣ фундамента для памятника князю Михаилу, въ самомъ центрѣ города, найдены были остатки кладбища римской эпохи, нѣсколько каменныхъ массивныхъ саркофаговъ, въ настоящее время хранящихся въ небольшомъ историческомъ музеѣ Бѣлграда. Музей этотъ, помѣщавшійся въ одномъ зданіи съ Народной библіотекой, богатымъ рукописнымъ собраніемъ и Великой школой (университетомъ), въ настоящее время переносится въ новое зданіе, спеціально назначенное для музея; поэтому въ прошлое лѣто изученіе музея было, къ сожалѣнію, недоступно. Въ этомъ музеѣ собраны памятники древней эпохи, находимые случайно, въ родѣ упомянутыхъ саркофаговъ, отдѣльныхъ предметовъ старой римской эпохи, на ряду съ предметами, имѣющими не столько археологическое, сколько, такъ сказать, патріотическое значеніе, и притомъ не древними, каковы предметы изъ принадлежащихъ Александру Карагеоргіевичу, князю Милошу

и другимъ народнымъ героямъ и борцамъ за свободу Сербіи. Что касается изслѣдованій археологической древности въ Сербіи, то здѣсь они въ зачаточномъ состояніи, какъ по литературѣ, такъ и по числу дѣятелей. Во всей Сербіи существуетъ только одинъ археологическій журналъ „Старинар", выходящій въ количествѣ 12—15 листовъ въ годъ, при мѣстномъ Археологическомъ Обществѣ (Српско Археолошко Друштво), повидимому, теперь уже не собирающемся. Журналъ редактируется единственнымъ спеціалистомъ, ученымъ археологомъ, почтеннымъ и энергіей и лѣтами Михаиломъ Валтровичемъ, состоящимъ къ тому же директоромъ и чуть ли не единственнымъ работникомъ въ музеѣ [1]). Въ интересахъ названнаго журнала, какъ видно изъ его содержанія, преобладаетъ античная археологія, археологія доисторическая; мѣстная же славяно-византійская эпоха, несомнѣнно, представляющая не меньшій, если не бо́льшій, интересъ для Сербіи, разрабатывается слабѣе: причина этого, на мой взглядъ, лежитъ не только въ недостаткѣ подобныхъ памятниковъ, уничтоженныхъ временемъ и тяжелой судьбой сербовъ въ прошломъ, а также въ томъ тяготѣніи къ античной эпохѣ, подкладкой которой является западная наука, пріятное сознаніе мѣстныхъ патріотовъ, что де и у нихъ есть связь съ знаменитой античной культурой, что и они сидятъ на античной почвѣ и т. п. Что это весьма вѣроятно, видно изъ того, что монументальные памятники сербо-византійскаго періода, которыми, какъ я убѣдился на дѣлѣ, не бѣдна Сербія, мало обращаютъ на себя вниманія сербскихъ археологовъ: монастыри древней постройки, сохранившіе замѣчательные матеріалы для сербскаго и византійскаго „провинціальнаго" искусства, изучены слабо, несмотря на то, что они заслуживаютъ полнаго вниманія и не для однихъ только сербовъ [2]).

За доказательствами ходить не далеко: мнѣ пришлось посѣтить нѣсколько сербскихъ монастырей, расположенныхъ въ горахъ по бассейну Моравы. Хотя самое путешествіе и не имѣло прямо археологической цѣли, почему ему и не предшествовала соотвѣтствующая подготовка, тѣмъ не менѣе, не возможно было не увлечься и археологическими интересами: до такой степени, именно въ археологическомъ отношеніи, интересны эти монастыри. Остановлюсь для примѣра на одномъ изъ этихъ монастырей, *Каленичъ*, построенномъ деспотомъ Сте-

---

1) Содержаніе „Старинара" см. въ Археол. Изв. и Зам. 1894 г., стр. 73—76, и 1895 г., стр. 90—92.

2) Кое-что (главн. обр. записи, надписи) объ этихъ монастыряхъ, разбросанныхъ въ горахъ Сербіи, сообщаетъ М. Миличевичъ (Монастири у Србији – Гласник Српског Уч. Др. XXI, 6 и сл.), Валтровичъ (Старинар—см. Арх. изв. и зам. (1894 г. стр. 74—76). Такова же работа отдѣльная М. Миличевича „Монастир Каленич".

фаномъ Лазаревичемъ (1405—1427). При первомъ взглядѣ на церковь этого монастыря [3]) догадываешься, что имѣешь передъ собой выдающееся произведеніе византійскаго строительнаго искусства. Внутренность церкви, ея украшенія подтверждаютъ еще болѣе то же самое. Построенная въ нижнемъ ярусѣ изъ бѣлаго камня въ перемежку съ тонкимъ крупнымъ кирпичемъ на бѣломъ цементѣ, церковь имѣетъ очень нарядный видъ. Планъ постройки обычный поздне-византійскій—двойной квадратъ: одинъ—притвора, другой, съ тремя приставленными къ нему полукружіями—самой церкви, какъ это видно изъ прилагаемаго приблизительнаго чертежа.

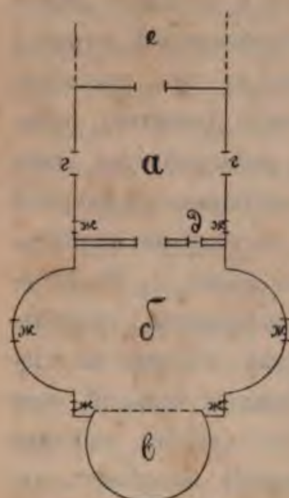

Рис. 1.
Планъ монастыря Каленича.
а—притворъ, *б*—самая церковь, *в*—олтарь съ олтарной преградой (поздвею—нынѣшняго вѣка), *г*—двое дверей, теперь заложенныхъ, *д*—вторая дверь изъ притвора въ церковь, поздняго времени, *е*—поздняя пристройка (нынѣшняго столѣтія); *ж*—окна въ верхнемъ ярусѣ.

Куполъ надъ церковью типичный византійскій, восьмигранный, съ узкими окнами, освѣщающими церковь; надъ притворомъ низкій плоскій глухой куполъ; притворъ и церковь освѣщаются рядомъ двойныхъ оконъ; окна покрыты великолѣпной каменной рѣзьбой; на каждомъ окнѣ рѣзьба своя, не повторяющаяся въ другомъ, но общая по стилю и мотивамъ. Надъ окнами круглыя рѣзныя розетки, накрытыя сверху рѣзными же полукружіями, опирающимися на колонки, идущія до основанія церкви. Особенно обращаютъ на себя вниманіе окна надъ южной дверью. Чтобы судить объ орнаментѣ рѣзныхъ украшеній, прилагаю снимокъ съ этихъ оконъ надъ южной дверью и снимокъ съ сосѣдней пары оконъ (рис. 2, 3) [4]). Не вдаваясь въ подробности этого орнамента, обращу вниманіе на два его элемента, во-первыхъ на характерное переплетеніе ремней, его составляющихъ, и во-вторыхъ — на птичекъ въ одномъ (рис. 2) и на грифоновъ въ другомъ (рис. 3) окнѣ. Фактъ, что этотъ орнаментъ именно въ та-

---

[3]) Изображеніе ея, нѣсколько стилизованное, но вѣрно передающее дѣйствительность, приложено къ упомянутой, недавно вышедшей книжкѣ *М. Миличевича* „Монастир Каленич. задужбина деспота Степ. Лазаревича“ (Београд, 1897). Описаніе Миличевича имѣетъ въ виду главнымъ обр. исторію монастыря; оно исправляетъ и дополняетъ прежнія описанія. Археол. описанія монастыря авторъ въ виду не имѣлъ. Подробности нашего общаго путешествія изложены во введеніи къ книжкѣ.

[4]) Вслѣдствіе того, что окна расположены довольно высоко и трудно было снять ихъ въ одной и той же плоскости, фотографія дала расширеніе рамы оконъ внизу, чего на дѣлѣ нѣтъ.

ковомъ сочетаніи элементовъ оказался на юго-славянской, точнѣе славяно-византійской постройкѣ, кажется мнѣ, не лишенъ интереса, если его сопоставить съ нашимъ новгородскимъ XIV в. или вообще русскимъ того же времени съ одной стороны и съ византійскимъ и восточно-византійскимъ съ другой. Продолжая сравненіе, можно перейти къ сассанидскимъ блюдамъ V—VI в. Это сопоставленіе можетъ дать, думается, не безъинтересный матеріалъ для исторіи византійскаго орнамента, устанавливая наглядно связь между восточнымъ искусствомъ и

Рис. 2.
Окна надъ южной дверью въ церкви монастыря Каленича.

нашимъ славяно-византійскимъ орнаментомъ: связь между ними на орнаментѣ оконъ Каленича наглядна [5]). Внутренняя роспись церкви не менѣе замѣчательна: фрески, современныя построенію церкви, сохранились только въ нижнемъ ея ярусѣ (верхній заштукатуренъ и остав-

[5]) Для сравненія можно привести мотивы по альбому Стасова (XIV, 8; XXXIII, 38; VII. 24; LXIII, 13, LXVII, 31; LXIV, 36 и 37); особенно интересна въ этомъ отношеніи суздальская заставка Лаврентьевской лѣтописи. Сюда же можно отнести птичекъ собора села Нерли (XII в.) (Труды I Арх. Съѣзда, альбомъ (XXI, 4). Для Византіи можно взять хотя бы „Русскія Древности“ Кондакова и Толстого IV, 44, 45. 47. 114, и т. д. Для Востока я пользовался статьей В. И. Сизова въ Археол. Изв. и Зам., прошлаго года (№ 5); въ результатѣ получились заключенія, не вполнѣ согласныя съ мнѣніемъ В. И., поскольку въ статьѣ намѣчается исторія орнамента (ср. стр. 155).

ленъ безъ росписи): помимо интересныхъ изображеній самого строителя—Стефана Высокаго и его матери Милицы (жены Лазаря, павшаго на Косовѣ въ 1389 г.) и изображеній отдѣльныхъ святыхъ, не малый интересъ по архаичности, красотѣ и чистотѣ византійскаго стиля представляетъ рядъ сценъ изъ жизни Богоматери: сонъ Іосифа-обручника, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ. Чтобы судить о достоинствѣ и значеніи этихъ фресокъ, достаточно отмѣтить, что послѣдняя изъ упомянутыхъ сценъ изъ жизни Богородицы есть не что иное, какъ

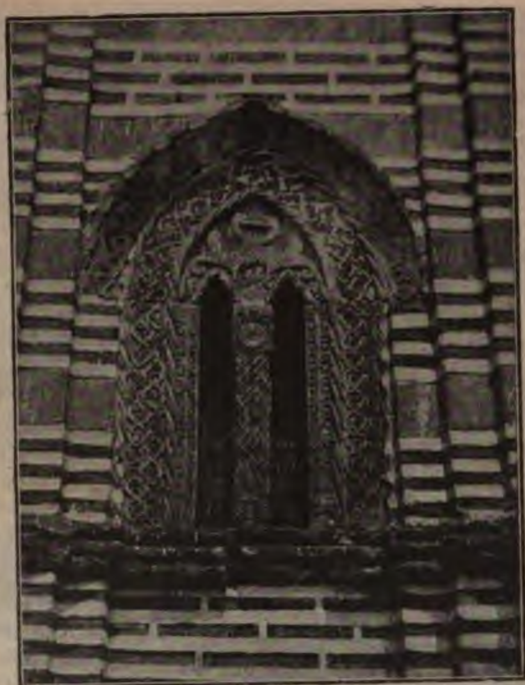

Рис. 3.
Окна въ церкви монастыря Каленича.

воспроизведеніе, и при томъ замѣчательно близкое, миніатюры Минологія Василія [6]). Въ заключеніе можно указать, что и снаружи, въ верхней половинѣ и по куполамъ, Каленическая церковь вся была расписана орнаментомъ, который до сихъ поръ сквозитъ изъ подъ позднѣйшей известки и краски, которыми теперь покрыты купола и верхній ярусъ постройки. Въ томъ же родѣ, но нѣсколько скромнѣе, по каменной рѣзьбѣ, памятникъ представляетъ монастырь Любостиня, построен-

[6]) См. Византійскій альбомъ, гр. А. С. Уварова или Альбомъ выставки изображеній Богоматери (М. 1897), стр. 6. Въ композиціи фрески повторены не только отдѣльныя составныя части и всѣ фигуры Минологія, не исключая и символической фигуры „града" египетскаго, но и позы являются почти тождественными.

ный нѣсколькими годами раньше Каленича упомянутой выше княгиней Милицей. Планъ церкви въ общемъ тождественъ съ калиническимъ, того же стиля роспись и записи внутри церкви [7]).

Этихъ двухъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы судить, сколько можетъ дать важнаго для поздне-византійскаго и славяно-сербскаго искусства изученіе сербскихъ монастырей даже XIV—XV в.; а между ними есть и такіе, которые восходятъ къ XII в. (Жича)... Даже бѣглый обзоръ одного—двухъ сербскихъ монастырей приводитъ къ важному выводу, подтверждая собой то, что даютъ другія области изученія исторіи Сербіи, именно: несмотря на страшное пораженіе на Косовѣ, положившее конецъ политической самостоятельности Сербскаго царства, Сербія при Стефанѣ Высокомъ переживаетъ не періодъ упадка въ культурѣ, а наоборотъ: литература сербская, съ именами Константина Костенскаго, Владислава-Грамматика, самого Стефана Лазаревича, нашего митрополита Григорія Цамвлака, съ своими знаменитыми „ресавскими“ изводами св. писанія, вышедшими изъ монастыря Ресавы (Манассіи) „задужбины“ того же Стефана, переживаетъ періодъ оживленной дѣятельности, воспринимая въ себя послѣдній разцвѣтъ болгарской письменности (Евфимій патр.). Памятники археологіи подтверждаютъ это заключеніе блестящимъ образомъ: строительная дѣятельность Стефана показываетъ то же обиліе средствъ и силъ и въ другой области культурно-художественнаго развитія народа. Въ связи съ условіями подчиненія Сербіи туркамъ стоитъ и остальная исторія сербскаго народа: завоеваніе Сербіи никогда не доводило народъ до того страшнаго упадка, который былъ послѣдствіемъ завоеванія турками Болгаріи: вся позднѣйшая исторія Сербіи—народная борьба съ турками, результатомъ чего было то, что турки никогда такъ не хозяйничали въ Сербіи, какъ въ Болгаріи, ограничиваясь болѣе или менѣе стремительными набѣгами, осаживаясь только въ городахъ, имѣвшихъ преимущественно стратегическое значеніе. Слѣдствіемъ этого для насъ является бо́льшая сохранность археологическихъ памятниковъ монументальнаго характера въ Сербіи, нежели въ Болгаріи. А болѣе раннее воскресеніе сербовъ изъ подъ неволи, вмѣстѣ съ національнымъ характеромъ, никогда такъ не обезличеннымъ турками, какъ въ Болгаріи, объясняютъ болѣе серьезное, бережливое отношеніе къ своей старинѣ, нежели то видѣть пришлось въ Болгаріи. Здѣсь турецкое иго иначе направило исторію народа, иначе воспитало болгарина. Съ тѣмъ и другимъ приходится считаться даже въ области археологіи.

---

7) Кое-что объ этомъ монастырѣ въ упомянутой статьѣ М. Миличевича, въ Гласникѣ XXI.

София, центръ умственной и культурной жизни молодого болгарскаго государства, лежитъ, подобно Бѣлграду, на мѣстѣ, пропитанномъ на нѣсколько саженъ археологическими остатками. Древнюю римскую Сардику, памятную своими сардикійскими мучениками эпохи гоненій на христіанъ, смѣнилъ византійско-славянскій Срѣдецъ, съ могущественной, богатой византійской колоніей въ IX—XI вѣкѣ; его мѣсто занялъ болгарскій городъ, въ свою очередь смѣненный турецкой „варушью"; теперь ее смѣняетъ воздвигаемая съ лихорадочной поспѣшностью столица новой Болгаріи. Чья-то могучая рука за-разъ безжалостно сметаетъ, не разбирая, остатки старой культуры и въ тоже время полной горстью бросаетъ не сѣмена, а прямо готовые плоды европейской культуры самаго новаго пошиба. София — строющійся вновь городъ, гдѣ много намѣчено, много начато, но мало что доведено до конца.

Поэтому здѣсь, гдѣ ни копнутъ (а копаютъ повсюду для построекъ), вездѣ нападаютъ на остатки старины разныхъ эпохъ; старыя зданія, восходящія подчасъ ко временамъ Сардики, быстро сносятся, чтобы замѣниться модными, довольно пошлыми коттеджами вѣнскаго стиля. Благодаря этой строительной лихорадкѣ, въ Софіи находятъ массы монетъ античной, византійской и славянской эпохъ, находятъ въ центрѣ города древне-христіанскія катакомбы (на площади — будущихъ улицахъ — противъ государственной типографіи) съ фресками, находятъ надписи, статуи въ цѣломъ видѣ и обломкахъ. Поэтому недавно открытый музей уже полонъ древними вещами, каждая книжка сборника министерства народнаго просвѣщенія [8]) въ значительной своей части заполнена статьями археологическаго характера. Музеевъ въ Софіи собственно два: одинъ, гдѣ хранятся болѣе мелкіе и болѣе цѣнные предметы, помѣщается въ одномъ зданіи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и другой, гдѣ собраны, хотя еще не приведены въ порядокъ, болѣе громоздкіе предметы, — прекрасное по массѣ свѣта и воздуха зданіе, обращенное въ музей изъ турецкой джаміи (мечети); это — громадная зала съ пятью плоскими куполами, съ галлереей внутри кругомъ всѣхъ стѣнъ; здѣсь собраны надписи, каменные предметы, а также богатая коллекція по этнографіи; здѣсь же археологическіе предметы, найденные при рытьѣ фундамента для народнаго собранія, изъ византійской эпохи XI—XII в. [9]). Въ первомъ музеѣ богатая коллекція монетъ античныхъ, ви-

---

[8]) „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина". Вышло 14 томовъ; содержаніе первыхъ 11 томовъ, см. въ Археол. Изв. и Зам. 1895 г., № 9—10.

[9]) Подробнѣе см. Сборникъ за нар. ум. II, 46—60, статья братьевъ Шкорпиловъ «Срѣднѣвѣкови черкви и гробница въ София».

зантійскихъ, старо-сербскихъ и болгарскихъ, древнія иконы (одна XIV в.), коллекція римской бронзы и т. д.

Повидимому, на первый взглядъ, можно предположить, что дѣло археологическаго изслѣдованія края поставлено какъ слѣдуетъ, ведется широко, какъ широко заводится все въ молодой Болгаріи, спѣшащей наверстать потерянные вѣка своего рабства. Но это только лицевая сторона медали, ея показная сторона, удовлетворяющая зрителя, какъ и многое другое, что сдѣлано и дѣлается на показъ, особенно въ Болгаріи. На дѣлѣ же положеніе вовсе не такъ утѣшительно. Погоня за внѣшностью, за модой, желаніе поскорѣй догнать Европу въ соединеніи съ практичнымъ складомъ еще неразвитаго ума, только что стряхнувшаго ужасный гнетъ, обезличившій, въ значительной степени понизившій нравственный уровень, до сихъ поръ громко говорятъ, что сознаніе важности памятниковъ прошлаго не составляетъ еще достоянія болгарскаго населенія столицы. Музей, о которомъ я говорилъ, собралъ въ своихъ коллекціяхъ только незначительную часть того, что было найдено; остатки старины уничтожаются безжалостно ради новыхъ построекъ, а на рынкахъ у торговцевъ и торговокъ продаются въ изобиліи античныя и византійскія монеты и мелкіе предметы старины. Открытыя катакомбы начали раскапывать и засыпать подъ фундаментъ дома, и изъ нѣсколькихъ сохранилась только одна—и то благодаря, какъ мнѣ сообщали, энергичному протесту противъ разрушенія авторитетнаго чужаго человѣка, проф. Ѳ. И. Успенскаго. На той же площади, противъ народнаго собранія оказалась небольшая постройка, вѣроятно, небольшая церковь древняго времени, отъ которой сохранились довольно хорошо стѣны, нѣсколько приступокъ, ведущихъ внизъ (полъ зданія ниже уровня почвы); эта постройка не уничтожена, но, что еще не лестнѣе для Софіи, ничѣмъ не защищенная отъ невѣжества населенія, она стала мѣстомъ для нечистотъ... На той же площади стоитъ отлично сохранившаяся развалина церкви св. Софіи, прекрасной базилики византійскаго типа X—XI в. съ массивными стѣнами и сводами. Турки, судя по оставшейся базѣ минарета, повидимому, обратили ее когда то въ мечеть. Но что же сдѣлали съ ней практичные болгаре, ставши хозяевами въ Софіи и уничтоживъ мечеть? Пользуясь несокрушимой твердостью и значительной высотой церкви, они устроили на верху ея довольно безвкусную, я бы сказалъ, глупую бесѣдку-курятникъ, и св. Софія X—XI в. служитъ теперь каланчей, чтобы наблюдать съ нея, нѣтъ ли гдѣ въ новой болгарской столицѣ пожара! Зданій же, которыя съ такимъ же удобствомъ, но съ большимъ приличіемъ и съ меньшимъ оскорбленіемъ для вѣковой руины могли бы служить этой практической цѣли,

въ Софіи не мало и безъ того: укажу хотя бы на лежащую противъ руины громадную многоэтажную государственную типографію, при томъ еще и съ башней на крышѣ. Но самый поразительный примѣръ подобнаго отношенія къ старинѣ, на этотъ разъ уже не чужой до извѣстной степени (каковы римскіе, древне-христіанскіе и византійскіе памятники), а къ *своей*, видимъ въ селѣ Боянѣ, на разстояніи часа ѣзды отъ Софіи, въ той самой Боянѣ, которая, благодаря своей церкви и древностямъ, открытымъ въ ней В. И. Григоровичемъ, далеко не безъизвѣстна и въ нашей научной литературѣ. Если драгоцѣнныя ея рукописи нашли, хотя на чужой сторонѣ, надежное мѣсто храненія, за что мы должны поблагодарить В. И. Григоровича [10]), то не менѣе драгоцѣнныя фрески церкви, вмѣстѣ съ ней самой, остаются еще жертвой времени и невѣжества сельскаго населенія Бояны. Церковь, какъ извѣстно, построена въ честь „іерарха Христова Николы и великосильнаго мученика Христова Пантелеймона“ (какъ о томъ гласитъ фресковая надпись въ церкви на южной стѣнѣ) „попеченіемъ и трудомъ и любовію многою“ Калояна севастократора, внука св. Стефана, краля сербскаго, украшена же вся фресками при болгарскомъ царѣ Константинѣ Асѣнѣ „ендикто .ꙁ. въ лѣто ,ѕ҃ ѱ҃.ѯ҃.ꙁ҃-е (т.-е. 6767—1259)“ [11]), почему въ церкви и помѣщено фресковое изображеніе царя Калояна и его супруги. Какъ всѣ древнія церкви, и Боянская по размѣрамъ очень мала и темна; въ планѣ она представляетъ продолговатый четвероугольникъ съ полукруглой абсидой, съ двумя куполами—надъ притворомъ, отдѣленнымъ отъ церкви стѣной съ изображеніями, и надъ самой церковью. Два узкихъ окна въ стѣнахъ церкви и четыре такихъ же въ куполѣ слабо освѣщаютъ церковь. Нѐ болѣе свѣта даетъ куполъ и надъ притворомъ. Осматривать фрески церкви приходится съ огнемъ. Онѣ представляютъ собой драгоцѣннѣйшій образецъ византійскаго искусства на болгарской почвѣ, поражаютъ живостью рисунка и колорита, и своимъ существованіемъ служатъ, такъ сказать, живымъ опроверженіемъ ходячаго мнѣнія о сухости, условности и безжизненности византійской иконописи. Заботы о сохраненіи этого драгоцѣннаго болгарскаго и византійскаго памятника искусства со стороны правительства и ученыхъ ограничились только тѣмъ, что правленіе музея сняло довольно посредственныя копіи съ изображеній Калояна и его семьи и помѣстило ихъ въ музеѣ, предоставивъ обереганіе памятника усердію малограмотнаго старосты и безграмотныхъ боянскихъ шоповъ. Результатъ тотъ, что церковь содержится крайне неряшливо; а такъ какъ церковь темна (и притомъ бѣдна), то болгаре преспокойно при-

10) Въ Румянцовскомъ музеѣ №№ 1690, 1710, 1711 (?), 1713 и др.

11) Надпись не совсѣмъ исправно издана въ Гласникѣ Српск. Уч. Др. VII, 189—190.

лѣпляютъ плохія коптящія и чадящія свѣчечки прямо къ стѣнамъ, точнѣе прямо къ фрескамъ XIII вѣка, покрывая ихъ, поверхъ копоти вѣковъ, копотью своихъ плохихъ свѣчей. Но дѣло этимъ не ограничивается: понадобилось устроить обычныя на востокѣ мѣста для стоянія вдоль стѣнъ, и деревянныя стойки прибили огромными гвоздями къ тѣмъ же фрескамъ; эти же громадные крючья и гвозди вбиваются безъ разбора во фрески и выше, гдѣ оказалось удобнымъ повѣсить плохонькую, новѣйшаго фасона, грошовую лампадку или икону, пожертвованную благочестивымъ прихожаниномъ. Мое замѣчаніе [12]) по поводу этого вызвало въ сторожѣ нѣчто въ родѣ удивленія, а разъясненіе— нѣчто въ родѣ оправданія, что-де запись о построеніи и украшеніи храма цѣла, и гвоздей въ нее не вбиваютъ! Она дѣйствительно промыта— вторая заслуга ученыхъ археологовъ передъ наукой! Чѣмъ подобное отношеніе къ *своей* старинѣ болгарской интеллигенціи лучше отношенія турокъ къ сербской церкви въ мон. Любостини, гдѣ до сихъ поръ о томъ свидѣтельствуютъ фрески на стѣнахъ съ выколупнутыми глазами и изрубленныя турецкими саблями? Конечно, тутъ вина не бѣднаго попа, сторожа церкви, а небрежности, равнодушія образованныхъ или считающихъ себя образованными болгаръ, тратящихъ крупныя суммы на дворцы и парки съ плохими статуями и неуклюжими фонтанами и не нашедшихъ до сихъ поръ средствъ для приличнаго поддержанія одного изъ древнѣйшихъ національныхъ памятниковъ. И, дѣйствительно, пора заинтересоваться своимъ искусствомъ, своей стариной еще не наступила для Болгаріи: если во главѣ художественнаго образованія—рисовальной школы, устроенной въ подражаніе европейскимъ,—пришлось поставить чужеземцевъ, къ которымъ съ такимъ недовѣріемъ относятся туземцы, то археологія еще менѣе можетъ назвать болгарскихъ именъ въ числѣ своихъ дѣятелей [13]). Во главѣ музея стоитъ энергичный ученый В. Добруски, во всякомъ случаѣ не болгаринъ по происхожденію, его ближайшими сотрудниками являются братья К. и Х. Шкарпилы, чехи; имъ принадлежатъ въ значительномъ большинствѣ статьи археологическаго характера въ Сборникѣ за нар. умотворения. А отъ нихъ, какъ иноземцевъ, нельзя и требовать, при всей пользѣ и важности ихъ трудовъ, того вниманія къ болгарскимъ и византійскимъ древностямъ, какое мы въ правѣ ожидать отъ мѣстнаго ученаго-болгарина [14]). Пока этого ученаго еще нѣтъ: иныя

[12]) Я посѣтилъ Бояну въ сопровожденіи директора рисовальной школы чеха Мрквички и его помощника, русскаго еврея, скульптора Б. Шатца, и не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться съ ними своимъ негодованіемъ.

[13]) Первое научное описаніе археологич. древностей Болгаріи принадлежитъ талантливому чеху Иречку (Cesty po Bulharsku—Das Fürstenthum Bulgarien).

[14]) Статьи Добруски и Шкартиловъ, вполнѣ естественно, посвящаются классической

заботы и стремленія, часто ничего общаго съ наукой не имѣющія, отвлекаютъ силы въ иную сторону. Чѣмъ скорѣе хотя часть этихъ силъ обратится къ своей старинѣ, тѣмъ болѣе выиграетъ отъ этого и болгарская, и вся наука вообще. Будемъ жить пока надеждой...

М. Сперанскій.

II.

Къ доисторической археологіи Сибири.

(Объ орудіяхъ рыбной ловли у обитателей Иркутской губерніи въ неолитическую эпоху).

Въ приложеніи къ „Трудамъ V-го Археологическаго съѣзда" помѣщенъ отчетъ Н. И. Витковскаго: „о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Ангары, произведенной лѣтомъ 1880 и 1881 г.", Весьма обстоятельный и интересный отчетъ этотъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторый пробѣлъ, состоящій въ томъ, что Н. И. Витковскій не могъ объяснить значенія найденныхъ имъ въ могилахъ каменныхъ издѣлій, „имѣвшихъ отдаленное сходство съ рыбой", и затруднился въ объясненіи значенія найденныхъ тамъ же когтей хищныхъ животныхъ.

Предметы эти г. Витковскій описываетъ слѣдующимъ образомъ [1]): „160 издѣлій изъ жировика и различныхъ сланцевъ, табл. XXXVII. (Привожу изображенія этихъ издѣлій на рис. 4):

„Наибольшее изъ нихъ представляетъ слѣдующіе размѣры: длина по плоской сторонѣ 151, по выпуклой 161 мм., окружность въ наиболѣе толстомъ мѣстѣ, ближе къ большой головкѣ 62, непосредственно при ушкахъ этой головки 52, при ушкахъ малой головки 26 мм.; длина большой головки 11, ширина ея при основаніи 23 мм.; длина меньшей—8, ширина ея 13 мм. Затѣмъ, размѣры этихъ загадочныхъ вещицъ постоянно уменьшаются, и наименьшая изъ нихъ имѣетъ въ длину только 15 мм. Всѣ онѣ отшлифованы съ замѣчательною тщательностью и, варьируя въ размѣрахъ до того, что между ними трудно найти двѣ совершенно равныя, съ удивительнымъ постоянствомъ сохраняютъ одну и ту же форму. На поверхности нѣкоторыхъ изъ нихъ,

---

археологіи и доисторической, какъ областямъ для нихъ болѣе доступнымъ и интереснымъ. (См. Арх. Изв. и Зам. 1895 г., № 9—10).

[1]) «Труды V Археол. съѣзда въ Тифл.» стр. 296—297.

особенно сдѣланныхъ изъ жировика, хорошо видны еще спиральныя царапины, полученныя при шлифовкѣ; поверхность же нѣсколькихъ, выдѣланныхъ изъ глинистаго сланца, сильно разрушена и выглядитъ бугристо-неровною, что произошло, повидимому, уже въ могилѣ (?); встрѣчаются между ними также и экземпляры, неполучившіе еще окончательной отдѣлки.

„Какое значеніе имѣли эти издѣлія? Для такой цѣли здѣшній аборигенъ изготовлялъ ихъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что на каждаго изъ найденныхъ его покойниковъ приходится среднимъ числомъ

Рис. 4.

Издѣлія изъ камня, найденныя въ древнихъ могилахъ на р. Ангарѣ, въ Иркутской губ. (*Въ $^2/_3$ настоящей величины*).

болѣе 10 штукъ,—вопросы, на которые я не могу дать рѣшительнаго отвѣта. Производя раскопку въ нынѣшнемъ году, я съ возможно полнымъ вниманіемъ наблюдалъ расположеніе этихъ вещицъ около костяковъ съ цѣлью подмѣтить ихъ назначеніе, но тщетно: сложенныя въ безпорядочную кучу при кистяхъ рукъ или при ступняхъ ногъ, или же расположенныя рядомъ на плечевой кости, онѣ не объясняли ничего. Принимая однако во вниманіе самые незначительные размѣры многихъ изъ нихъ, а также и то, что всѣ онѣ сдѣланы изъ породъ сравни-

тельно мягкихъ, съ большею вѣроятностью можно допустить, что *это не орудія въ тѣсномъ смыслѣ слова, а скорѣе предметы украшенія или какіе-нибудь символическіе знаки*". Здѣсь, въ примѣчаніи, приведено предположеніе профессора Гревингка въ статьѣ его „Eine ostsibirische Gräber-Stätte des Steinalters. Dorpat. 1882 г.", что камни эти, будучи привязаны къ тонкимъ и длиннымъ ремнямъ, служили орудіемъ (вродѣ лассо) для охоты на дикихъ птицъ, преимущественно на гусей, но предположеніе профессора Гревингка г. Витковскій, въ томъ же примѣчаніи, вполнѣ основательно опровергаетъ. Далѣе авторъ упоминаетъ, что подобныя вещицы были въ музеѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла, доставленныя туда И. С. Поляковымъ въ числѣ предметовъ коллекціи каменныхъ орудій изъ окрестностей Тунки, причемъ И. С. Поляковъ причислилъ ихъ къ „*символическимъ изображеніямъ рыбъ* (?!). И то и другое предположенія не могутъ быть признаны удовлетворительными, въ-1-хъ, потому, что слова „какіе-нибудь символическіе знаки" или „символическія изображенія рыбъ" (?)—ровно ничего не объясняютъ, а, во-2-хъ, потому, что всѣ предметы, значеніе которыхъ неизвѣстно, въ большинствѣ случаевъ почему-то относятся къ предметамъ „символическимъ".

Рис. 5.
Звѣриные кости изъ тѣхъ же могилъ.
(*Въ натуральную величину*).

„Стержни изъ когтей хищныхъ животныхъ" описаны слѣдующимъ образомъ [2]): „одинъ изъ нихъ длиною по выпуклой сторонѣ 87 мм.,

---

2) См. стр. 303 «Трудовъ» V Съѣзда.

имѣетъ на вогнутой сторонѣ 3 зубца, выпиленныхъ очень искусно ближе къ верхнему, очень острому концу, и по три бороздки при основаніи на каждой изъ двухъ упомянутыхъ сторонъ; другой, длиною 77 мм., снабженъ четырьмя зубцами, размѣщенными почти на срединѣ вогнутой же стороны и только одною бороздкою при основаніи; оба очень хорошо выглажены. Можно бы полагать, не безъ нѣкотораго, впрочемъ, сомнѣнія, что *издѣлія эти служили удочками для ловли рыбы*". „Шесть

Рис. 6.

Опытъ реконструкціи рыболовныхъ крючковъ.

1. Крючекъ изъ деревянной основы съ насаженнымъ на него когтемъ *a* и прикрѣпленнымъ каменнымъ грузиломъ *F* при помощи ремешка или сухожилія.—2. Подобный же крючекъ, реконструированный изъ грузила *E* и когтя *ж.*—3. Крючекъ меньшей величины съ когтемъ *д.*—4. Самый маленькій крючекъ—изъ грузила *I* и крючка *ι*.

(Въ 1/2 настоящей величины).

стержней изъ когтей мелкихъ животныхъ съ явственными слѣдами обработки. Ничтожные размѣры многихъ изъ нихъ (13 мм.) позволяютъ думать, что крючки эти служили не орудіями, а *символическими знаками*, какими, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, „люди природы увѣшиваютъ себя охотно".

Рисунки стержней когтей, какъ они изображены на таблицѣ при статьѣ г. Витковскаго, воспроизведены мною на приложенномъ рисункѣ (5-мъ).

Приведенныя описанія каменныхъ издѣлій и стержней когтей соединены мною въ виду того, что столь различные, повидимому, предметы, служили, по моему мнѣнію, только отдѣльными составными частями одного и того же орудія, а именно: *рыболовнаго крючка*, который состоялъ: изъ *каменнаго грузила*, изогнутаго *куска твердаго дерева* и *остраго наконечника изъ когтя*. Нижепомѣщенные рисунки (рис. 6) даютъ наглядное понятіе объ устройствѣ такихъ удочекъ. Изъ рисунковъ этихъ видно, что предполагаемыя „символическія изображенія рыбъ“ служили просто грузилами, а когти — крючками, причемъ оба предмета соединялись при помощи изогнутаго куска дерева, обматывавшагося, вѣроятно, ремешкомъ или сухожиліемъ.

Крючки № 1 и 2 могли употребляться для ловли рыбы безъ наживки, подобно тому, какъ это и теперь дѣлается (большіе крючки „снасти“). Если бы роговая часть крючка, зацѣпивъ крупную рыбу, отломилась (а это легко могло случиться), то она дѣйствовала бы подобно гарпуну, такъ какъ будучи крѣпко привязана сухожиліями къ дереву и каменному грузилу, не позволила бы рыбѣ уйти.

Крючки № 3 и 4 употреблялись, вѣроятно, для ловли мелкой рыбы, при помощи наживки. Такъ какъ острія ихъ загнуты внутрь, то рыбѣ не легко было соскочить съ крючка, и потому такой крючекъ не нуждался въ боковыхъ зазубринахъ.

Подобное устройство удочекъ являлось не особенно хлопотливымъ дѣломъ, и хотя онѣ не могли отличаться большою прочностью, но доисторическій насельникъ береговъ Ангары, вѣроятно, предпочиталъ ихъ костянымъ удочкамъ, изготовленіе которыхъ требовало много времени и труда.

Въ правильности опредѣленія значенія вышеописанныхъ каменныхъ издѣлій и когтей меня укрѣпляютъ слѣдующія соображенія:

1) Судя по многочисленности гарпуновъ, найденныхъ въ могилахъ, и по свойству мѣстности, въ которой эти могилы находились, можно утвердительно сказать, что рыбная ловля для аборигеновъ береговъ Ангары составляла, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, главный источникъ пропитанія. Но ловля рыбы при помощи гарпуновъ требовала извѣстнаго искусства и благопріятныхъ условій, которыя не могли быть постоянно налицо, слѣдовательно, такой способъ рыболовства являлся не особенно добычливымъ. Поэтому предположеніе о томъ, что аборигены береговъ Ангары, кромѣ гарпуновъ, употребляли для рыбной ловли еще удочки

и сѣти,—болѣе чѣмъ вѣроятно. Доказательствъ существованія сѣтей въ могилахъ, конечно, нельзя было найти; крючки же описаннаго мною типа оставили послѣ себя только то, что не могло сгнить, т. е. когти животныхъ и каменныя грузила. Возраженіе же, что аборигенамъ береговъ Ангары употребленіе крючковъ было неизвѣстно,—не должно считаться серьезнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что даже человѣкъ палеолитической эпохи знакомъ былъ съ удочкой и умѣлъ приготовлять костяные крючки и гарпуны, тѣмъ болѣе можно ожидать знакомства съ удочкой у обитателей неолитическаго вѣка, у которыхъ рыболовство составляло главное занятіе.

2) Большое количество найденныхъ каменныхъ вещицъ указываетъ на то, что аборигенамъ береговъ Ангары онѣ были очень нужны; изготовленіе же ихъ изъ сравнительно мягкихъ породъ—жировика и сланца невольно наводитъ на мысль, что отъ вещицъ этихъ не требовалось особой прочности и что онѣ часто замѣнялись новыми, вслѣдствіе, напр., потери. (Всякому рыболову извѣстно, какъ часто приходится терять крючки и лесу по случайнымъ причинамъ). Затѣмъ, самая форма „вещицъ“ доказываетъ, что верхняя головка служила для привязыванія шнурка, нижній клинообразный конецъ съ плечиками—для вставленія на подобіе клина и привязки, а плоская сторона — для наложенія на другую плоскость. Общая форма вещицъ удивительно ловко приспособлена для прочной обвязки ихъ шнуркомъ, тонкимъ ремешкомъ или сухожиліями. По описанію г. Витковскаго нѣкоторыя изъ вещицъ сохранили спиральныя царапины „отъ шлифовки“; мнѣ кажется, что царапины сдѣланы были нарочно для того, чтобы обвязка на камнѣ держалась еще прочнѣе. Разнообразіе размѣровъ вещицъ, въ виду приписаннаго имъ значенія, весьма понятно, ибо величина грузилъ варьировалась сообразно съ величиной крючковъ.

Ѳ. Аѳанасьевъ.

Октября 4-го дня 1897 г.
Гор. Т. Х. Шура.

III.

Поправка къ статьѣ В. А. Городцова „О столбахъ, встрѣченныхъ на площади Борковскаго могильника“ [1]).

Въ 1891, 1892, 1893 и, наконецъ, въ 1897 гг. мнѣ пришлось принимать непосредственное участіе въ раскопкахъ Борковскаго могильника и въ теченіе пяти лѣтъ изучать древности, найденныя какъ при остаткахъ вскрытыхъ погребеній, такъ и встрѣченныхъ на площади могильника. Борковскій могильникъ представляетъ богатый и любопытный памятникъ, сохранившійся изъ до-историческаго прошлаго Рязанскаго края. Признавая важное научное значеніе Борковскаго могильника, я считаю долгомъ указать на болѣе крупныя ошибки, замѣченныя мною въ названной статьѣ. Указывая на ошибки, допущенныя В. А. Городцовымъ, я имѣю въ виду одну цѣль,—возстановить дѣйствительные факты въ ихъ настоящей формѣ, а потому оставляю въ сторонѣ личныя мнѣнія и заключенія В. А. Городцова, памятуя, что никому не возбраняется имѣть свои мнѣнія, какъ бы странны и необычайны они ни были.

1) Въ своей статьѣ В. А. Городцовъ говоритъ: „Отсюда становится понятнымъ тотъ интересный фактъ, что одинъ изъ защитниковъ археологическаго значенія столбовъ, А. И. Черепнинъ, совсѣмъ уклонился отъ выраженія личнаго своего мнѣнія о значеніи столбовъ, хотя имѣлъ къ этому много случаевъ, печатая замѣтки о борковскихъ древностяхъ“. И далѣе: „Очевидно, онъ потерялъ вѣру въ значеніе столбовъ“ [2]). Смыслъ первой фразы противорѣчитъ содержанію второй,— если я нигдѣ не высказалъ своего мнѣнія объ археологическомъ значеніи остатковъ отъ древнѣйшихъ столбовъ, то какимъ же путемъ я могъ оказаться защитникомъ ихъ? Своеобразная логика В. А. Городцова не относится къ дѣлу; но я долженъ напомнить ему, что еще въ 1894 году мною опредѣленно высказано мнѣніе объ остаткахъ совершенно истлѣвшихъ столбовъ въ статьѣ „Борковскій островъ и его древности“, помѣщенной въ Археолог. Извѣст. и Замѣт., № 6 и 7, за 1894 годъ. Кромѣ того, я слишкомъ подробно говорилъ о томъ же предметѣ въ 3 выпускѣ X тома Трудовъ Рязанской архивной коммиссіи за 1895 г., (стр. 291—296). Что особенно странно, В. А. Городцовъ, въ качествѣ члена Рязан. арх. ком., получаетъ Труды и, повидимому, не просматриваетъ ихъ. Затѣмъ, могу успокоить сомнѣніе В. А. Город-

[1]) См. Археологич. Извѣстія и Замѣтки, № 12, за 1897 г., стр. 390 - 402.
[2]) Тамъ же, стр. 394.

цова, вѣру въ археологическое значеніе древнѣйшихъ столбовъ я не потерялъ и смотрю на нихъ, какъ на несомнѣнные слѣды древняго поселка, раскинутаго на части Борковскаго могильника. При чтеніи статьи В. А. Городцова получается такое впечатлѣніе, что только онъ постигалъ разницу между старыми столбами и остатками отъ современныхъ барачныхъ и телеграфныхъ столбовъ; остальные же члены коммиссіи, ведшіе раскопки, какъ грудные младенцы, не могли усмотрѣть различія между ними. Чтобы разсѣять туманъ, нагнанный статьею В. А. Городцова на сущность спора о столбахъ, привожу подлинное описаніе вида и характера спорныхъ столбовъ: „Найдено пять истлѣвшихъ столбовъ, собственно сохранились только остатки ихъ нижнихъ частей; столбы имѣли отъ 8 до 20 вершковъ высоты и отъ 2 до 3 вершковъ въ діаметрѣ; они стояли въ землѣ вертикально и вершины ихъ находились ниже почвеннаго слоя; у нѣкоторыхъ же изъ нихъ (3) вершины находились даже ниже поверхности темнаго слоя. Надъ одними изъ этихъ столбовъ были замѣтны слѣды перерытія верхняго почвеннаго слоя, а равно и темнаго, что указывало на недавнее появленіе столбовъ на этомъ мѣстѣ и *рѣшительно не позволяло относить ихъ къ открытымъ здѣсь погребеніямъ;* надъ другими же столбами (3) верхній почвенный слой земли казался совершенно нетронутымъ и степень разрушенія ихъ была полная; они представляли сѣровато-коричневую пылеобразную массу, мягкую на ощупь, заключенную точно въ футлярѣ въ окружающей землѣ, сохранившей форму бывшихъ столбовъ... „Въ теченіе раскопокъ на этой части могильника и на прилегающихъ къ ней мѣстахъ было найдено всего 27 истлѣвшихъ столбовъ; степень разрушенія ихъ была не одинаковая,—большая часть изъ нихъ сохранила свою форму; пять же столбовъ представляли буквально нѣжную и мягкую порошкообразную массу, утратившую не только наружную форму дерева, но даже не сохранившую слѣдовъ растительной клѣтчатки“ [3]).

Вотъ о какихъ столбахъ былъ споръ въ 1892 году.

2) Любопытно было бы узнать, гдѣ В. А. Городцовъ встрѣтилъ погребенія, современныя древнему поселку [4]). Ни мнѣ, ни кому изъ другихъ членовъ коммиссіи, участвовавшихъ въ раскопкахъ, не удалось наблюдать ни одного погребенія, которое подавало бы хотя слабый поводъ отнести его ко времени существованія древняго поселка, расположеннаго на части Борковскаго могильника. Правда, поселокъ имѣлъ свое кладбище, но оно отстояло отъ Борковскаго могильника къ сѣверу сажень на сто.

---

[3]) Труды Ряз. Уч. Арх. Ком., томъ X, выпускъ 3, стр. 368.

[4]) См. Археол. Изв. и Зам., № 12, стр. 397.

3) Всѣ разсужденія В. А. Городцова о быстромъ процессѣ разрушенія древесины въ почвѣ Борковскаго могильника представляютъ его личное мнѣніе. Дѣйствительные же факты этого не подтверждаютъ. Укажу, какъ на одинъ изъ примѣровъ, на обрывки и крупные куски полуистлѣвшаго древеснаго луба, найденные при остаткахъ многихъ костяковъ во вскрытыхъ нами могилахъ, а также на сохранившіяся части деревянныхъ ноженъ и рукоятокъ при мечахъ, рукоятокъ при желѣзныхъ ножахъ и проч. Погребенія же, во всякомъ случаѣ, значительно древнѣе поселка, бывшаго на площади могильника.

А. Черепнинъ.

IV.

По поводу статьи г. Городцова.

Въ № 12 „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ" за 1897 г. помѣщена статья г. Городцова: „О столбахъ, встрѣченныхъ на площади Борковскаго могильника". Авторъ статьи доказываетъ, что столбы, найденные на площади Борковскаго могильника и имъ обслѣдованные, принадлежатъ частью къ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ 1874 года и частью къ постройкамъ и городьбѣ болѣе стараго времени, при чемъ столбы эти, по его мнѣнію, не имѣютъ никакой связи ни съ древнимъ поселкомъ, относящимся къ X—XI в., ни съ погребеніями Борковскаго могильника. Но является вопросъ: кто же отрицалъ то, что доказываетъ г. Городцовъ? Или, вѣрнѣе, кто утверждалъ, что всѣ безъ исключенія столбы, найденные на площади Борковскаго могильника, древняго происхожденія и находятся въ связи съ погребеніями, въ немъ открытыми? Ни одинъ изъ участниковъ въ раскопкахъ могильника ничего подобнаго не утверждалъ.

Все дѣло сводится къ тому, что, какъ видно изъ дневника раскопокъ, двое изъ участниковъ ихъ признали древнее происхожденіе нѣкоторыхъ изъ столбовъ (не болѣе 3-хъ—4-хъ) на томъ основаніи, что покрывавшій ихъ верхній почвенный пластъ земли, а также и темный культурный слой оказались не перерытыми, тогда какъ всѣ прочіе столбы (ихъ насчитываетъ г. Городцовъ въ три раза болѣе) были всѣми участвовавшими въ раскопкахъ единогласно признаны имѣющими недавнее происхожденіе, и только по поводу первыхъ столбовъ (какъ сказано и въ дневникѣ) мнѣнія лицъ, производившихъ раскопки, раздѣлились. Двое (гг. Селивановъ и Черепнинъ) признавали ихъ древность, одинъ

(г. Городцовъ) отрицалъ это. Затѣмъ, мнѣнія двухъ лицъ (гг. Селиванова и Черепнина) также нѣсколько разошлись, но не по вопросу о древности происхожденія вышеозначенныхъ столбовъ, а о связи ихъ съ самыми погребеніями. Г. Черепнинъ явной связи, т. е. такой, которая бы ставила вопросъ внѣ всякаго сомнѣнія, не усматривалъ, съ чѣмъ вполнѣ согласился и г. Селивановъ; но послѣдній, по аналогіи съ найденнымъ имъ столбомъ въ одной изъ могилъ въ Старой Рязани и по другимъ соображеніямъ, въ то же время допускалъ возможность и вѣроятность таковой связи, что и высказалъ въ видѣ, разумѣется, гипотезы въ своемъ рефератѣ о раскопкахъ Борковскаго могильника.

Насколько это предположеніе правильно—это вопросъ иной, но во всякомъ случаѣ, чтобы опровергать его, необходимо прежде всего доказать то, въ чемъ именно и расходились мнѣнія лицъ, производившихъ раскопки, а именно относительно древности не всѣхъ, но лишь нѣкоторыхъ изъ столбовъ. Признаніе этихъ столбовъ древними основывалось, какъ уже замѣчено выше, на томъ, что покрывавшій ихъ верхній почвенный слой, для образованія котораго требовался достаточно продолжительный періодъ времени, оказался, по утвержденію двухъ лицъ изъ трехъ, участвующихъ въ раскопкахъ, не перерытымъ. Г. Городцовъ не убѣдился очевидностью факта; спрашивается теперь, кому слѣдуетъ вѣрить: г. Городцову или двумъ прочимъ изъ участвовавшихъ въ раскопкахъ? Во всякомъ случаѣ г. Городцову надлежало бы, прежде чѣмъ трактовать о желѣзнодорожныхъ столбахъ, попытаться убѣдить читателей въ томъ, что почвенный слой, покрывавшій столбы, былъ найденъ перерытымъ, а затѣмъ уже говорить по поводу связи столбовъ съ погребеніями. Вмѣсто того, г. Городцовъ только мимоходомъ касается спорнаго пункта, говоря слѣдующее: „ямы борковскихъ столбовъ *во всѣхъ случаяхъ*, гдѣ ихъ можно было наблюдать, вырисовываются отчетливо въ разрѣзахъ почвы. Начинаясь отъ верхняго растительнаго слоя, контуры ямъ шли внизъ, разрѣзая всѣ встрѣченныя на пути культурныя наслоенія, а это убѣдительно доказываетъ, что ямы и столбы, поставленные въ нихъ, были новѣйшаго происхожденія“. Вотъ и все, что въ статьѣ говорится по вопросу о перерытіи почвеннаго слоя. Мы согласились бы съ его заключеніемъ, если бы то, что онъ утверждаетъ, было правильно. Но въ томъ-то и дѣло, что его посылка невѣрна: контуры ямъ надъ тѣми столбами, о которыхъ идетъ рѣчь, не шли внизъ, разрѣзая всѣ встрѣчаемыя на пути культурныя наслоенія, но представляли собою непрерывную линію нетронутыхъ наслоеній, покрывавшихъ собою столбы. Вотъ почему эти столбы и были нами признаны древними, какъ несомнѣнно для каждаго, что постройка всякаго зданія

древнѣе крыши, его покрывающей. Если же для покрытія столбовъ непрерывнымъ почвеннымъ слоемъ требовалось, положимъ, нѣсколько сотъ лѣтъ, то вопросъ о древности происхожденія самыхъ столбовъ на такое же приблизительно время является внѣ всякаго сомнѣнія.

Что же касается до связи столбовъ съ погребеніями—то это вопросъ особый.

Г. Городцовъ, оспаривая гипотезу о связи ихъ съ погребеніями, ничѣмъ не доказалъ своего мнѣнія, что столбы не имѣютъ никакой связи ни съ древнимъ поселкомъ, ни съ погребеніями. Его отрицаніе этой связи совершенно голословно и основывается лишь на отрицаніи факта, установленнаго нами относительно древности нѣкоторыхъ изъ найденныхъ столбовъ, а также на томъ безспорномъ соображеніи, что большая часть столбовъ происхожденія позднѣйшаго. Стараясь опровергнуть предположеніе о связи столбовъ Борковскаго могильника съ погребеніями, г. Городцовъ не совсѣмъ удачно иронизируетъ по поводу находки столба надъ пустой могилой въ Старой Рязани. По остроумному замѣчанію г. Городцова, это равносильно тому, что столбъ пришелся надъ пустымъ мѣстомъ. Повидимому, его очень смущаетъ выраженіе — „пустая могила“. Желательно было бы знать однако, какъ бы г. Городцовъ выразился въ томъ случаѣ, если бы среди цѣлаго ряда могилъ, въ которыхъ сохранились остатки погребенія (кости или пепелъ), оказалось бы совершенно аналогичное сооруженіе безъ всякихъ слѣдовъ погребенія? Что же касается до сооруженія, открытаго въ Старой Рязани, то тѣмъ болѣе къ нему можетъ быть примѣнено названіе могилы, хотя и пустой, что на днѣ ея подъ насыпью оказались нѣкоторые предметы, указывающіе на могильный характеръ сооруженія, а именно: человѣческая косточка отъ пальца съ бронзовымъ на немъ перстнемъ и крестикъ. Но если даже допустить предположеніе, что найденное сооруженіе было не могильное, все же нельзя отрицать его близкой связи съ другими смежными могилами, тамъ найденными, а стало быть и явной связи деревяннаго столба, открытаго въ Старой Рязани, съ погребеніями вообще.

А. Селивановъ.

V.

Археологическая хроника.

—— Желая положить начало болѣе систематическому собранію *Египетскихъ древностей* въ музеѣ изящныхъ искусствъ, имени императора Александра III, организуемомъ при Московскомъ университетѣ, Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ, какъ слышно, отправился въ Египетъ для подробнаго изученія коллекцій музея Gizeh (прежняго Musée de Boulaq), самаго богатаго по древностямъ Египта, гдѣ предполагаетъ заказать и пріобрѣсти для музея изящныхъ искусствъ гипсовые отливы важнѣйшихъ статуй и бюстовъ египетскихъ фараоновъ и божескихъ изображеній, а равно и нѣсколькихъ болѣе замѣчательныхъ рельефовъ историческаго и миѳологическаго характера; нѣкоторые же предметы древне-египетскаго искусства и быта Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ надѣется пріобрѣсти въ подлинникахъ.

—— Таврическая ученая архивная коммиссія исходатайствовала разрѣшеніе на открытіе музея древностей при знаменитомъ ханскомъ дворцѣ въ Бахчисараѣ, воспѣтомъ Мицкевичемъ и Пушкинымъ. Музей, который помѣстится въ двухъ залахъ дворца, будетъ заключать въ себѣ только предметы, касающіеся исторіи, этнографіи и археологіи Крымскаго ханства.

—— По смерти ковенскаго прелата о. Іоанна Родовича остались богатыя коллекціи по ботаникѣ, минералогіи и палеонтологіи, переданныя родственниками его въ ковенскій городской музей. Въ числѣ предметовъ въ коллекціи находятся рога съ черепомъ исполинскаго оленя (Cervus megacerus), шириною отъ одного конца до другого больше сажени. Остатки этого рѣдкаго оленя находятъ только въ торфяныхъ болотахъ. Рога эти принадлежатъ скелету оленя, найденному въ Ковенской губерніи, Россіенскаго уѣзда, въ дер. Поезеры, на глубинѣ $1^1/_2$ сажени подъ торфомъ. Остальной скелетъ не былъ добытъ, потому что вода залила яму. (Вил. Вѣст. 1898 г., № 17).

—— Въ Императорскую Археологическую Коммиссію доставлены два старинныхъ серебряныхъ сосуда, найденныхъ въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Одинъ изъ нихъ представляетъ блюдо съ изображеніемъ на немъ лошадей, а другой—кубокъ съ изображеніемъ обнаженныхъ фей. (К.-В. Кр. № 539, 1897).

—— Въ газ. Уралъ (1897 г., № 253) находимъ замѣтку Е. К—а, которая перечисляетъ рядъ археологическихъ находокъ, за послѣдніе

годы, въ Пермской губерніи. Въ августѣ 1893 года, въ Асовской волости, Кунгурскаго уѣзда, близъ дер. Кулагишъ, крестьянская дѣвушка Марія Гордѣева, снимая горохъ литовкою, выворотила изъ вспаханной земли серебряное, позолоченое блюдо и серебряную вещицу въ родѣ солонки. Находки эти были отправлены въ Петербургъ, и Маріи Гордѣевой было выдано въ 1895 г. за нихъ Археологическою коммиссіей 450 рублей. Весной 1895 г. у дер. Бѣлянкиной (въ 2 вер. отъ Кунгура) былъ выпаханъ на полѣ человѣческій черепъ, лошадиныя кости, сабля, ножъ, нѣсколько наконечниковъ желѣзныхъ и мѣдныхъ стрѣлъ и стальныя стремена, а весною слѣдующаго 1896 г. на томъ самомъ мѣстѣ—серебряные кувшинчикъ и низенькій сосудъ въ видѣ чаши. За исключеніемъ стременъ и сабли, вещи эти были брошены или проданы торговцамъ. Въ деревнѣ Бродъ (въ 4 верстахъ отъ Кунгура) было найдено въ 1897 году около 50 штукъ бронзовыхъ и мѣдныхъ вещицъ и нѣсколько хрустальныхъ и стеклянныхъ бусъ. Еще весною 1886 года въ полѣ около этой деревни крест. Лушниковъ выпахалъ цѣльный человѣческій скелетъ, на которомъ уцѣлѣли: широкій кожаный поясъ, и два ремня перекинутые черезъ плечи и соединенные съ поясомъ бронзовыми застежками. На шеѣ скелета было ожерелье изъ бусъ, а черезъ правое плечо перекинута тонкая бронзовая цѣпь, которая у лѣваго бедра скелета соединялась съ поясомъ. Послѣдній, какъ и наплечные ремни, былъ, почти сплошь, украшенъ мѣдными и бронзовыми накладками всевозможной формы. На цѣпь были нанизаны бронзовыя выпуклыя трубочки въ видѣ боченковъ, а на концѣ ея, у пояса, была подвѣшана небольшая мѣдная трубочка, въ видѣ рожка; при малѣйшемъ сотрясеніи цѣпь звенѣла. Вмѣстѣ съ скелетомъ, Лушниковъ нашелъ еще массу „копейцъ" — бронзовыхъ и мѣдныхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ, но они сильно поржавѣли, и Лушниковъ ихъ не взялъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, т.-е. съ 1886 и по 1897 г., Лушниковъ выпахалъ на своей пашнѣ десять скелетовъ, изъ числа которыхъ два или три были съ такими же украшеніями, какъ и вышеописанный скелетъ. Подлѣ пашни Лушникова находится масса холмиковъ, о которыхъ крестьяне говорятъ, что это чудскія или „чучковы" могилы. Найденныя Лушниковымъ вещи въ настоящее время находятся въ музеѣ Пермской коммиссіи Уральскаго О—ва любит. естествознанія.

—— „Каз. Тел." сообщаетъ, что казанскимъ мѣщаниномъ Романовымъ въ числѣ разныхъ книгъ были куплены у татаръ двѣ старинныя рукописи, касающіяся извѣстнаго подвига костромскаго крестьянина Ивана Сусанина и, судя по находящимся на нихъ отмѣткамъ, относящіяся къ началу XVIII столѣтія. Пріобрѣтенныя рукописи г. Ро-

мановъ препроводилъ въ С.-Петербургъ въ даръ Императорскому Археологическому Институту.

—— Въ концѣ сентября 1897 года въ Бузулукскомъ уѣздѣ, около д. Новотроицкой, въ Баламыревѣ оврагѣ, крестьянинъ Иванъ Пятибратовъ пахалъ свое поле и плугомъ задѣлъ за что-то твердое. Пятибратовъ началъ рыть на этомъ мѣстѣ и вырылъ каменнаго истукана семи четвертей въ вышину, съ нѣсколько коническою головой и довольно широкимъ лицомъ, по типу сходнымъ съ татарскимъ; руки у истукана опущены къ низу, ногъ нѣтъ. На одной рукѣ высѣченъ браслетъ; на груди—знакъ изъ четырехъ палочекъ, напоминающій букву М. (Пенз. губ. вѣд. № 239, 1897).

—— Любопытный памятникъ церковной старины доставленъ на дняхъ, по сообщенію одесскихъ газетъ, высокопр. Іустину, архіепископу херсонскому и одесскому. Это—древній антиминсъ. На обыкновенномъ сѣромъ холстѣ изображено положеніе Христа Спасителя во гробъ. По угламъ антиминса представлены лики евангелистовъ въ ихъ символическихъ изображеніяхъ. Надъ всѣмъ этимъ изображенъ Христосъ, держащій въ десницѣ шаръ земной. На антиминсѣ отпечатаны славянскимъ шрифтомъ слѣд. слова: „Освятися алтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ церкви Вознесенія Господня. Лѣта отъ созданія міра 7183, отъ воплощенія Божьяго слова 1676, мѣсяца мая въ 13 день, при благовѣрномъ великомъ государѣ нашемъ царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михаиловичѣ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при великомъ господинѣ св. Іоакимѣ, патріархѣ московскомъ и всея Россіи“. По распоряженію арх. Іустина, древняя святыня передана въ семинарскую церковь, гдѣ хранится въ ризницѣ.

—— Въ концѣ прошлаго года въ разныхъ газетахъ было напечатано „Письмо къ любителямъ народной старины“ приватъ-доцента Петербургскаго университета В. Н. Перетца, который, предпринимая работу по изслѣдованію развитія кукольнаго театра, проситъ сообщать ему отвѣты на слѣдующіе пункты: 1) Существуетъ ли въ той мѣстности, гдѣ вы живете постоянно или временно, кукольный театръ: а) религіозный (вертепъ, бетлейка, шопка) или б) свѣтскій („Петрушка“ или что-нибудь въ этомъ родѣ). (Мѣстность обозначать точно). 2) Каково отношеніе: а) мѣстныхъ жителей и б) главнымъ образомъ, полиціи къ показывателямъ кукольнаго театра? Если существуютъ какія-либо циркулярныя или мѣстныя распоряженія полиціи, запрещающія кукольныя представленія, прошу не отказать въ сообщеніи ихъ (въ точныхъ копіяхъ). 3) Кто обыкновенно занимается устройствомъ и показываніемъ куколъ? а) національность, вѣроисповѣданіе, возрастъ, имена и фами-

лія показывателей и музыканта (если таковой сопровождаетъ кукольника и участвуетъ въ представленіи); б) отъ кого усвоили это искусство показыватели кукольной комедіи и почему избрали это занятіе? Вознагражденіе, получаемое ими? 4) Каково устройство кукольнаго театра, сцены и куколъ? (если возможно,—прошу сообщить планъ, рисунокъ или хотя набросокъ); 5) на какомъ языкѣ происходятъ представленія? Содержаніе ихъ? Прошу записать текстъ представляемой куклами пьесы; а если представленіе ведется по печатной книжкѣ (рѣдко), то сообщить точное заглавіе этой книжки (списать титульный листъ ея). Записывать устный текстъ слѣдуетъ съ соблюденіемъ особенностей произношенія показывателя, не стѣсняясь современною принятою орѳографіей. Такъ какъ существуетъ два рода пьесъ: однѣ—удобныя для смѣшанной публики, другія — неудобныя, то прошу обратить особенное вниманіе на послѣднія; эти пьесы кукольники остерегаются показывать кому попало или когда заподозрятъ присутствіе полицейскаго надзора. Особенно тщательно прошу отмѣтить имена дѣйствующихъ въ пьесахъ лицъ. 6) Существуетъ ли въ вашей мѣстности панорама (раекъ)? Сообщите устройство его (планъ, рисунокъ, списокъ картинъ), а также текстъ. Нѣтъ ли текста на самыхъ картинахъ? Гдѣ послѣднія обрѣтаются и часто ли мѣняются? У кого учатся раешники?

—— Весною истекшаго года въ Musée Guimet бар. де-Бай выставилъ коллекціи, собранныя имъ во время своихъ поѣздокъ по Европейской Россіи и въ доступныя, благодаря проведенію желѣзной дороги, мѣстности вост. Сибири. Часть предметовъ, составляющихъ коллекцію, относится къ археологіи. Благодаря покупкамъ, въ значительной степени подаркамъ (напр., прекрасная коллекція алтайскихъ бронзовыхъ издѣлій, принесенная въ даръ французскому М. Н. Пр. енисейскимъ вице-губернаторомъ г. Приклонскимъ), отчасти раскопкамъ, которыя барону де-Бай удалось произвести вслѣдствіе широкаго гостепріимнаго отношенія нашей администраціи и мѣстныхъ ученыхъ къ французскому путешественнику, на выставкѣ въ Musée Guimet были представлены прекрасными образцами главнымъ образомъ слѣдующія древности: 1) черепки неолитической орнаментированной посуды изъ разныхъ мѣстностей Россіи, преимущественно изъ сѣверо-восточныхъ губерній и Сибири. 2) Обширная коллекція предметовъ изъ городищъ и кургановъ, преимущественно тѣхъ же мѣстностей. 3) Древности изъ Ананьинскаго и Муранкскаго могильниковъ. 4) Древности изъ Болгаръ и Увека. 5) Интересная коллекція предметовъ изъ Чигирскаго оз. близъ Верхне-Нейвинска. 6) Каменныя орудія изъ подъ Красноярска (Афонтова гора) и 7) алтайскія бронзовыя издѣлія. Коллекція этнографиче-

ская дополняла выставку (вышивки инородцевъ, идолы минусинскихъ татаръ и пр.). *Н. Х.*

—— *Новое германское общество по археологіи Востока.*—Уже въ 1887—88 г. въ Берлинѣ образовался Восточный комитетъ (Orient-Comité), который, опираясь на участіе любителей, преимущественно капиталистовъ, поставилъ себѣ цѣлью раскопками и покупками добывать памятники древняго Востока для Королевскаго Берлинскаго и другихъ германскихъ музеевъ (отдавая музеямъ вещи за свою цѣну). На средства капиталистовъ и при содѣйствіи правительства, и внутри государства и внѣ его, Комитетъ тотчасъ же, но безъ огласки, приступилъ къ дѣлу,—и лишь въ концѣ 1893 г., когда вышелъ I выпускъ трудовъ Комитета въ изданіи королевскихъ музеевъ въ Берлинѣ (Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen), „стало извѣстно ученому міру, что въ Берлинскомъ музеѣ хранится колоссальная коллекція памятниковъ древнѣйшаго періода, пріобрѣтенная экспедиціями Комитета въ Сиріи, и что нѣмцы совершили блестящее завоеваніе на культурной почвѣ древняго Востока и стали тамъ твердою ногою“ [1]).

Эти пріобрѣтенія, благодаря которымъ Берлинскій музей сталъ, какъ Лувръ и какъ Британскій и Пенсильванскій музеи, владѣть собственной коллекціею по древнему Востоку, были результатомъ раскопокъ громаднаго холма Сендширли въ сѣверо-западной Сиріи, совершенныхъ Комитетомъ въ 1888—92 гг. (причемъ, напр., въ теченіе 1888 и затѣмъ 1890—91 гг. раскопки въ общей сложности продолжались 58 рабочихъ недѣль со среднимъ числомъ рабочихъ сначала 80, потомъ 114 человѣкъ). Разрытъ былъ городъ ассирійскаго времени IX—VII в. до Р. Х., съ пятью рядами стѣнъ, дворцами и другими зданіями, огромными барельефами (40), колоссальными статуями (до 100), надписями на нихъ и на стелахъ, со множествомъ предметовъ искусства и быта (около 3,000), которые раздѣлимы на эпохи (опредѣляется, между прочимъ, время появленія желѣза).

Нынѣ Комитетъ расширяетъ свою дѣятельность. По сообщеніямъ берлинскихъ газетъ, образовался, подъ предсѣдательствомъ князя Гейнриха Шёнаихъ-Калоратскаго (крупный маіоратный владѣлецъ въ вост. Бранденбургѣ) и отставного статсъ-секретаря Голльмана учредительный Комитетъ, для образованія уже цѣлаго Германскаго Восточнаго Общества — Deutsche Orient-Gesellschaft. Цѣль Общества (приблизительно та же, что была у Orient-Comité, но болѣе расширенная)—троякая: содѣйствовать изученію восточныхъ древностей вообще, а въ особен-

---

[1]) «Древности Восточныя», Имп. Моск. Археол. Общ., т. II, статья М. В. Никольскаго: «Объ открытіяхъ нѣмецкаго Восточнаго Комитета въ Сиріи», стр. 103.

ности культуры вавилоно-ассирійской, и также египетской; содѣйствовать стараніямъ Берлинскаго Королевскаго Музея, а при случаѣ и другихъ германскихъ музеевъ, направленнымъ къ пріобрѣтенію древне-восточныхъ памятниковъ искусства и культуры; распространять свѣдѣнія по восточнымъ древностямъ и оживлять въ обществѣ интересъ къ этимъ изслѣдованіямъ. Ближайшею задачей Общества будетъ возбуждать въ болѣе широкихъ кругахъ интересъ къ названнымъ культурамъ и при помощи этихъ болѣе широкихъ круговъ осуществлять систематичныя раскопки, какъ на родинѣ указанныхъ культуръ, такъ и въ областяхъ дальнѣйшаго ихъ распространенія. Имѣется въ виду учрежденіе филіальныхъ комитетовъ въ большихъ германскихъ городахъ, и учредители надѣются привлечь тысячи членовъ съ умѣренными взносами. Съ другой стороны уже отправлена ученая экспедиція въ Вавилонію и Ассирію съ цѣлью необходимыхъ предварительныхъ работъ и подготовокъ. *С. С.*

—— Въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ (1897 г., стр. 79) было уже своевременно сообщено объ интересныхъ результатахъ, къ которымъ пришелъ Бертло (Berthelot), на основаніи химическаго анализа нѣкоторыхъ, предполагаемыхъ бронзовыхъ, предметовъ древности изъ Халдеи. Въ дополненіе можно сообщить, что въ засѣданіи 3-го апрѣля 1897 г. въ Académie des Sciences г. Бертло былъ сдѣланъ обстоятельный докладъ о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ. Предметы, подвергнутые имъ химическому анализу, оказались не бронзовыми, а мѣдными: не было найдено ни слѣдовъ олова, ни свинца, ни цинка. Одинъ изъ подвергнутыхъ изслѣдованію предметовъ—копье или клинокъ большихъ размѣровъ съ именемъ царя Киша относится приблизительно къ 4000 лѣтъ до Р. Х. На основаніи произведеннаго химическаго анализа г. Бертло приходитъ къ заключенію, что древнѣйшее населеніе Халдеи, прежде чѣмъ научиться искусству лигатуры, умѣнью составлять бронзу изъ сплава мѣди съ оловомъ—начало свое знакомство съ металлами выдѣлкой предметовъ изъ чистой мѣди. Въ связи съ другими аналогичными указаніями изслѣдованія г. Бертло проливаютъ новый свѣтъ на исторію знакомства человѣчества съ металлами вообще и косвенно на вопросъ объ эпохѣ возникновенія бронзоваго производства въ Месопотаміи. *Н. Х.*

—— По свѣдѣніямъ, которыя впрочемъ нуждаются еще въ провѣркѣ, за послѣдніе годы было найдено на Суматрѣ у Реянга довольно значительное количество финикійскихъ надписей, свидѣтельствующихъ, что финикіяне при своихъ путешествіяхъ достигали Индонезіи. Надписи относятся, если вѣрить сообщеніямъ, приблизительно къ IV в. до Р. Хр. (Anthropologie, VIII, № 3).

—— Ліонскимъ музеемъ пріобрѣтены древности, недавно найденныя на землѣ сельской общины Колиньи, вблизи римской дороги изъ Ліона въ Страсбургъ. Это, во-первыхъ, обломки великолѣпной бронзовой статуи, найденной на 30 сант. подъ поверхностью земли. Статуя, галло-римскаго времени, изображаетъ, повидимому, Аполлона; лицо—прекраснаго стиля; впадины глазъ пусты, т.-е., вѣроятно, глаза были сдѣланы изъ драгоцѣннаго матеріала. Во-вторыхъ, найдено до 150 обломковъ двухъ большихъ бронзовыхъ столовъ; 120 обломковъ покрыты галльскими надписями. Диссаръ, хранитель музея, предполагаетъ что это—календарь, раздѣленный на лунные полумѣсяцы, въ 14 и 15 дней; противъ каждой цифры, обозначающей число мѣсяца, есть отверстіе для вставки, а рядомъ, повидимому, различныя календарныя указанія. (Chron. des Arts, 395).

VI.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи **Московскаго Археологическаго Общества** 27 января былъ доложенъ рефератъ Г. А. Муркоса: „Неизвѣстное доселѣ описаніе Успенскаго и другихъ Кремлевскихъ соборовъ половины XVII вѣка“. Содержаніе его—изложеніе и разборъ еще не напечатаннаго отрывка изъ того же Павла Алеппскаго (см. Арх. Изв., № 1, библіографія), который со свойственной ему наблюдательностью и обстоятельностью описалъ внѣшній видъ, внутреннее устройство, роспись Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, сообщилъ нѣсколько выписокъ изъ стихотворнаго описанія тѣхъ же Московскихъ святынь, сдѣланнаго еп. Исою, и рядъ своихъ наблюденій надъ характеромъ и симпатіями патріарха Никона и надъ нравами москвитянъ. Далѣе слѣдовало сообщеніе В. М. Миронова, излагавшее взгляды автора на статую такъ наз. Венеры Милосской: референтъ убѣжденъ, что это вовсе не Афродита, а Побѣда, и даже предполагаетъ, что у нея были крылья. Несмотря на массу параллелей, подобранныхъ г. Мироновымъ, знатоки классическаго искусства, присутствовавшіе въ засѣданіи, не убѣдились его доводами, главнымъ образомъ въ виду высокой выразительности фигуры и лица, несравненно болѣе приличествующаго богинѣ, нежели глашатайницѣ побѣды.

Въ ноябрьскомъ засѣданіи **Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ** при Московскомъ университетѣ сдѣланы были сообщенія: а) А. П. Сапуновымъ: „Отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщенный въ Исторіи Татищева подъ 1217 годомъ“. Нѣкоторые историки, основываясь на статьѣ г. Лыжина („Два памфлета изъ временъ Анны Іоанновны“), считаютъ подложнымъ разсказъ о „великомъ злѣ и смятеніи въ Полоцкой землѣ“, почерпнутый въ „Исторіи Россіи“ Татищева подъ 1217 г. Лыжинъ въ упомянутой статьѣ своей старается доказать, что разсказъ объ этомъ событіи — памфлетъ, сочиненный Еропкинымъ, единомышленникомъ Волынскаго, и что подъ Святохною надо разумѣть Бирона, и подъ пасынками Святохны — Елизавету и другихъ членовъ царскаго семейства. По мнѣнію г. референта, упомянутый разсказъ

на самомъ дѣлѣ нисколько не противорѣчитъ историческимъ даннымъ. Подлинность его подтверждается свидѣтельствомъ современника, именно Генриха Латыша. Въ хроникѣ послѣдняго много говорится о князѣ Владимірѣ Полоцкомъ, Вячкѣ Куконосскомъ и Всеволодѣ Герцикскомъ, т. е. о тѣхъ же лицахъ, о коихъ идетъ рѣчь и въ отрывкѣ изъ Полоцкихъ лѣтописей, при чемъ хроника и отрывокъ взаимно пополняютъ и поясняютъ другъ друга и рѣшительно ни въ чемъ не противорѣчать другъ другу. На этомъ основаніи А. П. Сапуновъ считаетъ отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей подлиннымъ, а выведенныя въ немъ лица—историческими: Владиміръ Полоцкій, Вячка Куконосскій и Всеволодъ Герцикскій — сыновья Бориса Давыдовича, внуки Всеслава; б) В. О. Эйнгорномъ сдѣлано сообщеніе „объ одной изъ попытокъ Московскаго правительства исправить Андрусовскій договоръ 1667 г.“. Царь, ознакомившись съ трактатомъ, объявилъ автору его Ордыну-Нащокину, что нельзя передавать Кіева черезъ два года полякамъ (какъ постановлялось въ договорѣ), но что его должно оставить за Москвой навсегда. Нащокину, а по уходѣ его въ монастырь, преемнику его, удалось отсрочить передачу Кіева еще на два, а затѣмъ опять на два года. Затѣмъ, когда по Бучацкому договору съ турками поляки признали за ними лѣвобережную Украйну, съ которою передался Турціи Дорошенко, Московское правительство, обязавшееся не принимать въ свое государство польскихъ лишь подданныхъ, завязало переговоры съ Дорошенкомъ, зовя его подъ государеву руку. Переговоры не были успѣшны, отчасти потому, что Москва не соглашалась на условія Д—ка (обложеніе податью всего невоеннаго населенія Украйны, не исключая и помѣщичьихъ крестьянъ, и отдача Дорошенкѣ отъ Самойловича и правобережной Украйны), отчасти потому, что Д—ко, съ которымъ тогда поспѣшили завести переговоры и поляки, скоро сталъ еще неумѣреннѣе въ требованіяхъ. Дѣло кончилось войною съ Турціей. Но именно въ виду этой войны Кіевъ опять не былъ возвращенъ полякамъ, а въ 1686 г. Андрусовскій договоръ перешелъ въ вѣчный миръ съ оставленіемъ Кіева за Москвою.

Въ декабрьскомъ засѣданіи **того же Общества** И. С. Бѣляевъ прочелъ некрологъ А. Н. Зерцалова, дѣятельнаго сотрудника Общества, усерднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго архивнаго труженика; Е. В. Барсовъ докончилъ рядъ своихъ чтеній о догмѣ моленія за царя въ расколѣ.

Въ засѣданіи **Историческаго Общества** при Моск. унив., 14 дек. 1897 г., предсѣдатель Общества В. И. Герье сдѣлалъ докладъ „Значеніе археологіи (тафологіи) для древнѣйшей исторіи Рима“. Представивъ общій очеркъ раскопокъ въ Виллановѣ, въ Этруріи, въ самомъ Римѣ и въ терра-марѣ, докладчикъ указывалъ на выводы изъ нихъ для исторіи Рима. Этрусскія раскопки установили: эпоху сожженія, предшествовавшую эпохѣ погребенія, бронзовый вѣкъ, предшествовавшій вѣку желѣзному, время вліянія греческаго (съ VII в.) и предшествовавшее ему время вліянія финикійскаго (кареагенскаго), вліянія, косвеннымъ образомъ указываемыя, слѣдовательно, и въ сосѣднемъ Римѣ.

Находки въ самомъ Римѣ (съ 1870 года), въ Эсквилинскомъ холмѣ дѣлятся на двѣ эпохи: древнюю, или чисто латинскую, и новую, или эпоху внѣшнихъ вліяній — (по признаку присутствія или отсутствія глиняныхъ сосудовъ немѣстнаго, т. - е. не латинскаго происхожденія: лакированныхъ, или изъ немѣстной глины, или этрусскаго пошиба). Внутри первой эпохи архаическій періодъ отличается отъ болѣе поздняго употребленія урны-хижины (эта урна, лишь разъ встрѣченная на Эсквилинѣ, характерна для Албанскаго могильника, открытаго въ 1817 г.) простымъ геометрическимъ орнаментомъ, постояннымъ сожженіемъ покойниковъ. Во второй эпохѣ представлены: время торговли съ Этруріей, слѣдовавшее затѣмъ время латинскаго „буккаро“ (т. е. мѣстнаго подражанія этрусскимъ и коринескимъ сосудамъ) и, наконецъ, переходъ къ

техникѣ республиканскаго Рима (образчики этого перехода еще неизвѣстны Албанскому могильнику).

Эсквилинскія раскопки связываютъ, такимъ образомъ, римскую древность съ албанской и этрусской. Спорнымъ остается вопросъ о связи эсквилинскихъ находокъ съ культурою терра-маръ (свайныхъ построекъ, по берегамъ По). Гельбигъ усиленно доказываетъ эту связь и видитъ въ обитателяхъ терра-маръ будущихъ латинянъ на пути къ Лаціуму, въ глубоко-древнюю эпоху заселенія Италіи предками латинскаго племени. *С. С.*

Въ засѣданіи **того же Общества**, 28 декабря 1897 г., В. И. Герье прочелъ сообщеніе ***О началѣ лѣтописи въ Римѣ.*** Нибуръ указываетъ, какъ на первоисточникъ Римской исторіи, на древнѣйшую хронику Фабія Пиктора и на анналы понтификовъ, первоначальныя доски которыхъ погибли во время Галльскаго погрома. Цицеронъ съ достовѣрностью указываетъ, какъ на первоначальную хронологическую дату, на солнечное затменіе, бывшее въ 351 году отъ основанія Рима. Затѣмъ наиболѣе достовѣрная исторія начинается со времени возстанія плебеевъ, сожженія и разоренія „вѣчнаго города“ Галлами. Первоначальныя лѣтописи, начало которыхъ можно считать съ этого времени, слагались, кромѣ того, и изъ безыменныхъ хроникъ, консульскихъ и тріумфальныхъ фастъ и календарныхъ записей, публично выставляемыхъ на доскахъ, служившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы новостями текущаго дня. Громадный сборникъ анналовъ, составленныхъ впослѣдствіи по этимъ даннымъ и содержащій въ себѣ до 80 книгъ, принадлежитъ Муцію Сцеволѣ.

Референтъ коснулся въ своемъ докладѣ также подробно изслѣдованій позднѣйшихъ ученыхъ въ этомъ направленіи, какъ-то: Моммзена, Швейглера, Зека и др. Въ заключеніе, подводя итоги всему предшествующему, докладчикъ выразилъ мнѣніе, что ***вопросъ о началахъ римской исторіографіи въ наше время упростился и выяснился***, въ томъ смыслѣ, что традиціонная римская исторія первыхъ двухъ вѣковъ республики, какъ мы ее знаемъ изъ Ливія—очень поздняго происхожденія. Къ такому выводу приводятъ насъ, съ одной стороны, археологическія разысканія, съ другой — критическій разборъ самаго содержанія традиціонной исторіи.

Въ томъ же засѣданіи недавно возвратившійся изъ-за границы А. А. Малининъ прочелъ сообщеніе ***О коллективизмѣ въ современной исторіографіи***, представлявшее критику теоріи Лампрехта, которою онъ пытается доказать, что исторія, слагаясь изъ автоматическихъ дѣйствій отдѣльныхъ личностей, двигается путемъ необходимости, что личность не играетъ никакой роли въ исторіи и что роковые законы исторіи не подчиняются волѣ отдѣльнаго человѣка.

Въ торжественномъ засѣданіи **Археологическаго Института** въ Петербургѣ, 15-го января 1898 г., директоръ Института Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о прошломъ и настоящемъ Института, дѣятельности котораго исполнилось въ этотъ день двадцать лѣтъ. Учрежденіе Института тѣсно связано съ именемъ Н. В. Калачова. Открывшаяся подъ его предсѣдательствомъ въ 1873 году Высочайше утвержденная коммиссія объ устройствѣ архивовъ нашла необходимымъ ознакомиться съ архивнымъ дѣломъ за-границею. Изъ заграничной поѣздки, совершенной имъ въ виду этого, Н. В. Калачовъ вынесъ мысль объ основаніи археологическаго института въ Россіи; проэктъ Института, внесенный въ 1875 г. въ коммиссію, получилъ въ 1877 г. Высочайшее утвержденіе, и съ 15 января 1878 года Институтъ началъ свою дѣятельность. Открытый по частной инниціативѣ и на частныя средства, Институтъ находился съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ въ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ немедленно и не безъ успѣха приступилъ къ выполненію задачъ, намѣченныхъ Н. В. Калачовымъ, въ основу которыхъ было положено изученіе памятниковъ русской старины въ широкомъ смыслѣ этого слова. Средствами къ достиженію задачъ явились преподаваніе

наукъ слушателямъ института, ученыя изданія и открытіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій. Въ первый годъ въ институтѣ преподавались только три предмета: юридическія древности, историческая географія и церковная археологія; въ слѣдующемъ году присоединены были архивовѣдѣніе, исторія земскихъ учрежденій, латинская палеографія и метрологія; затѣмъ постепенно вошли: славяно-русская палеографія, греческая палеографія, нумизматика, польско-литовскія древности, первобытная археологія, русская дипломатика и славянскія древности. Число каѳедръ въ Институтѣ возросло въ настоящее время до 11-и. Число слушателей было въ первый годъ 11, нынѣ 111; всего черезъ Институтъ прошло 468 человѣкъ, изъ коихъ 78 окончили курсъ со званіемъ дѣйствит. студента, а 50—члена-сотрудника Института. Многіе изъ бывшихъ питомцевъ состоятъ въ настоящее время начальниками крупныхъ и важныхъ въ историческомъ отношеніи архивовъ.

Въ теченіе 20 лѣтъ Институтъ издалъ шесть томовъ въ 7 книгахъ „Сборника Археологическаго Института“ и 9 книгъ „Вѣстника археологіи и исторіи“, но, при скудости денежныхъ средствъ, принужденъ былъ отказываться отъ напечатанія многихъ цѣнныхъ матеріаловъ, приливъ коихъ былъ всегда значителенъ. Увеличеніе средствъ (съ 1-го января 1898 г. отпускается на содержаніе Института вмѣсто 6,000 р. 18 тыс. руб.) поможетъ расширить эту дѣятельность. До настоящаго времени учреждены Институтомъ 13 ученыхъ архивныхъ коммиссій: въ Калугѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Орлѣ, Перми, Рязани, Симбирскѣ, Саратовѣ, Симферополѣ, Тамбовѣ, Твери и Ярославлѣ. Коммиссіи эти въ своихъ изданіяхъ обогатили мѣстную исторію множествомъ цѣнныхъ архивныхъ и археологическихъ матеріаловъ и изслѣдованій, разобрали сотни тысячъ старыхъ архивныхъ дѣлъ и составили мѣстные историческіе архивы и музеи древностей.

Послѣ чтенія отчета проф. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о слѣдахъ ассирійской культуры въ курганахъ сѣвернаго Кавказа. Докладчику пришлось прошлымъ лѣтомъ раскопать въ Кубанской области интересный курганъ, дающій возможность объяснить многіе курганы юга Россіи (Кіевской и Черниговской губ.), въ которыхъ найдены скелеты въ согнутомъ положеніи, окрашенные въ красную краску. Кавказскій курганъ представлялъ собою, по всей вѣроятности, царскую могилу. Въ этой могилѣ найдены три скелета, всѣ въ согнутомъ положеніи и окрашены въ ярко-пунцовую краску. Платье одного изъ погребенныхъ было покрыто золотыми изображеніями львовъ и золотыми розетками. Найденъ при скелетѣ рядъ бусъ: золотыя чередовались съ сердоликовыми. На головѣ двѣ золотыя ленты. Здѣсь же находилось нѣсколько трубочекъ изъ серебра и золота съ золотыми бычками на концахъ, 14 серебряныхъ сосудовъ, два золотыхъ сосуда и одинъ изъ камня съ золотымъ горлышкомъ, кремневыя стрѣлы, бронзовое оружіе—топоры, копье и долото, точильные камни, глиняные сосуды съ шарообразнымъ дномъ и мн. др. предметы. У второго скелета найдены золотыя серьги. Проф. Н. И. Веселовскій, на основаніи отсутствія въ могильникѣ желѣза и стекла, предполагаетъ, что разрытый курганъ можетъ быть отнесенъ не ближе, какъ къ седьмому вѣку до Р. Х. Изображенія животныхъ на серебряныхъ сосудахъ позволили докладчику сдѣлать предположеніе о вліяніи ассирійской культуры на культуру древнихъ закавказскихъ народовъ.

Въ заключеніе проф. С. М. Середонинъ прочелъ докладъ о вліяніи помѣстной системы на организацію военной службы въ Московскомъ государствѣ.

Въ день юбилея получено много привѣтственныхъ телеграммъ. Присутствовавшій въ засѣданій почетный членъ Института В. Я. Яковлевъ внесъ тысячу рублей на расширеніе средствъ Института.

Въ годичномъ засѣданіи **Калужской ученой архивной коммиссіи**, 20 декабря, былъ прочитанъ годовой отчетъ о дѣятельности коммиссіи за 1896 и 1897 годы.

Изъ отчета видно, что за два послѣдніе года членами коммиссіи: Н. Д. Четырки-

нымъ, В. М. Кашкаровымъ, В. Н. Ассоновымъ, М. П. Чельцовымъ и С. А. Никитинымъ, просмотрѣно по описямъ болѣе 70000 дѣлъ, изъ которыхъ отобраны, какъ имѣющія интересъ, нѣсколько тысячъ дѣлъ. Членомъ коммиссіи П. А. Трейтеромъ приведены въ порядокъ, находящіяся въ особомъ сундукѣ въ музеѣ, различнаго характера дѣла XVII и XVIII столѣтій, числомъ около 200 дѣлъ.

Въ 1897 году коммиссіей изданы подъ редакціей И. Д. Четыркина 5 выпусковъ „Извѣстій“. Предсѣдатель коммиссіи И. Д. Четыркинъ окончилъ въ прошломъ году изслѣдованіе стоянки-мастерской доисторическаго человѣка, гдѣ обнаружились слѣды культуры различныхъ эпохъ, оканчивая курганною эпохою. Правитель дѣлъ В. М. Кашкаровъ занимался изслѣдованіемъ городовъ и другихъ памятниковъ старины въ предѣлахъ Калужской губерніи, при чемъ съ нихъ сдѣланы были фотографическіе снимки. Коммиссія имѣла шесть засѣданій, на которыхъ прочитано было 14 рефератовъ.

Въ апрѣлѣ 1897 года послѣдовало открытіе Калужскаго губернскаго историческаго музея, въ которомъ нынѣ находится въ 6 витринахъ и на полкахъ болѣе 2000 отдѣльныхъ предметовъ.

Отчетъ заканчивается указаніемъ на настоятельную необходимость расширить помѣщеніе музея, такъ какъ лѣвая половина каменныхъ палатъ Коробовыхъ (домъ Марины Мнишекъ тожъ) становится тѣсною для помѣщенія музея и почти невозможною по сырости для помѣщенія въ нижнемъ этажѣ архива.

Въ заключеніе И. Д. Четыркинъ прочелъ рефератъ объ иконографическихъ формахъ изображенія Сошествія Святаго Духа на Апостоловъ и С. Н. Вагинъ—по поводу предписанія графа Остермана о гуманномъ обращеніи съ колодниками („Калуж. Вѣстн.“).

Въ засѣданіи **историческаго общества Нестора Лѣтописца**, въ Кіевѣ, 1 февраля, было прочитано сообщеніе *Ю. А. Кулаковскаго:* „Новѣйшія находки въ древнемъ Крыму“, именно въ г. „Старый Крымъ“, гдѣ во дворѣ городской думы находится довольно большая четырехугольная колонна, на бокахъ которой сохранились еще остатки надписи на греческомъ языкѣ. При сличеніи остатковъ этихъ надписей съ другими аналогичными надписями, докладчику удалось установить несомнѣнно византійское происхожденіе памятника и опредѣлить эпоху его постановки. Повидимому, на мѣстѣ теперешняго Стараго Крыма существовалъ когда то византійскій городъ, вѣроятнѣе всего, Тазъ, который на древней картѣ Крыма, составленной Птоломеемъ, занимаетъ приблизительно это-же положеніе. Въ этомъ предположеніи докладчика укрѣпляетъ то обстоятельство, что слово „тазъ“, будучи совершенно не татарскаго происхожденія, сохранилось еще и понынѣ въ связи съ названіями нѣсколькихъ селъ и урочищъ, расположенныхъ неподалеку отъ Стараго Крыма (напр., село тазъ-Агернушъ и др.). Далѣе слѣдовали рефераты *А. И. Соболевскаго*, прочитанные Т. Д. Флоринскимъ, о двухъ библіографическихъ рѣдкостяхъ, найденныхъ референтомъ въ Софіи. Первый рефератъ былъ посвященъ выясненію причинъ, вызвавшихъ довольно близкое сходство языка софійскаго евангелія съ языкомъ русскаго евангелія 1283 года, другой — разбору сборника рукописей польскихъ и русскихъ, хранящихся въ Софійской библіотекѣ и относящихся къ половинѣ XVI ст. Послѣднимъ былъ прочитанъ предсѣдателемъ общества *В. Б. Антоновичемъ* рефератъ извѣстнаго изслѣдователя древностей Волыни *С. С. Гамченко* о раскопкахъ въ Житомірскомъ уѣздѣ, на островѣ, образованномъ теченіемъ рѣчки Свиноушки (притокъ Тетерева) и другой, въ настоящее время почти высохшей рѣчки. Здѣсь были открыты остатки поселенія и неподалеку отъ него кладбище, имѣющее съ нимъ непосредственную связь. Остатки земледѣльческихъ орудій и жерноковъ для размола муки явно свидѣтельствуютъ о томъ, что поселенцы занимались земледѣліемъ; на основаніи добытыхъ матеріаловъ г. Гамченко установляетъ древлянское происхожденіе. („Жизнь и Искусство“, № 34, февраля 3-го, 1898 г.).

Дополненіе къ стр. 73.

Гг. Муркосъ и Мироновъ доставили изложенія своихъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіи 27 января, которыя мы и помѣщаемъ съ благодарностью дословно.

Предметомъ реферата г. Муркоса было неизвѣстное доселѣ описаніе Успенскаго и отчасти Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, относящееся къ половинѣ XVII в. Авторъ его — архидіаконъ Павелъ Алеппскій, сопровождавшій своего отца, Антіохійскаго патріарха Макарія, въ его путешествіи въ Россію. Это описаніе опущено въ англійскомъ переводѣ путешествія, но нашлось въ арабской рукописи (съ которой г. Муркосъ издаетъ въ настоящее время полный переводъ) и является совершенной новостью.

До насъ дошли четыре старинныя описи Успенскаго собора: одна относится къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, вторая—1627 г., третья—1638 г. и четвертая — 1701 г. Прекрасное дополненіе къ нимъ составляетъ связное и обстоятельное описаніе Павла Алеппскаго 1655 г., сдѣланное вскорѣ послѣ обновленій и передѣлокъ въ соборѣ при патр. Никонѣ въ 1652 г. Судя по этому описанію, Успенскій соборъ въ то время представлялъ внутри нѣсколько иной видъ, чѣмъ теперь; такъ, напр., во всѣхъ поясахъ иконостаса предъ иконами были серебряные подсвѣчники, а предъ мѣстными образами, кромѣ нихъ, стояли еще каменные съ толстыми свѣчами. Большія иконы въ окладахъ были размѣщены не только по стѣнамъ собора, но и вокругъ четырехъ колоннъ. У задней лѣвой колонны находилось царицыно мѣсто, постоянно закрытое занавѣсью. Любопытна замѣтка автора о размѣщеніи мѣстныхъ иконъ и объ измѣненіяхъ, которыя сдѣлалъ въ этомъ Никонъ, по совѣту патр. Макарія. Попутно авторъ дѣлаетъ интересныя замѣчанія о тогдашнихъ порядкахъ и обычаяхъ: какъ патріархъ, идя въ соборъ и возвращаясь изъ него въ свои палаты, останавливается предъ окнами царицына терема и, воздѣвъ очи горѣ, дважды благословляетъ невидимую царицу и дважды кланяется ей до земли; какъ онъ причесывается и охорашивается въ алтарѣ передъ огромнымъ, роскошнымъ зеркаломъ, и пр. Не безъ остроумія, съ примѣсью насмѣшки, описываетъ авторъ богатыхъ протопоповъ Архангельскаго собора, „съ большими животами и жирнымъ тѣломъ“. Съ восторженнымъ удивленіемъ разсказываетъ объ изяществѣ и богатствѣ украшеній придворной Благовѣщенской церкви.

Вообще, по справедливому замѣчанію референта, „описаніе Павла Алеппскаго является единственнымъ въ своемъ родѣ, и тщетно было бы искать подобнаго у другихъ иностранныхъ путешественниковъ“.

Пр.-доцентъ Московскаго Университета, *Ал. М. Мироновъ* прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Къ вопросу объ истинной композиціи и значеніи статуи, такъ наз., Венеры Милосской*“. Прежде чѣмъ приступить къ истолкованію композиціи и значенія этой знаменитой статуи Луврскаго музея, извѣстной всему образованному міру, докладчикъ указалъ удивительное разнообразіе тѣхъ объясненій, которыя даны были до сего времени относительно этой статуи учеными всѣхъ странъ. Одни изъ нихъ признавали въ этой статуѣ изображеніе Венеры, смотрящейся въ щитъ, какъ въ зеркало; другіе — изображеніе этой богини съ яблокомъ Париса въ лѣвой рукѣ, или утверждали, что Венера представлена была здѣсь въ группѣ съ Марсомъ или Тезеемъ; третьи видѣли въ ней изображеніе нимфы остр. Мелоса, или безкрылой Ники, или Музы, или красавицы, повязывающей себѣ голову, или Венеры подлѣ трофея и т. д. Въ виду того, что всѣ эти истолкованія, несмотря на громадное ихъ количество, признаны ученою критикой — вполнѣ неудовлетворительными, А. М. Мироновъ предлагаетъ новое истолкованіе Ми-

лосской статуи, основываясь какъ на анализѣ самой статуи, такъ и на исторіи отысканія ея и сопровождавшихъ ее предметовъ и, наконецъ, на множествѣ изображеній того же самаго типа на античныхъ монетахъ, геммахъ и рельефахъ. Согласно этому истолкованію г. Миронова, Милосская статуя представляетъ собою *богиню Побѣды, Викторію*, которая пишетъ имя побѣдителя на щитѣ, поставленномъ на находящуюся слѣва отъ нея герму Діониса (какъ на колонку), которая найдена была при раскопкахъ вмѣстѣ съ этою статуей въ той же самой нишѣ на остр. Мелосѣ. Правая рука богини держитъ металлическій стиль, какой употребляли для письма въ древней Греціи, а лѣвая рука съ гранатовымъ яблокомъ, какъ символомъ плодоноснаго мира послѣ побѣды (рука эта была отбита и найдена въ нишѣ подлѣ статуи), положена сверхъ щита, который она придерживаетъ. Лѣвая половина базиса статуи, которая была также найдена вмѣстѣ со статуей и въ которую вставлена была герма Діониса (этотъ кусокъ базиса въ тридцатыхъ годахъ безслѣдно исчезъ изъ Луврскаго музея), носила на себѣ надпись съ именемъ художника Агезандра изъ Антіохіи, который создалъ это замѣчательное по красотѣ скульптурное произведеніе. Что эта богиня Побѣды была представлена крылатою, а не безкрылою, какъ ее весьма нерѣдко изображали въ античномъ искусствѣ, должно утверждать, по мнѣнію г. Миронова, потому, что на спинѣ Милосской статуи подлѣ обоихъ плечъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны быть укрѣплены основанія крыльевъ, существуютъ два широкихъ и длинныхъ углубленія, сдѣланныхъ рѣзцомъ художника. Въ эти углубленія должны были быть вставлены основанія металлическихъ крыльевъ богини, которыя поддерживались, сверхъ того, такъ наз. strophium (перекрещивающимися перевязями). По мнѣнію нашего извѣстнаго скульптора Антокольскаго, на котораго указываетъ докладчикъ, крылья могли быть также прикрѣплены къ стѣнѣ той ниши, въ которой стояла и найдена была статуя.

VII.

Библіографія.

Byzantinische Zeitschrift hsgb. von Karl Krumbacher. VII Bd. Erstes Heft (вышла 18 янв. 1898).

Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма любопытныхъ статей по археологіи: 1) „Византійскія церкви на территоріи Сиракузъ“ (по-итальянски), написанная директоромъ археол. музея въ Сиракузахъ Паоло Орси (описаніе остатковъ семи церквей съ таблицей, многими планами и снимками надписей). 2) Его же замѣтка о вновь пріобрѣтенномъ византійскомъ кадилѣ съ надписью. 3) Замѣтка (тоже по-итал.) Корреры о византійской надписи конца XIV в. въ Отранто. 4) Обстоятельное описаніе монастыря св. Анастасіи въ Халкидикѣ, составленное (по-греч.) извѣстнымъ Митиленскимъ археологомъ Петромъ Папагеоргіемъ. Въ отдѣлѣ критики (Besprechungen) есть небольшая, но очень содержательная и остроумная статья извѣстнаго Стшиговскаго объ изслѣдованіи Георга Штульфаута (Stuhlfauth) о древне-христіанскихъ памятникахъ изъ слоновой кости. Изъ русскихъ изданій обстоятельно рецензированъ въ этомъ № Byz. Z. VI томъ Лѣтописи историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. *А. К.*

— Г. Г. Маразли, бывшій въ продолженіе многихъ лѣтъ городскимъ головой въ Одессѣ и жертвовавшій на благотворительныя учрежденія родного города огромныя суммы, грекъ по происхожденію, въ послѣднее время предпринялъ длинный рядъ изданій подъ общимъ заглавіемъ: *Βιβλιοθηκη Μαρασλη*, чрезвычайно полезный для грековъ. Это прекрасно сдѣланные лучшими учеными и литераторами переводы Курціуса, Риббека, Дройзена, Маколея. С. Марка Жирардена и пр. (переводчики: Спиридонъ Лямбросъ, Роидисъ, Политисъ и пр.), напечатанные въ одной изъ лучшихъ аѳинскихъ типографій и продающіеся по баснословно дешевой цѣнѣ (полторы драхмы, т. е. 30 к. за книжку въ 10 печатныхъ листовъ): Для византиновѣдовъ, читающихъ поновогречески, въ „Библіотекѣ Маразли" имѣется одно очень интересное изданіе—это *Κρουμβαχερ Ιστορια της βυζαντηνης λογοτεχνιας*, т. е. Исторія византійской литературы Крумбахера (въ переводѣ извѣстнаго ученаго Сотиріадиса). Греческій переводъ не только сдѣланъ со второго недавно вышедшаго въ свѣтъ изданія прекрасной книги проф. Крумбахера, но и посылается на просмотръ въ Мюнхенъ къ автору, который вноситъ въ него поправки и дополненія, приготовляемыя имъ къ слѣд. нѣмецкому изданію. Помимо этого, выгода греческаго перевода передъ оригиналомъ—дешевизна и болѣе крупный шрифтъ для библіографіи (убійственный для глазъ въ оригиналѣ).

Надо надѣяться, что распространеніе книги Крумбахера среди турецкихъ и свободныхъ грековъ сильно подниметъ въ нихъ интересъ къ Византіи, для изученія которой ихъ многочисленные „филологи" (въ букв. значеніи слова) могутъ сдѣлать очень, очень много; только бы захотѣли. *А. К.*

A. Hackman въ статьѣ „Die Bronzezeit Finnlands" (въ Finska Fornminnesforlningens Tidskrift XVII) сообщаетъ итоги изученія бронзоваго вѣка въ Финляндіи. Часть предметовъ обнаруживаетъ тѣснѣйшую связь со Скандинавіей, часть съ пермской бронзовой культурой. Весьма интересенъ фактъ, что находка значительнаго количества формъ для литья такъ наз. „пермскихъ бронзъ" въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи доказываетъ несомнѣнное существованіе мѣстнаго производства почти на границѣ полярнаго круга.

— Во II вып. VII тома (1897 г.) „Живой Старины", редактируемой В. И. Ламанскимъ, интересна въ археологическомъ отношеніи статья А. Макаренко „Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губерніи" (стр. 246—254), изъ которой между прочимъ оказывается, что не только „деревянный" огонь, добываемый особыми инструментами (здѣсь приведены рисунки ихъ), но и огонь „кремневый" въ настоящее время получаетъ особое священное, очищающее значеніе. Здѣсь же помѣщены „Миѳологическія отрывки" Петра Краучунаса (стр. 254—261)—матеріалы по литовской миѳологіи, старательно записанные и объясненные).

— Для изученія нашихъ старинныхъ вѣрованій и гадательныхъ книгъ любопытна книжка на таранчинскомъ нарѣчіи, только что изданная съ русскимъ переводомъ Н. Н. Пантусовымъ въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Каз. Унив.

(отд. оттискъ подъ заглавіемъ „Матеріалы къ изученію нарѣчія Таранчей Илійскаго Округа Каз. 1897). Какъ во всѣхъ подобныхъ „руководствахъ", въ книжкѣ рядъ наслоеній, и слой библейскій такъ распредѣляетъ по числамъ мѣсяца событія: Адамъ сотворенъ перваго числа (апрѣля?), Ева—второго; изгнаны прародители третьяго (оттого день несчастный; дитя, родившееся въ этотъ день, будетъ плутомъ и воромъ); пятаго числа Каинъ убилъ Авеля (дитя, родившееся въ это число, будетъ проливать кровь ближнихъ и обижать ихъ) и т. д. *А. К.*

— Въ Витеб. Губ. Вѣдом. въ концѣ прошлаго года помѣщена довольно обширная (№№ 135, 136, 137 и 138) анонимная статья подъ заглавіемъ: „Гончар*ные* (sic) терракоты Витебска по археологическимъ находкамъ". Статья написана не вполнѣ подходящимъ къ сюжету „высокимъ штилемъ", почти половина ея занята вступленіемъ, и цѣль ея, повидимому, прославить частный музей извѣстнаго антикварія Вяч. Петр. Федоровича, на таблицы котораго авторъ непрерывно ссылается. Тѣмъ не менѣе статья не лишена и научнаго интереса; а главное для насъ – она свидѣтельствуетъ о той глубокой симпатіи, которую повсемѣстно внушаютъ въ послѣднее время археологическія раскопки и коллекціонерство.

— Несравненно научнѣй и богаче интересными фактами рядъ статей К. П. Ревы подъ заглавіемъ: „Слѣды до-историческаго населенія Архангельской губерніи (По раскопкамъ населеній каменнаго вѣка)", начавшійся въ Арханг. Губ. Вѣд. (1898 г., №№ 8 и 9). Г. Рева, какъ мы узнаемъ изъ его первой статьи, производитъ въ Арханг. губ. раскопки съ 1892 г., сперва „на свой страхъ и рискъ", а потомъ по порученію и на средства Археологической Коммиссіи. Съ 1892 г. по 1895 онъ работалъ по берегу Двинской губы, а въ 1896 г. въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Результатомъ его раскопокъ (большею частію не очень глубокихъ) оказалось обслѣдованіе ряда рыбо- и звѣро-ловныхъ стоянокъ первобытнаго человѣка и пріобрѣтеніе множества каменныхъ орудій отъ самыхъ грубыхъ до „изящныхъ, чуть не художественныхъ вещицъ" чрезвычайно разнообразныхъ формъ. Есть нѣсколько недоконченныхъ экземпляровъ, „по которымъ можно прослѣдить процессъ превращенія куска кремня въ прекрасные образчики первобытнаго мастерства".

— Въ виду интереса, представляемаго изученіемъ памятниковъ каменнаго вѣка внѣ предѣловъ Европы, заслуживаетъ вниманія статья *G. Zumoffen'a:* L'âge de la pierre en Phénicie (L'Antropologie, №№ 3 и 4). Авторъ сообщаетъ интересные результаты изслѣдованій стоянокъ палеолитической и неолитической эпохъ въ Финикіи, при чемъ описываетъ также подземные остатки фауны и слѣды древнихъ жилищъ.

Въ январской книжкѣ *Gazette des Beaux-Arts* помѣщены статьи:

а) *E. Babelon*—Les camées antiques de la Bibliothèque Nationale: Les origines du camée. Это начало статей (введеніе и первая глава), имѣющихъ цѣлью съ одной стороны отмѣтить нѣкоторые изъ главныхъ выводовъ, данныхъ ли-

тературою о камеяхъ, развившейся за послѣдніе 12 лѣтъ; съ другой стороны, на основаніи „каталога камей Нац. Библ.“ (1896 г., съ 76 фотот. табл.), изданнаго тѣмъ же Бабелономъ, познакомить публику съ этимъ лучшимъ въ Европѣ собраніемъ камей, въ коемъ представлены всѣ періоды искусства, съ V вѣка до нашего времени. Въ первой главѣ авторъ объясняетъ спорное по происхожденію слово camahieu, camayeul, camaholus—изъ греческаго *Κειμέλιον*, сокровище — и въ появленіи его въ Зап. Евр. видитъ результатъ той громадной добычи, которую вынесли крестоносцы изъ Константинополя въ 1204 г., время, съ котораго обогатились ризницы Зап. Европы.

b) *A. de Champeaux*—L'ancienne école de peinture de Bourgogne—свѣдѣнія, въ значительной мѣрѣ почерпнутыя изъ собственныхъ отмѣтокъ. объ именахъ, жизни и работахъ бургундскихъ художниковъ до Возрожденія, именно на границѣ XIV и XV вѣка.

c) *E. Pottier*—Le lotus dans l'architecture égyptienne, статья, посвященная замѣчательной книгѣ, недавно изданной Фукаромъ (George Foucart)—histoire de l'ordre lotiforme. Главные выводы изъ книги слѣдующія: 1) Египетское искусство, и въ частности архитектура, не было неподвижнымъ, но постоянно развивалось и измѣнялось. 2) Начало египетской архитектуры—не жилища, высѣченныя въ скалѣ, а деревянное зодчество; слѣды послѣдняго, какъ и прежде указывали, сохранились въ рисункахъ іероглифовъ; но надо читать эти рисунки умѣючи и главное помня, что древній рисунокъ, съ цѣлью изобразить весь предметъ, рисуетъ рядомъ и сверху и тѣ части предмета, которыя не должны бы быть видны зрителю (забывая это, приходили къ парадоксальному выводу о металическихъ зданіяхъ у египтянъ). 3) Лотосообразныя колонны развились изъ придаточнаго украшенія колонны, именно изъ изображенія того букета, который въ праздники привязывался къ колоннѣ.. Этотъ букетъ, выраженный въ камнѣ, на протяженіи вѣковъ измѣняется, но главныя черты его сохраняются: большой средній цвѣтокъ, у основанія его маленькіе цвѣты или бутоны, а кругомъ въ нѣсколько рядовъ намотана перевязка. Стволъ цвѣтка лишь съ теченіемъ времени спустился съ верха колонны до самаго низа и далъ, наконецъ, лотосообразную колонну. Раздѣленіе на нѣсколько стволовъ — древне, ибо оно встрѣчается въ капителяхъ Абусирскихъ, V династіи (съ этихъ замѣчательнѣйшихъ колоннъ у Фукара впервые дана фотографія). 5) Расцвѣтъ египетской архитектуры—не XIX и XX династія (Рамзесы и Сети—образцы въ Карнакѣ и Луксорѣ), но отъ VI до XII династіи, въ древнемъ и среднемъ царствѣ,—выводъ, который какъ бы давали предчувствовать образцы скульптуры (знаменитый „Писецъ, сидящій на корточкахъ“, въ Луврѣ). 5) Въ соотвѣтствіи съ этимъ Фукаръ перестраиваетъ хронологію многихъ памятниковъ—выводъ, весьма важный для исторіи египетскаго искусства—указывая, что картуши съ именами царей, помѣщаемыя на колоннахъ, совсѣмъ не опредѣляютъ царя-строителя: строитель изображался лично въ живописи на стѣнахъ, а порой и въ надписи на архитравѣ; для преемниковъ, желавшихъ почтить

бога, не оставалось другого виднаго мѣста, кромѣ ствола колонны, и помѣщеніе здѣсь картуши носило священный характеръ.—Книга Фукара представляетъ собою сорбоннскую диссертацію. Она богато и умно снабжена рисунками. Поттье высоко цѣнитъ ее, рекомендуетъ вниманію архитекторовъ и вообще читателей, высказываетъ пожеланіе, чтобъ Ф. продолжалъ писать, но утверждаетъ, что „лучшей книги онъ не напишетъ". *С. С.*

Les poteries acoustiques du couvent des Récollets à Anvers, *par M. S. Donnet.—Anvers 1897.*

Подъ этимъ заглавіемъ вышла небольшая брошюра, въ которой авторъ даетъ не только весьма обстоятельное описаніе такъ называемыхъ у насъ „голосниковъ" монастыря des Rècollets въ Антверпенѣ, но дѣлаетъ историческій обзоръ ихъ употребленія вообще. Еще Витрувій упоминаетъ о мѣдныхъ сосудахъ, помѣщаемыхъ подъ сценою у грековъ и римлянъ, для усиленія голоса актеровъ. Съ самихъ раннихъ вѣковъ христіанства голосники встрѣчаются въ базиликахъ, но очень долго археологи сомнѣвались въ назначеніи ихъ, и еще въ 1859 году извѣстный ученый архитекторъ Шмидтъ (J. P. Schmit) утверждалъ, что вдѣланные въ своды полые сосуды суть не что иное, какъ архитектурный пріемъ, съ цѣлью сдѣлать своды болѣе легкими. Теперь уже никто не сомнѣвается въ ихъ настоящемъ назначеніи, особенно послѣ опубликованія въ 1862 г. извѣстнымъ Дидрономъ (а за нимъ и другими) документовъ, гдѣ эти голосники названы echea (отъ греч. ἦχος) и прямо указана цѣль ихъ постановки въ церквахъ. Въ древности эти голосники имѣли видъ колоколовъ конической формы, въ средніе вѣка они круглы. *А. С.*

— Въ Археол. Зам. и Изв. 1897 г. (стр. 42, 239) мы сообщали о мозаичной картѣ Палестины, найденной въ монастырѣ Мадаба. Въ настоящее время эта карта издана фотографически въ Парижѣ фирмою Maison de la bonne presse, въ видѣ атласа изъ 12 картъ въ продолговатый листъ.

— Въ „Revue de l'art chrétien" 1897 г. livr. 5 и 6, напечатана весьма любопытная статья г. Семпера (Hans Semper) о разныхъ вещахъ изъ слоновой кости, X и XI вв., находящихся въ Національномъ Музеѣ въ Будапештѣ, какъ-то: отдѣльныя таблицы диптиховъ и триптиховъ, дарохранительницы, ларца для храненія св. мощей и т. п. Къ статьѣ приложены многочисленные снимки.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за февраль 1898 г.

В. И. Модестовъ. О происхожденіи Сикуловъ. Спб. 1898 г.

Juliusz Hr. Ostrowski. Księga herbowa rodow Polskich. Вып. 2-й. Warszawa. 1898.

Н. Комстадіусъ. Замѣтки туриста. Спб. 1893 г.

А. Павловъ. Номоканонъ при большомъ требникѣ. Москва. 1897 г.

Записки Пріамурскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества. Т. III, вып. 1-й. Хабаровскъ. 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности Пріамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О., съ 1 янв. 1896 г. по 1 мая 1897 г. Хабаровскъ. 1897 г.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи Армянамъ. Москва. 1897 г.

Slovenské Pohlády. Книга XVIII, вып. 2-й. V. Turčianskom Sv. Martine. 1898.

Записки Пріамурскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общ. Т. I, вып. 4-й. Хабаровскъ. 1896 г.

Нѣкоторыя данныя о положеніи рыболовства въ Пріамурскомъ краѣ, Н. А. Крюкова. Спб. 1897 г.

Free Museum of Science and art, № 2, декабрь. 1897 г. Philadelphia. 1897.

Памятная книжка Ковенской губ. 1898 г., изд. Ковенскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Ковно. 1897 г.

Летопис Матице Српске, књига 193. 1898 г. У Новоме Саду.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Т. VII, № 5. Декабрь. 1897 г. Спб. 1897.

Джератъ. Археологическое изслѣдованіе князя С. Абамелекъ-Лазарева. Спб. 1897.

Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ 1470—1700 гг. Т. I. Спб. 1897 г.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Правительств. Синода. Т. V. Спб. 1897 г.

Odelberg. Sacra Corinthia, Sicyonia, Phliasia. Upsaliae. 1896.

Upsala Universitets Arsskrift. 1896.

Eranos Acta philologica suecana. 1896. Т. I, вып. 2, 3—4; т. II, вып. 1-й. 1897.

Oscar Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Ferücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Bormen. Stockholm. 1897.

Memorie della regia Accademia di scienze, lettere ed arti in Modena. Serie II, vol. XII, часть I. Modena. 1896.

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края, за 1895 г. Астрахань. 1897 г.

Памятная книжка Волынской губ., за 1898 г. Житоміръ. 1898 г.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Т. II. Одесса. 1897 г.

Записки Крымскаго горнаго клуба въ Одессѣ. № 12, 1897 г.

Уставъ Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. Казань. 1898 г.

Kwartalnik historyczny. Organ Towarzystwa historycznego. Книга XII, вып. 1-й. 1898 г. We Lwowie. 1898.

Narodní Hlásnik, № 4. Turč. Sw. Martin. 20 februáro. 1898.

М. Плохинскій. Путешествіе іеромонаха Тарасія Коплонскаго въ Италію, въ концѣ XVII стол. Харьковъ. 1896 г.

Его же. Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в. (по архивнымъ документамъ). Харьковъ. 1893 г.

Его же. Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика. Харьковъ. 1892 г.

Его же. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. I. Бобровники. II. Стрѣльцы. Харьковъ. 1891 г.

Его же. Отдѣльные оттиски изъ Харьковскаго Сборника Историко-Филологическаго Общества. 1894 г.

Д. И. Багалѣй. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.), въ XVI — XVIII стол. Изд. Историко-Филологич. Общ. при Харьковскомъ Университетѣ. Харьковъ. 1886 г.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, томы 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10-й. Харьковъ. 1890—1897 г.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Каждый годъ и книжка журнала продаются отдѣльно, за исключеніемъ 1-й книжки за 1894 годъ, которая осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ и можетъ быть получена только при условіи выписки полной серіи за четыре года (1894 — 97). Выписывающіе эти **четыре года** могутъ получить ихъ за **20** р., а съ 1898-мъ годомъ за **25** р. съ пересылкой.

Другія изданія Географическаго Отдѣленія О. Л. Е.:

А. Н. Красновъ, Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1894 г. Цѣна **1** р. **50** к.

„Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю“. Сборникъ статей **А. В. Потаниной,** съ біографіей путешественницы, ея портретомъ, таблицами и политипажами въ текстѣ. М. 1895 г. Ц. **3** р.

Ф. Нансенъ, Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Пер. *А. Крубера*, подъ ред. *Д. Анучина*. Т. I—II. Съ картами, хромолитографіями, автотипіями и рисунками въ текстѣ. М. 1897—98 г. Ц. **4** р.

1898 г. №№ 3—4.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Съ именемъ Египта привыкли, какъ извѣстно, соединять представленіе о глубокой древности, о своеобразной культурѣ, достигшей значительнаго развитія уже за пять—шесть тысячъ лѣтъ до нашего времени. Любопытно, что чѣмъ болѣе подвигались впередъ изысканія на почвѣ Египта, тѣмъ далѣе вглубь вѣковъ приходилось отодвигать начало этой культуры, которая выступаетъ уже со всѣми своими характерными особенностями за 4000 л. до Р. Х. Мало того, произведенія искусства древнѣйшаго періода, т. наз. Древней Имперіи, представляются въ нѣкоторомъ отношеніи выше послѣдующихъ; въ этихъ древнѣйшихъ портретныхъ статуяхъ болѣе реальности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, художественности, чѣмъ въ шаблонныхъ типахъ позднѣйшихъ изображеній. Такое состояніе искусства въ столь раннюю пору предполагаетъ, конечно, многіе вѣка предшествовавшаго культурнаго и художественнаго развитія. Во всѣхъ странахъ, сколько-нибудь изученныхъ въ археологическомъ отношеніи, мы видимъ, что исторической культурѣ предшество-

вала культура доисторическая, съ ея металлическимъ и еще болѣе древнимъ, каменнымъ вѣкомъ. Нѣтъ основанія думать, чтобы въ Египтѣ развитіе шло инымъ путемъ, чтобы историческимъ египтянамъ не предшествовало, въ той же странѣ, другое, болѣе первобытное населеніе, заключавшее въ себѣ только зародыши дальнѣйшаго прогресса, который могъ быть вызванъ притокомъ новаго культурнаго вліянія или приходомъ болѣе культурнаго народа.

Слѣды этого досторическаго населенія, остатки въ Египтѣ каменнаго вѣка — стали обращать на себя вниманіе болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Однако, только въ самое послѣднее время, благодаря, главнымъ образомъ, раскопкамъ и изслѣдованіемъ де-Моргана (J. de Morgan), они выступили во всей ихъ убѣдительности и позволили составить болѣе опредѣленное представленіе какъ о характерѣ соотвѣтственной культуры, такъ и объ ея отношеніи къ древнѣйшей культурѣ самихъ египтянъ. Главнѣйшіе результаты этихъ изслѣдованій де-Моргана [1]), а также, отчасти, Амелинô и Флиндерса Питри, и изложеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ гипотезъ о происхожденіи египтянъ (Швейнфурта, Видемана, Серджи и др.) и имѣютъ составить содержаніе настоящей статьи.

Уже въ 1867 г. извѣстный Ворсо (Worsae), бывшій тогда директоромъ Копенгагенскаго Музея, представилъ на парижскомъ конгрессѣ доисторической археологіи кремневыя орудія, найденныя въ Сахарѣ, недалеко отъ границы Египта. Въ самомъ Египтѣ такія орудія были собраны и описаны впервые только въ 1869 г., Арселеномъ (Arselin), представившимъ докладъ о томъ парижскому Антропологическому Обществу и французскому министру народнаго просвѣщенія. Арселенъ нашелъ недалеко отъ Ассуана, около Абу-Мангара, на лѣвомъ берегу Нила, на пространствѣ около 200 м. въ поперечникѣ, слѣды обширной мастерской кремневыхъ орудій, а также черепки древней глиняной посуды; подобные же слѣды мастерскихъ встрѣчены были имъ и въ другихъ мѣстахъ по Нилу. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя подобныя же находки (въ томъ числѣ и орудій Сентъ-Ашёльскаго типа) были сдѣланы въ Deir-el-Bahari и въ другихъ мѣстахъ Ами (Hamy) и Ленорманомъ, а позже (въ семидесятыхъ годахъ) аббатомъ Ришаромъ (на Синаѣ и около Каира), Рейлемъ (въ 10 различныхъ мѣстахъ), сэромъ Д. Лёббокомъ (J. Lubbok) — около Абидоса, Ѳивъ и т. д., Брауномъ (J. Brown), Мокомъ (F. Mook), главнымъ образомъ, около сѣрныхъ ключей Гелуана (Helwan,

---

[1]) *J. De-Morgan*. Recherches sur les origines de l'Egypte. L'âge de la pierre et les métaux, P. 1896; его-же, Recherches sur les origines de l'Egypte. Etbnographie préhistorique et tombeau royal de Négadah. (Avec la collaboration de Mm. le prof. Wiedemanu, G. Jéquier et le D-r Fouquet). P. 1897.

Heluan) и въ окрестностяхъ Луксора, и другими [2]). На основаніи этихъ находокъ многіе археологи, въ томъ числѣ Г. де-Мортилье, Монтеліусъ, Д. Лёббокъ, Дж. Эвансъ и др., признали несомнѣннымъ или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятнымъ, существованіе нѣкогда въ Египтѣ неолитической, а можетъ быть—и палеолитической эпохи. Но не такъ отнеслись къ этимъ находкамъ спеціалисты-египтологи. Всѣ, болѣе извѣстные изъ нихъ, какъ-то: Лепсіусъ, Эберсъ, Лаутъ, Маріеттъ, Дюмихенъ, Шаба̀, Масперо̀, даже самъ Морганъ въ первые годы своего пребыванія въ Египтѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ директоромъ археологическихъ раскопокъ (directeur général des antiquités de l'Egypte),—всѣ они выразили сомнѣніе въ значеніи указанныхъ находокъ, какъ доказательствъ доисторической эпохи въ долинѣ Нила. Съ одной стороны, они поставляли на видъ, что осколки кремня встрѣчаются мѣстами въ пустынѣ массами, и нахожденіе ихъ тамъ объясняется естественнымъ расколомъ вымытыхъ изъ коренныхъ отложеній кремневыхъ конкрецій, способныхъ растрескиваться и распадаться подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей (особенно—рѣзкихъ измѣненій температуры); съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда кремни представляютъ явственные слѣды искусственной оббивки и обдѣлки, имѣютъ форму ножей, стрѣлокъ, топоровъ и т. д., нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, что они относятся къ временамъ доисторическимъ. Уже Геродотъ и Діодоръ Сицилійскій упоминаютъ объ употребленіи египтянами каменныхъ ножей при бальзамированіи труповъ и при обрѣзаніи, а находки въ египетскихъ гробницахъ и на мѣстахъ египетскихъ городовъ подтверждаютъ фактъ, что египтяне пользовались кремневыми орудіями до временъ Птолемеевъ и римлянъ. Въ различныхъ музеяхъ сохраняются образцы прекрасно оббитыхъ кремневыхъ ножей, найденные вмѣстѣ съ другими египетскими древностями, а потому находки кремневыхъ издѣлій въ долинѣ Нила, на мѣстахъ историческихъ поселеній и могильниковъ, или въ окрестностяхъ ихъ, не могутъ еще считаться доказательствами существованія нѣкогда въ Египтѣ каменнаго вѣка. Эберсъ утверждалъ даже, что пользованіе кремневыми ножами при обрѣзаніи было не пережиткомъ, а культурнымъ открытіемъ, основаннымъ на опытѣ, что рана, произведенная кремневымъ орудіемъ, заживаетъ скорѣе, чѣмъ нанесенная металлическимъ лезвеемъ. „Во всякомъ случаѣ, заключалъ Лепсіусъ, для Египта нѣтъ основаній принимать доисторическую эпоху“, или, какъ выразился Лаутъ, „существо-

[2]) *F. Mook.* Aegyptens vormetallische Zeit. Würzburg. 1880 (здѣсь приведена и исторія находокъ до конца 70-хъ годовъ); ср. Reil, Virchow и др. въ «Verhandlungen der Berlin. Ges. für Anthropologie», 1874; J. Brown, въ «Journal of the Anthropological Institute», London. VII, 1878; Lubbock, тамъ же, IV. 1874; Pitt Rivers, тамъ же, 1882.

ваніе каменнаго вѣка въ Египтѣ не можетъ быть научно утверждаемо, а тѣмъ болѣе доказано" [3]). Раскопки, произведенныя Фл. Питри въ въ 1889—90 гг., въ развалинахъ Кагуна (Kahoun), около пирамиды Illahoun, только подтвердили скептицизмъ египтологовъ. Питри нашелъ здѣсь остатки поселенія, существовавшаго, по всѣмъ признакамъ, въ эпоху XII династіи, и служившаго, повидимому, для жительства, въ теченіе многихъ лѣтъ, строителей пирамиды. Найдены были остатки жилищъ, запасовъ хлѣба, кучи всевозможныхъ отбросовъ, посуда, металлическія орудія, а также и многочисленныя орудія изъ кремня (ножи, пилы, серпы, топоры и т. д.), свидѣтельствующія, что рабочій классъ египетскаго населенія, еще во времена XII династіи, пользовался для своихъ надобностей кремневыми орудіями. Находки эти дали Питри поводъ сдѣлать заключеніе, что не только обдѣланные кремни, находимые въ гробницахъ и на мѣстахъ египетскихъ поселеній, но и попадающіеся на поверхности земли, въ пустынѣ, не могутъ считаться доисторическими. „Кремни, говоритъ онъ, — употреблялись совмѣстно съ мѣдными орудіями въ эпохи съ IV до XII династіи, ими пользовались для серповъ даже во времена XVIII династіи (Tell-el-Amarna), наконецъ, масса ихъ валяется рядомъ съ черепками римской посуды и стекла вокругъ башни къ югу отъ El Heibi. Собственно остатковъ доисторическаго человѣка не было найдено въ Египтѣ; остатки эти, если они и сохранились, должны находиться во всякомъ случаѣ на уровнѣ древней почвы, прикрытой теперь болѣе чѣмъ на двадцать футовъ позднѣйшими наслоеніями, а, слѣдовательно, и напрасно было бы надѣяться найти слѣды этой доисторической культуры" [4]). Неудивительно поэтому, что и Масперо, въ его новѣйшей исторіи народовъ Востока, и самъ де-Морганъ, въ статьѣ, напечатанной имъ не далѣе, какъ въ 1895 г., заявляли, что не сохранилось никакихъ слѣдовъ первобытныхъ обитателей Египта, и что трудно надѣяться и на открытіе таковыхъ остатковъ, такъ какъ, если они гдѣ-нибудь и имѣются, то остаются прикрытыми мощной толщей отложеній Нила и позднѣйшихъ культурныхъ наслоеній [5]).

Мало-по-малу, однако, де-Морганъ сталъ убѣждаться, что сомнѣнія египтологовъ неосновательны. Первые годы своего пребыванія въ Египтѣ,

---

[3]) *Lepsius*, Ueber die Annahme eines sogenannten praehistorisches Steinalters in Aegypten, въ «Zeitschrift für aegypt. Sprache und Alterthumskunde» 1871; *Ebers*, тамъ же; *Lauth*, въ «Corr-Blatt d. deut. Ges für Anthropologie». 1873, № 5.

[4]) *Ilinders Petrie.* Illahum, Kahun and Gurob. 1886—90; его же, A History of Egypt. L. 1894 p. 7.

[5]) *Maspero.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient. 1894, p. 49; *De-Morgan.* Memphis et la vallée du Nil dans les temps historiques, въ «La Vie contemporaine», 1895, т. III.

съ 1892 по 1895 г. онъ былъ занятъ административными дѣлами управленія музеемъ (въ Gizeh) и изслѣдованіемъ позднѣйшихъ египетскихъ памятниковъ, но затѣмъ, когда онъ обратилъ вниманіе на мѣстности, лежащія по окраинамъ долины Нила, на границѣ пустыни, онъ сталъ находить тамъ несомнѣнные слѣды каменнаго вѣка. Это заставило его сосредоточиться на разысканіяхъ въ начатомъ направленіи, на раскопкахъ холмовъ (ихъ называютъ въ Египтѣ koms или tells), расположенныхъ на окраинѣ пустыни (въ мѣстностяхъ, не привлекавшихъ къ себѣ египтологовъ, такъ какъ тамъ нѣтъ ни надписей, ни монументальныхъ построекъ, ни вообще памятниковъ несомнѣннаго египетскаго искусства), и раскопки скоро открыли ему остававшіеся неизвѣстными слѣды доисторическихъ поселеній и могилъ, относящихся, частью, къ неолитическому вѣку, а частью уже къ началу мѣднаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ древнѣйшему періоду египетской культуры. Для лучшаго использованія и провѣрки своихъ находокъ де-Морганъ обратился къ содѣйствію нѣсколькихъ египтологовъ (гг. Видемана и Жекье) и натуралистовъ (д-ра Фукэ, д-ра Швейнфурта, проф. Бертлò и др.), а также воспользовался и результатами раскопокъ Амелинò и Ф. Питри, только истолковавъ ихъ нѣсколько иначе, въ соотвѣтствіи съ констатированными имъ самимъ фактами.

Необходимо замѣтить, что Ф. Питри, вскорѣ послѣ выхода I тома „Изслѣдованій“ де-Моргана, обратилъ также вниманіе на своеобразныя гробницы, открытыя впервые де-Морганомъ, и занялся ихъ раскопками въ окрестностяхъ селеній Négadah, Toukh и Ballas [6]). Ему пришлось самому убѣдиться, что это могилы не египтянъ, а какого-то другаго народа, „новой расы“—„New Race“, какъ онъ ее назвалъ,—находившейся еще въ стадіи неолитической культуры; но народъ этотъ, по мнѣнію Питри, появился въ Египтѣ уже послѣ эпохи IV династіи, вѣроятно, даже на рубежѣ такъ наз. Древней и Средней Имперіи (около времени X—XI династіи), примѣрно, за 3300—3000 лѣтъ до Р. X. Это было, какъ доказываетъ Питри, нашествіе ливійцевъ (изъ Сѣв. Африки), не оставившее, правда по себѣ слѣдовъ въ письменныхъ памятникахъ, но доказываемое гробницами завоевателей, которые истребили или вытѣснили египтянъ и овладѣли всею Ѳиваидой, покуда, въ свою очередь, не были выгнаны и истреблены оправившимися египтянами. Не смотря на всю обстоятельность и систематичность производимыхъ Питри раскопокъ, нельзя, однако, не согласиться съ Морганомъ, что подобный выводъ представляется слишкомъ мало вѣроятнымъ; трудно, въ самомъ дѣлѣ, допу-

---

[6]) *F. Petrie*. Naqada and Ballas. L. 1896.

стить, чтобы какой-то народъ, находившійся въ стадіи каменнаго вѣка, могъ не только вторгнуться въ предѣлы болѣе культурнаго Египта, но и уничтожить или прогнать, хотя бы на время одного-двухъ поколѣній, всѣхъ египтянъ изъ значительной части ихъ страны, и при этомъ не воспользоваться ни какими произведеніями египетской промышленности и искусства (а это приходится допустить въ виду отсутствія въ могилахъ „новой расы“ несомнѣнно египетскихъ вещей). По Моргану, это—могилы до-египетскаго или до-историческаго періода, оставленныя населеніемъ, предшествовавшимъ египтянамъ въ долинѣ Нила. Новый народъ, пришедшій, вѣроятно, изъ Азіи, поработилъ себѣ это древнѣйшее населеніе и, смѣшавшись съ нимъ, положилъ начало египетской націи и ея культурѣ.

Де-Морганъ подробно описываетъ различныя издѣлія неолитическихъ автохтоновъ Египта и доказываетъ, что они относятся къ доисторической эпохѣ. Онъ не отрицаетъ, что нѣкоторыя кремневыя орудія встрѣчаются и въ несомнѣнно египетскихъ гробницахъ, но это только свидѣтельствуетъ, по его мнѣнію, о силѣ переживанія остатковъ первобытной культуры, существованіе которой на египетской почвѣ тѣмъ самымъ только подтверждается. Что кремневыя орудія находятъ часто на мѣстахъ историческихъ поселеній и могильниковъ, объясняется, всего вѣроятнѣе, тѣмъ, что эти мѣста по берегамъ Нила служили для обитанія уже въ доисторическую эпоху, и что, какъ это мы видимъ и въ другихъ странахъ, въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ могъ смѣняться цѣлый рядъ культурныхъ наслоеній, а потому предметы каменнаго вѣка могли попадать иногда (напр., при земляныхъ работахъ, кладкѣ фундаментовъ и т. д) на поверхность и смѣшиваться съ продуктами позднѣйшихъ культуръ. Съ другой стороны, тщательныя раскопки могилъ временъ IV—XII династій показали де-Моргану, что каменныя орудія попадаются въ нихъ очень рѣдко, да и то лишь извѣстныя формы ножей, топоровъ и наконечники стрѣлъ съ лезвеемъ (а не съ остріемъ), тогда какъ многіе другіе виды каменныхъ орудій не были никогда находимы въ египетскихъ гробницахъ. Относительно раскопокъ Питри въ Кагунѣ Морганъ считаетъ сомнительнымъ, чтобы всѣ найденныя тамъ кремневыя издѣлія относились ко времени XII династіи; по всей вѣроятности, тамъ существовало уже поселеніе въ доисторическую эпоху, и строители пирамиды, оживившіе снова на нѣкоторое время эту мѣстность, нашли въ ней многіе остатки отъ древнѣйшаго населенія, которые и смѣшались съ остатками культуры, принесенной египтянами. Слѣдуетъ думать, что вообще каменный вѣкъ исчезъ не сразу съ приходомъ египтянъ, которые, повидимому, и сами находились лишь въ начальной эпохѣ металлическаго вѣка, т.-е.

продолжали еще пользоваться каменными орудіями; подальше же отъ центровъ, въ массѣ порабощеннаго населенія, каменный вѣкъ продолжалъ еще, вѣроятно, бытовать многіе вѣка; металлы были дороги, орудія изъ нихъ трудно добываемы, а, можетъ быть, туземцамъ первое время и запрещалось пользованіе ими. Болѣе опредѣленныя данныя объ эпохѣ каменнаго вѣка можно ожидать встрѣтить въ мѣстностяхъ, лежавшихъ въ сторонѣ отъ египетскихъ историческихъ центровъ, или около пунктовъ, съ которыми у египтянъ связывалось представленіе, какъ объ особенно священныхъ, а потому, вѣроятно, и древнѣйшихъ (напр., около Абида); на эти мѣстности и обратили вниманіе де-Морганъ, Амелино и Питри, и здѣсь-то и были сдѣланы наиболѣе замѣчательныя находки.

Необходимо имѣть еще въ виду, что природныя условія Египта, въ эпоху появленія здѣсь египтянъ и въ непосредственно ей предшествовавшую, должны были быть иными, чѣмъ теперь. На это указываютъ геологическія данныя, а отчасти и изображенія на древнѣйшихъ египетскихъ памятникахъ и предметы изъ древнѣйшихъ могилъ. Въ геологическомъ отношеніи извѣстно, что въ началѣ третичной эпохи Египта еще не было; на его мѣстѣ разстилалось море. Только въ срединѣ третичнаго періода, въ міоценовую эпоху, послѣдовало поднятіе суши или пониженіе морского уровня, вслѣдствіе чего выступили на поверхность залегающія нынѣ по обѣимъ сторонамъ Нильской долины эоценовыя отложенія (нуммулитовые известняки и др.). Но еще въ концѣ третичнаго періода, въ пліоценовую эпоху, долина Нила представляла на сѣверѣ морской заливъ, далеко вдававшійся въ сушу и соединявшійся съ озеромъ на мѣстѣ нынѣшняго Фаюма. Въ продолженіи этого періода произошло, вѣроятно, образованіе Краснаго моря на мѣстѣ бывшей рѣчной долины и другія движенія въ земной корѣ, вызвавшія стокъ водъ изъ тропической восточной Африки на сѣверъ, въ заливъ, находившійся на мѣстѣ нижняго теченія нынѣшняго Нила. Есть основанія думать, что въ то время, какъ Европа переживала ледниковый періодъ четвертичной эпохи, когда ея Сѣверъ (Скандинавія, Ирландія, Сѣверная Германія и значительная часть Европейской Россіи) былъ окутанъ сплошнымъ ледянымъ покровомъ, подобно нынѣшней Гренландіи, Сахара и вся сѣверная Африка отличалась болѣе влажнымъ климатомъ, чѣмъ теперь [7]). Самъ Нилъ въ

---

7) Морганъ допускаетъ, повидимому, возможность существованія въ эту эпоху моря на мѣстѣ нынѣшней Сахары, ссылаясь, между прочимъ, на *Fourtau*, занимавшагося въ послѣдніе годы изученіемъ геологіи Египта. Но вообще теперь доказано, что большая часть Сахары стала сушею уже по окончаніи девонскаго и каменноугольнаго періодовъ, хотя, съ другой стороны, несомнѣнно также, что въ концѣ пліоценовой и въ теченіе постпліоценовой эпохи климатъ здѣсь былъ гораздо влажнѣе, осадки обильнѣе, рѣки многоводнѣе. См. *De-Lapparent*, Traité de géologie. 3 ed. 1893. II, p. 1393 ss., *Schirmer*. Le Sahara. P. 1893, p. 136 ss.

тѣ времена былъ, несомнѣнно, многоводнѣе, и его разливы въ нѣсколько разъ превышали по мощности современные. Это можно заключать изъ отложеній гальки, покрывающихъ даже высокія террассы по окраинамъ долины и мѣстами еще прикрытымъ рѣчнымъ пескомъ, но большей частью песокъ снесенъ вѣтромъ, образовавшимъ подвижныя дюны, отчасти уже подходящія къ заселеннымъ мѣстамъ и пашнямъ. Отложивъ въ теченіе ряда тысячелѣтій мощные слои наносовъ и выровнявъ тѣмъ уклонъ своего ложа, Нилъ утратилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и значительную долю своей силы; онъ переноситъ теперь только илъ и не въ состояніи передвигать гальку. Буренія, произведенныя въ нижнихъ частяхъ долины Нила, показали, что дно рѣки состоитъ изъ пліоценовыхъ (морскихъ) отложеній, прикрытыхъ рѣчными наносами, и, именно, сперва слоями гальки (соотвѣтствующими древнѣйшему періоду жизни рѣки), затѣмъ — песку, далѣе песку съ иломъ и, наконецъ, — одного ила. Эти послѣдовательныя отложенія должны были постепенно повышать дно, а слѣдовательно, и уровень рѣки, и дѣйствительно, теперь во время разливовъ вода заливаетъ и такія мѣста, которыя ранѣе лежали выше уровня наибольшаго половодья. Такъ, въ Луксорѣ, вода заливаетъ теперь на 1— 2 метра высоты полъ храма, построеннаго при Аменхотепѣ III (XIII дин.); въ Эснэ на 0,8—1 м. полъ зданія, воздвигнутаго при Птолемеяхъ; въ Луксорѣ — на 0,1 м. полъ древней коптской церкви, построенной въ первые вѣка христіанства на мѣстѣ языческаго храма. Вообще, принимаютъ, что возвышеніе почвы, вызываемое отложеніемъ наносовъ Нила, составляетъ около 0,001 м. въ годъ, около 0,1 м. въ столѣтіе и около 1 м. въ тысячу лѣтъ; но, если это такъ, то наиболѣе древнія постройки, эпохи первыхъ династій (если таковыя воздвигались тогда въ Ѳивахъ и въ другихъ пунктахъ долины, невысоко надъ уровнемъ Нила) должны быть прикрыты теперь слоемъ ила не менѣе 6 метровъ толщиною. Отложенія Нила во время разливовъ должны были постепенно заносить и тѣ озера и болота, которыя находились по окраинамъ его заливной долины, и остатки которыхъ сохраняются мѣстами еще и теперь большую часть года. Египетскіе жрецы, еще въ V в. до Р. X., сообщили Геродоту преданіе, что нѣкогда дельты Нила не было, что море продолжалось почти до Мемфиса, а далѣе вверхъ по рѣкѣ были многочисленныя и вредныя для здоровья болота. Дѣйствительно, дельта Нила обязана своимъ образованіемъ постепеннымъ отложеніямъ рѣки и продолжаетъ расти еще и теперь, хотя и не болѣе какъ на 4 м. въ годъ, тогда какъ въ прежнія времена ростъ ея происходилъ, несомнѣнно, гораздо энергичнѣе. Большая влажность и обиліе озеръ и болотъ въ древнемъ Египтѣ, даже во времена первыхъ египетскихъ

династій, доказывается косвенно и нѣкоторыми изображеніями изъ тѣхъ эпохъ. Въ Египтѣ тогда были лѣса и саванны, водились газели, антилопы, жирафы, обезьяны, гиппопотамы, кабаны, страусы, крокодилы,— теперь уже давно тамъ исчезнувшіе и истребленные.

Человѣкъ появился въ Египтѣ, вѣроятно, еще въ періодъ отложенія Ниломъ тѣхъ слоевъ гальки, которые покрываютъ теперь возвышенныя терассы его береговъ. Въ этихъ слояхъ попадаются кремневыя орудія Шелльскаго и Сентъ-Ашельскаго типовъ, весьма сходныя съ найденными въ палеолитическихъ отложеніяхъ Франціи и другихъ странъ Европы, также въ Сѣверной и Южной Африкѣ, въ Палестинѣ, Индіи и т. д. Въ частяхъ долины, ближайшихъ къ Нилу, такія орудія встрѣчаются обыкновенно только въ глубокихъ оврагахъ, размытыхъ бывающими здѣсь изрѣдка (въ Египтѣ дожди вообще рѣдки) потоками отъ ливней, причемъ можно убѣдиться, что орудія эти заключены въ древнихъ аллювіальныхъ наносахъ. Морганъ принимаетъ поэтому и для Египта палеолитическую эпоху, о которой, впрочемъ, пока еще нельзя сказать ничего болѣе опредѣленнаго. Гораздо болѣе данныхъ имѣется для неолитической эпохи, остатки которой встрѣчаются въ изобиліи, во-первыхъ, въ такъ наз. мастерскихъ кремневыхъ орудій, разбросанныхъ какъ по берегамъ Нила, такъ и въ пустынѣ; во-вторыхъ, въ отбросахъ древнихъ поселеній (кьёккенмеддингахъ), иногда подъ толщами позднѣйшихъ—египетскихъ, греческихъ, римскихъ и арабскихъ наслоеній, наконецъ—въ могилахъ и цѣлыхъ кладбищахъ. Мастерскія—наименѣе убѣдительны въ археологическомъ отношеніи, такъ какъ ими могли пользоваться и позднѣйшіе египтяне; мѣста поселеній уже доставляютъ болѣе опредѣленныя данныя, хотя здѣсь также возможно смѣшеніе остатковъ различныхъ культуръ, но въ особенности заслуживаютъ вниманія могилы, которыя по своему характеру и обстановкѣ существенно отличаются отъ гробницъ египетскихъ. Отличія эти были впервые установлены Питри, который пояснилъ ихъ слѣдующей параллелью.

Признаки египетскіе.	Признаки „новой расы“.
1. Надписи (іероглифы).	1. Грубыя отдѣльныя нарѣзки.
2. Скульптура.	2. Неспособность къ передачѣ формъ.
3. Гробницы въ формѣ камеръ.	3. Гробница въ видѣ закрытыхъ сверху колодцевъ.
4. Гробницы въ скалахъ.	4. Могилы въ долинѣ (въ землѣ).
5. Гробы.	5. Остатки тканей (шкуръ?)

6. Тѣло въ вытянутомъ положеніи.	6. Тѣло въ скорченномъ положеніи (на боку).
7. Мумификація.	7. Расчлененіе тѣла.
8. Голова на мѣстѣ (въ связи съ туловищемъ).	8. Голова часто отдѣлена отъ туловища.
9. Вмѣстимость черепа большая, 1460 куб. сант.	9. Вмѣстимость черепа, въ среднемъ, 1310 куб. сант.
10. Носовой показатель 48,5 (носъ средней ширины).	10. Носовой показатель 53,7 (носъ широкій).
11. Оружіе, лукъ и стрѣлы.	11. Наконечники дротиковъ вилкою (развильчатые).
12. Топоры (мѣдные) съ выпуклымъ лезвіемъ.	12. Овальные топоры изъ кремня.
13. Топоры съ ушками.	13. Отлично оббитые кремневые ножи.
14. Палки, обитыя мѣдью.	14. Четырехгранные кремневые кинжалы.
15. Погребальные амулеты.	15. Пепелъ.
16. Шаровидныя, большей частью глиняныя бусы (изъ пасты).	16. Цилиндрическія, большей частью каменныя бусы.
17. Мѣдныя зеркала.	17. Пластинки сланца.
18. Скарабеи.	18. Кремневые браслеты.
19. Канопскія вазы.	19. Кувшины съ жиромъ.
20. Глиняная посуда, сдѣланная на гончарномъ кругу.	20. Глиняная посуда, сдѣланная отъ руки. — красная полированная. — красная съ чернымъ. — красная съ бѣлымъ. — расписная. — съ нарѣзанными узорами.

Де-Морганъ подтверждаетъ, съ нѣкоторыми оговорками, это различіе, и прибавляетъ, что погребенія „новой расы" не заключаютъ въ себѣ никакихъ предметовъ завѣдомо египетской фабрикаціи и что въ искусствѣ и промышленности этой расы не замѣчается вообще никакихъ слѣдовъ египетскаго вліянія временъ фараоновъ; наоборотъ, въ промышленности фараоновскихъ египтянъ можно указать многія позаимствованія отъ „новой расы". Все это можно объяснить только тѣмъ, что неолитическое населеніе предшествовало египтянамъ, что эта „новая раса" Питри есть въ дѣйствительности „старая раса" (old race),

съ которой столкнулись египтяне при своемъ занятіи Египта. Указанныя Питри черты сходства (въ посудѣ) съ предметами временъ IV династіи теряютъ свое значеніе, если принять во вниманіе, что еще болѣе сходства оказывается съ предметами временъ самыхъ первыхъ династій, найденными въ послѣднее время Моргано̀мъ и Амелино̀ въ гробницахъ Негады и Абида, гдѣ могъ быть констатированъ иногда и способъ погребенія, приписываемый Питри его „новой расѣ". Такимъ образомъ, приходится признать, что эта „новая раса" предшествовала древнѣйшимъ египетскимъ династіямъ, а, слѣдовательно, предшествовала и историческимъ египтянамъ.

Изъ сопоставленія различныхъ находокъ можно сдѣлать заключеніе, что неолитическое населеніе Египта занимало большую часть страны, но несомнѣнныя могилы его были найдены до сихъ поръ только на западной окраинѣ Нильской долины и при томъ на протяженіи отъ Кавамиля (около 500 кил. къ югу отъ Каира) до Сильсилэ (въ 850 километрахъ); возможно однако, что будущія раскопки откроютъ могильники этого типа и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, напр., въ Кавамилѣ и Сильсилэ, гробницы этого періода оказываются смѣшанными съ древнѣйшими египетскими, заключающими въ себѣ много сходныхъ предметовъ; требуются поэтому еще дальнѣйшія изысканія, чтобы выяснить вполнѣ отличительные признаки неолитическихъ гробницъ отъ древнѣйшихъ египетскихъ. Однимъ изъ такихъ признаковъ является присутствіе въ египетскихъ гробницахъ мѣди или бронзы, но часто металлъ этотъ представленъ лишь немногими мелкими предметами, а въ другихъ случаяхъ его и вовсе нѣтъ, что однако еще не доказываетъ незнакомства съ нимъ населенія. Болѣе точекъ опоры даетъ самый способъ погребенія, но и онъ можетъ варіировать у одного народа, какъ это и было, повидимому, у египтянъ временъ первыхъ династій. Строгое различеніе каменныхъ издѣлій и посуды неолитической эпохи и древнѣйшей египетской покуда невозможно; можно только утверждать, что уже ко времени IV династіи употребленіе и искусство выдѣлки кремневыхъ орудій замѣтно падаетъ, что характерные расписные, красные съ чернымъ, сосуды не встрѣчаются уже въ могилахъ конца III династіи, но, съ другой стороны, нѣкоторыя характерныя формы сосудовъ, выдолбленныхъ изъ камня, продолжаютъ бытовать еще въ эпоху VI и позднѣйшихъ династій, а нѣкоторыя формы глиняной посуды доходятъ до временъ XII династіи и даже сохранились еще у современныхъ феллаховъ.

Неолитическое населеніе Египта отличалось необыкновеннымъ искусствомъ въ обдѣлкѣ кремня. Морганъ приводитъ изображенія мно-

гихъ типовъ кремневыхъ издѣлій, отчасти сходныхъ съ находимыми въ Европѣ, отчасти своеобразныхъ. Найдено много ядрищъ (nuclei), отбойниковъ (percuteurs), болѣе или менѣе отдѣланныхъ осколковъ, скребковъ, ножей (съ прямымъ или выпуклымъ лезвеемъ), кинжаловъ, наконечниковъ копій, дротиковъ и стрѣлъ, проколокъ или шилъ, орудій съ вогнутымъ лезвеемъ, въ видѣ отрѣзка круга, пилокъ или частей серповъ, различныхъ остріевъ, овальныхъ и другихъ формъ топоровъ и кирокъ. Изъ топоровъ любопытны плоскіе и короткіе съ двумя боко-

Рис. 1. Кремневыя пилки (или части серповъ) изъ кьёккемёддинга въ Toukh. (Въ $1/2$ натур. величины).

a Рис. 2. *b*

Рис. 2. *a)* кремневый топоръ (изъ Кагуна, по Питри), $1/2$ нат. вел.; *b)* бронзовый топоръ (изъ Кагуна, по Питри), $1/2$ натур. величины.

выми вырѣзами и съ выступающими надъ ними ушками, — форма, служившая, повидимому, прототипомъ (или подражаніемъ?) подобнымъ же египетскимъ топорамъ изъ мѣди или бронзы. Стрѣлки встрѣчаются всевозможныхъ типовъ: овальныя, въ формѣ лавроваго листа, треугольныя, съ вырѣзкой при основаніи, съ боковыми зубцами, съ черенкомъ, съ боковыми вырѣзками (для удобства прикрѣпленія къ древку) и т. д., характерны стрѣлки о двухъ коротк ихъ остріяхъ (слегка развильчатыя),

Рис. 3. Кремневые наконечники стрѣлъ (или дротиковъ), слегка развильчатые, изъ могильника въ Эль-Амрâ. ($1/2$ нат. величины).

можетъ быть, введенныя уже египтянами, судя потому, что стрѣлки съ лезвеемъ продолжали употребляться и въ историческую эпоху. Нѣкоторые длинные наконечники дротиковъ выказываютъ по краямъ правильную зубчатость, свидѣтельствующую о большомъ искусствѣ въ оббивкѣ кремня, не превосходящемъ, впрочемъ, констатированнаго и въ другихъ странахъ (напр., хотя бы въ нашей Архангельской губ.). Но за то нигдѣ, кажется, не находили такихъ большихъ и тщательно оббитыхъ ножей, какъ здѣсь: одинъ кривой ножъ, изображенный у Моргана, имѣетъ $1^1/_2$ четверти въ длину (27 сант.), другой, немного поменьше, поражаетъ необыкновенной симметричностью своей оббивки; есть ножи съ рукояткой (выбитой изъ той же кремневой пластинки). Такія крупныя кремневыя издѣлія были возможны только при имѣніи подъ руками кремневыхъ осколковъ и ядрищъ соотвѣтственной величины, получавшихся, повидимому, въ изобиліи изъ кремневыхъ желваковъ въ мѣстныхъ третичныхъ и мѣловыхъ пластахъ. Высшее искусство въ обдѣлкѣ кремневыхъ ножей (и нѣкоторыхъ другихъ издѣлій изъ камня) было достигнуто, повидимому, въ эпоху прибытія египтянъ или, можетъ быть, даже въ первую эпоху ихъ господства; многіе прекрасные образцы были добыты изъ древнѣйшихъ египетскихъ могилъ, въ томъ числѣ одинъ прекрасный ножъ, наполовину обернутый золотымъ листкомъ, съ выгравированными на немъ изображеніями животныхъ (антилопъ, коровъ, льва и т. д., а на другой сторонѣ — двухъ переплетшихся змѣй). Нѣкоторые кремневые ножи и топоры болѣе или менѣе отполированы; кромѣ того, найдены полированные топоры, песты и булавы изъ діорита, серпентина, гематита, алебастра (такъ называется въ Египтѣ одинъ видъ известняка) и другихъ каменныхъ породъ. Всѣ эти породы мѣстныя, египетскія, но найдены были (въ неолитическихъ или египетскихъ гробницахъ?) также орудія (даже сосуды) изъ обсидіана,

Рис. 4. Кремневый ножъ изъ царской гробницы въ Негадѣ. (Нѣсколько менѣе $^1/_2$ натур. величины).

котораго въ Египтѣ нѣтъ, и ближайшія мѣсторожденія котораго имѣются только на греческихъ островахъ, въ турецкой Арменіи и Закавказьи. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ издѣлій изъ кремня слѣдуетъ отнести кремневые браслеты, представлявшіе, несомнѣнно, большую

Рис. 5. *a)* Статуэтки гиппопотама изъ известняка (некрополь въ Джебель-эль-Тарифъ), въ 1/2 нат. величины. *b)* Статуэтка изъ желтой глины, изображающая человѣка на колѣняхъ. Изъ того же некрополя. Въ 1/2 натур. величины.

трудность для ихъ изготовленія, которое могло производиться только нажимомъ, а никакъ не ударами. Къ каменнымъ же издѣліямъ можно отнести бусы—цилиндрической формы, изъ известняка, также пронизки изъ серпентина, ископаемыхъ иглокожихъ, раковинъ (всѣ изъ Крас-

Рис. 6. Статуэтки изъ известняка, глины, кварца и кости, представляющія львовъ, соколовъ, буйвола и др., изъ раскопокъ Питри въ могильникахъ около Негады и Балласа.

наго моря); браслеты изъ перламутра, пластинки тальковаго сланца, ромбоидальной формы, гладкія или съ изображеніями; грубыя статуэтки изъ сланца, известняка, кварца, глины, изображающія гиппопотама и

другихъ животныхъ; каменныя и глиняныя пряслицы,—наконецъ, каменные сосуды, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Рядомъ съ каменными попадаются и костяныя издѣлія, въ томъ числѣ и изъ слоновой кости и гиппопотамоваго зуба,—шила, остріа (нѣкоторыя съ орнаментомъ), гарпуны, булавки, пилки, гребни (многіе съ рѣзными изображеніями животныхъ на верхнемъ концѣ), ложечки (нѣкоторыя тоже съ изображеніями звѣрей), привѣски и амулеты (изъ алебастра, слоновой кости, кожи, часто въ формѣ клыковъ, рожковъ и т. п.), статуэтки животныхъ и человѣка.

Посуда у неолитическихъ обывателей Египта, судя особенно по находкамъ въ могилахъ, была многочисленна и разнообразна, сдѣланная какъ изъ глины, такъ и изъ камня. Глиняная изготовлялась изъ нильскаго ила,—такая получала послѣ обжиганія желтоватый или красноватый цвѣтъ, или же изъ болѣе древнихъ осадочныхъ глинъ, такая отъ обжога становилась ярко-красною. Глина выказываетъ часто примѣсь песка и травы, сосуды дѣлались отъ руки безъ гончарнаго круга, хотя весьма симметрично, но вообще они слѣплены не особенно тщательно (иные выказываютъ слѣды пальцевъ) и недостаточно обожжены, а потому часто пористы, хотя поверхность многихъ подвергалась полировкѣ. На поверхности наводились остріемъ узоры или чертились изображенія (растеній, крокодила, антилопы, человѣка и т. д.), затиравшіяся потомъ бѣлою массой; или же красные сосуды окрашивались вдоль обода (а иногда и близъ дна) черною краской (въ которую входила двойная окись марганца); или по желтому фону дѣлалась роспись красною краской. Чаще всего такая роспись состояла изъ параллельныхъ линій (прямыхъ, ломаныхъ, волнистыхъ), иногда расположенныхъ полосами по радіусамъ, или изъ кружковъ, треугольниковъ, концентрическихъ завит-

Рис. 7. Сосуды блѣдно-красноватаго цвѣта, съ нарѣзанными украшеніями и узорами, затертыми бѣлой массой; изъ Гебелейна.

ковъ, а также изображеній растительныхъ и животныхъ формъ (алоэ, сикоморы, газелей, антилопъ, жирафовъ, страусовъ и крокодиловъ). Любопытны также изображенія человѣка—пляшущихъ (съ поднятыми руками) женщинъ, въ платьѣ или юбкѣ, голыхъ дѣтей и мужчинъ—съ дубиною, лукомъ, бумерангомъ, и изображенія лодокъ. Съ этими рисунками представляютъ значительное сходство нѣкоторыя начертанія на скалахъ Верхняго Египта. Формы посуды весьма разнообразны, то въ родѣ болѣе или менѣе развалистыхъ чашъ, то низкихъ или высокихъ, стройныхъ или брюхастыхъ горшковъ, цилиндровъ или банокъ, бокаловъ, котелковъ (иногда съ ушками), широко- или узко-горлыхъ кувшиновъ, кратеровъ, бутылей, амфоръ и т. д.; любопытны небольшіе парные сосудики въ родѣ бинокля. Есть сосуды съ плоскимъ округлымъ и съ заостреннымъ дномъ; есть весьма грубо слѣпленные, съ неровною поверхностью, и есть гладкіе и полированные; многіе съ прямо срѣзанными краями отверстія, но большинство съ ободкомъ; подъ остродонные сосуды употреблялись особыя подставки. Любопытны сосуды для воды съ рѣшетчатымъ (изъ мно-

Рис. 8. Сосудъ желтаго цвѣта съ наведенными красной краской изображеніями алоэ и др. Изъ Эль-Амра.

Рис. 9. Развернутая роспись одного амфорообразнаго сосуда изъ Абида (Abydos). Вверху орнаментъ изъ волнообразныхъ, прямыхъ и кривыхъ линій; ниже изображенія двухъ лодокъ съ двумя каютами и съ значками на носу и у задней каюты, а также изображенія антилопъ, страусовъ, пляшущихъ женщинъ съ дѣтьми, мужчинъ съ дубинами, луками, бумерангами и т. д.

гихъ мелкихъ дырочекъ) отверстіемъ (такіе въ ходу еще и теперь въ Египтѣ, сѣв. Африкѣ, Испаніи); — миніатюрные сосудики (дѣлавшіеся также изъ камня и слоновой кости), — сосуды въ формѣ животныхъ (рыбъ, птицъ, иногда имѣющіе форму чайниковъ); сосуды въ видѣ лодокъ (или модели лодокъ) и другіе. Особенно замѣчательны каменные сосуды, выдолбленные изъ сланца, кремнистаго песчаника, діорита, ба-

зальта, серпентина, гранита, известняка, кварца, большею частью простыхъ формъ (въ родѣ цилиндра, стакана, горшка, съ плоскими, отогнутыми подъ извѣстнымъ угломъ стѣнками, и небольшихъ размѣровъ—до

Рис. 10. Желтые сосуды съ красными на нихъ изображеніями и узорами. 1—парные сосудики изъ Гебелейна; 2—изъ Верхняго Египта; 3—изъ неизвѣстной мѣстности.

3—4 вершковъ въ поперечникѣ, но иногда и крупнѣе и болѣе сложной формы (съ выпуклыми или вогнутыми стѣнками, съ ободкомъ, съ круговымъ веревочнымъ орнаментомъ, съ ушками или ребрами, въ видѣ нѣсколько приплюснутаго шара и т. п.). Наиболѣе совершенныя формы и отдѣлку такіе сосуды получили, впрочемъ, уже въ египетскую эпоху, судя по массѣ ихъ въ древнѣйшихъ египетскихъ гробницахъ, а отчасти и въ болѣе позднихъ. О способѣ изготовленія такихъ сосудовъ требовавшемъ, вѣроятно, массу времени, но весьма несложныхъ пріемовъ (при помощи деревянныхъ клиньевъ, молотка, песка и воды), можно получить понятіе изъ нѣкоторыхъ барельефовъ на памятникахъ VI династіи; сосуды такого рода были находимы и въ гробницахъ XII династіи и даже болѣе позднихъ.

На основаніи сдѣланныхъ за послѣдніе годы находокъ, можно уже составить себѣ довольно опредѣленное понятіе о неолитическомъ населеніи Египта, хотя, конечно, многое еще требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій. Народъ этотъ находился въ каменномъ вѣкѣ, но едва ли его можно считать грубыми дикарями. Онъ умѣлъ прекрасно обдѣлывать

кремень и другія породы камня и изготовлялъ изъ нихъ, а равно изъ кости, слоновыхъ бивней, глины, вѣроятно также рога и дерева, разнообразныя орудія, оружіе, украшенія, посуду. Ходилъ онъ, вѣроятно, благодаря жаркому климату, нагимъ, но женщины носили родъ юбки; въ могилахъ были найдены также остатки шкуръ и циновокъ. Жилищемъ служили, вѣроятно, шалаши или хижины изъ сучьевъ и тростника; судя по нѣкоторымъ изображеніямъ на сосудахъ, можно думать, что шалаши имѣли коническую форму. Гдѣ и какъ были расположены поселенія, сказать трудно, такъ какъ въ долинѣ остатки ихъ покрыты теперь толстымъ слоемъ ила; на окраинахъ же долины они оказываются по близости (рѣдко далѣе 150 — 200 метровъ) отъ современнаго предѣла обработанныхъ полей и были расположены довольно часто, что указываетъ на густоту населенія. Однимъ изъ главныхъ промысловъ были охота и рыбная ловля при помощи лука и стрѣлъ, гарпуновъ, дротиковъ, палицъ, бумеранговъ, можетъ быть также сѣтей и ловушекъ. Египетская фауна того времени (даже еще эпохъ первыхъ династій) была много богаче современной; неизвѣстно, жили ли тогда здѣсь слонъ и носорогъ, такъ какъ изображеній ихъ нѣтъ на египетскихъ памятникахъ, но слоновая кость составляла распространенный продуктъ, а въ одной древней кучѣ отбросовъ Морганъ нашелъ и обломокъ носорожьяго рога. За-то гиппопотамъ былъ очень обыкновененъ, газели и антилопы водились стадами, жилъ также дикій быкъ, кабанъ, много видовъ хищниковъ (левъ, леопардъ, гіена, шакалъ, дикая кошка), страусъ (его яйца и кости встрѣчаются часто въ гробницахъ и кьёккенмёддингахъ), много другихъ птицъ, а въ водѣ—масса рыбы. Туземцы имѣли лодки, именно небольшіе челноки изъ тростника, обмазанные, вѣроятно, смолою, и большія плоскія шестивесельныя лодки—съ двумя каютами и особыми значками. Судя по изображеніямъ, значки эти на носу состояли изъ пальмовыхъ листьевъ (или цыновокъ), одной и той же формы для ряда лодокъ, тогда какъ на кормѣ или у задней каюты значки имѣли видъ шеста съ изображеніемъ на верхнемъ его концѣ то пальмоваго листа, то стрѣлы, рогульки, треугольниковъ, кольца, рыбы, слона и т. д., причемъ на каждой лодкѣ имѣлся особый значекъ (рѣдко одинъ и тотъ же на двухъ, слѣдующихъ одна за другой, лодкахъ). Морганъ высказываетъ предположеніе, что значки эти играли роль флаговъ, и притомъ значекъ на носу указывалъ на племя или родъ, а значекъ на кормѣ соотвѣтствовалъ гербу или тамгѣ владѣльца. Если эта догадка вѣрна, то она даетъ намъ нѣкоторое представленіе объ общественномъ бытѣ населенія. Охота и рыбная ловля доставляли уже достаточное пропитаніе, но народъ пользовался также съѣдобными слиз-

няками и разными плодами; Морганъ находилъ, между прочимъ, при раскопкахъ, косточки финиковъ и зерна лотуса. Изъ находокъ множества зазубренныхъ кремневыхъ осколковъ, употреблявшихся, какъ показали раскопки Питри въ Кагунѣ, для вставки въ деревянныя орудія, служившія серпами, Морганъ сначала заключилъ, что неолитическому населенію было извѣстно и земледѣліе, но впослѣдствіи онъ въ этомъ усомнился, не встрѣтивъ остатковъ хлѣбныхъ растеній въ могилахъ туземцевъ, тогда какъ такіе остатки нерѣдки въ гробницахъ древнѣйшихъ египтянъ. Поэтому теперь онъ отрицаетъ земледѣліе у неолитическаго населенія, но считаетъ вѣроятнымъ, что оно дѣлало уже попытки къ одомашненію нѣкоторыхъ животныхъ — антилопъ, шакаловъ, ословъ, гусей и др. По остаткамъ костей въ кьёккенмёддингахъ и гробницахъ трудно, правда, придти къ рѣшительному выводу въ этомъ отношеніи, такъ какъ здѣсь встрѣчается и много костей дикихъ животныхъ, но находки газельяго и антилопьяго помета на мѣстахъ древнихъ поселеній и, тамъ же, костей, оглоданныхъ хищниками (собаками или гіенами), повидимому, указываютъ на то, что туземцы уже умѣли приручать животныхъ. Изъ изображеній на древнѣйшихъ египетскихъ памятникахъ извѣстно, что египтяне, кромѣ домашнихъ быковъ, козъ, собакъ, ословъ, кошекъ, птицъ, имѣли еще и ручныхъ антилопъ, газелей, шакаловъ, леопардовъ, гіенъ и другихъ.

Искусство въ неолитическій вѣкъ стояло еще на довольно низкой ступени развитія. Туземцы умѣли, впрочемъ, раскрашивать посуду, дѣлали на ней узоры и изображенія, придавали часто красивыя формы сосудамъ, вырѣзали изъ камня и кости статуэтки разныхъ животныхъ и человѣка, но послѣднія особенно отличались крайней примитивностью. Изъ этихъ статуэтокъ и изображеній на сосудахъ можно только заключить, что женщины имѣли развитой тазъ, висячія груди и носили на шеѣ ожерелья, и что волоса и у мужчинъ и женщинъ были короткіе. На основаніи длиннаго, заостреннаго книзу подбородка Морганъ предполагаетъ, что мужчины носили бороду, но, такъ какъ такой же подбородокъ оказывается и на женскихъ статуэткахъ, то съ этимъ предположеніемъ едва ли можно согласиться. На одной глиняной мужской статуэткѣ показаны на тѣлѣ разнообразныя полосы и изображенія звѣрей; можетъ быть, это указываетъ на татуировку, но, вѣрнѣе, на раскраску тѣла.

Доисторическія могилы, изслѣдованныя Питри, Морганомъ и Амелино, представляютъ три типа, изъ коихъ одинъ, повидимому, несомнѣнно принадлежитъ египтянамъ, а другіе два встрѣчаются иногда совмѣстно, и Питри приписываетъ оба ихъ поэтому своей „новой расѣ“,

тогда какъ Морганъ склоненъ одинъ изъ нихъ относить скорѣе къ египтянамъ. Несомнѣнныя могилы неолитическаго населенія отличаются тѣмъ, что онѣ представляютъ ямы колодцемъ, вырытыя въ землѣ, часто въ слояхъ гальки, на окраинѣ долины, а не въ пустынѣ, не въ скалахъ, не въ особыхъ каменныхъ сооруженіяхъ (пирамиды, мастабы), какъ у египтянъ. Могилы расположены иногда весьма близко одна около другой, и костякъ лежитъ обыкновенно на лѣвомъ боку въ скорченномъ положеніи, съ ногами, согнутыми въ колѣняхъ и подведенными къ туловищу, и съ руками, тоже согнутыми въ локтяхъ и подведенными къ лицу. Въ могилѣ положены разныя вещи (каменныя орудія, пластинки изъ тальковаго сланца [8]), украшенія изъ кости, перламутра и т. д.), а кругомъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ, расположены сосуды,—красные съ чернымъ, желтые съ краснымъ, расписные, каменные, отчасти со слѣдами въ нихъ жира или костей животныхъ. Около костяка находили иногда слѣды плетенья (циновки изъ камыша и шкуръ), а изрѣдка были находимы и слѣды мѣди. Могилы этого типа были найдены въ большомъ числѣ около селеній Тукъ (Toukh), Негада, Эль-Амра и Кавамиль; Морганъ считаетъ этотъ типъ могилъ наиболѣе древнимъ, но онъ встрѣчается, повидимому, и въ болѣе позднюю эпоху, когда появляются уже цилиндрическіе сосуды, большія овальныя урны и мѣдныя издѣлья, причемъ иногда скелетъ, съ окружающими его вещами, помѣщенъ въ прямоугольномъ ящикѣ, сбитомъ изъ глины или сложенномъ изъ необожженнаго кирпича, что, повидимому, указываетъ уже на египетское вліяніе, а иногда скелетъ заключенъ въ большомъ, опрокинутомъ вверхъ дномъ горшкѣ, гдѣ онъ лежитъ на спинѣ съ поднятыми кверху ногами и руками.

Рис. 11. Одна могила изъ доисторическаго некрополя въ Эль-Амра. $1/_{30}$ натур. вел.

Другой типъ могилъ характеризуется расчлененіемъ погребенныхъ въ нихъ тѣлъ, причемъ въ подробностяхъ встрѣчается много варіацій.

---

[8]) Пластинки эти имѣютъ часто ромбоидальную форму, и на нихъ иногда нацарапано изображеніе крокодила, антилопы и т. д.; ихъ считаютъ амулетами; въ Кашмирѣ и теперь еще въ ходу рѣзныя пластинки тальковаго сланца, играющія подобную роль.

Иногда въ могилѣ, подъ слоемъ, заключающемъ въ себѣ сосуды (цилиндрическіе, овальные и др.), оказывается только черепъ и нѣсколько костей скелета, а иногда нѣтъ слѣдовъ и черепа; въ другихъ случаяхъ большая часть костей оказывается на-лицо, но въ безпорядкѣ, причемъ нерѣдко онѣ заключены въ овальную или четыреугольную цисту (ящикъ), а сосуды помѣщены внѣ ящика; расписныхъ сосудовъ въ такихъ могилахъ обыкновенно не встрѣчается, красные съ чернымъ рѣдки, а преобладаютъ сѣрые и цилиндрическіе, весьма часто также встрѣчаются каменные; кремневыя издѣлія тоже рѣдки, и ихъ чаще замѣняютъ мѣдныя, обыкновенны также сланцевыя пластинки и разныя статуэтки. Оба эти вида погребеній отдѣлены большею частью одинъ отъ другого на сотни метровъ, но мѣстами, какъ близъ Тука и Сильсилэ, они являются смѣшанными, и иногда въ одной могилѣ, рядомъ съ цѣлымъ скорченнымъ скелетомъ, оказываются еще черепа и кости отъ одного-двухъ расчлененныхъ. Любопытно, что въ черепахъ такихъ расчлененныхъ костяковъ д-ръ Фукэ нашелъ явственные слѣды асфальта, какъ будто первые зачатки мумификаціи. Принимая это во вниманіе, а также имѣя въ виду присутствіе мѣди, а иногда и кирпичной кладки, Морганъ склоненъ приписывать эти могилы египтянамъ, тѣмъ болѣе, что раскопанная ихъ царская гробница въ Négadah оказалась окруженною могилами именно этого типа, причемъ многія издѣлія въ нихъ были совершенно тождественны съ найденными въ царской гробницѣ. Извѣстно, что въ послѣдующія эпохи погребальныя пирамиды фараоновъ также окружались мастабами, въ которыхъ покоилась придворная знать и высшіе чиновники.

Рис. 12. Глиняная циста изъ некрополя въ Кавамилѣ съ расчлененнымъ костякомъ. Вверху видъ сверху, внизу—въ вертикальномъ разрѣзѣ.

Третій типъ могилъ составляютъ только что указанныя царскія гробницы. Амелинð склоненъ былъ сначала относить ихъ къ легендарной эпохѣ божественныхъ династій, но Морганъ полагаетъ, что въ

нихъ слѣдуетъ видѣть гробницы фараоновъ I и II династій; Морганъ (совмѣстно съ Видеманномъ, Жекье и Ламиромъ) раскопалъ одну такую гробницу близь Негады, Амелино́ нѣсколько — близь Абида; въ подробностяхъ плана, устройства и инвентаря этихъ гробницъ оказались различія, но общій ихъ характеръ сходенъ.

Гробница близь Négadah была открыта при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Здѣсь оказались два могильника, одинъ, расположенный южнѣе, принадлежавшій, очевидно аборигенамъ, другой, въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу, вѣроятно египтянамъ. Осматривая окрестности, Морганъ натолкнулся на плоскій холмъ (tell) со слѣдами кирпичной кладки. Феллахи пользовались этимъ холмомъ для добыванія т. наз. „себаха" (sébakh — земля изъ развалинъ и сорныхъ кучъ, съ частями культурнаго слоя, известкой, костями и т. д., употребляемая для удобренія полей). На вершинѣ телля оказался обожженый кирпичъ и остатки жженыхъ костей, что вызвало предположеніе, не есть ли это остатки греческой эпохи. Но раскопки показали, что въ поверхностныхъ слояхъ находятся могилы разныхъ эпохъ — римской, греческой и эпохи рамессидовъ, съ деревянными расписными гробами, нѣсколько напоминающими гробы жрецовъ Аммона въ Deïr-el-Bahari, и всѣ эти могилы не выказывали слѣдовъ огня. Отсюда можно было заключить, что слѣды огня или сожженія относятся къ болѣе древней

Рис. 13. Карта долины Нила около Θивъ (Луксоръ) и къ сѣверу до Куфта. ⊖ — находки орудій Шелльскаго типа; ◒ — доисторическіе могильники; ◑ — кьеккенмеддинги; ◕ — отложенія съ оббитыми кремнями; ● — телли исторической эпохи; ▒ — некрополи исторической эпохи; ◍ — современные города и деревни.

эпохѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что Амелино̀, производившій раскопки нѣсколькихъ подобныхъ гробницъ близь Абида и встрѣтившій тамъ также слѣды пожарища (пепелъ, угли, обожженныя кирпичныя стѣны), приписалъ его коптамъ, относительно которыхъ есть извѣстіе, что они въ первые вѣка христіанства, какъ ревностные прозелиты, занимались истребленіемъ гробницъ язычниковъ. Но Морганъ, въ своихъ раскопкахъ, не встрѣтилъ ничего такого, что указывало бы на позднѣйшее разореніе; въ первой же разрытой камерѣ оказались ряды большихъ амфоръ, стоявшихъ, очевидно, въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ были поставлены; въ другихъ камерахъ оказались, правда, многіе разбитые глиняные и каменные сосуды, но, повидимому, это дѣлалось нарочно, по обряду погребенія. Что касается пожара, то онъ, по мнѣнію Моргана, также входилъ въ погребальный обрядъ; пожаръ былъ

Рис. 14. Видъ разрытой царской гробницы въ Негадѣ.

настолько сильный, что многіе каменные сосуды остеклянились, кирпичныя стѣны были обожжены на 0,40 м. въ толщину, и всюду валялось множество окалинъ, свидѣтельствовавшихъ о массѣ расплавленныхъ предметовъ. Не всюду однако пожаръ былъ одинаково силенъ и мѣстами, въ слояхъ земли и пепла удалось найти фрагменты вещей изъ слоновой кости, алебастра, черепахи, даже дерева (чернаго) и тканей.

Гробница представляла въ общемъ солидное четыреугольное сооруженіе, длиною въ 54 м. и шириною въ 27 м. На возвышенной площадкѣ былъ выложенъ изъ необожженаго кирпича фундаментъ, на которомъ была воздвигнута самая гробница. Толстыя стѣны ея, отступя нѣсколько отъ краевъ фундамента, были сложены зубчато, т. е. съ фе-

стончатыми выступами наружу и внутрь, но затѣмъ эти ниши были задѣланы, такъ что стѣны получились ровныя и въ одной плоскости со стѣнами фундамента. Пространство внутри этихъ стѣнъ было разбито на камеры, пять большихъ по средней линіи, изъ коихъ срединная самая обширная, и шестнадцать кругомъ ихъ, именно по шести, длинныхъ и узкихъ, вдоль продольныхъ стѣнъ, и по двѣ, болѣе короткихъ, вдоль поперечныхъ стѣнъ. Промежутки между внутренними и наружными камерами были заложены кирпичемъ, но всѣ наружныя камеры между собою и всѣ внутреннія находились въ сообщеніи одна съ другой. Повидимому, какъ предполагаетъ де-Морганъ, сперва была возведена центральная часть зданія съ его пятью камерами, сообщавшимися между собою корридорами, и съ выходомъ къ сѣверу; затѣмъ, послѣ погребенія и наполненія камеръ вещами, корридоры и входъ были заложены кирпичемъ и вокругъ зданія возведена другая стѣна, отдѣленная отъ первой корридоромъ и съ зубчатою наружною поверхностью. Этотъ корридоръ былъ раздѣленъ каменными перегородками, въ свою очередь, на камеры, а въ концѣ концовъ и зубчатая стѣна была заложена кирпичемъ, такъ что получились ровныя четыреугольныя стѣны. Эти зубчатыя стѣны напоминаютъ подобныя же—древнихъ вавилонскихъ сооруженій въ Урукѣ, Варкѣ, Телло и др. Гробницы, раскопанныя Амелинô въ Омъ-эль-гаабъ, около Абида, были выстроены по инымъ планамъ; одна изъ нихъ представляла большую камеру, окруженную маленькими и входъ въ которую велъ по лѣстницѣ; другая заключала въ себѣ подобную же большую камеру съ маленькими келейками вдоль продольныхъ стѣнъ, но камера эта была со всѣхъ сторонъ ограничена корридоромъ безъ перегородокъ; третья громадная гробница, имѣвшая 83 метра въ длину, но узкая, представляла довольно неправильный планъ, и также заключала въ себѣ центральную камеру съ нѣсколькими боковыми и съ идущими отъ нея вдоль зданія 1—2 корридорами, по сторонамъ которыхъ были расположены ряды келій или нишъ. Гробница эта оказалась безъ слѣдовъ пожарища, и хотя она отчасти и была разграблена, но доставила все-таки много интересныхъ предметовъ. Были ли прикрыты эти гробницы сверху и какъ, остается неизвѣстнымъ, но на одной гробницѣ, близь Абида, углубленной въ землю, сохранились еще около стѣнъ слѣды стропилъ, и можно было вывести заключеніе, что крыша дѣлалась деревянная.

Средняя большая камера гробницы въ Негадѣ служила, повидимому, для помѣщенія, а затѣмъ и сожженія тѣла царя. Кромѣ массы золы, въ ней нашлись кусочки жженыхъ костей (въ центральномъ углубленіи пола камеры), а затѣмъ фрагменты глиняныхъ, каменныхъ

и костяныхъ сосудовъ, отчасти съ мѣтками или начертаніями, глиняная печать (съ подобными же начертаніями трехъ цапель), обломки статуэтокъ и браслета изъ слоновой кости и нѣсколько десятковъ кремневыхъ скребковъ и ножей (въ томъ числѣ два большихъ, съ выпуклымъ лезвеемъ, отличной оббивки). Изъ другихъ помѣщеній наибольшее число предметовъ было найдено въ камерахъ средняго ряда и въ одной изъ краевыхъ, тогда какъ въ остальныхъ оказались только черепки посуды.

Рис. 15. Каменные сосуды изъ царской гробницы въ Негадѣ. Вверху сосуды изъ геобертита, въ $3^1/_3$ раза менѣе натур. величины. Внизу сосудъ изъ порфира (и онъ же въ вертикальномъ разрѣзѣ), въ $^1/_6$ натур. величины.

Внимательно изучая найденныя въ этой гробницѣ остатки, Морганъ могъ отчасти сопоставить съ ними и находки, сдѣланныя Амелинô въ гробницахъ Абида (подробное описаніе этихъ раскопокъ еще не появилось), а равно воспользоваться и нѣкоторыми предметами, хранящимися въ разныхъ музеяхъ египетскихъ древностей, — предметами, точное происхожденіе которыхъ оставалось неизвѣстнымъ, и которые только теперь получаютъ свое объясненіе. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ получается уже достаточно опорныхъ точекъ для сужденія о состояніи соотвѣтственной культуры и о чертахъ сходства нѣкоторыхъ ея признаковъ съ древней культурой Месопотаміи, но въ частностяхъ многое, конечно, остается еще загадочнымъ и требующимъ дальнѣйшихъ изысканій. Эти древнѣйшіе египтяне пользовались еще въ широкихъ размѣрахъ кремневыми орудіями, но были, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо знакомы и съ мѣдью, какъ то доказываютъ найденные (въ числѣ около дюжины) мѣдные топоры (совершенно сходные по формѣ съ древнимъ гіероглифическимъ знакомъ топора), наконечники копій или кинжалы, небольшія долотца, ножички, шила, иголки, фрагменты проволоки и многіе сосуды, отчасти съ носиками. Химическій анализъ десятка образцовъ, произведенный проф. Бертлô, показалъ, что всѣ они состоятъ изъ мѣди, почти чистой, лишь иногда со слѣдами мышьяка, но безъ примѣси олова, свинца или цинка. Интересно, что уже въ нѣкоторыхъ мѣдныхъ предметахъ временъ III династіи оказалось 6—8%, олова, въ нѣкоторыхъ II династіи—до 10—16% того же металла, а это показываетъ, что уже къ эпохѣ III династіи египтяне были зна-

комы съ бронзою. Объ издѣльяхъ изъ желѣза ни Морганъ, ни Амелино не упоминаютъ, и, повидимому, слѣдовъ его не найдено, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что желѣзо вообще попадается весьма рѣдко въ египетскихъ гробницахъ, даже позднѣйшихъ династій, а между тѣмъ несомнѣнно, что оно было хорошо извѣстно со временъ Древней Имперіи. Обиліе желѣзныхъ рудъ въ долинѣ Нила и въ Нубіи, залежи на Синаѣ гематита, заключающія въ себѣ до 70% металла, и которымъ египтяне пользовались для изготовленія статуэтокъ, равно какъ другою рудой, лимонитомъ, для полученія желтой и красной краски, наконецъ, древность желѣзной промышленности въ тропической Африкѣ вообще, гдѣ, повидимому, не было мѣдной эпохи, и желѣзо смѣнило собою непосредственно камень, все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что египтяне должны были уже рано познакомиться съ желѣзомъ и даже съ приготовленіемъ стали, о чемъ свидѣтельствуютъ и ихъ монументальныя со-

Рис. 16. Статуэтки изъ слоновой кости, изображающіе собаку и льва. Изъ царской гробницы въ Негадѣ.

оруженія изъ твердыхъ каменныхъ породъ, которыя не могли обдѣлываться сравнительно мягкими мѣдными и бронзовыми орудіями. Покуда однако не имѣется данныхъ для рѣшенія вопроса, когда именно желѣзо вошло въ употребленіе въ Египтѣ. Что касается мѣди, то она получалась, повидимому, съ Синая, гдѣ найдены начертанія и картуши фараоновъ III династіи. Изъ другихъ металловъ было извѣстно уже съ древнѣйшей эпохи золото: одна золотая веретенообразная бусина и нѣсколько золотыхъ фрагментовъ были найдены въ гробницахъ Негады и Абида; золото это заключаетъ въ себѣ значительную примѣсь серебра и представляетъ, слѣдовательно, электронъ, изъ котораго серебро еще не умѣли, повидимому, выдѣлять.

Значительною техникой обладали древнѣйшіе египтяне въ изгото-

вленія сосудовъ изъ глины, камня, кости и мѣди, причемъ разнообразіе формъ и матеріала каменныхъ сосудовъ въ особенности заслуживаетъ вниманія. Искусство (скульптура и рѣзьба), конечно, значительно уступало позднѣйшему египетскому временъ Древней Имперіи, изображенія человѣческихъ фигуръ особенно рудиментарны, да и формы животныхъ часто грубы, массивны, хотя вообще имъ нельзя отказывать въ реальности; украшенія также довольно примитивны, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя статуэтки изъ слоновой кости и камня, представляющія рыбъ, львовъ, собакъ, и нѣкоторыя рельефныя изображенія животныхъ и птицъ (особенно сокола)—на пластинкахъ сланца, слоновой кости, глиняныхъ конусахъ (которыми закрывались амфоры) и каменныхъ стелахъ,—обращаютъ на себя вниманіе умѣньемъ въ передачѣ характерныхъ признаковъ и техникою исполненія. Изъ украшеній были найдены фрагменты браслетовъ изъ слоновой кости, черепахи и перламутра, различныя привѣски и бусы изъ сердолика, мѣди и изъ пасты, при чемъ послѣднія сходны съ позднѣйшими египетскими. О сравнительной роскоши даютъ понятіе фрагменты мебели изъ чернаго дерева и ящичковъ изъ слоновой кости, ножки коихъ обдѣланы весьма искусно въ видѣ ногъ быковъ (напоминающихъ вавилонскую скульптуру). Необходимо отмѣтить также знакомство съ изготовленіемъ кирпича - сырца, изъ котораго возводились гробницы, а также, судя по находкамъ въ одномъ холмѣ близъ Тука, и жилыя зданія, которыя имѣли четыреугольную форму. Но въ особенности заслуживаютъ вниманія слѣды гіероглифической письменности на каменныхъ стелахъ, пластинкахъ изъ слоновой кости и дерева, каменныхъ сосудахъ, глиняныхъ конусахъ, цилиндрахъ и т. д. — сочетанія знаковъ и изображеній, часто повторяющіяся и имѣвшія, очевидно, значеніе печатей, гербовъ, картушей фараоновъ и другихъ знатныхъ лицъ. Въ ряду этихъ изображеній весьма часты характерные

Рис. 17. Верхъ глиняной амфоры, закрытой крышкой и прикрытой сверху глинянымъ конусомъ, съ отпечатками на немъ картуша фараона. Изъ царской гробницы въ Негадѣ.

и для позднѣйшихъ египетскихъ монументовъ—изображеніе сокола, змѣи (uraeus), грифа, трехъ цапель, человѣческой руки и ноги, топора, серпа и многихъ другихъ предметовъ, отчасти въ подобныхъ же сочетаніяхъ и обрамленныя подобными же овалами; мало того, на отпечаткахъ цилиндровъ появляются уже эмблемы Верхняго и Нижняго Египтовъ, традиціонныя изображенія боговъ (напр, Гора съ тѣломъ человѣка и головою сокола, съ жезломъ, украшеннымъ звѣриной головой, въ одной рукѣ и съ такъ называемымъ „крестомъ жизни"—въ другой), а одна группа знаковъ оказалась тождественною съ изсѣченною на плечѣ одной статуи музея въ Гизе (№ 1) и представляющей субъекта на колѣняхъ, сидящаго на пяткахъ. Сравнивая эти гербы или картуши, Амелино могъ различить среди нихъ имена нѣсколькихъ фараоновъ (Ка, Денъ, Джа), а Де-Морганъ указалъ на сходство одного картуша съ именемъ перваго фараона II династіи, Boëthos, сохранившимся въ спискѣ изъ Саккары. Если же отождествить соотвѣтственную гробницу (близъ Абида) съ гробницею этого фараона, то другія гробницы той же мѣстности и близъ Негады, всего естественнѣе, въ виду ихъ большой архаичности, приписать фараонамъ I династіи.

Рис. 18. Отпечатокъ цилиндра на глиняномъ конусѣ.

Изъ разныхъ находокъ и имѣющихся изображеній можно вывести заключеніе, что эти древніе египтяне обладали многими домашними животными, въ томъ числѣ собаками, крупнымъ рогатымъ скотомъ, козами и ослами, а также были знакомы съ земледѣліемъ, разводили пшеницу, ячмень, ленъ, виноградъ, имѣли лодки, а въ качествѣ оружія—пользовались копьями (повидимому, съ мѣдными наконечниками), луками и стрѣлами (съ кремневымъ лезвеемъ), большими кривыми ножами (изъ кремня), дубинами, метательными палицами, бумерангами и мѣдными топорами.

Что это былъ, однако, за народъ, къ какой расѣ и племени онъ принадлежалъ, откуда онъ появился, насколько онъ разнился отъ древнѣйшаго неолитическаго населенія Египта? И какъ мы должны представлять себѣ это послѣднее: были ли это автохтоны области Нила или тоже пришлый народъ, способный къ большей культурѣ, чѣмъ темно-

кожія племена Африки? Здѣсь возникаетъ передъ нами лабиринтъ вопросовъ, въ которомъ трудно найти вѣрную путеводную нить и гдѣ легко запутаться при недостаткѣ убѣдительныхъ данныхъ. Что касается неолитическаго населенія, предшествовавшаго египтянамъ, то Питри (и его сотрудникъ Quibell) считаетъ его ливійскимъ, т.-е. пришедшимъ изъ сѣверной Африки. Въ пользу этого могутъ быть приведены слѣдующія данныя: 1) заселеніе Египта одинаковымъ племенемъ съ остальною сѣверною Африкой представляется наиболѣе вѣроятнымъ; 2) могилы этого племени были найдены до сихъ поръ только у западной окраины Египта, у границы съ Ливійской пустыней; 3) способъ погребенія въ скорченномъ положеніи и въ большихъ круглыхъ сосудахъ (съ кремневыми и мѣдными орудіями) былъ найденъ въ Алжирѣ, въ Испаніи и указывается Діодоромъ на Балеарскихъ островахъ; 4) долихоцефальные черепа неолитическаго населенія, по словамъ Питри, представляютъ сходство съ найденными въ древнѣйшихъ алжирскихъ гробницахъ; 5) среди остатковъ волосъ неолитическихъ обитателей встрѣчаются бѣлокурые, а бѣлокурость приписывалась древними египтянами Teḥennu, т.-е. обитателямъ Ливіи, гдѣ мѣстами, напр., у кабиловъ Ореса (въ Алжирѣ) она встрѣчается и теперь; 6) изъ найденной въ одной могилѣ статуэтки можно заключить, что у пра-египтянъ былъ обычай татуировки или раскраски тѣла, а татуировка, судя по египетскимъ изображеніямъ, была обычнымъ явленіемъ у ливійцевъ; 7) нѣкоторые типы праегипетскихъ расписныхъ сосудовъ были находимы и въ сѣверной Африкѣ, а подобные имъ и теперь, какъ говорятъ, встрѣчаются у кабиловъ. Всѣ эти доводы, однако, едва ли могутъ быть признаны вполнѣ убѣдительными, хотя съ ними соглашаются Де-Морганъ и проф. Видеманъ. Во-первыхъ, заселеніе Египта столь же вѣроятно съ юга, какъ и съ запада, и даже съ юга, внизъ по Нилу, вѣроятнѣе, чѣмъ черезъ западную пустыню; далѣе, нахожденіе могилъ у западной окраины культурнаго Египта ничего еще не доказываетъ, такъ какъ такія могилы, можетъ быть, будутъ найдены и къ востоку отъ Нила; сходство способа погребенія также не убѣдительно, ибо скорченное положеніе скелета мы встрѣчаемъ и въ неолитическихъ могилахъ Франціи (Ментона), и въ датскихъ дольменахъ, и въ могилахъ бронзоваго вѣка Чехіи, и въ могилахъ каменнаго вѣка въ южной Россіи, и въ могилахъ съ бронзовыми орудіями на Кавказѣ и въ древней Месопотаміи. Фактъ татуировки на основаніи одной статуэтки ничего еще не доказываетъ, такъ какъ всѣ другія статуэтки изъ тѣхъ же могилъ такого украшенія не выказываютъ, да, кромѣ того, татуировка встрѣчается и въ Нубіи; наконецъ, что касается до бѣлокурости волосъ, то она представляется

сомнительною, покуда не будетъ произведено микроскопическое ихъ изслѣдованіе. Среди волосъ египетскихъ мумій также встрѣчаются на первый взглядъ рыжевато-бѣлокурые, но, какъ доказалъ это недавно въ засѣданіи Антроп. Отдѣла Общ. Люб. Ест. д-ръ П. А. Минаковъ, и какъ это подтверждаетъ проф. Вирховъ, такіе волоса оказываются въ дѣйствительности черными и темно-каштановыми, съ густыми отложеніями пигмента, только порыжѣвшими вслѣдствіе химическаго измѣненія роговой оболочки волоса. Такимъ образомъ, ливійское происхожденіе пра-египтянъ оказывается не вполнѣ убѣдительнымъ и, какъ доказываетъ извѣстный знатокъ Африки, Швейнфуртъ, болѣе вѣроятно происхожденіе ихъ съ юга, изъ Нубіи [9]). Швейнфуртъ допускаетъ, что самые первоначальные, палеолитическіе засельники Египта могли явиться Ливіи, тѣмъ болѣе, что тогда, вѣроятно, климатъ здѣсь былъ иной, и, благодаря большой влажности, на мѣстѣ нынѣшней пустыни могли быть степи и лѣса. Но населеніе неолитической эпохи, оставившее по себѣ описанныя выше гробницы, явилось, вѣроятнѣе всего, изъ Нубіи, куда оно перешло, какъ полагаетъ Швейнфуртъ, изъ Южной Аравіи или Іемена. Въ пользу такого предположенія говорятъ слѣдующія данныя: 1) въ долинахъ Верхняго Египта и Нубіи и теперь еще кочуютъ различныя хамитическія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Бега, изъ коихъ Абадде и Бишарины, повидимому, наиболѣе сохранили свой прежній типъ и языкъ, во многихъ отношеніяхъ родственные древне-египетскому; 2) на сосудахъ пра-египетскаго населенія мы встрѣчаемъ часто изображеніе одного своеобразнаго растенія (перешедшее потомъ и въ гіероглифы), подъ которымъ нельзя не узнать вида алоэ (Aloe abyssinica Lam., или Aloe vulgaris Lam.), растущее только къ югу отъ Египта, въ Нубіи и Южной Аравіи; 3) священными деревьями у египтянъ были еще сикомора и персея (Mimusops), а оба они родомъ тоже изъ Южной Аравіи; 4) у Абадде еще и теперь въ ходу каменные горшки, выдалбливаемые, правда, только изъ болѣе мягкаго, зеленоватаго или чернаго тальковаго сланца, но, во всякомъ случаѣ, представляющіе любопытный пережитокъ глубокой старины; 5) найденныя въ могилахъ раковины—всѣ изъ Краснаго моря, а не изъ Средиземнаго; 6) способъ погребенія въ колодцеобразныхъ ямахъ и въ скорченномъ положеніи распространенъ еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ Африки, причемъ у нѣкоторыхъ народовъ (напр. у Ова-Гереро) существуетъ даже обычай втискивать трупъ силою въ малое помѣщеніе, нерѣдко ломая

---

[9]) *G. Schweinfurth*, Ueber den Ursprung der Aegypter въ «Verhand d. Berlin. Ges. für Anthropologie», 1897, S. 263 ff.

при этомъ костякъ въ крестцѣ; 7) можно найти также въ современной Африкѣ параллели и къ древнему обычаю расчлененія труповъ (слѣды котораго были найдены, впрочемъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, напр., въ дольменахъ Алжира, въ могилахъ бронзоваго вѣка Баваріи, даже кое-гдѣ въ Россіи). Питри высказалъ смѣлое предположеніе, что такое расчлененіе, при отсутствіи часто многихъ костей скелета, указываетъ на каннибализмъ, на поѣданіе частей умершаго его родственниками, но такая догадка слишкомъ произвольна и сомнительна; расчлененіе въ данномъ случаѣ слѣдуетъ скорѣе понимать, какъ вторичное погребеніе, т.-е. помѣщеніе оставшихся послѣ разложенія трупа костей въ окончательную могилу, — обычай, встрѣчающійся у нѣкоторыхъ племенъ Африки еще и теперь. Такъ, проф. Волькенсъ (Volkens) въ недавно вышедшей книгѣ объ Африкѣ описываетъ этотъ обычай у племени Вадшагга, у которыхъ умершій погребается сначала въ его хижинѣ, а по истеченіи года черепъ и другія оставшіяся кости вынимаются и помѣщаются въ глиняный сосудъ, который и зарывается на банановой плантаціи и притомъ настолько неглубоко, что отверстіе сосуда, прикрываемое черепкомъ, находится на уровнѣ почвы. Слѣдуетъ прибавить, что Швейнфуртъ склоняется къ мнѣнію, что могилы съ скорченнымъ положеніемъ скелета и могилы съ расчлененіемъ принадлежали одному и тому же народу, и что, если въ могилахъ послѣдняго типа встрѣчается больше мѣди, лучшіе сосуды и т. д., то это объясняется, вѣроятнѣе, различіемъ въ соціальномъ положеніи и въ степени достаточности, чѣмъ разницею въ эпохѣ и въ племенномъ составѣ. Если принять все это во вниманіе и припомнить сказанное ранѣе о типѣ праегиптянъ (объ ихъ внѣшнемъ видѣ по изображеніямъ, и объ ихъ черепахъ, по даннымъ Питри), то происхожденіе этого неолитическаго населенія изъ Нубіи станетъ весьма правдоподобнымъ [10]).

Сложнѣе вопросъ о происхожденіи самихъ египтянъ и объ ихъ отношеніи къ неолитическому населенію долины Нила. Съ давнихъ поръ существовали двѣ гипотезы; одна — принимавшая египтянъ за выходцевъ изъ Азіи, другая, считавшая ихъ африканскими автохтонами. Азіатское происхожденіе доказывалось, по преимуществу, историками-лингвистами, находившими сходства въ египетской культурѣ, религіи и т. д. съ культурами Индіи, Месопотаміи, Малой Азіи и признававшими хамитическую вѣтвь языковъ родственною въ своихъ древнѣйшихъ основахъ съ пра-язы-

---

[10]) Нѣкоторое затрудненіе представляетъ только тотъ фактъ, что въ Нубіи нѣтъ, повидимому, такихъ отложеній, въ которыхъ можетъ встрѣчаться кремень, и что тамъ не найдено остатковъ неолитической эпохи (въ послѣднее время ихъ нашли, впрочемъ, южнѣе, въ странѣ Сомали).

комъ семитовъ. Африканское происхожденіе защищалось особенно антропологами (Мортономъ и его учениками [11]), Прунеръ-беемъ, Ами, Гартманомъ, Серджи), видѣвшими въ типѣ египтянъ болѣе сходства съ народностями Нубіи и вообще восточной тропической Африки, а также съ племенами Сахары и сѣв. Африки, чѣмъ съ семитами или іафетидами. Извѣстный натуралистъ Гёксли указывалъ, однако, на нѣкоторые общіе признаки по типу у египтянъ съ индусами и даже съ австралійцами, которые всѣ связываются и по одному культурному признаку, именно употребленію характернаго и своеобразнаго метательнаго оружія, бумеранга, самостоятельное изобрѣтеніе котораго въ столь отдаленныхъ одинъ отъ другого пунктовъ представляется мало вѣроятнымъ. Но взгляды Гёскли нашли себѣ рѣшительнаго противника въ другомъ натуралистѣ, Оуэнѣ [12]), который доказывалъ, что въ типѣ древнихъ египтянъ нѣтъ ничего негритянскаго или австралійскаго и что̀ онъ, напротивъ того, весьма подходитъ къ такъ называем. кавказскому или европейскому, въ особенности, если имѣть въ виду типъ египтянъ Древней Имперіи, какъ онъ переданъ на извѣстныхъ статуяхъ музея въ Гизэ, и если принять еще во вниманіе, что на головахъ мумій встрѣчаются бѣлокурые волосы (что, какъ мы показали выше, невѣрно). Съ другой стороны, Прунеръ-бей, а затѣмъ Э. Шмидтъ, изучавшіе древне-египетскіе черепа, пришли къ заключенію, что среди череповъ этихъ можно различить два типа: одинъ—болѣе тонкій (fin) или благородный, сходный съ типомъ вообще бѣлой расы, и другой—болѣе грубый или низкій, съ признаками африканско-нубійскаго или даже негритянскаго [13]). Питри различаетъ даже три типа: одинъ—съ орлинымъ носомъ, другой—съ большими, на выкатѣ, глазами, третій—съ выдающимися челюстями; послѣдній онъ считаетъ африканскимъ, а первый—пришлымъ изъ Азіи. Новѣйшія находки даютъ основаніе освѣтить этотъ вопросъ съ новыхъ сторонъ. Впрочемъ, уже Гоммель, въ 1892 г., доказывалъ „вавилонское происхожденіе египетской культуры“ за 5000 л. до Р. Х., но его гипотеза, какъ основанная на довольно слабыхъ доказательствахъ, не была окончательно принята ни египтологами, ни ассиріологами. Новѣйшія раскопки дали, однако, рядъ данныхъ, которыя, совмѣстно съ ранѣе извѣстными, съ большею опредѣ-

---

11) Мортонъ сначала держался мнѣнія, что египтяне—выходцы изъ Азіи, но къ концу жизни, на основаніи 7-ми лѣтнихъ изысканій, онъ пришелъ къ заключенію, что родина египтянъ—Африка.

12) Prof. *Owen*, Contributions to the Ethnology of Egypt, въ „Journ. of. Anthr. Inst.“ L. 1874, p. 223 сл.

13) *Pruner Bey*, Recherches sur l'ancienne race égyptienne, въ „Mem. de la Soc. d'Anthr.“ P. I, 1863. E. Schmidt. Alt. und neuaeg. Schädel. Arch. für Anthr. XVII, 1888.

ленностью указываютъ на Месопотамію. Морганъ приводитъ эти данныя въ такомъ порядкѣ: 1) древне-египетскій языкъ принадлежалъ къ хаматической вѣтви, которую можно считать развившеюся изъ одного общаго корня съ языкомъ древнѣйшихъ семитовъ; 2) Египетъ и Месопотамія представляли единственные центры древнѣйшей письменности; трудно допустить, чтобы эти два центра возникли независимо одинъ отъ другого; 3) появленіе вмѣстѣ съ египтянами мѣди и бронзы [14]) указываетъ на Азію, гдѣ этотъ металлъ впервые сталъ обрабатываться, тогда какъ въ Африкѣ, къ югу отъ Египта, не найдено никакихъ слѣдовъ мѣднаго и бронзоваго вѣка; 4) древнѣйшія египетскія статуи Ра-Хотепа и Нофри, алебастровые львы изъ раскопокъ въ Саккарѣ, львы и собаки изъ слоновой кости, найденные въ некрополѣ Негады, мебель съ ножками въ видѣ ногъ быковъ, нѣкоторые виды каменныхъ сосудовъ, самая мастаба Негады съ зубчатымъ абрисомъ ея стѣнъ [15])— все это указываетъ на Месопотамію и на страны, съ ней сосѣднія; 5) пользованіе кирпичемъ-сырцомъ для постройки гробницъ и зданій также указываетъ на вавилонское вліяніе; въ Вавилоніи кирпичъ былъ единственнымъ строительнымъ матеріаломъ, но въ Египтѣ масса строительнаго камня, и если, тѣмъ не менѣе, мы видимъ постройки изъ кирпича, то это свидѣтельствуетъ о техникѣ, занесенной извнѣ, и всего вѣроятнѣе, изъ Месопотаміи; 6) мѣры длины (локоть) у древнихъ египтянъ соотвѣтствовали найденнымъ въ Телло́, въ низменности Ефрата; 7) употребленіе цилиндровъ съ печатями трудно объяснить иначе, какъ культурнымъ вліяніемъ Месопотаміи [16]); 8) съ появленіемъ египтянъ появляются въ долинѣ Нила козы, овцы и крупный рогатый скотъ, родина которыхъ въ Азіи; 9) въ древнѣйшихъ египетскихъ гробницахъ находимъ ячмень, пшеницу, ленъ, виноградъ (вино въ амфорахъ); всѣ эти растенія родомъ изъ Передней Азіи; 10) слѣды трупосожженія въ древнѣйшихъ гробницахъ фараоновъ находятъ себѣ параллели въ некрополяхъ El-Hibba и Surghull, древнѣйшихъ центровъ Вавилоніи, въ

---

[14]) Анализы древнѣйшихъ вавилонскихъ бронзовыхъ оружій, произведенные недавно Бертло, показали, что они состоятъ почти изъ чистой мѣди, какъ и древнѣйшіе египетскіе. Де-Морганъ полагаетъ, что первое открытіе мѣди послѣдовало въ Центральной Азіи, въ области нынѣшняго Китая, откуда знакомство съ этимъ металломъ было занесено на берега Евфрата туранскими суммеро-аккадійцами.

[15]) Зубчатость или фестончатость стѣнъ была найдена на древнихъ постройкахъ въ Телло, Варкѣ, Мугейрѣ, Урукѣ и Хорсабадѣ; цѣлью ея было, повидимому, стремленіе внести нѣкоторое разнообразіе въ монотонность кирпичныхъ стѣнъ. Въ Египтѣ, съ введеніемъ, въ качествѣ строительнаго матеріала, камня, этотъ способъ постройки скоро былъ оставленъ.

[16]) Цилиндрами налагались печати фараоновъ на глиняныхъ конусахъ, которыми прикрывались отверстія большихъ амфоръ. Такіе цилиндры—особенность Халдеи и Ассиріи; въ Египтѣ они скоро теряютъ значеніе, уступая мѣсто, начиная съ IV династіи, скарабею, хотя попадаются еще до эпохи рамессидовъ.

которыхъ были произведены раскопки Кольдевеемъ [17]). Всѣ эти данныя настолько краснорѣчивы, что оспаривать культурную связь древняго Египта съ Месопотаміей едва ли возможно. Многіе изслѣдователи принимаютъ, что эта связь была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и племенная; такъ, напр., Швейнфуртъ высказалъ недавно мнѣніе, что одна вѣтвь суммеро-аккадійцевъ, подвигаясь постепенно къ западу, явилась наконецъ (черезъ Суэцскій перешеекъ) въ долину Нила и занесла туда знакомство съ металлами, земледѣліе, и, вѣроятно, также и новыя религіозныя воззрѣнія. Проф. Видеманъ (сотрудникъ Моргана) не находитъ, однако, возможнымъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ: „аналогіи между Египтомъ и Халдеей—говоритъ онъ—не достаточны еще для того, чтобы видѣть въ одной изъ цивилизацій продуктъ другой,—полагать, напр., что вавилоняне когда-то покорили Египетъ и занесли туда свою культуру. Для такой гипотезы покуда нѣтъ достаточныхъ основаній, и особенности развитія, замѣчаемыя въ каждой изъ обѣихъ цивилизацій, повидимому, не благопріятствуютъ такой идеѣ. Но мы имѣемъ право, основываясь на этихъ аналогіяхъ, выразить мнѣніе, что обѣ цивилизаціи имѣютъ общее происхожденіе, что онѣ вынесли зачатки своего развитія изъ одной страны, въ которой жили вмѣстѣ. Такъ какъ ходъ халдейской цивилизаціи шелъ вверхъ по Евфрату, то эту страну надо искать въ Аравіи“. Идея, что Египетъ былъ заселенъ египтянами съ сѣвера, находила себѣ опору въ фактѣ, что самые древніе памятники были найдены въ сѣверной части страны, около Мемфиса, и уже позднѣйшіе—въ Верхнемъ Египтѣ. Но открытія Моргана, Питри и Амелинô доказали ложность этого довода: новѣйшими раскопками доказано существованіе въ Верхнемъ Египтѣ памятниковъ болѣе древнихъ, чѣмъ пирамиды Мемфиса. Слѣдуетъ принять также во вниманіе, что уже древнее преданіе, записанное греками и евреями, выводило египтянъ изъ Эфіопіи и страны Патръ, т. е. съ юга (Діодоръ III, 3; Іезекіель XXIX, 14), да и въ египетскихъ религіозныхъ текстахъ есть указанія, что занятіе Египта послѣдовало изъ страны пороговъ (setti), какъ и побѣдоносный походъ бога Горуса съ его mesniti, „кузнецами“, (повидимому, намекъ на побѣду народа, умѣвшаго ковать металлы) противъ Сета-Тифона, шелъ изъ Эдфу, черезъ Ѳивы и Дендера, т.-е. тоже

[17]) Въ этихъ древнихъ месопотамскихъ поселеніяхъ были найдены цѣлыя зданія (дома), выстроенныя изъ кирпича-сырца, и послужившія затѣмъ гробницами для сожженныхъ въ нихъ труповъ царей; при раскопкахъ найдены кремневыя стрѣлы и топоры, бронзовое оружіе, круглые или цилиндрическіе камни. Въ одной могилѣ оказался скелетъ ребенка въ скорченномъ положеніи. Но посуда, здѣсь найденная, сдѣлана на гончарномъ кругу и количество кремневыхъ издѣлій незначительно.

съ юга. Но на югѣ, за порогами, въ Нубіи мы уже не встрѣчаемъ древнихъ памятниковъ, и страна эта была занята египтянами уже послѣ завоеванія самаго Египта. Поэтому Видеманъ полагаетъ, что завоеватели должны были явиться въ Египетъ со стороны Краснаго моря, всего вѣроятнѣе, по дорогѣ отъ Коссейра, долиною Гаммаматъ, въ Коптъ, — путь, который былъ извѣстенъ египтянамъ уже во времена Древней Имперіи. Что египтане поддерживали сношенія съ берегами Краснаго моря, доказываютъ находимыя въ ихъ гробницахъ раковины; тальковый сланецъ также добывается въ горахъ къ востоку отъ Нила. Но мѣстность около Коссейра слишкомъ пустынна, чтобы она могла служить для жительства сколько-нибудь многочисленнаго осѣдлаго народа; она могла быть только однимъ изъ этаповъ въ переселенческомъ движеніи съ болѣе далекаго Востока, изъ Аравіи. Уже Библія (X, 6—10) называетъ братомъ Мизраима (Египетъ), Куша, отца Нимрода, миѳическаго основателя Вавилонскаго царства, чѣмъ, повидимому, указывается на сродство между обитателями долины Нила и древнѣйшимъ населеніемъ Месопотаміи.

Въ вопросѣ о происхожденіи египтянъ важное значеніе могли бы имѣть антропологическія данныя, но они еще недостаточно разработаны. Данныя эти доставляются, во-первыхъ, изображеніями древнихъ египтянъ и другихъ, современныхъ имъ народовъ; во-вторыхъ, остатками ихъ тѣлъ, т.-е. муміями, остатками волосъ, черепами изъ древнихъ гробницъ, и въ третьихъ—типомъ современныхъ египтянъ и сосѣднихъ съ ними народовъ Африки и Азіи. Что касается изображеній древнихъ египтянъ, то мы имѣемъ ихъ массу, но по большей части позднѣйшихъ эпохъ, когда Египетъ испыталъ уже значительную примѣсь различныхъ народностей, приходившихъ съ востока (гиксы), съ юга (изъ Нубіи), съ запада (изъ Ливіи) и съ сѣвера (съ европейскихъ береговъ Средиземнаго моря). На египетскихъ изображеніяхъ мы видимъ частыя сцены приводимыхъ плѣнныхъ: негровъ, нубійцевъ, арабовъ, сирійцевъ, ливійцевъ и т. д.; даже среди фараоновъ и ихъ женъ мы встрѣчаемъ различные типы, до негритянскаго включительно [18]). Изслѣдованіе мумій и ихъ череповъ подтверждаетъ эту смѣшанность населенія; она могла быть констатирована, напр., среди царскихъ мумій XVII и XVIII династій, найденныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Deir-el-Bahari;

---

[18]) Типы, изображенные на египетскихъ памятникахъ, были предметомъ изученія многихъ изслѣдователей, напр: *Nott and Gliddon*, Types of Mankind, 1854, позже *Hamy* (въ Crania Ethnica, 1882), а въ новѣйшее время: *Stuart Poole*, The Egyptian Classification of the Races of Man. (Journ. Ant. Inst., 1889, v. XVIII) и *Tomkins*, F. Petrie's Collection of Ethn. Types from the Monuments of Egypt. (тамъ же). Ср. также *Petrie*, Hist. of Egypt. и *Maspero*, Hist. anc. des peuples de l'Orient.

среди женскихъ головъ, въ особенности, оказались двѣ негритянскаго типа, а двѣ, наоборотъ, съ такими широкими черепами, которыя указываютъ скорѣе на сѣверное происхожденіе. Фараоны брали себѣ женъ, повидимому, изъ всевозможныхъ націй, какъ теперешніе султаны. Что касается древнѣйшаго періода, то мы можемъ воспользоваться, какъ полагаетъ Жекье, сланцевой пластинкой Луврскаго музея, опубликованной Heuzey; точное происхожденіе ея неизвѣстно, но, судя по матеріалу и характеру изображенія, она, вѣроятно, представляетъ египтянъ. На пластинкѣ (обломанной) изображено восемь воиновъ, повидимому,

Рис. 19. Тальковая пластинка Луврскаго музея съ изображеніемъ древнѣйшихъ египтянъ (?).

охотящихся въ горахъ (изъ животныхъ видны только нубійскій заяцъ съ длинными ушами, и козелъ или антилопа); воины эти имѣютъ волоса до плечъ, курчавые или завитые въ косички, у нѣкоторыхъ украшенные торчащимъ страусовымъ перомъ, а въ качествѣ одежды — поясъ и короткую, недоходящую до колѣнъ, полосатую или складчатую юбку; черты лица крупныя, съ выдающимся, кривымъ носомъ, большими глазами, нѣсколько покатымъ взадъ лбомъ и небольшою клиновидною бородкой; въ рукахъ у воиновъ оружіе: копье, очевидно, съ мѣднымъ наконечникомъ, короткія палицы или булавы, бумеранги, лукъ и стрѣлы съ лезвейнымъ наконечникомъ (не остріемъ). Какъ справедливо замѣчаетъ Жекье, характеръ этихъ воиновъ, очевидно, африканско-египетскій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ напоминаетъ нѣкоторые типы Нубіи. Другое впечатлѣніе производятъ однако наиболѣе удачныя деревянныя и каменныя портретныя статуи временъ Древней Имперіи, напр., т. наз. шейхъ-эль-беледъ и его жена, сидящій калачикомъ писецъ, писецъ на колѣняхъ, Ра-Хотепъ и его жена Нофри (Nofrit) и др., всѣ, относящіяся ко времени III—IV династій, а также статуи

нѣкоторыхъ фараоновъ IV—VI династій [19]). Въ нихъ видны разнообразные типы культурныхъ людей, часто съ правильными, исполненными достоинства и энергіи чертами, въ другихъ случаяхъ болѣе вульгарными, самодовольными, благодушными или приниженными. Среди нихъ встрѣчаются физіономіи, которымъ можно найти аналогичныя и въ Передней Азіи, и въ Европѣ, но которыя можно также встрѣтить и въ современномъ Египтѣ [20]). Нельзя однако не отмѣтить и чертъ сходства съ нубійцами, съ хамитическими племенами страны Пунтъ (Пуанитъ). На это указываетъ уже цвѣтъ кожи, какъ его понимали, по крайней мѣрѣ, сами египтяне; какъ извѣстно, они представляли себя красными (женщинъ—желтыми), болѣе темными, чѣмъ ливійцевъ, семитовъ, сѣверныхъ народовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не черными, какъ негровъ. Одинаковый цвѣтъ со своимъ они придавали только своимъ ближайшимъ южнымъ сосѣдямъ (обитателямъ страны Пунтъ), черты лица которыхъ, по нѣкоторымъ изображеніямъ на барельефахъ, также представляютъ наиболѣе сходства съ египтянами. Волосы у египтянъ были, несомнѣнно, въ громадномъ большинствѣ, черными и темнокаштановыми, болѣе или менѣе волнистыми и не длинными; часто они заплетались въ косички, какъ это въ обычаѣ и теперь у многихъ народовъ Нубіи, или на головѣ носился парикъ, тоже состоявшій изъ множества косичекъ или прядей, или, наконецъ, волоса коротко стриглись; окладистой бороды и бакъ не было, встрѣчается только небольшая заостренная бородка, какъ и у нубійцевъ; у мумій только въ рѣдкихъ случаяхъ замѣчали развитіе растительности по тѣлу. Форма черепа была удлиненная, долихо- или мезоцефалическая, носъ правильный, прямой или съ легкой горбинкой, иногда орлиный, глаза большей частью хорошо раскрытыя, лицо правильнымъ оваломъ, но иногда съ нѣсколько высокими и выдающимися скулами, и, большей частью, съ полными губами (хотя и не столь толстыми, какъ у негровъ). Многіе изъ этихъ признаковъ, напр. удлиненную форму черепа, смуглый, крас-

---

[19]) Отъ временъ Древней Имперіи осталось болѣе сотни статуй, но многія изъ нихъ имѣютъ шаблонный типъ и дѣлались, очевидно, по немногимъ образцамъ, ремесленниками. Другія, наоборотъ, представляютъ, несомнѣнно, портреты, произведенія художниковъ. Древнѣйшею статуей слѣдуетъ, повидимому, считать № 1 музея Гизэ, которая имѣетъ на своемъ колѣнѣ тотъ же знакъ, который былъ найденъ Амелино въ одной изъ Абидосскихъ гробницъ. Изображаетъ она человѣка на колѣняхъ, сидящаго на пяткахъ,—сюжетъ, повторяющійся и въ позднѣйшихъ статуяхъ, но работа ея много грубѣе и пропорціи тѣла неудачны (голова очень велика); форма волосъ напоминаетъ позднѣйшіе египетскіе парики.

[20]) Сравненіемъ древне-египетскихъ типовъ съ современными Египта и Нубіи занимался особенно *Hartmann*, Untersuchungen über die Völkerchaften Nordost-Afrikas, въ „Zeitschr. für Ethnologie“ I—II; см. также его сочиненіе „Die Nigritier“ B. 1876. I. Кое-что есть и у Масперо̀, и у Питри, въ особенности же у Серджи, см. ниже.

новатый, но не черный цвѣтъ кожи, темные, волнистые (не шерстистые, какъ у негровъ) и заплетаемые часто въ косички волоса, небольшую бородку, правильный, прямой или орлиный носъ, полныя губы, широко открытыя глаза, небольшую скуластость и т. д.,—мы встрѣчаемъ и у народностей Нубіи, племенъ Бишари, Бега, Барабра, Данакиль, Галла, Сомали, Фунги и др., хотя большинство ихъ испытало уже значительную примѣсь негритянской и семитической крови, отразившейся на цвѣтѣ кожи, формѣ волосъ и чертахъ лица [21]).

Нѣкоторые изслѣдователи допускали однако возможность, что въ образованіи древнихъ египтянъ принимала участіе какая-то сѣверная, свѣтловолосая, брахицефальная раса. Къ этому мнѣнію склонился недавно и Вирховъ, занявшійся антропологическимъ изученіемъ фараоновскихъ мумій изъ Дейръ-эль-Баари. Черепа этихъ мумій оказались долихо- и мезоцефальными, но Вирховъ сравнилъ съ ними типы статуй временъ III—V династій и пришелъ къ заключенію (примѣнивъ измѣренія къ головамъ этихъ статуй), что болѣе древній типъ выказывалъ значительную брахицефалію, но что этотъ типъ затѣмъ смѣнился болѣе долихоцефальнымъ [22]).

Такое заключеніе, однако, едвали можетъ быть признано достаточно обоснованнымъ, такъ какъ трудно быть увѣреннымъ, чтобы тогдашніе художники, создавая свои портреты, старались точно соблюсти и всѣ размѣры головы. Впрочемъ, среди древнѣйшихъ череповъ изъ Мемфиса извѣстно, дѣйствительно, нѣсколько болѣе брахицефальныхъ, и, вообще, нельзя отрицать, что брахицефальный типъ принималъ нѣкоторое участіе въ сложеніи египетской народности, хотя покуда и трудно установить происхожденіе этого типа. Фонъ-Лушанъ нашелъ этотъ типъ весьма распространеннымъ въ современномъ населеніи Малой Азіи и Сиріи, а также могъ констатировать его и на нѣкоторыхъ древнихъ черепахъ и на изображеніяхъ древнихъ хиттитовъ; онъ пришелъ даже къ заключенію, что это типъ весьма древній, такъ сказать основной для Малой Азіи, сравнительно съ коимъ типъ долихоцефальный, признаваемый имъ за семитическій и встрѣчающійся также среди современнаго малоазіатскаго населенія, долженъ быть признанъ уже позд-

---

21) На черты сходства древнихъ египтянъ (по муміямъ) съ нубійцами указывалъ уже Блуменбахъ въ концѣ прошлаго вѣка. Подробныя свѣдѣнія о различныхъ хамитическихъ племенахъ сѣв.-вост. Африки (со многими рисунками) приведены въ трудахъ *Paulitschke*: „Beiträge zur Ethnographie und Anthropologie der Somâl, Galla und Harari“ и „Ethnographie Nordost-Afrikas“ 1893, и въ недавно вышедшемъ сочиненіи *G. Sergi*, Africa. Antropologia della stirpe camitica. Torino. 1897.

22) *R. Virchow*. „Die Mumien der Könige im Museum von Bulaq“, въ „Sitzungsberichte der K. Preuss. Akad. d. Wissensch. zu Berlin“. XXXIV. 1888.

нѣйшимъ, распространившимся съ юга, изъ Аравіи. Характерными современными представителями брахицефальнаго малоазійскаго типа могутъ считаться армяне, хотя онъ встрѣчается также у грековъ, сирійцевъ и др.; поэтому Лушанъ называетъ его арменоиднымъ, противополагая его семитическому.

Мнѣніе о большей древности брахицефальнаго типа въ Передней Азіи встрѣтило, однако, рѣшительное возраженіе со стороны проф. Серджи, опубликовавшаго за послѣдніе годы рядъ работъ о краніологіи странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю. Проф. Серджи является представителемъ новаго краніологическаго метода, основаннаго не на изученіи размѣровъ череповъ, а на сравненіи ихъ общей формы, ихъ очертаній, особенно при взглядѣ сверху и въ профиль. Такое сравненіе даетъ возможность классифицировать черепа не по размѣрамъ, а по формамъ, и установить рядъ группъ, соотвѣтствующихъ родовымъ группамъ въ классификаціяхъ растеній и животныхъ (genera) и могущихъ быть раздѣленными еще на второстепенныя подгруппы (species). Пользуясь этимъ методомъ, Серджи сравнилъ массы череповъ, въ томъ числѣ— египетскихъ, нубійскихъ, семитическихъ, европейскихъ, даже русскихъ (изъ кургановъ, изъ Херсонеса и др.), и пришелъ къ своеобразнымъ выводамъ. По его мнѣнію, древне-египетскіе черепа представляютъ нѣсколько преобладающихъ формъ (называемыхъ имъ—ellipsoides, sphenoïdes, pentagonoïdes и др.), которыя весьма часты и среди череповъ современнаго египетскаго населенія, а также среди череповъ нубійцевъ и другихъ племенъ восточной тропической Африки, Сахары и сѣверной Африки. Мало того, тѣ же формы обыкновенны среди древнихъ череповъ Сиріи, М. Азіи, Греціи, Италіи, Испаніи, Швейцаріи, Ю. Россіи, Ю. Германіи, Франціи, Ирландіи, Англіи, а равно встрѣчаются и теперь въ населеніи Европы, особенно ея южныхъ и западныхъ окраинъ (Ю. Италіи, Испаніи, Ирландіи). Принимая это во вниманіе и имѣя въ виду и нѣкоторыя другія черты сходства, по типу, въ древнемъ, а отчасти и нынѣшнемъ населеніи этихъ странъ, а именно: преобладаніе темнаго цвѣта волосъ и глазъ, часто также смуглый цвѣтъ кожи, ростъ тѣла средній, или даже ниже средняго, сложеніе чаще сухое, деликатное, кисти рукъ небольшія, лицо правильное, съ невысокимъ прямымъ лбомъ, умѣренными надбровными дугами, широко открытыми глазами, тонкимъ, прямымъ, иногда нѣсколько орлинымъ носомъ, часто нѣсколько полными губами, обыкновенно клиновидною бородкой и т. д.,— а также и нѣкоторые общіе признаки въ древней культурѣ—раннее появленіе скотоводства и земледѣлія, напр., въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, и при томъ въ видахъ, родина которыхъ въ Передней

Азіи или Сѣв. Африкѣ, распространеніе мѣди и бронзы и видовъ бронзоваго оружія, характеризующагося небольшими рукоятками, нѣкоторыя общія черты въ устройствѣ жилищъ (напр., въ искусственныхъ пещерахъ, свайныхъ постройкахъ) и могилъ (въ пещерахъ, дольменахъ, костякъ въ скорченномъ положеніи, костякъ въ глиняномъ сосудѣ), и т. д., Серджи развиваетъ гипотезу о расѣ Средиземнаго моря, т.-е. объ особой расѣ, занявшей всѣ страны кругомъ Средиземнаго моря и бывшей носительницею древнѣйшей здѣсь цивилизаціи. Эта раса, встрѣтивъ, вѣроятно, мѣстами болѣе древнее населеніе и смѣшавшись съ нимъ, а также поселившись въ разныхъ условіяхъ природы и климата, дифференцировалась на различныя племена и народности, а затѣмъ испытала болѣе или менѣе значительное вліяніе другихъ расъ и племенъ, именно на югѣ—негровъ, на востокѣ—семитовъ и урало-алтайцевъ, на сѣверѣ—арійцевъ [23]).

Народамъ Средиземной расы Серджи приписываетъ древнѣйшія цивилизаціи Египта, Малой Азіи, Греціи, Этруріи, унаслѣдованныя и развитыя далѣе арійскими племенами, и прежде всего,—смѣшавшимися съ этими народами и передавшими имъ арійскій языкъ. Родиной своей Средиземной расы Серджи считаетъ восточную Африку, именно область въ верховьяхъ Нила, занятую теперь, также какъ страна Сомали, Нубія, Сахара, племенами хамитическимм. Раса эта существенно отличается отъ негритянской; она не черная, а смуглая или красная, не шерстоволосая, а волнистоволосая; черты лица у нея болѣе правильныя, носъ прямой или орлиный, сложеніе тѣла пропорціональное; она отличается большею интеллигентностью и большею энергіей и воинственностью, чѣмъ негры, господствуя еще и теперь во многихъ областяхъ тропическаго пояса, къ югу отъ Сахары и въ оазисахъ пустыни. Распространяясь изъ указаннаго центра, она заняла долину Нила, Сахару, дошла до Нигера, до Сѣв. Африки, перешла въ Сирію и Малую Азію, въ Грецію, Италію, Испанію, и проникла мѣстами и далѣе на сѣверъ, испытавъ при этомъ значительныя измѣненія въ своемъ типѣ, но сохранивъ и многія его отличительныя черты, особенно въ формѣ черепа. Здѣсь не мѣсто, конечно, подвергать критикѣ эту гипотезу Серджи; я привожу ее только, какъ оригинальную новѣйшую

---

[23]) Въ противоположность господствующей теперь теоріи о долихоцефаліи (длинноголовости) древнихъ арійцевъ, типъ которыхъ впослѣдствіи измѣнился въ большей части Европы вслѣдствіе смѣшенія съ жившимъ здѣсь ранѣе брахицефальнымъ населеніемъ, Серджи принимаетъ, что арійцы были брахицефалами, подобно нынѣшнимъ потомкамъ кельтовъ, германцевъ, славянъ, подобно албанцамъ, армянамъ, средне-азіатскимъ таджикамъ (гальча) и что современное существованіе долихоцефаліи въ Испаніи, Южн. Италіи и т. д. объясняется переживаніемъ признаковъ Средиземной расы.

попытку возвысить значеніе Африки насчетъ Азіи, перенести на нее въ значительной степени роль officinae gentium и связать съ нею—древнѣйшіе зачатки культуры въ области Средиземнаго моря.

Интересно было бы узнать, насколько всѣ эти теоріи о происхожденіи египтянъ находятъ себѣ поддержку въ томъ краніологическомъ матеріалѣ, который былъ добытъ изъ новѣйшихъ раскопокъ, но, къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ еще не разработанъ, какъ слѣдуетъ, Питри привелъ нѣкоторыя данныя относительно найденныхъ имъ череповъ, но подробнаго описанія ихъ еще не появлялось. Де-Морганъ передалъ найденные имъ черепа д-ру Фукэ, который и составилъ ихъ описаніе, но оно не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Къ описанію не приложено фотографій, а только рисунки, сдѣланные отъ руки, при чемъ на видъ черепа сверху (въ norma verticalis) не обращено никакого вниманія, какъ и вообще на многія подробности формы. Кромѣ того, какъ заявляетъ г. Фукэ, у него въ Каирѣ не было почти никакого матеріала для сравненія, никакихъ краніологическихъ коллекцій изъ Нубіи, сѣверной Африки, Азіи и т. д.

Сопоставляя данныя Фукэ и Питри, можно только вывести заключеніе, что черепа изъ древнѣйшихъ могильниковъ характеризуются значительною долихоцефаліей, и нѣкоторые выказываютъ даже въ строеніи носа, наклонѣ плоскости затылочнаго отверстія и т. д. черты негритянскаго типа; серіи же череповъ изъ болѣе позднихъ или смѣшанныхъ некрополей представляютъ большую смѣшанность формъ, замѣтную примѣсь болѣе широкоголоваго (мезоцефалическаго) типа и большее сходство съ черепами изъ позднѣйшихъ египетскихъ гробницъ. Сколько-нибудь рѣзкихъ различій между типами череповъ изъ различныхъ могильниковъ Фукэ, повидимому, не нашелъ, при всемъ, кажется, желаніи подтвердить данными краніологіи теорію Де-Моргана о приходѣ въ лицѣ египтянъ новой расы изъ Передней Азіи. Это обстоятельство возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя усиливаются еще тѣмъ, что мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать въ древнихъ египтянахъ сходство съ суммеро-аккадійскимъ типомъ, какъ онъ представленъ, напр., статуями, найденными Де-Сарзекомъ въ Телло (въ ихъ характерныхъ шапкахъ, одеждахъ, съ ихъ типомъ, отличнымъ отъ позднѣйшаго ассирійскаго), а также сходства и съ другими древне-вавилонскими типами (напр., изображеніями разныхъ божествъ), которые всѣ почти отличаются длинными волосами и длинною бородою [24]). Наоборотъ, можно подмѣтить и въ типѣ древнѣйшихъ египтянъ, и въ

---

[24]) *De Sarzec*. Fouilles à Tello. Livr. 1—4. 1888—93.

ихъ культурѣ многія черты сходства съ древнѣйшимъ неолитическимъ населеніемъ Египта, такъ что невольно возникаетъ вопросъ, не были ли египтяне родственнымъ ему племенемъ, пришедшимъ также съ юга и только продолжившимъ то развитіе культуры, которое началось уже раньше. Усиленный же толчекъ, который получила эта культура, объясняется, повидимому, вліяніемъ какихъ-то пришельцевъ изъ Азіи, на которыхъ, можетъ быть, надо смотрѣть не какъ на обширную армію завоевателей, а какъ на колоніи воиновъ-торговцевъ, въ родѣ арабовъ въ восточной тропической Африкѣ или варяговъ въ древней Руси. Эти азіатскія колоніи могли принести и знакомство съ мѣдью, съ новыми породами домашнихъ животныхъ, постройками изъ кирпича, съ различными видами обрабатывающей промышленности и искусства, съ новымъ обрядомъ погребенія, съ новыми религіозными воззрѣніями; они могли, наконецъ, содѣйствовать политической организаціи племенъ и дать изъ себя первыхъ ихъ правителей. Пришли ли эти колоніи черезъ Красное море или чрезъ Суэцкій перешеекъ, они, повидимому, не были многочисленны и скоро слились съ массою населенія, выработавъ одну общую культуру. Характерныя постройки изъ кирпича, обычай трупосожженія (если только онъ дѣйствительно былъ, такъ какъ Амелино, повидимому, приписываетъ пожаръ послѣдующему разоренію) скоро исчезаютъ, и развивается культура, въ которой нельзя не видѣть извѣстной связи съ культурою неолитическихъ автохтоновъ: припомнимъ, хотя бы кремневые ножи, костяныя издѣлья, каменные сосуды, формы глиняной посуды, бумеранги, изображенія нѣкоторыхъ растительныхъ формъ и т. д. Самъ Морганъ признаетъ, что мѣдныя издѣлія попадаются уже въ древнѣйшихъ могильникахъ пра-египтянъ; возможно предположеніе, что у нихъ были и зачатки земледѣлія, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ, что земледѣліе появилось и въ Европѣ уже въ неолитическую эпоху (въ Швейцаріи, въ эпоху свайныхъ построекъ). Любопытно, наконецъ, что мы встрѣчаемъ у неолитическаго населенія, даже въ самыхъ древнихъ могильникахъ, слѣды какой-то мумификаціи,— слѣды, констатированные д-ромъ Фукэ и подтвержденные Вирховымъ. На многихъ костякахъ какъ погребенныхъ въ скорченномъ положеніи, такъ и въ расчлененномъ видѣ, особенно въ ихъ черепахъ, найдены были явственные слѣды асфальта, часто съ примѣсью ароматическихъ смолистыхъ веществъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ нѣкоторыхъ черепахъ сохранились еще остатки высохшаго мозга. Какая цѣль при этомъ преслѣдовалась, какъ возникла первая идея о мумификаціи,—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, здѣсь мы имѣемъ первые зачатки той заботы о сохраненіи тѣла умершаго, которая развилась впослѣдствіи въ баль-

замированіе труповъ, производившееся, какъ извѣстно, въ разныя эпохи египетской исторіи различными способами. Проф. Видеманъ, въ новѣйшемъ трудѣ Де-Моргана, посвятилъ цѣлую главу этимъ зачаткамъ бальзамированія. Египтяне вообще очень заботились о сохраненіи тѣлъ умершихъ, считая такое сохраненіе необходимымъ для будущаго воскресенія; поэтому кажется страннымъ, что въ древнѣйшую эпоху они допускали расчлененіе и сожженіе труповъ. Но Видеманъ указываетъ на нѣкоторые египетскіе тексты и записанныя греками преданія, въ которыхъ говорится о расчлененіи тѣла Озириса и Горуса, а также, правда, въ довольно темныхъ выраженіяхъ, и объ отрѣзаніи головы вообще у умершихъ, напр., въ видѣ запрещенія меснитамъ это дѣлать или въ упоминаніи о какомъ-то демонѣ, отрѣзающемъ голову, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельномъ, одаряющемъ душу (ху) памятью.

Въ заключеніе, знакомясь съ трудами Моргана, Амелинô, Питри, нельзя не отмѣтить той энергіи, съ которою ведутся въ послѣднее время изслѣдованія въ области древнѣйшихъ эпохъ египетской культуры. Французы и англичане соревнуютъ между собою въ изысканіяхъ на почвѣ Египта, но въ нихъ принимаютъ также участіе итальянцы и нѣмцы. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ интересъ къ древностямъ Египта и вообще Востока привился въ большей степени и къ русскому обществу, чтобы и у насъ нашлись люди и средства къ благородному соревнованію съ западною Европой въ дѣлѣ самостоятельныхъ изысканій на почвѣ древнѣйшихъ восточныхъ цивилизацій, гдѣ были заложены первыя основы позднѣйшей греческой и вообще европейской культуры.

Д. Анучинъ.

———

II.

Серебряный змѣевикъ найденный въ Рязанской губерніи.

Въ 1872 году близъ деревни Песцова, Рязанскаго уѣзда, при полевыхъ работахъ былъ найденъ серебряный змѣевикъ. Фотографическій снимокъ съ этого памятника недавно доставленъ въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ А. И. Черепнинымъ. Оригиналъ хранится въ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Рисунокъ воспроизводитъ рязанскій змѣевикъ въ нѣсколько увеличенномъ видѣ.

Сравнивая Рязанскій змѣевикъ съ другими однородными съ нимъ памятниками, изданными всего полнѣе гр. И. И. Толстымъ, не трудно убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ новымъ варіантомъ. Именно, новые мотивы представляетъ лицевая сторона памятника: изображеніе двухъ Святыхъ въ ростъ и надпись вокругъ по ободку:

Рисунокъ.

† ГИ ПОМОꙀИ РАБꙊ СВОѤМꙊ АНЬДРѢОКІ.

Изображенія обоихъ Святыхъ, рельефныя, съ признаками пластической византійской манеры, повидимому, въ „ризахъ апостольскихъ“ — сильно потерты; надписи, заключавшія имена этихъ Святыхъ, также пострадали. На фотографическомъ снимкѣ только правая изъ нихъ обнаруживаетъ очертанія буквъ. Надпись, идущая вокругъ и приведенная выше, по начертаніямъ буквъ можетъ быть относима къ XIII вѣку;

о болѣе древней эпохѣ не позволяютъ думать начертанія: буквы **И** въ словѣ **ГОСПОДИ (ГИ)** и буквы **И** въ словѣ **АНЬДРѢОКІ**; косая перекладина, соединяющая двѣ вертикальныя черты этихъ буквъ, спускается съ вершины одной изъ вертикальныхъ чертъ не ниже середины другой вертикальной черты. Эти типы **И** и **И** устанавливаются въ XIII вѣкѣ, между тѣмъ какъ ранѣе **И** и **И** сохраняли болѣе или менѣе тотъ характеръ, какой они имѣютъ въ славянскомъ шрифтѣ, употребляемомъ въ настоящей замѣткѣ. Къ XIII вѣку могутъ быть отнесены и типы **Б, К, Ь** и **Ѣ**, встрѣчаемые на разсматриваемой надписи: эти четыре буквы имѣютъ ту общую черту, что нижняя ихъ петля подымается вверхъ въ видѣ остраго угла. Славянскій шрифтъ, употребляемый въ этой замѣткѣ, представляетъ болѣе древнія начертанія тѣхъ же буквъ. Признаковъ болѣе поздняго происхожденія (XIV — XV в.) разсматриваемая надпись, вообще довольно архаическая, не содержитъ. На значительную древность памятника можетъ указывать и рисунокъ обратной стороны — человѣческая голова, окруженная головами змѣиными — въ томъ особомъ сочетаніи, которое повторяется на весьма многихъ змѣевикахъ древнѣйшей эпохи (см. гр. Толстаго, Зап. Импер. Русск. Арх. Общ., т. III, 1888 г.). Надпись слишкомъ коротка, чтобы на основаніи языка ея заключать о мѣстѣ происхожденія памятника. Написаніе є вм. ю въ сл. **своємь** не свидѣтельствуетъ непремѣнно о русскомъ мастерѣ, дат. ед. **аньдрѣоки** встрѣчается въ такой формѣ уже въ двухъ древнѣйшихъ старославянскихъ четвероевангеліяхъ—Зографскомъ и Маріинскомъ (Іо XII, 22). О русскомъ происхожденіи змѣевика свидѣтельствуетъ развѣ общій стиль письма этой надписи. Рельефныя изображенія двухъ Святыхъ могли бы представлять апостоловъ-братьевъ Филиппа и Андрея. *В. Щепкинъ.*

III.

Археологическая хроника.

—— Историко-филологическій факультетъ Императорскаго Московскаго Университета назначилъ на соисканіе преміи В. П. Боткина тему: „Фронтонныя группы въ древне-греческой пластикѣ. Критическій очеркъ ихъ композиціи“. Въ конкурсѣ могутъ участвовать лишь русскіе ученые. Сочиненія должны быть поданы не позднѣе 1 мая 1900 года и написаны на латинскомъ языкѣ. Размѣръ преміи 900 р., причемъ лучшія сочиненія, не получившія преміи, могутъ быть удостоены почетнаго отзыва.

—— Въ августѣ мѣсяцѣ сего года, на площади Колымажнаго двора, предположена закладка зданія состоящаго при Московскомъ Университетѣ Музея изящныхъ искусствъ имени Александра III. Въ Музеѣ предположены отдѣлы скульптуры, зодчества и живописи. Скульптура будетъ представлена гипсовыми слѣпками съ оригиналовъ, находящихся въ Луврѣ, Британскомъ Музеѣ, Мюнхенской галлереѣ, Берлинскомъ Королевскомъ Музеѣ, Національномъ Музеѣ въ Неаполѣ, въ Ватиканѣ и т. д., при чемъ слѣпки будутъ расположены по странамъ и историческимъ эпохамъ. Кромѣ слѣпковъ со статуй, бюстовъ, барельефовъ и т. д., въ Музеѣ будутъ находиться и оригиналы, а также образцы скульптурной орнаментики. Зодчество предполагается представить моделями храмовъ, театровъ, другихъ мѣстъ общественныхъ собраній, частныхъ сооруженій и домовъ. Въ отдѣлѣ живописи особое вниманіе будетъ обращено на составленіе собранія пособій для изученія живописи въ ея исторіи — фотографіи, рисунки, гравюры, художественныя изданія различныхъ европейскихъ галлерей и т. п. Живопись классической древности въ Помпеяхъ, Геркуланумѣ и Римѣ предполагается представить въ художественныхъ копіяхъ съ оригиналовъ. Для живописи римскихъ катакомбъ уже имѣется обширное собраніе картинъ русскаго художника Ѳ. П. Реймана, работающаго уже много лѣтъ въ подземельяхъ Рима. Особое мѣсто займетъ живопись русской школы, представляемая оригинальными картинами и рисунками (около 500) извѣстнаго въ Москвѣ собранія И. Е. Цвѣткова. Кромѣ того, въ Музеѣ проектируется еще устройство антикварія (собраніе монетъ, камей, бронзъ, предметовъ домашняго и общественнаго быта разныхъ вѣковъ— въ оригиналахъ и репродукціяхъ), библіотеки (по исторіи искусствъ) съ читальнымъ заломъ для студентовъ и публики, и аудиторіи, съ необходимыми приспособленіями для наглядности преподаванія. Нѣкоторыя залы воздвигаются на капиталы, предоставляемые отдѣльными лицами, и будутъ носить имена этихъ лицъ. Имѣется также проектъ устроить залъ, посвященный памяти знаменитыхъ русскихъ писателей и художниковъ съ ихъ статуями, бюстами и портретами. Всего Комитетъ музея располагаетъ теперь, какъ слышно, капиталомъ около 700,000 р., изъ коихъ 200,000 ассигнуются правительствомъ.

—— 7-го марта послѣдовало торжественное открытіе въ Петербургѣ Русскаго Музея Императора Александра III. Музей помѣщается въ прекрасномъ зданіи Михайловскаго дворца, построенномъ Росси и отдѣланномъ внутри преимущественно въ стилѣ „empire“. Приспособленіе этого зданія въ цѣляхъ Музея было выполнено архитекторомъ г. Свиньинымъ. Устроенъ круговой ходъ по заламъ, отопленіе, венти-

ляція, сдѣлано новое покрытіе по всей грандіозной лѣстницѣ, подоконники оконъ облицованы мраморомъ, деревянные широкіе переплеты рамъ замѣнены желѣзными, черезъ что получилось больше свѣта и т. д. Въ отдѣлкѣ залъ нѣтъ излишней роскоши и блеска, но соединеніе солидности съ изяществомъ. Общій тонъ стѣнъ —преимущественно свѣтло-коричневый, потолки бѣлые со множествомъ оттѣнковъ, утварь музея, скамейки, стулья—новые, сдѣланные по рисункамъ архитектора; дверныя ручки, карнизы у дверей и т. д. все изготовлено по спеціальнымъ рисункамъ. Музей занимаетъ три этажа; всѣхъ парадныхъ залъ, открытыхъ для публики—37. Коллекціи Музея раздѣляются на слѣдующіе отдѣлы: I. Меморіальный, посвященный памяти Императора Александра III (еще не открытый для публики). II. Отдѣлъ картинъ масляными красками; сюда перенесены русскія картины изъ Императорскаго Эрмитажа, Академіи Художествъ, дворцовъ Зимняго, Царскосельскаго, Гатчинскаго; картины размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ и по художникамъ, въ перемежку съ произведеніями скульптуры, которыя впослѣдствіи предполагается собрать въ одномъ изъ боковыхъ флигелей Музея. III. Коллекція портретовъ русскихъ царскихъ особъ и ихъ сподвижниковъ, пріобрѣтенная отъ наслѣдниковъ покойнаго министра иностранныхъ дѣлъ князя Лобанова-Ростовскаго Государемъ Императоромъ и пожертвованная Музею. IV. Акварели, сепіи, пастель, рисунки и картины русскихъ художниковъ. V. Коллекція акварелей и картинъ, пожертвованная кн. Тенишевой. VI. Коллекція рисунковъ бывшаго вице-президента Академіи Художествъ кн. Гагарина. VII. Отдѣлъ христіанскихъ древностей, перенесенный изъ Академіи Художествъ. VIII. Скульптура (будетъ выдѣленъ впослѣдствіи). IX. Архитектура (еще устраивается). X. Библіотека (тоже). Для удобства обозрѣнія продается при входѣ: „Каталогъ Художественнаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III“, съ фототипіями (Ц. 2 р.), и краткій указатель того же отдѣла (Ц. 15 к.). По слухамъ, при Музеѣ имѣетъ быть еще устроенъ Этнографическій Отдѣлъ, въ который предполагается передать этнографическія коллекціи Академіи Наукъ, но покуда объ этомъ еще неизвѣстно ничего опредѣленнаго.

—— Нѣсколько недѣль тому назадъ были представлены для обозрѣнія Его Величеству Государю Императору археологическія коллекціи, собранныя въ теченіе истекшаго года Императорской Археологической Коммиссіей. Въ числѣ этихъ коллекцій особенное вниманіе обращаютъ на себя добытыя проф. Н. И. Веселовскимъ изъ раскопокъ кургановъ Кубанской области. Верстахъ въ 20 отъ Майкопа, около Бѣлорѣченской станицы, въ курганѣ, имѣвшемъ около 2 саженъ вы-

соты, ниже материка, былъ найденъ гробъ изъ листовой мѣди съ таковою же крышкою, въ которомъ на слоѣ угля и золы оказался костякъ воина, среднихъ лѣтъ, съ удлиненнымъ (долихоцефальнымъ) черепомъ и съ лицомъ, не представляющимъ какихъ-либо слѣдовъ монголизма. На крышкѣ гроба замѣтны были слѣды шелковой съ золотомъ ткани. Подъ головой, локтями и пятками костяка были положены бронзовыя чашки (всего 5). Одежда не сохранилась, кромѣ кожанаго пояса, продѣтаго сквозь рядъ золотыхъ бляхъ, и на которомъ, съ лѣвой стороны, висѣлъ ножъ съ костяной рукояткой, а съ правой—каменное точило. Съ лѣвой стороны лежала еще длинная желѣзная сабля, а съ правой—колчанъ, оригинальной формы, тоже со слѣдами покрывавшей его шелковой съ золотомъ ткани, и деревянный лукъ (безъ костей) со стрѣлами. Кромѣ того, въ гробу нашлись еще мѣдныя пряжки, а рядомъ большая глиняная амфора съ ручкой. Весь этотъ гробъ съ его содержимымъ имѣетъ поступить въ Моск. Историческій Музей. Въ предшествовавшемъ году г. Веселовскій разрылъ въ той же мѣстности нѣсколько другихъ кургановъ той же эпохи, въ которыхъ встрѣтились весьма интересные восточные стеклянные сосуды и золотоордынскія монеты XIV вѣка, что̀ уже опредѣляетъ эпоху кургановъ. Другой интересный курганъ (высотой до 5 саженъ) былъ раскопанъ въ самомъ г. Майкопѣ. Въ немъ, сажени на двѣ ниже материка, оказалась могила какого-то царя или князя. Очертанія этой могилы представляли четыреугольникъ съ нѣсколько выпуклыми узкими сторонами и вогнутыми длинными, и съ округленными углами. Пространство это было раздѣлено перегородками (повидимому, деревянными?) на 3 отдѣленія, одно большихъ размѣровъ (половина могилы), а два меньшихъ. Въ каждомъ отдѣленіи оказалось по скелету въ согнутомъ положеніи (съ согнутыми въ колѣняхъ ногами), весьма истлѣвшему и окрашенному въ красную краску. Въ главномъ отдѣленіи, съ правой стороны костяка, костюмъ котораго былъ богато украшенъ золотомъ (изображенія львовъ, розетки и т. д.), на головѣ—золотыми лентами, на шеѣ—золотыми и сердоликовыми бусами,—лежали шесть длинныхъ (болѣе аршина) полыхъ, золотыхъ и серебрянныхъ палочекъ (жезловъ), украшенныхъ на рукояткѣ золотыми статуэтками длиннорогихъ быковъ (около вершка величиной; сквозь эти статуэтки были продѣты жезлы); верхніе концы жезловъ, по предположенію, могли быть украшены перьями или чѣмъ-либо подобнымъ. Кромѣ того, при костякѣ оказалось бронзовое (или мѣдное?) оружіе (или орудія?) топоры (или кирки?—лезвее поперечное), наконечникъ копья (или ножъ?), долото, а также кремневыя стрѣлы и каменныя, (прямое и дугообразное) точила, отчасти со вбитыми въ нихъ золо-

тыми гвоздиками. Изъ другихъ костяковъ, одинъ былъ, повидимому, женскимъ; у него нашлись золотыя серьги, и также золотыя и сердоликовыя бусы; у третьяго костяка, повидимому, ничего не было найдено. Въ углахъ могилы было найдено много сосудовъ; въ одномъ углу 14 серебряныхъ сосудовъ, два золотыхъ и одинъ изъ камня съ золотымъ горломъ: въ другомъ—кучка мѣдныхъ сосудовъ; въ третьемъ и четвертомъ—глиняные сосуды, съ круглымъ дномъ, въ томъ числѣ нѣсколько очень большихъ; на двухъ небольшихъ серебряныхъ сосудахъ имѣются изображенія различныхъ звѣрей: быковъ, барановъ, львовъ, леопардовъ. По сосѣдству было раскопано нѣсколько меньшихъ и болѣе бѣдныхъ кургановъ той же эпохи, въ которыхъ также найдено было бронзовое оружіе: плоскіе наконечники копій, ножи и топоры. Принимая во вниманіе отсутствіе стекла и желѣза и нѣкоторое сходство по типу изображеній животныхъ (львовъ, быковъ) съ ассирійскими, г. Веселовскій склоненъ считать эти курганы весьма древними, относящимися, примѣрно, къ VII в. до нашей эры.

Кромѣ того, съ Кавказа имѣются интересные предметы изъ Терской области, т. наз. готскаго стиля съ простыми вставленными камнями, и изъ Кубанской области (между прочимъ—интересныя бронзовыя булавы съ большими прорѣзными крупными набалдашниками, въ которыхъ бѣгаетъ (для звона) небольшой мѣдный шарикъ). Любопытныя вещи поступили также изъ Приуральскаго края, въ томъ числѣ сассанидскій серебряный кувшинъ съ изображеніемъ на немъ двухъ птицъ съ распущенными крыльями и небольшое серебряное блюдо съ христіанскими изображеніями (Даніилъ во рвѣ львиномъ, Воскресеніе, Вознесеніе на небо), повидимому, несторіанскаго происхожденія. Интересно еще четыреугольное блюдо съ небольшими изображеніями птичекъ по угламъ и съ неизвѣстными начертаніями (повидимому—поздней эпохи). Изъ Пермской Археолог. Коммиссіи доставлено множество картоновъ (до 140) съ предметами, добытыми при раскопкахъ жертвеннаго мѣста на Гляденовскомъ городищѣ, близь Перми, на Камѣ, въ томъ числѣ множество костяныхъ и желѣзныхъ стрѣлокъ, ножиковъ, различныхъ бусъ и мѣдныхъ изображеній (человѣка, всадниковъ, звѣрей, птицъ, гадовъ, змѣй, мухъ, пчелъ), отчасти уже извѣстныхъ, отчасти совершенно новыхъ типовъ. Находки нѣсколькихъ монетъ Арзакійской эпохи (I в.) и другіе признаки указываютъ на періодъ примѣрно съ II по VII в.—Имѣются также новыя находки изъ Пьяноборскаго, Ананьинскаго и другихъ извѣстныхъ могильниковъ, изъ кургановъ Костромской губ. (въ томъ числѣ христіанскіе образки) и, въ особенности, любопытные предметы изъ Сибири (Ачинскаго и Минусинскаго

округовъ). Въ Минусинскомъ округѣ изслѣдованы, между прочимъ, коллективныя могилы, заключающія въ себѣ по нѣскольку десятковъ костяковъ, подвергшихся впослѣдствіи сожженію; изъ вещей тутъ были найдены раскрашенныя гипсовыя маски, мѣдный цельтъ, мѣдныя удила, золотыя украшенія. Въ числѣ вещей изъ Минусинскаго края интересны, между прочимъ, рѣзныя изъ кости головки лошадей (раскопки г. Андріанова 1895 г.; рѣзьба довольно тщательная) и мѣдныя изображенія какихъ-то фантастическихъ звѣрей. Многіе любопытные предметы доставлены также изъ Крыма (Херсонеса и др. мѣстъ), изъ Прибалтійскаго края, изъ Закавказья и т. д.

—— Въ Этнографическій Музей И. Академіи Наукъ доставлено Н. А. Гондатти изъ Анадырской округи большая коллекція (болѣе 300 предметовъ) издѣлій чукчей (кочевыхъ и сидячихъ). Часть ихъ, за недостаткомъ мѣста, находятся еще въ ящикахъ, а часть выставлена, въ томъ числѣ нѣсколько костюмовъ, модели жилищъ, лодокъ (между прочимъ и настоящая большая байдарка), идолы и разные предметы быта. Въ числѣ послѣднихъ есть и много старинныхъ вещей, уже выходящихъ изъ употребленія, какъ-то: оружіе, луки, стрѣлы съ каменными и костяными наконечниками, лопатки и другія орудія изъ китовыхъ костей или изъ частей желѣзныхъ котловъ, каменные скребки, орудіе для добыванія огня, также идолы, амулеты и др.

—— С.-Петербургскія Вѣд. (1898 г., № 41) сообщаютъ о быстромъ развитіи „Епархіальнаго древне-хранилища“ въ г. Вологдѣ, которое, бывъ основано въ сентябрѣ 1896 г., къ 1 янв. нынѣшняго года насчитываетъ уже до 500 предметовъ церковной старины: иконъ, сосудовъ, антиминсовъ, облаченій и пр. Всѣ эти предметы умѣло расложены въ витринахъ и шкафахъ, благодаря усердію помощника хранителя, дьякона С. А. Нагеина. При древне-хранилищѣ учреждена постоянная коммиссія, которая уже приступила къ описанію хранящихся здѣсь предметовъ и издала „Описаніе антиминсовъ“. Нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи занимаются разборомъ 2-хъ архивовъ—архіерейскаго и Спасо-Прилуцкаго монастыря (XIV в.). Лѣтомъ члены коммиссіи устраиваютъ экскурсіи для пополненія древне-хранилища и описанія мѣстныхъ древностей. Надо замѣтить, что въ Вологдѣ, кромѣ того, имѣется небольшой музей древностей въ такъ наз. „Домикѣ Петра Великаго“, заключающій въ себѣ до 300 №№.

—— „Церковный Вѣстникъ“ (въ № 5) указываетъ на недостаточность нынѣ установленныхъ мѣръ для сохраненія церковныхъ древностей, чѣмъ объясняются, напр., такія вопіющія явленія, что, напр., въ нижегородской епархіи въ Благовѣщенскомъ монастырѣ исчезаетъ

рѣдчайшая и драгоцѣннѣйшая рукопись—характерный кондакарь XI в. и гдѣ она теперь находится, никому неизвѣстно. Непониманіемъ со стороны духовенства истинной цѣнности древнихъ церковныхъ предметовъ объясняется и тотъ фактъ, что на Нижегородской ярмаркѣ могутъ существовать цѣлые ряды лавокъ, торгующихъ старинными иконами, крестами, шитыми пеленами и другими предметами церковно-богослужебной утвари. Посредниками въ раздобываніи церковныхъ древностей служатъ скупщики, главнымъ образомъ изъ слободы Мстеры, Владимірской губ. Направляясь по всѣмъ угламъ Россіи—по Кавказу, Сибири и другимъ мѣстамъ, офени съ возами, нагруженными иконописнымъ товаромъ, всюду отыскиваютъ церковныя древности, за безцѣнокъ ихъ пріобрѣтаютъ или вымѣниваютъ на новыя иконы и доставляютъ въ склады мастерскихъ иконниковъ цѣлые транспорты интересныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ. Московскіе старинщики съ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстій о возвращеніи офеней въ Мстеру и наперебой другъ передъ другомъ скупаютъ у нихъ древности, а затѣмъ, минуя отечественные археологическіе музеи, не располагающіе богатыми средствами, перепродаютъ ихъ большею частью богатымъ заграничнымъ коллекціонерамъ, которые, въ свою очередь, при установившейся заграницей модѣ на все русское, тоже не остаются въ убыткѣ. Измѣнить такое положеніе вещей можно, по мнѣнію газеты, только путемъ ознакомленія духовенства съ высокимъ значеніемъ сокровищъ церковной древности, а такая задача, разумѣется, успѣшнѣе всего можетъ выполняться школой, хотя не излишня была бы, полагаетъ церковный органъ, и нѣкоторая популяризація предмета при помощи офиціальнаго органа, обязательнаго для всего духовнаго вѣдомства и, слѣдовательно, проникающаго въ самые глухіе уголки сѣверныхъ и окраинныхъ епархій, откуда всего болѣе вывозится офенями древностей.

Позволимъ себѣ замѣтить, что по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, отчужденіе церковныхъ вещей совершается съ разрѣшенія епархіальной власти.

—— При Тульскомъ Епархіальномъ Древнехранилищѣ 25-го сего марта учреждено *Товарищество для изученія историко-археологическихъ, преимущественно, церковно-археологическихъ памятниковъ Тульскаго края*, а также и для изученія архива Тульской Консисторіи (на основаніи ук. Св. Синода отъ 19-го января 1869 года за № 4-мъ). Званіе члена Товарищества опредѣляется *исключительно* научною дѣятельностью, которая должна строго соотвѣтствовать основной задачѣ Товарищества. Членами Товарищества приглашаются быть лица, не только обладающія достаточною для дѣла научной подготовкой, но и

твердо преданныя интересамъ православно-русскаго просвѣщенія. Во главѣ Товарищества стоитъ старшина, на котораго возложена отвѣтственность за характеръ и направленіе научной дѣятельности онаго. Непремѣннымъ Попечителемъ Товарищества состоитъ Преосвященный Тульскій.

—— Въ декабрѣ прошлаго года, во Франціи, близъ г. Ліона, были найдены обломки великолѣпной бронзовой статуи, отнесенной знатоками къ галло-римской эпохѣ. Первоначально думали видѣть въ этой статуѣ изображеніе Аполлона, но г. Бюшъ (Buche) въ Бургѣ, изучивъ тщательно фотографіи съ этихъ обломковъ, пришелъ къ заключенію, что статуя изображала Марса, съ шлемомъ на головѣ.

—— Мы уже сообщали, въ свое время [1]), о находкѣ г. Парисомъ въ Испаніи, близъ Аликанте, женскаго бюста, предназначеннаго, повидимому, служить либо приношеніемъ по обѣту (ex voto), либо хранилищемъ пепла отъ умершаго. Въ недавно вышедшей, мартовской книжкѣ Gazette des beaux arts, помѣщена подробная статья г. П. Жамо (Jamot) объ этомъ великолѣпномъ памятникѣ искусства и приложенъ превосходный, исполненный геліогравюрой, снимокъ съ него. Бюстъ былъ найденъ случайно, при полевыхъ работахъ, 4 августа 1897 года. Г. Парисъ, первый изъ ученыхъ увидавшій его, тотчасъ сообщилъ о немъ г. Гёзе (Heuzey) въ Парижъ и, благодаря щедрому пожертвованію одного частнаго лица, бюстъ былъ немедленно пріобрѣтенъ для Лувра. Бюстъ исполненъ въ натуральную величину изъ очень мягкаго известняка и сохранился отлично. Что это именно бюстъ, а не отбитая верхняя часть статуи, видно изъ того, что основаніе его отдѣлано и сглажено, такъ что бюстъ стоитъ прочно, не качаясь на немъ; во-вторыхъ — бюстъ книзу расширяется, что въ статуѣ немыслимо. Наконецъ, пропорціональность между головой и частью торса (собственно бюстомъ), равно и мѣстонахожденіе углубленія (сзади) какъ разъ посрединѣ, между концомъ тіары, находящейся на головѣ бюста, и основаніемъ его — все это указываетъ на то, что мы видимъ памятникъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ задуманъ и выполненъ. Выраженіе лица — серьезно и прекрасно и составляетъ полный контрастъ со всѣмъ уборомъ. На головѣ, какъ мы уже сказали, родъ тіары, образуемой изъ свернутаго покрывала, краснаго цвѣта, на которомъ нашиты въ 3 ряда бусы. По обѣимъ сторонамъ головы, закрывая совершенно уши и вышиною почти равняясь головѣ, находятся два крупныхъ украшенія, въ родѣ какъ бы ажурныхъ колесъ. Эти колеса образуютъ

[1]) См. Археолог. Изв. и Замѣтки 1897 г., № 12, стр. 405.

какъ бы нишу, въ которой помѣщается голова. Между колесами этими и висками бюста помѣщены еще пластинки, въ верхней части вырѣзанныя волютами, а въ нижней принимающія видъ подвѣсокъ. На шеѣ и на груди находится ожерелье, состоящее изъ трехъ рядовъ бусъ, причемъ на двухъ верхнихъ рядахъ висятъ украшенія, имѣющія форму маленькихъ амфоръ, а на третьемъ украшенія напоминаютъ форму амулетовъ. Торсъ одѣтъ въ нѣчто, въ родѣ рубашки, плотно прилегающей къ тѣлу, поверхъ которой надѣта туника, и, наконецъ, въ плащъ, накинутый на плечи. Бюстъ былъ раскрашенъ и слѣды краски видны коегдѣ очень явственно. Въ глазахъ зрачекъ выдолбленъ и, вѣроятно, въ первоначальномъ видѣ былъ вставной, цвѣтной.

Подобной работы статуй въ Испаніи было еще раньше найдено довольно много, особенно въ мѣстечкѣ, называемомъ „Долиною святыхъ", находящемся также недалеко отъ Аликанте. Всѣ онѣ теперь хранятся въ Мадридскомъ Музеѣ и должны быть признаны произведеніемъ мѣстныхъ художниковъ, находившихся, однако, подъ сильнымъ вліяніемъ искусствъ — греческаго и восточнаго — финикійскаго. Колоніи финикійскія, съ VI в. до Р. Х., занимали южную часть западнаго берега Испаніи, греческія — сѣверную. Такимъ образомъ, какъ на нашемъ бюстѣ, такъ и на другихъ, однородныхъ съ нимъ памятникахъ, отразилось вліяніе греческое и финикійское. Что же касается времени, къ которому должно отнести новонайденный бюстъ, то въ этомъ направленіи еще слишкомъ мало собрано матерьяла, чтобы дать точный отвѣтъ. Приблизительно же его можно отнести къ IV вѣку до Р. Х. *А. С.*

—— Султанъ разрѣшилъ Управленію Прусскихъ Королевскихъ Музеевъ раскопки въ Милетѣ, имѣющія начаться нынѣшнею осенью.

—— Вблизи Адріи случайно напали въ почвѣ на остатки двухъ судовъ, предполагаемыхъ античными; раскопки еще продолжаются.

—— Гисарлыкъ, прославившійся съ 1870 г. раскопками Шлимана, принадлежалъ съ 1868 г. англичанину Фр. Кальверту. Недавно владѣлецъ подарилъ его Константинопольскому Музею Древностей, обязавъ Музей охранять остатки Трои (Chr. d. A. 34).

—— Въ некрополѣ Омъ-эль-Гаабъ, близь верхнеегипетскаго Абида, Амелино нашелъ гробницу, скрывавшую въ себѣ голову Озириса. Этотъ изслѣдователь полагаетъ, что ему удалось опредѣлить также гробницы Сета и Горуса, въ которыхъ онъ видитъ послѣднихъ фараоновъ II-ой „божественной династіи", царствовавшей за 10,000 л. до нашего времени. („J. Eg." „D. L. Z.").

—— По словамъ Journal égyptien отъ 23 февраля с. г., директоромъ музея въ Ѳивахъ, г. Лоре (Loret), сдѣлано важное открытіе,

а именно, въ мѣстности, носящей названіе „Долина Царей“, имъ открыта гробница Тутмеса III, изъ 18-й династіи. Открыты двѣ лѣстницы, коридоръ и семь комнатъ (усыпальницъ), изъ которыхъ двѣ украшены живописью, превосходно сохранившеюся. Въ одной изъ нихъ найденъ саркофагъ изъ красноватаго твердаго камня, представляющій уникъ въ своемъ родѣ и дошедшій до насъ въ почти неприкосновенномъ видѣ. Далѣе въ другой комнатѣ найдены два гроба, заключающіе въ себѣ одинъ—мумію жены Тутмеса III, по имени Д-ва-сатъ, а другой—мумію его дочери Нуфритъ.

—— Въ засѣданіи Acad. d. inscrip. et bel. letr. отъ 11 февраля с. г., г. Геронъ-де-Вильфоссъ доложилъ, что имъ, вмѣстѣ съ другими лицами, осмотрѣны каменныя плиты, нынѣ находящіяся въ старинной стѣнѣ сзади собора Парижской Божьей Матери. По мнѣнію лицъ, произведшихъ осмотръ, плиты составляли нѣкогда часть древняго амфитеатра, именно мѣста для зрителей. На многихъ изъ нихъ можно прочесть имена тѣхъ лицъ, для которыхъ эти мѣста были отведены. Такъ на одномъ читается Prior, на другомъ — Quinta, на третьемъ — Marcellus и т. д. Такого же рода плиты были найдены и раньше: въ 1847 году г. Лонгперье открылъ нѣсколько такихъ же плитъ на паперти того же собора, а въ 1870 году были найдены такія плиты въ улицѣ Монжъ (Monge). По предложенію г. Геронъ-де-Вильфоссъ рѣшено поставить эти плиты въ безопасномъ мѣстѣ, ради ихъ сохраненія, какъ памятники древней Лютеціи.

—— Въ томъ же засѣданіи г. Лоньонъ (Longnon) доложилъ объ открытіи г. Ж. Рувье (J. Rouvier), въ южной части г. Бейрута, финикійскихъ погребальныхъ „шахтъ“ (puits funéraires), относящихся ко II-му вѣку до Р. Х. Г. Рувье полагаетъ, что эти „шахты“ составляютъ часть древняго некрополя Бейрута. Кромѣ того, имъ найдены тутъ же амфоры съ греческими и финикійскими нацарапанными письменами, т. наз. „граффити“ (graffiti) и остатки большой мозаики. Г. Рувье продолжаетъ свои разслѣдованія и, вѣроятно, не замедлитъ обстоятельнымъ описаніемъ своихъ находокъ.

—— Въ одесской скотобойнѣ, при обработкѣ одной свиной туши найдена была въ ней, по словамъ „Ю. Обоз.“, нумизматическая рѣдкость — бронзовая монета временъ папы Григорія XI [авиньонскаго періода —1371—1378 гг.]. На одной сторонѣ монеты находится рельефное изображеніе папы Григорія XI и надпись: „pont. max.“ [pontifex maximus]. На другой сторонѣ изображены два ключа и надпись: „Regni coelorum“.

IV.

Засѣданія Обществъ.

Въ годичномъ собраніи **Московскаго Археологическаго Общества**, 21 февраля, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій, 33-й годъ его существованія. Наиболѣе важнымъ фактомъ въ жизни Общества была Высочайшая милость, оказанная Государемъ Императоромъ, Всемилостивѣйше соизволившимъ на ежегодный отпускъ, начиная съ 1896 г., въ распоряженіе Общества, на нужды Археологическихъ Съѣздовъ, подготовительныя къ нимъ работы и изданіе ихъ трудовъ, по 5000 рублей. Въ истекшемъ году Обществомъ было организовано 7 экспедицій и экскурсій для изученія древностей на Кавказѣ, въ бассейнахъ рѣкъ Оки и Камы и производимы были раскопки кургановъ и городищъ въ Московской, Калужской и другихъ губерній. Въ теченіе года Общество имѣло 16 засѣданій, съ 27 рефератами; состоящія при Обществѣ: восточная коммиссія—6 засѣданій, съ 18 докладами, славянская—5 засѣданій и археографическая — 11 засѣданій съ 26 рефератами. Въ истекшемъ году исполнилось 10 лѣтъ существованія при Обществѣ Восточной Коммиссіи. Въ теченіе года Обществомъ изданы: II т. Трудовъ Виленскаго Арх. Съѣзда, III т. Трудовъ Московскаго Съѣзда и 12 выпусковъ „Арх. Извѣстій и Замѣтокъ". Въ настоящее время печатается VI и VII вв. „Матеріяловъ по археологіи Кавказа", III т. „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній", IV т. Московскаго Съѣзда, I т. Рижскаго и XVI т. „Древностей". По прочтеніи отчета о дѣятельности Общества были доложены: отчетъ Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, отчетъ по библіотекѣ Общества, отчетъ казначея и ревизіонной Коммиссіи, причемъ принесена была благодарность казначею Общества К. А. Дубинкину. Затѣмъ, В. И. Сизовъ доложилъ о раскопкахъ А. А. Тихомировымъ могильника у с. Михайловскаго, близъ г. Ярославля, причемъ демонстрировалъ фотографіи съ найденныхъ вещей; здѣсь были найдены какъ могилы съ погребеніями, такъ и съ трупосожженіемъ, причемъ, судя по найденнымъ вещамъ (скорлупчатыя фибулы, большіе мечи т. наз. скандинавскаго типа и т. д.), онѣ выказываютъ черты сходства съ нѣкоторыми мерянскими, смоленскими и другими курганами, и относятся также къ IX—X вв. Въ заключеніе произведены были выборы секретаря Общества, при чемъ большинство голосовъ получилъ, состоящій уже 10 лѣтъ въ этой должности, В. К. Трутовскій.

Въ засѣданіи того же Общества, 27 февраля, въ домѣ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи Его Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „Каменный вѣкъ и древнѣйшее населеніе Египта по новѣйшимъ изслѣдованіямъ". Сообщеніе это, помѣщаемое въ настоящемъ выпускѣ „Археол. Изв. и Зам.", сопровождалось демонстраціей многихъ фотографій и рисунковъ, иллюстрирующихъ издѣлья неолитическихъ обитателей Египта, египтянъ первыхъ династій, типовъ египтянъ и сосѣднихъ имъ народовъ и т. д.

Въ засѣданіи того же Общества, 20 марта, въ домѣ гр. П. С. Уваровой и также въ присутствіи Его Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, Ю. В. Готье представилъ „Очеркъ современнаго состоянія стокгольмскаго государственнаго архива"; И. В. Цвѣтаевъ—прочиталъ сообщеніе—„Памяти княгини З. А. Волхонской" (предлагавшей еще въ 30-хъ годахъ Московскому Университету основать, при ея содѣйствіи, музей изящныхъ искусствъ въ Москвѣ; рефератъ г. Цвѣтаева напечатанъ въ „Моск. Вѣд."), и В. А. Городцовъ—доложилъ свой отчетъ объ археологическомъ изслѣдованіи

долины р. Оки въ 1897 г., при чемъ демонстрировалъ найденныя имъ на мѣстахъ древнихъ стоянокъ и въ могилахъ каменные, кожаные, мѣдные, желѣзные, глиняные и др. предметы.

Въ засѣданіи **Восточной Коммиссіи** Московскаго Археологическаго Общества, 28 января 1898 г., были прочтены слѣдующіе доклады: Ѳ. Е. Коршъ—переводъ и толкованіе пожертвованной Обществу Ѳ. Ѳ. Лашковымъ Крымской жалованной грамоты конца XVII вѣка. Грамота эта дана въ 1104 г. гиджры (1692 — 3 г.) ханомъ Селимъ-Гиреемъ престарѣлому Мустафѣ-Агѣ въ подтвержденіе предоставленнаго ему предками Селима, ежегоднаго пожалованія бочки молдавскаго меда; она подтверждена для сына Мустафы, Али-Джана, тѣмъ же Селимъ-Гиреемъ въ 1115 г. и Гази-Гиреемъ въ 1116 г. Формулы и языкъ ея — османскіе и лишь слово 'a'ǧa, повидимому, джагатайское. М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе „*О древнемъ названіи Ванскаго озера*". Ассирійцы называли его „(верхнимъ) моремъ страны Наири"; Страбонъ, Плиній, Птоломей—Thopitis или, полнѣе, Thospitis, названіе, идущее отъ имени города Вана въ урартскій періодъ: Тушпа. Но тѣ же писатели называютъ въ Арменіи озеро Arsene, Arcisa, Arsissa и т. п., причемъ одни отожествляютъ его съ Ванскимъ озеромъ, другіе считаютъ за особое. Докладчикъ указываетъ въ хроникѣ Баръ-гебрея (Абуль-фараджъ) названіе Ванскаго озера Архестіа, причемъ на берегу упоминается и городъ Аргишъ. Сопоставивъ эти формы съ тѣми, какія встрѣчаются у сирскихъ лексикографовъ, докладчикъ устанавливалъ родство ихъ между собою и возводилъ ихъ къ имени Аргишти, важнѣйшаго изъ ванскихъ царей (VIII вѣкъ до Р. Х.); отъ этого названія, сохранившагося у сирійцевъ, произошли, по мнѣнію докладчика, и искаженныя формы у классическихъ географовъ. Подобнымъ образомъ возможно, что названіе озера Гокчи у Птоломея—Lychnitis—произошло отъ имени города Luchiunini, одного изъ главныхъ городовъ въ долинѣ Аракса, по надписи Менуа. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ доложилъ описаніе собранія изъ 11 старинныхъ армянскихъ рукописей, принадлежащаго г. Абгару Іоаннессіани. Изъ нихъ двѣ — XV в. (исторія Арабовъ—Гевонда и исторія св. Нерсеса, отличающаяся большою полнотой и значительными разночтеніями отъ текста, изданнаго въ Венеціи); отъ XVI в. имѣется Псалтирь, богатая миніатюрами библейскихъ лицъ, какъ Давидъ, Анна, мать Самуила, Исаія, Езекія, Іона и др.; изъ пяти сборниковъ XVII в. историческаго или духовнаго содержанія замѣчателенъ обширный историческій сборникъ 1624 г. сочиненій армянскихъ писателей съ IV по XV в., частью цѣликомъ, частью въ отрывкахъ.

Въ засѣданіи той же Коммиссіи 5 марта сдѣлано два доклада. Г. А. Халатьянцъ доложилъ „О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ прибережья Ванскаго озера". Указавъ на важность для археологіи и исторіи Передней Азіи изученія географическихъ названій Арменіи эпохи Урарту, докладчикъ привелъ рядъ названій, уже отожествленныхъ кунеологами съ названіями, извѣстными по классическимъ и армянскимъ писателямъ. Затѣмъ, опредѣляя принципы научныхъ отожествленій для даннаго матеріала, Г. А. указалъ ихъ два: 1) Для установленія тожества довольствуются пока созвучіемъ безъ точнаго пріуроченія къ мѣстности: ибо названія одинаковыя могли повторяться по крайней мѣрѣ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ древней Арменіи (такъ, было три области Варажнуник'), причемъ рядъ топографическихъ названій съ юга Арменіи повторялся на сѣверѣ ея. Эти повторенія могутъ указывать на переселеніе народа съ юга на сѣверъ. 2) Разсматривая извѣстныя намъ топографическія названія древней Арменіи въ связи съ исторіею разноплеменныхъ вліяній въ странѣ, начиная съ эпохи Урартійцевъ и до VII в. по Р. Х., т. е. до появленія въ Арменіи Арабовъ,—докладчикъ выдѣлилъ въ этихъ названіяхъ ряды суффиксовъ, или окончаній, съ цѣлью опредѣлить происхожденіе ихъ и, по возможности, время ихъ упо-

требленія. Таковы суффиксы: а) *урартскіе* (а, na, ni, li, ri); б) *греческіе (τις, ενη, οι, εια);* в) *спеціально армянскіе* (к', ик', уник', цик' ран, отн, овит, дзор, ћор, шэн, берд, гет и др.); *иранскіе* (керт, шат, аван, апат, стан, кан и акан). Выдѣляя отдѣльныя группы названій—однѣ по значенію ихъ, если ихъ можно объяснить изъ армянскаго, греческаго или персидскаго языка, другія по окончаніямъ—и распредѣляя ихъ по эпохамъ, мы приготовимъ надежный матеріалъ для сравненія. При самомъ ходѣ разсужденія, Г. А., пользуясь этимъ принципомъ, привелъ, между прочимъ, извѣстныя уже сближенія греческихъ названій съ древне-армянскими (армянская письменность восходитъ лишь къ V в. нашей эры, но пребываніе армянъ на почвѣ Арменіи засвидѣтельствовано уже въ VI в. до Р. Х. надписью Дарія и греческими писателями, начиная съ Гекатея). Отчасти на основаніи тѣхъ же принциповъ Г. А. привелъ отъ себя рядъ новыхъ сближеній топографическихъ названій надписей съ таковыми же названіями у армянскихъ писателей. Перейдя къ Ванскому озеру, Г. А. привелъ семь его названій (съ V по VIII вв.), съ лингвистическими и историческими объясненіями, а именно: „море" Бзунійское, Рштуник'ское, Васпураханское, Ахтамарское, Арчэшское, Ванское, Тоспское; прослѣдилъ указанія объ измѣненіяхъ очертаній береговъ озера (преобладающее повышеніе воды, затопленіе береговъ, съ постепеннымъ отдѣленіемъ отъ нихъ острововъ); привелъ названія острововъ и время упоминанія ихъ у армянскихъ писателей; особо отмѣтилъ положеніе и названія нѣсколькихъ важныхъ пунктовъ по побережью и вблизи его.

М. В. Никольскій, сочувственно относясь къ попыткѣ Г. А—ча поставить вопросъ о сближеніи собственныхъ именъ на методическую почву, сообщилъ, что имъ съ своей стороны уже начатъ трудъ классификаціи, по мѣстностямъ и нарѣчіямъ, собственныхъ именъ лицъ и мѣстъ въ анналахъ ассирійскихъ царей, но разработка этого матеріала, и по его мнѣнію, можетъ быть съ успѣхомъ сдѣлана только совокупными силами лингвистовъ, входящихъ въ составъ Вост. Коммиссіи.

Архим. Арсенъ Клитчянъ прочелъ о древнемъ городѣ Astuhini (Астахана). Извѣстный урартскій царь VIII в. до Р. Х. Аргишти, проникнувъ изъ долины Аракса въ долину рѣки Ахуріани, завоевалъ въ странѣ Этіуни два города: Ахуріани и Астухини и воздвигъ въ послѣднемъ крѣпость (Никольскій, Клинообр. надписи Закавказья, 92) Съ этимъ городомъ Астухини Саракамышской надписи, о. Арсенъ предложилъ отожествить нынѣшнюю татарскую деревню Астахана, или Астаханэ, которая прежде, когда была населена армянами, называлась Астехани, и лежитъ при впаденіи Арпачая въ Карсъ-чай, т. е. въ древній Ахурянъ. Завоевавъ долину, Аргишти поставилъ въ господствующихъ пунктахъ ея укрѣпленія: на сѣверѣ—въ Гавлиджѣ (25 верстъ отъ Астахана), на юго-востокѣ въ Гулиджанѣ (13 верстъ отъ Астахана)—какъ свидѣтельствуютъ надписи въ обоихъ мѣстахъ, и, повидимому, выше Гулиджана — въ Кипчахѣ, гдѣ о. Арсенъ указалъ развалины крѣпости, подобныя тѣмъ, какія встрѣчались близъ клинообразныхъ надписей. Въ самомъ Астаханѣ также есть остатки древней крѣпости.

При обсужденіи этого и предыдущаго доклада указывалось, между прочимъ, на примѣры осмысливанія народомъ древнихъ, непонятныхъ именъ; таковы формы: Сарарадъ (саръ-гора), Айраратъ (айръ-отецъ), армянское Астехани (=звѣзды) а татарское Астаханэ (=тихій домъ).

Въ засѣданіи **Археографической Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества** 6 ноября 1897 года В. И. Холмогоровъ прочелъ рефератъ „Къ вопросу о времени составленія писцовыхъ книгъ". Докладчикъ, съ помощью новооткрытыхъ имъ данныхъ, указалъ на слѣдующее важное обстоятельство въ исторіи составленія писцовыхъ книгъ. Въ послѣднихъ, въ редакціи 30-хъ годовъ XVII ст., часто встрѣчаются вставки позднѣйшаго времени. Это обстоятельство приводило въ недоумѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ и различно ими толковалось. Дѣло же объясняется просто: пожаръ уничтожилъ книги, и

онѣ составлялись вновь по черновымъ, причемъ позднѣйшія данныя тоже вставлялись, хотя въ заглавіи книги оставалась болѣе ранняя дата.—Вторымъ прочелъ свой рефератъ Н. П. Чулковъ „Архивныя данныя о Е. П. Хабаровѣ“.

Въ годичномъ засѣданіи той же коммиссіи 16 декабря 1897 г. (годичный отчетъ коммиссіи, читанный въ томъ же засѣданіи, помѣщенъ въ № 1 „Арх. Изв.“ за текущій годъ) читаны были слѣд. рефераты: В. М. Михайловскій прочелъ о первыхъ годахъ дѣятельности Парижской школы хартій. Очертивъ дѣятельность конгрегаціи Бенедиктинцевъ и указавъ ея значеніе въ образованіи школы хартій въ Парижѣ, референтъ перешелъ къ изложенію ближайшихъ обстоятельствъ, послужившихъ къ основанію послѣдней; выяснивъ задачи школы хартій при ея созданіи, референтъ представилъ краткій обзоръ исторіи школы до половины текущаго столѣтія, указавъ важнѣйшіе труды ея членовъ. Затѣмъ докладчикъ обрисовалъ громадное значеніе школы хартій для всей французской исторической науки, оттѣнивъ особенно то обстоятельство, что слушатели школы хартій не порываютъ съ ней связи, удаляясь для работы въ глухіе провинціальные города.—В. Э. Эйнгорнъ сдѣлалъ сообщеніе о случаяхъ намѣреннаго искаженія актовъ при ихъ изданіи. Отмѣтивъ то обстоятельство, что подобные случаи, къ сожалѣнію, далеко не рѣдкость въ прежнихъ изданіяхъ, какъ частныхъ, такъ и офиціальныхъ, референтъ привелъ подобный фактъ въ описаніи Черниговской епархіи преосв. Филарета: мѣсто въ письмѣ прихожанъ къ Л. Барановичу, въ которомъ они жалуются на нетрезвую жизнь своего протопопа, замѣнено указаніемъ на его болѣзнь. Конецъ засѣданія былъ посвященъ докладу гр. П. С. Шереметева о рукописныхъ собраніяхъ гор. Пскова. Референтъ въ особенности остановился на рукописяхъ Псковскаго Археологическаго музея и указалъ на важнѣйшія изъ нихъ. Докладъ гр. П. С. Шереметева представляетъ собою отчетъ о командировкѣ его коммиссіей для изученія рукописныхъ собраній г. Пскова.

Въ засѣданіи **той же Коммиссіи** 17 января 1898 г. Н. А. Рожковъ прочелъ докладъ „Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ“. Хотя писцовыя книги кажутся нѣкоторымъ изслѣдователямъ заслуживающими мало довѣрія, но, съ точки зрѣнія общей статистической теоріи, такой скептицизмъ представляется неумѣстнымъ. Писцовыя книги удовлетворяютъ главному требованію—точности отдѣльнаго наблюденія: писцы XVI вѣка не руководились только сказками, подаваемыми населеніемъ, но и мѣрили землю и провѣряли данныя сказокъ путемъ опроса и осмотра и по документамъ; земельныя мѣры были достаточно опредѣленны; гарантіями противъ злоупотребленій служили челобитья землевладѣльцевъ и участіе въ писцовой работѣ поповъ и крестьянъ-старожильцевъ; ошибки писцовъ, происходившія отъ недостатка землемѣрныхъ знаній, были также сравнительно не велики, такъ какъ уравновѣшивались ихъ опытностью и практической сноровкой. Полнота наблюденія была достаточная. Ошибки въ вычисленіяхъ, часто встрѣчающіяся въ писцовыхъ итогахъ, легко исправить, руководясь текстомъ описанія. Критика писцовыхъ книгъ должна быть направлена не на общіе ихъ теоретическіе недостатки, а на изученіе конкретныхъ условій составленія каждой писцовой книги въ отдѣльности.

Въ февральскомъ засѣданіи **Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ** дѣйствительнымъ членомъ С. А. Бѣлокуровымъ было сдѣлано сообщеніе „О греческихъ рукописяхъ московскихъ библіотекъ, похищенныхъ проф. Маттеи“. Изложивъ свѣдѣнія о Лейденской рукописи Гомера, проданной проф. Маттеи, равно какъ и свѣдѣнія о самомъ проф. Маттеи и его занятіяхъ въ Москвѣ, референтъ указалъ нѣсколько свидѣтельствъ какъ современниковъ, такъ и послѣдующаго поколѣнія о хищеніяхъ проф. Маттеи, именно Н. В. Карамзина въ „Письмахъ

русскаго путешественника", А. Ѳ. Малиновскаго на каталогѣ Синодальныхъ рукописей Аѳ. Скіады, П. А. Безсонова, О. М. Бодянскаго и С. П. Шевырева. Въ виду того, что эти свидѣтельства не для всѣхъ казались убѣдительными, референтъ обратился къ поискамъ въ заграничныхъ библіотекахъ греческихъ рукописей, похищенныхъ Маттеи. Въ Парижской и Мюнхенской библіотекахъ не нашлось рукописей, которыя были бы проданы имъ или о которыхъ можно бы думать, что онѣ ранѣе были въ Москвѣ; но въ Дрезденской библіотекѣ ихъ оказалось значительное количество. При содѣйствіи проф. Гебгардта, сообщившаго референту дополнительныя свѣдѣнія о греческихъ рукописяхъ Дрезденской библіотеки, свѣдѣнія, отсутствующія въ печатномъ каталогѣ ихъ, удалось вполнѣ доказать не только фактъ хищенія проф. Маттеи, но и изъ какой именно синодальной рукописи вырваны нѣкоторыя Дрезденскія рукописи. Изъ числа всѣхъ 52 рукописей, проданныхъ Маттеи, около 32 суть листы, находившіеся ранѣе въ рукописяхъ московскихъ библіотекъ, и относительно 12 изъ нихъ референту удалось уже доискаться, въ какой московской рукописи онѣ были ранѣе. Кромѣ того, относительно нѣсколькихъ цѣльныхъ рукописей Дрезденской библіотеки онъ собралъ свѣдѣнія, что онѣ ранѣе были въ Москвѣ. Проданныя Маттеемъ греческія рукописи нашлись еще: 1—въ Геттингенѣ, 1—въ Лейпцигѣ, 5—въ Лейденѣ. Референтъ привелъ также въ своемъ докладѣ нѣсколько примѣровъ, вполнѣ уличающихъ проф. Маттеи въ хищеніи изъ Московскихъ библіотекъ—Синодальныхъ и Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ засѣданіи **Общества Любителей Древней Письменности** 16-го января 1898 г. А. К. Бороздинымъ было сдѣлано сообщеніе: „Неизданные отрывки изъ сочиненій протопопа Аввакума". Среди сочиненій Аввакума важное мѣсто занимаютъ толкованія его на Священное Писаніе. Нѣкоторыя изъ такихъ толкованій были изданы Н. П. Субботинымъ. Существенныя дополненія къ нимъ даетъ сборникъ Императорской Публичной Библіотеки. О I. № 339, описанный И. А. Бычковымъ. По содержанію это сочиненіе касается разныхъ нравственныхъ обязанностей христіанина, любви къ Богу, къ ближнимъ, поста, молитвы и особенно брачныхъ добродѣтелей. Характеръ толкованій, какъ и всегда у Аввакума, отличается реализмомъ. Затѣмъ было прочитано секретаремъ общества письмо Н. В. Султанова къ графу С. Д. Шереметеву, отъ 3-го сентября 1888 года, о поѣздкѣ въ Угличъ. Авторъ письма сообщаетъ, между прочимъ, свои наблюденія надъ типами крестьянскихъ построекъ въ уѣздахъ: Ростовскомъ, Углицкомъ и Мышкинскомъ, надъ церквами Улейминскаго монастыря, и надъ наиболѣе интересными въ архитектурномъ отношеніи старинными постройками въ Угличѣ.

Въ засѣданіи **Археологическаго Института** въ Петербургѣ, 19 февраля, былъ доложенъ рефератъ члена-сотрудника П. Л. Гусева: „О Новгородской иконѣ свв. Бориса и Глѣба въ дѣяніяхъ".—Исторія иконъ въ дѣяніяхъ или въ чудесѣхъ мало изслѣдована. Впервые иконы въ дѣяніяхъ, по мнѣнію референта, мы находимъ въ мозаикахъ церкви Маріи Великой въ Римѣ, представляющихъ различные моменты земной жизни Богоматери.—И затѣмъ лишь въ минологіи Имп. Василія II-го (975—1025) мы имѣемъ изображенія мученій, подвиговъ и чудесъ святыхъ угодниковъ. Миніатюры и фрески подготовляли тотъ послѣдовательный рядъ рисунковъ, иллюстрирующихъ житія святыхъ, который потомъ получилъ названіе иконы въ дѣяніяхъ или чудѣсѣхъ. Но фрески или мозаики, посвященныя спеціальному изъясненію дѣяній святого, не могли быть многочисленны и представлять собою цѣльное житіе его, пока иконопись не перешла на дерево и не сократила размѣры фигуръ, чтобы взять на себя задачу, выполняемую до того времени миніатюрой. Только при оскудѣніи средствъ нѣкогда богатой Византіи, да въ нашей обильной лѣсами Руси, стала преобладать икона на деревѣ,—и тогда-то иконы Богоматери, Предтечи и святыхъ обычно являются съ дѣяніемъ. Изображенія

житій русскихъ святыхъ представляютъ особый интересъ, такъ какъ здѣсь предоставлялось больше свободы иконописцу - проявить въ кисти особенности русскаго иконописанія. Князья-мученики Борисъ и Глѣбъ были первыми святыми крещеной Руси. Въ честь ихъ строили много церквей,—нѣсколько такихъ было и въ Новгородѣ. Изъ древнихъ новгородскихъ борисоглѣбскихъ храмовъ уцѣлѣлъ лишь одинъ—въ Плотенскомъ концѣ, построенный на старой основѣ въ 1536 г. По описямъ XVIII в. въ церкви были двѣ иконы Бориса и Глѣба въ дѣяніяхъ. Въ послѣднее время, однако, въ храмѣ находилась только одна такая икона отъ 1545 г. (на ней изображены св. кн. Владиміръ посрединѣ и по бокамъ свв. Борисъ и Глѣбъ,—всѣ стоятъ прямо, во весь ростъ), другая же—дѣяній при себѣ не имѣла. По указанію Д. Чл. Арх. Института А. И. Никольскаго, лѣтомъ 1897 г. референтъ въ церковной кладовой отыскалъ старую иконную раму съ дѣяніями свв. князей. Икона сохранилась не въ первоначальномъ видѣ. Надписи надъ изображеніями первоначально были исполнены по золотому полю красною краскою, а впослѣдствіи закрашены желтою. Въ срединѣ рамы, гдѣ вставлена была икона, по краямъ—проведена грубо синей краской широкая полоса, прямо по живописи. На иконѣ есть признаки спеціально новгородскаго письма, какъ его опредѣляетъ Д. А. Ровинскій. Такъ, одежды украшены крестами и клѣтками, палаты просты и обведены неправильно, отъ руки; есть попытки представить зданіе въ перспективѣ; складки на одеждѣ пробѣлены, на лицахъ—подъ глазами вездѣ отмѣтины; поля наложены листовымъ золотомъ. По нѣкоторымъ признакамъ икону можно отнести къ XVI в. Всѣхъ рисунковъ на иконѣ 21. Житіе передано въ слѣдующихъ моментахъ: 1) Призва св. Владимеръ сына своего Бориса и повелѣ ему изыти съ вои противу печенеговъ; 2) Св. Борисъ идетъ на печенѣговъ и св. Борисъ молится на пути въ шатрѣ; 3) Шедшу ему и не обрѣтѣ врагъ своихъ и возвратися вспять; вѣстникъ пріиде, сказа смерть отца его; 4) Святый Борисъ разливашеся слезами и плакаше горко о смерти отца своего; 5) Везше святаго Владимера на санехъ и поставиша во церкви святыя Богородица; 6) Святополкъ посылаетъ убійцъ на св. Бориса; 7) Заклаша копіемъ св. Бориса, 8) Второпѣ выскочи изъ шатра своего и воздѣвъ руки нача молити и; единъ отъ губитель притекъ удари его въ сердце; 9) Положиша святаго Бориса въ Вышегородѣ; 10) Св. Глѣбъ принимаетъ письмо Святополка; 11) Поѣха святый благовѣрный князь Глѣбъ со своими вои и повреди ему ногу конь; 12) Святаго Глѣба срѣтоша посланніи убійцы и заклаша; 13) Святый Глѣбъ въ пустынѣ поверженъ при двѣма кладивыма; 11) Недоволенъ Святополкъ убійствомъ, посла на третьяго брата Святослава, и того, бѣжащаго въ Угры, убиша въ угорстѣй горѣ; 15) Собра Ярославъ множество вой поиде на Святополка; 16) Благовѣрный князь Ярославъ побѣди Святополка съ вои своима; 17) „Побѣже Святополкъ въ пустыню межю Чехы и Ляхы“ и „Вези мощи святаго Глѣба въ Вышегородъ“; 18) Положиша тѣло св. Глѣба въ Вышегородѣ, идѣже тѣло святаго Бориса; 19) Перенесеніе мощей св. великомуч. Бориса и Глѣба въ новую церковь.—Г. Гусевъ для сравненія иконы Бориса и Глѣба пользовался датированною иконою тѣхъ же святыхъ XVI в. и миніатюрами XIV в.

Референту сдѣлалъ замѣчанія директоръ института, проф. Николай Васильевичъ Покровскій.—Г. Гусевъ упустилъ изъ вниманія болѣе раннія свидѣтельства о иконахъ въ житіи, относящіяся къ IV в. Западный церковный писатель этого вѣка Павлинъ Ноланскій самъ построилъ нѣсколько церквей и украсилъ ихъ священ. изображеніями, относящимися отчасти къ исторіи ветхаго завѣта, отчасти новаго, частію же къ житію и страданіямъ святыхъ (Paul. Nol. epist. XXII ad. Sever. Migne S. 1 t. LXI, col. 339).—Изъ писателей восточныхъ съ особенною ясностію говоритъ объ этомъ предметѣ св. Григорій Нисскій въ похвальной рѣчи муч. Ѳеодору. Указавъ на церковь, построенную въ честь этого святого, онъ описываетъ ея украшенія слѣд. образомъ: „въ ней художникъ разсыпалъ цвѣты искусства: геройство мученика, его твердость въ страданіяхъ, дикихъ звѣрей, пламенную пещь и проч. Все это живописецъ изобразилъ какъ

въ книгѣ, которая ясно говоритъ самыми художественно-расположенными красками, и весь храмъ сталъ подобенъ цвѣтущей нивѣ" Greg. Nyss. Opera. Orat. cotin. laudes s. mart. Theodori, t. III, p. 579, ed. 1638).—Что касается до мозаикъ церкви Маріи Великой въ Римѣ, то въ нихъ не слѣдуетъ видѣть иконъ въ дѣяніяхъ. Главнѣйшимъ и первымъ источникомъ, изъ котораго вышли такія иконы, должно признать лицевыя рукописи, или миніатюры. Кромѣ минологія имп. Василія II-го, референту слѣдовало бы обратить вниманіе на два манускрипта (почти тождественные въ отношеніи миніатюръ. Отличія указаны въ соч. проф. Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ пам. иконографій", стр. L) бесѣдъ монаха Іакова,—одинъ въ ватиканской библіотекѣ, другой въ національной парижской. Авторъ этихъ бесѣдъ, — монахъ Киновафскаго монастыря Іаковъ, жившій, по наиболѣе принятому мнѣнію ученыхъ издателей его сочиненій, въ XI в.,— въ эпоху собиранія житій святыхъ, монастырскихъ и богослужебныхъ уставовъ, собралъ воедино разсѣянныя въ разныхъ памятникахъ древней письменности преданія о Богоматери, начиная съ зачатія ея до Рождества Хр. и изложилъ ихъ въ формѣ ораторскихъ словъ. Въ томъ же XI в. неизвѣстный художникъ превосходно иллюстрировалъ текстъ этихъ словъ. И эта крупная художественная работа не могла пройти безслѣдно въ исторіи византійскаго искусства и иконографіи. Съ этими миніатюрами должно поставить въ связь сходные съ ними по характеру и близкіе по времени (XI—XII вв.)—циклы изображеній событій изъ жизни Богоматери въ мозаикахъ и фрескахъ храма Спасителя въ Константинополѣ, Кіево-печерскомъ соборѣ, соборѣ Псково-Мирожскаго монастыря. Коль скоро сказанія о Богоматери получили значительную распространенность въ средѣ книжныхъ людей,—то переводъ ихъ на стѣны храмовъ былъ дѣломъ вполнѣ естественнымъ и легкимъ при наличности миніатюръ. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ о томъ, будто у грековъ, на ряду съ иконами металлическими и мозаическими, не было иконъ на деревѣ. Правда, онѣ употреблялись гораздо рѣже, чѣмъ въ Россіи, но все-таки деревянная икона имѣетъ весьма продолжительную исторію. Икону Бориса и Глѣба, разбираемую г. Гусевымъ, трудно сравнить съ датированною борисоглѣбскою иконой XVI в., но ее слѣдуетъ сличить съ миніатюрою, помѣщенной у Срезневскаго. Не мѣшало бы также референту побольше остановиться на самобытныхъ чертахъ нашей иконографіи, выразившихся на иконѣ Бориса и Глѣба въ изображеніи одеждъ и т. п.—Далѣе слѣдовалъ рефератъ слуш. института В. В. Жерве: „Двинскій военный соборъ".

V.

Библіографія.

Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая Археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Сочин. д-ра Любора Нидерле, профессора Чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціею Д. Н. Анучина. С. Петербургъ 1898 г.

Вышедшій недавно въ русскомъ переводѣ трудъ чешскаго профессора Любора Нидерле представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ русскую археологическую литературу. Онъ выполняетъ собою давно уже сознававшійся недостатокъ въ руководствѣ по древностямъ т. наз. доисторической эпохи, которое знакомило бы читателя съ современнымъ состояніемъ археологической науки на Западѣ и съ научною классификаціей археологическаго мате-

ріала по извѣстнымъ культурнымъ эпохамъ, въ особенности важнымъ для насъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ характерныхъ фактахъ этихъ эпохъ проявляется связь съ археологическими фактами, добытыми на почвѣ Россіи. Названная книга, представляющая весьма объемистый томъ съ 459 рисунками въ текстѣ, появилась на чешскомъ языкѣ въ 1893 г., подъ заглавіемъ „Lidstro v době predhistoricke“, но для русскаго изданія авторомъ сдѣланы многія дополненія и поправки, и, кромѣ того, редакція перевода дополнила также текстъ своими примѣчаніями. Особенно важное значеніе труда г. Нидерле для русскихъ читателей заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что авторъ подробно останавливается на археологіи славянъ и въ особенности—чеховъ. Знакомство русскихъ археологовъ съ современными работами славянскихъ ученыхъ и въ особенности чешскихъ, въ той же области, мы считаемъ весьма важнымъ условіемъ для успѣшной разработки многихъ вопросовъ въ русской археологіи, какъ, напр., вопроса о характерныхъ признакахъ русско-славянскихъ погребеній, объ ихъ датировкѣ и т. п. Вотъ почему мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе уважаемаго редактора перевода относительно выбора настоящаго сочиненія для русскаго изданія, мнѣніе, выраженное имъ, въ его предисловіи, въ такихъ словахъ: „Попытки соединить, говорилъ г. Анучинъ, въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточною, связать древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соотвѣтственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра, можно было ожидать всего скорѣе отъ изслѣдователя изъ западныхъ славянъ, который соединялъ бы въ своемъ лицѣ нѣмецкую эрудицію съ знаніемъ славянскихъ языковъ и древностей и былъ бы знакомъ ближе съ современнымъ состояніемъ русской археологіи. Такой изслѣдователь, дѣйствительно, и нашелся въ лицѣ профессора пражскаго (чешскаго) университета доктора Любора Нидерле, давно уже занимавшагося антропологіей и археологіей, хорошо знакомаго съ древностями своей родины, Австро-Венгріи, равно какъ съ литературой и музеями Западной Европы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомившагося обстоятельно и съ доисторическими древностями Россіи, какъ путемъ изученія русской археологической литературы, такъ и главнѣйшихъ русскихъ музеевъ, обстоятельно осмотрѣнныхъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ“. Само собою разумѣется, что мы не въ правѣ требовать отъ автора книги слишкомъ детальнаго знакомства съ разработкою разнаго рода вопросовъ русской доисторической археологіи, о чемъ авторъ книги и самъ весьма скромно заявляетъ, но тѣмъ не менѣе и въ этой области мы находимъ систематированную сводку наличнаго археологическаго матеріала, имѣющагося въ русской научной литературѣ. Болѣе точная систематизація быстро накопляющихся фактовъ представляетъ уже спеціальную задачу для русскихъ археологовъ, для которыхъ иногда новая археологическая находка можетъ видоизмѣнить только-что сложившуюся теорію. Мы думаемъ, что дальнѣйшія археологическія изслѣдованія, быть можетъ, откроютъ болѣе связи съ западными славянскими могильниками, и вообще съ культурой Запада. Мы не

будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ русской доисторической археологіи, какъ, напр., вопросъ о крашеныхъ костяхъ, встрѣчаемыхъ въ курганахъ Южной Россіи, или вопросъ объ этнографическомъ характерѣ населенія, оставившаго свои погребальные курганы въ поволжскихъ губерніяхъ,—все это заставило бы насъ раздвинуть чрезмѣрно рамки нашей замѣтки. Мы предполагаемъ сказать лишь нѣсколько словъ объ изложеніи автора и о научной классификаціи обширнаго матеріала, вошедшаго въ составъ его сочиненія.

Въ введеніи проф. Нидерле знакомитъ читателя съ значеніемъ доисторической археологіи, ея связью съ антропологіей и исторіей, ея развитіемъ, приводя подробныя указанія на литературу. Затѣмъ авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части: *періодъ дометаллическій* и *эпоху металловъ*, и каждую часть на нѣсколько главъ. Свое изложеніе авторъ начинаетъ съ краткаго обзора геологическихъ измѣненій земной поверхности, послѣдовавшихъ ранѣе появленія на ней человѣка, знакомитъ затѣмъ съ новѣйшими теоріями о происхожденіи человѣка и его древности, и особенно подробно останавливается на ледниковомъ періодѣ и палеолитической эпохѣ человѣческой культуры. Въ изложеніи неолитической эпохи авторъ систематически описываетъ ея остатки, каковы, напр., кухонныя кучи, слѣды жилищъ, могилы, свайныя постройки, и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ описаніемъ племенъ, населявшихъ Европу въ періодъ каменнаго вѣка. „Эпоха металловъ“ начинается объясненіями автора о значеніи металловъ для исторіи культуры, послѣ чего слѣдуетъ описаніе мѣднаго и бронзоваго вѣковъ; при этомъ авторъ приводитъ весьма систематическій обзоръ памятниковъ даннаго періода въ разныхъ странахъ. Къ этой же эпохѣ авторъ относитъ и развитіе торговли янтаремъ, добывавшимся на берегахъ Балтійскаго моря. Въ описаніи памятниковъ и погребеній, относящихся къ желѣзному вѣку, авторъ особенно останавливается на области западныхъ славянъ, а также разсматриваетъ подробно могильники и курганы Россіи, классифицируя по даннымъ русской археологіи. Въ главѣ, посвященной древнѣйшему желѣзному вѣку, авторъ приводитъ подробную характеристику Гальштатской культуры и опредѣляетъ границы ея распространенія. Латенская культура разсматривается авторомъ въ отдѣлѣ, посвященномъ расцвѣту желѣзнаго вѣка, послѣ чего авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію римской культуры на сѣверѣ Европы. Особое вниманіе обращено авторомъ на эпоху великаго переселенія народовъ, содѣйствовавшаго появленію новыхъ типовъ вещей и ихъ дальнѣйшему развитію. Отъ эпохи викинговъ авторъ переходитъ къ славянамъ и обстоятельно описываетъ сохранившіяся памятники ихъ культуры, особенно городища и могилы, вводя въ это описаніе и характеристику русскихъ языческихъ погребеній. Картина желѣзнаго вѣка у славянъ заканчивается описаніемъ торговли съ арабами и появленіемъ христіанства. Послѣдняя глава книги, носящая заглавіе „Европейскія племена въ концѣ доисторической эпохи“ — представляетъ антропологическія данныя для выясненія и сравненія первоначальныхъ типовъ германцевъ и

славянъ. Такова въ общихъ чертахъ система изложенія обширнаго матеріала современной доисторической археологіи. Что касается самого изложенія, то нельзя не оцѣнить объективнаго и весьма осторожнаго отношенія автора къ разнаго рода теоріямъ, существующимъ въ западной археологической наукѣ; простымъ сопоставленіемъ этихъ теорій авторъ даетъ свободу читателю самому критически отнестись къ нимъ, изрѣдка только помогая ему въ этомъ дѣлѣ своими замѣчаніями. Обиліе матеріала весьма естественно заставляетъ автора держаться сжатаго изложенія, что однако не отражается на ясности и точности описаній и характеристикъ. Являясь солиднымъ руководствомъ по археологіи, книга проф. Нидерле можетъ служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, справочной книгой для всякаго интересующагося русскими доисторическими древностями; особенно важное значеніе имѣетъ, по нашему мнѣнію, помѣщенная въ концѣ книги библіографія, которая даетъ литературныя указанія по каждому крупному археологическому вопросу. Приложенъ также алфавитный указатель, облегчающій справки. За достоинство перевода говоритъ уже имя переводчика (извѣстнаго этнолога, члена Парижскаго Антропологическаго Общества и одного изъ сотрудниковъ журнала „L'Anthropologie“), а равно и имя редактора, мѣстами дополнившаго текстъ своими примѣчаніями. *В. С.*

Отчетъ Городецкаго музея, Волынской губерніи, бар. Ѳ. Р. Штейнгель. Составилъ Н. Бѣляшевскій. Варшава. 1898 г.

Брошюра заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о возникновеніи музея, его задачахъ и планѣ, согласно съ которыми, музей распадается на отдѣлы: естественно-историческій, географическій, антропологическій, археологическій и этнографическій. Особый отдѣлъ составляетъ—библіотека, куда собирается какъ рукописный, такъ и печатный матеріалъ по исторіи Волыни, дѣятелей ея и уроженцевъ и т. п. Затѣмъ идетъ отчетъ за 1896—97 года, въ которомъ обстоятельно описаны предметы, книги, рукописи, рисунки, карты и т. д., поступившіе въ музей за отчетное время.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за мартъ и апрѣль 1898 г.

Отчетъ Воронежской Публичной Библіотеки и ея отдѣленій имени А. В. Кольцова и П. С. Никитина за 1897 г. Воронежъ. 1898.

А. И. Яцимирскій. Повѣсть о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ въ изслѣдованіи румынскаго ученаго. Спб. 1897.

Его же. Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ. М. 1898.

Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. I, вып. 2. Спб. 1897.

Т. Флоринскій. Лекціи по Славянскому языкознанію, т. I. Кіевъ. 1895.

Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи за 1897 г. Рязань. 1898.

Десятилѣтіе Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи (9 декабря 1887—1897 г.). Оренбургъ. 1898.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 3. Оренбургъ. 1897.

Десятилѣтіе Харьковской Общественной Библіотеки (26 сентября 1886—1896 г.). Харьковъ. 1898.

Ученыя записки Импер. Казанскаго Университета. Годъ 65. Кн. 3 и 4. Казань. 1898

Памятная книжка и адресъ-календарь Уральской области на 1898 г. Саратовъ. 1898.

Журналъ Засѣданія Уральскаго Областнаго Статистическаго Комитета. 20 января 1898.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1898. Февраль, мартъ, апрѣль.

Извѣстія Импер. Академіи Наукъ, т. VIII, № 3. Мартъ, 1898. Спб.

А. С. Хахановъ. Очерки по исторіи Грузинской словесности. Вып. 2. М. 1897.

Годичный актъ въ Петербургской Духовной Академіи въ 1898 г. Спб.

Журналы засѣданій Совѣта Петербургской Духовной Академіи за 18⁹¹/₉₂ учебный годъ. Спб. 1897.

Пятидесятилѣтнее существованіе Астраханской Общественной Библіотеки. 1838—1888 г. Астрахань. 1890 г.

Отчетъ о состояніи Астраханской Общественной Библіотеки за 1895 г. Астрахань. 1896.

Тоже за 1896 г. Астрахань. 1897.

Каталогъ Астраханской Общественной Библіотеки. Астрахань. 1891.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 3. Оренбургъ. 1897.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Band. XXVIII, Heft 1. Wien. 1898.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Ташкентъ. 1897—98.

Rendiconto delle tornate e de lavori della Academia di Archeologia, Lettere e Belle Arti. Годъ XI, іюнь—декабрь. 1897 г. Napoli. 1898.

Ed. Piette et *J. de la Porterie*. Etudes d'ethnographic préhistorique. Fouilles à Brassempouy en 1896. Paris. 1897.

Národni Hlásnik. Ročnik XXI, Cislo 5, 6, 7, 8, 9 Turč. Sw. Martin. 1898.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив. 1898. Кн. 2. Москва.

Записки Крымскаго Горнаго клуба въ Одессѣ. 1898 г., №№ 1, 2, 3.

Записки Восточнаго Отдѣленія Импер. Русскаго Археологическаго Общества, т. X, вып. 1—4. Спб. 1897.

Записки Импер. Русскаго Археологическаго Общества, т. IX, вып. 1—2. Спб. 1897.

Чтенія о Святой землѣ; изданіе Императорскаго Палестинскаго Общества, вып. XLI, XLIV. Спб. 1898.

Сообщенія Импер. Правосл. Палестин. Общ. Декабрь, 1897 г. и т. VIII приложенія. Спб. 1898.

Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 43. Спб. 1898.

Отчетъ Церковно - Археологическаго Общ. при Кіевской Духовной Академіи за 1897 г. Кіевъ. 1898.

Karol Plage. Monety bite w Miedzi za panowania Stanislawa Augusta. Warszawa. 1897.

Филологическія Записки, годъ 37, вып. 5—6. Воронежъ. 1897.

L'Anthropologie, tome IX, № 1. Paris. 1898.

Отчетъ Одесской Городской Публичной Библіотеки за 1897 г. Одесса. 1898.

Отчетъ Городецкаго Музея Волынской губ., барона Ѳ. Р. Штейнгель за первый годъ 1897, составилъ *Н. Бѣляшевскій*. Варшава. 1898.

Notizie degli scavi di antichità, comunicate alla R. Accademia dei Lincei, Roma. Декабрь, 1897. Январь, 1898.

Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1897. Jurjew, 1898.

Журналъ засѣданія Костромской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи 26 августа 1897.

Тоже, 16 сентября 1897.

Е. О. Карскій. Западнорусское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI в. Варшава. 1898.

Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. 42. Тамбовъ. 1897.

А. Н. Неустроевъ. Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 г. и къ историческому розысканію о нихъ. Спб. 1898.

Его же. Литературные дѣятели XVIII. В. I. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Спб. 1896.

Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Ossolinianae Leopoliensis, t. III. Lwów. 1898.

С. Писаревъ. Историческое и географическое описаніе г. Смоленска. Смоленскъ. 1898.

Труды восьмаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Изд. Импер. Моск. Арх. Общ., т. IV. Москва. 1897.

Отчетъ о состояніи Маріупольской Маріинской женской гимназіи за 1897 г. Маріуполь. 1898.

Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XI. Eine verkürzte Version des Werkes von den Hunderttausend Nâga's. Helsingfors. 1898.

The Canadian Antiquarian and Numismatic Journal. Published by the Numismatic and Antiquarian Society of Montreal. April, 1898. Vol. I, № 2.

Труды Орловской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. 2, 1897.

Д-ръ *Люборъ Нидерле*. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898.

Памятная книжка Минской губерніи на 1898 г. Составилъ *А. П. Смородскій*. Изд. Минскаго Губ. Стат. Ком. Минскъ. 1898.

Отчетъ о дѣятельности Ярославской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи за 1897 г. Ярославль. 1898.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи, т. I, вып. 1 и 2. 1898.

Памяти архіепископа Саввы, епископа Амфилохія, проф. Павинскаго и гр. Толстаго. Изд. Имп. Моск. Арх. Общ. Москва. 1898.

Ученыя Записки Импер. Юрьевскаго Университета. Юрьевъ. 1897, № 4.

Извѣстія Импер. Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1897, т. XXXIII, вып. 4.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ., т. X, вып. 2. Тифлисъ. 1898.

Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета. 1898 г. Февраль. Казань.

Slovenské Pohľady. Časopis zábavno poučný. Ročník XVIII, Sošt 3, 4. V. Turčianskom sv. Martine. 1898.

Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, кн. 132, ч. 48. U Zagrebu. 1897.

Извѣстія Импер. Академіи Наукъ, т. VIII, № 1, 2. Спб. 1898.

Deutsche Litteraturzeitung. 1898, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Описаніе рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки, вып. 3. Вильна. 1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

1898 г. №№ 5—6.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

О нѣкоторыхъ змѣевикахъ, энколпіонахъ и образкахъ, найденныхъ въ Кіевской губерніи и вообще на югѣ Россіи.

I.

У кіевскаго собирателя русскихъ древностей великокняжескаго періода, Виктора Евгеніевича Гезѐ мнѣ привелось видѣть два мѣдныхъ змѣевика съ нѣкоторыми отличіями отъ изданныхъ доселѣ, проливающими нѣкоторый свѣтъ на значеніе этихъ загадочныхъ памятниковъ древности. Одинъ изъ нихъ, съ отломленнымъ съ одной стороны краемъ,—такой же величины и съ такими же изображеніями, какъ и на экземплярѣ, изданномъ графомъ И. И. Толстымъ въ его изслѣдованіи „О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣевиками“ [1]): на одной сторонѣ изображена Богородица съ Богомладенцемъ на лѣвой рукѣ, а на другой — человѣческая фигура съ 12-ю змѣями вокругъ нея. Особенности экземпляра г. Гезѐ состоятъ въ томъ, что послѣдній отличается болѣе тщательною и изящною отдѣлкою и имѣетъ вокругъ Богородицы,

[1]) С.-Петербургъ, 1888 г., табл. XVII, № 2.

на бордюрѣ, греческую надпись, отъ которой сохранились слѣдующія слова: *ηθη δουλων αθωνας* (т.-е. Богородице, *помоги рабу Аѳанасію*). Съ правой стороны Богородицы чуть видны надписи: м̃. ѳ̃. іс̃. хс̃. Экземпляръ этотъ имѣетъ, такимъ образомъ, именной характеръ и всѣ признаки корсунскаго производства.

Замѣчательнѣе другой змѣевикъ въ собраніи того же г. Гезѐ, найденный въ землѣ, въ Каневскомъ уѣздѣ. Это—уже русское произведеніе. На лицевой сторонѣ его изображенъ архангелъ Михаилъ впрямь, поражающій змѣя, съ надписью кругомъ: **СТ. МИХА҇ЛЕ ВЕЛІКІ ПРОЖЕНИ ТЫ ЧЕЛ҇К ВПАДИНУ.** На другой сторонѣ — 12-тиглавый змѣй вокругъ человѣческаго лица, съ круговою надписью: **ГО. ПОМ. І ПоМ҇Л СІ ЧЕЛЕКА Р. С. НАРЕЧЕНЕВО ЗОСИИ.** Наибольшее сходство онъ представляетъ съ описаннымъ и переизданнымъ у графа И. И. Толстаго подъ № 4 [2]), но меньше послѣдняго по объему, закрывая собою послѣдній (если наложить на него) только до бордюра. Да и текстъ надписей обоихъ змѣевиковъ представляетъ большое сходство, въ силу котораго можно было бы прочитать на послѣднемъ, по подлиннику, не вполнѣ прочитанныя графомъ Толстымъ надписи. На основаніи неточнаго снимка съ него, мы продолжаемъ чтеніе этихъ надписей такимъ образомъ: на лицевой сторонѣ—**СТЕ МИХАИЛЕ ВЕЛИКІ СОНИМІ** (т.-е. сними) **С Т(РУД)НА ЧЕЛКА...** (вѣроятно, какую-то болѣзнь); на оборотной—**Г. ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕІ ІЛІСАВЕ НАРЕЧЕН ВО КР...** (слѣдуетъ какое-то христіанское имя). Оба эти змѣевика обращаются съ одинаковыми молитвами къ архангелу Михаилу и ко Господу о прогнаніи отъ человѣка „впадины“, т.-е. напасти, или снятіи съ „труднаго“ (больного) человѣка какого-то недуга, и слѣдовательно имѣютъ бытовое значеніе,—врачебное или, по крайней мѣрѣ, предохранительное, и оба имѣютъ именной характеръ, т.-е. заказаны или, по крайней мѣрѣ, надписаны частными лицами, съ опредѣленными именами.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что на змѣевикѣ, переизданномъ у графа Толстаго якобы съ именемъ **Данъ**, подавшимъ поводъ къ хитроумнымъ аллегорическимъ толкованіямъ [3]), эту надпись нужно читать не на̀-крестъ, а обычнымъ на змѣевикахъ порядкомъ, или сверху внизъ, или кругомъ отъ лѣвой руки къ правой,—и тогда будетъ не **Данъ**, а *Анъд*, т.-е. Андрей. Это—лишь одинъ изъ многихъ именныхъ змѣевиковъ.

---

[2]) Тамъ же, стр. 17, № 4.
[3]) Тамъ же, стр. 11 и 23, № 19.

II.

Весьма большой интересъ представляетъ почти одновременно произведенная въ прошломъ году находка двухъ половинокъ одного и того же бронзоваго большого энколпіона съ изображеніями и надписями, выполненными разноцвѣтною эмалью. Правда, подобные мѣдные эмальированные энколпіоны не безызвѣстны были и до настоящаго времени. Такъ, въ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ Н. А. Леопардова" изданы двѣ половинки подобнаго бронзоваго эмальированнаго энколпіона: одна, принадлежащая церковно-археологическому музею при кіевской духовной академіи и найденная въ предмѣстьи гор. Полтавы на полутороаршинной глубинѣ; а другая оборотная, находящаяся въ частномъ собраніи профессора В. Б. Антоновича, найденная въ мѣст. Бѣлогородкѣ, Кіевскаго уѣзда [4]). На лицевой сторонѣ части принадлежащей музею духовной академіи, почти во всю вышину, ея изображенъ распятый Спаситель, а на верхнемъ и поперечныхъ концахъ — по одной головкѣ неизвѣстныхъ святыхъ. На изображеніи распятаго Спасителя сохранились тончайшія серебряныя жилки, обозначающія эскизъ тѣла, одежды и нимба Спасителя и служащія характеристическимъ признакомъ перегородчатыхъ эмалей, тогда какъ изображенія на боковыхъ медальонахъ сдѣланы не перегородчатою, а выемчатою эмалью, т.-е. въ ячейкахъ или гнѣздахъ, сплошь наполненныхъ разноцвѣтнымъ смальтомъ. Надъ главою Спасителя — надпись греческимъ шрифтомъ: *Іс. Хс.* Оборотная сторона вся выполнена была выемчатою разноцвѣтною эмалью. Въ срединѣ былъ медальонъ, не сохранившійся до настоящаго времени; по четыремъ концамъ креста — по меньшему медальону, съ андреевскимъ крестикомъ въ каждомъ изъ нихъ. Повидимому, экземпляръ этого энколпіона, судя по описанію, находится въ собраніи графини П. С. Уваровой въ Порѣчьи [5]). Очевидно, такою же выемчатою эмалью, но совершенно выкрошившеюся, украшенъ былъ маленькій бронзовый крестикъ, съ ячейками и желобками, найденный въ с. Братской Борщаговкѣ близъ Кіева и находящійся теперь въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи [6]). Къ этому же разряду крестиковъ, по техникѣ нужно отнести мѣдный крестикъ, съ обѣихъ сторонъ укра-

---

[4]) «Сборникъ», Н. А. Леопардова, вып. 3 — 4, таблица 1, № 1; и серія 2, вып. 1, табл. 1, № 3.

[5]) «Исторія и памятники византійской эмали», Н. П. Кондакова. С.-Петербургъ, 1892 г., стр. 173 и 174.

[6]) «Сборникъ», Н. А. Леопардова, серія 2, вып. 1, табл. 1, № 4.

шенный узорами выемчатою эмалью бѣлаго, краснаго, зеленаго и лиловаго цвѣтовъ и найденный у г. Кіева. Онъ находится въ коллекціи г. Гезè [7]). Но обо всѣхъ этихъ энколпіонахъ и крестикахъ нельзя сказать рѣшительно, чтобы они были русскаго производства. А между тѣмъ тотъ энколпіонъ, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, представляя лучшій въ техническомъ отношеніи образецъ выемчатой разноцвѣтной эмали на бронзѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ на себѣ несомнѣнные признаки своего русскаго происхожденія. Онъ находится теперь въ собраніи кіевскаго любителя и собирателя древностей, Богдана Ивановича Ханенка.

Рис. 1.
Лицевая сторона энколпіона.

Лицевая сторона этого энколпіона найдена въ м. Бѣлой Церкви, Васильковскаго у., Кіевской губерніи. На ней въ среднемъ медальонѣ, въ центрѣ энколпіона, изображена глава Спасителя, изъ-за которой виднѣются концы креста. Въ медальонахъ по сторонамъ, на концахъ перекрестья, изображены Богоматерь и Іоаннъ Богословъ, а вверху и внизу—архангелы Михаилъ и Гавріилъ *). Надъ Спасителемъ помѣщена,

7) «Указатель выставки Кіевскаго Общества древностей и искусствъ 1897 г.». Кіевъ, 1897 г., стр. 61, № 7.

*) По замѣчанію графини П. С. Уваровой, видѣвшей крестъ въ Кіевѣ и доставившей редакціи прилагаемые съ него снимки, въ изображеніи на правой сторонѣ слѣдуетъ

на бѣломъ фонѣ, надпись, относящаяся впрочемъ къ изображеніямъ всего перекрестья, а именно: **ІІЄ ΘΥ. ІС ХС. ІѠ.** Другая подобная надпись, относящаяся къ архангеламъ, помѣщена подъ главою Спасителя, а именно: **МИХАИЛ, ГАВРИЛ.**

Оборотная сторона энколпіона найдена въ селѣ Мотовиловкѣ, того же Васильковскаго у., въ полѣ. Разломъ массивнаго ушка на обѣихъ половинкахъ энколпіона совершенно сходится и тѣмъ показываетъ, что обѣ онѣ принадлежатъ одному и тому же экземпляру. На оборотной

Рис. 2.
Оборотная сторона энколпіона.

сторонѣ—тоже пять медальоновъ, съ ликами святыхъ: одинъ бóльшій въ срединѣ и по одному меньшему на четырехъ концахъ. Надъ центральнымъ медальономъ помѣщена слѣдующая надпись, относящаяся

видѣть не ликъ Іоанна Богослова, а—Іоанна Крестителя. Болѣе преклонные годы, рѣдкіе, но длинные власа, рѣдкая борода, традиціонное наклоненіе головы—все говоритъ, что здѣсь изображенъ І. Предтеча. Подобное замѣщеніе лика Іоанна Богослова ликомъ Крестителя по обѣимъ сторонамъ креста подтверждаетъ, по мнѣнію графини, еще болѣе взглядъ, высказанный авторомъ, что энколпіонъ этотъ—произведеніе русскаго мастера, который, въ тѣ отдаленные времена, могъ и не быть настолько знакомымъ съ греческой иконографіей, чтобы разобраться въ изображеніяхъ святыхъ, носящихъ одно и тоже имя. *Прим. Ред.*

какъ къ нему, такъ и къ боковымъ медальонамъ: **НАТАСА, ОЛЕНА, СЕМОНЪ**. На центральномъ медальонѣ—мужской ликъ; слѣдов., это—Симеонъ; налѣво отъ него—женская головка въ діадемѣ, вѣроятно, св. царица Елена; направо, должно быть, Анастасія. Между центральнымъ и нижнимъ медальонами—другая надпись, относящаяся къ верхнему и нижнему медальонамъ, съ двумя именами. Первое изъ нихъ трудно прочитать, вѣроятно, вслѣдствіе искаженія имени или самой надписи: повидимому, читается имя **ОѴѮЕНТНОС** (Авксентій) [8]; но другое имя ясно читается **ДАМНАЪ**. Очевидно, энколпіонъ имѣлъ семейный характеръ, т.-е. заказанъ былъ извѣстнымъ семействомъ, съ изображеніемъ святыхъ покровителей каждаго члена семьи. Въ центрѣ, конечно, изображенъ святой покровитель главы семьи; справа — ангелъ жены, слѣва, а также вверху и внизу — ангелы дѣтей. Замѣчательно, что чѣмъ ниже спускается эта родословная лѣстница отъ главы семьи къ младшимъ членамъ ея, тѣмъ моложавѣе изображаются и лики святыхъ покровителей ихъ. Можно поэтому думать, что художникъ въ самыхъ ликахъ святыхъ хотѣлъ воспроизвести характеристическія, портретныя черты членовъ семьи. Во всякомъ случаѣ, оборотная сторона энколпіона какъ по надписямъ, чисто русскимъ, такъ и по композиція и выполненію представляетъ несомнѣнные слѣды русскаго происхожденія энколпіона. Въ этомъ отношеніи описываемый энколпіонъ имѣетъ большую аналогію съ извѣстною золотою діадемой, найденной въ Кіевѣ въ 1889 году въ Троицкомъ переулкѣ, на усадьбѣ Гребеновскаго, такъ какъ и эта послѣдняя, уклоняясь въ техникѣ отъ византійскихъ образцовъ, прямо допускаетъ иногда славяно-русскія имена, какъ, напр., **ПАКЬЛЪ**. Аналогія идетъ еще далѣе. Головка св. Елены на описываемомъ энколпіонѣ весьма похожа на двѣ женскія головки по концамъ золотой діадемы, относящейся къ половинѣ или концу XII вѣка [9]). Къ этому же вѣку долженъ быть отнесенъ и описываемый нами энколпіонъ.

Любопытно, что обѣ половинки одного и того же энколпіона найдены были на весьма значительномъ разстояніи одна отъ другой, опредѣляемомъ десятками верстъ. Это явленіе, по нашему мнѣнію, можно объяснять послѣдовавшимъ вскорѣ упадкомъ производства эмалей въ Южной Руси вслѣдствіе того, что она оторвана была дикими кочевниками отъ непосредственныхъ сношеній со своею учительницею Визан-

---

[8]) Во всякомъ случаѣ, это—мужское имя, такъ какъ соотвѣтствующее надписи лицо изображено безъ головного женскаго покрывала или убора.

[9]) «Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода». Н. П. Кондакова. Т. I. С.-Петербургъ, 1896 г., стр. 145—155 и табл. VIII. См. подобныя головки съ діадемами на серьгахъ изъ клада 1876 г., на усадьбѣ Лѣскова въ Кіевѣ, тамъ же, стр. 113—114 и табл. XV.

тіей, сама нерѣдко подвергалась ихъ набѣгамъ и постепенно упадала въ культурномъ отношеніи и бѣднѣла. Новыхъ изящныхъ произведеній эмалеваго искусства уже нельзя было и некому заказывать, а прежнія подобныя произведенія становились рѣдкими и еще болѣе драгоцѣнными и, при развѣтвленіи семействъ, раздѣлялись между ними на части, какъ дорогое родительское благословеніе. Вѣроятно, такимъ же образомъ раздѣленъ былъ на составныя части и описанный энколпіонъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о мѣдномъ образкѣ съ грубымъ полуварварскимъ изображеніемъ двухъ святыхъ, держащихъ находящійся между ними длинный крестъ, съ двухстрочною греческою надписью. Образокъ этотъ купленъ въ 1885 г. Т. В. Кибальчичемъ на кіевскихъ контрактахъ, въ контрактовомъ домѣ, у одного восточнаго человѣка, но выданъ былъ продавцомъ или покупщикомъ за найденный въ херсонесскихъ развалинахъ и оцѣнивался въ 400 рублей. Мы лично не видѣли этого образка въ подлинникѣ и имѣемъ представленіе о немъ только по бумажному оттиску, переданному г. Кибальчичемъ въ томъ же 1885 году въ церковно-археологическій музей при Кіевской дух. академіи. Мы не знаемъ даже, литой ли онъ, или чеканный. Вышина его въ $3^7/_8$, а ширина въ $2^1/_2$ вершка. Верхъ образка образуетъ полудугу. Надъ святыми изображено нѣчто въ родѣ облаковъ. Но интереснѣе всего на этомъ образкѣ двустрочная греческая подпись, служащая какъ бы паспортомъ для него. Подпись эта изображена такъ:

ΟΓΓΟ ΝΟΥΡΧΓΕΛΟ
ΙΓ ΒΑΡΡΤΟΓΝΕΕΣ

Всматриваясь, при помощи алфавитнаго списка всѣхъ святыхъ православной церкви по мѣсяцеслову г. Косолапова, въ эту подпись, мы въ первой строкѣ ея читаемъ имя *Νουρχιελο(ς)*, а во второй *Βαρρτανεες*, т.-е. Нурвела и Вартанеса. Нурвелъ же, или Урвилъ, былъ архимандритомъ монастыря свв. Сергія и Вакха въ Месопотаміи, а Вартанесъ— мученикъ, одинъ изъ сыновей св. Григорія, просвѣтителя Арменіи. Оба они жили и подвизались въ IV вѣкѣ [10]). Слѣдовательно, образокъ этотъ несомнѣнно восточнаго, можетъ быть, армянскаго происхожденія, а не херсонесскаго, хотя всетаки представляетъ изъ себя почтенную древность и, судя по снимку, можетъ быть относимъ ко времени между VII—IX вѣками по Рождествѣ Христовомъ.

Н. Петровъ.

2 марта, 1898 г.
Кіевъ.

---

[10]) «Мѣсяцословъ Православной Каѳолической Церкви», Ив. Косолапова. Изд. 2-е. Симбирскъ, 1880 года, подъ 7 августа и 1 декабря.

II.

О значеніи слова *пожаръ*, въ смыслѣ названія мѣстности, въ старину.

(Къ вопросу о мѣстѣ сраженія подъ Суздалемъ въ 1097 г.).

По лѣтописному разсказу о борьбѣ, происходившей въ сѣверо-восточной Руси между Олегомъ и Мономаховичами въ 1097 году, Олегъ,—вслѣдъ за сраженіемъ 6 сентября подъ Муромомъ, въ которомъ палъ Мономаховичъ Изяславъ,—двинулся въ Суздальскую землю и занялъ Суздаль и Ростовъ; но, угрожаемый Мстиславомъ Новгородскимъ, долженъ былъ очистить эту землю, и отступая въ свой Муромъ, онъ сжегъ Суздаль; Мстиславъ же, дойдя до Суздаля, остановился въ этомъ городѣ и сталъ пересылаться съ Олегомъ о заключеніи мира. Въ ожиданіи этого мира прошло время до субботы Ѳедоровой (первой) недѣли великаго поста, когда Мстиславъ получилъ вѣсть, что Олегъ выступилъ противъ него и находится уже на Клязьмѣ. Мстиславъ, въ тотъ же день и въ слѣдующій, собралъ свою дружину, расположенную по селамъ и, исполчивъ ее, сталъ *передъ городомъ*, а Олегъ остановился на Клязьмѣ, въ ожиданіи, что Мстиславъ, боясь его, побѣжитъ. Такъ противники простояли, не двигаясь съ мѣстъ, четыре дня. Въ четвергъ на 2-й недѣлѣ поста, къ Мстиславу пришелъ братъ его Вячеславъ съ половцами, а въ пятницу пришелъ *къ городу*, исполчившись, и Олегъ. Тогда Мстиславъ двинулся на Олега и, перешедъ *пожаръ*, на *Кулачкѣ* встрѣтился съ противникомъ. Здѣсь произошла крѣпкая брань, и, когда Мстиславъ началъ одолѣвать Олега и тотъ увидѣлъ, что пѣхота противника стала заходить ему въ тылъ, то обратился въ бѣгство. Мстиславъ преслѣдовалъ его до Мурома и потомъ до Рязани, выгналъ его и изъ этого города и возвратился въ Суздаль, а оттуда пошелъ въ Новгородъ [1]). (Лавр. лѣтоп., изд. 1872 г., стр. 229—232).

Для опредѣленія мѣста означеннаго сраженія служатъ, упомянутыя въ изложенномъ лѣтописномъ извѣстіи, имена: *пожаръ* и *Кулачка*. Изъ

---

[1]) Временемъ изложенныхъ событій принятъ 1097 годъ, согласно Новгородской 1-й лѣтоп., потому что въ 1096 г., къ которому всѣ они отнесены по Лавр. лѣт. (Се же бысть исходящу лѣту 6604), пятница 2-й недѣли поста приходилась на 28 февраля и, очевидно, въ одинъ день, 29 февраля, остававшійся до наступленія новаго года, невозможно было совершить походъ отъ Суздаля черезъ Муромъ до Рязани и обратно, что составляетъ 620 верстъ; а въ 1097 году пятница 2-й недѣли великаго поста приходилась на 19 февраля и на совершеніе означеннаго похода было достаточно остальныхъ 9 дней.

нашихъ историковъ только Карамзинъ высказалъ мнѣніе, что *пожаръ* означаетъ выжженныя Олегомъ мѣста (Ист. Гос. Рос., II, прим. 178), а Арцыбашевъ прямо говоритъ, что это пожарище (Пов. о Россіи, I, 45). Но, не входя въ разсмотрѣніе того, насколько основательно отождествленіе словъ пожаръ и пожарище, слѣдуетъ замѣтить, что, когда Мстиславъ вышелъ изъ Суздаля и сталъ *передъ городомъ*, то вмѣстѣ съ этимъ онъ оставилъ уже за собою выжженныя мѣста, если бы они и не были еще застроены въ промежутокъ времени съ конца сентября, когда Суздаль былъ сожженъ Олегомъ, и до конца февраля, когда онъ снова пришелъ къ этому городу, а по смыслу лѣтописнаго извѣстія *пожаръ* находился впереди мѣстостоянія Мстислава [2]). Погодинъ, въ своихъ Изсл., замѣч. и лекц. о Рус. Исторіи (т. IV, подъ 1096 г.), не опредѣляетъ значенія слова *пожаръ*, но въ другомъ трудѣ (Изсл. о мѣстѣ погреб. кн. Д. М. Пожарскаго, 183) онъ высказалъ мнѣніе, что подъ словомъ *пожаръ* лѣтописнаго извѣстія 1096 г. разумѣется вол. *Пожаръ*, Стародубъ-Ряполовскаго у., бывшая родиною кн. Пожарскихъ. Но Стародубъ-Ряполовскій станъ, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ, находился не ближе 50 верстъ къ В. отъ Суздаля, а потому и бывшая въ немъ вол. *Пожаръ* не можетъ быть признана за Суздальскую подгородную мѣстность. Также не представляется возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ Погодина (принятымъ и другими историками) о *Кулачкѣ*, относительно которой онъ говоритъ, что это, безъ сомнѣнія, то же, что *Кулакша*, нын. рѣка *Колокша*, впадающая въ Клязьму съ лѣвой стороны, выше Владиміра (Изсл. IV, 267). Колокша протекаетъ отъ Суздаля на ЮЗ. въ 35 верст., и для того, чтобы при ней могло произойти означенное сраженіе, надобно, чтобы Мстиславъ предварительно отбросилъ Олега отъ Суздаля на такое разстояніе, равное дневному переходу, а по лѣтописи сраженіе произошло немедленно по приходѣ Олега къ Суздалю. Кромѣ того, этого опредѣленія нельзя согласовать и съ означеннымъ выше мнѣніемъ о положеніи *пожара*, такъ какъ р. Колокша протекаетъ въ противоположной сторонѣ отъ Стародубъ-Ряполовскаго стана и находится отъ его границы въ 85 верстахъ. При томъ, едва ли древнее названіе *Кулачка* могло измѣниться въ Колокшу; болѣе подходящею, по названію, можно было бы указать рѣку *Колочку*, лѣвый притокъ Колокши, берущую начало близъ границы Суздальскаго у. и направляющуюся къ ЮЗ.; но и она не можетъ быть

---

[2]) Въ словаряхъ: Академическомъ Церковно-славянскаго и Русскаго языка, Толковомъ живаго великорусскаго яз. Даля, Опытѣ словаря къ Ипатьевской лѣтописи Чернышевскаго и Матер. для истор.-геогр. словаря Барсова — нѣтъ объясненія сл. *пожаръ*, въ смыслѣ названія мѣстности.

признана за мѣсто сраженія, такъ какъ ближайшій пунктъ ея — вершина находится отъ Суздаля къ ЮЗ. въ 20 вер.

Основываясь на изложенномъ выше лѣтописномъ извѣстіи, я полагаю, что ходъ описанныхъ въ немъ событій можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ.

Олегъ шелъ изъ Мурома, по всей вѣроятности, дорогой, и теперь соединяющею этотъ городъ съ Суздалемъ черезъ Владиміръ, у котораго она пересѣкаетъ Клязьму. Перейдя на лѣвый берегъ Клязьмы, Олегъ занялъ крѣпкую позицію, несомнѣнно на мѣстѣ нын. Владиміра, который, вѣроятно, и былъ построенъ Мономахомъ вслѣдъ за симъ [3]), для защиты Суздаля съ этой стороны, на будущее время. Здѣсь Олегъ остановился, какъ говоритъ лѣтописецъ, „мня, яко, бояся его, Мстиславъ побѣгнетъ"; но вѣроятнѣе полагать, что Олегъ ожидалъ на этой позиціи нападенія на него Мстислава, чтò подтверждается тѣмъ, что онъ простоялъ тутъ въ бездѣйствіи 5 дней. Мстиславъ, по полученіи перваго извѣстія объ Олегѣ, собралъ свою, расположенную по селамъ, дружину и, построивъ ее въ боевой порядокъ, сталъ *передъ Суздалемъ*, съ Ю. его стороны, въ началѣ дороги на нын. Владиміръ, откуда онъ ожидалъ прихода Олега. На этомъ мѣстѣ онъ продолжалъ оставаться и послѣ прихода, въ четвергъ 2-й недѣли поста, брата своего Вячеслава съ подкрѣпленіемъ. Когда, въ пятницу на той же недѣлѣ, пришелъ *къ городу* и Олегъ съ дружиною въ боевомъ порядкѣ, то Мстиславъ съ своими силами двинулся на него и, перешедъ *пожаръ*, на *Кулачкѣ*, немедленно вступилъ съ нимъ въ сраженіе. Такимъ образомъ, надобно заключить, что сраженіе происходило въ ближайшихъ окрестностяхъ Суздаля, съ Ю. его стороны; что Олегъ, непосредственно передъ сраженіемъ, остановился на *Кулачкѣ* и что противниковъ раздѣляла мѣстность, называемая *пожаръ*.

Существуетъ ли въ настоящее время около Суздаля, въ указанномъ направленіи, какое-либо урочище съ названіемъ *Кулачка* или *Колочка*,—неизвѣстно; равнымъ образомъ изъ краткаго выраженія лѣтописи нельзя вывести заключенія, какая именно мѣстность разумѣлась подъ словомъ *пожаръ*.

Обращаясь къ другимъ источникамъ, въ которыхъ встрѣчается слово *пожаръ*, въ смыслѣ названія мѣстности, мы въ историческихъ

[3]) Лавр. 358—9. Владиміръ основанъ, вѣроятно, въ 1098 г., въ которомъ Мономахъ пріѣзжалъ въ Ростовскую землю (Лавр. 241); хотя въ Лѣтописцѣ Рус. Львова I, 204, подъ 1108 г. и сказано: „того жъ лѣта совершенъ бысть градъ Володиміръ Владиміромъ Мономахомъ и созда въ немъ церковь каменну Св. Спаса"; но выраженіе: „совершенъ" даетъ поводъ полагать, что Мономахомъ, бывшимъ и въ этомъ году въ Ростовской землѣ, городъ оконченъ устройствомъ; да и насыпка громаднаго вала требовала много времени.

актахъ находимъ, что въ Москвѣ было двѣ мѣстности съ такимъ названіемъ. Къ одной изъ нихъ относятся слѣдующія данныя:

1) Въ 1634 году 28 апрѣля Михаилъ Шеинъ и Артемій Измаиловъ съ сыномъ Васильемъ, отъ приказа Сыскныхъ Дѣлъ, поведены были къ казни за городъ на *пожаръ*, и, по прочтеніи приговора, ихъ того же часа вершили, отсѣкли имъ всѣмъ тремъ на *пожарѣ* головы. (Акты Арх. Эксп. III, 382—384). Здѣсь выраженіе—поведены за городъ—надо понимать въ смыслѣ: выведены изъ Кремля (города въ тѣсномъ смыслѣ), такъ какъ въ то время всѣ приказы находились въ Кремлѣ.

2) Въ книгахъ Патріаршаго приказа, подъ 1637 г., записано о выдачѣ Собора Пресв. Богородицы Казанскія, что на *пожарѣ*, протопопу Клименту на молебенъ 2 гривенъ (Холмогоровы В. И. и Г. И. Матер. для Ист., Археол. и Стат. Московск. церквей, 350 с.)

3) Въ статейномъ спискѣ 5 апр. 1652 г. (посланіе ц. Алексѣя Михайловича къ митроп. Никону) о принесеніи въ Москву мощей патріарха Іова значится, что когда несли мощи изъ Страстного монастыря (гдѣ онѣ временно были поставлены), „многолюдно таково было, что не вмѣстилися отъ Тверскихъ воротъ по Неглиненскія ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть, а *пожаръ* весь занятъ людьми пѣшими, нельзя не пройти, не проѣхать, а Кремль велѣлъ запереть, инъ и такъ на злую силу пронесли въ Соборъ". (Акты Арх. Эксп. IV., 77). Въ этомъ случаѣ, судя по ходу шествія, пожаръ находился между Неглиненскими (нынѣ Воскресенскими) воротами и Кремлемъ.

4) Въ письмѣ, отъ 2 сент. 1652 г., царя Алексѣя Михайловича къ Казанскому воеводѣ боярину кн. Одоевскому о принесеніи въ Москву мощей Св. Филиппа митрополита, между прочимъ, говорится, что мощи принесены были на *пожаръ* къ Лобному мѣсту, на которомъ временно и поставлены, (тамъ же, IV. 491).

5) Въ Строельной книгѣ 1657 г. церковныхъ земель по Китайгороду, вслѣдъ за перечисленіемъ 15 церквей, стоявшихъ на Рву, межъ Фроловскихъ и Никольскихъ воротъ, сказано: „А подъ тѣми церквами и подъ кладбищемъ, гдѣ кладены умершіе, по мѣрѣ по *пожару* отъ ц. Парасковѣи, нареченныя Пятницы (первая отъ Фроловскихъ воротъ) до Сонапальнаго ряду до трубы, гдѣ была труба изо Рву, 91 саженъ". (Матер. для Истор., Археол. и Стат. г. Москвы, собр. И. Забѣлинымъ. 1892 г. II. с. 6—7) [1]).

[1]) Къ той же мѣстности относится слѣдующее данное отъ 1599 г., заключающееся въ Памяти изъ Посольскаго приказа Воейкову о сопровожденіи Кучумова семейства: „ѣхати

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что всѣ онѣ относятся къ мѣстности нынѣшней Красной площади, и что все пространство отъ Неглиненскихъ воротъ до Лобнаго мѣста и отъ ряда церквей, стоявшихъ у Кремлевскаго рва до Торговыхъ рядовъ, представляло полое мѣсто, которое еще въ XVII столѣтіи называлось *пожаромъ*. Но, одновременно съ симъ, эта мѣстность называлась также и *площадью*, что видно изъ записей Патріаршаго приказа подъ 1637, 1683 и 1692 гг., или *Красною площадью*, какъ видно изъ записей того же приказа подъ 1684, 1687, 1713, 1721 гг. (Холмогоровы В. И. и Г. И. тотъ же трудъ, 350—354 с.) и изъ царскихъ указовъ 1674, 1679 гг. (Акты Ист, IV. 530 и Акты Археогр. Эксп. IV. 326).

Площадь эта служила мѣстомъ торга съ возовъ сельскими продуктами, но на ней же торговыми людьми всякихъ чиновъ производилась торговля и другими товарами въ шалашахъ, на рундукахъ, скамьяхъ и вѣкахъ; а какъ всѣ эти приспособленія для торговли стѣсняли проѣздъ, то указомъ 1679 г. велѣно ихъ сломать и впредь всякими товарами торговать только въ рядахъ, въ которыхъ какими указано (Акты Арх. Эксп. IV, 326). На этой же площади, какъ и на другихъ торгахъ, производились казни, которыя потому и назывались торговыми. (Тамъ же, III, 384—4).

Другая мѣстность въ Москвѣ, представлявшая полое пространство (Акты Ист. П. 19) и называвшаяся *пожаромъ*, находилась по загородью Китая, отъ начала Срѣтенской улицы (Лубянки) до начала улицы Солянки, слѣд. тамъ, гдѣ находятся нынѣ Лубянская и Варварская площади, что подтверждается статейнымъ спискомъ 3 марта 1570 года, изъ котораго видно, что литовскихъ пословъ везли, минуя опришнину, къ Срѣтенской улицѣ, потомъ этою улицею и *пожаромъ*, до литовскаго посольскаго двора, который находился, какъ видно изъ статейнаго списка 4 мая 1570 г., между ц. Владиміра св. въ Садахъ и ц. Всѣхъ Святыхъ на Кулишкѣ (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 71, стр. 627 и 638). Изъ этого же послѣдняго стат. списка видно, что часть означенной площади, соотвѣтствующая нын. Варварской, называлась *Коневой площадкой*, слѣд., служила мѣстомъ торга лошадьми; затѣмъ, изъ описи Китая города, произведенной въ маѣ 1629 г., видно, что по загородью Китая города, у Ильинскихъ воротъ производился торгъ сѣномъ. (Акты Ист. III, 284—5).

На основаніи всего вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, что

съ царицами назадъ (изъ Кремля) во Фроловскія ворота, да *пожаромъ* (слово это вычеркнуто и замѣнено: площадью) на Никольскій крестецъ, и поставить ихъ на Посольскомъ дворѣ, возлѣ Печатнаго двора". (Акты Ист. II, 19).

употреблявшееся въ старину слово *пожаръ* служило для обозначенія *торговой площади* и съ теченіемъ времени, постепенно, замѣнилось словомъ площадь.

Въ Новгородѣ Великомъ также извѣстна одна мѣстность, называвшаяся *Лукинъ пожаръ*, какъ это видно изъ записаннаго въ Новгор. 1-й лѣт. подъ 1113 г. извѣстія: „Въ тоже лѣто погорѣ онъ полъ, на сей же сторонѣ городъ Кромьный, отъ Лукинъ пожаръ" (Нов. 1-я изд., 1888 г., стр. 120). Если этотъ *пожаръ* получилъ свое названіе отъ Лукиной улицы, то, судя по реставрированному Муравьевымъ плану древняго Новгорода, это должна быть площадь въ концѣ Лукиной улицы, находившейся въ Гончарскомъ концѣ, въ $^1/_2$ вер. къ Ю. отъ Дѣтинца (Н. Н. Муравьевъ. Историч. изслѣдованія о древностяхъ Новгорода, изд. 1828 г.).

Въ 1508 г. великій князь прислалъ въ Новгородъ боярина, велѣлъ ему урядить здѣсь торги, ряды и размѣрить по-московски улицы; въ 1531 г. прислалъ туда же дьяковъ, приказалъ имъ на Софійской сторонѣ размѣрить улицы; они начали размѣрять Великую улицу отъ Владимірскихъ воротъ прямо, въ конецъ, и всѣ улицы отъ поля прямо въ берегъ, и мѣста по всему *пожару* (Лѣт. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 20. — Соловьевъ, Ист. Росс., изд. Тов. Общ. П., кн. 1, т. V, стр. 1688).

Такимъ образомъ слово *пожаръ*, въ смыслѣ названія торговой площади, было въ употребленіи, повидимому, повсемѣстно.

Поэтому надо полагать, что и упомянутая, въ изложенномъ лѣтописномъ извѣстіи 1097 г., мѣстность *пожаръ*, находившаяся въ окрестностяхъ Суздаля съ южной его стороны, также имѣла назначеніе торговой площади. Въ виду сего, обращаясь къ вопросу, гдѣ именно находилась такая площадь, мы встрѣчаемъ въ трудѣ о. Ананія Ѳедорова, Историческое собраніе о Богосп. гр. Суждалѣ, слѣдующее указаніе: „Отъ града Суждаля на полдень по пути ко граду Владиміру, разстояніемъ далѣе 3 верстъ мѣрныхъ, есть мѣсто называемое Минино селище, на которомъ (по показанію архитектурной палаты ученика Иліи Артем. Кипріанова, который жительство имѣлъ въ г. Суждалѣ до 1748 г.) имѣлся дворъ загородный вел. кн. Мины Іоанновича Суждальскаго [5]), и до того мѣста все отъ города было поселеніе, и за тѣмъ домомъ княжіимъ имѣлось *торговище*, чесому во утвержденіе слѣдуютъ... опис-

---

[5]) По родословнымъ не значится, но въ синодикѣ Суздальскаго Рождественскаго собора, въ числѣ суздальскихъ князей, записанъ Мина (Владим. Сборн. Тихонравова, 89). Онъ, судя по занимаемому мѣсту, жилъ, вѣроятно, около половины XV в.

ныя 6966 г., стройныя гор. Суждаля книги" (стр. 17. Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1855 г., кн. 22). Фактъ существованія въ означенномъ мѣстѣ селенія Минина подтверждается межевою выписью 1588 г. объ отмежеваніи земли къ Суздальской Ямской слободѣ; въ ней оно называется усадище Минино и показано во владѣніи Суздальскаго Васильевскаго монастыря. Но уже въ этомъ году мѣстность, по обѣ стороны Владимірской дороги, отъ селенія Минина до гор. Суздаля, была незаселенною и называлась пустошами Мажарами или Мжарскою и Мининскою (Владим. Сборн. Тихонравова, 133—134 стр.). По документамъ генеральнаго межеванія 1773 — 1775 гг. въ означенной мѣстности значится дача подъ названіемъ пустоши Селища Мининскія, владѣнія Суздальскаго Васильевскаго монастыря, пространствомъ $295^3/_4$ дес., лежащая по обѣ стороны большой Владимірской дороги и по вершинамъ овраговъ Середняго и Оболнаго (Архивъ Межев. Канц. Планъ дачи п. Сел. Мининскія, Атласъ и Экономич. примѣч. Суздальскаго у.). Сѣверная граница этой дачи пересѣкаетъ большую дорогу въ 2 вер. отъ города Суздаля, а южная—въ 5 вер.; съ западной стороны къ ея границѣ отъ с. Чернижъ подходитъ вершина оврага *Межнишнаго*, а южная граница ея проходитъ близъ большого оврага *Каршинскаго*, который вершиною своею пересѣкаетъ большую дорогу, направляется сперва на сѣверо-востокъ, а потомъ на востокъ и выходитъ устьемъ своимъ въ р. Нерль, нѣсколько выше с. Малыя Городища. Такимъ образомъ, селеніе Минино находилось по срединѣ этой дачи, и если трудно предполагать, чтобы и въ то отдаленное время, когда происходило сраженіе подъ Суздалемъ, посадъ его распространялся такъ далеко въ эту сторону, то нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что и тогда въ мѣстности, гдѣ возникло впослѣдствіи это селеніе, находилось торговище, или въ древности *пожаръ*, какъ то указывается въ приведенномъ извѣстіи, записанномъ, несомнѣнно, на основаніи преданія. Суздаль упоминается въ лѣтописи съ 1024 г., какъ городъ уже существующій и считался наравнѣ съ Ростовомъ, старымъ городомъ края (Лавр. 144, 358—9 стр.). По всей вѣроятности, основаніе его и вызвано было тѣмъ, что возлѣ мѣста, которое онъ занялъ, существовало уже нѣчто въ родѣ ярмарки, на которой производилась мѣновая торговля Мерянъ прилегающаго края съ Волжскими Болгарами, а указанная мѣстность, называвшаяся *пожаромъ*, служила именно для этой торговли.

Опредѣливши, такимъ образомъ, мѣстоположеніе лѣтописнаго *пожара*, черезъ который перешелъ Мстиславъ передъ сраженіемъ, надо полагать, что подъ урочищемъ *Кулачкой*, при коемъ это сраженіе про-

изошло, разумѣлся нынѣшній оврагъ *Каршинскій*, проходящій близъ южной границы дачи п. Мининскія селища [6]).

А. Бунинъ.

III.

Столбы Борковскаго могильника.

Опубликованная мною замѣтка о столбахъ, встрѣченныхъ, въ 1892 году, на площади Борковскаго могильника, въ которой доказывалось отсутствіе связи столбовъ съ погребеніями [1]), вызвала отвѣты со стороны обоихъ первоначальныхъ защитниковъ такой связи: А. В. Селиванова [2]) и А. И. Черепнина [3]). Сущность отвѣтовъ ихъ заключается въ слѣдующемъ.

А. В. Селивановъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о связи столбовъ съ погребеніями, требуетъ, чтобы ему доказали сравнительную юность тѣхъ столбовъ, которые, по его мнѣнію, имѣютъ черты неопровержимой древности.

А. И. Черепнинъ заявляетъ, что онъ, потерявъ вѣру въ связь столбовъ съ погребеніями [4]), вѣритъ и, повидимому, очень твердо, что одни изъ 27 замѣченныхъ имъ столбовъ, которые получше сохранились, относятся къ памятникамъ XVIII—XIX (?) вѣковъ [5]), а другіе, числомъ пять, которые похуже сохранились, относятся къ древнему поселку, т. е., будто бы, приблизительно лѣтъ на 800 старше первыхъ. Сколько-нибудь серьезныхъ доказательствъ или мотивовъ для своихъ вѣрованій и мнѣній А. И. Черепнинъ не приводитъ.

Въ общемъ изъ отзывовъ обоихъ оппонентовъ становится очевиднымъ, что ранѣе защищаемая ими связь борковскихъ столбовъ съ погребеніями теперь никѣмъ изъ нихъ не защищается, а это вполнѣ подтверждаетъ вѣрность высказанной мною мысли, что между борковскими столбами и погребеніями никакой, кромѣ случайной, связи не существовало. Такимъ образомъ „туманъ", окутывавшій борковскіе

---

[6]) Въ позднѣйшемъ письмѣ, А. И. Бунинъ сообщаетъ слѣд. дополнительное соображеніе. Такъ какъ торговище=пожаръ, по самому назначенію своему, не есть нѣчто неподвижное, то,—начинаясь въ XV ст. непосредственно за посадомъ,—оно, въ XI ст., когда посада еще не было,—могло начинаться отъ самаго города.

[1]) Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897 г., № 12.

[2]) Ibidem, 1898 г., № 2, стр. 64—66.

[3]) Ibidem, 1898 г., № 2, стр. 62—64.

[4]) Труды Ряз. Уч. Арх. Ком., 1896 г., т. X, в. 3, стр. 293 и 294.

[5]) Черепнинъ. Борковскій островъ и его древности, стр. 14.

столбы, окончательно разсѣянъ, и главный интересъ ихъ, вѣроятно, навсегда потерянъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько разъясненій, касающихся опредѣленія времени самыхъ древнихъ борковскихъ столбовъ. По счету А. И. Черепнина такихъ столбовъ было пять. Глубокая древность приписывается этимъ столбамъ, во-первыхъ, потому, что надъ нѣкоторыми изъ нихъ слои почвы „казались" совершенно нетронутыми и непрерывными, во-вторыхъ, потому что они ужъ очень гнилы.

Допустимъ, что наблюдаемая нашими оппонентами нерушимость слоевъ, покрывавшихъ столбы сверху, была явленіемъ не кажущимся, а дѣйствительнымъ, допустимъ даже, что слои, налегающіе на столбы, могли, какъ полагаютъ оба наши оппонента, точно датировать возрастъ послѣднихъ, словомъ, допустимъ все такъ, какъ желаютъ и Черепнинъ и Селивановъ, и при этихъ, вполнѣ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, подвергнемъ оцѣнкѣ точность ихъ опредѣленія древности пяти гнилыхъ столбовъ.

При данныхъ условіяхъ, несомнѣнно, самыми древними явятся тѣ столбы, вершины которыхъ покоились, какъ удостовѣряютъ оппоненты, „вершка на два ниже темнаго—культурнаго—слоя" [6]). Древность такихъ столбовъ должна равняться суммѣ древностей верхняго почвеннаго и темнаго культурнаго слоевъ, налегающихъ на нихъ.

Археологическія находки указываютъ, что верхній слой, имѣя мощность въ 3 вершка, отложился въ періодъ времени отъ запустѣнія поселка X—XI вѣка до нашихъ дней, т. е. въ періодъ около 900 лѣтъ.

Темный культурный слой имѣетъ среднюю мощность въ 9 вершковъ. Періодъ его отложенія, несомнѣнно, въ нѣсколько разъ больше періода отложенія верхняго почвеннаго слоя. Въ верхней части его заключаются остатки поселка, въ средней—предметы, современные болѣе древнимъ погребеніямъ могильника, и первобытные костры, содержащіе въ себѣ кремневыя и костяныя орудія и рѣдкія бронзовыя или мѣдныя вещи, наконецъ, въ нижней части оказались вполнѣ характерные остатки конца неолитической эпохи.

Если вѣрно, что столбы гг. Черепнина и Селиванова стояли „вершка на два ниже" обоихъ описанныхъ слоевъ, то такіе столбы не только нельзя относить ко времени поселка и могильника, но и нельзя пріурочить ко времени костровъ, въ которыхъ каменныя и костяныя орудія смѣшались съ мѣдью или бронзой, и даже къ концу неолитической

---

[6]) А. В. Селивановъ и А. И. Черепнинъ. Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника, произведенныхъ въ 1892 г., стр. 5.

эпохи, памятники которой заключены въ темномъ слоѣ: столбы, очевидно, должны быть древнѣе всѣхъ этихъ памятниковъ. Отсюда видно, какъ *произвольно* опредѣленіе древности гнилыхъ столбовъ у нашихъ оппонентовъ, желающихъ безъ всякаго основанія связать столь маститые памятники съ памятниками сравнительно юнаго могильника и поселка.

Въ сущности, совсѣмъ нѣтъ нужды относить столбы XVIII вѣка ни къ древнему поселку, ни къ неолитической эпохѣ, такъ какъ и безъ того легко можно объяснить, какимъ путемъ болѣе гнилые изъ нихъ покрылись довольно толстыми и на видъ непрерывными слоями почвы.

Въ предшествующей нашей Замѣткѣ [7]) разобранъ весь процессъ разложенія столбовъ въ почвѣ. Между прочимъ, тамъ выяснено, что гніеніе столбовъ идетъ сильнѣе отъ верхняго конца къ нижнему, благодаря чего столбъ, сокращаясь, какъ бы уходитъ все глубже въ почву. Отгнившія части его замѣщаются почвой такъ, что даже въ разноцвѣтныхъ ея слояхъ бываетъ не видно, гдѣ нѣкогда прорѣзало ихъ дерево. Въ этомъ легко убѣдиться многими положительными фактами. Вспомнимъ, что Жемчужный бугоръ, составляющій южный конецъ могильника и древняго поселка, покрывался лѣсомъ. Тысячи корней этого лѣса должны были прорѣзать въ разныхъ направленіяхъ всѣ верхніе слои бугра. Однако, въ 1892 году, когда корни лѣса сгнили, мы нашли въ траншеяхъ раскопокъ всѣ эти слои совершенно нормально расположенными и какъ будто бы никогда никѣмъ и ничѣмъ не тронутыми. Такими же цѣльными и вполнѣ нормальными представляются слои и во всѣхъ вообще окскихъ дюнахъ, хотя достовѣрно извѣстно, что большинство изъ нихъ искони были покрыты дремучими борами, а слѣдовательно, были изрѣзаны всевозможными корнями деревъ.

Теперь представимъ себѣ, что послѣ срубленнаго или просто упавшаго на дюнѣ дерева остался въ почвѣ корень, похожій на вертикально поставленный столбъ. По подмѣченнымъ нами законамъ, его верхній конецъ отгніетъ скорѣе нижняго и корень закроется какъ бы цѣльными, нерушимыми слоями почвы, а въ разрѣзѣ дастъ картину тѣхъ самыхъ столбовъ, которые отнесены гг. Селивановымъ и Черепнинымъ къ неопровержимо древнимъ. Между тѣмъ, примѣръ быстроты возстановленія нормальнаго вида слоевъ, какой мы видѣли на Жемчужномъ бугрѣ, ясно говоритъ, что для этого не нужно много времени, и пять борковскихъ столбовъ, которые успѣли болѣе другихъ сгнить, вполнѣ могли покрыться на видъ непрерывными и сравнительно мощными пластами почвы, относясь наравнѣ со многими другими къ древностямъ XVIII в.

---

[7]) Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897 г., № 12.

Отсутствіе признаковъ ямъ около нѣкоторыхъ изъ этихъ столбовъ можетъ указывать на то, что они не закапывались, а прямо вбивались, какъ колья или тынъ, въ почву и служили собственно не столбами (что за столбы въ 2—3 вершка въ толстомъ обрубѣ?); а подпорами или, по-рязански, „подсохами" плетневой городьбы, несомнѣнные остатки которой нами и были открыты на площади описываемыхъ столбовъ.

Что касается болѣе значительной гнилости пяти столбовъ, то и этотъ признакъ не можетъ дать имъ права претендовать на болѣе глубокую древность, сравнительно съ другими, отнесенными нами ко второй категоріи, т. е. къ категоріи столбовъ XVIII вѣка, потому что бо́льшая ихъ гнилость могла зависѣть совсѣмъ не отъ времени, а отъ другихъ условій, напр., плотности ихъ породы, возраста дерева и т. п. На борковскихъ буграхъ были встрѣчены столбы дубовые, сосновые и др., толстые и тонкіе, т. е. болѣе старые и болѣе молодые. Очевидно, гніеніе такихъ столбовъ должно было идти не съ одинаковою скоростью. И дѣйствительно, дубовые и болѣе толстые столбы намъ всегда представлялись лучше сохранившимися, чѣмъ прочіе. А кто можетъ поручиться за то, что нѣкоторые изъ болѣе слабыхъ столбовъ монастырскихъ построекъ XVIII вѣка не истлѣли совсѣмъ? Въ открытыхъ остаткахъ городьбы уцѣлѣло немного кольевъ, другіе, очевидно, сгнили безслѣдно. Уцѣлѣвшіе колья также не находились въ одинаковой степени гнилости и, если слѣдовать теоріи гг. Черепнина и Селиванова, то остатки кольевъ слѣдовало бы раздѣлить, по меньшей мѣрѣ, на двѣ части и отнести одну, примѣрно, къ XVIII—XIX вѣку, а другую — лѣтъ на 800 или на 1000 слишкомъ — далѣе въ глубь прошедшаго.

Въ заключеніе замѣтимъ, что выставленные А. И. Черепнинымъ, какъ несомнѣнныя доказательства возможности долгаго существованія столбовъ въ борковской дюнной почвѣ, — факты сохранности кусковъ луба, обрывковъ одежды и друг. вещей, найденныхъ нами въ борковскихъ погребеніяхъ, являются для намѣченной цѣли совсѣмъ непригодными, потому что всѣ эти обрывки тканей и др. обязаны своею цѣлостью *воднымъ окисямъ металлическихъ вещей*, соприкасавшихся съ названными остатками. Г. Черепнинъ могъ бы доказать древность столбовъ, основываясь на подобныхъ фактахъ, если бы столбы были обложены мѣдью, бронзой, желѣзомъ и т. п., но такъ какъ этого не было, то и приведенныя доказательства нельзя считать сколько-нибудь удачно обоснованными.

В. А. Городцовъ.

IV.

Къ вопросу о часахъ на Сухаревой башнѣ.

На двухъ вставныхъ бѣлаго камня плитахъ у воротнаго проѣзда со Срѣтенки изсѣчена краткая лѣтопись постройки Сухаревой башни, гдѣ между прочимъ изображено: „Построены по Земляному городу Срѣтенскія ворота, а надъ тѣми вороты палаты и *шатеръ съ часами*... а начато строить то строеніе въ лѣто ҂зс҃ (7200=1692), а совершено

Рис. 1.

Стѣна Сухаревой башни.

въ ҂зс҃г (7203=1695).—Во 2-мъ ярусѣ башни, считая сверху, имѣются два круглыя отверстія діаметромъ по 2 арш. 2 вер., служившія для циферблатовъ, расположенныхъ на югъ и сѣверъ, т.-е. къ Срѣтенкѣ и 1-ой Мѣщанской улицамъ, часовъ. Эти круглыя окна не имѣютъ никакихъ наличниковъ; на гладкой плоскости кирпичной стѣны видны лишь два темные концентрическихъ окну круга, коймы, въ полосахъ старой окраски. Вверху оконъ—слѣды обломаннаго полоснаго желѣза, вдѣланнаго въ стѣну и служившаго указателями (гномонами) при древнихъ

циферблатахъ. Такое же желѣзо съ концами въ видѣ кольца находится и внизу оконъ. На прилагаемомъ фотографическомъ снимкѣ видны эти подробности.

Если полосы въ окраскѣ соотвѣтствовали круглымъ циферблатамъ, а верхнее желѣзо указателямъ, то каково значеніе желѣзныхъ частей внизу? И что значатъ таковыя же желѣза съ кольцами при окнахъ съ прямоугольными пролетами на востокъ и западъ, т.-е. по протяженію Садовой? Окна эти украшены сандриками, циферблатовъ здѣсь не было, да и не было въ нихъ нужды, такъ какъ по Садовой тянулся земляной валъ со рвами. Сопоставимъ съ неизвѣстными древними Сухаревскими часами другіе древніе башенные часы, напр., Спасскіе, описаніе которыхъ сохранилось. У Забѣлина есть подробности о русскихъ башенныхъ часахъ. Дѣлаемъ выписку вкратцѣ:

„Нѣмецкіе часы... по своему раздѣленію времени не соотвѣтствовали русскимъ и (тогда) были не удобны для употребленія. Русскіе часы дѣлили сутки на часы денные и на часы ночные, такъ что въ минуту восхожденія (солнца) на русскихъ часахъ былъ первый часъ дня, а при закатѣ—первый часъ ночи“.

„*Указные* или *узнатные* круги или колеса, т.-е. циферблаты, устраивались только съ двухъ сторонъ (подобно Сухаревскимъ), одно въ Кремль, другое въ городъ, и состояли изъ дубовыхъ связей, разборныхъ на чекахъ, укрѣпленныхъ желѣзными обручами. Каждое колесо вѣсило около 25 пудъ. Средина колеса покрывалась голубою краскою, лазорью, а по ней раскидывались золотыя и серебряныя звѣзды съ двумя изображеніями—солнца и луны. Вокругъ въ *коймѣ* располагались *указныя слова*, т.-е. славянскія цифры, густо вызолоченныя, числомъ 24 (на московскихъ курантахъ 1661 г. часовыхъ цифръ—17), а между ними помѣщались *получасныя звѣзды*, посеребренныя. Указныя слова на Спасскихъ часахъ были мѣрою въ аршинъ, а на Троицкихъ въ 10 вершковъ. Такъ какъ въ этихъ часахъ, вмѣсто стрѣлки, оборачивался самый циферблатъ, или указное колесо, *то вверху утверждался неподвижный лучъ* или *звѣзда* съ лучемъ въ родѣ стрѣлки, и притомъ съ изображеніемъ солнца, какъ было на Спасскихъ часахъ“...

Куранты 1661 г., описываемые въ путешествіи Мейерберга и видъ которыхъ имѣется въ старомъ альманахѣ „*Картины Свѣта*“, представляютъ кругъ, дѣленный на 17 частей, обозначенныхъ славянскими цифрами отъ А до ЗІ и подъ ними арабскими—1—17; между часами получаемъ *перечасья* въ видѣ ⋄. Въ подлинныхъ чертежахъ архитектора П. А. Герасимова по возстановленію Спасской башни въ 1867 г. есть

рисунокъ, названный „остатки циферблата“ [1]). Къ сожалѣнію нѣтъ объяснительнаго текста къ этому рисунку и неизвѣстно, въ какомъ видѣ найдены эти остатки—написанными ли на двигавшемся кругѣ или прямо на стѣнѣ. Надо предполагать послѣднее. Изображенія въ первой и во второй коймахъ круга—славянскія цифры. Въ третьей коймѣ круга—знаки зодіака, т.-е. изображенія 12 мѣсяцевъ, начиная отъ сентября и оканчивая августомъ (Вѣсы—Дѣва).

По указу Петра, съ 1700 г., январь сталъ первымъ мѣсяцемъ и декабрь послѣднимъ (Водолей—Козерогъ). Примѣрно съ этого же времени измѣнено дѣленіе часовъ и славянскія цифры на римскія. Указующей, вертящейся стрѣлкой была одна часовая, для показанія часовъ, получасовъ и четвертей—минутной стрѣлки—еще не было.

„Съ XVIII столѣтія, продолжаетъ Забѣлинъ, старинные русскіе часы вышли изъ употребленія. Перестройка ихъ на нѣмецкій ладъ началась тоже со Спасской башни.

Въ 1705 году по указу Петра Спасскіе часы передѣланы „противъ нѣмецкаго обыкновенія на 12 часовъ“, для чего еще въ 1704 г. онъ выписалъ изъ Голландіи боевые часы съ курантами за 42,474 р. (?). Часы эти были „съ танцами, противъ манира, каковы въ Амстердамѣ“.

Вида циферблата часовъ, бывшихъ на Сухаревой башнѣ, не сохранилось; извѣстно только изъ расходной книги Моск. Оружейной Палаты, „что часовщику, который при школахъ (математической и навигаціонной, въ палатахъ Сухаревой башни) у боевыхъ часовъ, одному человѣку платилось 23 руб. 3 алтына“, въ годъ. Часы установлены были гдѣ теперь круглыя окна, колокола же висѣли непосредственно подъ шатровою крышей.

Прототипъ циферблата можетъ быть найденъ въ голландскихъ (Амстердамскихъ) изданіяхъ XVIII вѣка. Есть старая книга Петровскаго изданія „*Емвлемы и символы*“, 1705 г. Амстердамъ. Мелкіе политипажи въ этой книгѣ представляютъ циферблаты, на которыхъ преобладаютъ римскія цифры отъ I до XII (лишь на одномъ политипажѣ—арабскія), цифра IV изображена такъ—IIII, цифра VIII имѣетъ нѣкоторую особенность; указующая стрѣлка—одна часовая.

Сохранился старый циферблатъ въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою; у него также одна часовая стрѣлка.

По снимку съ архитектурнаго чертежа XVIII вѣка (снимокъ очень неясный и надписи не разобраны) видно, что было время, когда на Сухаревой башнѣ, вмѣсто часовъ имѣлись разрисованные зеленой и

[1]) Въ библіотекѣ М. Архит. Общества, также въ Политехн. музеѣ.

бѣлой краской *компасы* — 8-ми-конечныя звѣзды; видъ такихъ компасовъ есть въ упомянутой книгѣ „Емвлемы и символы"; число лучей звѣздъ отъ 8-ми до 12-ти. По преданію, въ пожаръ 1812 года сгорѣли деревянныя части башни, сгорѣли и имѣвшіеся часы, а круглыя отверстія съ тѣхъ поръ были закрываемы обыкновенными рамами со стеклами, какъ то и видно по литографіямъ, приложеннымъ ко многимъ Путеводителямъ Москвы.

Надобно замѣтить, что документальныхъ подробностей о постройкѣ Сухаревой башни найдено до сихъ поръ очень мало.

Безъ часовъ реставрація Сухаревой башни будетъ по существу недоконченной; съ другой стороны, возстановлять древній механизмъ часовъ немыслимо, да и не сохранилось образцовъ, но относительно циферблатовъ можно сдѣлать попытку приблизиться къ древнему виду.

Рис. 2.
Пробный видъ циферблата.

Представляемъ пробный видъ циферблата, сдѣланнаго въ размѣрѣ мѣста, имѣющагося на башнѣ; средній кругъ лазоревый съ золоченымъ солнцемъ, луною и звѣздами по подобію москов. курантовъ; фонъ круга, гдѣ римскія цифры, черный съ бѣлыми мѣстами для цифръ, мѣрою 11 верш.; это сдѣлано въ виду предположенія освѣщать циферблатъ ночью. На мѣстѣ древняго *гномона* фонарь съ рефлекторомъ, быть можетъ, электрическій.

Повторяемъ: нашъ пробный видъ циферблата—соединеніе древности съ новшествомъ, и можетъ быть разсматриваемъ только какъ одна изъ попытокъ рѣшить вопросъ о будущемъ видѣ часовъ на Сухаревой башнѣ, возстановленіемъ которой нынѣ озабоченъ городъ, чтобы украсить историческую мѣстность и дать возможность точно знать время на многолюдной торговой площади.

В. Гамбурцевъ.

27 февраля 1898 г.

Ѵ.

О времени основанія города Владиміра на Клязьмѣ.

По вопросу о времени основанія г. Владиміра на Клязьмѣ лѣтописи представляютъ разнорѣчивыя извѣстія. По однимъ изъ нихъ, къ числу которыхъ принадлежатъ лѣтописи: Софійская первая, Воскресенская, Никоновская, Русскій Времянникъ, а также Книга Степенная, основаніе этого города приписывается Владиміру Св. и относится къ 987, 990 или 992 гг. [1]), а по другимъ, къ которымъ принадлежатъ: Лѣтописецъ Русскій, неизданная еще Синодальная лѣтопись временъ Василія Темнаго и другія новѣйшія, построеніе этого города относится къ 1108 г., или ко времени около сего года, и приписывается Владиміру Мономаху [2]). Но всѣ названныя лѣтописи принадлежатъ къ числу сборниковъ, составленныхъ уже въ позднѣйшее время; въ старѣйшей же изъ лѣтописей, Лаврентьевской, годъ основанія города Владиміра, находящагося въ бывшей Ростовской землѣ, не отмѣченъ, и только сказано, что этотъ городъ поставленъ великимъ Владиміромъ [3]) (Лавр. 358). Что же относится до упоминаемаго въ этой лѣтописи, начиная съ 988 г., гор. Владиміра, безъ обозначенія въ какой землѣ онъ находился, то, какъ выясняется по ходу послѣдующихъ событій, это былъ Владиміръ Волынскій.

Изъ разсмотрѣнія извѣстій лѣтописей первой категоріи оказывается, что въ нихъ основаніе г. Владиміра поставляется въ связи съ введеніемъ христіанства. Такъ, въ Никон. лѣтописи, подъ 992 г. сказано: „ходи Володимеръ въ Суздальскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣ же съ Володимеромъ два епископа... И заложи тамо градъ въ свое имя Володимеръ, на рѣцѣ на Клязьмѣ, и церковь въ немъ постави древяну пречистыя Богородицы“ (То же, въ сущности, и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ разными годами). Но въ то время Суздальской земли, какъ особой области, еще не было, и весь Залѣсскій край, въ которомъ находится Суздаль, входилъ въ составъ Ростовской земли, какъ вся эта страна называлась и

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣт.: Ѵ, 120; VII, 313; IX, 64; Рус. Вр. I, 51; Кн. Степ. I, 144.

[2]) Лѣтописецъ Рус. (изд. Львовымъ 1792 г.), I, 204; Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., II, прим. 238.

[3]) Историки, въ зависимости отъ того, которой изъ названныхъ лѣтописей они придавали болѣе авторитетное значеніе, также указываютъ различные годы основанія г. Владиміра: кн. Щербатовъ (Ист. Рос. I, 275), а вслѣдъ за нимъ И. Дмитріевскій (О началѣ г. Владиміра, изд. 1802 г., 1—38),—992 г.; Татищевъ (Ист. Рос. III, 76),—1152 г. и Карамзинъ (И. Г. Р. II, прим. 238)—1110 или 1116 гг.

послѣ того, до раздѣленія въ 1214 г. Ростовской епархіи на двѣ: собственно Ростовскую и Суздальско-Владимірскую. Посему, въ данномъ случаѣ, подъ названіемъ земли, по позднѣйшему ея наименованію, Суздальскою, слѣдуетъ разумѣть, современную сказанному событію, Ростовскую землю. Между тѣмъ, въ той же Никоновской лѣтописи, подъ 991 г., т. е. годомъ раньше означеннаго событія, говорится: „Иде Михаилъ митрополитъ по Русской землѣ и до Ростова, съ четырмя епископы... и з Добрынею и со Анастасомъ,... и крести безъ числа людей, и многія церкви воздвиже“. Такъ какъ по пути въ Ростовъ проповѣдники христіанства необходимо должны были проходить черезъ Залѣсскій край, и изъ лѣтописи не видно, чтобы жителями его было оказано какое-либо противодѣйствіе обращенію ихъ въ христіанство, послѣдствіемъ чего могла явиться необходимость самому Владиміру отправиться въ этотъ край въ слѣдующемъ году,—то посему приведенное выше извѣстіе, что Владиміръ „тамо крести всѣхъ“,—не можетъ быть признано достовѣрнымъ. По всей вѣроятности, составитель лѣтописи помѣстилъ такое сказаніе для того, чтобы имѣть предлогъ ввести въ нее извѣстіе объ основаніи г. Владиміра, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ другихъ лѣтописяхъ (Лѣт. Рус. I, 124) говорится о построеніи Владиміромъ Св. гор. Владиміра, безъ обозначенія страны, подъ 990 г., т. е. во время введенія христіанства, и полагая, что въ свидѣтельствѣ старѣйшей лѣтописи, подъ именемъ основателя города, великаго Владиміра, слѣдуетъ разумѣть Владиміра Св. Это послѣднее свидѣтельство дѣйствительно относится къ г. Владиміру на Клязьмѣ, но оно записано въ лѣтописи подъ 1176 г. и въ немъ далѣе говорится, что въ это время городъ былъ еще новымъ, чего нельзя было сказать, если бы онъ былъ основанъ въ 990 г., а потому и въ великомъ Владимірѣ нельзя признавать Владиміра Св. Что же относится до извѣстія 990 г., о построеніи Владиміромъ Св. гор. Владиміра, то, несомнѣнно, это былъ гор. Волынскій [1]), въ которомъ дѣйствительно существовала Богородичная церковь, построенная Владиміромъ Св., тогда какъ во Владимірѣ на Клязьмѣ Богородичной церкви не было до построенія таковой кн. Андреемъ въ 1160 г. Все это приводитъ къ

[1]) Гор. Владиміръ Волынскій впервые упоминается подъ 988 г., при раздѣленіи Руси на удѣлы, какъ городъ уже существующій; но это не исключаетъ возможности того, что Владиміръ Св. въ 990 г. производилъ его сооруженіе; таковое могло состоять въ расширеніи города, чему подтвержденіемъ служитъ то, что нынѣшній городъ, соотвѣтствующій, вѣроятно, первоначальному, занимаетъ, сравнительно съ распространеннымъ впослѣдствіи, менѣе значительное пространство, и мѣсто построеннаго Владиміромъ Св. Успенскаго храма, извѣстное нынѣ подъ назв. *Старая катедра*, находившееся внутри города, отстоитъ отъ черты теперешняго г. Владиміра въ 2—3 вер. (Теодоровичъ. Гор. Владиміръ, Волын. губ. 104—105 стр.).

заключенію, что въ Никоновской лѣтописи, равно какъ и въ другихъ одной съ нею категоріи, которыя составлялись въ Московской Руси въ то время, когда Владиміръ Волынскій находился давно уже во владѣніи Литвы и память о немъ на сѣверѣ утратилась, составителями было допущено смѣшеніе извѣстій, и то, что касалось этого города, приписано ими Владиміру на Клязьмѣ.

Въ лѣтописяхъ второй категоріи, объ основаніи г. Владиміра на Клязьмѣ, говорится: въ Лѣтописцѣ Рус. (изд. Львовымъ, въ 1792 г., I, 214), подъ 1108 г.: „Того жъ лѣта *совершенъ бысть* градъ Володиміръ Владиміромъ Мономахомъ, и созда въ немъ церковь каменну Святаго Спаса", а въ неизданныхъ еще Синодальной лѣтописи временъ Василія Темнаго и другихъ новѣйшихъ, изъ которыхъ выписки сдѣлалъ Карамзинъ (И. Г. Р., II, прим. 238): „Мономахъ, правнукъ В. К. Владиміра, *поставилъ* градъ Володимеръ Залѣшьскый въ Суждальской земли, и осыпа его спомъ и създа первую церковь Святаго Спаса, за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія". Но такъ какъ и эти свидѣтельства принадлежатъ новѣйшимъ лѣтописямъ, то, для выясненія настоящаго вопроса, необходимо представляемыя ими указанія разсмотрѣть въ связи съ извѣстіями старѣйшихъ лѣтописей о современныхъ событіяхъ.

Владиміръ на Клязьмѣ, находящійся въ бывшей Ростовской землѣ, въ Лаврентьевской лѣтописи впервые упоминается подъ 1151 г., какъ городъ уже существующій, въ которомъ княжилъ Андрей Юрьевичъ; годъ же его основанія въ этой лѣтописи не отмѣченъ, но объ основателѣ въ ней говорится: „постави бо преже градъ-ось великий Володимеръ, и потомъ князь Андрей". Извѣстіе это, помѣщенное подъ 1176 годомъ, имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что оно записано владимірцемъ, современникомъ той смутной поры, когда въ Суздальскомъ краѣ Ростовской земли, по смерти Андрея Боголюбскаго, происходила борьба за преобладаніе старыхъ городовъ Ростова и Суздаля съ новымъ Владиміромъ, и когда были еще въ свѣжей памяти, какъ возникновеніе этого города, такъ и событія въ немъ совершившіяся, въ первое время его существованія (Лавр. 318, 358 и 359). Что въ эту пору Владиміръ былъ городомъ, дѣйствительно недавно поставленнымъ, видно изъ того, что его еще не существовало въ 1097 году, т.-е. во время событій, совершавшихся въ Ростовской землѣ и на мѣстности имъ нынѣ занимаемой, какъ это слѣдуетъ заключать изъ лѣтописнаго сказанія объ этихъ событіяхъ. Въ означенномъ году, послѣ Муромскаго сраженія 6 сентября, Олегъ занялъ было Ростовскую землю съ городами Ростовомъ и Суздалемъ, но былъ изъ нея вытѣсненъ Мстиславомъ Новгородскимъ въ Муромъ и, отступая, сжегъ Суздаль; но при этомъ въ

лѣтописи о городѣ Владимірѣ не упоминается, хотя онъ, какъ лежащій на пути Олега, и туда и обратно, долженъ бы былъ подвергнуться одинаковой участи съ Суздалемъ, такъ какъ Олегъ, кромѣ желанія причинить вредъ Мономаху раззореніемъ его земли, видимо имѣлъ намѣреніе отнять и у противника возможность расположиться съ его дружиною удобно, въ ожиданіи исхода событій. Мстиславъ, придя въ Суздаль, нашелъ этотъ городъ весь выжженнымъ, такъ что оставался одинъ только дворъ Печерскаго монастыря, тѣмъ не менѣе Мстиславъ остановился въ Суздалѣ, тогда какъ, если бы Владиміръ уже существовалъ, было бы удобнѣе расположиться въ немъ, какъ не пострадавшемъ отъ Олега и находящемся близь границы съ Муромскою землею. За симъ, и во второй половинѣ февраля того же года, когда Олегъ, вмѣстѣ съ братомъ Ярославомъ, снова пришелъ войною на Мстислава въ Ростовскую землю и расположился станомъ на р. Клязьмѣ, о городѣ Владимірѣ тоже не упоминается, хотя Олегъ въ данной мѣстности простоялъ болѣе 5 дней. Но лѣтописецъ, которымъ разсматриваемый эпизодъ разсказанъ весьма подробно,—приводитъ, по поводу внезапнаго появленія Олега, объясненіе, состоящее въ томъ, что не было поставлено сторожей для наблюденія за непріятелемъ,—а этого нельзя было бы сказать, если бы Владиміръ уже существовалъ, потому что онъ и представлялъ бы такую сторожу, занимая на нагорномъ берегу Клязьмы наиболѣе возвышенное мѣсто, откуда представлялась наилучшая возможность обозрѣвать на далекое пространство луговую, заклязменскую сторону. По всей же вѣроятности, ожидая нападенія Мстислава, Олегъ и станъ свой устроилъ именно на этомъ мѣстѣ, на которомъ вслѣдъ за симъ былъ поставленъ городъ Владиміръ, такъ какъ занимаемое имъ положеніе находится на пути изъ Мурома въ Суздаль (цѣль похода Олега) и представляетъ на побережьѣ Клязьмы, къ югу отъ Суздаля, весьма крѣпкую и трудно-доступную природную позицію. Въ происшедшемъ послѣ того, 19 февраля, подъ Суздалемъ на Кулачкѣ, сраженіи Олегъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Муромъ, а оттуда въ Рязань [5]) (Лавр. 229—232). По этимъ соображеніямъ, въ приведенномъ выше лѣтописномъ извѣстіи, подъ именемъ ве-

[5]) Временемъ изложенныхъ событій принятъ 1097 г., согласно Новгор. 1-й лѣтописи, потому что въ 1096 г., къ коему всѣ они отнесены по Лавр. лѣтописи («се же бысть исходящу лѣту 6604»), пятница 2-й недѣли великаго поста, въ которую было сраженіе при Кулачкѣ, приходилась на 28 февраля; но послѣ сраженія Мстиславъ преслѣдовалъ Олега до Мурома и Рязани и возвратился въ Суздаль,—все въ томъ же году, чего, очевидно, нельзя было исполнить въ одинъ день, 29 февраля, остававшійся до наступленія новаго года. Въ примѣчаніи Редакціи къ посланію Мономаха къ Олегу (въ изд. Лавр. лѣтописи 1872 г.) говорится, что посланіе это писано въ 1098 г., послѣ Муромскаго сраженія; но почему въ 1098 г.,—не приведено основаній. Муромское сраженіе было 6 сентября 1097 г., а посланіе, судя по его содержанію, писано до сраженія 19 февраля того же (март.) года, при

ликаго Владиміра, какъ основателя гор. Владиміра, слѣдуетъ разумѣть Мономаха, а упоминаніе рядомъ съ нимъ внука его кн. Андрея, объясняется тѣмъ, что этотъ послѣдній, въ 1158 г. „заложи... в Володимери церковь камену святую Богородицю,... и городъ заложи болий". (Лавр. 330). Такимъ образомъ, по отношенію къ тому, что городъ Владиміръ основанъ Мономахомъ, извѣстіе Лавр. лѣтописи согласуется съ извѣстіями Лѣтописца Русскаго и Синодальной лѣтописи.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, въ какомъ году Мономахомъ былъ основанъ городъ Владиміръ, слѣдуетъ принять въ соображеніе. что Мономахъ, постоянно занятый дѣлами южной Руси, въ которыхъ онъ принималъ близкое и непосредственное участіе, не жилъ въ своей Ростовской землѣ и бывалъ тамъ только временно, слѣдовательно, онъ могъ основать городъ Владиміръ лишь въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ эту землю. По свидѣтельству оставленнаго имъ Поученія дѣтямъ, въ коемъ перечисляются всѣ его большіе походы, къ числу которыхъ имъ отнесены и походы въ Ростовъ, Мономахъ, въ продолженіе 44 лѣтъ (1073—1117 гг.), пріѣзжалъ туда четыре раза *), которые, по соображеніи Поученія съ лѣтописями, приходятся на слѣдующіе годы.

Первый изъ походовъ, которымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинается и перечень походовъ Мономаха: „первое к Ростову идоҳъ, сквозѣ Вятичи, посла мя отецъ", — судя по непосредственно за нимъ слѣдующимъ,долженъ быть отнесенъ къ 1073 г.

Вторая поѣздка, о которой сказано: „и потомь паки идохомъ к Ростову на зиму", — должна быть отнесена къ 1098 г., потому что передъ тѣмъ поставлены походы: на Олега къ Стародубу, который совершенъ въ 1096 г. (Лавр. 222—3 с.), и за симъ на Бугъ, за Рось и къ

Кулачкѣ, когда Олегъ находился еще въ Муромѣ и держалъ въ плѣну вдову убитаго Изяслава Мономашича (Лавр. 240 — 5). По симъ соображеніямъ: Любечскій съѣздъ князей и ослѣпленіе Василька, записанные въ лѣтописи подъ 1097 г., должны быть отнесены къ 1098 г. (Ср. Лавр. лѣт. 252—5 съ 263 с.).

*) „Первое къ Ростову идохъ сквозѣ Вятичи, посла мя отецъ, а самъ иде Курску"..... „И Стародубу идохомъ на Ольга, за не ся бяше приложилъ къ Половцемъ и на Богъ (=Бугъ) идохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Рось, и Смолиньску идохомъ съ Давыдомъ смирившеся. паки идохомъ другое съ Вороницѣ, тогда же и Торци придоша ко мнѣ изъ Половець Ичитѣевичи, идохомъ противо имъ на Сулу. и потомъ паки идохомъ къ Ростову на зиму и и по 3 зимы ходихомъ Смолиньску. и се нынѣ иду Ростову. и паки съ Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ но ли оли убиша и не постигохомъ ихъ. и потомъ по Боняцѣ же гонихомъ за Рось и не постигохомъ его. и на зиму Смолинску идохъ, и Смоленска по Велицѣ дни выидохъ, и Гюргева мати умре. Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью. и Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, идохомъ за не изъ Переяславля за Сулу. И Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ и князи поимахомъ лѣпшіи. и по Рожествѣ створихомъ миръ съ Аепою, и поимъ у него дщерь идохомъ Смоленьску. и потомъ идохъ Ростову пришедъ изъ Ростова паки идохъ на Половци на Урубу съ Святополкомъ и Богъ ны поможе"... П. С. Р. Л. I, 103—104.

Смоленску, гдѣ былъ заключенъ съ Давидомъ миръ, потомъ опять къ Смоленску съ Вороницы, и, наконецъ, походъ на Половцевъ къ Сулѣ, которые всѣ надобно отнести частью къ 1096 и частью къ 1097 гг.; а *зиму* этого послѣдняго Мономахъ провелъ на югѣ, откуда выслалъ сына Вячеслава съ Половцами въ Суздаль, на помощь другому сыну своему Мстиславу, для отраженія вторгнувшагося въ Ростовскую землю Олега (Лавр. 231); вслѣдъ же за означеннымъ походомъ къ Ростову, и въ непрерывной съ нимъ связи, въ Поученіи поставлены три похода въ Смоленскъ: „и по три зимы ходихомъ Смолинску“,—въ одинъ изъ которыхъ Мономахомъ была заложена въ Смоленскѣ каменная церковь Св. Богородицы, а это событіе, по Ипат. (181 с.) и Густ. (285 с.) лѣтописямъ, отнесено къ 1101 г., по Сокращ. же Кіевской лѣтописи (Супр. рукоп. 131 с.) къ 1100 г.; но такъ какъ въ послѣдней далѣе объяснено, что закладка церкви произведена 7 марта на средокрестье, которое дѣйствительно приходилось на это число—въ 1100 г., то послѣднее показаніе слѣдуетъ признать болѣе достовѣрнымъ; для того же, чтобы эта закладка могла состояться въ самомъ началѣ 1100 г. и въ концѣ зимы, надобно, чтобы Мономахъ пріѣхалъ въ Смоленскъ въ началѣ зимы, т.-е. въ 1099 г., а потому означенные походы въ Смоленскъ должны быть отнесены къ зимамъ 1099, 1100 и 1101 гг.

Что же относится до сказаннаго непосредственно за третьимъ изъ сихъ походовъ: „и се нынѣ иду Ростову“,—то, упоминаніе объ этомъ походѣ, тогда какъ вслѣдъ за нимъ перечисляется рядъ другихъ, въ числѣ коихъ еще одинъ походъ въ Ростовъ,—можно объяснить тѣмъ, что Поученіе писалось въ два пріема и первоначально этимъ походомъ перечень оканчивался,—всѣ же остальные до 1117 г. приписаны уже впослѣдствіи, и въ такомъ случаѣ этотъ походъ надо считать третьимъ и отнести его къ 1102 году; если же упоминаніе о немъ, не въ последовательномъ порядкѣ, отнести къ неисправности редакціи Поученія, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ считаться четвертымъ и быть поставленнымъ въ самомъ концѣ перечисленныхъ походовъ, именно въ 1117 г., что было бы правильнѣе, потому что въ этомъ году, по свидѣтельству Русскаго Временника, I, 77, и Сокращ. Новгор. лѣтописи (Супр. рукоп.), 17—18, „князь Володимерь приходилъ изъ Кіева въ Володимерь градъ и поставилъ церковь камену Святаго Спаса“ [6]).

---

[6]) Что въ этомъ случаѣ говорится о Владимірѣ Клязьменскомъ, а не о Владимірѣ Волынскомъ, видно изъ того, что въ этомъ послѣднемъ хотя и была нѣкогда церковь Св. Спаса (Теодоровичъ. Г. Владиміръ, Волынской губ., 158 с.), но она не могла быть поставлена Мономахомъ въ 1117 г., потому что въ это время во Владимірѣ Волынскомъ княжилъ Ярославъ Святополковичъ, противъ котораго Мономахъ совершилъ въ томъ году свой походъ, но города не взялъ и, заключивъ миръ, возвратился въ Кіевъ (Ипат., 204),

Поэтому, упоминаемый уже послѣ сего походъ въ Ростовъ долженъ считаться третьимъ. Онъ совершенъ, несомнѣнно, въ 1108 году, такъ какъ о немъ говорится вслѣдъ за заключеніемъ мира съ Половецкимъ княземъ Аепою и взятіемъ у него дочери для замужства съ княземъ Юріемъ, что по свидѣтельству Лавр. лѣтописи (272) было 12 января 1107 года, непосредственно послѣ чего Мономахъ отправился въ Смоленскъ, а изъ Смоленска въ Ростовъ, и бытность Мономаха въ Ростовѣ въ 1108 году подтверждается свидѣтельствомъ Лѣтописца Руск. (изд. Львовымъ, I, 204).

Принимая во вниманіе, что гор. Владиміра, какъ видно изъ приведенныхъ выше соображеній, не существовало еще въ 1097 г., пріѣздъ Мономаха въ Ростовскую землю въ 1073 г., въ вопросѣ о времени основанія этого города, не можетъ имѣть значенія. Поэтому, обращаясь къ разсмотрѣнію дѣятельности Мономаха въ его пріѣзды въ названную землю послѣ 1097 г., находимъ въ лѣтописи, подъ 1108 г., извѣстіе, относящееся именно къ строенію города Владиміра; въ немъ говорится: „совершенъ бысть градъ Володиміръ“ (Лѣт. Рус. I, 204). Но по смыслу этого выраженія надобно заключать, что на этотъ разъ городъ былъ лишь оконченъ устройствомъ [7]). Въ Синодальной и другихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ говорится болѣе подробно, въ чемъ состояла дѣятельность Мономаха по сооруженію города,—онъ „*поставилъ* градъ Володимерь... и осыпа его спомъ...“, время же всѣхъ этихъ сооруженій означено—„за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія“. Это также будетъ приходиться на 1108 г., если подъ словомъ „ставленія“ разумѣть годъ заложенія Богородичной церкви (1158-й); но если въ названныхъ лѣтописяхъ слово „ставленія“ употреблено въ смыслѣ окончанія постройки (1160 г.), то, такъ какъ Мономахъ въ 1110 г. въ Ростовской землѣ не былъ,—промежутокъ времени получится въ 52 года. Изъ содержанія приведеннаго лѣтописнаго извѣстія видно, что, при построеніи Владиміра, Мономахомъ былъ сперва поставленъ городъ, а потомъ этотъ городъ, безъ сомнѣнія деревянный, былъ осыпанъ валомъ. Но такъ какъ, при техническомъ исполненіи, не могло представляться никакой надобности для насыпки вала ставить предварительно, какъ основу, дере-

---

а когда Ярославъ ушелъ въ Угры и городъ этотъ въ 1118 г. поступилъ въ распоряженіе Мономаха, то онъ въ немъ уже не былъ и послалъ туда княжить сына своего Романа (Ипат., 205).

7) Это подтверждается тѣмъ, что въ такомъ смыслѣ слова: „совершенъ бысть“ употребляются въ подобныхъ же случаяхъ въ другихъ лѣтописяхъ, напр., въ Рус. Временникѣ, въ коемъ подъ 1160 г. сказано: „совершена бысть церковь Св. Богородицы во Владимірѣ“, о чемъ въ Лавр. лѣтописи, подъ тѣмъ же 1160 г., говорится: „создана бысть церкы Св. Богородица“, тогда какъ объ основаніи этой церкви помѣщено особое извѣстіе, подъ 1158 г.: „заложи... в Володимери церковь камену Св. Богородицю“. (Лавр. 330 и 333 с.).

вянный городъ, то слѣдуетъ признать, что въ означенномъ извѣстіи говорится о двухъ разновременныхъ дѣяніяхъ, изъ коихъ одно заключается въ основаніи Мономахомъ, нѣсколькими годами раньше, первоначально деревяннаго города (принимая слово городъ въ старинномъ его значеніи,—какъ огражденіе), а другое—въ сооруженіи вала, что собственно и должно относиться къ 1108 году; но и въ этомъ году валъ былъ лишь оконченъ, потому что насыпка его, въ огромныхъ размѣрахъ и на значительномъ протяженіи (около $4^1/_2$ верстъ [8]), не могла быть произведена въ одно лѣто и требовала гораздо болѣе продолжительнаго времени. Притомъ въ 1108 г. Мономахъ пробылъ въ Ростовской землѣ не долго, такъ какъ долженъ былъ спѣшить на югъ, чтобы защищать свою Переяславскую землю отъ Половцевъ, на которыхъ онъ и совершилъ, по возвращеніи изъ Ростова, два похода въ томъ же году (Лавр., 241).

Такимъ образомъ, основаніе гор. Владиміра, первоначально деревяннаго, надобно отнести къ предыдущему пріѣзду Мономаха въ Ростовскую землю, именно въ 1098 году. Къ такому заключенію приводитъ то соображеніе, что занимаемое гор. Владиміромъ мѣсто показываетъ, что онъ поставленъ съ цѣлью служить защитою для Ростовской земли отъ непріятельскихъ вторженій со стороны Мурома, а въ 1108, также какъ и въ ближайшіе къ нему годы, у Мономаха съ Черниговскими Святославичами установились уже мирныя отношенія, и потому основаніе съ означенною цѣлью новаго города у границы съ Муромскою землею ничѣмъ уже въ это время не вызывалось. Но не таковы были отношенія Мономаха съ сосѣдями около 1098 года. Въ предыдушемъ 1097 г., какъ выше объяснено, Олегъ два раза вторгался изъ Мурома въ Ростовскую землю и раззорилъ Суздаль. Въ 1098 г., съ цѣлью умиротворенія и успокоенія Руси, состоялся въ Любечѣ, около 1 ноября, съѣздъ князей, на которомъ было постановлено каждому изъ нихъ владѣть волостью своего отца. Но при запутанности такого рода правъ владѣнія на нѣкоторыя изъ земель, договоръ этотъ не могъ водворить миръ. Такъ, немедленно же послѣ Любечскаго съѣзда, возгорѣлось междоусобіе изъ-за владѣнія Волынскою землею, въ которой оказалось два отчича и, кромѣ того, получившіе въ ней удѣлы Ростиславичи. Еще болѣе серьезнаго столкновенія можно было ожидать изъ-за Смоленской земли, которую Мономахъ стремился пріобрѣсть въ свое единственное владѣніе (чего онъ и достигъ), и къ которой было три отчича (не считая Давида Игоре-

[8]) Старый гор. Владиміръ былъ длиною 620 саж. (Карамз. И. Г. Р. II, прим. 238) и если поперечныя его стороны были по 500 саж, то окружность должна быть $4^1/_2$ вер.

вича), потому что, по смерти Игоря Ярославича, въ 1060 г. [9]), Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи раздѣлили Смоленскую землю между собою на три части, слѣдовательно, сыновья ихъ имѣли одинаковое право на участіе во владѣніи этою землей. Въ какомъ видѣ состоялся такой раздѣлъ,—неизвѣстно, но, какъ оказывается изъ послѣдующихъ событій, земли, тянувшія къ Смоленску, не подверглись раздробленію; на Любечскомъ съѣздѣ о нихъ не постановлено никакого опредѣленія, но сидѣвшій передъ тѣмъ въ Смоленскѣ Давидъ Святославичъ перешелъ послѣ того въ свой Черниговъ, а вслѣдъ затѣмъ Смоленскомъ овладѣлъ Мономахъ. Изъ числа противниковъ, онъ имѣлъ основаніе, въ особенности, опасаться своихъ ближайшихъ сосѣдей Святославичей, такъ какъ былъ съ ними въ это время въ весьма непріязненныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ ихъ Черниговско-Муромская земля, на всемъ своемъ значительномъ протяженіи, разъединяла Мономаховы сѣверныя владѣнія отъ южныхъ, и онъ, въ случаѣ столкновенія изъ-за Смоленска, могъ быть поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Поэтому, чтобы сохранить въ своемъ владѣніи Смоленскъ, а также и обезопасить свои отчинныя земли, онъ долженъ былъ принимать, заблаговременно, соотвѣтствующія мѣры предосторожности.

Отсюда становится понятною усиленная дѣятельность Мономаха въ это время, особенно въ отношеніи его сѣверныхъ владѣній; такъ, на зиму 1098 года онъ совершилъ поѣздку въ Ростовъ, а слѣдующія затѣмъ три зимы, въ 1099, 1100 и 1101 гг., онъ провелъ въ Смоленскѣ. Несомнѣнно, что во время пребыванія, какъ въ Ростовской, такъ и въ Смоленской землѣ онъ занимался приведеніемъ ихъ въ оборонительное положеніе; а что именно такой характеръ имѣла его дѣятельность, показываетъ то, что передъ поѣздкой въ Ростовъ, онъ въ 1098 г. заложилъ, на самой границѣ Переяславской земли съ Черниговскою, городъ на р. Острѣ (Ипат., 179), именно съ стратегическою цѣлію, такъ какъ выбранное имъ для того мѣсто, на возвышенномъ лѣвомъ берегу этой рѣки, при впаденіи ея въ Десну (гдѣ нынѣ с. Старогородка), показываетъ, что городъ этотъ былъ имъ предназначенъ служить защитой для Переяславля отъ нападенія со стороны Чернигова [10]).

Вскорѣ послѣ Любечскаго съѣзда, въ первыхъ числахъ ноября

---

[9]) Воскр. лѣтопись, 333; Софійская 1-я, 139 стр.

[10]) Что Мономахъ ясно понималъ и потому придавалъ важное значеніе стратегическимъ пунктамъ, видно изъ того, что передъ сраженіемъ съ Половцами у Треполя въ 1093 г., когда соединенныя силы Русскихъ князей стояли еще на лѣвомъ берегу Стугны, Мономахъ совѣтовалъ не переходить за рѣку, говоря: „яко сде стояще чересъ рѣку, въ грозѣ сей. створимъ миръ съ ними“; но совѣтъ не былъ принятъ, Русскіе перешли за рѣку и потерпѣли жестокое пораженіе (Лавр. 212).

1098 года, Мономахъ отправился *на зиму* въ Ростовскую землю и, несомнѣнно, въ этомъ же году, еще до наступленія зимы, основалъ тамъ городъ Владиміръ, также съ стратегическою цѣлью, чтобы преградить свободный доступъ въ Ростовскую землю со стороны Мурома, какъ это случилось въ предыдущемъ 1097 году. Для этого онъ избралъ мѣстность у дороги, ведущей изъ Мурома въ Суздаль, на возвышенномъ лѣвомъ берегу р. Клязьмы, а съ другой стороны защищаемую крутизнами берега р. Лыбеди. Вновь основанный городъ былъ первоначально деревянный, вѣроятно, въ видѣ острога, и занималъ довольно обширное пространство, какъ объ этомъ можно заключать по земляному валу, которымъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, онъ былъ осыпанъ; а этотъ послѣдній былъ оконченъ въ 1108 году.

Принимая во вниманіе, что и впослѣдствіи производились работы по строенію города Владиміра, причемъ кн. Андрей Боголюбскій въ 1158 г. распространилъ его: „городъ заложи болий", а его братъ кн. Всеволодъ въ 1194 г. заложилъ въ немъ дѣтинецъ (Лавр., 330 и 390), — слѣдуетъ признать, что изъ нынѣ существующихъ валовъ Мономаху долженъ принадлежать средній изъ нихъ, кн. Андрею — самый внѣшній, а Всеволоду — самый внутренній.

Затѣмъ, что относится до построенія Мономахомъ въ гор. Владимірѣ церкви Святаго Спаса, то, въ виду свидѣтельствъ Рус. Врем., I, 77, и Сокращ. Новг. лѣт-си (Супр. рукоп.) 17 — 18, по коимъ таковое показано подъ 1117 г., можно полагать, что при упоминаніи объ этомъ въ Лѣт-сцѣ Рус., I, 204, подъ 1108 г., также какъ и въ Синодальной лѣт-си, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о строеніи города, къ этому году отнесены два разновременныхъ событія.

Основаніемъ Владиміра, безъ сомнѣнія, не могла закончиться дѣятельность Мономаха по укрѣпленію границы Суздальскаго края Ростовской земли со стороны Мурома. Владиміръ долженъ былъ защищать край отъ вторженій только по главному, торному пути; но были и другіе, второстепенные, по которымъ также можно было проникнуть въ этотъ край. Поэтому вѣроятно, что Мономахомъ же, на такихъ путяхъ и съ тою же стратегическою цѣлью, основаны были и ниже по теченію р. Клязьмы города: Стародубъ, Ярополчъ, Гороховецъ и, при впаденіи Клязьмы въ Оку, Бережецъ, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ преграждался и судовой ходъ. О времени основанія ихъ всѣхъ въ лѣтописяхъ хотя и нѣтъ извѣстій, но нѣкоторые изъ нихъ являются, какъ уже существующіе, при ближайшихъ потомкахъ Мономаха. Такъ Гороховецъ внукомъ Мономаха, кн. Андреемъ, данъ былъ Владимірской Богородичной церкви, а Стародубъ составилъ удѣлъ правнука его кн. Ивана

Всеволодовича. Выше Владиміра по Клязьмѣ не было надобности ставить города, такъ какъ за этою рѣкою на большое пространство были сплошные лѣса, чрезъ которые торныхъ путей въ то время не существовало, что подтверждается тѣмъ, что и впослѣдствіи, вторженія въ Суздальскій край изъ Муромо - Рязанской земли производились около Коломны.

А. Бунинъ.

Гатчина, 30 мая 1898 г.

VI.

Археологическая хроника.

На послѣднемъ засѣданіи Кіевскаго предварительнаго Комитета XI-го Археологическаго Съѣзда, въ присутствіи гр. П. С. Уваровой, были сдѣланы слѣдующія постановленія и заявленія:

1) Рѣшено присоединить къ подготовляемымъ изслѣдованіямъ и работы по изученію лѣвобережной Украины, ея могильниковъ, городищъ, старинныхъ храмовъ, архивовъ, древностей временъ казачества и т. д., и между прочимъ сдѣлать фотографическіе снимки со зданій, сохранившихся отъ временъ Мазепы, гр. Разумовскаго и др., въ Батуринской Гончаровкѣ, Тепловкѣ и т. д.

2) Было выражено желаніе приготовить къ съѣзду археологическое описаніе г. Чернигова.

3) Рѣшено образовать при выставкѣ Съѣзда Историческій отдѣлъ (портреты, фотографіи зданій и т. д.).

4) Рѣшено просить г. Лашкарева, при его объѣздѣ Черниговской губ. имѣть въ виду обозрѣніе не только церковныхъ памятниковъ, но и гражданскихъ (замки, башни, старыя зданія, стѣнопись), и просить г. Ляскоронскаго—предпринять обслѣдованіе Черниговской губ. въ отношеніи къ древнимъ могильникамъ, городищамъ и стоянкамъ. При этомъ А. М. Лазаревскій указалъ на желательность обслѣдованія городища, извѣстнаго подъ названіемъ „Красный Колядокъ“.

5) Постановлено просить г. Истомина, при обозрѣніи церковныхъ памятниковъ Волыни, снимать планы, разрѣзы и обмѣры, и дѣлать снимки съ мозаикъ и стѣнописи.

6) Выяснено, что архивы и библіотеки, имѣющіеся въ краѣ, какъ то: архивъ г. Глухова, консисторскій—въ Черниговѣ, тамъ же Библіотека семинарская и—Архіерейскаго дома въ Троицкомъ Черниговскомъ монастырѣ, библіотека и иконы Покровскаго единовѣрческаго монастыря

въ Новозыбскомъ у., Черниговской губ., оставлены пока безъ вниманія. Изъ архивовъ заслуживали бы также обозрѣнія — архивъ Миклашевскихъ (нынѣ гр. Ал. Андр. Олсуфьевой), въ с. Волокитинѣ, близъ ст. Путивль К.-Вор. ж. д. и гр. Милорадовича въ г. Любечѣ, Черниг. губ.

7) Выражено было желаніе представить на выставкѣ Съѣзда типы южно-русской иконописи. А. М. Лазаревскій вызвался представить цѣлую серію казацкихъ иконъ „Покрова Богоматери" и просилъ принять мѣры къ возвращенію въ Переяславскій соборъ вывезенную оттуда икону Покрова съ портретами Петра Великаго и казацкихъ старшинъ. Онъ же проситъ войти съ ходатайствомъ къ митрополиту кіевскому о перенесеніи въ кіевскій церковный музей портретовъ настоятелей Кіево-Печерской Лавры, нынѣ сваленныхъ подъ колокольней.

8) Рѣшено подготовить къ Съѣзду рисунки и модели раскопокъ г. Хвойко подъ Трипольемъ.

9) Выражено желаніе собрать для Съѣзда по возможности полный указатель всѣхъ археологическихъ коллекцій и архивовъ Южной Россіи съ болѣе полными каталогами характерныхъ коллекцій.

10) Было заявлено о необходимости выдѣлить на выставкѣ Съѣзда въ особую группу тѣ древности, снимки и пр., которые будутъ доставлены лицами, командируемыми изъ Москвы, на средства Московскаго Комитета.

11) Было признано необходимымъ образовать Хозяйственный Комитетъ Съѣзда съ представителями отъ кіевскаго генералъ-губернатора и кіевской городской думы. По этому поводу гр. Уварова бесѣдовала съ городскимъ головою г. Сольскимъ и съ г. генералъ-губернаторомъ М. И. Драгомировымъ. Оба изъявили полную готовность содѣйствія, причемъ г. генералъ-губернаторъ назначилъ своимъ представителемъ въ Комитетъ Ник. Вас. Молчановскаго. Г. попечитель округа изъявилъ готовность предоставить безплатныя помѣщенія для членовъ Съѣзда въ интернатѣ I и II гимназіи.

12) Разсматривался вопросъ о поѣздкахъ во время Съѣзда. Были намѣчены три: 1) въ Луцкъ (12 ч. ѣзды по ж. д.), 2) въ Дубно, Кременецъ и Почаевъ (по ж. д. и на лошадяхъ) и 3) — по Днѣпру, съ остановками въ Трипольѣ (гдѣ могла бы состояться демонстрація раскопокъ г. Хвойка и даже произведена раскопка), въ Переяславлѣ, Трахтоміровѣ, Витачевѣ, Каневѣ и Черкасахъ; здѣсь предполагается выйти на берегъ и возвратиться въ Кіевъ по жел. дорогѣ съ остановками въ Корсунѣ, имѣніи г-жи Демидовой-Лопухиной и Бѣлой Церкви, имѣніи гр. Браницкой. Отдано предпочтеніе третьей поѣздкѣ.

13) Рѣшено произвести во время Съѣзда раскопки: въ лѣсу Ки-

таевской пустыни (принадлежащемъ Кіево-Печерской Лаврѣ), гдѣ намѣчено три могильника и куда изъ Кіева ходятъ пароходы, и въ Вышгородѣ, гдѣ имѣется городище, могильникъ и гдѣ предполагается также осмотрѣть развалины церкви св. Бориса и Глѣба, и откуда легко (2 вер.) проѣхать въ Межигорье.

14) По предложенію В. Б. Антоновича, рѣшено предпринять обслѣдованіе Подоліи, поручивъ его г. Молчановскому и свящ. Спицинскому, который готовитъ къ Съѣзду археол. карту Подоліи.

15) Проф. В. А. Антоновичъ просилъ освѣдомиться у проф. Прахова, куда имъ доставленъ или гдѣ находится вынутый имъ въ 1886 г., при вскрытіи могилы въ Владиміро-Волынскомъ соборѣ черепъ князя Владиміра Васильковича. Черепъ этотъ интересенъ тѣмъ, что можетъ быть вѣрно датированъ, такъ какъ въ лѣтописи есть подробность, что князь этотъ скончался отъ рака нижней челюсти, что, по словамъ видѣвшихъ черепъ, подтверждается состояніемъ его челюсти. — Проф. Н. И. Петровъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему извлечь изъ ризницы Кіево-Печерской Лавры, для выставки Съѣзда, древности, не имѣющія спеціально церковнаго характера, какъ, напр., половая мозаика и др.

—— Съ 21 по 30-е августа сего года, въ Кіевѣ имѣетъ быть *X Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей*, въ числѣ секцій котораго организуется секція *Географіи, Этнографіи и Антропологіи*, завѣдующимъ которой избранъ проф. В. Б. Антоновичъ, а секретаремъ А. М. Покровскій.

—— Благодаря усовершенствованію и удешевленію фотографіи, скоро не будетъ нужды въ заграничныхъ путешествіяхъ даже для работъ *палеографическихъ*. Уже давно серьозныя историко-литературныя и археографическія изслѣдованія печатаются съ приложеніемъ снимковъ съ рукописей; но пока эти снимки дѣлались отъ руки, хотя бы при посредствѣ калькированія, читатель не могъ быть вполнѣ увѣренъ, что онъ видитъ передъ собою *безусловно точное* воспроизведеніе извѣстной страницы; да и что значитъ одна страница?! Въ послѣднее время кальки все чаще и чаще замѣняются фотографіей, которая появляется даже вовсе не въ роскошныхъ изданіяхъ. Теперь, наконецъ, фотографически воспроизводятся цѣлыя рукописи и не только отдѣльныхъ важнѣйшихъ памятниковъ, но и цѣлыхъ сборниковъ. Такъ голландская (лейденская) издательская фирма A. W. Sijthoff'а два года назадъ предприняла рядъ изданій подъ заглавіемъ: Codices graeci et latini photografice depicti (сперва дѣломъ руководилъ библіотекарь лейденской университетской библіотеки Du Rieu, а теперь, по смерти его, оно перешло въ руки

13*

его наслѣдника по должности De Vries'a). Въ этомъ изданіи недавно появился *Codex Bernensis* 363, заключающій въ себѣ діалектику и реторику бл. Августина, 1-ую книгу церковной исторіи Беды, Горація, отрывки метаморфозъ Овидія, грамматическіе труды Сервія и др., и пр.; его воспроизведеніе имѣетъ 394 страницы, кромѣ введенія. Это одинъ изъ важнѣйшихъ въ культурномъ и лингвистическомъ отношеніи такъ наз. Иро-шотландскихъ кодексовъ, явившихся изъ школы ученаго Скота Седулія; онъ написанъ въ концѣ IX или начала X вѣка и чрезвычайно цѣненъ по множеству глоссъ и замѣтокъ на поляхъ, взятыхъ изъ еще болѣе древняго оригинала.

Настоящій томъ по цѣнѣ (200 марокъ) еще мало доступенъ частному человѣку, но всякая университетская или большая публичная библіотека можетъ пріобрѣсти его и предоставить студентамъ и ученымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ десять, двадцать лѣтъ такія воспроизведенія будутъ вчетверо дешевле, и тогда любой провинціальный учитель гимназіи, не выѣзжая изъ своего города, можетъ произвести серьозную палеографическую работу по лондонской, бамбергской и т. д. рукописи. *А. К.*

—— „За послѣднее время открыты весьма интересныя росписи стѣнъ въ церкви Преображенія въ Мирожскомъ монастырѣ, въ г. Псковѣ и въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Церковь Преображенія построена основателемъ монастыря преп. Нифонтомъ въ половинѣ XII ст. Съ теченіемъ времени она сильно пострадала и теперь предназначена къ реставраціи. Фресковая роспись была закрыта нѣсколькими слоями окрасокъ и частью заштукатурена, но слѣды ея наблюдались сквозь облупившіяся части наслоеній. Предварительныя работы, по возстановленію храма, дали мнѣ возможность вскрыть всю живопись и тогда представилась полная картина всей стѣнописи XII ст. По обилію священныхъ изображеній, ихъ сохранности и полнотѣ композицій, памятникъ этотъ является единственнымъ въ Россіи [1]). Трактованіе сюжетовъ стѣнописи, типы изображеній, костюмы, рисунокъ и пр., все очень напоминаетъ образцы греческой живописи. Распредѣленіе священныхъ изображеній также вполнѣ отвѣчаетъ сложившимся въ Византіи взглядамъ на извѣстное символическое соотношеніе изображеній къ даннымъ частямъ храма.

Въ алтарѣ, обозначающемъ небесную церковь—небо небесъ, представлено: въ полукуполѣ „Деисусъ" или Моленіе (Спаситель возсѣдаетъ

---

[1]) Другой подобный памятникъ — церковь Спаса Нерѣдицы, близъ Новгорода. Такихъ росписей, и то мало сохранившихся, мы имѣемъ еще въ очень немногихъ русскихъ храмахъ.

на тронѣ; по сторонамъ Его Богоматерь и Предтеча). Ниже, по полукружію алтаря, изображена божественная литургія — евхаристія, гдѣ самъ Спаситель, какъ Великій Архіерей, въ сослуженіи ангеловъ, совершаетъ таинство среди пріемлющихъ его апостоловъ; съ одной стороны Онъ даетъ св. хлѣбъ; съ другой св. чашу. Ниже евхаристіи расположены въ два ряда святители, какъ преемники апостоловъ, и св. діаконы, какъ служители и хранители алтаря. На сводѣ алтаря представлена сложная композиція во имя посвященія церкви Преображенія Господня, въ центрѣ изображеніе Спасителя, по бокамъ вхожденіе Іисуса Христа съ апостолами на гору Ѳаворъ и схожденіе съ оной.

Средняя часть храма обозначаетъ церковь земную; въ центрѣ купола представленъ Христосъ, какъ Глава церкви, возсѣдающій на радугѣ въ ореолѣ, поддерживаемомъ ангелами. Въ простѣнкахъ оконъ барабана изображены пророки, какъ предвѣстники церкви (между ними цари Давидъ и Соломонъ въ діадемахъ и далматикахъ). Ниже—апостолы, утвердители церкви. Въ парусахъ — четыре евангелиста, какъ распространители ученія Христа въ четырехъ странахъ свѣта. Въ подпружныхъ аркахъ представлены первосвященники и ветхозавѣтные праведники. На восточныхъ пилонахъ Благовѣщеніе, І. Христосъ съ раскрытою книгою и Богоматерь. На другихъ пилонахъ мученики, столпники, воины, преподобные и др. святые, способствовавшіе распространенію и утвержденію церкви. На стѣнахъ и сводахъ храма изображены также одиночные святые и главнѣйшіе сюжеты евангельскихъ событій и поученій—какъ суть вѣры Христовой. На западной стѣнѣ представлена сложная картина Страшнаго Суда—скончанія земной церкви.

Въ жертвенникѣ и въ діаконникѣ изображены ангелы съ жезлами и сцены изъ ветхаго завѣта, частію относящіяся до жертвоприношенія. Въ юго-западномъ углу храма—цѣлый циклъ рѣдчайшихъ изображеній, посвященныхъ Богоматери. Въ сѣверо-западномъ углу храма часть фресокъ уничтожена позднѣйшею постройкою. Вся стѣнопись является для насъ весьма поучительною, ибо внутренній смыслъ и распредѣленіе всѣхъ изображеній есть результатъ долгихъ сужденій о церкви; христіанство дало такой сильный поворотъ въ умственной жизни народовъ, принявшихъ ученіе Христа, что въ извѣстные періоды едва ли не вся художественная и литературная дѣятельность была подчинена религіозному движенію. Церковь была наивысшей и любимой темой обширныхъ толкованій богослововъ; устанавливались символическія воззрѣнія на храмъ и его части. Тексты св. писаній и литургіи давали неисчерпаемый матеріалъ художникамъ, объединившимъ чувства и мысли народа и, такимъ образомъ, слагались стѣнописи древнихъ христіанскихъ храмовъ.

его наслѣдника по должности De Vries'a). Въ этомъ изданіи недавно появился *Codex Bernensis* 363, заключающій въ себѣ діалектику и реторику бл. Августина, 1-ую книгу церковной исторіи Беды, Горація, отрывки метаморфозъ Овидія, грамматическіе труды Сервія и др., и пр.; его воспроизведеніе имѣетъ 394 страницы, кромѣ введенія. Это одинъ изъ важнѣйшихъ въ культурномъ и лингвистическомъ отношеніи такъ наз. Иро-шотландскихъ кодексовъ, явившихся изъ школы ученаго Скöта Седулія; онъ написанъ въ концѣ IX или начала X вѣка и чрезвычайно цѣненъ по множеству глоссъ и замѣтокъ на поляхъ, взятыхъ изъ еще болѣе древняго оригинала.

Настоящій томъ по цѣнѣ (200 марокъ) еще мало доступенъ частному человѣку, но всякая университетская или большая публичная библіотека можетъ пріобрѣсти его и предоставить студентамъ и ученымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ десять, двадцать лѣтъ такія воспроизведенія будутъ вчетверо дешевле, и тогда любой провинціальный учитель гимназіи, не выѣзжая изъ своего города, можетъ произвести серьозвую палеографическую работу по лондонской, бамбергской и т. д. рукописи. *А. К.*

—— „За послѣднее время открыты весьма интересныя росписи стѣнъ въ церкви Преображенія въ Мирожскомъ монастырѣ, въ г. Псковѣ и въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Церковь Преображенія построена основателемъ монастыря преп. Нифонтомъ въ половинѣ XII ст. Съ теченіемъ времени она сильно пострадала и теперь предназначена къ реставраціи. Фресковая роспись была закрыта нѣсколькими слоями окрасокъ и частью заштукатурена, но слѣды ея наблюдались сквозь облупившіяся части наслоеній. Предварительныя работы, по возстановленію храма, дали мнѣ возможность вскрыть всю живопись и тогда представилась полная картина всей стѣнописи XII ст. По обилію священныхъ изображеній, ихъ сохранности и полнотѣ композицій, памятникъ этотъ является единственнымъ въ Россіи [1]). Трактованіе сюжетовъ стѣнописи, типы изображеній, костюмы, рисунокъ и пр., все очень напоминаетъ образцы греческой живописи. Распредѣленіе священныхъ изображеній также вполнѣ отвѣчаетъ сложившимся въ Византіи взглядамъ на извѣстное символическое соотношеніе изображеній къ даннымъ частямъ храма.

Въ алтарѣ, обозначающемъ небесную церковь—небо небесъ, представлено: въ полукуполѣ „Деисусъ“ или Моленіе (Спаситель возсѣдаетъ

[1]) Другой подобный памятникъ — церковь Спаса Нерѣдицы, близъ Новгорода. Такихъ росписей, и то мало сохранившихся, мы имѣемъ еще въ очень немногихъ русскихъ храмахъ.

на тронѣ; по сторонамъ Его Богоматерь и Предтеча). Ниже, по полукружію алтаря, изображена божественная литургія — евхаристія, гдѣ самъ Спаситель, какъ Великій Архіерей, въ сослуженіи ангеловъ, совершаетъ таинство среди пріемлющихъ его апостоловъ; съ одной стороны Онъ даетъ св. хлѣбъ; съ другой св. чашу. Ниже евхаристіи расположены въ два ряда святители, какъ преемники апостоловъ, и св. діаконы, какъ служители и хранители алтаря. На сводѣ алтаря представлена сложная композиція во имя посвященія церкви Преображенія Господня, въ центрѣ изображеніе Спасителя, по бокамъ вхожденіе Іисуса Христа съ апостолами на гору Ѳаворъ и схожденіе съ оной.

Средняя часть храма обозначаетъ церковь земную; въ центрѣ купола представленъ Христосъ, какъ Глава церкви, возсѣдающій на радугѣ въ ореолѣ, поддерживаемомъ ангелами. Въ простѣнкахъ оконъ барабана изображены пророки, какъ предвѣстники церкви (между ними цари Давидъ и Соломонъ въ діадемахъ и далматикахъ). Ниже—апостолы, утвердители церкви. Въ парусахъ — четыре евангелиста, какъ распространители ученія Христа въ четырехъ странахъ свѣта. Въ подпружныхъ аркахъ представлены первосвященники и ветхозавѣтные праведники. На восточныхъ пилонахъ Благовѣщеніе, I. Христосъ съ раскрытою книгою и Богоматерь. На другихъ пилонахъ мученики, столпники, воины, преподобные и др. святые, способствовавшіе распространенію и утвержденію церкви. На стѣнахъ и сводахъ храма изображены также одиночные святые и главнѣйшіе сюжеты евангельскихъ событій и поученій—какъ суть вѣры Христовой. На западной стѣнѣ представлена сложная картина Страшнаго Суда—скончанія земной церкви.

Въ жертвенникѣ и въ діаконникѣ изображены ангелы съ жезлами и сцены изъ ветхаго завѣта, частію относящіяся до жертвоприношенія. Въ юго-западномъ углу храма—цѣлый циклъ рѣдчайшихъ изображеній, посвященныхъ Богоматери. Въ сѣверо-западномъ углу храма часть фресокъ уничтожена позднѣйшею постройкою. Вся стѣнопись является для насъ весьма поучительною, ибо внутренній смыслъ и распредѣленіе всѣхъ изображеній есть результатъ долгихъ сужденій о церкви; христіанство дало такой сильный поворотъ въ умственной жизни народовъ, принявшихъ ученіе Христа, что въ извѣстные періоды едва ли не вся художественная и литературная дѣятельность была подчинена религіозному движенію. Церковь была наивысшей и любимой темой обширныхъ толкованій богослововъ; устанавливались символическія воззрѣнія на храмъ и его части. Тексты св. писаній и литургіи давали неисчерпаемый матеріалъ художникамъ, объединившимъ чувства и мысли народа и, такимъ образомъ, слагались стѣнописи древнихъ христіанскихъ храмовъ.

Къ сожалѣнію, въ наше время трактовка священныхъ изображеній и ихъ группировка въ храмахъ являются въ большинствѣ случаевъ довольно произвольными.

Другой памятникъ глубокой старины—Софійскій Новгородскій соборъ также открылъ намъ теперь драгоцѣнные остатки стѣнописи, къ сожалѣнію, очень немногочисленные. Храмъ св. Софіи построенъ Владиміромъ Ярославичемъ въ 1045 г. и за разные періоды времени подвергался пожарамъ, передѣлкамъ и неудачнымъ ремонтамъ. На мою долю выпала честь сдѣлать самыя подробнѣйшія изслѣдованія и обстоятельный ремонтъ храма. Въ числѣ разныхъ открытій довелось обнаружить и древнюю роспись собора. Наиболѣе сохранившаяся часть стѣнописи оказалась въ главномъ барабанѣ, подъ живописью позднѣйшаго времени. Знаменитое колоссальное изображеніе Спасителя съ сжатою рукою, остававшееся болѣе или менѣе въ древнемъ видѣ, оказалось прописаннымъ и частью исполненнымъ по новой штукатуркѣ въ XVI—XVII в. По удаленіи позднѣйшей живописи, ниже изображенія Спасителя, обнаружены изображенія четырехъ ангеловъ (высотою до 5 арш.) съ жезлами и сферами въ рукахъ, въ богатыхъ одѣяніяхъ; между ангелами четыре шестикрылыхъ серафима. Въ простѣнкахъ оконъ барабана открыто восемь изображеній пророковъ (Аввакумъ, Іезекіилъ, Исаія, царь Давидъ, царь Соломонъ, Іеремія, Даніилъ и Малахія) съ свитками и надписями на нихъ; характеръ письма очень напоминаетъ Остромирово Евангеліе; изображенія пророковъ (высотою около 5 арш.) сохранились въ очень хорошемъ видѣ. Постановка фигуръ довольно величественная, рисунокъ строгій. Манера письма чрезвычайно широкая. Типы пророковъ греческіе и производятъ необыкновенное впечатлѣніе на зрителя своей суровой красотой. Въ придѣлѣ князя Владиміра открыто подъ каменною прокладкою чрезвычайно интересное изображеніе царя Константина и царицы Елены, въ богатыхъ царскихъ, византійскихъ одеждахъ. Письмо въ легкихъ краскахъ довольно условное, но весьма характерное—восточное. Фреска эта можетъ быть относима къ XI столѣтію и совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ изображенія въ барабанѣ и въ другихъ частяхъ храма, открытыя въ видѣ неполныхъ картинъ. Живопись въ соборѣ исполнялась, какъ указываютъ лѣтописи, греческими художниками „... и устроивъ церковь, приведоша иконныхъ писцовъ изъ Царя-Града и начаша подписывати во главѣ...“

Роспись Новгородскаго собора производилась однако же въ разные періоды времени, что и подтверждается разнохарактерностью открытыхъ изображеній“. *Акад. В. Сусловъ*. („Нов. Вр.“, 7972).

—— По повелѣнію короля Александра сербскаго выпущено въ

ограниченномъ количествѣ (300 экз.) роскошное изданіе, которое можно считать однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ документовъ старо-сербскаго искусства. Это—Евангеліе и при томъ точное воспроизведеніе того Евангелія, которое подарили королю аѳонскіе монахи, когда онъ въ 1896 г. посѣтилъ ихъ древній монастырь. Евангеліе представляетъ рукопись съ прекрасными орнаментами и иниціалами, писанную въ XII ст. для князя Мирослава. Въ драгоцѣнной рукописи недостаетъ одной страницы. Она была взята однимъ русскимъ священникомъ и хранится, какъ драгоцѣнность, въ кіевской библіотекѣ. Король Александръ получилъ разрѣшеніе воспроизвести и эту страницу и, такимъ образомъ, перепечатка представляетъ полное воспроизведеніе рукописи. (Извѣст. книж. магаз. тов. М. О. Вольфъ, № 5, февраля 1898 г., стр. 80—81).

—— Въ засѣданіи Acad. d. inscr. et bel. lettres отъ 18 февраля 1898, г. Геронъ де-Вильфоссъ доложилъ о новыхъ раскопкахъ извѣстнаго ученаго іезуита Делатра (Delattre) въ Карѳагенѣ. Делатръ открылъ новый пуническій некрополь, представляющій разительное сходство съ усыпальницами въ Сидонѣ. Могилы высѣчены въ видѣ комнатъ въ скалѣ и въ нихъ проникнуть можно черезъ шахту, или колодезь. Въ могилахъ найдено много урнъ съ двойными ушками, и четыре крайне любопытныхъ издѣлія изъ обожженой глины, мѣстами раскрашенныхъ, а именно: изображеніе нумидійскаго всадника, статуя, представляющая человѣческую фигуру, полу - лежащую на баранѣ, статуя женщины, играющей на двухъ свирѣляхъ и, наконецъ, статуя какой - то богини, закрывшейся покрываломъ. Кромѣ того, тутъ же найдено еще много раскрашенныхъ страусовыхъ яицъ, ожерелій и иныхъ мелкихъ металлическихъ вещей. Весьма важна находка здѣсь же плиты изъ бѣлаго известняка, на которой сохранилась надпись пуническая, въ 9 строкъ, начертанная, хотя и тонкими, но очень явственными письменами (остальная часть надписи разбита). Надпись гласитъ о посвященіи святилища Астартѣ и Танитѣ.—Г. Берже обратилъ вниманіе присутствующихъ на то, что г. Ж. Рувье, при своихъ раскопкахъ въ Бейрутѣ, нашелъ остатки деревянныхъ саркофаговъ, весьма схожихъ съ тѣми, что открылъ Делатръ въ Карѳагенѣ и Сидонѣ.—Въ этомъ же засѣданіи г. Сенаръ (Senart) доложилъ объ интересной находкѣ, близъ Калькутты, изваянія, представляющаго рѣдкій и характерный образчикъ тибетскаго искусства.—Въ засѣданіи той-же академіи отъ 11 марта, г. Буассье представилъ рядъ фотографическихъ снимковъ съ „граффити“, найденныхъ во дворцѣ Тиверія на Палатинѣ, и въ которыхъ проф. Маруччи, одно время, видѣлъ „грубое изображеніе сцены распятія Христа“. По внимательномъ разсмотрѣніи этихъ фотографій, академія пришла къ за-

ключенію, что мнѣніе проф. Маруччи — невѣрно, да и самъ Маруччи теперь отказывается отъ своего истолкованія. Трудно сказать что-либо опредѣленное объ этихъ „граффити“, но, вѣроятнѣе всего, на нихъ представлена группа канатныхъ плясуновъ, натягивающихъ канатъ для своихъ представленій. Желающихъ ближе ознакомиться съ этими „граффити“ мы отсылаемъ къ журналу „Новь“ за текущій годъ, № 6, гдѣ помѣщенъ и хорошій снимокъ съ этого изображенія.

—— *Смерть Минотавра. Этрусское зеркало.* Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ журналѣ „Mélanges d'archéologie et d'histoire“ (Janvier—Mars 1898) интересная статья г. Бори (Borie) объ одномъ выдающемся, какъ сюжетомъ сцены, помѣщенной на обратной сторонѣ его, такъ и красотою отдѣлки, этрусскомъ зеркалѣ, находящемся въ частномъ владѣніи у одного лица въ Италіи. Въ настоящее время этрусскихъ зеркалъ извѣстно до 1,500 экземпляровъ; болѣе 600, наиболѣе замѣчательныхъ, изданы въ трудахъ Гергарда, Клигмана и Кёрте [1]), но громадное большинство изъ нихъ далеко не художественнаго исполненія, хотя на нихъ несомнѣнно видно вліяніе греческаго искусства, замѣтно подражаніе греческимъ образцамъ,—подражаніе, ограничивающееся, впрочемъ, лишь выборомъ сюжета, именами и принадлежностями лицъ.

Въ противоположность имъ, экземпляръ, описываемый г. Бори, очевидно, есть произведеніе художника, сумѣвшаго сообщить своей работѣ всѣ художественныя достоинства образцовъ. Дискъ изъ бронзы, 0,19 м. въ діаметрѣ, весь покрытъ изображеніями, обрамленъ легкой гирляндой изъ листьевъ аканѳа, которые въ видѣ пучка сходятся на ручкѣ зеркала. На дискѣ слѣва изображенъ Миносъ, скопированный съ чисто греческаго образца. Одѣтый въ плащъ, который, спадая съ лѣваго плеча, оставляетъ открытыми руки и торсъ и закрываетъ ноги, онъ лѣвой рукой опирается на скипетръ, въ прекрасной спокойной позѣ, столь часто встрѣчающейся въ извѣстномъ типѣ Зевса, школы Фидія, V-го вѣка. Онъ изображенъ съ бородой и пожилымъ. Правой рукой онъ дѣлаетъ Тезею жестъ, какъ бы въ подтвержденіе важности обращенныхъ къ нему словъ. Единственную уступку этрусскому вкусу художникъ сдѣлалъ, украсивъ края плаща маленькими кружками. Около Тезея стоитъ Минерва, въ классическомъ, постоянно присущемъ ей, длинномъ хитонѣ, подпоясанномъ на таліи. Грудь ея закрыта чешуйчатымъ панцыремъ съ изображеніемъ по срединѣ головы Медузы, на головѣ у нея шлемъ, чисто греческой формы. Въ приподнятой лѣвой

---

[1]) Klügmann und Körte—Etruskische Spiegel. Berlin. Reimer. 1843—1897, f⁰. 5 m.

рукѣ она держитъ копье, а лицемъ, на которомъ написаны доброта и вниманіе, она повернулась къ Тезею, который, сидя на камнѣ, противъ Миноса, повѣствуетъ съ жаромъ о чемъ-то. Въ рукахъ у него лукъ и колчанъ, а подъ ногами издыхающій Минотавръ. На Тезеѣ накинута львиная шкура, завязанная у горла передними лапами, какъ это обыкновенно изображено на статуяхъ Геракла. По правую руку Тезея стоитъ Аріадна, въ прекрасной позѣ дѣвушки, нѣсколько сконфуженной тѣмъ, что разоблачается ея хитрость и ея страсть къ юному герою. Въ центрѣ, наконецъ, стоитъ, повидимому, Іолай, а сзади него виднѣется еще фигура мальчика, обращенная влѣво; въ лѣвой рукѣ у нея что-то въ родѣ свитка, а правая рука протянута по направленію къ голубю, собирающемуся, повидимому, спуститься на землю. Присутствіе этой фигуры нельзя, кажется, объяснить никакой редакціей миѳа о Тезеѣ.—Вообще надо замѣтить, что въ нашемъ зеркалѣ, художникъ изобразилъ преданіе о Тезеѣ, но сильно передѣлалъ его по своему, ради того, чтобы имѣть возможность помѣстить побольше фигуръ въ своемъ произведеніи, ради, такъ сказать, художественнаго простора. Описанную сцену надо понимать такъ: Тезей, побѣдивъ Минотавра, является съ Аріадной къ Миносу и въ присутствіи Минервы и Іолая, повѣствуетъ ему, какъ ему удалось убить чудовище, и проситъ у него руки дочери. Та, какъ мы уже замѣтили, стоитъ тутъ же и сконфужена раскрытіемъ ея выдумки и ея любви къ юному герою. Минерва съ интересомъ слушаетъ разсказъ Тезея и всѣ ея симпатіи, очевидно, на сторонѣ молодыхъ, полюбившихъ другъ друга людей. Наконецъ Миносъ, повидимому, дѣлаетъ отеческое наставленіе Тезею (или обоимъ имъ), но склоняется на бракъ дочери. Получается такимъ образомъ живая, бытовая сцена, какъ нельзя лучше пригодная къ помѣщенію на принадлежности женскаго туалета. Что касается времени, къ которому надо отнести эту работу, то, по мнѣнію г. Бори, описанное зеркало принадлежитъ 2—3 вѣку до Р. Х. *А. С.*

—— *Археологическія находки въ усадьбѣ Десятинной церкви.* Наднях въ усадьбѣ Десятинной церкви, при проведеніи канализаціонныхъ трубъ рабочіе наткнулись на кладъ, состоящій изъ серебряныхъ вещей, представляющихъ типичныя украшенія великокняжеской эпохи. Кладъ содержитъ въ себѣ: 1 золотую, 7 серебряныхъ, украшенныхъ филигранью, серегъ такъ называемаго „кіевскаго типа", 3 серебряныхъ же витыхъ браслета съ закончаніями на подобіе змѣиныхъ головъ, 1 серебряный полуцилиндрикъ отъ какого то украшенія и маленькій бронзовый крестикъ-тѣльникъ. Всѣ вещи, сдѣланныя изъ серебра высокаго качества, были найдены въ одномъ мѣстѣ и лежали прямо въ землѣ,

среди мусора и кирпичей. При проведенiи указанныхъ трубъ, уложенныхъ на довольно значительной глубинѣ (около 4 аршинъ), работы, не достигая материка, все время велись въ культурномъ слоѣ, представляющемъ въ себѣ наслоенiя различныхъ эпохъ. Необыкновенное обилiе отрытыхъ при раскопкѣ скелетовъ, а также полуистлѣвшихъ гробовъ, указываетъ на существовавшее нѣкогда здѣсь кладбище, нынѣ сравнявшееся съ окружающей его мѣстностью. Въ одномъ изъ гробовъ при женскомъ скелетѣ были найдены остатки желтой шелковой матерiи съ цвѣтами, составлявшiе одѣянiе покойницы. Среди громаднаго количества вынутыхъ рабочими череповъ, почти всѣ, за весьма немногими исключенiями, принадлежатъ брахицефаламъ (короткоголовымъ) и сохранились весьма хорошо. Одинъ изъ череповъ со слѣдами двухъ параллельныхъ, вѣроятно сабельныхъ ударовъ, былъ взятъ какимъ то любителемъ-офицеромъ, прiобрѣвшимъ также у рабочихъ 4 серьги и браслетъ изъ вышеупомянутой находки. Остальныя же вещи изъ этого клада, за исключенiемъ одного серебрянаго браслета, изломаннаго рабочими, были взяты священникомъ Десятинной церкви и прiобщены къ сохраняющимся при послѣдней немногочисленнымъ остаткамъ древности, собраннымъ во время прежнихъ раскопокъ въ церковной усадьбѣ („Кiевское Слово", 1898 г., № 3725).

—— Управляющiй русскимъ консульствомъ въ Багдадѣ, г. Машковъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнiя объ археологическихъ изысканiяхъ, производимыхъ по порученiю правительствъ европейскихъ державъ въ Месопотамiи. Оказывается, что Англiя, Францiя, Германiя и даже Сѣверо-Американскiе Соединенные штаты давно уже заручились отъ турецкаго правительства концессiями на означенныя изысканiя, обогащающiя ихъ музеи весьма цѣнными находками. Одна Россiя до сихъ поръ остается въ сторонѣ отъ этого важнаго дѣла, хотя на ежегодныя изысканiя требуется не болѣе 10,000 рублей (Газ. „Свѣтъ", № 131).

VII.

Засѣданiя Обществъ.

Въ засѣданiи **Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества**, 23 апрѣля 1898 г., были доложены рефераты: 1) *В. А. Гамбурцева* — „Баженовъ и Казаковъ, архитекторы XVIII в. Ихъ работы археологическаго характера". Разсказавъ вкратцѣ бiографiи этихъ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ зодчихъ прошлаго столѣтiя, референтъ отмѣтилъ ихъ особенности по отношенiю къ древнимъ русскимъ памятникамъ зодчества. Баженовъ, всецѣло находившiйся подъ влiянiемъ классическихъ

формъ, совсѣмъ не интересовался русскимъ стилемъ и древними русскими памятниками. Казаковъ же, хотя и любилъ старину и занимался реставраціею нѣкоторыхъ зданій (напр., Чудовъ монастырь въ Москвѣ), но понималъ ее плохо и находился подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ. Сообщеніе иллюстрировалось рисунками и проектомъ Казакова. 2) *С. К. Богоявленскаго*—„О раскопкахъ у с. Спасъ-Тушино, въ 1897 году". Объясненію вещей изъ своихъ раскопокъ референтъ предпослалъ краткій обзоръ раскопокъ въ Московской губерніи. По изслѣдованіямъ А. П. Богданова, курганное населеніе Московской губерніи представляетъ смѣшанный антропологическій типъ, при чемъ въ восточной части губерніи замѣчается бо́льшая склонность къ короткоголовости, тогда какъ въ западной части попадается чистая длинноголовость. По мнѣнію референта, въ болѣе древнихъ могильникахъ различіе антропологическаго типа сопровождается и различными особенностями въ ритуалѣ. Въ западной части губерніи замѣчаются: переживаніе костра—уголь, обожженныя бревна, горшокъ въ ногахъ и положеніе костяка головою на западъ. Присутствіе гробовъ наблюдается только въ позднѣйшихъ могильникахъ. Въ восточной части губерніи, въ болѣе древнихъ могильникахъ съ короткоголовыми костяками не только нѣтъ признаковъ прежняго сожженія, напротивъ, тѣла охраняются отъ разрушенія и для этой цѣли обертываются берестою; положеніе скелетовъ — головою на востокъ или сѣверо-востокъ (Осеевскій могильникъ Богородскаго уѣзда). Тушинскій могильникъ, смѣшаннаго антропологическаго типа, представляетъ и смѣшеніе обрядовыхъ особенностей. Выяснивъ, такимъ образомъ, положеніе Тушинскаго могильника среди другихъ курганныхъ группъ, референтъ сдѣлалъ изложеніе дневника, при чемъ болѣе подробно объяснилъ устройство гробовъ и деревянныхъ подстилокъ, найденныхъ подъ костяками. Рефератъ вызвалъ замѣчанія со стороны В. И. Сизова и Д. Н. Анучина.

3) С. С. Слуцкій прочелъ два доклада *А. И. Бунина* — а) „О значеніи слова „пожаръ" въ смыслѣ названія мѣстности въ старину" (помѣщается въ настоящемъ выпускѣ „Археол. Извѣстій") и б) „О мѣстѣ ледоваго побоища 1242 г.". Указавъ на несоотвѣтствіе лѣтописному разсказу о побоищѣ опредѣленія мѣста его Ю. Трусмановъ, Н. И. Костомаровымъ и И. И. Василёвымъ, авторъ доказываетъ, что мѣстомъ битвы „на Чудскомъ озерѣ, у Узменя, у Вороньяго камени", откуда русскіе гнали врага 7 верстъ до берега, надо признать мѣсто у Вороньяго острова, близъ пролива изъ Теплаго озера въ Чудское озеро, въ 7 верстахъ отъ Чудского берега.

Въ засѣданіи того же Общества, 12 мая 1898 г., сдѣланы были сообщенія: 1) *И. А. Янчукомъ* — „Къ біографіи В. И. Баженова". Освѣтивъ нѣкоторыя темныя мѣста его біографіи, въ особенности періода его опалы, докладчикъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы исполняющееся въ 1899 году столѣтіе кончины этого замѣчательнаго зодчаго было бы достойно почтено и вызвало бы обстоятельное изученіе его работъ и проектовъ. 2) *Д. Н. Анучинъ* сообщилъ о полученіи отъ *Ф. Д. Нефедова* отчетовъ объ его раскопкахъ въ Костромской губ. въ 1895—96 гг. и въ бассейнѣ рр. Камы и Бѣлой въ 1897 г., при чемъ представилъ четыре тетради дневниковъ раскопокъ и образцы картоновъ съ добытыми при раскопкахъ вещами. Онъ же доложилъ результаты археологической развѣдки *В. Н. Леонова* въ бассейнѣ р. Пры, на берегу Святого озера въ Рязанской губ., гдѣ найдена стоянка каменнаго вѣка, при чемъ представилъ 5 картоновъ съ найденными вещами. 3) *В. И. Сизовъ* прочиталъ извлеченіе изъ отчета г-жи *Стемпковской* объ ея раскопкахъ кургановъ въ Херсонской губ. (гдѣ былъ найденъ, между прочимъ, костяной колчанъ съ изображеніями оленей) и изъ отчета *В. М. Сысоева* объ его поѣздкѣ съ археологическою цѣлью въ Терскую область въ 1897 г. 4) *С. С. Слуцкій* ознакомилъ Общество съ содержаніемъ доклада *А. Аѳанасьева* — „гор. Тетяковъ". Авторъ предполагаетъ, что „Ясскій городъ" Дедяковъ или Тетяковъ, упоминаемый въ лѣтописи, находится въ двухъ дняхъ пѣшаго пути отъ Дербента, близъ Темиръ-Коя. Въ

заключеніе гр. Уварова доложила о своей поѣздкѣ въ Кіевъ и Черниговъ и о занятіяхъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета XI-го Археологическаго Съѣзда (см. выше, въ „Арх. Хроникѣ“). Въ концѣ засѣданія были обсуждаемы различныя командировки въ цѣляхъ того же Съѣзда, по представленію Археографической Коммиссіи Общества, равно какъ постановлено было просить д. чл. Общества Р. Ѳ. Брандта и П. А. Лаврова быть представителями Общества на чествованіи 1 іюля с. г., въ Прагѣ, 100-лѣтія со дня рожденія Ф. Палацкаго.

Въ засѣданіи того же Общества, 4 іюня 1898 г., А. И. Бунинъ прочелъ докладъ „О времени основанія города Владиміра на Клязьмѣ“ (помѣщено въ настоящемъ выпускѣ). В. О. Ключевскій сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Первое основаніе города большею частью неуловимо для исторіи, и принято условно признавать годомъ начала города—годъ созданія стѣнъ его или годъ перваго историческаго упоминанія о немъ. Свѣдѣніе объ основаніи Владиміра Владиміромъ Святымъ—литературнаго, а не историческаго происхожденія; весьма цѣнно случайное свидѣтельство Лавр. лѣт. подъ 1176 г., когда для разсказчика, владимірца, еще свѣжо было преданіе объ основаніи города Мономахомъ; значеніе исторической даты получаетъ сообщеніе Львов. лѣт., что Владиміръ Мономахъ въ 1108 г. поставилъ Владиміръ на Клязьмѣ, т. е. поставилъ стѣны, причемъ поселеніе могло существовать, и, вѣроятно, существовало уже раньше. Что касается доводовъ докладчика о 1098 г., то всѣ они—косвенные, и потому всей совокупностью ихъ нельзя замѣнить и одного прямаго свидѣтельства,—и, напр., умолчанія лѣтописи недостаточно, чтобъ заключать о несуществованіи города въ 1097 г. И такъ для „начала“ Владиміра мы должны пока принимать лишь 1108 годъ, какъ единственную, прямо засвидѣтельствованную историческую дату.—А. И. Бунинъ защищалъ свои мнѣнія, которыя были поддержаны и А. В. Селивановымъ и С. С. Слуцкимъ, указывавшими на вѣскость умолчанія о Владимірѣ при подробномъ описаніи событій 1097 г., происходившихъ частью на мѣстѣ теперешняго города [1]), и на опредѣленность хронологическихъ выводовъ г. Бунина. Граф. П. С. Уварова высказала пожеланіе, чтобъ возродилась дружная археологическая работа владимірцевъ, которые и благовременно, и съ особымъ успѣхомъ могли бы изслѣдовать и этотъ вопросъ, живо интересующій любителей русской старины.

Въ засѣданіи **Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества** 23 апрѣля 1898 г., *Г. А. Халатьянцъ* сдѣлалъ сообщеніе о двухъ статьяхъ прив.-доц. С.-Петербургскаго университета *Н. Марра* — „О критикѣ Исторіи Моисея Хоренскаго“, вышедшихъ въ первыхъ двухъ нумерахъ „Византійскаго Временника“ за 1898 г. Статьи посвящены разбору изслѣдованія Г. А. Х—ца: „Объ армянскомъ эпосѣ въ Исторіи Арменіи М. Хоренскаго“. М. 1896 г. Изъ этихъ статей „Византійскаго Временника“ видно, что г. Марръ, считавшійся доселѣ сторонникомъ традиціонныхъ взглядовъ въ вопросѣ о Хоренскомъ и весьма осторожно относившійся къ выводамъ послѣднихъ критическихъ работъ объ армянскомъ историкѣ, нынѣ, по выходѣ въ свѣтъ разбираемаго имъ сочиненія, сталъ признавать, что историческій трудъ Хоренскаго въ настоящемъ его видѣ не могъ быть составленъ ранѣе VII вѣка, „но возможно и позднѣе“, прибавляетъ онъ. Въ другомъ важномъ вопросѣ о Хоренскомъ, а именно: насколько многочисленны и подлинны приводимые этимъ историкомъ отрывки изъ *армянскаго народнаго эпоса*,—г. Марръ, также согласно съ авторомъ разбираемаго имъ изслѣдованія, находитъ, повидимому, хотя и не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ, что у Хоренскаго въ дѣйствительности весьма мало народнаго эпоса и что только новѣйшимъ фи-

---

[1]) Ср. то же разсужденіе у Татищева, на котораго ссылается и Соловьевъ, I, 172, прим. (2-ое изд. „Общ. Пользы“).

лологамъ принадлежитъ несостоятельная мысль приписать армянскому историку обширные циклы армянскаго эпоса. Такимъ образомъ, оба главнѣйшихъ положенія въ изслѣдованіи Г. А. Х—ца, касающіяся опредѣленія *времени* составленія Исторіи Хоренскаго и *подлинности* приводимыхъ въ ней якобы народныхъ эпическихъ отрывковъ, г. Марръ принимаетъ, хотя связанные съ ними отдѣльные вопросы объясняетъ по своему, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и не соглашается съ Г. А. Халатьянцемъ.

А. С. Хахановъ прочелъ докладъ: „Къ вопросу о происхожденіи грузинскаго алфавита", пользуясь, главнымъ образомъ, матеріаломъ на стр. 12–15 второго выпуска своихъ „Очерковъ по исторіи грузинской литературы" [1]), развивая и отчасти (въ вопросѣ о старшинствѣ между двумя алфавитами) измѣняя сказанное тамъ. Признавая Хуцури болѣе древнимъ алфавитомъ и, вмѣстѣ съ И. Л. Окромчадѣловымъ-Серебряковымъ, отвергая разсказъ о Месропѣ, какъ творцѣ грузинской азбуки (Месропъ могъ лишь видоизмѣнить нѣкоторыя черты ея), А. С. склоняется къ мнѣнію Окромчадѣлова-Серебрякова, что грузинскій алфавитъ могъ произойти изъ зендскаго въ просвѣщенную эпоху Фарнабаза (хотя отмѣчаетъ отсутствіе до-христіанскихъ памятниковъ грузинской письменности). Изложивъ затѣмъ содержаніе новой статьи Фридриха Мюллера: Ueber den Ursprung der Grusinischen Schrift (въ Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи 1897 г.), А. С. указалъ, что, такъ какъ ни древнѣйшее грузинское письмо, ни то арабское письмо, которое употреблялось на южномъ Кавказѣ, неизвѣстны намъ, то Мюллеръ сравниваетъ церковно-грузинскій алфавитъ (хуцури) съ арабскимъ IV в., палеографически объясняя переходъ. Доводы его поэтому мало убѣдительны. Мюллеръ незнакомъ съ трудами Окромчадѣлова-Серебрякова, Пурцеладзе и Бакрадзе, изъ коихъ первому принадлежитъ пріоритетъ въ опроверженіи разсказа о Месропѣ, а послѣднимъ—въ установленіи старшинства хуцури. При обсужденіи доклада *В. Ѳ. Миллеръ* напомнилъ, что зендскія рукописи не восходятъ далѣе XI—XII в. и что Окромчадѣловъ-Серебряковъ сравнивалъ съ зендскимъ современный мхедрули, уже закруглившійся.

М. О. Аттая познакомилъ съ содержаніемъ археологическихъ статей въ первыхъ шести выпускахъ новаго арабскаго журнала „Аль-Машрикъ" (Востокъ), издаваемаго католическою миссіей въ Бейрутѣ [2]).

Въ засѣданіи **Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества** 6 февраля 1898 г. *Ѳ. Е. Коршъ* прочелъ докладъ „Нѣсколько словъ о задачахъ русской палеографіи". Указавъ на нѣсколько темныхъ мѣстъ Слова о полку Игоревѣ, чтеніе которыхъ могло бы быть установлено помощью палеографическихъ данныхъ, референтъ остановился на положеніи русской палеографіи въ настоящее время. Среди русскихъ ученыхъ есть знатоки-практики въ области исторіи письма, но теорія его совершенно не разработана. Между тѣмъ практическія познанія и ненадежны, и малополезны для другихъ. Поэтому необходимо было бы приступить къ систематическому изученію русскаго письма въ его историческомъ прошломъ. Методъ изученія могъ бы быть двоякій: или систематическій, начиная съ письменныхъ обще-славянскихъ памятниковъ, или болѣе приближающійся къ практическимъ потребностямъ—изученіе исторіи только русскаго письма. Референтъ высказался за послѣдній. Докладъ Ѳ. Е. Корша вызвалъ продолжительную бесѣду, въ результатѣ которой предложено было избраніе особой подкоммиссіи для собиранія и изданія палеографическихъ памятниковъ. Въ составъ подкоммиссіи вошли: С. О. Долговъ, П. А. Лавровъ, А. И. Станкевичъ, В. Н. Щепкинъ и М. В. Довнаръ-Запольскій.

Вторымъ читалъ свой докладъ *П. А. Лавровъ* „О матеріалахъ по юго-славянской палеографіи". Указавъ на то, что до сихъ поръ сдѣлано для изученія юго-славянской

---

[1]) Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1898 г., кн. 1 и 2.

[2]) См. въ отдѣлѣ «Библіографія».

палеографіи у насъ, сербовъ и болгаръ, референтъ пришелъ къ убѣжденію, что сдѣланное далеко не соотвѣтствуетъ богатству матеріала, разсѣяннаго по библіотекамъ Россіи, Аѳона и юго-славянскихъ земель. Самая богатая коллекція снимковъ Савостьянова принадлежитъ Румянцевскому музею и можетъ быть изучаема какъ собраніе рукописей. Но и она далеко неполна. Снимки съ юго-славянскихъ рукописей, попавшіе въ нѣкоторыя изданія, напр., преосв. Саввы, или же описанія рукописей, незначительны. Является, поэтому, крайняя необходимость въ изданіи систематическаго альбома снимковъ съ болгарскихъ и сербскихъ рукописей. Сообщивъ перечень дошедшихъ до насъ рукописей съ годами, по описаніямъ рукописей Григоровича, Севастьянова, Хлудова, Шафарика, монастырей Хиландарскаго и св. Павла, съ XII по XVII вв., референтъ представилъ програму изданія: 1) Глаголическіе памятники. 2) Кирилловскіе, старшіе XI в., причемъ мелкіе, какъ, напр., листки Ундольскаго и под. должны быть изданы цѣликомъ. Затѣмъ два отдѣла: А. Болгарскій отдѣлъ. 1) Памятники средне-болгарскіе XII—XIII вв. 2) Болгарскіе тексты XIII — XIV вв. до эпохи патріарха Евѳимія; они представляютъ наибольшій интересъ для языка, отражая черты разнообразныхъ говоровъ. Здѣсь особо слѣдуетъ выдѣлить группу сербско-болгарскую, въ которой болгарскія особенности смѣшиваются съ сербскими. Референтъ того мнѣнія, что въ такой альбомъ изъ эпохи старшей должны войти не только датированные памятники, но и памятники безъ датъ, представляющіе, несмотря на то, большой интересъ, какъ, напр., Охрид. апостолъ, Слѣпч. Ап., Парем. Григор. Такіе памятники будутъ контролироваться рукописями съ годами. Послѣ этого были предложены собранные рефентомъ снимки съ текстовъ, относящихся къ разнымъ изъ вышеперечисленныхъ группъ и указаны ихъ главныя особенности. 3) Болгарскіе тексты XIV в. съ признаками исправленія до и въ особенности отъ эпохи Евѳимія. 4) Болгарскіе тексты XV — XVII вв. послѣ реформы мія. 5) Новоболгарскіе тексты, начиная съ XVII в. Особый отдѣлъ должны составить рукописи съ болгарскимъ правописаніемъ изъ Валахіи: В. Сербскій отдѣлъ. 1) Старѣйшіе сербскіе тексты со слѣдами болгарскаго письма XII – XIII вв., каковы Миросл. Ев., Вукан. Ев., Шестодн. Сверлиж. Ев. и др. 2) Сербскіе тексты XIII—XIV вв. свободные отъ вліянія средне-болгарскаго. 3) Сербскіе тексты XV в., находящіеся подъ вліяніемъ дѣятельности Константина Костеньчскаго. Ресавскіе изводы. 4) Позднѣйшіе тексты XVI — XVII вв. Копіи съ ресавскихъ изводовъ. 5) Новые сербскіе тексты съ признаками вліянія народнаго языка.

Въ засѣданіи той же Коммиссіи 12 марта 1898 г. *Гр. Н. Шмелевъ* прочелъ докладъ „Къ вопросу о степени достовѣрности переписныхъ книгъ". Сравненіе подлинныхъ „сказокъ" съ соотвѣтствующими мѣстами переписной книги Московскаго уѣзда 1646 г. убѣдительно доказываетъ, что переписчики относились къ своимъ обязанностямъ недобросовѣстно; хотя они *должны были* тщательно провѣрять показанія „сказокъ" на мѣстѣ путемъ личнаго осмотра и опроса, однако *на практикѣ* дѣло происходило нѣсколько иначе: многія „сказки" оставались непровѣренными — и въ результатѣ получалась значительная неточность, такъ какъ населеніе давало завѣдомо ложныя показанія: оно утаивало цѣлые дворы, или нѣкоторыхъ изъ своихъ родственниковъ, называло крестьянъ бобылями, или бобылей „дворовыми людьми". Кромѣ того, часть населенія (именно, родственники священно- и церковно-служителей и „дѣловыхъ людей") не вносилась въ переписныя книги вслѣдствіе той узко-практической цѣли, которая имѣлась въ виду при ихъ составленіи, часть же не попадала вслѣдствіе небрежности и недобросовѣстности переписчиковъ. А если такъ, то цифровыя данныя переписныхъ книгъ должны быть признаны довольно грубыми, далеко не вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности. Нельзя согласиться съ г. Лаппо-Данилевскимъ, что „сообщаемыя переписными книгами свѣдѣнія почти всегда слѣдуетъ считать за *minimum* того, что должно было бы быть",

но можно сказать, что показываемое въ нихъ количество населенія въ большинствѣ случаевъ *меньше* того, какое было въ дѣйствительности.

Въ засѣданіи той же Коммиссіи 8 мая 1898 г. *Г. Н. Шмелевъ* прочелъ докладъ „Годовой бюджетъ Пскова и его пригородовъ (1658—59 г.)“. Разсматривая и сопоставляя цифры приходо-расходной книги по г. Пскову и его 11 пригородамъ за 7167 г. (хранящейся въ псковскомъ Археологическомъ музеѣ), мы убѣждаемся, что въ бюджетѣ Псковской области этого времени главной статьей дохода являются косвенные сборы (таможенные и главнымъ образомъ кабацкіе), и главной статьей расхода — жалованье ратнымъ людямъ. — Второй докладъ читалъ С. Н. Олферьевъ о семейномъ архивѣ Полянскихъ, хранящемся при церкви с. Макаровки, Саранскаго у., Пензенской губ. Семейныя бумаги Полянскихъ представляютъ особый интересъ, такъ какъ извѣстная Елисавета Воронцова впослѣдствіи была замужемъ за Полянскимъ и жила въ с. Макаровкѣ родовомъ имѣніи этой семьи. Въ виду этого Археографическая Коммиссія командировала С. П. Олферьева въ апрѣлѣ текущаго года для ознакомленія съ семейными бумагами Полянскихъ. Дѣйствительно, среди нихъ оказалась переписка Елизаветы Полянской, но большею частью чисто дѣловаго характера. Гораздо интереснѣе то обстоятельство, что въ этомъ архивѣ оказалась масса интересныхъ дѣлъ XVII в., касающихся Саранскаго воеводскаго управленія, и др. Въ настоящее время архивъ фактически никому не принадлежитъ: онъ сданъ на храненіе въ церковь, но прямые потомки Полянскихъ вымерли. Архивъ находится въ такомъ помѣщеніи, что сырость и вода сильно портятъ документы.

Въ общемъ собраніи **Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества** 18-го марта, подъ предсѣдательствомъ А. Θ. Бычкова, былъ выслушанъ между прочимъ отчетъ коммиссіи по присужденію медалей Общества. Изъ числа предложенныхъ коммиссіи сочиненій она остановилась на трудахъ трехъ лицъ: Н. И. Петрова, П. И. Щукина и А. В. Орѣшникова, признанныхъ ею достойными награды. По предложенію предсѣдателя были прочтены рецензентами отзывы о трудахъ этихъ трехъ лицъ. Изъ трудовъ Н. И. Петрова коммиссія разсмотрѣла три: 1) Историко-топографическіе очерки древняго Кіева; 2) Указатель церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи и 3) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ, вып. 2. Два первые труда были разсмотрѣны проф. Н. В. Покровскимъ, послѣдній — проф. А. И. Соболевскимъ. Покровскій въ своемъ отзывѣ остановился только на второмъ трудѣ Петрова. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи, сказалъ рецензентъ, составленный главнымъ образомъ, благодаря трудамъ и энергіи Н. П. Петрова, является богатѣйшимъ музеемъ Россіи по церковнымъ древностямъ. Поэтому подробный его указатель представляетъ чрезвычайно важное пособіе для всѣхъ, занимающихся церковной археологіей, и трудъ Петрова можетъ быть признанъ крупнымъ вкладомъ въ науку. Не менѣе благопріятный отзывъ далъ о третьемъ трудѣ Петрова проф. Соболевскій, указавшій на значеніе описанныхъ имъ рукописей для исторіи русскаго просвѣщенія вообще, кіевской академіи въ частности. Оба рецензента высказали мнѣніе, что Н. И. Петровъ вполнѣ заслуживаетъ золотой медали. Затѣмъ Д. Θ. Кобеко прочелъ свой отзывъ о трудахъ П. И. Щукина по описанію принадлежащихъ ему собраній рукописей и древностей, остановившись исключительно на послѣднихъ, такъ какъ описаніе рукописей составлено по порученію Щукина другимъ лицомъ. Отмѣтивъ ту энергію и любовь къ дѣлу, съ которыми П. И. Щукинъ болѣе 15 лѣтъ занимается собираніемъ русскихъ древностей, Д. Θ. Кобеко указалъ, что настоящее описаніе представляетъ изъ себя только начало всего труда и заключаетъ въ себѣ древности домашняго или точнѣе столоваго обихода сравнительно новаго періода. По мнѣнію рецензента, описаніе составлено чрезвычайно умѣло и сопровождаемое рисунками въ текстѣ и фототипіями

даетъ полную картину древней русской обстановки; оно заслуживаетъ большой серебряной медали. Затѣмъ А. К. Марковъ далъ отзывъ о сочиненіи А. В. Орѣшникова подъ заглавіемъ „Императорскій Россійскій Историческій музей Императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты до 1547 года". Коллекція русскихъ монетъ, удѣльно-вѣчеваго періода, принадлежащая Историческому музею уступаетъ по богатству подобнымъ же коллекціямъ Императорскаго Эрмитажа, великаго князя Георгія Михаиловича и гр. И. И. Толстого. Но три послѣднія коллекціи до сихъ поръ не описаны и поэтому доступны сравнительно немногимъ, между тѣмъ какъ данными нумизматики въ настоящее время все болѣе и болѣе пользуются историки въ своихъ цѣляхъ. Поэтому описаніе Орѣшникова имѣетъ большое научное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ коллекціи музея представлены монеты всѣхъ удѣльныхъ княжествъ, за исключеніемъ Углицкаго. Описаніе Орѣшникова, составленное очень тщательно, пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность потому, что въ немъ мы встрѣчаемъ немало весьма дѣльныхъ и новыхъ замѣчаній и выводовъ ученаго автора; таково, напр., его мнѣніе о монетахъ черниговскихъ и о кожаныхъ деньгахъ. А. К. Марковъ призналъ со своей стороны трудъ Орѣшникова заслуживающимъ большой серебряной медали. Выслушавъ мнѣніе рецензентовъ, Общество большинствомъ голосовъ приняло ихъ оцѣнку разсмотрѣнныхъ ими трудовъ и присудило Н. И. Петрову золотую медаль, а П. И. Щукину и А. В. Орѣшникову по большой серебряной.

---

17 апрѣля состоялось, подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева, 22-е годовое засѣданіе **Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.** Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ, что Обществу предстоитъ прежде всего избрать на новое трехлѣтіе предсѣдателя, членовъ комитета и членовъ ревизіонной коммиссіи; единогласно, безъ особой баллотировки, предсѣдателемъ былъ снова избранъ гр. С. Д. Шереметевъ, а членами комитета и коммиссіи — тѣ же лица, которыя состояли и въ истекшемъ трехлѣтіи, а именно, членами комитета были избраны: Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майковъ и Н. А. Бычковъ, а членами коммиссіи: А. П. Барсуковъ и Г. Ѳ. Штендманъ. Затѣмъ Д. Ѳ. Кобеко былъ избранъ почетнымъ членомъ Общества, а Е. Ѳ. Карскій — членомъ-корреспондентомъ. Послѣ этого секретарь Общества прочелъ годовой отчетъ. Къ 1 апрѣля 1898 г. Общество имѣло почетныхъ членовъ 9, дѣйствительныхъ членовъ 29 и членовъ-корреспондентовъ — 102. Средства Общества составляютъ къ 1 апрѣля, кромѣ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій, 47,250 руб.

Затѣмъ пр. С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе: „О первыхъ политическихъ шагахъ Бориса Годунова". Главнымъ положеніемъ С. Ѳ. Платонова было слѣдующее: московская титулованная знать была подвергнута такому преслѣдованію со стороны Ивана Васильевича Грознаго, что среди „земскихъ" бояръ въ 1584 г. не осталось ни одного Рюриковича, кромѣ окольничаго кн. Ѳ. Троекурова. Въ то же время Грозный создалъ служилую знать изъ числа наиболѣе приближенныхъ къ нему опричниковъ и лицъ, пользовавшихся его особымъ расположеніемъ. У престола его наслѣдника, такимъ образомъ, не оказалось „земскихъ" бояръ, а группировались около новаго царя одни его многочисленные родственники; по смерти Грознаго государствомъ правила поэтому не „пентархія" бояръ, а ближайшіе родственники царя Ѳеодора, среди которыхъ былъ и Годуновъ. Князья же Мстиславскій и Шуйскіе оставались въ роли первыхъ чиновъ двора, не имѣя дѣйствительнаго вліянія на дѣла. Незамѣтно, чтобы среди бояръ въ первые годы по смерти Грознаго успѣли образоваться правильныя партіи, а высылка въ Угличъ царевича Димитрія не была результатомъ борьбы придворныхъ партій, а имѣла лишь предупредительное значеніе. Не имѣло характера борьбы будущихъ династій и столкновеніе Годунова съ Мстиславскимъ и Шуйскими, какъ это утверждаетъ С. М. Соловьевъ, — оно было простою ссорою отдѣльныхъ семей за придворное положеніе и вліяніе. Однако, ссора эта дала понять Годунову, что ему необходимо офор-

мить свое положеніе у власти. И вотъ, постепенно съ 1587 г., а особенно съ того времени, когда Шуйскіе пытались составить мірское челобитье о расторженіи царскаго брака, Годуновъ начинаетъ распространять свой титулъ „правителя", добивается права постояннаго участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, организуетъ свой дворъ и усваиваетъ ему особый этикетъ. Всѣ эти отличія отъ другихъ бояръ дѣлаютъ его формальнымъ регентомъ государства, и у него зарождается мысль о пріобрѣтеніи наслѣдственной власти въ государствѣ; съ этою цѣлью онъ, не позднѣе 1595 г., начинаетъ вводить сына своего, Θеодора, въ церемоніи своего двора въ качествѣ дѣйствующаго лица при посольскихъ пріемахъ. Съ этого времени сынъ его начинаетъ посылать отъ своего имени подарки къ иностраннымъ дворамъ, гдѣ мало-по-малу прочно установилось убѣжденіе, что фактическимъ правителемъ страны слѣдуетъ считать Бориса.

VIII.

Библіографія.

Д-ръ Люборъ Нидерле предпринялъ изданіе „Вѣстника славянскихъ древностей"—„Vestník slovanských starožitností"—„L'indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave". Для начала онъ будетъ выходить двумя выпусками въ годъ, имѣющими составить томъ до 80 стр., цѣною въ 2 руб. Издатель обращается съ просьбою ко всѣмъ, интересующимися славянскими древностями, объ оказаніи содѣйствія присылкою новыхъ печатныхъ трудовъ, брошюръ, оттисковъ, изданій Обществъ, отчетовъ и каталоговъ музеевъ и т. д. Журналъ будетъ издаваться въ Прагѣ, (адресъ: V Praze, Fügnerovo náměstí 1806/II).

П. Я. Армашевскій и В. Б. Антоновичъ. — Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца въ мартѣ 1896 г. Съ двумя рисунками. Кіевъ, 1897 г. (Ц. 75).

Геологическая лекція прочитана проф. Армашевскимъ, обѣ историческія—проф. Антоновичемъ. Геологическое строеніе подъ Кіевомъ извѣстно на 91 сажень, нисходя въ громадную глубь времени, а именно представляя эпохи послѣтретичную, третичную и верхнемѣловую. Послѣтретичная эпоха представлена лёссомъ, съ мелкими раковинами наземныхъ молюсковъ и костями крупныхъ млекопитающихъ: носорога, ископаемой лошади, бегемота, овцебыка и особенно мамонта. Въ эпоху существованія мамонта явился здѣсь и человѣкъ. Въ 1893 году, благодаря указаніямъ г. Хвойко, открыта стоянка палеолитическаго періода, въ нижней части днѣпровской возвышенности, на глубинѣ 7—8 сажень отъ поверхности лёссоваго холма (въ сосѣднихъ усадьбахъ гг. Зиваля и Багрѣева по Кирилловской улицѣ). Тутъ были найдены кремневыя отбивныя орудія, много костей мамонта, причемъ нѣкоторыя кости съ ясными слѣдами разлома, множество мелкихъ кусочковъ древеснаго угля, обожженные куски дерева и кости, и пр.

Лекція В. Б. Антоновича: „Кіевъ въ доисторическое время", начинается съ неолитическаго періода. Въ этотъ періодъ каменнаго вѣка, вѣроятно, всѣ холмы кіевскіе были покрыты стоянками людей. Въ чертѣ города слѣды ихъ уничтожены постройками, на окраинахъ же найдено доселѣ четыре стоянки (на Лысой горѣ, въ Преоркѣ и двѣ на Кирилловской улицѣ), и сюда же должны быть отнесены древнія лёссовыя пещеры (всего лёссовыхъ пещеръ открыто понынѣ болѣе 50 отъ с. Межигорья до с. Монастырки, Каневскаго уѣзда). Въ одной изъ пещеръ по Кирилловской улицѣ найденъ очагъ изъ перегорѣвшихъ валуновъ, куча кухонныхъ остатковъ (преимущественно раковыхъ моллюсковъ, водящихся изобильно въ Днѣпрѣ; небольшое количество расколотыхъ и разломанныхъ костей быка, дикой свиньи, дикой лошади), и среди нихъ черепки еле обожженныхъ горшковъ и кремневый отбивной ножъ или копье. Къ каменной эпохѣ непосредственно примкнула скиѳская. Въ скиѳскихъ курганахъ у с. Гатнаго (14 вер. отъ Кіева), найдено желѣзное оружіе, бронзовыя украшенія и у каждаго покойника въ кисти руки — каменное орудіе, слѣдовательно, воспоминаніе о каменномъ вѣкѣ сохранялось еще въ похоронномъ обрядѣ. Къ скиѳской эпохѣ относятся, повидимому, и городища—майданы (простирающіеся и нѣсколько сѣвернѣе Кіева, до устья Припяти), — какъ показали работы гг. Иванишева и Волошинскаго.

Изъ дальнѣйшихъ мнѣній проф. А. отмѣтимъ предположеніе, что Кіевъ существовалъ уже при Готахъ (Данпарштадтъ скандинавской саги, по толкованію Вигфуссона и Н. П. Дашкевича; кладъ на Оболони въ 200 римскихъ монетъ III—IV в.) и при Гуннахъ (Гуниворъ въ Приднѣпровьи, стоянка Аттилова сына Дженгизика). Лѣтописное сказаніе о разселеніи Славянъ съ Дуная не выдерживаетъ критики; славянство Скиѳовъ пахарей нельзя доказать, первое упоминаніе о Славянахъ имѣется изъ временъ Митридата и Траяна: это свѣдѣніе о Роксаланахъ, тожественныхъ съ Россами и Полянами; первый историческій князь — Диръ (по Массуди), позднѣе — Олегъ. Изъ поздней эпохи господства Хазаръ (которые во времена Гунновъ были въ удѣлѣ Элласа, старшаго сына Аттилы) А. отмѣчаетъ, кромѣ богатыхъ кладовъ туркестанскихъ монетъ VIII—IX вв., любопытный кладъ изъ усадьбы г. Марра на Кирилловской улицѣ: диргемъ 764 г., скандинавская фибула и нѣсколько серегъ, колецъ и привѣсокъ мѣстной работы, т.-е *безъ спайки*. Въ каменный періодъ населеніе держалось на горѣ. По возникновеніи и развитіи торговаго города, оно сосредоточивалось у подножія горы, на берегу рѣки: возникло Подоліе, окаймленное тогда лишь Почайной, нижнее теченіе которой только вначалѣ XVIII в. было поглощено Днѣпромъ. Нынѣшній „Старый Кіевъ", на горѣ, былъ представленъ тогда лишь небольшою княжескою крѣпостью, которая вся помѣщалась на площади передъ Андреевской церковью; сохранились части вала, и лишь въ 1799 г. были разобраны остатки „Батыевыхъ воротъ" (изъ четырехугольныхъ кирпичей на толстомъ слоѣ розоваго цемента). Для княжеской эпохи харак-

терны находки оружія, какъ: кольчуги, мечи прямые, длинные, обоюдоострые съ тяжелою рукояткой, копья, стрѣлы (большей частью ромбовидныя). Далѣе огромное количество свѣтскихъ и церковныхъ украшеній, большею частью золотыхъ съ византійской эмалью (діадемы, медальоны, браслеты, перстни, гривны, серьги „кіевскаго“ типа и т. д.). Изъ многочисленныхъ произведеній керамики особенно характерны объемистыя остродонныя амфоры, съ короткими горлышками и ушами.

При Ярославѣ Кіевъ сразу перешелъ за предѣлы первоначальнаго града. Лучшія попытки возстановить черту Ярославова вала сдѣланы Максимовичемъ и Закревскимъ: они идутъ по оврагамъ, руководясь мѣстоположеніемъ трехъ древнихъ воротъ: Жидовскихъ (позднѣе Львовскихъ, затѣмъ Ивановскихъ), гдѣ нынѣ Львовская площадь;—Золотыхъ (по золотому куполу церкви Благовѣщенія на нихъ); и Лядскихъ, при началѣ нынѣшней Софійской улицы. Вѣроятно, за первыми воротами (внѣ города) жили жиды, колонія которыхъ была особенно велика въ началѣ XII в. при Святополкѣ, а за Лядскими — поляки; упоминается еще колонія „Латинъ“ (итальянцы?). Внутри верхняго города, „Горы“, Владиміръ построилъ церьковь св. Василія (какъ думаютъ тамъ, гдѣ нынѣ Трехсвятительская) и Успенія Десятинную, гдѣ похороненъ и онъ самъ, и княгиня Анна, митр. Михаилъ и многіе князья. Церковь эта была вдвое больше нынѣшней; она разрушена въ монгольское нашествіе, была возстановлена въ XVII вѣкѣ Петромъ Могилой (который открылъ гробницу Владиміра), а нынѣшняя выстроена уже въ XIX в. Отъ временъ Ярослава сохранились: Софійскій соборъ и, на Б. Владимірской улицѣ, остатки храма св. Ирины. *С. С.*

Über den Ursprung der Grusinischen Schrift. Von d-r Friedrich Müller, Wirkl. Mitgliede der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1897. (Оттискъ изъ Sitzungsberichte d. Kais. Akad. der Wissenschaften in Wien philosophisch-historische Classe, Band CXXXVII).

Вопросъ о происхожденіи грузинскаго алфавита, какъ всякаго алфавита, донынѣ остается не вполнѣ разрѣшеннымъ. Грузинскій алфавитъ попеременно ставили въ связь съ греческимъ, армянскимъ, индійскимъ и зендскимъ. Теперь профессоръ Вѣнскаго университета, извѣстный лингвистъ, Фр. Мюллеръ, отчасти знатокъ и грузинскаго языка, выставилъ новую теорію, по которой грузинская азбука приводится въ родство съ арамейскимъ алфавитомъ. Съ цѣлью выяснить, насколько новое мнѣніе о грузинской азбукѣ представляется основательнымъ, намъ придется вспомнить предшественниковъ проф. Фр. Мюллера, высказавшихъ свои взгляды на этотъ предметъ. Вполнѣ соглашаемся съ почтеннымъ вѣнскимъ ученымъ, что мнѣніе акад. Броссе о родствѣ грузинскихъ письменъ съ индійскими носитъ всѣ признаки чистѣйшей фантазіи, лишенной реальной основы. Также неубѣдительна теорія объ изобрѣтеніи грузинскихъ буквъ армяниномъ Месропомъ, пополнившимъ въ V вѣкѣ армянскую такъ называемую даніельскую

азбуку новыми, вѣроятно, гласными знаками. Противъ возможности изобрѣтенія грузинскаго алфавита Месропомъ были собраны весьма основательные историческіе факты и соображенія проф. И. Л. Серебряковымъ-Окромчеделовымъ, но работа покойнаго грузинолога, повидимому, неизвѣстна профес. Фр. Мюллеру. Послѣдній отвергаетъ мысль объ изобрѣтеніи грузинской азбуки Месропомъ на томъ основаніи, что грузинскій и армянскій алфавиты представляютъ совершенно различные знаки для выраженія звуковъ даже однородныхъ, если не считать начертанія звука *к*, который является въ обоихъ алфавитахъ общимъ. „Остается совершенно непонятнымъ, — говоритъ Ф. Мюллеръ, — если Месропъ изобрѣтатель грузинскихъ буквъ, то почему онъ прямо не сообщилъ грузинамъ изобрѣтенныхъ имъ для армянъ письменъ тѣмъ болѣе, что система звуковъ обоихъ языковъ вполнѣ совпадаетъ“; при этомъ онъ приводитъ параллельно грузинскій и армянскій алфавиты, подкрѣпляющіе мнѣніе почтеннаго ученаго о порядкѣ звуковъ въ армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. „Если же,—продолжаетъ онъ,—вопреки бросающемуся въ глаза равенству звуковой системы обоихъ языковъ, армянскій алфавитъ не былъ примѣненъ къ грузинскому языку, то отсюда слѣдуетъ предположить, что въ послѣднемъ, (какъ у армянъ такъ назыв. даліельскія письмена) могъ существовать болѣе древній алфавитъ, и такимъ древнимъ письмомъ грузинъ служилъ, по мнѣнію проф. Мюллера, отпрыскъ семитическаго, спеціально арамейскаго алфавита. Связь грузинскаго алфавита съ письменами семитовъ можно прослѣдить по двумъ пунктамъ: 1, изъ начертанія отдѣльныхъ ихъ письменныхъ знаковъ и 2, изъ порядка грузинскаго алфавита.

Что касается перваго пункта—о родствѣ грузинскихъ письменныхъ знаковъ съ арамейскими, то мы находимся въ неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ, по словамъ Фр. Мюллера, ни древнія начертанія грузинскихъ буквъ, ни арамейскія письмена, употреблявшіяся въ южной части Кавказа, намъ неизвѣстны, поэтому онъ останавливаетъ вниманіе на переходныхъ формахъ отъ арамейскихъ письменъ къ грузинскимъ. Нужно здѣсь замѣтить, что проф. Фр. Мюллеръ напрасно относитъ древнѣйшій грузинскій письменный памятникъ къ IX в., въ то время, какъ мы имѣемъ нумизматическіе и эпиграфическіе факты V—VI вв., а книжные (пергаментные памятники) VI—VIII вв. Сравнивая между собою грузинскій церковный алфавитъ съ арамейскимъ IV столѣтія до Р. Хр., онъ палеографически объясняетъ переходъ арамейскихъ буквъ въ грузинскій алфавитъ. Но это сопоставленіе страдаетъ чрезвычайно большой натяжкой, и едва ли кого-либо убѣдитъ въ связи арамейскихъ письменъ съ грузинскимъ алфавитомъ. „Месропъ, по его мнѣнію, вотъ эту-то усвоенную грузинами семитическую азбуку реформировалъ, вводя въ нее вокализацію“. Намъ кажется, что проф. Фр. Мюллеръ не прибѣгъ бы къ новой теоріи о происхожденіи грузинской азбуки, еслибы ему была извѣстна статья проф. Окромчеделова-Серебрякова о связи грузинскаго алфавита съ зендскими письменами. О происхожденіи же такъ назыв. „граж-

данскаго" грузинскаго алфавита „мхедрули" изъ церковнаго „хуцури" свидѣтельствуютъ палеографическія изысканія покойныхъ грузинологовъ Дм.-Бакрадзе и Дм.-Пурцеладзе, такъ что пріоритетъ и въ этомъ вопросѣ принадлежитъ такимъ ученымъ, труды которыхъ, повидимому, остались неизвѣстны почтенному проф. Фр. Мюллеру. Одно соображеніе можетъ только говорить въ пользу новой теоріи о грузинскомъ алфавитѣ, соображеніе общаго характера, сводящееся къ тому, что всѣ алфавиты восходятъ къ финикійскому или, иными словами, къ вѣтви семитическихъ языковъ. *А. Хахановъ.*

Аль-Машрикъ (=Востокъ). — ***Al-Machriq**, revue catholique orientale bimensuelle. Sciences, lettres, arts.*—Бейрутъ, 1898, №№ 1—6.

Этотъ арабскій журналъ, издаваемый съ начала 1898 г. подъ редакціей о. Людовика Шейхо, іезуита, содержитъ въ первыхъ шести выпускахъ слѣдующія статьи по археологіи и исторіи:

1. Д-ра Рувье (въ № 1) о найденномъ имъ близъ Бейрута свинцовомъ квадратномъ вѣсѣ (41×41×4 миллим., въ 55,8 граммъ). Сравненіе съ другими образцами коллекціи показываетъ, что не хватаетъ лишь кольца у какого-нибудь изъ угловъ. Надпись въ четыре строки *L* (?? по чтенію д-ра Р., которое онъ оставляетъ безъ перевода и безъ объясненія) *ΔΠΡ | Μ | ΝΙΚΩΝΟΣ | ΑΓΟΡΑΝΟ*, т.-е. „(годъ) 184, вѣсъ *(μέτρον)* Никона агоранома". Среди надписи проходитъ трезубецъ, знакъ города Бейрута (и тожественной съ нимъ древней Лаодикіи), являющійся то одинъ, то съ дельфиномъ. Дата 184 александрійской эры *)=128 до Р. Хр. важна какъ доказательство, что городъ, разрушенный Трифономъ въ 140 г., не только не лежалъ въ развалинахъ до времени Августа, но уже въ 128 г. шла въ немъ торговля (другой бейрутскій вѣсъ, хранящійся въ Парижѣ, помѣченъ годомъ 161=151 до Р. Хр.).

Бейрутскій вѣсъ 128 г. до Р. Хр.

2. Его же (въ № 2) объ открытомъ имъ финикійскомъ кладбищѣ среди ранѣе открытыхъ имъ же развалинъ гор. Ladhquié Kana'an (т.-е. Лаодикіи), подъ Бейрутомъ (финикійскій Бейрутъ).

3. Дневникъ о. Грифона, францисканскаго миссіонера въ Ливанѣ въ серединѣ XV в. (№№ 1—4), съ предисловіемъ издателя (о. Г. Ламменсъ) объ о. Грифонѣ и о политическомъ состояніи Ливана въ XV в. Описываются города, посѣщенные миссіонеромъ, заботы францисканцевъ о паломникахъ, затронуты политическія событія; особенно интересенъ дневникъ для исторіи маронитской церкви и ея сношеній съ папами.

---

*) Если считать несомнѣннымъ, что эра здѣсь—александрійская. *Ред.*

4. О. Люмоффенъ (№ 3)—о каменномъ вѣкѣ въ Финикіи, неолитическаго и палеолитическаго періодовъ. Изъ эпохи палеолитической указано семь стоянокъ (Адглунъ, ʿУкбіятъ, Нахръ-Ибрагимъ, Нахръ-уль-Джоръ, Антиліосъ — одна изъ важнѣйшихъ по присутствію костей человѣка и животныхъ, а также издѣлій изъ кости), Нахръ-Бейрутъ (на лѣвомъ берегу, у моста), Триполи. Шесть первыхъ лично посѣщены о. Л—ъ.

5. Въ изданіи о. Шейхо, по парижской рукописи „Исторія Бейрута и извѣстія о Бухтарійскихъ князьяхъ“ Салихи, сына Яхьи (XV в.). Сочиненіе интересно и исторически и лингвистически; приводимыя въ немъ народныя сказанія и повѣрья освѣщаются примѣчаніями издателя.

6. Д-ръ Гаффнеръ, по рукописи хедивской библіотеки въ Каирѣ, издаетъ (№ 1) сочиненіе Абу-Саʿида Абд-уль-Малика бен-Кулейбъ, Аль-Исмаʿи (740—831 по Р. Хр.)—„Ад-даррат“(=мѣста, окруженныя горами,— въ объясненіе упоминаній у до-мусульманскихъ поэтовъ). Аль-Исмаʿи перечисляетъ двадцать Ад даррать, къ коимъ редакція прибавляетъ еще свыше сорока (со ссылками на Лисану-ль-арабъ, Таджу-ль-ʿАрусъ и Аль-Бакри).

7. Свящ. Рашидъ Шартуни (№ 1) даетъ хронологію маронитскихъ патріарховъ на основаніи списка патріарха Стефана Дувойхи († 1704 г.); списокъ начинается съ 685 г. и порой приводитъ параллельно имена православныхъ антіохійскихъ патріарховъ. Редакціей сдѣланы очень цѣнныя поправки и объясненія. Сообщилъ *М. О. Аттая.*

— Недавно вышелъ 1-й выпускъ 1-го тома, изданнаго Импер. Академіей Наукъ, труда, хорошо извѣстнаго въ ученомъ мірѣ, собирателя народныхъ пѣсенъ, былинъ и проч., П. В. Шейна подъ заглавіемъ: „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и проч.“. Въ виду извѣстности автора намъ не приходится долго останавливаться на разборѣ этого новаго, капитальнаго изданія. Укажемъ только, что уже въ вышедшемъ 1 выпускѣ помѣщено 1283 №№ пѣсенъ: 1) дѣтскихъ (колыбельныхъ, потѣшныхъ, прибаутокъ, передразниваній, жеребьевыхъ) (конаны передъ игрой) и пѣсенныхъ приговоровъ во время игры; 2) хороводныхъ (наборныхъ, игровыхъ и разборныхъ); 3) плясовыхъ; 4) бесѣдныхъ (любовныхъ, семейныхъ, юмористическихъ, сатирическихъ, скоморошныхъ); 5) обрядовыхъ (праздничныхъ, игрищныхъ, подблюдныхъ и т. п.). Передъ каждымъ отдѣломъ помѣщено описаніе игръ, напр., игры въ ворона, коршуна, въ куму, въ короли, въ зорю, въ утку, или обрядовъ и обычаевъ въ родѣ: коляды, обряда крещенія кукушки, завиваніе вѣнковъ и снаряженіе березки, празднованіе Троицына дня и т. п. Отъ души пожелаемъ собирателю силъ для продолженія и завершенія труда, который будетъ одинаково привѣтствованъ и историкомъ, и археологомъ, и этнографомъ, и историкомъ литературы, и лингвистомъ. Во 2-й вып. войдутъ пѣсни свадебныя и погребальныя, во 2-ой томъ—пѣсни историческія, рекрутскія, солдатскія, бурлацкія, воровскія, разбойничьи и т. п., а въ 3-ій—прозаическія произведенія народнаго

творчества, т. е. сказки, легенды, прибаутки, анекдоты и т. п. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать появленія этихъ томовъ. *А. С.*

— Изученіе свастики привело, какъ извѣстно, къ накопленію обширной литературы и къ возникновенію многочисленныхъ гипотезъ объ ея значеніи и происхожденіи. Изученіе этого же орнаментальнаго мотива привело къ появленію въ свѣтъ интересной монографіи *Th. Wilson*'a: The Swaskika (въ Report of the U. S. National Museum for 1894 г.). Задавшись скромной цѣлью отмѣтить случаи нахожденія свастики въ Америкѣ, авторъ значительно вышелъ за предѣлы намѣченныхъ имъ задачъ и представилъ монографію объединяющую, если такъ можно выразиться, какъ матеріалы о свастикѣ, такъ и теоріи объ ея значеніи. Авторъ отрицаетъ предположеніе о возможности появленія свастики въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ путемъ самостоятельнымъ и склоняется къ мнѣнію, что символъ этотъ распространялся постепенно изъ своей первоначальной родины по обѣимъ континентамъ. *X.*

Некрологъ.

Г. Д. Филимоновъ.

Русская археологія понесла крупную утрату. 26 мая скончался въ Сухумѣ членъ-основатель Импер. Московскаго Археологическаго Общества Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ. Покойный родился въ 1829 г., воспитывался въ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ и затѣмъ окончилъ курсъ на философскомъ (историко-филологическомъ) факультетѣ Московскаго Университета. Еще будучи юношей, Г. Д. сталъ интересоваться русскими древностями и проводилъ свободное время въ осмотрѣ кремлевскихъ соборовъ, ризницъ, Оружейной Палаты, частныхъ собраній древностей и т. д., пользуясь при этомъ имѣвшеюся литературой и указаніями знатоковъ. Въ 1849 г., тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, онъ уже могъ составить, изданное въ томъ же году, „Описаніе памятниковъ древности церковнаго и гражданскаго быта изъ русскаго музея П. Ѳ. Коробанова" (М. 1849, 32 стр. съ рисунками). Это стремленіе къ изученію старины нашло себѣ скоро большее удовлетвореніе въ занятіи Георгіемъ Дмитріевичемъ должности хранителя Московской Оружейной Палаты. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ покойнымъ былъ напечатанъ рядъ ученыхъ трудовъ о древнихъ русскихъ памятникахъ искусства и письменности и по вопросамъ древне-русской иконографіи, въ томъ числѣ объ исторіи Остромірова Евангелія (Лѣтописи рус. лит., изд. Тихонравова, 1859 г. т. I), о Мстиславовомъ Евангеліи (Чтенія Общ. Ист. и Древ. 1859 г. кн. 3, 1860 г. кн. 4), о древней въ Россіи портретной живописи („Архивъ" Калачева, 1850 году кн. I), „Церковь Св. Николая на Липнѣ близъ Новгорода и вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ

русскихъ церквахъ“ (М. 1859 г.) и др. Въ 1864 г. Г. Д., вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, проф. Ѳ. И. Буслаевымъ и А. Е. Викторовымъ, основалъ при Румянцевскомъ и Публичномъ Музеяхъ „Общество Древне-Русскаго Искусства“, котораго онъ былъ секретаремъ, и которое первое время заявило о себѣ живою дѣятельностью. Въ изданныхъ этимъ обществомъ „Сборникѣ“ (1866 г.) и „Вѣстникѣ“ (1874 — 1876) были помѣщены покойнымъ многія важныя статьи по археологіи, какъ-то: „Древнія украшенія великокняжескихъ одеждъ“, „Византійская архитектура“, „Значеніе луны подъ крестомъ“, „Симонъ Ушаковъ и современная эпоха русской иконописи“, „Очерки русской христіанской иконографіи“, „Иконные портреты русскихъ царей“, „Иконописный подлинникъ сводной редакціи XVII в.“. Въ 1867 г. покойный былъ командированъ въ Парижъ на всемірную выставку, куда были доставлены, между прочимъ, коллекціи русскихъ древностей изъ разныхъ правительственныхъ учрежденій. Въ это пребываніе за-границей Г. Д. значительно пополнилъ свои археологическія свѣдѣнія изученіемъ иностранныхъ собраній (между прочимъ и по доисторическимъ древностямъ), познакомился со многими выдающимися европейскими археологами и, съ своей стороны, поразилъ ихъ богатствомъ своихъ знаній въ тѣхъ отрасляхъ науки о древностяхъ, которыя были для нихъ мало извѣстными и трудно доступными (византійская и русская иконографія и вообще русская старина). Съ 1 января 1870 г. Г. Д., оставаясь хранителемъ Моск. Оружейной Палаты, занялъ также должность хранителя отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей Моск. Публичнаго и Румянцевскаго музея. Значительно пріумноживъ, почти удесятеривъ коллекціи этого отдѣленія своими стараніями, Г. Д. составилъ также обстоятельный „Каталогъ отдѣленія доисторическихъ древностей Москов. Публичнаго Музея“ (М. 1874). Въ 1877 — 78 гг. Г. Д. принялъ живое участіе въ подготовительныхъ трудахъ по устройству въ Москвѣ, въ 1879 г., Антропологической выставки. Онъ ѣздилъ по приглашенію Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи) въ Крымъ, гдѣ занимался раскопками древнихъ каменныхъ гробницъ (дольменовъ) въ Байдарской долинѣ, и особенно на Кавказѣ, гдѣ имъ были произведены замѣчательныя раскопки и находки около станціи Казбекъ, въ Осетіи (особенно въ могильникѣ близъ с. Кобань) и въ разныхъ мѣстностяхъ Закавказья. Случайное доставленіе въ Московскій Музей одной большой дугообразной фибулы и нѣкоторыхъ другихъ древностей съ Кавказа дало Г. Д—чу первую мысль о существованіи нѣкогда на Кавказѣ самостоятельной бронзовой культуры, отысканіе слѣдовъ которой и было главной цѣлью его поѣздки. Эта цѣль была имъ вполнѣ достигнута. Онъ первый, ранѣе гр. Уварова, Шантра, Вирхова и другихъ, русскихъ и иностранныхъ археологовъ, сдѣлалъ на Кавказѣ важныя находки, свидѣтельствующія о существованіи здѣсь нѣкогда развитой бронзовой промышленности, разцвѣтъ которой Г. Д. относилъ къ эпохѣ, предшествовавшей началу нашей эры и стоявшей въ связи, по его мнѣнію, съ эпохой сѣверно-итальянскихъ терра-

маръ. Близь ст. Казбекъ имъ найденъ былъ богатый кладъ бронзовыхъ издѣлій, въ томъ числѣ своеобразныя принадлежности культа, украшенныя изображеніями разныхъ кавказскихъ животныхъ (оленей, туровъ и т. д.), и фаллическими фигурами людей, серебряная чаша съ выпуклымъ орнаментомъ и начертаніями и другіе предметы, сложенные въ бронзовыхъ сосудахъ, обмотанныхъ цѣпями. Въ гробницахъ осетинскихъ могильниковъ открыты имъ были большія дугообразныя фибулы, характерные кривые топоры, статуэтки животныхъ, разнообразныя украшенія, бусы и т. д., указывающіе на своеобразную культуру конца бронзоваго вѣка, когда желѣзо еще только что начинало входить въ употребленіе. Отчетъ объ этой поѣздкѣ и о сдѣланныхъ въ продолженіи ея раскопкахъ былъ помѣщенъ въ изданіи „Антропологическая Выставка“ т. I—II, самыя же вещи, занявшія массу картоновъ, составили одно изъ лучшихъ украшеній Антропологической выставки 1879 г., а впослѣдствіи, съ передачей ихъ Обществомъ Любителей Естествознанія въ Историческій Музей, заняли почетное мѣсто въ одной изъ залъ этого музея.

Въ началѣ царствованія Александра III Г. Д. принималъ дѣятельное участіе въ коммиссіи по возобновленію (въ виду коронаціи) стѣнной росписи Грановитой Палаты, а также издалъ „Описныя книги царскихъ Палатъ Золотой и Грановитой (М. 1882). Подъ его руководствомъ были произведены фотографическіе снимки съ замѣчательныхъ предметовъ древности въ Оружейной Палатѣ (составившіе обширный альбомъ), причемъ онъ обратилъ особое вниманіе на изученіе серебряныхъ художественныхъ издѣлій иностранной работы (подносившихся въ разное время русскимъ государямъ иноземными послами) и составилъ весьма полезный „Указатель всѣхъ марокъ на серебрѣ Московской Оружейной Палаты“ (М. 1893).

Обладая массой свѣдѣній по исторіи искусства и археологіи, Г. Д. былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской старины, и къ его мнѣніямъ относились съ уваженіемъ и вниманіемъ всѣ спеціалисты, когда дѣло шло объ опредѣленіи эпохи и особенностей стиля какого-либо мало изученнаго памятника. При этомъ покойный до конца жизни сохранилъ способность отдаваться съ увлеченіемъ разработкѣ интересующихъ его вопросовъ. Такъ, незадолго до своей кончины, онъ заинтересовался вопросомъ „о времени и происхожденіи знаменитой шапки Мономаха“, вызванный къ тому мнѣніемъ проф. Н. П. Кондакова въ его монографіи о русскихъ кладахъ великокняжеской эпохи. Сомнѣваясь въ вѣрности заключенія Кондакова — о византійской работѣ этой шапки — Г. Д. перерылъ всю относящуюся сюда литературу, выписалъ на свой счетъ нѣсколько дорогихъ иностранныхъ изданій, пересмотрѣлъ, въ натурѣ и въ рисункахъ, массу древнихъ художественныхъ издѣлій, орнаментовъ и т. д., и въ рефератахъ, представленныхъ имъ Обществу Исторіи и Древностей („Чтенія“, 1893 г. кн. 2), развилъ положеніе, что шапка эта носитъ слѣды восточной работы и относится къ XIV в.

Г. Д. былъ послѣднимъ, остававшимся еще въ живыхъ, членомъ-основателемъ Импер. Моск. Археологическаго Общества и Общества древне-рус-

скаго искусства. Кромѣ того, онъ былъ почетнымъ членомъ Импер. Общества Исторіи и Древностей и Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, а также членомъ нѣсколькихъ другихъ ученыхъ Обществъ. Болѣе 30 лѣтъ онъ завѣдывалъ собраніями Оружейной Палаты и болѣе 27 лѣтъ состоялъ хранителемъ Отдѣленія древностей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеяхъ. Еще послѣдней зимой онъ посѣщалъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей, Археологическаго—и Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, живо интересуясь вопросами доисторической и русской археологіи. Въ его лицѣ Москва и вся русская наука утратила выдающагося знатока старины, по отношенію къ которому можно только выразить сожалѣніе, что ему не пришлось подѣлиться въ большей степени, съ современниками и потомствомъ, богатымъ запасомъ своихъ свѣдѣній, напримѣръ, въ болѣе обширномъ и систематическомъ трудѣ о русскихъ церковныхъ и бытовыхъ древностяхъ. Но у всѣхъ, знавшихъ покойнаго и имѣвшихъ возможность пользоваться его указаніями, бывшихъ свидѣтелями его трудовъ, какъ изслѣдователя и хранителя древностей, останется навсегда въ памяти его образъ глубоко преданнаго наукѣ дѣятеля, съ горячностью и усердіемъ трудившатося до конца жизни надъ собираніемъ, сохраненіемъ и истолкованіемъ памятниковъ далекаго прошлаго и обладавшаго массой обширныхъ и разностороннихъ свѣдѣній въ излюбленной имъ съ дѣтскихъ лѣтъ области изученія древняго быта и искусства.

Д. А.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за май 1898 г.

Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Имп. Акад. Художествъ. Вып. 4-й. Составилъ акад. *В. В. Сусловъ*. Спб. 1898.

Ю. Талько-Грынцевичъ. Къ антропологіи Великороссовъ. Семейскіе (старообрядцы) забайкальскіе. Томскъ. 1898.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. № 1 и 2-й. Юрьевъ. 1898 г.

Протоколы обыкновенныхъ общихъ собраній Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. 1896 г., №№ 6, 7 и 8; 1897 г., №№ 1, 2, 3 и 4.

L'Anthropologie. Matériaux pour l'histoire de l'homme. T. IX, № 2. Paris. 1898.

Juliusz Hr. Ostrowski. Księga herbowa rodów polskich. Leszyt III. Warszawa. 1898.

Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Февраль, 1898 г. Спб. 1898.

Notizie degli scavi di antichitá, comunicate alla R. Accademia dei Lincei. Febbraio. 1898. Roma. 1898.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. III. 1898 г. Калуга. 1898.

Вѣстникъ „Народнаго дома". Апрѣль, 1898 г. Львовъ. 1898.

Slovenské Pohlády. Ročnik XVIII. Sosit 5 v Turcianskom Sv. Martine. 1898.

Отчетъ о дѣятельности Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи за 1897 г. Симбирскъ. 1898.

Летопис Матице српске. Кн. 194, вып. 2. 1898. У Новаме Саду. 1898.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 24. Тифлисъ. 1898. (Въ археологическомъ отношеніи особенно интересно описаніе драгоцѣнныхъ камней и свойствъ ихъ (изъ грузинскаго сборника X в.) и „Сонъ Пресвятой Богородицы").

Записки Крымскаго Горнаго клуба въ г. Одессѣ, № 4, 1898 г. Одесса. 1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

1898 г. №№ 7—8.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бѣлевскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ въ 1897 году.

Въ 1897 году, по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, мною произведены археологическія изслѣдованія въ окрестностяхъ двухъ смежныхъ деревень: Ѳедяшевой и Воронца, Бѣлевскаго у., Тульской губ., и въ окрестностяхъ села Алеканова, Рязанскаго у. и губерніи.

Въ окрестностяхъ д. Ѳедяшевой было изслѣдовано одно городище и три кургана; въ окрестностяхъ д. Воронца—шесть кургановъ и одна стоянка неолитической эпохи; наконецъ, въ окрестностяхъ с. Алеканова—одинъ древній поселокъ, сопровождавшійся четырьмя погребеніями, и одна стоянка бронзоваго вѣка. Сверхъ сего осмотрѣно и схематически описано три древнихъ городища: два въ с. Фурсовомъ, Бѣлевскаго уѣзда, и одно—въ с. Муроминомъ, Рязанскаго уѣзда.

Въ предлагаемомъ очеркѣ будутъ приведены лишь общіе результаты изслѣдованій, но въ немъ не будутъ разсматриваться ни топографическія подробности, ни всѣ детали изслѣдуемыхъ памятниковъ, такъ какъ свѣдѣнія о нихъ имѣются въ подробномъ отчетѣ, представленномъ въ Имп. Моск. Археологическое Общество.

Изслѣдованія начаты раскопками Ѳедяшевскаго городища. Раскопки были направлены на изученіе остатковъ культурнаго слоя и вала. Средняя мощность культурнаго слоя по окраинамъ городища равнялась приблизительно 3 футамъ, къ срединѣ же двора мощность слоя быстро сходила на нѣтъ, что обусловливалось многолѣтней выпашкой рыхлой почвы. Цвѣтъ слоя—черный углистый, только въ нижней части болѣе свѣтлый, золистый; въ основаніи его всюду залегаетъ красноватая валунная глина.

Въ отношеніи бытовыхъ памятниковъ, культурный слой легко разбивается на двѣ части: верхнюю, содержащую болѣе или менѣе обильныя скопленія желѣзныхъ шлаковъ, и нижнюю—совсѣмъ не содержащую такихъ шлаковъ. Послѣдніе появлялись приблизительно на средней глубинѣ слоя. Количество ихъ постепенно увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ поверхности, гдѣ шлаковъ встрѣчалось очень много. Часть слоя, содержащая желѣзные шлаки, отличалась наиболѣе богатымъ содержаніемъ и другихъ бытовыхъ предметовъ, въ особенности обломковъ глиняной посуды. Въ этомъ же слоѣ найдены почти всѣ подѣлки изъ желѣза, мѣди или бронзы и серебра, встрѣчены значительныя скопленія костей домашнихъ животныхъ, но костяныхъ орудій совсѣмъ не оказалось.

Нижняя часть слоя, не содержащая желѣзныхъ шлаковъ, заключала въ себѣ обломки глиняной посуды, скопленія костей домашнихъ, а также и дикихъ животныхъ и наконецъ издѣлія изъ кости и рѣже изъ желѣза.

Каменныхъ орудій во всей толщѣ культурнаго слоя совсѣмъ не найдено. Горизонтомъ залеганія ихъ служилъ залегавшій ниже глинистый слой, который иногда окрашивался темнымъ цвѣтомъ, происходившимъ отъ примѣси золистыхъ и углистыхъ частицъ, и въ этихъ случаяхъ слой какъ бы сливался съ культурнымъ пластомъ городища, отличаясь отъ него большею вязкостью, зависящею отъ присутствія глины.

Изученіе остатковъ каменнаго вѣка являлось главною цѣлью изслѣдованія городища. По собраннымъ, въ экскурсію 1895 года, свѣдѣніямъ, такихъ остатковъ здѣсь было найдено такъ много, что невольно являлась мысль, не возникло ли и самое городище въ періодъ каменнаго вѣка [1]). Однако раскопки не подтвердили такой мысли. Напротивъ, малочисленность сдѣланныхъ въ траншеяхъ находокъ предметовъ каменнаго вѣка не даетъ даже основанія предполагать, что площадь, заня-

---

[1]) В. А. Городцевъ. Матеріалы для археолог. карты долины и береговъ р. Оки, стат. 21.

тая городищемъ, была болѣе излюбленнымъ мѣстомъ стоянокъ первобытнаго человѣка сравнительно съ сосѣдними берегами р. Оки, повсюду, въ разсматриваемомъ раіонѣ, усѣянными слѣдами его пребыванія. Прекрасная по составу и обширная по количеству коллекція каменныхъ орудій о. Н. Преображенскаго, которая мною описана въ отчетѣ объ археологической экскурсіи 1895 года, какъ добытая изъ Ѳедяшевскаго городища, при ближайшемъ разслѣдованіи оказалось только отчасти собранною на его площади; главная же масса предметовъ коллекціи происходила съ прилегающихъ береговъ р. Оки и окрестныхъ полей, называемыхъ мѣстными жителями также „Городищемъ". Синонимы и были причиною смѣшенія и ошибки

Ѳедяшевское городище возникло, несомнѣнно, въ другую, болѣе позднюю эпоху. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ послѣдняго служатъ найденные въ обожженной глинѣ вала обломки посуды, однородной съ посудою темнаго культурнаго слоя, отложившагося на дворѣ. Эти обломки посуды, несмотря на всю ихъ примитввость, могутъ быть отнесены лишь къ желѣзному вѣку.

Въ опредѣленіи времени возникновенія и существованія Ѳедяшевскаго городища главную роль играютъ, во-первыхъ, конструкція вала, во-вторыхъ, общій характеръ найденныхъ въ немъ издѣлій и, въ третьихъ, монетныя находки.

Валъ Ѳедяшевскаго городища принадлежитъ къ рѣдкимъ образцамъ древней фортификаціи: онъ сооруженъ изъ пластовъ болѣе или менѣе сильно обожженной глины. Городищъ съ валами подобной конструкціи, въ Окскомъ бассейнѣ, доселѣ было извѣстно только два: въ окрестностяхъ с. Половскаго, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и у с. Недостоева, Рязанскаго уѣзда. Первое изслѣдовано А. В. Селивановымъ [2]), второе—мною [3]). Судя по типамъ встрѣченной въ обоихъ городищахъ глиняной посуды и особенно сѣтчатому орнаменту ея, оба они должны относиться къ глубокой древности и едва ли не къ самому началу желѣзнаго вѣка въ долинѣ р. Оки, такъ какъ сѣтчатый орнаментъ посуды, какъ мы увидимъ ниже, является близкимъ варіантомъ сѣтчато-ниточнаго орнамента бронзоваго вѣка.

Въ русской археологіи такого рода валы еще не подвергались глубокому изученію, хотя, несомнѣнно, въ будущемъ они привлекутъ на себя должное вниманіе спеціалистовъ и прольютъ, вѣроятно, много свѣта на древнюю культуру средней Россіи.

Въ Зап. Европѣ открыты укрѣпленія, имѣющія валы изъ кам-

---

[2]) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, 1890 г., стр. 35 и 36.
[3]) Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки, статья 53.

ней, сплавленныхъ на огнѣ. Крайнимъ предѣломъ распространенія ихъ служитъ Шотландія, далѣе, къ востоку, они идутъ, распространяясь, чрезъ Данію и Германію; наконецъ, крайнимъ восточнымъ предѣломъ ихъ служитъ Индія, гдѣ они возводились еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ Россіи укрѣпленій, сдѣланныхъ изъ сплавленныхъ на огнѣ камней, пока не найдено. Но, по моему мнѣнію, въ прямомъ родствѣ съ такими укрѣпленіями стоятъ разсматриваемые нами валы городищъ, сооруженные изъ пластовъ глины, обожженныхъ на огнѣ. Идея дать матеріалу вала наибольшую крѣпость посредствомъ огня въ обоихъ случаяхъ обща, вполнѣ однородна, и весьма возможно, какъ допускаетъ французскій археологъ Ф. Бартелеми, что идея эта возникла и распространилась изъ одного какого-нибудь пункта [4]).

Существованіе западно-европейскихъ укрѣпленій разсматриваемой конструкціи относится вообще къ глубокой древности. Во Франціи они уже не сооружались со времени вторженія римлянъ, т.-е. съ І-го вѣка до Р. Хр. Отсюда, если допустить, что идея усовершенствованія крѣпостныхъ насыпей посредствомъ огня заимствована окскими обитателями отъ западныхъ народовъ, то необходимо древность ихъ отнести ко времени, предшествующему христіанской эрѣ. Что же касается продолжительности существованія искусства усиливать глиняныя насыпи посредствомъ огня, то таковая, судя по малочисленности подобныхъ укрѣпленій, въ окской области не должна быть велика, а это позволяетъ заключить, что изучаемое нами Ѳедяшевское городище, если не древнѣе начала христіанской эры, то позднѣе ея немного.

Разсмотримъ, въ состояніи ли подтвердить такую дату характеръ бытовыхъ предметовъ, оставленныхъ въ слояхъ городища древнѣйшими его обитателями.

Бытовыхъ металлическихъ предметовъ добыто раскопками очень мало; для опредѣленія времени они не характерны, притомъ большинство ихъ извлечено изъ верхней части культурнаго слоя и поэтому совсѣмъ не можетъ служить опредѣлителемъ времени основанія городища. Намъ остается указать лишь на одинъ фактъ находки здѣсь бронзовой фибулы, доставленной, въ 1890 г., въ Императорское Московское Археологическое Общество. Эта фибула, по опредѣленію гр. Пр. С. Уваровой, относится къ древностямъ IV вѣка. Такая дата вещи, установленная совершенно независимо отъ представляемыхъ соображеній, даетъ очень сильную поддержку для даты, полученной изъ оцѣнки древности конструкціи вала.

---

[4]) F. Barthélemy. Camps vitrifiés et camps calcinés.

Замѣтимъ еще, что сравнительно недалеко отъ Ѳедяшевскаго городища, въ г. Бѣлевѣ, извѣстны случаи находокъ римскихъ императорскихъ монетъ [5]), а въ Масальскомъ уѣздѣ сосѣдней Калужской губерніи въ 1888 г. былъ найденъ г. Булычевымъ кладъ съ вещами, отнесенными гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ къ I—V вѣкамъ по Р. Хр. [6]). Въ обоихъ случаяхъ находки были сдѣланы близъ древнихъ городищъ, и поэтому онѣ въ состояніи подкрѣпить мысль о возможности существованія въ то время городищъ вообще и Ѳедяшевскаго городища въ частности, дѣлая намѣченную нами дату послѣдняго весьма вѣроятною.

Раскопками Ѳедяшевскаго городища больше всего добыто издѣлій изъ глины, которыя, въ видѣ фрагментовъ, выполняли всю толщу культурнаго слоя отъ подошвы до поверхности его. Главную массу разсматриваемыхъ издѣлій составляли обломки, вѣроятно, кухонныхъ горшковъ, затѣмъ мелкихъ сосудцевъ, пряслъ, грузилъ, бочковидныхъ погремушекъ и тиглей. Глина издѣлій имѣетъ цвѣтъ темный, свѣтлосѣрый или рѣже краснобурый. Техника примитивна и для массы однородна, что какъ бы указываетъ на единство источника ихъ происхожденія и непрерывность развитія самаго искусства. Въ общемъ вся серія глиняныхъ издѣлій, какъ по внѣшней формѣ, такъ и въ особенности по орнаменту, имѣетъ сходство съ глиняными издѣліями московскаго Дьякова городища, содержащаго вещи, датированныя V вѣкомъ. Чтобы не вдаваться въ детали сравненій, отмѣтимъ только, что фототипіи съ дьяковскихъ глиняныхъ издѣлій, приложенныхъ къ описанію городища В. И. Сизова [7]), за немногими исключеніями, могли бы служить одинаково вѣрно иллюстраціею къ глинянымъ издѣліямъ Ѳедяшевскаго городища. Въ послѣднемъ не найдены обломки посуды съ сѣтчатымъ орнаментомъ и характерные для Дьякова городища глиняные грузики, но это отрицательное явленіе легко можетъ быть объяснено причинами, совсѣмъ не зависящими отъ времени, такъ какъ въ Павловскомъ и Недостоевскомъ городищахъ, имѣющихъ совершенно одинаковую конструкцію валовъ съ Ѳедяшевскимъ, а, несомнѣнно, относящихся къ одному времени съ послѣднимъ, посуда съ сѣтчатымъ орнаментомъ найдена; хотя необходимо замѣтить, что въ нижней части культурнаго слоя Ѳедяшевскаго городища встрѣчено много обломковъ съ густымъ точечнымъ орнаментомъ и орнаментомъ многозубчатаго чекана, которые представляютъ очень живую связь съ неолитическимъ орнаментомъ и тѣмъ самымъ указываютъ на принадлежность ихъ къ глубокой древности.

---

5) В. А. Городцевъ. Матер. для арх. карты долины и берега р. Оки, ст. 1.

6) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности, вып. III, стр. 152—154.

7) В. И. Сизовъ. Дьяково городище близъ Москвы. Труды IX Арх. Съѣзда, т. II, стр. 256—267.

Полное сходства съ дьяковскими можно замѣтить и въ формахъ всѣхъ костяныхъ орудій, какія удалось отыскать въ нижней части культурнаго слоя. Къ сожалѣнію, число ихъ невелико, и основывать на нихъ какіе-либо хронологическіе выводы не представляется возможнымъ.

Болѣе солидно обосновывается дата позднѣйшаго существованія городища, чему помогаютъ находки монетъ, изъ коихъ въ настоящее время извѣстны два серебряныхъ арабскихъ диргема: одинъ, въ видѣ обломка, хранится въ частномъ собраніи Н. Преображенскаго, другой—мною доставленъ въ Импер. Моск. Археол. Общество. Обѣ монеты составляютъ случайныя находки. Послѣдній найденъ за нѣсколько дней до моихъ раскопокъ на поверхности обнаженнаго культурнаго слоя, почти на краю мыса городища. По опредѣленію В. К Трутовскаго, доставленный мною диргемъ битъ въ Испагани въ 199 году гиджры, т.-е. въ 815 году по Р. Хр., при Абассидскомъ калифѣ Абдуллахъ-эль-Мамунѣ. Такимъ образомъ, присутствіе въ культурномъ слоѣ этой монеты указываетъ на существованіе городища въ IX вѣкѣ, но нѣкоторые бытовые предметы, какъ, напр., наконечники желѣзныхъ стрѣлъ, обломки черной глянцевитой посуды, указываютъ на существованіе городища и въ X вѣкѣ.

Суммируя всѣ факты, мы приходимъ къ заключенію, что Өедяшевское городище, возникнувъ въ глубокой древности, на почвѣ отчасти насиженной неолитическимъ человѣкомъ, существовало продолжительное время, вѣроятно, до конца X вѣка. Полнымъ подтвержденіемъ такой продолжительности существованія могутъ служить значительныя прогрессивныя перемѣны въ бытѣ его обитателей. Выше упоминалось, что въ нижней части культурнаго слоя, т.-е. въ той части его, которая отложилась при первыхъ обитателяхъ, бытовые остатки характеризовались очень рѣдкимъ присутствіемъ желѣзныхъ орудій, которыя, очевидно, въ большинствѣ случаевъ замѣнялись костяными. Среди кухонныхъ отбросовъ найдены, на ряду съ костями домашнихъ животныхъ—лошади, коровы и овцы,—въ значительномъ количествѣ кости дикихъ животныхъ—лося, медвѣдя, бобра и др.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ бытовые остатки верхней части слоя. Здѣсь изобилуютъ слѣды мѣстной обработки желѣза и другихъ болѣе благородныхъ металловъ. Въ кухонныхъ отбросахъ кости домашнихъ животныхъ часты, а кости дикихъ животныхъ являются рѣдкими исключеніями.

Все это указываетъ, что обитатели Өедяшевскаго городища начали жизнь при условіяхъ, близкихъ къ охотничьему быту, а кончили бытомъ

много болѣе развитымъ, близкимъ къ современному кустарно-заводскому; такой прогрессъ требовалъ значительнаго періода времени, особенно, если принять во вниманіе медленность развитія вообще всѣхъ человѣческихъ обществъ, когда они выходятъ изъ условій быта слаборазвитой культуры.

Какой народности принадлежало Ѳедяшевское городище и принадлежало ли оно все время своего существованія одной народности или нѣсколькимъ? Твердо обоснованныхъ отвѣтовъ дать трудно. Судя же по однородности общаго характера глиняной посуды, обильно выполнившей всѣ части культурнаго слоя, скорѣе можно допустить, что городище было обитаемо все время представителями одной и той же народности или племени. Между тѣмъ намъ извѣстно, что въ началѣ русской исторической эпохи, до которой городище оставалось обитаемымъ, прилегающая къ нему область верняго теченія р. Оки принадлежала славянской народности, племени Вятичей. Возможно, что это племя и основало городище, принесши съ запада на берега р. Оки искусство строить валы укрѣпленій изъ матеріала, обработаннаго при помощи огня.

Желаніемъ отыскать болѣе существенные признаки народности, населявшей въ разсматриваемый періодъ времени ближайшія окрестности городища, и были вызваны изслѣдованія сосѣднихъ къ нему кургановъ. Къ сожалѣнію, и эти памятники, благодаря бѣдности и вѣроятному расхищенію, не отвѣтили поставленнымъ запросамъ, хотя сами по себѣ явились весьма интересными.

Всѣхъ кургановъ раскопано девять. Они расположены вдоль берега р. Оки, въ трехъ изолированныхъ пунктахъ, получившихъ изстари названія—Лами-Полоза, Сторожевища и Воронова вершка (ур. Воронца). Судя по увѣренію владѣльцевъ, раскопанные курганы представляли изъ себя остатки болѣе или менѣе значительныхъ группъ.

Курганы насыпались изъ мѣстной почвы, около нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились остатки заплывшихъ рвовъ, изъ которыхъ бралась земля. Форма кургановъ—полушаровая. Нижніе слои насыпи всегда оказывались золистыми, причемъ золистость почвы неизмѣнно усиливалась подъ западною полой кургановъ. Форма погребеній практиковалась двойная: въ видѣ трупосожженій и простыхъ погребеній. Трупосожженія, несомнѣнно, считались болѣе почетною формой. Положеніе остатковъ мертвыхъ внизу, на горизонтѣ, было почетнѣе, чѣмъ положеніе выше горизонта, въ насыпи кургана, куда клали преимущественно трупы младенцевъ самаго нѣжнаго возраста или остатки сожженія также очень юныхъ субъектовъ. Простыя погребенія оріентировались головою на W съ уклоненіями къ N и S.

Представителемъ первой, ближайшей къ Ѳедяшевскому городищу, группы являлся всего одинъ курганъ,—его вершина оказалась разрытою для межевой ямы, и остатковъ погребенія въ немъ не найдено.

Отъ второй группы уцѣлѣло и было подвергнуто изслѣдованію два кургана. Въ одномъ изъ нихъ открыто два погребенія: взрослаго и юнаго субъекта. Костяки лежали въ насыпи кургана, почти на два аршина выше горизонта; вещей при нихъ не оказалось; у головы взрослаго субъекта были насыпаны угли и зола, а недалеко, въ насыпи, найдена одна ажурная бляшка. Подъ западною полой кургана, на горизонтѣ, почва была сильно окрашена углемъ и золою, но остатковъ погребеній въ ней не найдено.

Второй курганъ имѣлъ особенно интересное и вмѣстѣ загадочное строеніе. Внутри его были вылѣплена изъ красной глины обширная чаша, формою напоминающая широкій бокалъ. Внутренность чаши тщательно выработана полушаромъ и довольно сильно обожжена. На дно ея положена небольшая известковая плита безъ искусственной обработки. Сверху чаша покрывалась бревенчатымъ накатникомъ и рогожею, отъ которой сохранились обрывки, и на нихъ свалена груда углей и головней, замазанныхъ слоемъ обожженной красной глины, потомъ засыпанныхъ землею. Основаніе чаши покоилось ниже горизонта; оно имѣло форму столба, сплетеннаго изъ необожженой красной глины. Подошва столба, какъ у бокала, быстро расширялась и получила форму эллиптическую, сильно выдвинутую подъ западную полу кургана. Подъ подошвою чаши почва оказалась перерытою, мѣстами золистою. При изслѣдованіи ея былъ открытъ тайный ходъ, или лазейка, ведущая отъ западной подошвы кургана прямо подъ основаніе чаши.

Остатковъ погребенія въ курганѣ не найдено, поэтому нельзя съ увѣренностью сказать, чтобы все описанное сооруженіе принадлежало къ аттрибутамъ погребальнаго ритуала, хотя мною, по окончаніи раскопокъ, вынесено такое впечатлѣніе, что остатки трупосожженія были скрыты въ какомъ-нибудь сосудѣ подъ основаніемъ чаши, сооруженной спеціально для погребенія, и затѣмъ похищены чрезъ тайный ходъ, или лазейку. Но это мое личное мнѣніе. Авторитетные археологи, съ которыми мнѣ приходилось говорить о загадочномъ строеніи кургана, не раздѣляютъ моего мнѣнія и видятъ въ сооруженіи, хотя и древнее, но бытовое сооруженіе, не имѣющее связи съ погребеніемъ въ курганѣ.

Въ третьей, Воронецкой группѣ раскопано шесть кургановъ; изъ нихъ одинъ былъ почти до горизонта срытъ и запаханъ, и ничего не далъ, прочіе же пять кургановъ дали 20 погребеній.

Въ вершинахъ двухъ кургановъ (1 и 3) открыто семь костяковъ

младенцевъ самаго нѣжнаго возраста; около одного костяка замѣчены остатки бересты, а около другаго—торфянистое вещество въ родѣ истлѣвшаго мха.

Въ насыпяхъ двухъ кургановъ (3 и 4), на разной глубинѣ, открыто семь трупосожженій, также очень юныхъ субъектовъ, изъ нихъ остатки одного оказались вложенными въ глиняный сосудъ небольшихъ размѣровъ; остатки прочихъ покоились прямо въ почвѣ; при одномъ найденъ желѣзный плоскій, миніатюрный браслетъ, при другомъ—нѣсколько обломковъ глинянаго сосуда и при третьемъ—шлаки голубого стекла, повидимому, бусъ.

На горизонтахъ кургановъ, въ одномъ случаѣ (кург. 4), открыты обильные остатки трупосожженія взрослаго человѣка, лежавшіе грудою; среди костей найдены обломки перержавленнаго желѣзнаго кольца или пряжки; нѣсколько въ сторонѣ—обломки мелкаго разбитаго горшка и немного небольшихъ осколковъ обугленныхъ костей. Вся картина вскрытаго погребенія давала мысль, что остатки трупосожженія были принесены сюда и высыпаны изъ горшка, который затѣмъ былъ съ силою брошенъ и разбитъ о землю.

Въ другомъ случаѣ (кург. 2) открыта, подъ западною полой кургана, небольшая пирамида, сложенная изъ камней; внутри ея найденъ сдавленный небольшой горшокъ, наполненный пережженными костями взрослаго человѣка: среди костей лежали мелкіе куски сплавленныхъ бронзовыхъ вещицъ и голубого стекла.

Наконецъ, въ третьемъ случаѣ (курганы 1, 3 и 5) на горизонтѣ кургановъ открыты ящики, сбитые изъ сильно обугленныхъ досокъ, содержащіе остатки трупосожженій. Всѣхъ ящиковъ найдено четыре. Они имѣли удивительно строгую оріентировку съ СВВ на ЮЗЗ, стояли подъ западною полою кургановъ, такъ что три изъ нихъ почти упирались въ край насыпей. Длина трехъ ящиковъ варіировала около 3 аршинъ, ширина двухъ—около $1\frac{1}{4}$ и одного—въ 2 аршина; четвертый ящикъ имѣлъ форму квадратную, около 1 аршина въ каждой сторонѣ. Входъ въ три длинныхъ ящика былъ устроенъ съ запада, въ двухъ—онъ оказался заложеннымъ камнями и въ одномъ—обугленною доской, укрѣпленной двумя невысокими обугленными столбиками. Широкій ящикъ имѣлъ внутри продольную перегородку, дѣлившую его на двѣ равныя половины. Этотъ ящикъ носилъ характерные признаки преднамѣреннаго разрушенія, повидимому съ цѣлью ограбленія его содержанія.

Въ первомъ ящикѣ (кург. 1) найдены пережженныя кости въ большомъ количествѣ, размѣщенныя отдѣльными группами, какъ бы указывающими на принадлежность ихъ нѣсколькимъ погребеніямъ взрос-

лыхъ субъектовъ. Между костями отысканы обломки грубой глиняной посуды.

Во второмъ ящикѣ (кург. 3) лежали остатки трупосожженій въ трехъ отдѣльныхъ группахъ. Кости принадлежали исключительно взрослымъ лицамъ. Среди костей найдены куски сплавленныхъ бронзовыхъ вещей.

Третій и четвертый ящики оказались подъ однимъ курганомъ (5); изъ нихъ въ квадратномъ, не имѣвшемъ ни дна, ни крыши, былъ поставленъ глиняный горшокъ съ пережженными костями, повидимому, молодого человѣка или отрока; въ большомъ ящикѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, найдено немного жженыхъ костей, нѣсколько мелкихъ кусковъ сплавленной мѣди или бронзы и обломокъ конскихъ удилъ *съ мѣдною полукруглою бляхою*, служившею украшеніемъ узды. Всѣ эти остатки лежали какъ бы затерянными въ углахъ южной половины ящика, въ сѣверной же половинѣ ящика никакихъ остатковъ не найдено. Судя по отсутствію значительнаго количества камней, замыкавшихъ входъ въ ящикъ, равно и другимъ признакамъ, болѣе подробно описаннымъ въ отчетѣ, можно было допустить, что хранившіеся въ ящикѣ остатки погребенія, вѣроятно, съ конемъ, были похищены черезъ отрытіе подошвы кургана съ западной стороны.

Въ заключеніе обзора ящиковъ, считаю необходимымъ отмѣтить что на дощатыхъ крышахъ трехъ изъ нихъ были найдены сложенными болѣе или менѣе значительными грудами угли и головни.

Въ общемъ результатѣ изслѣдованія всѣхъ кургановъ, мы не получили вполнѣ характерныхъ признаковъ ни для точнаго опредѣленія ихъ времени, ни для точнаго опредѣленія народности, которой они принадлежали. Только основываясь на характерѣ глиняной посуды, схожей съ посудою верхней части культурнаго слоя Ѳедяшевскаго городища, время ихъ насыпки можно отнести къ позднѣйшей эпохѣ существованія городища, а по выше приведеннымъ историческимъ свѣдѣніямъ и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, о которыхъ я здѣсь не буду распространяться,—пріурочить къ народности славянской, племени Вятичей.

Результаты изслѣдованія Воронецкой неолитической стоянки.

Во время раскопокъ Воронецкихъ кургановъ имѣлось наблюденіе за возможнымъ появленіемъ въ ихъ насыпяхъ и отчасти въ подстилающемъ насыпи грунтѣ остатковъ каменнаго вѣка, такъ какъ было извѣстно, что въ насыпяхъ, равно какъ и въ почвѣ прилегающихъ пашенъ, сдѣланы богатыя находки памятниковъ этого вѣка [8]).

[8]) В. А. Городцевъ. Матеріалы для арх. карты долины и береговъ р. Оки, стат. 20.

Такого рода наблюденіями было выяснено, что только насыпи ближайшихъ къ р. Окѣ кургановъ содержали кремневыя орудія, обломки посуды, характерные для неолитической эпохи и болѣе частые осколки кремня. Уже во второй линіи кургановъ, удаленной отъ берега шаговъ на 50 далѣе первой, такихъ остатковъ не оказалось. Послѣднее явленіе давало основаніе заключенію, что для неолитическихъ стоянокъ занималась узкая береговая полоса, поэтому, естественно, на эту полосу и были направлены поиски. Къ сожалѣнію Воронецкій берегъ, подобно двору Ѳедяшевскаго городища, оказался выпаханнымъ до подпочвы, уже не содержащей никакихъ культурныхъ остатковъ. Золистый слой съ такими остатками сохранился лишь вдоль гребня берегового ската, спускающагося къ нижней заливной террасѣ; здѣсь первоначально и были сдѣланы раскопки.

Три траншеи, проведенныя вдоль гребня верхней береговой террасы, помогли выяснить, что культурный слой, содержащій остатки каменнаго вѣка, имѣетъ темный золистый цвѣтъ, достигаетъ вершковъ 8-ми мощности и залегаетъ на глубинѣ вершковъ 6-ти отъ поверхности современной почвы. Среди остатковъ, включенныхъ въ почву слоя, встрѣчены каменныя орудія въ незначительномъ количествѣ, обломки неолитической глиняной посуды и кости животныхъ. Большинство остатковъ сосредоточивалось близъ встрѣченныхъ въ почвѣ костровъ, характеризовавшихся черното̀ю и углистостью почвы, а иногда и присутствіемъ закопченыхъ и пережженныхъ камней.

Убѣдившись произведенными поисками, что гребень коренного берега (верхней террасы) не въ состояніи дать матеріаловъ для составленія понятія о характерѣ культуры и быта насельниковъ, оставившихъ ихъ на изслѣдуемой площади, я рѣшился съ нѣкоторымъ рискомъ перенести раскопки на берегъ заливной террасы. На основаніи наблюденій, произведенныхъ въ экскурсію 1895 года, я полагалъ, что воронецкій неолитическій человѣкъ, подобно рязанскому своему современнику, предпочиталъ раскидывать свои стоянки близъ самой воды, и поэтому количество остатковъ его жизни должно увеличиваться по мѣрѣ спуска къ водѣ р. Оки. Предположеніе это вполнѣ оправдалось.

На глубинѣ около $3^1/_2$ аршинъ, въ глинистыхъ отложеніяхъ заливной террасы, былъ обнаруженъ золистый культурный слой, достигавшій до 25 вершковъ мощности. Начиная съ глубины 6 вершковъ отъ поверхности этого слоя стали попадаться осколки кремня и обломки слабо обожженной глиняной посуды, покрытой сплошнымъ узоромъ, весьма характернымъ для конца неолитической эпохи. Количество такихъ предметовъ все болѣе и болѣе увеличивалось и достигало мак-

симума на глубинѣ вершковъ 12-ти. На этой глубинѣ появлялись чаще кремневыхъ орудій и ихъ обломки; нерѣдко открывались сломанныя кости животныхъ, превращенныя отъ времени и влажности почвы въ известковыя массы, наконецъ, здѣсь же было найдено нѣсколько слѣдовъ кострищъ, обозначавшихся особенною чернотою почвы, золистымъ налетомъ и мелкими, втиснутыми въ илъ угольками. Кострища сопровождались обильными скопленіями битой глиняной посуды и осколковъ кремня, нерѣдко несущихъ на своихъ поверхностяхъ слѣды дѣйствія на нихъ огня; количество костей также увеличивалось, и среди нихъ удалось извлечь болѣе сохранными и годными для опредѣленія зубы медвѣдя, лося, бобра и кабана. Ниже, къ подошвѣ культурнаго слоя, всѣ перечисленные остатки становились болѣе рѣдкими, хотя удерживали все тотъ же характеръ.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ описанія добытаго матеріала, а прямо перейдемъ къ общей оцѣнкѣ бытового характера и времени описываемой стоянки.

Открытіе костровъ и значительныхъ скопленій домашнихъ отбросовъ въ почвѣ заливной террасы указываетъ на то, что неолитическій человѣкъ проживалъ на этой террасѣ болѣе или менѣе продолжительное время; но онъ не могъ имѣть здѣсь своихъ постоянныхъ жилищъ, такъ какъ ежегодно, въ продолженіи сезона весеннихъ разливовъ р. Оки, ему необходимо было покидать заливной берегъ, и если, несмотря на это, разбросанные въ разныхъ горизонтахъ культурнаго слоя, его бытовые отбросы указываютъ, что послѣ ежегодныхъ періодическихъ отлучекъ, человѣкъ снова возвращался на тѣ же мѣста, то мы въ правѣ заключить о неустойчивости его образа жизни, въ смыслѣ осѣдлости и сравнять послѣдній съ образомъ жизни современныхъ бродячихъ племенъ.

Весьма вѣроятно, что воронецкій первобытный человѣкъ въ продолженіе года совершалъ не одну, а нѣсколько перекочевокъ, такъ какъ затруднительно допустить, чтобы онъ оставался на низкихъ и открытыхъ берегахъ въ продолженіи зимы, когда ему удобнѣе было держаться въ ближайшихъ лѣсахъ на материковыхъ берегахъ, гдѣ легче можно устроить болѣе теплыя жилища.

Что касается древности Воронецкой стоянки, то она опредѣляется прежде всего общимъ типомъ издѣлій, указывающимъ на принадлежность ихъ къ концу неолитической эпохи, затѣмъ геологическимъ горизонтомъ ихъ залеганія въ почвѣ. Одинъ фактъ нахожденія остатковъ стоянки къ современныхъ аллювіальныхъ образованіяхъ уже вполнѣ опредѣляетъ время, такъ какъ вся толща этихъ образованій на протяженіи

всего теченія р. Оки отложилась за періодъ новѣйшаго времени. И въ самомъ дѣлѣ, слѣдя за подъемомъ культурнаго слоя стоянки, погребеннаго въ среднемъ на десяти футовой глубинѣ аллювія, мы находимъ его на верхней террасѣ, въ самомъ послѣднемъ геологическомъ образованіи, едва прикрытымъ растительнымъ или пахотнымъ слоемъ.

Если принять за единицу времени весь періодъ образованія современнаго окскаго аллювія и оцѣнить толщину его въ 20 футовъ, каковая приблизительно мною была получена при измѣреніяхъ поемныхъ береговъ р. Оки, какъ въ д. Воронцѣ, такъ и во многихъ другихъ пунктахъ Тульской и Рязанской губерніи, то намъ необходимо отнести первое появленіе человѣка на воронецкомъ берегу къ срединѣ длиннаго періода, взятаго за единицу времени. Тогда окрестности Воронецкой стоянки получили въ общемъ ту самую конфигурацію, которая существуетъ въ наши дни и лишь поемная долина имѣла другой видъ: берега ея были на половину, или немного болѣе, чѣмъ на половину, ниже, а слѣдовательно сырые и болотистые.

Результаты изслѣдованія дюны Могилокъ, въ окрестностяхъ с. Алеканова, Рязанскаго уѣзда.

Окончивъ раскопки въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, я переѣхалъ въ Рязанскій уѣздъ для изслѣдованія дюны Могилокъ. Результатомъ изслѣдованіе дюны явилось открытіе небольшого древняго поселка, четырехъ погребеній, стоянки бронзоваго вѣка и признаковъ стоянки неолитической эпохи.

Наиболѣе существенными памятниками поселка служили ямы, содержащія обломки глиняной посуды, запасы желѣзной руды и ея шлаки, прокаленные на огнѣ и оттого растрескавшіеся камни, а также куски обожженной глины. Ямы играли какую-то видную роль въ жилищахъ древняго поселянина. Весьма вѣроятно, что однѣ изъ нихъ служили предпечными ямами, какія были открыты и изслѣдованы въ древнихъ окскихъ поселкахъ близъ д. Борокъ, подъ г. Рязанью, и у Жабынскаго монастыря, верстахъ въ 7-ми отъ г. Бѣлева [3]). По крайней мѣрѣ, на такое назначеніе ихъ указываютъ частые случаи находокъ кусковъ обожженной глины, вѣроятнѣе всего, представляющихъ изъ себя остатки глинобитныхъ печей. Нѣкоторыя ямы, по своимъ значительнымъ размѣрамъ, могли служить или подпольями, или землянками, другія же, судя по обилію въ нихъ желѣзныхъ шлаковъ и кусковъ болотной руды,

---

[3]) Матер. для арх. карты долины и бер. р. Оки. ст. 2 и 55.

имѣли какъ будто бы особое, спеціальное, но не совсѣмъ понятное назначеніе.

Большое количество встрѣченныхъ на мѣстѣ поселка обломковъ глиняной посуды принадлежало къ грубымъ издѣліямъ формы обыкновенныхъ кухонныхъ горшковъ, сдѣланныхъ, большею частію, безъ помощи гончарнаго круга, изъ буроватой, дурно перемѣшанной песчанистой глины. Обжигъ такихъ сосудовъ слабый, орнаментовка является въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній и состоитъ или изъ закругленій и утолщеній края горлышекъ, или изъ черточекъ и вдавленій по тому же краю. Обломки посуды съ волнообразнымъ и линейнымъ круговымъ орнаментомъ попадались рѣдко, еще рѣже встрѣчались обломки черной глянцевитой посуды. Первые, по грубой смѣси глины съ пескомъ, похожи на вышеописанный, обычный въ поселкѣ типъ посуды, но они лучше обожжены и дѣланы при помощи гончарнаго круга; вторые—заслуживаютъ особеннаго вниманія какъ по своей рѣдкости появленія въ древнихъ окскихъ поселкахъ, такъ, и въ особенности, по своимъ высокимъ качествамъ. Эти обломки принадлежатъ посудѣ, сдѣланной изъ хорошо перемѣшанной глины; стѣны посуды—тонки, ровны и отъ тщательнаго сглаживанія ихъ—глянцевиты; орнамента на нихъ не бываетъ; обжигъ сильный. По способу приготовленія глины и цвѣту, обломки черныхъ глянцевитыхъ горшковъ имѣютъ полное сходство съ нѣкоторыми и всегда болѣе изящными глиняными пряслами. Есть основаніе какъ тѣ, такъ и другіе отнести къ предметамъ не мѣстнаго производства, а привознымъ откуда-то извнѣ. Къ такимъ же привознымъ предметамъ должно отнести и найденную въ единственномъ экземплярѣ бусину, сдѣланную изъ разноцвѣтной композиціи.

Въ оцѣнкѣ степени культурности жителей поселка весьма важное значеніе имѣютъ встрѣченные слѣды скотоводства, земледѣлія, обработки металловъ и охоты. Среди костей, встрѣченныхъ, въ видѣ обломковъ, въ жилыхъ ямахъ или около нихъ и, очевидно, служившихъ пищею жителей, встрѣчены кости лошади, коровы, овцы и, вѣроятно, уже прирученной свиньи. Найденный известковый жерновъ ручной мельницы свидѣтельствуетъ, что жители имѣли свой зерновой хлѣбъ и обрабатывали его у себя дома. Глиняная формочка, служившая для отливки мелкихъ металлическихъ украшеній, обломокъ ложковиднаго глинянаго тигля, желѣзные шлаки и запасы жел. руды указываютъ на умѣніе жителя поселка добывать и собственными средствами обрабатывать желѣзо и переливать другіе болѣе цѣнные металлы въ формы нужныхъ ему украшеній. Но проводя жизнь среди такихъ занятій, житель Алекановскаго поселка не пренебрегалъ охотою за дикими звѣрями. Судя по встрѣченнымъ

костямъ среди кухонныхъ отбросовъ, предметами его охотъ служили лоси, медвѣди, бобры и др.

Къ какому времени относился поселокъ? Руководясь общимъ характеромъ вещей и находя въ нихъ большое сходство съ вещами Борковскаго поселка, мы можемъ отвѣтить на поставленный вопросъ, что оба упомянутые поселка могли существовать приблизительно въ X—XI вѣкѣ.

Къ этому же времени съ большею вѣроятностью можно пріурочить и встрѣченныя на дюнѣ четыре погребенія, на связь которыхъ съ поселкомъ указываетъ и то, что они какъ бы сопровождали жилье, находясь близь жилыхъ ямъ, и сходство сосуда, найденнаго при одномъ изъ нихъ, съ обычнымъ типомъ обломковъ сосудовъ, встрѣченныхъ на всей площади поселка. Если же это было такъ, то къ характеристикѣ интеллектуальнаго развитія жителя поселка необходимо отнести и его знаніе и умѣніе пользоваться для передачи своихъ мыслей и идей графическими знаками, какіе оказались на могильномъ сосудѣ [10]).

Что касается народности, которой принадлежали жители поселка, то, основываясь на сходствѣ бытовыхъ памятниковъ Борковскаго поселка, имѣющаго очень характерныя черты принадлежности славянской народности, а также и на историческихъ извѣстіяхъ, по которымъ къ X—XI вѣку, на берегахъ средняго теченія р. Оки должны были уже твердо осѣсть Славяне-Вятичи, мы относимъ поселокъ именно къ этой народности.

Перейдемъ къ обзору памятниковъ бронзоваго вѣка. Вопросъ о существованіи, на берегахъ р. Оки, бронзоваго вѣка какъ самостоятельной культурной эпохи, оставался до послѣдняго времени едва затронутымъ. Можно сказать, его бы совсѣмъ въ русской литературѣ не существовало, если бы на него не указывали немногія находки бронзовыхъ кельтовъ въ Муромскомъ и другихъ уѣздахъ [11]).

Въ археологическую экскурсію 1895 года, мною впервые были замѣчены и собраны на рязанскихъ дюнахъ обломки посуды съ *сѣтчато-* или *рябчато-ниточнымъ* орнаментомъ, изученіе которыхъ тогда же приводило къ мысли о существованіи на берегахъ р. Оки какой-то промежуточной стадіи культурнаго развитія, находящейся между каменнымъ и желѣзнымъ вѣкомъ. Въ отчетной работѣ за тотъ годъ мною указано на подмѣченное явленіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ [12]), гдѣ

---

[10]) Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897 г. № 12.

[11]) Труды VIII и IX Арх. Съѣздовъ: Замѣчанія Д. Н. Анучина къ «Основаніямъ хронолог. распредѣл. этнограф. матеріаловъ въ могилахъ Ю. и Центр. Россіи Д. Я. Самоквасова», и къ статьѣ «О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра», В. Б. Антоновича.

[12]) Матеріалы для арх. карты дол. и б. р. Оки, статьи: 54, 62, 72, 74 и 95.

и высказывалось мнѣніе о возможности принадлежности разсматриваемаго типа посуды къ бронзовому вѣку. Послѣднее мнѣніе возникло также не безъ основанія: оно покоилось на двухъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною въ ту же экскурсію о случаяхъ находокъ бронзовыхъ или мѣдныхъ листовидныхъ наконечниковъ стрѣлъ на дюнахъ, близь с. Дубровичъ, Рязанскаго уѣзда и у д. Ужалья, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи [13]).

Желая болѣе положительно выяснить вопросъ, я и рѣшился подвергнуть раскопкамъ дюну „Могилокъ", гдѣ неоднократно мнѣ случалось видѣть обнаженія обломковъ посуды съ ниточнымъ орнаментомъ. Мѣстомъ обнаженія подобныхъ обломковъ служилъ южный скатъ дюны, обращенный къ озеру Казарскому, разрушенный движеніемъ песка. Послѣднее обстоятельство сдѣлало поиски не совсѣмъ легкими. Остатки бронзоваго вѣка были найдены въ двухъ пунктахъ, на восточномъ скатѣ дюны, ежегодно заливаемомъ весенними разливами р. Оки и сверху хорошо маскированномъ луговою травою. На этотъ скатъ были перенесены раскопки въ послѣдній день изслѣдованій, собственно для поисковъ остатковъ неолитическихъ стоянокъ, такъ какъ трудно было допустить здѣсь присутствіе другихъ какихъ-нибудь памятниковъ.

Въ первомъ пунктѣ (траншея 13), обломки посуды съ ниточнымъ узоромъ были найдены въ небольшомъ количествѣ: они залегали въ темномъ золистомъ слоѣ и сопровождались нѣсколькими осколками костей животныхъ, среди которыхъ оказались зубы овцы. Болѣе обильныя и характерныя находки послѣдовали въ другомъ пунктѣ (траншеи 14 и 15), гдѣ также въ золисто-темномъ слоѣ удалось открыть слѣды кострища, очагъ котораго, повидимому, былъ устроенъ изъ песчаниковыхъ и гранитныхъ валуновъ, величиною немного больше кулака. По сторонамъ очага сразу послѣдовали обильныя находки обломковъ глиняной посуды, отчасти съ орнаментомъ, осколковъ кремня, кремневыхъ стрѣлъ, полуистлѣвшихъ костей животныхъ, среди которыхъ опредѣлены зубы лошади, нѣсколькихъ обломковъ глиняныхъ тиглей и, наконецъ, обломка одного бронзоваго или мѣднаго цельта, едва не отброшеннаго рабочимъ въ сторону, какъ кусокъ неинтереснаго камня. Между тѣмъ, это небольшое орудіе, впервые найденное при изслѣдованіи окскихъ дюнъ, имѣло значеніе даты къ цѣлой серіи маститыхъ памятниковъ.

Само собою разумѣется, одного обломка цельта еще было бы недостаточно для полнаго устраненія мысли о случайномъ появленіи его

---

[13]) Ibidem, статьи: 72 и 95.

у людей того или другого культурнаго вѣка. Къ счастью, бронзовый цельтъ найденъ въ сопровожденіи обломковъ тиглей, иногда украшенныхъ тѣмъ самымъ ниточнымъ узоромъ, который, какъ выше сказано, былъ въ состояніи самъ по себѣ возбудить мысль о существованіи промежуточной эпохи между каменнымъ и желѣзнымъ вѣкомъ и оказавшимся вполнѣ тождественнымъ съ преобладающимъ орнаментомъ на посудѣ изслѣдуемой стоянки. При изученіи обломковъ тиглей было замѣчено, что смоченныя шлакировавшіяся ихъ стѣнки принимаютъ зеленоватый оттѣнокъ, въ чемъ нельзя не усмотрѣть указанія на плавку въ нихъ мѣди или какихъ - либо ея смѣсей. Такимъ образомъ, легко убѣдиться, что найденный бронзовый или мѣдный цельтъ не былъ среди другихъ вещей стоянки явленіемъ случайнымъ, полученнымъ извнѣ; напротивъ, онъ легко можетъ быть принятъ за продуктъ мѣстной обработки и хотя, очень вѣроятно, рѣдкимъ по дороговизнѣ металла экземпляромъ, но во всякомъ случаѣ не единственнымъ.

Самую обильную и вмѣстѣ любопытную часть находокъ составляютъ обломки посуды: при первомъ взглядѣ на эту посуду невольно возникаетъ мысль о сходствѣ ея съ посудою неолитической эпохи и желѣзнаго вѣка, и въ то же время—о совершенно самостоятельномъ ея типѣ.

Посуда лѣпилась безъ помощи гончарнаго круга, но въ общемъ довольно тщательно и аккуратно. Глина бралась чистая, хорошо вымѣшенная. Обжигъ—довольно сильный. Орнаментовка весьма распространена и распадается на два различныхъ и особенно выразительныхъ типа. Орнаментовка перваго типа состоитъ изъ перегородчатыхъ изящныхъ линій и полосъ, нанесенныхъ многозубчатымъ чеканомъ. Этотъ типъ орнамента представляетъ образецъ усовершенствованія неолитическаго чеканнаго орнамента, отъ котораго онъ отличается чистотою и тонкостью отдѣлки, указывающею на отдѣлку самихъ чекановъ или инструментовъ металлическими острыми орудіями. Интересно, что совершенно схожій орнаментъ былъ найденъ въ Ярославскихъ Фатьяновскомъ [14]) и Великосельскомъ [15]) могильникахъ, гдѣ наряду съ каменными орудіями оказались также и бронзовыя вещи. Въ 1895 году, такой же орнаментъ на обломкахъ глиняной посуды найденъ мною на дюнахъ Спасскаго уѣзда и, между прочимъ, у д. Сумбуловой, всего верстахъ въ 5 отъ описываемой стоянки.

Второй типъ орнамента состоитъ изъ разнообразно проведенныхъ

---

[14]) Гр. А. С. Уваровъ. Каменный періодъ, т. I, стр. 395—419; т. II, табл. 29.

[15]) В. А. Городцевъ. Могильникъ на Черной горѣ, близъ с. Великаго, въ «Археолог. Изв. и Зам.», 1896 г., стр. 375.

и перекрещенныхъ полосъ, сдѣланныхъ тонкой нитью. Этотъ орнаментъ, судя по нѣкоторымъ экземплярамъ, можетъ считаться заимствованнымъ отъ неолитическаго орнамента, наносимаго рыболовною сѣтью и веревочкой. Однако считалось, несомнѣнно, болѣе красивымъ примѣнять ниточный узоръ, располагая и скрещивая линіи какъ можно чаще, такъ что общій видъ стѣнъ сосудовъ представлялся изрытымъ и чрезвычайно похожимъ на оспеннорытый или сѣтчатый орнаментъ древнѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка, нерѣдко встрѣчаемый въ древнихъ городищахъ окской области.

Ниточный орнаментъ въ описываемой стоянкѣ бронзоваго вѣка является настолько характернымъ, что имъ вполнѣ возможно руководиться, при благопріятныхъ условіяхъ, въ опредѣленіи времени и другихъ совмѣстныхъ съ нимъ находокъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно отмѣтить распространеніе его по рязанскимъ окскимъ дюнамъ. Въ 1895 году мнѣ лично пришлось найти довольно обширныя скопленія обломковъ посуды съ ниточнымъ орнаментомъ на дюнахъ въ окрестностяхъ с. Солодчи, менѣе обширныя скопленія—въ окрестностяхъ с. Дубровичъ, Алеканова (изслѣдуемая дюна) и д. Ужалья, а ранѣе я видѣлъ ихъ на дюнѣ Логиновскаго хутора, въ окрестностяхъ с. Конищева и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Интереснымъ, но, повидимому, не особенно характернымъ является орнаментъ изъ энергичныхъ вдавленій, наносимыхъ инструментомъ съ закругленнымъ концомъ то съ наружной стороны, то изнутри. Такой способъ украшенія посуды еще живо напоминаетъ неолитическія традиціи.

Назначеніе встрѣченныхъ на стѣнкахъ двухъ обломковъ крупныхъ сквозныхъ дыръ остается пока загадочнымъ. Въ Зап. Европѣ, между прочимъ въ Чехіи, бывали находимы цѣльные сосуды съ продырявленными боками; въ нихъ приготовляли сыръ. Древность ихъ тамъ относится къ неолитической эпохѣ [16]). Возможно, что и добытые нами обломки съ сквозными дырами принадлежали къ сыроваренным сосудамъ.

Въ отношеніи оцѣнки быта человѣка Алекановской стоянки бронзоваго вѣка весьма важнымъ является, во первыхъ, присутствіе, въ его кухонныхъ отбросахъ, костей домашнихъ животныхъ, и во вторыхъ расположеніе самой стоянки на мѣстности, заливаемой весенними разливами. Первое указываетъ, что человѣкъ занимался скотоводствомъ, а второе, что жизнь его не была осѣдла; въ суммѣ же это даетъ всѣ черты быта кочевого.

---

16) Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена, ч. I, стр. 155 и 165.

Итакъ, резюмируя все касающееся изслѣдуемой стоянки, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) бронзовый вѣкъ, какъ самостоятельная культурная эпоха, существовалъ въ области средняго теченія р. Оки; 2) культура его характеризовалась смѣшаннымъ употребленіемъ каменныхъ орудій съ мѣдными или бронзовыми, вырабатываемыми внутри страны; 3) человѣкъ имѣлъ домашнихъ животныхъ: лошадь, овцу и, весьма вѣроятно, другихъ, и, наконецъ, 4) онъ велъ бродячій образъ жизни.

В. А. Городцовъ.

II.

Къ вопросу о каменныхъ бабахъ.

Предстоящая замѣтка имѣетъ цѣлью обратить вниманіе лицъ, интересующихся археологіей, на одно новое и важное свидѣтельство, которое, думается намъ, окончательно рѣшаетъ спорный въ нашей археологической литературѣ вопросъ о томъ, какому народу принадлежатъ памятники, извѣстные у насъ подъ именемъ „бабъ". Древнѣйшимъ и къ извѣстномъ смыслѣ единственнымъ литературнымъ свидѣтельствомъ о бабахъ оставалось до послѣдняго времени упоминаніе о нихъ Рубрука (или Рубруквиса), который совершилъ путешествіе по южно-русскимъ степямъ изъ Судака за Волгу въ 1253 году. Въ общемъ описаніи страны, по которой онъ проѣзжалъ, а также нравовъ и обычаевъ ея кочевого населенія, Рубрукъ дѣлаетъ между прочимъ такое замѣчаніе: Comani faciunt magnum tumulum super defunctum et erigunt ei statuam versa facie ad orientem, tenentem ciphum in manu sua ante umbilicum, т. е. „Команы насыпаютъ надъ умершимъ большой курганъ и воздвигаютъ ему статую, держащую у пупка сосудъ въ рукѣ, обращая ее лицомъ къ востоку"[1]). Такъ какъ въ статуяхъ описаннаго вида нельзя не узнать изваяній, слывущихъ у насъ подъ именемъ бабъ, и Рубрукъ усваиваетъ ихъ Команамъ, т. е. Половцамъ, какъ зоветъ этотъ народъ наша лѣтопись, то, на основаніи этого свидѣтельства, бабы обыкновенно разсматриваются какъ памятники, которые оставили по себѣ въ степяхъ нашего Юга занимавшіе ихъ долгіе вѣка кочевники тюркскаго племени. Если это рѣшеніе вопроса о бабахъ и можно признать господствующимъ, то во всякомъ случаѣ оно не единственное.

---

[1]) Recueil des Voyages. VI, 1, стр. 237.

Еще Клапротъ неправильно привлекъ къ вопросу о бабахъ одно мѣсто Амміана Марцеллина, историка IV вѣка, гдѣ онъ даетъ описаніе внѣшняго вида Гунновъ, а именно: ut bipedes existimes bestias vel quales in conmerginandis pontibus effigiati stipites dolantur incompte (XXXI, 2, 2), и на основаніи этого замѣчанія приписалъ эти памятники Гуннамъ. За принадлежность Гуннамъ „древнѣйшихъ" бабъ высказывался еще раньше Клапрота знаменитый Палласъ; того же мнѣнія придерживался въ 40—50 годахъ извѣстный археологъ Спасскій, а нѣсколько позднѣе обосновывалъ положеніе о принадлежности бабъ Скиѳамъ Терещенко въ своемъ изслѣдованіи „Очерки Новороссійскаго края" (1853). Графъ Уваровъ во II томѣ „Трудовъ Перваго Археологическаго Съѣзда" (Москва. 1871, стр. 500—520) помѣстилъ весьма обстоятельный разборъ вопроса о бабахъ и въ Атласѣ къ „Трудамъ" далъ цѣлый рядъ снимковъ нѣкоторыхъ памятниковъ (табл. I, II, III). Устранивъ недоразумѣніе въ отношеніи къ свидѣтельству Амміана Марцеллина, графъ Уваровъ далъ полный обзоръ археологической литературы по вопросу о бабахъ, констатировалъ районъ широкаго ихъ распространенія въ Европѣ и Азіи, но, не считая вопросъ назрѣвшимъ для окончательнаго рѣшенія, установилъ лишь одно общее положеніе, а именно: „всѣ человѣческіе истуканы, какъ сибирскіе, такъ и европейскіе, принадлежали одному и тому же народу". Повидимому, графъ Уваровъ признавалъ въ этомъ народѣ Тюрковъ, но опредѣленно онъ этого не высказалъ.

Въ 1890 году на Второмъ Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ ген. Бранденбургъ представилъ докладъ: „Къ вопросу о каменныхъ бабахъ", напечатанный въ III томѣ „Трудовъ" (Москва. 1897, стр. 13—18). Отправляясь отъ того положенія, что вопросъ о народѣ, которому принадлежатъ бабы, можетъ быть разъясненъ данными раскопокъ тѣхъ кургановъ, на которыхъ онѣ уцѣлѣли, г. Бранденбургъ далъ подробный отчетъ объ одной своей раскопкѣ такого кургана въ Маріупольскомъ уѣздѣ. Совокупность находокъ въ этомъ курганѣ, а также и въ сосѣднихъ, удостовѣрила, по мнѣнію докладчика, принадлежность этихъ погребеній Скиѳамъ. Въ виду этого онъ и считалъ возможнымъ— „выдвинуть вопросъ о скиѳскомъ происхожденіи бабъ". Дѣйствительно, бабы не рѣдко оказывались на „скиѳскихъ" курганахъ, и при томъ не только съ такимъ содержимымъ, каково оно было въ раскопкахъ г. Бранденбурга, но и подлинно скиѳскихъ, каковы курганы Чертомлыцкій и Александровскій. Нельзя, однако, не замѣтить, что полное умолчаніе греческихъ писателей въ ихъ свидѣтельствахъ о Скиѳахъ о существованіи обычая ставить каменныя статуи на курганахъ—дѣлаетъ уже само

по себѣ вполнѣ невозможной теорію, оживить которую пытался г. Бранденбургъ.

Совершенно независимо отъ этой попытки, теорія о принадлежности бабъ Скиѳамъ была выставлена и обставлена своеобразными аргументами въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ второмъ томѣ труда г. В. Флоринскаго: „Первобытные Славяне“ (Томскъ. 1896). Констатируя широкую распространенность памятниковъ этого рода: Семирѣчье, Кульджа. Сѣверная Монголія, Семипалатинская область, южные округа Томской губерніи (Барнаульскій и Бійскій), верхнее теченіе Енисея, южные предѣлы Акмолинской области, киргизскія степи въ направленіи къ Оренбургу, а въ предѣлахъ Европейской Россіи—губерніи: Самарская, Саратовская, Оренбургская, сѣверный Кавказъ, Астраханская губернія, Земля Войска Донского, губерніи: Воронежская, Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Кіевская, Подольская и Таврическая,—г. Флоринскій считаетъ естественнымъ приписать бабы одной опредѣленной народности и признаетъ ее въ Сакахъ, т.-е. Азіатскихъ Скиѳахъ, какъ онъ ихъ называетъ. Въ этомъ рѣшеніи вопроса онъ основывается отчасти на разсужденіяхъ знаменитаго нашего оріенталиста Григорьева въ его монографіи: „О скиѳскомъ народѣ Сакахъ“. Григорьевъ доказывалъ принадлежность Саковъ къ арійской расѣ и въ частности готовъ былъ признать въ нихъ Славянъ. Такъ какъ онъ ихъ локализовалъ на сѣверъ отъ Яксарта, по верховьямъ рѣки Чу и по долинѣ р. Или, т.-е. въ нынѣшней Семирѣченской области, а въ этой мѣстности встрѣчаются бабы, то г. Флоринскій и полагаетъ, что это именно племя оставило здѣсь эти памятники и широко разнесло этотъ обычай. „Никому иному, какъ одноплеменникамъ тѣхъ же Саковъ, ранѣе выселившимся въ Европейскую Россію и извѣстнымъ здѣсь подъ именемъ Скиѳовъ, слѣдуетъ приписать и южно-русскія каменныя бабы, столь сходныя съ семирѣченскими и вообще азіатскими. Обычай этотъ, равно какъ и обычай курганнаго погребенія, очевидно, принесенъ изъ Азіи (изъ Семирѣчья, Сибири и сѣверной Монголіи) и долгое время существовалъ въ той и другой части свѣта одновременно, благодаря одноплеменности народа. Въ Азіи онъ держался до окончательнаго выселенія Саковъ, вѣроятно, до послѣдняго столѣтія передъ Р. Хр., въ Европейской Россіи существовалъ почти до христіанскихъ временъ“... (стр. 58).

Сознаемся, что намъ совершенно непонятна аргументація г. Флоринскаго. Если бы Сакамъ принадлежалъ обычай ставить бабы на курганахъ, то, вѣдь, Саки никогда не жили въ сѣверной Монголіи, гдѣ тоже есть бабы. Принимая вмѣстѣ съ Григорьевымъ славянство Саковъ и допуская отъ себя ту же національность и для Скиѳовъ южной Рос-

сіи, г. Флоринскій признаетъ въ бабахъ славянскій обычай. Но отчего же тогда нѣтъ бабъ въ предѣлахъ разселенія Славянъ, а есть онѣ въ Монголіи?.. Вообще теорія г. Флоринскаго обоснована такъ слабо и подтверждена такими странными, а подъ часъ и противорѣчивыми аргументами, что ее можно бы пройти вовсе молчаніемъ. Его ученый и обширный трудъ могъ бы служить на общую пользу, если бы, вмѣсто теорій и гипотезъ, въ немъ собраны были свидѣтельства объ археологическихъ памятникахъ обширной знакомой ему территоріи и даны были ихъ точныя изображенія.

Въ новѣйшемъ общемъ трудѣ по археологіи Европы „Человѣчество въ доисторическія времена", принадлежащемъ проф. Нидерле, по вопросу о бабахъ высказано положеніе о принадлежности этихъ памятниковъ Тюркамъ (рус. перев. подъ ред. проф. Анучина. Москва. 1898, стр. 580). Новыхъ свидѣтельствъ, кромѣ давно обращавшихся въ археологической литературѣ, и прежде всего показанія Рубрука, г. Нидерле не далъ никакихъ. Нельзя не признать, что свидѣтельство Рубрука само по себѣ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Проѣзжая по степямъ, занятымъ въ ту пору Половцами, онъ естественно долженъ былъ приписать этому именно народу погребальные памятники, которые онъ встрѣчалъ въ этой странѣ. Въ его свидѣтельствѣ нѣтъ намека на то, чтобы онъ самъ видѣлъ, какъ Половцы насыпали курганы и воздвигали на нихъ каменныя изваянія; ясно лишь одно, что Рубрукъ видѣлъ курганы съ стоявшими на нихъ бабами въ предѣлахъ половецкихъ кочевій. Принадлежность этихъ кургановъ Половцамъ есть его заключеніе, или же, быть можетъ, разъясненіе, полученное отъ ѣхавшаго съ нимъ переводчика. Фактъ распространенія бабъ на огромномъ районѣ земель азіатской территоріи, начиная отъ сѣверной Монголіи и до киргизскихъ степей, и тожество типовъ азіатскихъ памятниковъ этого рода съ европейскими, вотъ что даетъ силу показанію Рубрука и ставитъ внѣ сомнѣнія принадлежность бабъ нашего юга Тюркамъ.

Въ недавнее время явилась возможность указать подтвержденіе этому положенію въ словесномъ памятникѣ очень древней даты, а именно: начала VIII вѣка. Разумѣемъ Орхонскія надписи. Въ послѣдней дешифровкѣ этихъ памятниковъ акад. Радлова—*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge. Ptb. 1897, къ нашему вопросу можно привлечь слѣдующія четыре мѣста изъ Кошо-Цайдамскихъ надписей: 1) „моему отцу, хану, они воздвигли на первомъ мѣстѣ балбалъ Базъ-Кагана" (für meinen Vater, den Chan, stellten sie an der Spitze den Baz-kagan als Balbal auf. стр. 134); 2) „на первомъ мѣстѣ я воздвигъ балбалъ киргизскаго хана" (an der Spitze stellte ich der Kir-

gisen Chan als Balbal auf—стр. 136); 3) „убивая ихъ героевъ, я превращалъ ихъ въ балбалы для себя“ (ihre Helden tödtend, bereitete ich mir zum Balbal—стр. 146); 4) „когда умеръ мой старшій сынъ отъ болѣзни, я воздвигъ балбалъ Кугъ-Сенгюна“ (Als mein älterer Sohn an einer Krankheit gestorben war, stellte ich den Kug-Sengün als Balbal auf—стр. 147).

Чтеніе *балбалъ* есть дешифровка написанія *б л б л*. Г. Радловъ пришелъ къ ней послѣ долгихъ колебаній и самое пониманіе текстовъ, заключающихъ въ себѣ эти слова, далось не сразу. Отказавшись отъ того пониманія этихъ текстовъ, которое было дано имъ въ публикаціи, сдѣланной въ 1894 году (Die alttürkischen Inschriften aus der Mongolei. Erste Lieferung), г. Радловъ предложилъ новое истолкованіе этихъ мѣстъ въ третьемъ выпускѣ своего изданіи въ 1895 году и воспроизвелъ его въ новѣйшемъ изданіи, по которому мы сдѣлали наши выдержки выше. Слова эти вложены въ уста повелителю восточныхъ Тюрковъ, Бильге-хану, умершему въ 734 году. Слово *балбалъ* значитъ *статуя*. Въ этомъ убѣждаютъ насъ надписи, оказавшіяся на двухъ поврежденныхъ бабахъ, найденныхъ близь гробницъ. На первой, найденной близь гробницы самого Бильге-хана, читается: „балбалъ шада тэлесскаго“ [2]) (стр. 157), на другой—„балбалъ Сабра-Таркани“.

Что касается до мотивовъ постановки балбаловъ на гробницахъ, то его разъясняетъ имя Базъ-Кагана, помянутаго въ первомъ изъ четырехъ приведенныхъ выше мѣстъ. Имя это носилъ повелитель племени Огузовъ, съ которымъ велъ счастливую войну отецъ Бильге-хана. Точно также „киргизскій ханъ“, помянутый во второмъ текстѣ, былъ разбитъ, а позднѣе и лишенъ жизни въ правленіе дяди Бильге-хана, о подвигахъ котораго идетъ рѣчь въ томъ мѣстѣ текста надписей. Въ виду этихъ фактовъ совершенно понятно выраженіе третьяго текста въ фрагментированномъ мѣстѣ надписи: „убивая ихъ героевъ, я превращалъ ихъ въ балбалы для себя“. Очевидно, въ этомъ мѣстѣ ханъ перечислялъ свои удачныя войны съ сосѣдними народами, что составляетъ вообще главное содержаніе этихъ надписей.

Слово *балбал*, по утвержденію акад. Радлова, не можетъ быть объяснено изъ корней тюркскаго языка. Синологъ, проф. Васильевъ, предложилъ этимологію изъ китайскаго, въ которомъ *бай* значитъ—преклоняться, привѣтствовать, и слово *бай-бай* можетъ имѣть зна-

---

[2]) „Тэлесъ“—имя племени, составлявшаго вмѣстѣ съ другимъ, „Тардушъ“, основную силу державы Бильге-хана. „Шадъ“—терминъ подчиненнаго верховному хану властителя, третьяго въ іерархическомъ порядкѣ; выше шада стоитъ „ягбу“ (это слово кроется въ имени Дизабула Византійцевъ, а позднѣе—Джебу-Кагана у Моисея Каганкатваци).

ченіе—памятникъ, воздвигнутый для выраженія почтенія къ кому-либо. Къ этой этимологіи г. Радловъ присоединяетъ свое замѣчаніе, что русское обозначеніе подобныхъ изваяній—„баба" есть лишь народная этимологія (Volksetymologie) тюркскаго *балбалъ*. Въ русскомъ словѣ „болванъ", которое употребляется въ томъ же значеніи какъ и „баба", легко узнать болѣе близкую къ оригиналу форму. Въ настоящее время у насъ въ ходу другая этимологія слова „болванъ", а именно: его сближаютъ съ персидскимъ „пеглеванъ", что значитъ герой [3]). Нельзя не признать, что сближеніе, предлагаемое г. Радловымъ,—болванъ—подкупаетъ своей простотой, такъ какъ слово болванъ издавна употребляется въ значеніи каменной статуи или столба.

Если знаменитый „Тьмутороканскій болванъ" Слова о Полку Игореви не можетъ считаться рѣшительнымъ подтвержденіемъ такого словоупотребленія, то можно сослаться на одно мѣсто грамоты 1108 года короля Коломана венгерскаго Веспримскому монастырю, на которое указалъ въ одной своей работѣ проф. Васильевскій [4]). Рѣчь идетъ о границахъ владѣній монастыря: deinde vadit ad monticulum et ibi stat meta lapidea quae *bolvan* vocatur (Freier. Cod. dipl. Hung., II p. 45).

Если предлагаемая г. Радловымъ этимологія русскаго слова „баба", въ смыслѣ статуи, угадываетъ истину, то въ ней дано намъ новое подтвержденіе принадлежности Тюркамъ тѣхъ изваяній, которыя нѣкогда въ такомъ изобиліи украшали курганы нашего юга и кое-гдѣ красуются на нихъ и нынѣ. Имѣли ли эти изваянія у Половцевъ и другихъ Тюрковъ, занимавшихъ наши степи, то же значеніе, какое имъ принадлежало у восточныхъ Тюрковъ на ихъ монгольской родинѣ, или же онѣ были изображеніемъ погребеннаго въ данномъ курганѣ покойника, какъ то принято у насъ думать,—это остается вопросомъ, который, быть можетъ, найдетъ еще свое рѣшеніе въ счастливой находкѣ, подобной орхонскимъ надписямъ.

Юліанъ Кулаковскій.

---

[3]) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, стр. 235.

[4]) Жур. Мин. Просв. т. CXCV, 1878, январь, Рус. Виз. отрывки. VII. Житіе Іоанна Готскаго, стр. 111, прим. 1.

III.

Археологическая хроника.

—— *Музей П. И. Щукина,* находящійся въ собственномъ домѣ владѣльца на М. Грузинской улицѣ въ Москвѣ, продолжаетъ расширяться. Въ прошломъ году въ зданіи Музея стало уже тѣсно, и явилась потребность въ добавочномъ помѣщеніи, вслѣдствіе чего и состоялась закладка новаго дома, выходящаго фасадомъ на М. Грузинскую улицу. Теперь это новое зданіе уже готово; сюда будетъ переведена изъ прежняго помѣщенія часть коллекцій, а также библіотека и картинная галлерея. Зданіе построено преимущественно въ русскомъ стилѣ. Для картинной галлереи въ центрѣ отведена зала со стеклянными потолкомъ и съ балкономъ, окаймляющимъ стѣны. Для библіотеки устроена зала въ два свѣта такой же вышины и тоже съ балкономъ; рядомъ съ нею помѣстится читальня. Лѣстница и полы изъ бѣлаго мрамора, двери и затворы въ окнахъ металлическіе, потолки расписаны въ читальнѣ и библіотекѣ древне-русскими орнаментами. Новое зданіе Музея соединяется со старымъ особымъ подземнымъ туннелемъ. Открытіе расширеннаго Музея для публики предполагается въ сентябрѣ.

(„Моск. Вѣд.“, № 152).

—— *Два клада, найденные въ Сѣнненскомъ у., Могилевск. губ.* Въ маѣ мѣсяцѣ въ Черейской волости Сѣнненскаго уѣзда, Могилевской губ., были найдены два клада. Одинъ, найденный при вспашкѣ огорода въ дер. Горахъ, состоитъ изъ 44 литовскихъ серебряныхъ монетъ съ 1509 г. по 1565 годъ и 12 монетъ неизвѣстныхъ годовъ.

Другой кладъ, гораздо болѣе важный, найденъ крестьянами дер. Стражевичъ при вспашкѣ поля. Онъ былъ завернутъ въ березовую кору, которая отъ времени уже истлѣла. Въ кладѣ оказались слѣдующіе предметы:

1) Два серебряные слитка трехгранной формы, одинъ 5,6 д. длины, другой въ 4,9 д.; 2) два такихъ же слитка маленькихъ (1,3 д. и 2 д.); 3) пять обрубковъ серебряныхъ, плиточной формы, шероховатыхъ, носящихъ слѣды переплавки; 4) спиральный серебряный браслетъ въ два оборота изъ плоской пластины, шириною 0,2 д., и 11 кусковъ такой же пластины, различной длины и ширины. Орнамента на пластинѣ нѣтъ, кромѣ поперечныхъ рубцовъ, отдѣляющихъ едва замѣтныя вогнутости; 5) четыре куска серебряной 4-гранной проволоки, изъ которой обыкновенно дѣлались винтообразные браслеты; 6) бунтъ серебря-

ной круглой проволоки, обычно употреблявшейся для серегъ и височныхъ колецъ, и 11 отдѣльныхъ кусковъ такой же проволоки; 7) 5 мелкихъ отрубленныхъ кусковъ серебра и 11 небольшихъ кусковъ серебряной бляхи; 8) небольшой кусокъ желтаго металла, повидимому электрона; 9) часть серебряной золоченой пуговицы, 3 поясныя бляхи серебряныя, изъ нихъ одна гладкая и двѣ съ чеканнымъ орнаментомъ; 10) серебряная головка отъ булавки, ромбической формы, полая, съ орнаментомъ въ видѣ цвѣтка, съ восемью лепестками; 11) 9 серебряныхъ кружковъ, повидимому монетъ неудачно штампованныхъ, или, можетъ быть, расплюснутыхъ впослѣдствіи; 12) 67 серебряныхъ восточныхъ монетъ и частей ихъ, главнымъ образомъ саманидскихъ X в. и 13) 130 серебряныхъ монетъ и частей ихъ, повидимому, греческихъ и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ означенные предметы болѣе или менѣе испорчены. Обстоятельство это, въ связи съ тѣмъ, что въ числѣ предметовъ найдены рубленые куски серебрянаго сплава, по мнѣнію Е. Р. Романова, указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ найденъ матеріальный запасъ древняго мастера, изготовлявшаго извѣстныя славянскія серебряныя гривны, браслеты, серьги, пряжки, кольца и т. п. и отовсюду собиравшаго серебряный ломъ для своихъ издѣлій.

Край, въ которомъ найдены эти клады, находится въ треугольникѣ между Березиною, З. Двиною и Днѣпромъ, то-есть на томъ пути, по которому первоначально шли славяне въ своемъ движеніи къ востоку, а затѣмъ, впослѣдствіи, проходили варяги „въ греки“. Доказательствомъ посѣщенія края варягами можетъ служить, какъ полагаетъ Романовъ, курганъ, вскрытый имъ въ 1888 г. въ Лукомлѣ, въ 5 верстахъ отъ Стражевичъ. Въ курганѣ этомъ, въ числѣ предметовъ вооруженія, найденъ и желѣзный молотъ,—оружіе, насколько извѣстно, по преимуществу норманское. Поселившіеся здѣсь славяне сосредоточились, главнымъ образомъ, у Лукомля, ставшаго впослѣдствіи стольнымъ городомъ удѣльныхъ князей полоцкихъ. Съ разореніемъ Лукомля Владиміромъ Мономахомъ въ 1096 г., онъ нѣсколько упалъ въ значеніи, но въ XIV в. снова возвысился и сдѣлался важнымъ опорнымъ пунктомъ въ извѣстной борьбѣ Гедиминовичей. Окончательно разоренъ Лукомль московскими войсками въ 1563 — 1580 гг. Окрестности Лукомля и Череи покрыты многочисленными древними городищами, валами, курганами и т. п. археологическими памятниками.

Первый кладъ, изъ литовскихъ монетъ, относится, вѣроятно, ко времени ливонской войны, когда московскія рати неоднократно проходили чрезъ Сѣнненскій уѣздъ. Второй же долженъ быть отнесенъ къ временамъ гораздо болѣе раннимъ. Не боясь впасть въ грубую ошибку,

полагаетъ г. Романовъ, можно сказать, что онъ былъ скрытъ, вѣроятно, въ концѣ XI вѣка, т.-е. въ то время, когда Владиміръ Мономахъ, „пожегъ землю, повоевавъ до Лукомля“, и Лукомль надолго потерялъ свое прежнее значеніе. („Могил. Губ. Вѣд.“, № 38).

—— *Раскопки Муранскаго могильника.* На границѣ Саратовской и Симбирской губерній находится замѣчательный могильникъ— Муранскій. Въ одномъ изъ недавнихъ №№ „Саратовскаго Листка“ г. Краснодубровскій помѣстилъ статью, посвященную обзору раскопокъ названнаго могильника. Изъ этого обзора видно, что раскопки могильника въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ производились почти ежегодно. Въ 1890 году, по порученію Императорской археологической коммиссіи, предсѣдатель Симбирской ученой архивной коммиссіи В. Н. Поливановъ изслѣдовалъ 377 могилъ; послѣ этого раскопки неоднократно производились подъ наблюденіемъ симбирскаго губернатора В. Н. Акинфова, барона де-Бай, нынѣ покойнаго А. В. Толстого и Ѳ. Ѳ. Чекалина, посѣтившаго могильникъ въ 1891 г. До настоящаго времени изслѣдовано не болѣе $^1/_{10}$ части Муранскаго могильника, едва ли не самаго обширнаго, почему онъ не утратилъ значенія богатѣйшаго матеріала для будущихъ изслѣдователей и несомнѣнно дастъ еще рядъ новыхъ открытій, имѣющихъ высокую научную цѣнность. Совмѣстными раскопками г. Краснодубровскаго съ В. Н. Поливановымъ открыта новая сторона въ могильникѣ: въ могилахъ найдено много драгоцѣнностей, сдѣланныхъ изъ благородныхъ металловъ и дорогихъ камней. Невозможно допустить, чтобы въ отдаленную до-татарскую эпоху золото и серебро были обычными предметами въ уборѣ сельчанъ; на основаніи этого можно думать, что вопросъ о существованіи городовъ въ до-татарскую эпоху въ предѣлахъ средняго Поволжья, теперь оспариваемый многими учеными, долженъ получить иную обстановку и освѣщеніе. Въ текущемъ году раскопки продолжались въ теченіе четырехъ дней, съ 27 по 30 мая включительно. Вскрыто 168 могилъ. Какъ способы погребенія, такъ и вещи, встрѣчающіяся при костякахъ, были обстоятельно описаны въ книгѣ г. Поливанова. Но помянутыя совмѣстныя раскопки значительно расширили добытый матеріалъ.

Костякъ клался въ деревянномъ гробу, сбитомъ гвоздями, или въ долбленной колодѣ (большинство) въ срединѣ могильной ямы. Вмѣстѣ съ трупомъ въ могилѣ оставлялись любимыя вещи покойника; по послѣднимъ легко опредѣлить полъ погребеннаго лица. Общими принадлежностями почти всѣхъ могилъ служитъ: а) горшокъ, поставленный въ ногахъ костяка; иногда въ горшкахъ встрѣчаются птичьи (куриныя) кости, б) въ мужскихъ могилахъ, также въ ногахъ, крестцовая (тазовая)

кость лошади, а въ женскихъ — лопатка коровы. Во всемъ прочемъ мужскія могилы значительно отличаются отъ женскихъ. Никакихъ признаковъ головного убора мужчинъ не найдено. Почти во всѣхъ мужскихъ могилахъ у пояса лежатъ топоръ, ножъ, огниво; въ одной могилѣ найдена стрѣла, а въ одной длинный ножъ, а, можетъ быть, и мечъ. Въ болѣе богатыхъ могилахъ найдены наборные пояса (въ родѣ кавказскихъ). На ногахъ встрѣчаются сапоги безъ толстыхъ подошвъ, въ родѣ тѣхъ, которые носятся татарами. Предметы роскоши, то-есть кольца, цѣпи, перстни въ мужскихъ могилахъ—явленіе рѣдкое.

Женскія могилы можно раздѣлить на три категоріи: а) на могилы, въ которыхъ встрѣчается золото, б) на могилы съ вещами изъ серебра и в) на могилы съ дешевыми мѣдными вещами.

Могилъ первой категоріи встрѣчено только три. По своему устройству онѣ значительно разнятся отъ другихъ. Прежде всего онѣ поражаютъ своими обширными размѣрами. Въ одной изъ могилъ яма имѣла 8 аршинъ въ длину, 6 въ ширину и $3^1/_2$ въ глубину, то-есть болѣе 6 кубическихъ саженъ. На полу дѣлался деревянный настилъ, на который ставился гробъ, послѣдній былъ сбитъ огромными гвоздями, вершковъ 8 — 10 въ длину и въ $^1/_4$ вершка въ толщину. Гробъ дѣлался почтенныхъ размѣровъ и изъ очень толстыхъ досокъ. Слѣдовъ головныхъ украшеній нигдѣ не найдено. На шеѣ—подвѣски (сюльгамы) изъ серебра и золота прекрасной работы. Такія же подвѣски найдены были графомъ А. С. Уваровымъ въ мерянскихъ могилахъ. Въ одной могилѣ найдено колье изъ 47 серебряныхъ бусинъ. Колье поражаетъ тонкостью и изяществомъ работы. Затѣмъ идутъ обычныя женскія украшенія — бусы изъ горнаго хрусталя, янтаря, стекла, сердолика и т. д. Найдено много бусинъ булгарскаго типа. На рукахъ золотыя и серебряныя кольца, золотые и серебряные браслеты очень тонкой работы. У пояса—пряслица изъ сердолика. Въ одной могилѣ встрѣчена серебряная подъ чернью рукоятка ножа. Волосы (косы) женщинъ наматывались на дубовый или тальниковый прутъ, обвивались тонкимъ ремнемъ, затѣмъ вкладывались въ лубки и снова обвивались ремнемъ, перевитымъ серебряною проволокой. На одномъ костякѣ сохранились остатки одежды съ золотыми нитями (по всему вѣроятію, золотой парчи).

Женскихъ могилъ съ серебряными украшеніями найдено очень много (изъ 108—53). Въ нихъ встрѣчаются тѣ же предметы, то-есть браслеты, кольца, подвѣски, бусы, пряслицы, но все это значительно бѣднѣе. Особенно интересны серебряные перстни и браслеты; булгарское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ они тождественны съ тѣми, которые находятъ въ раз-

валинахъ Булгара (около Казани), но много встрѣчается перстней съ несомнѣнными признаками дамасской и багдадской работы, съ типичнымъ азіатскимъ рисункомъ и роскошнѣйшею чернью, не утратившею красоты даже и черезъ сотни лѣтъ.

Данныя, добытыя при раскопкахъ, приводятъ изслѣдователей пока къ слѣдующимъ выводамъ: а) обитатели Муранки имѣли посредственныя или непосредственныя сношенія съ одной стороны съ Булгаромъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество вещей булгарскаго происхожденія, а съ другой—съ Аравіею, Туркестаномъ, Персіею, Индіею и Византіею. Золотыя и серебряныя вещи подъ чернью, несомнѣнно, привезены изъ Азіи. Парча, найденная въ одной могилѣ, свидѣтельствуетъ о сношеніяхъ съ Византіею; б) несомнѣнно, что населеніе городища было очень богато. Былъ ли здѣсь городъ или простой торговый поселокъ,—пока трудно сказать. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ лишь тогда, когда раскопано будетъ городище; но если здѣсь былъ и поселокъ, то поселокъ очень богатый; в) погребеніе въ Муранскомъ могильникѣ существенно отличается отъ погребенія татарскаго. Несомнѣнно, что Татары здѣсь не жили, и весьма вѣроятно, что населеніе Муранки жило здѣсь ранѣе первой половины XIII вѣка.

—— *Раскопки проф. В. Б. Антоновича.* 22 мая пріѣхалъ въ Нѣжинъ предсѣдатель Кіевскаго Подготовительнаго Комитета XI Археологическаго Съѣзда проф. В. Б. Антоновичъ. Объѣхавъ, въ сопровожденіи профессоровъ М. И. Лилеева, В. В. Качановскаго и преподавателя исторіи Е. И. Кашеровскаго, пригородную мѣстность, г. Антоновичъ остановилъ вниманіе нѣжинскихъ ученыхъ на Полянскомъ могильникѣ возлѣ хут. Бобрика (въ семидесятыхъ годахъ здѣсь случайно найденъ былъ, такъ называемый, „нѣжинскій кладъ", состоявшій изъ монетъ времени Ярослава I), и на курганѣ возлѣ с. Липова-Рога, находящемся на участкѣ помѣщика Макарова, въ пяти верстахъ отъ Нѣжина. Для раскопки былъ выбранъ послѣдній курганъ, имѣющій форму сегмента; проф. Антоновичъ не ошибся, приписывая ему очень древнее происхожденіе и предсказавъ, что онъ дастъ, несомнѣнно, интересныя находки. Къ раскопкѣ кургана приступили 23 мая въ пять часовъ утра; работою руководилъ самъ проф. Антоновичъ. Въ десятомъ часу дня начали подходить изъ города студенты историко-филологическаго института; В. Б. прочелъ имъ цѣлую лекцію о классификаціи историческихъ памятниковъ этого рода, о важномъ значеніи могильниковъ и городищъ для русской бытовой исторіи и объ успѣхахъ археологіи въ юго-западномъ краѣ. Надо сказать, что южные уѣзды Черниговской губ., представляющіе богатѣйшій матеріалъ для раскопокъ,

изслѣдовались до сихъ поръ еще очень слабо; раскопками въ Черниговѣ и Черниг. губ. занимался одинъ только московскій профессоръ Самоквасовъ. Не смотря на приближавшуюся непогоду и накрапывавшій все время, послѣ полудня, дождь, В. Б. Антоновичъ продолжалъ наблюдать за раскопкой до вечера, когда были наконецъ найдены черепки горшка первобытнаго издѣлія, кремневый ножикъ, кремневая стрѣла и прекрасно сохранившійся экземпляръ полированнаго молота-топора изъ діорита. Всѣ эти предметы поступятъ въ мѣстный историко-филологическій институтъ. Въ тотъ же день, въ девятомъ часу вечера, состоялось засѣданіе мѣстнаго историко-филологическаго общества, при участіи В. Б. Антоновича. („Жизнь и Искусство", № 46).

—— *Новыя раскопки В. В. Хвойки.* Извѣстный любитель и археологъ В. В. Хвойка въ нынѣшнее лѣто продолжаетъ раскопки, начатыя имъ прошлымъ лѣтомъ въ окрестностяхъ Триполья, Кіевск. губ., и давшія, какъ извѣстно, оригинальные глиняные сосуды и фигурки. При дальнѣйшихъ раскопкахъ здѣсь было найдено множество другихъ глиняныхъ изображеній домашнихъ животныхъ,—овцы, коровы и пр., указывающія, несомнѣнно, на пастушескій образъ жизни оставившаго ихъ племени, имѣвшаго, судя по нѣкоторымъ слѣдамъ восточнаго вліянія на его культуру, какія-то отдаленныя сношенія съ Востокомъ. На это указываетъ какъ сходство нѣкоторыхъ фигуръ и орудій съ извѣстными кипрскими и финикійскими, такъ и особый характерный пошибъ найденныхъ предметовъ, въ которыхъ чувствуется вліяніе весьма древняго, полуварварскаго Востока. Самъ г. Хвойка, впрочемъ, со свойственной ему осторожностью, воздерживается пока отъ какихъ бы то ни было заключеній, намѣреваясь представить результаты своихъ трудовъ на разсмотрѣніе будущаго XI Археологическаго Съѣзда. Одной изъ самыхъ интересныхъ находокъ послѣдняго времени было открытіе довольно большой постройки со слѣдами разрушенныхъ глинобитныхъ стѣнъ; при дальнѣйшей раскопкѣ обнаружилась небольшая смазанная глиной площадка, на которой найденъ былъ слой отчасти обуглившейся, по мѣстамъ удивительно сохранившейся, крупнозернистой пшеницы, не принадлежащей ни къ одной изъ существующихъ породъ и, судя по ея состоянію, представляющей предметъ жертвоприношенія, для котораго въ древности хлѣбныя зерна поджаривались. Прекрасная сохранность пшеничныхъ зеренъ послужитъ, по всей вѣроятности, ключемъ къ спорному въ наукѣ вопросу о происхожденіи и распространеніи въ древнія времена пшеницы. Другое любопытное пріобрѣтеніе коллекціи г. Хвойка представляетъ найденный приблизительно въ той же мѣстности (недалеко отъ Витичева) хорошо сохранившійся большой глиняный со-

судъ, наполненный множествомъ разнообразныхъ кремневыхъ орудій различныхъ типовъ.

Какъ слышно, другими любителями археологіи также предпринимаются раскопки въ окрестностяхъ Кіева. Такъ, извѣстный собиратель предметовъ велико - княжеской эпохи Д. Г. Гезе намѣревается начать раскопки одного урочища, въ 20 верстахъ отъ Кіева, въ извѣстной исторической мѣстности, гдѣ, по всей вѣроятности, онѣ не останутся безплодными, такъ какъ мѣстность эта точно также еще никѣмъ не изслѣдована, исключая раскопки нѣсколькихъ далекихъ отъ нея кургановъ проф. Самоквасовымъ. („Жизнь и Искусство", № 156).

—— *Открытіе древняго мавзолея близъ Бахчисарая.* Членами таврической ученой архивной коммиссіи гг. Кошпаромъ и Маркевичемъ, при содѣйствіи бахчисарайскаго полиціймейстера, въ ущеліи „Хандере" (долина хановъ), открытъ въ маѣ мѣсяцѣ мавзолей съ куполообразнымъ верхомъ, въ родѣ тѣхъ, что имѣются во дворѣ бахчисарайской ханской мечети. Высота мавзолея—двѣ съ половиной сажени, при ширинѣ въ ту же мѣру. Форма мавзолея восьмигранная, свидѣтельствующая, что его основаніе нужно отнести къ лучшей порѣ мусульманскаго зодчества въ Крыму. Сводъ окрашенъ въ темно-голубой цвѣтъ; по стѣнамъ арабески и надписи изъ Корана. Полъ вымощенъ кирпичемъ, и лишь въ одномъ мѣстѣ сдѣланъ рисунокъ изъ бѣлыхъ изразцовъ, изображающій какой - то фантастическій цвѣтокъ. На полу мавзолея лежали тринадцать скелетовъ, покрытыхъ сафьяновыми покровами, совершенно сохранившимися (это объясняется сухостью воздуха въ засыпанномъ мавзолеѣ). Кромѣ того, найдены остатки деревянныхъ гробовъ со слѣдами золотошелковой парчи. Мавзолей признанъ ханской усыпальницей.

(„Бессарабецъ", № 98).

—— Любопытныя *археологическія находки въ южной Россіи* сдѣланы Т. В. Кибальчичемъ, который нашелъ недавно въ гор. Аккерманѣ, на мѣстѣ обваловъ исторической крѣпости, человѣческій остовъ съ золотыми серьгами, перстнемъ и золотымъ вѣнкомъ. Судя по типу находки, ее можно отнести къ первому или второму вѣкамъ до Рождества Христова. Изъ собранныхъ г. Кибальчичемъ здѣсь другихъ археологическихъ рѣдкостей обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе предметы: красная (египетская) яшма съ изображеніемъ безбородаго Геракла, имѣющаго на правомъ плечѣ палицу. По стилю и тонкому художественному исполненію, этотъ драгоцѣнный рѣзной камень, по опредѣленію г. Кибальчича, принадлежитъ III или IV вѣку до Р. Хр. Подобныя изображенія Геракла были нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдены въ Ольвіи, Херсонесѣ и др. древне-греческихъ колоніяхъ сѣвер-

наго побережья Чернаго моря. Кромѣ того, найдены двѣ тирскія монеты греческой эпохи, плохо сохранившіяся, нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ римскихъ монетъ, серебряная чашечка и проч. Въ Аккерманѣ же найдены древніе изразцы съ чрезвычайно красивыми эмалевыми рисунками, любопытными для исторіи орнаментики. Свои находки г. Кибальчичъ намѣренъ пожертвовать въ Императорскій эрмитажъ и въ Музей Общества исторіи и древностей въ гор. Одессѣ.

—— Туркестанскимъ управленіемъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ снаряжена морская экспедиція для изслѣдованія Аральскаго моря и его побережья. Въ программу занятій экспедиціи входитъ изученіе хозяйства кочевниковъ и новыхъ русскихъ селеній въ Перовскомъ уѣздѣ, собираніе колекцій флоры и фауны и т. д. Экспедиція, во главѣ съ И. П. Гейеромъ, хорошо снабжена всѣми нужными инструментами. Туркестанскій Археологическій кружекъ поручилъ г. Гейеру осмотрѣть всѣ болѣе или менѣе интересныя древнія развалины на берегахъ рѣки и собрать сохранившіяся объ нихъ преданія среди туземнаго населенія. („Нов. Вр." отъ 3 іюня).

—— *Преміи имени М. И. Михельсона.* При Императорской Академіи наукъ учреждаются преміи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Морица Ильича Михельсона за труды въ области науки о русскомъ языкѣ. Преміи образуются изъ процентовъ съ капитала въ 18,000 руб., внесеннаго имъ 4-хъ-процентными бумагами въ Императорскую Академію наукъ. Преміи устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1,000 руб., 500 р. и 300 р. и присуждаются каждые три года, начиная 16 декабря 1900 г. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія.

На соисканіе премій допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою коммиссіею, которая образуется при второмъ отдѣленіи Императорской академіи наукъ. Въ составъ этой коммиссіи, первое засѣданіе которой состоится тотчасъ же по утвержденіи настоящихъ правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, входятъ: члены второго Отдѣленія, учредитель премій, а также посторонніе Отдѣленію ученые, извѣстные своими трудами по языковѣдѣнію.

Главная цѣль премій — вызвать рядъ работъ, которыя могли бы послужить матеріаломъ для составленія полнаго этимологическаго словаря русскаго языка. Въ виду сего коммиссія предлагаетъ задачи по разработкѣ лексическаго состава древняго и современнаго русскаго языка и, между прочимъ, по опредѣленію заимствованныхъ въ русскомъ

языкѣ элементовъ (церковно-славянскихъ, греческихъ, тюркскихъ, финскихъ, западно-европейскихъ и др.).

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ уже довело до всеобщаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1898—1900 г.) назначены для соисканія на преміи имени М. И. Михельсона слѣдующія задачи: I. „Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія". Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры. II. „Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка". Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.). Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія. Результаты изслѣдованій (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи. III. „Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петров-

скую эпоху". Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно европейскихъ языковъ. Систематическая выработка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.). Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1 марта 1900 года, печатныя — въ двухъ, рукописныя — въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

(„Прав. Вѣст.", № 119).

—— *Американскія раскопки на почвѣ древней Вавилоніи.* Съ 1888 г. въ Месопотаміи дѣйствуетъ американская археологическая экспедиція, организованная Филадельфійскимъ университетомъ на средства, предоставленныя частными лицами, именно банкиромъ Клэркомъ (E. W. Clark) и другими. До настоящаго времени этою экспедиціею израсходовано уже около 15,000 фун. ст., и, надо полагать, что раскопки будутъ продолжаться и въ будущемъ. Съ 1888 по 1890 гг. дѣлались пробныя раскопки и съемки, которыя, какъ и раскопки 1891—92 гг., велись д-ромъ *Петерсомъ.* Онѣ были сосредоточены близъ Нуффара, древняго *Ниппура*, — города, который находился верстахъ въ 85 къ юго-востоку отъ Вавилона и былъ уже центромъ цвѣтущей культуры приблизительно за 7000 лѣтъ до нашего времени. Петерсу удалось найти около 10,000 табличекъ съ клинообразными надписями, въ томъ числѣ разные декреты Саргона I и его сына Нарамъ-Сина (около 5800 л. до нашей эры). Съ 1893 г. работы велись подъ руководствомъ Гэйнса (J. H. Haynes), сдѣлавшаго еще болѣе важныя находки, давшія не только массу табличекъ, цилиндровъ и т. д., но и увѣнчавшіяся открытіемъ древнѣйшаго до-вавилонскаго города. Большіе земляные холмы Нуффара возвышаются на восточномъ берегу нынѣ пересохшаго Шатъ-эль-Ниль, бывшаго нѣкогда судоходнымъ каналомъ и связывавшаго Вавилонъ съ Персидскимъ заливомъ. Главный объектъ раскопокъ Гэйнса составилъ громадный конусообразный холмъ, возвышающійся почти на 30 метровъ надъ окружающею равниной и извѣстной у арабовъ подъ названіемъ „Бинтъ-эль-Амиръ" (т.-е. „Дочь Эмира"). Холмъ этотъ находится на мѣстѣ большого Зиггурата или возвышающагося ступенями храма, построеннаго Уръ-Гуромъ около 2800 л. до нашей эры и затѣмъ снова возстановленнаго и перестроеннаго послѣдующими царями. Съ основаніемъ въ 59×39 метровъ, храмъ этотъ имѣлъ, повидимому, три уступа (не семь, какъ позднѣйшія башни въ Вавилонѣ

и Хорсабадѣ). Стѣна каждаго уступа была покрыта толстымъ слоемъ цемента (изъ глины и рѣзаной соломы), а нижняя была выложена обожженными кирпичами и покрыта слоемъ асфальта. Входъ былъ на юговосточной сторонѣ, гдѣ были найдены двѣ стѣны (вышиною 3,40 м., длиною въ 16,32 м. и отстоявшія одна отъ другой на 7 м.) изъ обожженнаго кирпича, съ промежуткомъ, наполненнымъ необожженными кирпичами, составлявшая, очевидно, родъ плотины (возвышеннаго хода), между храмомъ и его дворами. Весь участокъ храма былъ обнесенъ массивною стѣною, отъ которой еще сохранились 30 рядовъ кирпичей.

Этотъ храмъ Уръ-Гура напоминаетъ своею постройкой древнѣйшія египетскія пирамиды (особенно Медума и ступенчатую пирамиду Саккары), а его плотинообразный ходъ—представляетъ сходство съ ходомъ, соединявшимъ пирамиду Хафраса съ такъ наз. храмомъ Сфинкса. Можно, слѣд., предполагать, что эти ступенчатыя храмовыя башни Халдеи стоятъ въ извѣстномъ сродствѣ съ пирамидами египетскихъ фараоновъ, т.-е., что однѣ послужили прототипомъ для другихъ. Ниппурская башня была поставлена на фундаментѣ изъ сырца, подъ которымъ оказался другой, болѣе солидный фундаментъ изъ большихъ (50 × 50 сант.) обожженныхъ кирпичей, съ надписями и печатями Саргона I и его сына Нарамъ-Сина. Древность этого фундамента, слѣдовательно, на 1000 л. больше, чѣмъ постройка Уръ-Гура, т.-е. относится къ 3800 г. до нашей эры. Изъ надписей на кирпичахъ Саргона и Нарамъ-Сина можно было узнать, что оба они выстроили большую часть стараго храма Муллиля и пожертвовали ему извѣстное число сосудовъ. Постройки этихъ царей были совершенно снесены и на вновь выравненной площади были воздвигнуты постройки Уръ-Гура. Это подтвердилось находкою Гэйнса, въ 1895 г., въ одномъ холмѣ по сосѣдству, замкнутой со всѣхъ сторонъ (доступной только сверху) камеры, построенной Уръ-Гуромъ, подъ которой оказалась такая же камера, но съ кирпичами Саргона. Здѣсь былъ храмовой архивъ, сперва Саргона, потомъ Уръ-Гура. Когда-то, въ промежутокъ времени между Уръ-Гуромъ (2800) и процвѣтаніемъ династіи Касситовъ (2200 до нашей эры), архивъ этотъ былъ взломанъ и содержаніе его расхищено, всего вѣроятнѣе, во время Эламитскаго нашествія (2285 до нашей эры), когда были разрушены всѣ главные храмы.

Высота развалинъ отъ уровня пола Нарамъ-Сина до верхушки холма составляетъ 11 метровъ, и для накопленія этой кучи потребовалось приблизительно 4000 лѣтъ. Продолжая раскопки далѣе, еще на 9—10 метровъ, Гэйнсъ убѣдился, что подъ поломъ эпохи Нарамъ-Сина должны быть еще остатки, по крайней мѣрѣ, двухъ храмовъ,

относящихся ко времени не менѣе, чѣмъ за 7 или 6 тысячъ до нашей эры. Здѣсь былъ открытъ жертвенникъ (4×2,46 м.) изъ необожженаго кирпича, и на немъ куча бѣлой золы; кругомъ его шла низкая стѣна, за которою были найдены двѣ большія терракотовыя вазы, вышиною каждая въ 63 сант. и украшенныя шнуровымъ орнаментомъ. Въ этой скромной оградѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, ядро древнѣйшихъ халдейскихъ храмовъ съ ихъ алтаремъ и сосудами для очищенія. Къ юго-востоку отъ алтаря была открыта платформа въ 7 кв. м. поверхностью и 3,38 м. вышины, съ многими отверстіями для спуска воды и съ отводящимъ каналомъ подъ нею, надъ которымъ былъ выложенъ сводъ изъ кирпича, скрѣпленнаго глиною. Эта находка можетъ служить доказательствомъ пріоритета Халдеи въ дѣлѣ изобрѣтенія свода. Но главное—эти раскопки сопровождались открытіемъ массы письменныхъ памятниковъ, болѣе 26,000 глиняныхъ дощечекъ, а также черепковъ сосудовъ и стелъ съ надписями. Расхищеніе архивныхъ камеръ Саргона и Уръ-Гура объясняетъ, почему въ нижнихъ слояхъ было найдено такъ мало надписей. Что многія изъ этихъ до-саргонскихъ надписей попали потомъ въ архивъ Саргона, а позже—Уръ-Гура, доказываетъ, напр., фактъ нахожденія въ мостовой Уръ-Нинипа—царя изъ династіи Уръ-Гура, множества разбитыхъ сосудовъ и другихъ предметовъ древнѣйшихъ типовъ, съ надписями, указывающими, что они были предназначены для алтаря Муллила; въ числѣ ихъ оказался также большой камень съ линейною надписью одного царя Луггалъ-Кигубъ-Нидуду и съ другою, много болѣе позднею клинообразною надписью Саргона. Между разбросанными обломками, найденными подъ мостовою Уръ-Нинипа, оказались черепки отъ болѣе чѣмъ ста сосудовъ, принесенныхъ въ даръ храму царемъ Луггалъ-цали-си; изъ надписей на нихъ проф. д-ръ Гильпрехтъ (Hilprecht), вообще много потрудившійся надъ разборкою найденныхъ памятниковъ (до того, что почти потерялъ отъ того зрѣніе), могъ составить текстъ въ 132 строки, написанный весьма архаическими знаками. При сравненіи этихъ надписей съ древнѣйшими памятниками, найденными въ Телло, можно было вывести полный историческій рядъ фактовъ, нигдѣ болѣе не упоминаемыхъ. Всѣ эти извѣстія касаются примитивныхъ войнъ и образуютъ, по ихъ старинѣ, древнѣйшія историческія извѣстія. Самая древняя надпись принадлежитъ царю Эшагсагана, „властителю Кенги“ (т.-е. Нижней Вавилоніи), „страны каналовъ и кораблей“. Въ его время главнымъ врагомъ Вавилона былъ городъ Кишъ (нынѣшній Эль-Гимеръ), царь-жрецъ котораго вступилъ въ союзъ съ какими-то свирѣпыми племенами, называемыми въ надписяхъ „толпами воиновъ изъ страны лука“. Одинъ разъ остались по-

бѣдителями вавилоняне, другой — „племена лука“ (т.-е. вооруженные лукомъ). Надпись, сообщающая о послѣднемъ фактѣ, начинается посвященіемъ Муллилу, „владыкѣ міра“ царемъ „Луггалъ-цали-си (царемъ Эреха), сыномъ Укуса, высшаго жреца въ странѣ лука“. Побѣдитель властвовалъ, такимъ образомъ. въ древней столицѣ Эрехѣ, а изъ другихъ данныхъ видно, что его владычество простиралось также на Уръ-Ларсу и Ниппуръ и охватывало всю площадь отъ „Нижняго моря, Тигра и Евфрата“ (Персидскаго залива), до „Верхняго моря“ (Средиземнаго). Какъ долго продолжалось это господство — неизвѣстно; за нимъ слѣдовала, впрочемъ, династія, столицею которой былъ Уръ или Мугаяръ. Въ концѣ концовъ, какъ видно изъ стелы, найденной Де-Сарзекомъ въ Телло, царь Лагашъ предпринялъ побѣдоносный походъ противъ „ордъ изъ страны лука“ и совершенно истребилъ ихъ. Позднѣйшихъ извѣстій объ этомъ племени не имѣется. Гильпрехтъ считаетъ этихъ „людей лука“ за семитовъ, но, повидимому, они были родственны несемитическимъ суммерійцамъ. Ихъ надписи написаны по-суммерійски и между ними найдено только одно слово, которое можетъ считаться семитическимъ.

Большая часть найденныхъ дощечекъ и другихъ предметовъ должна остаться, согласно договору между управленіемъ Оттоманскаго музея и американцами, въ Константинополѣ, но изъ опубликованныхъ изслѣдованій проф. Гильпрехта видно, что значительное число этихъ памятниковъ было доставлено также въ Америку, въ вознагражденіе понесенныхъ американцами трудовъ и расходовъ. Недавно вышло два тома большого сочиненія Петерса (Peters, Nippur, or Explorations on the Euphrates. 2 voll. L. 1897 — 98) съ изложеніемъ результатовъ произведенныхъ имъ и его послѣдователемъ раскопокъ. Многія изъ новѣйшихъ находокъ еще ждутъ, однако, своего описанія, которое, вѣроятно, и будетъ дано Гэйнсомъ.

—— *Находка римской мозаики въ Цолльфельдѣ.* Въ Каринтіи, въ мѣстности, называемой Zollfeld, между городами Гланомъ и Гуркомъ, гдѣ нѣкогда находился древне-римскій городъ Virunum, недавно найденъ прекрасный памятникъ древне-римской культуры — полъ съ прекрасно сохранившеюся мозаикой. Памятникъ этотъ открытъ къ сѣверу отъ Клагенфурта, у полотна желѣзной дороги, въ имѣніи баронессы Рейнлейнъ „Тöлчахъ“ (Töltschach). Открытіе произошло случайно, благодаря волу, который во время пахоты провалился въ открывшуюся яму, и вотъ, когда его вытаскивали, то и замѣтили мозаичный полъ. До сихъ поръ удалось освободить полъ на пространствѣ 33 кв. футовъ. Открытая часть обнаруживаетъ только одно поврежденіе, получив-

шееся отъ провала вола. Мозаика очень похожа на помпейскія фрески. Внѣшній бордюръ, шириною приблизительно въ $^1/_2$ метра, образованъ орнаментомъ изъ листьевъ по бѣлому фону. Далѣе идетъ разноцвѣтный вѣнокъ, къ внутренней сторонѣ котораго примыкаетъ полоса пестрыхъ квадратныхъ меандровъ, придающая всей мозаикѣ особенную прелесть. Эта полоса обнимаетъ цѣлый рядъ угловатыхъ щитковъ, симметрично расположенныхъ, изъ которыхъ на каждомъ изображена или птица или обнаженная человѣческая фигура. Въ четырехъ щиткахъ расположены павлины, а по угламъ изображены 4 довольно крупныя головы Медузы. Средній щитокъ, самый большой, занятъ изображеніемъ обнаженной фигуры съ посохомъ въ рукѣ (вѣроятно, это Бахусъ). Не говоря уже о томъ интересѣ, который представляетъ эта мозаика сама по себѣ, находка ея важна еще и потому, что позволяетъ предполагать по близости присутствіе другихъ подобныхъ памятниковъ.

(„Die Umschau“, 1898, № 23).

—— *Археологическія находки на югѣ Россіи.* По словамъ кіевской газеты „Жизнь и Искусство“, раскопки, предпринятыя нынѣшнимъ лѣтомъ гг. Хвойкою и Мазараки въ Кіевской губ., оказались особенно счастливыми. С. А. Мазараки, при раскопкѣ одного кургана, нашелъ скелетъ женщины въ богатомъ убранствѣ, которое составляли: золотая діадема изъ пластинокъ, имѣющихъ видъ листьевъ, украшенная драгоцѣнными камнями, множество колецъ, серьги и браслеты; но главною драгоцѣнностью этой находки слѣдуетъ считать золотую чашу, по формѣ и изображеніямъ тождественную (?) со знаменитою Куль-Обскою.

В. В. Хвойка, въ свою очередь, по приглашенію Б. И. Ханенко, раскопалъ нѣсколько кургановъ въ имѣніи послѣдняго, въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Большинство кургановъ оказались разграбленными, но тѣмъ не менѣе г. Хвойкѣ удалось найти въ одномъ изъ нихъ нѣсколько любопытныхъ предметовъ, между прочимъ, три золотыя пластинки, составлявшія предметы украшенія. На одной изъ нихъ изображена держащаяся за голову человѣческая фигура, вокругъ которой обвились два льва, а на двухъ другихъ — изображенія звѣрей, сходныя съ найденными въ Пермской губ. и Сибири. Найдена была также прекрасная греческая ваза, имѣющая форму кратеры (чаши для вина), вся сплошь покрытая фигурами и изображеніями, представляющими миѳологическія сцены. Не довольствуясь этимъ, В. В. Хвойка обратилъ вниманіе на группу маленькихъ кургановъ, находившуюся неподалеку отъ изслѣдованныхъ имъ и расположенныхъ на крестьянской землѣ, и приступилъ къ ихъ раскопкѣ. Послѣ долговременныхъ усилій, дорылись до уровня земли, на которомъ, однако, ничего не оказалось. Заинтересованный

этимъ, г. Хвойка распорядился снять еще нѣсколько слоевъ земли и, наконецъ, замѣтилъ три узкія и длинныя щели, обозначающія собою склепы. Немедленно было приступлено къ ихъ разрытію, и изъ перваго былъ извлеченъ прекрасный бронзовый греческій шлемъ со слѣдами позолоты, представляющій самый чистый и изящный типъ греческой работы. Дальнѣйшія раскопки склепа, предпринятыя на слѣдующій день, обнаружили скелетъ воина-скиѳа, окруженнаго множествомъ бронзовыхъ стрѣлъ, часть которыхъ находилась въ лежащемъ сбоку колчанѣ. У ногъ его лежалъ скелетъ раба. Тутъ же стояла большая амфора, нѣсколько другихъ сосудовъ и, наконецъ, небольшая серебряная чаша. Поощренный такими блестящими результатами, В. В. Хвойка распорядился разрыть параллельный изслѣдованному и также, повидимому, нетронутый никѣмъ склепъ; въ немъ былъ найденъ скелетъ женщины, около котораго стояла большая овальная каменная доска съ небольшими углубленіями посрединѣ, повидимому, предназначавшаяся для предметовъ жертвоприношенія, большое металлическое зеркало и другіе мелкіе предметы; около головы скелета находилась круглая, тщательно очищенная площадка, на которой стояла глиняная миска и лежало ожерелье изъ пластинокъ и бусъ. Третій склепъ, самый большой, еще не изслѣдованъ, за недостаткомъ времени, но можно ожидать не менѣе интересныхъ результатовъ.

—— Въ засѣданіи Academie des inscriptions et belles lettres отъ 6 апрѣля г. Геронъ де-Вильфоссъ продолжалъ свое сообщеніе о находкахъ Делатра (Delattre) въ Карѳагенѣ. Найдены: саркофагъ бѣлаго мрамора, съ крышкой, расписанною яркими красками, немного поблекшими при соприкосновеніи съ воздухомъ, золотыя и серебряныя украшенія, великолѣпное ожерелье изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ и цѣлый рядъ терракотовыхъ статуэтокъ, между ними изображеніе старухи съ ребенкомъ на колѣняхъ. Найдена еще голова статуи Эскулапа, торсъ которой уже давно находится въ Карѳагенскомъ музеѣ, и статуэтка Телесфора, которая первоначально составляла одну общую группу съ названною статуей Эскулапа. Въ томъ же засѣданіи г. де-Мели (de Mély) сообщилъ о перстнѣ съ кабалистическою надписью, найденномъ въ могилѣ одного епископа въ г. Анжерѣ (Angers). Въ XVII в. эта надпись еще была объяснена, но теперь ключъ къ ней утраченъ. Надпись, повидимому, англо-саксонскаго происхожденія.

—— Въ „Revue archéologique“ (mars - avril, 1898) Рейнакъ даетъ подробное описаніе нѣкоторыхъ памятниковъ скульптуры, находящихся въ музеяхъ Компіеня (Compiégne) и Невера (Nevers). Въ первомъ изъ нихъ онъ нашелъ мраморную статуэтку, изображающую мо-

лодую дѣвушку, стоящую близъ низенькаго, небольшого алтаря, изящно задрапированную и держащую въ рукахъ развернутый свитокъ. На подножіи вырѣзано KOPINNA. Какъ костюмъ, такъ голова и прическа этой статуэтки даютъ Рейнаку поводъ утверждать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ хорошею копіей со статуи писательницы Коринны, работы знаменитаго скульптора Силаніона, который оставилъ послѣ себя статуи трехъ знаменитыхъ женщинъ древности: Іокасты, Сафо и Коринны. Копію съ Сафо, по словамъ г. Винтера, надо видѣть въ одномъ прекрасномъ женскомъ бюстѣ въ виллѣ Альбани, двѣ копіи съ Коринны, по мнѣнію Фуртвенглера, находятся одна въ Римѣ, въ Капитоліи, другая — въ Брюсселѣ, въ собраніи г. Сомзе (Somzée). Музей въ Компіенѣ составился изъ частнаго собранія нѣкоего г. Вивенель (Vivenel), уроженца сего города, принесшаго въ 1843 году свое собраніе разнородныхъ предметовъ искусства въ даръ городу. Въ музеѣ города Невера вниманіе особенно привлекаетъ мужской торсъ, вывезенный въ 1853 г. адмираломъ Жакино изъ Пирея. Повидимому, статуя изображала какого-нибудь молодого бога—Ерота, Апполона или Діониса, но, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было аттрибутовъ, трудно сказать — кого именно. Во всякомъ случаѣ, это — образчикъ превосходной работы, гдѣ чувствуется вліяніе Праксителя. Вторая статуя, также найденная въ Пиреѣ, изображаетъ, повидимому, молодого гимнаста съ многочисленными наградами, полученными имъ на играхъ. Эта статуя болѣе плохой работы, но все-таки должна быть отнесена приблизительно ко II-му вѣку до Р. Х. По Плинію (XXXIV, 51). дѣятельность Силаніона должно относить ко времени около 328 г. до Р. Х., но новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что ее надо относить къ эпохѣ, болѣе ранней. А. С.

—— Въ той же книгѣ того же журнала напечатана статья г. Даресси (Daressy) о найденномъ имъ планѣ фараонской усыпальницы. Планъ начерченъ на обломкѣ камня, такъ называемомъ, ostracon'ѣ, и пока есть второй только, дошедшій до насъ египетской, современный устройству самой усыпальницы, планъ, такъ какъ до сей поры мы знали только планъ послѣднихъ залъ могилы Рамзеса IV изъ XX-й династіи, начерченный на папирусѣ и хранящійся въ музеѣ въ Туринѣ. Нововайденный планъ сохранился весь, и теперь мы можемъ составить себѣ ясное представленіе объ общемъ типѣ древнихъ египетскихъ усыпальницъ. Сперва показана лѣстница въ 26 ступеней, затѣмъ идутъ 3 коридора, въ которыхъ помѣщались изображенія разныхъ божествъ, наконецъ, 3 комнаты, и въ послѣдней изъ нихъ помѣщенъ саркофагъ фараона. На планѣ подробно обозначены размѣры коридоровъ и ком-

натъ, а также поименованы тѣ божества, изображенія коихъ должны были стоять въ той или другой комнатѣ въ особыхъ нишахъ. А. С.

IV.

Засѣданія Обществъ.

2-го мая состоялось второе засѣданіе **комитета по устройству музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III при Императорскомъ Московскомъ университетѣ**, въ квартирѣ товарища Августѣйшаго Предсѣдателя Комитета гофмейстера *Нечаева-Мальцова*. Засѣданіе открылось заявленіемъ предсѣдателя о высокомъ вниманіи къ музею изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III со стороны Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей, которые взяли на Себя сооруженіе въ музеѣ зала Пареенона, въ память безвременно въ Бозѣ почившей Великой Княгини Александры Георгіевны. Въ виду постояннаго вниманія къ интересамъ музея со стороны Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Θеодоровны и сочувствія, выраженнаго щедрымъ даромъ Великаго Князя Павла Александровича, постановлено просить Ихъ Высочества осчастливить Комитетъ принятіемъ, съ Высочайшаго соизволенія, на Себя званія Почетныхъ Членовъ его.

По предложенію предсѣдателя, постановлено просить о той же высокой милости для музея и Ихъ Императорскія Высочества Великихъ Князей Владиміра Александровича и Константина Константиновича, которые съ давнихъ поръ оказывали особое вниманіе учреждаемому музею.

Затѣмъ профессоръ Цвѣтаевъ заявилъ, между прочимъ, о томъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Поляковъ взялъ на себя сооруженіе зала № 12, стоимостью въ 22,944 руб. (т.-е. зала образцовъ рельефной скульптуры V и IV вѣковъ до Р. Х.), и потомственный почетный гражданинъ Рукавишниковъ изъ Нижняго-Новгорода заявилъ о желаніи своемъ соорудить въ музеѣ залы Олимпійскій и Пергамскій, стоимостью каждый въ 43,680 руб., наименовавъ: первый — Августѣйшимъ Именемъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, а второй—Августѣйшимъ Именемъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Далѣе профессоръ Цвѣтаевъ познакомилъ собраніе съ проектомъ устройства въ музеѣ Имени Императора Александра III пантеона русской славы въ области наукъ, искусствъ и литературы, гдѣ будутъ помѣщены статуи, бюсты, медальоны и портреты русскихъ знаменитыхъ дѣятелей въ области высшей культуры. („Моск. Вѣд.“).

18-го мая состоялось въ Кіевѣ четвертое засѣданіе **Церковно-археологическаго Общества**, на которомъ разсматривался вопросъ объ устройствѣ выставки для XI археологическаго съѣзда при церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской духовной академіи. Вопросъ этотъ еще не разработанъ въ деталяхъ и потому не рѣшенъ окончательно. Предполагается, независимо отъ того, что представляетъ собою самый музей, помѣстить въ немъ, по мѣрѣ возможности, коллекціи соотвѣтствующаго характера, которыя будутъ доставлены частными лицами, обладающими собраніями такого рода, по приглашенію предсѣдателя съѣзда. Кромѣ того, предложены были на засѣданіи два реферата: проф. А. А. Дмитріевскаго „О Сумелійскомъ Трапезундскомъ монастырѣ“ и проф. Н. И. Петрова „О коллекціи древнихъ складныхъ крестиковъ и образковъ В. Н. Ханенко“.

Сумелійскій монастырь, по мѣстнымъ сказаніямъ, основанъ еще въ концѣ IV вѣка монахами Софроніемъ и Варнавою, которые, какъ говоритъ преданіе, вышли изъ Аѳинъ и принесли съ собою икону Богоматери, писанную евангелистомъ Лукою и оставленную въ одной изъ аѳинскихъ церквей ученикомъ его, Ананіей. Достовѣрная же исторія этого монастыря начинается лишь съ 1585 года, въ которомъ былъ данъ монастырю хрисопулъ тогдашнимъ Константинопольскимъ патріархомъ Ѳеопемптомъ. Проф. Н. И. Петровъ демонстрировалъ коллекцію складныхъ и простыхъ крестиковъ и образковъ, принадлежащую извѣстному въ Кіевѣ любителю древностей, Б. И. Ханенко, нѣкоторые экземпляры которой были выставлены въ числѣ прочихъ предметовъ собраній Б. И. на минувшей археологической выставкѣ общества. Въ этой коллекціи почтенный референтъ различаетъ три группы: такъ называемые *корсунскіе кресты* греческаго производства, изъ которыхъ въ разсматриваемой коллекціи имѣется только одинъ экземпляръ, — во-вторыхъ, крестики и образки мѣстнаго южно-русскаго происхожденія, до-татарскаго періода, самые многочисленные въ коллекціи. Къ нимъ прежде всего относятся крестики и образки съ изображеніями св. Бориса и Глѣба, Ольги съ храмомъ, можетъ быть Десятиннымъ, и св. Владиміра. Къ мѣстнымъ же издѣліямъ могутъ быть отнесены крестики съ изображеніями Іисуса Христа (Софіи—премудрости Божіей) въ храмѣ, вѣроятно, Кіево-Софійскомъ, Богородицы съ воздѣтыми руками, можетъ быть Нерушимой стѣны, Богородицы на тронѣ съ двумя архангелами по сторонамъ, повидимому, Кіево-Печерской (не существующей въ настоящее время), архангела Михаила, святителя Николая и другихъ. Проф. Петровъ указываетъ, такимъ образомъ, на интересный фактъ отраженія въ иконографіи этихъ древнихъ памятниковъ излюбленныхъ Кіевскихъ святынь, тѣмъ самымъ подтверждающихъ ихъ южно-русское происхожденіе. Помимо этого, признать упоминаемые и имъ подобные крестики воспроизведеніемъ наиболѣе чтимыхъ въ Кіевѣ св. иконъ побуждаетъ, во-первыхъ, то, что районъ распространенія этихъ крестиковъ ограничивается югомъ Россіи, и во-вторыхъ то, что надписи на нихъ славяно-русскія. Третью группу коллекціи составляютъ крестики сѣверо-русскаго и въ частности московскаго издѣлія: между ними особенно замѣчателенъ мѣдный складной крестикъ съ изображеніемъ многихъ святыхъ, въ числѣ которыхъ находятся московскіе святители Петръ и Алексій, половины XV вѣка. По своей довольно точной хронологической датѣ онъ можетъ быть мѣриломъ для опредѣленія древности другихъ подобныхъ ему сѣверо-русскихъ издѣлій. Рефератъ проф. Петрова, такимъ образомъ, устанавливаетъ классификацію встрѣчающихся во многихъ собраніяхъ крестиковъ и образковъ и даетъ возможность судить о происхожденіи и древности этихъ вещественныхъ памятниковъ старины. („Жизнь и Искусство", № 149).

---

31 мая, въ 7 ч. вечера, состоялось въ Кіевѣ засѣданіе **Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца**. По открытіи засѣданія, секретаремъ общества М. Н. Ясинскимъ былъ прочитанъ рефератъ дѣйствительнаго члена общества Н. Н. Оглоблина: „Кіевское дѣло 1828 года о превражныхъ политическихъ „тайнахъ"". Дѣло это любопытно во многихъ отношеніяхъ, и какъ бытовой матеріалъ, и какъ источникъ къ исторіи 14 декабря 1825 года. Какъ извѣстно, императоръ Александръ I получалъ много предупрежденій отъ разныхъ лицъ относительно какихъ-то готовящихся заговорахъ русскихъ и иностранныхъ тайныхъ обществъ. Въ числѣ этихъ лицъ находился и нѣкій отставной землемѣръ, дворянинъ Августъ Игнатьевичъ Кржишковскій, владѣвшій, какъ ему казалось, какими-то важнѣйшими политическими тайнами заграничныхъ и польскихъ массонскихъ обществъ. Желая открыть эти тайны, Кржишковскій, въ 1821 году, въ Царскомъ селѣ добивался царской аудіенціи, но не получилъ ея, а сообщеній своихъ никому больше сдѣлать не захотѣлъ. Только въ 1824 году онъ разсказалъ свои „тайны" присланному императоромъ Александромъ I генералу Эртелю, но неожиданная смерть послѣдняго помѣшала Кржишковскому достигнуть своей цѣли и предупредить государя.

Событія 14 декабря 1825 года окончательно убѣдили Кржишковскаго въ важности его тайнъ и необходимости довести ихъ до свѣдѣнія новаго государя, но только въ 1827 году онъ сдѣлалъ попытку добиться своего давняго желанія черезъ кіевскаго военнаго губернатора П. Ѳ. Желтухина. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Кржишковскій въ 1828 году обращается съ тѣмъ же къ кіевскому митрополиту Евгенію Болховитинову. Послѣдній крайне неохотно взялся за это дѣло и постарался сплавить его Желтухину; однако, по совѣту послѣдняго, поѣхалъ все-таки къ Кржишковскому въ с. Мытницы (возлѣ Василькова), но безуспѣшно, такъ какъ Кржишковскій рѣшился сообщить свои „тайны" одному только государю. Что потомъ было съ Кржишковскимъ и добился ли онъ аудіенціи—осталось неизвѣстнымъ.

Дѣйствительно ли владѣлъ Кржишковскій этими тайнами — крайне сомнительно. Скорѣе можно предположить, что мы имѣемъ дѣло съ патологическимъ субъектомъ, страдавшимъ маніею преслѣдованія; всѣ эти житейскія неудачи Кржишковскій приписывалъ козпямъ „массоновъ и иллюминатовъ" и сталъ считать ихъ не только своими врагами, но и врагами общества и Россіи, которыхъ слѣдуетъ уничтожить для общаго блага. Это было его больное мѣсто; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, изъ сохранившейся переписки его видно, что онъ обладалъ вполнѣ здравымъ умомъ, большою наблюдательностью, богатыми знаніями и вѣрнымъ пониманіемъ жизни мѣстнаго края. Особенно въ свѣтломъ видѣ обрисовываютъ личность Кржишковскаго его теплыя, симпатичныя отношенія къ угнетенному помѣщиками крестьянству...

Все „Кіевское дѣло" представляетъ собою интересный матеріалъ для біографіи знаменитаго митрополита Евгенія, такъ какъ въ немъ сохранились собственноручныя черновыя письма его къ Кржишковскому и Желтухину.

По прочтеніи реферата г. Оглоблина, г. Каманинъ сообщилъ свою библіографическую замѣтку „Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. XXVI". („Жизнь и Искусство", № 151).

Въ г. Херсонѣ 31 мая въ 1 часъ дня въ залѣ городской общественной библіотеки состоялось торжественное открытіе **Губернской Ученой Архивной Коммиссіи** и **Губернскаго Археологическаго Музея**, помѣщеннаго въ зданіи библіотеки и принятаго Губернскою Архивною Коммиссіей въ свое вѣдѣніе. Торжество началось съ благодарственнаго молебствія, которое совершилъ епископъ новомиргородскій, преосвященный Мемнонъ въ сослуженіи настоятеля городского собора о. протоіерея В. Ефремова и настоятеля гимназической церкви о. І. Зыкова. Присутствовали на молебствіи: попечитель Губернской Ученой Архивной Коммиссіи шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества князь И. М. Оболенскій и члены-учредители коммиссіи: г. херсонскій вице-губернаторъ д. с. с. Е. Д. Масловъ, уѣздный предводитель дворянства Г. Л. Скадовскій, предсѣдатель губернской земской управы В. П. Андреевскій, херсонскій врачебный инспекторъ д. с. с. Р. А. Сотничевскій, городской голова И. И. Волохинъ и секретарь губернскаго статистическаго комитета В. И. Гошкевичъ. Кромѣ того, прибыли: предсѣдатель херсонскаго окружнаго суда т. с. П. О. Вархаловскій, директоръ мужской гимназіи д. с. с. М. А. Орловъ, предсѣдатель уѣздной земской управы С. Н. Гербель, гласные думы и другіе приглашенные гости.

По окончаніи богослуженія г. херсонскій губернаторъ, князь И. М. Оболенскій, предоставивъ предсѣдательское мѣсто владыкѣ, открылъ первое собраніе членовъ-учредителей Губернской Ученой Архивной Коммиссіи и затѣмъ предоставилъ слово основателю херсонскаго Археологическаго Музея В. И. Гошкевичу.

„Лѣтъ 6 назадъ, — началъ г. Гошкевичъ,—я занялся изслѣдованіемъ песчаныхъ дюнъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона. Результаты превзошли всѣ ожиданія. Здѣсь оказалась масса остатковъ каменнаго вѣка, скиѳской эпохи, временъ переселенія народовъ и разныхъ позднѣйшихъ кочевниковъ. Въ то же время начаты были археоло-

гическія изслѣдованія въ Херсонской губ. Я лично производилъ раскопки въ трехъ уѣздахъ губерніи, причемъ добытые мною предметы, по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи, поступили на храненіе частью въ Императорскій Эрмитажъ, частью въ Московскій Историческій музей. Но при содѣйствіи покойнаго губернатора, тайн. сов. Веселкина, мнѣ удалось значительно расширить кругъ археологической дѣятельности на всю губернію. Покойный губернаторъ обратился ко всѣмъ интеллигентнымъ лицамъ губерніи: землевладѣльцамъ, священникамъ, народнымъ учителямъ и другимъ, съ просьбою сообщать описанія мѣстностей, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи и присылать въ формируемый херсонскій музей найденные ими памятники древности. На этотъ призывъ откликнулись изо всѣхъ уголковъ губерніи, такъ что въ настоящее время такихъ добровольныхъ сотрудниковъ у меня уже свыше 100. Принося глубокую благодарность всѣмъ этимъ любителямъ отечественной старины, я съ удовольствіемъ упомяну здѣсь о неутомимой дѣятельности одного изъ нихъ, смотрителя земской больницы въ Тираснолѣ, Іоиля Яковлевича Стемпковскаго, котораго, къ сожалѣнію, мы не видимъ сегодня въ нашей средѣ.—Этотъ безкорыстный труженикъ до настоящаго времени вскрылъ по правиламъ науки въ Тираспольскомъ уѣздѣ уже свыше 200 кургановъ. Съ разрѣшенія Императорской Археологической Коммиссіи, всѣ добываемыя имъ при раскопкахъ вещи передаются въ нашъ музей.

Его сіятельство, по прибытіи въ Херсонъ, ознакомившись съ результатами организованныхъ мною работъ, выразилъ мысль объ образованіи губернской ученой архивной коммиссіи. Это была по истинѣ счастливая мысль, такъ какъ археологическія работы въ губерніи разрослись до того, что у меня одного не хватало уже возможности руководить ими, а въ помѣщеніи губернскаго статистическаго комитета не хватало мѣста для храненія въ должномъ порядкѣ всѣхъ стекающихся въ музей памятниковъ древности.

Мысль, высказанная его сіятельствомъ, встрѣчена была весьма сочувственно высшими представителями многихъ учрежденій въ губерніи и была одобрена прежде директоромъ археологическаго института, а затѣмъ и г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

И вотъ, я дожилъ до этого торжественнаго и дорогого для меня дня,—заключилъ г. Гошкевичъ свою рѣчь, — когда взлелѣянный мною, какъ любимое дѣтище, музей я передаю въ руки цѣлой коллегіи. Я тѣмъ болѣе счастливъ и спокоенъ за судьбу его, что въ этой коллегіи присутствуетъ столь компетентное лицо, какъ Г. Л. Скадовскій, который еще до моего пріѣзда въ Херсонъ производилъ въ губерніи много раскопокъ и понынѣ ими занимается съ увлеченіемъ; а талантливые труды его въ этой области обратили на себя вниманіе археологическихъ съѣздовъ. Передавая музей Ученой Архивной Коммиссіи, я только могу отъ всей души пожелать ему дальнѣйшаго преуспѣянія и развитія".

Затѣмъ г. херсонскій губернаторъ князь И. М. Оболенскій сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Многоуважаемый Викторъ Ивановичъ сдѣлалъ только что сообщеніе о музеѣ, представляющемъ собою собраніе памятниковъ сѣдой старины. Онъ это дѣло началъ. Благодаря содѣйствію городского управленія и любезности лицъ, завѣдующихъ библіотекою, музей этотъ помѣщенъ здѣсь. Но, открывая Губернскій Археологическій Музей и Губернскую Архивную Коммиссію, я хочу сказать нѣсколько словъ о послѣдней.

Жить безъ оглядки—значитъ жить наобумъ. Въ быстромъ теченіи русской мысли и жизни часто мало обращалось вниманія на пройденное, а это приводило къ разочарованіямъ и ошибкамъ.

Въ этомъ залѣ я нѣсколько дней назадъ присутствовалъ на чествованіи одного великаго русскаго мыслителя. Мы слышали, какъ этотъ великій человѣкъ критически относился къ русской жизни своего времени. Но былъ ли онъ правъ, или намѣренно сгущалъ темныя стороны жизни въ желаніи лучшаго, этого намъ не сказали.

Если бы предшествовавшія намъ поколѣнія были уже такъ плохи, то ничего хорошаго не могло бы созидаться и впослѣдствіи: изъ источника горькаго не выходитъ сладкое.

Но необходимо признать, что во всѣ вѣка были и дурные, и хорошіе люди; и у нашихъ ближайшихъ предковъ были благія желанія и добрыя стремленія; въ жизни человѣчества измѣняется лишь форма, а правда всегда была и остается одна.

Вотъ эту правду скажутъ намъ ученыя архивныя коммиссіи; добываемые ими изъ архивовъ старинные документы и рукописи дадутъ возможность детально и объективно изучить прошлое Россіи.

Въ заключеніе г. губернаторъ выразилъ свою признательность гг. городскимъ головамъ и представителямъ земствъ за тѣ матеріальныя средства, которыми города и земства Херсонской губерніи снабдили нынѣ народившуюся губернскую ученую архивную коммиссію, выразилъ надежду на дальнѣйшее ихъ сочувствіе цѣлямъ коммиссіи и высказалъ также желаніе, что бы всѣ учрежденія въ губерніи открыли коммиссіи свободный доступъ къ ихъ архивамъ для изученія и изслѣдованія послѣднихъ.

Послѣ этого члены коммиссіи и почетные гости перешли въ помѣщеніе археологическаго музея, гдѣ долго и внимательно осматривали коллекціи древностей, размѣщенныя въ витринахъ и шкафахъ. Объясненія давалъ В. И. Гошкевичъ.

По окончаніи осмотра засѣданіе членовъ-учредителей было возобновлено. Попечитель ученой архивной коммиссіи князь И. М. Оболенскій предложилъ собранію избрать предсѣдателя и редактора будущихъ трудовъ коммиссіи, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ завѣдывать музеемъ и дѣлами коммиссіи. По предложенію г. губернатора. предсѣдателемъ избранъ былъ единогласно уѣздный предводитель дворянства Г. Л. Скадовскій, а редакторомъ—В. И. Гошкевичъ.

Затѣмъ г. губернаторъ предложилъ избрать нѣсколькихъ лицъ въ почетные члены херсонской губернской ученой архивной коммиссіи, что и было принято, и рекомендовалъ коммиссіи, прежде всего, выработать опредѣленную программу, которая могла бы быть разослана будущимъ членамъ коммиссіи, какъ руководство для ихъ дѣятельности. При этомъ онъ посовѣтовалъ коммиссіи заняться тщательнымъ собираніемъ сохранившихся въ краѣ рукописныхъ матеріаловъ по исторіи военныхъ поселеній и нѣмецкой колонизаціи, а также обратилъ вниманіе и на возможность нахожденія здѣсь рукописей козацкихъ и еврейскихъ.

Открытію Коммиссіи предшествовало слѣдующее обращеніе г. херсонскаго губернатора къ представителямъ мѣстной администраціи, земствамъ и городамъ.

„Херсонская губернія изобилуетъ древностями всѣхъ эпохъ, начиная отъ каменнаго вѣка и до послѣднихъ временъ иноземнаго здѣсь владычества. Тысячи могильныхъ насыпей, которыми усѣяны южныя степи, охраняютъ останки прежнихъ насельниковъ здѣшняго края вмѣстѣ съ ихъ утварью и нехитрыми орудіями.

Это драгоцѣнное наслѣдіе старины расхищается невѣжественными кладоискателями, мечтающими о зарытыхъ въ землѣ несмѣтныхъ сокровищахъ. Не находя въ курганахъ желанныхъ денегъ, хищники безжалостно истребляютъ обстановку древняго погребенія вмѣстѣ со скелетами ея обладателей. Привольныя степи херсонскія скрываютъ хищниковъ отъ глазъ полиціи: не подъ-силу администраціи борьба съ грабителями могилъ,—и гибнетъ безслѣдно въ варварскихъ рукахъ достояніе науки.

Еще задолго до Рождества Христова по морскому побережью въ предѣлахъ нынѣшней Херсонской губерніи процвѣтали греческія колоніи: Никоній, Фиска, пристань Исіаковъ, пристань Истріанъ, Скопули, Одессъ и Алекторъ; цѣлые ряды неизвѣстныхъ намъ по имени древне-греческихъ поселеній гирляндами окружали устья большихъ и малыхъ рѣкъ; а во главѣ всѣхъ этихъ классическихъ городовъ, поселковъ и факторій стояла богатая Ольвія. Почва этихъ старыхъ пепелищъ переполнена античными древностями.

Ольвійское кладбище въ конецъ расхищается мѣстными крестьянами, къ которымъ приспособилась группа антикваровъ-промышленниковъ, снабжающихъ ольвійскими находками преимущественно заграничные музеи: румынскій, британскій и берлинскій. Въ послѣднее время подвергся разграбленію морской островокъ Березань.

Съ другой стороны, имѣющіеся въ губерніи архивы разныхъ учрежденій до сихъ поръ не разработаны систематически съ научною цѣлью, спеціальное же изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, произведенное еще въ 1835 году А. А. Скальковскимъ, хотя и привело къ открытію цѣнныхъ историческихъ документовъ, но при этомъ остались вовсе неразысканными цѣлые архивы, въ которыхъ когда то хранились дѣла первоначальныхъ дней Новороссіи.

Лично убѣдившись въ крупномъ научномъ интересѣ коллекцій юнаго херсонскаго музея, я съ удовольствіемъ узналъ, что херсонское городское управленіе отнеслось весьма сочувственно къ мысли объ устройствѣ губернскаго археологическаго музея, и для этого предложило безплатно помѣстить собранныя при статистическомъ комитетѣ коллекціи въ прекрасномъ новомъ зданіи городской библіотеки, спеціально приспособивъ въ немъ для музея три комнаты; нѣкоторыя частныя лица предложили въ даръ музею собранныя ими коллекціи древностей; на средства же города нынѣ устраиваются витрины и шкафы для вещей.

Видя въ такомъ всеобщемъ сочувствіи къ этому полезному учрежденію залогъ прочнаго его развитія, я призналъ своевременнымъ предложить статистическому комитету выдѣлить изъ его вѣдѣнія археологическій музей и передать таковой въ полное распоряженіе херсонской ученой архивной коммиссіи.

Въ силу Высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1884 года Положенія комитета гг. министровъ о губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ, это учрежденіе имѣетъ цѣлью собраніе, изученіе и изданіе какъ историческихъ документовъ, извлекаемыхъ ею изъ мѣстныхъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ, такъ и всякихъ другихъ памятниковъ старины. Широкія полномочія въ распоряженіи архивами дадутъ херсонской ученой коммиссіи полную возможность обогатить мѣстную исторію забытыми фактами изъ прежней жизни этого края, хотя и недавней, но весьма интересной“.

На извѣщеніе его сіятельства о предполагаемомъ учрежденіи въ Херсонѣ ученой архивной коммиссіи первымъ отозвался высокопреосвященнѣйшій Іустинъ, архіепископъ херсонскій и одесскій. Высказавъ полное сочувствіе задачамъ и трудамъ архивной коммиссіи, владыка препроводилъ на нужды ея 100 руб. въ распоряженіе г. губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокопреосвященный архіепископъ Іустинъ пригласилъ къ участію въ трудахъ коммиссіи духовенство, преподавателей духовно-учебныхъ заведеній и учителей церковно приходскихъ школъ.

Г. попечитель учебнаго округа обратился съ такимъ же приглашеніемъ ко всѣмъ преподавателямъ среднихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній, а г. директоръ народныхъ училищъ—къ учителямъ народныхъ школъ.

Гг. предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ и городскіе головы также сочувственно откликнулись на извѣщеніе его сіятельства; нѣкоторыми земствами и городскими управленіями ассигнованы единовременныя пособія херсонской ученой коммиссіи.

Директоръ археологическаго института, Н. В. Покровскій, въ вѣдѣніи котораго состоятъ губернскія архивныя коммиссіи, увѣдомилъ его сіятельство, что „археологическій институтъ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ счастливую мысль объ учрежденіи въ Херсонѣ архивной коммиссіи. Какъ изобиліе историческихъ и археологическихъ памятниковъ, находящихся въ районѣ Херсонской губерніи, такъ и составъ лицъ, изъявившихъ желаніе принять участіе въ разработкѣ и сохраненіи этихъ памятниковъ и, наконецъ, благопріятныя матеріальныя условія, позволяющія немедленно приступить къ широкой постановкѣ дѣла, даютъ полное основаніе надѣяться, что буду-

щая херсонская архивная коммиссія займетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ коммиссій и принесетъ не малую пользу дѣлу сохраненія и изученія мѣстной старины" („Югъ").

Герцогскій архивъ въ Митавѣ. 27 мая въ залѣ губ. правленія состоялось, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія бар. А. Ф. Мейендорфа, открытіе дѣятельности учрежденной, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія отъ 17 іюля 1897 года, особой *Коммиссіи для выясненія содержанія дѣлъ, хранящихся въ герцогскомъ архивѣ*, а также для опредѣленія значенія сихъ документовъ въ историческомъ отношеніи. Членами коммиссіи состоятъ: отъ министерства военнаго—генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій, отъ м—ства юстиціи—тов. прокурора рижскаго окружнаго суда Хруцкій, отъ курляндскаго дворянства—бар. Эд. Фирксъ и отъ курл. Общества литературы и искусствъ—г. Дидрихсъ. Въ первомъ засѣданіи коммиссіи рѣшено прежде всего выяснить содержаніе дѣлъ архива, каковую работу взяли на себя баронъ Фирксъ и г. Дидрихсъ, которые предполагаютъ воспользоваться для этой цѣли извѣстнымъ каталогомъ Шимана, напечатаннымъ въ трудахъ рижскаго археологическаго съѣзда. Слѣдующее засѣданіе, какъ сообщаютъ „К. Г. В.", состоится осенью. („Рижск. В.").

Въ Ригѣ открыла свои дѣйствія Высочайше учрежденная **Коммиссія по приведенію въ извѣстность хранящагося въ рижскомъ замкѣ шведскаго архива.** Коммиссія состоитъ изъ предсѣдателя, назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, представителей министерствъ юстиціи и военнаго, а также представителей мѣстнаго дворянства и ученаго Общества (исторіи и древностей). Для занятій коммиссіи отведены въ рижскомъ замкѣ комнаты, въ которыя и перенесены изъ замковой башни составляющія шведскій архивъ книги (640 нумеровъ) и связки бумагъ (341 нумеръ). Весь матеріалъ, составляющій около 2.000 стопъ писанныхъ листовъ, въ громадномъ большинствѣ на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ и отчасти на латинскомъ и польскомъ, въ настоящее время зарегистрованъ. Программа изслѣдованія дѣлится на классификацію и научную оцѣнку матеріала. Документы относятся къ гражданскому и военному управленію и отчасти къ внѣшнимъ сношеніямъ Лифляндіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Классификація матеріала поручена членамъ коммиссіи гг. Бивеману и Бухгольцу, которые состоятъ въ то же время членами мѣстнаго ученаго Общества. („Лифл. Губ. Вѣд.").

V.

Библіографія.

M. Hoernes. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Chr. (Mit. 203 Abbildungen, I Farben—und 35 doppelseitigen Farben. Wien. 1898).

Обширное сочиненіе Гёрнеса (болѣе 700 стр.), изданное при содѣйствіи Вѣнской Академіи наукъ, имѣетъ задачей прослѣдить древнѣйшее развитіе въ Европѣ искусствъ (скульптуры, рѣзьбы, живописи, керамики, орнамента и т. п.), въ связи съ развитіемъ быта, вѣрованій и вообще культуры. Описывая, съ одной стороны, древности каменнаго, бронзоваго и начальнаго желѣзнаго вѣка, въ ихъ связи съ различными эпохами и съ различными странами Европы, и въ ихъ соотношеніи съ аналогичными древностями Во-

стока, авторъ стремится и къ болѣе обширной задачѣ—выяснить генезисъ образнаго искусства вообще, параллельно ходу развитія человѣческой культуры. Поэтому, рядомъ съ главами, посвященными орнаментикѣ, керамикѣ, бронзамъ, вы находите здѣсь и главы, въ которыхъ говорится объ анимизмѣ, матріархатѣ, тотемизмѣ и т. д. Подъ „Европой“ авторъ разумѣетъ, главнымъ образомъ, южную, западную и сѣверную Европу (Скандинавію); „странамъ къ сѣверу отъ Казказа“, скиѳамъ, урало-алтайскимъ бронзамъ онъ посвящаетъ всего 5—6 страницъ. Руководящею идеей книги служитъ убѣжденіе, что Европа, начиная съ неолитической эпохи, находилась подъ культурнымъ вліяніемъ Востока, которое отразилось прежде всего на микенскомъ искусствѣ, но которое можно прослѣдить отъ Египта и Крита до Ирландіи и Скандинавіи. Древнѣйшее религіозное искусство (создававшее особенно фигуры женщинъ и животныхъ), формы орнамента (особенно спираль, свастика и т. п.), простое и орнаментированное бронзовое оружіе—все это результатъ вліянія Востока чрезъ посредство европейскаго Юго-Востока (Греціи въ обширномъ смыслѣ); древнѣйшее культурное развитіе Италіи происходило всецѣло подъ чуждыми, заморскими, восточными вліяніями; съ своей стороны, искусство Италіи (проникнутое восточными элементами) дало толчокъ къ развитію искусства въ средней и сѣверной Европѣ и послужило основой гальштатской культуры. Одинъ изъ заключительныхъ выводовъ книги состоитъ въ томъ, что „Европа съ очень ранняго времени испытала культурное вліяніе Востока; но первобытная исторія Востока сходна съ европейскою, и воспріятіе чуждыхъ художественныхъ формъ доказываетъ ассимилирующую способность европейской культурной почвы“. Послѣднее выраженіе нѣсколько неопредѣленно, но такихъ, болѣе или менѣе неопредѣленныхъ выводовъ у Гернеса довольно много, и Сал. Рейнахъ отчасти правъ (въ его рецензіи, въ „L'Antropologie“, 1898, № 3)—упрекая вѣнскаго археолога въ „туманности стиля и мысли“ и въ „мозаичности“ его труда, сопоставляющаго разные факты и мнѣнія, но не анализирующаго ихъ часто достодолжнымъ образомъ, а пользующагося, главнымъ образомъ, тѣмъ, что способно подтверждать кажущуюся наиболѣе вѣроятной идею. Впрочемъ, и С. Рейнахъ (защищающій, какъ извѣстно, иные взгляды на древнѣйшія эпохи развитія искусства въ Европѣ) признаетъ важное значеніе труда Гернеса, способнаго быть настольной книгой археолога — по массѣ данныхъ, любопытнымъ сопоставленіемъ, обилію рисунковъ и т. д.; въ особенности важенъ отдѣлъ, посвященный Галльштатской культурѣ, превосходно знакомой Гернесу изъ многихъ личныхъ раскопокъ. С. Рейнахъ не совѣтуетъ однако издавать эту книгу во французскомъ переводѣ; „въ томъ видѣ, какъ она есть, ее не въ состояніи вынести ни одинъ французскій читатель“. Это намекъ на тяжеловѣсность изложенія и, мѣстами, неясность мысли, что, впрочемъ, отчасти объясняется, съ одной стороны, стремленіемъ къ обстоятельности изложенія и къ философской формѣ мысли, а съ другой—самимъ характеромъ археологіи, вынужденной строить свои выводы часто на недостаточныхъ еще матеріалахъ. *Д. А.*

Э. В. Тайлоръ.—Антропологія. (Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи). Пер. съ англ., д-ра Ивина. Изд. 2-ое, вновь исправленное по послѣднему англійск. изданію. Съ 78 рис. въ текстѣ. Спб. 1898.

Антропологія Тайлора давно уже обратила на себя вниманіе и была переведена почти на всѣ европейскіе языки. Этимъ она обязана своему интересному содержанію и общедоступному изложенію. Авторъ, извѣстный изслѣдователь примитивной культуры, преимущественно религіозныхъ вѣрованій и миѳовъ, старался сопоставить въ этомъ сочиненіи главнѣйшія данныя новѣйшей антропологіи и этнологіи съ точки зрѣнія теоріи эволюціи, т.-е. стараясь уяснить постепенный ходъ развитія и осложненія человѣческаго типа и культуры. Изъ 16 главъ четыре посвящены языку (и письменности) и четыре—„житейской техникѣ" (или матеріальной культурѣ), т.-е. развитію разныхъ типовъ орудій и оружія, посуды, способовъ добыванія огня, повозокъ, жилищъ, одежды и т. д.; первыя три главы говорятъ о древности человѣка, отличіяхъ его физическаго типа, расовыхъ особенностяхъ, а въ послѣднихъ пяти—разсматривается генезисъ изящныхъ искусствъ, науки, религіозныхъ представленій, миѳовъ и древнѣйшія или примитивныя стадіи развитія семьи и общества. Труды Тайлора дали вообще сильный толчокъ къ болѣе интенсивному изслѣдованію генезиса и развитія человѣческой культуры, и за послѣднія двадцать лѣтъ вызвали немало трудовъ по изученію разныхъ вопросовъ въ этой области. Къ сожалѣнію, въ послѣдующихъ изданіяхъ своихъ трудовъ Тайлоръ мало пользовался этой новѣйшею литературой, что примѣнимо и къ его „Антропологіи", которая, въ ея новѣйшемъ изданіи, является почти простою перепечаткою прежнихъ, съ немногими лишь незначительными исправленіями и дополненіями. Поэтому въ настоящее время книга Тайлора уже не можетъ имѣть того же значенія, какъ при первомъ своемъ появленіи, такъ какъ она не даетъ достаточно полнаго понятія о современномъ состояніи науки, но она, во всякомъ случаѣ, сохранила свою цѣнность, какъ „Введеніе" въ исторію культуры, написанное однимъ изъ выдающихся основателей этой отрасли изученія. *Д. А.*

Эд. Клоддъ.—Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды. Пер. со 2-го англ. изд. съ 87 рис. въ текстѣ. М. 1898.

Небольшая книжка, излагающая главнѣйшія данныя о „древнемъ" и „новомъ" каменномъ вѣкѣ и о древнѣйшемъ вѣкѣ металловъ, съ приведеніемъ нѣкоторыхъ аналогій изъ быта современныхъ дикарей и замѣчаній относительно времени появленія человѣка на землѣ и эволюціи человѣческой культуры. Нѣкоторыя цифровыя данныя, напр. относительно толщины пластовъ различныхъ геологическихъ періодовъ или продолжительности ледниковаго періода, могутъ возбуждать сомнѣніе въ достаточности фактовъ, на основаніи которыхъ они выведены. Переводъ вообще удовлетворителенъ, но мѣстами встрѣчаются неточности и шероховатости, напр. „Въ періодъ самаго мертвящаго холода, *онъ*, какъ саваномъ, окуталъ сѣверное полушаріе

вплоть до 50° с. ш. уравнивая и сглаживая его поверхность, царапая скалы“ и пр. Кто это *онъ?* Очевидно—ледъ, но о немъ не упоминается. Вмѣсто „кусокъ кремня съ отколотыми отъ него пластинками“ слѣдовало бы сказать; „ядрище (nucleus) съ отколотыми отъ него осколками“; вмѣсто „молотокъ-камень“—отбойникъ (percuteur), вмѣсто пещеры „Энжи“—Энгисъ или Анжи, вмѣсто пещеры „Спай“—Спи (Spy—въ Бельгіи), вмѣсто „Діодоръ Сикуллъ“—Діодоръ Сицилійскій; вмѣсто „ступочка для веретена“—пряслица, вмѣсто „рубчатый багоръ“—гарпунъ и т. д. Типъ и бытъ древнѣйшаго палеолитическаго человѣка описываются Клоддомъ довольно смѣло: „съ широко разставленными ногами (?) и изогнутыми берцовыми костями (?) онъ ходилъ переваливаясь (?); своей походкой онъ напоминалъ гориллу или кривоногаго человѣка (?). Его длинный черепъ оканчивался низкимъ и покатымъ лбомъ съ густыми нависшими бровями; плоскій носъ съ широкими ноздрями (?); слегка заостренныя уши (?); огромныя широкія челюсти, напоминающія пасть животнаго (?), снабженныя клыками на подобіе собачьихъ (?) и маленькій сплюснутый (?) подбородокъ. Вѣроятно, кожа была мѣдно-краснаго цвѣта (?), обросшая длинными прямыми волосами“ и т. д. Не менѣе смѣло и описаніе характера и быта, напр., что человѣкъ „съѣдалъ своихъ враговъ“ (?), что онъ „нырялъ въ воду и ловилъ рыбу руками, протыкая ей глаза пальцами“ (?), что онъ пользовался „остроугольными орудіями для распарыванія остововъ убитыхъ животныхъ“ (распарывать остовъ, т.-е. скелетъ нельзя), что „связки коры“ (?) служили ему лодкой, что онъ чертилъ „грубые рисунки на хинной (?) корѣ“ и т. п.

Д. А.

Al. Bertrand. Nos Origines. La Religion des Gaulois. Les Druides et le Druidisme. (Leçons professés à l'Ecole de Louvre en 1896. Paris. 1897).

А. Бертранъ занимаетъ нѣсколько особое положеніе въ средѣ французскихъ археологовъ. Онъ идетъ въ своихъ изысканіяхъ самостоятельнымъ путемъ, высказывая взгляды, которые иногда игнорируются его коллегами, но въ правотѣ коихъ онъ, тѣмъ не менѣе, остается убѣжденнымъ. Настоящая книга представляетъ оригинальные взгляды автора на религію галловъ. Онъ раздѣляетъ до-римскую религію Галліи на два періода: шаманистскій и кельтскій или галатскій. Въ шаманистскій періодъ Галлія находилась на культурномъ уровнѣ, соотвѣтствовавшемъ уровню примитивныхъ народовъ Сѣвера. Отъ этого періода сохранилось еще и теперь не мало пережитковъ. Но уже рано началось и арійское вліяніе, принесшее, между прочимъ, культъ солнца. Въ эпоху друидовъ въ Галліи (а также въ Англіи и Ирландіи) существовали религіозныя сообщества, на подобіе монастырей ламъ въ Тибетѣ и Монголіи. Авторъ говоритъ о мегалитическихъ памятникахъ, о культѣ камней, о различныхъ суевѣрныхъ пережиткахъ, о религіозныхъ символахъ (3 лекціи посвящены свастикѣ), о культѣ водъ и въ особенности подробно о друидизмѣ. Интересны данныя о религіозныхъ изображеніяхъ у галловъ (рогатый богъ, драконъ съ бараньей головой, богъ съ топорами, дву- и трех-

главые боги и т. п.). Вообще, если выводы автора во многихъ случаяхъ не болѣе, какъ гипотезы, то въ подробностяхъ его сочиненіе представляетъ много любопытнаго, между прочимъ и въ своихъ рисункахъ. *Д. А.*

A. Thieullen.—Les véritables instruments usuels de l'age de la pierre. P. 1897.

Извѣстно, что древнѣйшими каменными орудіями человѣка признаются находимыя въ палеолитическихъ отложеніяхъ, причемъ наиболѣе древними считаются орудія такъ наз. типа Шелль или Сентъ-Ашёль, встрѣчающіяся особенно въ древнихъ рѣчныхъ наносахъ сѣверной Франціи, Бельгіи, Англіи и т. д. Это—болѣе или менѣе крупныя орудія, оббитыя большей частью изъ кремня (рѣже изъ кварцита и другихъ горныхъ породъ) и имѣющія округленно-треугольную или овальную форму; оббиты они обыкновенно довольно искусно со всѣхъ сторонъ, и только у толстаго конца имѣется часто необбитое мѣсто, оставлявшееся, какъ думаютъ, для того, чтобы было удобнѣе держать такое орудіе рукою. Полагаютъ, что такія орудія, имѣющія острый конецъ (или лезвее) могли служить для удара, раскола и т. д., однимъ словомъ, играть роль кистеня, топора, кинжала и т. п. Позже появляются иныя формы орудій: острія, оббитыя только по краю и на одной сторонѣ, орудія съ характернымъ округленнымъ лезвеемъ, т. наз. скребла и скребки, наконечники копій и стрѣлъ въ формѣ лавроваго листа, проколки или шилья, долота, орудія изъ рога и кости и т. д., а въ неолитическую эпоху, съ усвоеніемъ искусства шлифовать камень, присоединяются еще полированные топоры, молотки и т. д., иногда превосходной отдѣлки, и различной величины отъ—вѣсомъ въ 5, или около того, фунтовъ и до миніатюрныхъ—не болѣе нѣсколькихъ граммовъ. О роли всѣхъ этихъ орудій мы можемъ заключать отчасти по сравненію ихъ съ болѣе поздними орудіями изъ металла, отчасти—сопоставляя ихъ съ каменными и костяными орудіями современныхъ дикарей, причемъ у этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ часто сходные типы, а иногда находимъ даже еще болѣе грубые инструменты — напр. изъ простыхъ кремневыхъ осколковъ, приспособленныхъ въ качествѣ наконечниковъ копій, ножей и т. п. А priori можно полагать, что и первобытный человѣкъ началъ съ утилизаціи попадавшихся ему камней и кремневыхъ осколковъ, и только постепенно сталъ придавать имъ болѣе опредѣленныя формы, совершенствуясь въ искусствѣ оббивки камня. Тѣмъ не менѣе, сказать, какіе именно осколки утилизировались первобытнымъ человѣкомъ, и какіе изъ этихъ осколковъ произошли отъ естественнаго распаденія кремневыхъ желваковъ или ядрищъ, напр. путемъ ихъ взаимнаго столкновенія (въ потокахъ и т. д.), а какіе отъ намѣреннаго раскола ихъ человѣкомъ—рѣшить это такъ трудно, что за подобную задачу до сихъ поръ никто и не принимался. Г. Тьёлланъ, между тѣмъ, задался именно этимъ вопросомъ. Онъ полагаетъ, что извѣстныя орудія типа Шелль, тщательно оббитыя острія и долота, прекрасно отполированные топоры, разныя миніатюрныя орудія, — что все

это продукты не зауряднаго искусства, а скорѣе предметы роскоши или имѣвшіе извѣстное религіозное и символическое значеніе (ихъ клали напр. въ могилы); обыденныя же орудія должны были имѣть болѣе простыя формы, доступныя для изготовленія каждому, причемъ число этихъ орудій, если принять во вниманіе, съ одной стороны, ихъ неуничтожаемость, а съ другой—огромный періодъ времени, въ теченіе котораго развивалась культура каменнаго вѣка,—должно быть громадно. Руководясь такимъ соображеніемъ, г. Тьёлланъ началъ собирать кремневые осколки какъ въ древнихъ рѣчныхъ наносахъ,—глинахъ, пескахъ, такъ и на берегахъ рѣкъ, дюнахъ, стоянкахъ неолитическаго вѣка и т. д., и, сравнивая ихъ между собою, скоро убѣдился въ повтореніи ими, съ небольшими варіаціями, однѣхъ и тѣхъ же формъ. Это—или небольшія острія (какъ бы грубые наконечники стрѣлъ или проколки), или маленькія орудія съ выемкой въ формѣ грубаго полумѣсяца („croissants"; они могли служить, по Тьеллану, для обтачиванія деревянныхъ палочекъ и т. п.), или имѣющія форму миніатюрныхъ долотъ, или въ видѣ широкаго треугольника съ выступающими боковыми углами (bicornes), въ видѣ загнутаго остріемъ долотца (biseau à bec), ножичка и т. п. Для того, чтобы показать, какъ всѣ эти формы, несмотря на ихъ безконечное разнообразіе, сводятся однако къ извѣстнымъ типамъ, авторъ иллюстрируетъ свою статью 21 таблицей, изображающими болѣе 400 такихъ примитивныхъ орудій. Сообщеніе г. Тьеллана, сдѣланное имъ въ Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ, не убѣдило, повидимому, спеціалистовъ; большинство археологовъ отнеслось къ нему скептически, и только секретарь Общества, г. Летурно, выразилъ мнѣніе, что, разсуждая à priori, необходимо допустить, что человѣкъ долженъ былъ начать съ простѣйшихъ осколковъ, которыми, вѣроятно, и продолжалъ пользоваться долго, а потому попытка уяснить себѣ простѣйшіе типы орудій палеолитическаго человѣка заслуживаетъ во всякомъ случаѣ вниманія. *Д. А.*

R. Virchow. Urgeschichtliche Kunde von Brünn und rothgefärbte Knochen aus Mähren und Polynesien. (Verhandl. d. Berlin. Authrop. Gesellschaft. 1898, S. 62).

Указаны находки окрашенныхъ въ красный цвѣтъ костей въ могилахъ неолитическаго періода и приведены свѣдѣнія о подобныхъ же окрашенныхъ черепахъ австралійцевъ и полинезійцевъ, находимыхъ, впрочемъ, сравнительно рѣдко.

P. Reinecke. Ueber einige Beziehungen der Alterthümer China's zu denen des skythisch-sibirischen Völkerkreises. (Zeitschrift für Ethnologie. Berlin. 1897. H. V).

Пользуясь китайскими археологическими сочиненіями, авторъ сопоставилъ съ китайскими древностями нѣкоторыя сибирскія и скиѳскія и пришелъ къ заключенію, что между ними есть очевидное сходство, указывающее на

древнее культурное вліяніе изъ Китая. Особенно ясно это вліяніе въ металлическихъ (мѣдныхъ или бронзовыхъ) зеркалахъ, въ котлахъ, въ мѣдныхъ ножахъ (съ кольцомъ на концѣ рукоятки и съ отогнутымъ подъ тупымъ угломъ черенкомъ) и — мечахъ (или длинныхъ кинжалахъ). Тѣмъ не менѣе, въ орнаментѣ китайское вліяніе почти не замѣтно, и животный орнаментъ въ особенности развился, по мнѣнію автора, скорѣе подъ вліяніемъ греческаго (черезъ скиѳовъ). Новѣйшее изученіе сибирскихъ древностей даетъ однако все болѣе и болѣе доказательствъ культурнаго вліянія съ юга, что можно отмѣтить какъ на нѣкоторыхъ, несомнѣнно китайскихъ и буддійскихъ предметахъ, найденныхъ даже за предѣлами Уфимской и Пермской губ., такъ и на нѣкоторыхъ мотивахъ украшеній и орнамента (напр., формахъ дракона и т. п.), хотя, несомнѣнно, что сюда распространялось также и вліяніе Персіи (особенно въ Сассанидскую эпоху) и Греціи (по крайней мѣрѣ въ Приуральскомъ-Пермскомъ краѣ и въ Зап. Сибири). *Д. А.*

Ю. Талько-Грынцевичъ. — Матеріалы къ палеоэтнологіи Забайкалья. (Изъ „Протоколовъ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общества за 1896 г.). Томскъ, 1897.

Въ статьѣ описана раскопка 34 древнихъ могилъ, одной на Дуренахъ, 13 въ Сухомъ Ключѣ, 10 въ станицѣ Ваганъ-Усунской и 10 въ Ильмовой кази по р. Суджѣ. Могилы расположены группами и отдѣльно, имѣютъ видъ небольшихъ кучъ камней и заключаютъ въ себѣ пепелъ, угли, обожженные камни, а иногда и обгорѣвшія кости. По всей вѣроятности, положивши покойника въ могилу, раскладывали на ней огонь, а затѣмъ забрасывали могилу камнями. Вещей найдено мало: нѣсколько горшковъ и черенковъ съ своеобразнымъ геометрическимъ орнаментомъ, каменный кружокъ, двѣ бронзовыхъ пряжки и нѣсколько обломковъ, желѣзныя ромбоидальныя стрѣлы, кольца и т. п. Среди череповъ оказалось нѣсколько длинныхъ, долихоцефалическаго типа и одинъ—крайній брахицефалъ, что указываетъ на смѣшеніе типовъ и на присутствіе въ древности, въ этой отдаленной части Азіи, также долихоцефаловъ, какъ и въ Европѣ. Къ брошюрѣ приложено 6 таблицъ плановъ и рисунковъ. *Д. А.*

Отчетъ о дѣятельности Симбирской губернской ученой архивной коммиссіи за 1897 г. Симб. 1898.

Дѣятельность коммиссіи въ отчетномъ году сосредоточена была главнымъ образомъ на подготовительныхъ работахъ къ предстоящему въ 1898 г. юбилею 250-лѣтія основанія г. Симбирска и на разборѣ рукописей историческаго архива, имѣющихъ войти въ составъ юбилейнаго сборника его трудовъ. Въ настоящее время приготовлено къ печати до 200 документовъ и матеріалы для исторіи Симбирскаго края, выбранные В. И Холмогоровымъ изъ строельныхъ писцовыхъ книгъ Патріаршаго Казеннаго Приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ мин. юстиціи. Между изданіями нынѣшняго года

имѣются вышедшая подъ ред. П. Л. Мартынова, „Книга строельная г. Симбирска“ и „Слѣды язычества въ домашнемъ обиходѣ чувашъ“ г. Виноградова. Предсѣдатель коммиссіи В. Н. Поливановъ предпринималъ археологическую экскурсію въ г. Курмышъ, члены: П. Л. Мартыновъ, В. Д. Красовскій и Д. И. Сапожниковъ въ с. Чириково, Симб. у.,—родовую вотчину покойнаго П. В. Анненкова, извѣстнаго литературнаго дѣятеля 40-хъ годовъ, а членъ Коммиссіи П. Ф. Филатовъ произвелъ раскопки на берегу Волги, около д. Палицыной. Г. Красовскій представилъ записку о рѣзныхъ изъ дерева и горельефныхъ изображеніяхъ святыхъ въ нѣкоторыхъ церквахъ Симбирск. у. Коммиссіею подготовляется археологическая карта губерніи. Въ архивѣ Коммиссіи состоитъ 310 грамотъ и рукописей, въ музеѣ — 4620 предметовъ древностей (3490 монетъ), въ библіотекѣ—860 названій книгъ. Почетныхъ членовъ числится 19, дѣйствительныхъ 121. *Д. А.*

Извѣстія Калужской ученой Архивной коммиссіи. Т. I, вып. 1—4. Калуга. 1898. (Изд. подъ ред. И. Д. Четыркина и В. М. Кашкарова).

Въ „Извѣстіяхъ“ помѣщаются болѣе крупныя статьи и „Хроника“. 1-ый выпускъ украшенъ двумя таблицами, изображающими Калужскій губернскій Историческій музей (домъ Марины Мнишекъ) и Успенскій соборъ въ г. Перемышлѣ Калужской г. Изъ статей укажемъ: „Къ исторіи открытія калужской епархіи“—М. П. Чельцова, „Городъ Перемышль“—В. М. Кашкарова и интересное „Предложеніе графа Остермана о гуманномъ обращеніи съ колодниками при допросахъ“ (Изъ дѣлъ мещовской воеводской канцеляріи)—С. Вагина. Во 2-мъ выпускѣ помѣщены статьи: И. Д. Четыркина „Значеніе глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ при раскопкахъ курганообразныхъ возвышеній на берегу Оки, вблизи Калуги“ (нѣсколько смѣлое сопоставленіе съ упоминаемымъ въ лѣтописи вложеніемъ костей „въ судину малу“ и поставленіемъ ея „на столпѣ на путяхъ“); „Синодикъ Покровскаго Добраго монастыря“—В. М. Кашкарова; „О документахъ М. Архива Мин. Юстиціи, относящихся къ Калуж. губ.“—Н. А. Конова. Въ 3-мъ выпускѣ имѣется статья И. Д. Четыркина: „Стеклянный сосудъ съ изображеніемъ морской баталіи“ (повидимому, начала XVIII в., съ рисункомъ) и П. И. Тихомирова—„Строгая ревизія“ (Эпизодъ изъ Калужской жизни начала XIX столѣтія; ревизія производилась Г. Р. Державинымъ). Въ 4-мъ выпускѣ помѣщено нѣсколько мелкихъ статей, составленныхъ отчасти по архивнымъ даннымъ, напр. Вагина—„Предосторожность отъ злодѣя Пугачева“, Прозоровскаго—„Къ исторіи закрытыхъ монастырей Калужской епархіи“, и др. и разныя археологическія „замѣтки“, въ томъ числѣ И. Д. Четыркина — „Нѣсколько словъ о „печати“ премудраго царя Соломона“. *Д. А.*

Протоколы засѣданій и сообщенія Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи. Годъ третій. Ташкентъ, 1897—98 г.—80 стр.

Въ этомъ выпускѣ два протокола (11 декабря 1897 г. и 12 января

1898 г.) и нѣсколько статей. Съ вопросомъ о каменныхъ бабахъ связаны три статьи: В. А. Каллаура—„Каменныя бабы въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ“; В. А. Мустафина — „Каменныя бабы“; В. П. Панкова — „Раскопка кургановъ близъ горъ Ауліеата“. В. А. Каллауръ, впервые (въ 1885 г.) открывшій каменныхъ бабъ въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ близъ Мерке и собравшій съ тѣхъ поръ коллекцію ихъ (пока при домѣ уѣзднаго начальника), ѣздилъ осенью 1897 г. на розыски каменныхъ бабъ въ горахъ Александровскаго хребта и сообщаетъ о результатахъ поѣздки со своей обычной сжатой и содержательной дѣловитостью. Бабы (до 19) оказались лишь на сѣверной сторонѣ хребта, въ ущельяхъ выходящихъ къ бассейну Мерке; онѣ стояли или въ углубленіи на вершинѣ кургановъ [1]), или у кургановъ; бывало до трехъ бабъ на одномъ курганѣ; курганы сложены изъ камня и земли.

В. А. Мустафинъ въ статьѣ „Каменныя бабы“ даетъ весьма обстоятельный обзоръ литературы и изслѣдованіе. Въ основу положенъ извѣстный трудъ графа А. С. Уварова, выводы коего приведены сполна. Далѣе, сосредоточиваясь на Семирѣчіи и Туркестанѣ, г. М. приводитъ данныя Потанина, Ядринцева, Радлова, Ивановскаго [2]), Аничкова, Каллаура, особенно подробно—Бартольда (Зап. Имп. Ак. Н., 1897, т. I, № 4) и опровергаетъ теорію г. Флоринскаго (томскаго)—въ чемъ, разумѣется, совершенно правъ. Выводы автора: 1) типъ — тотъ же, что „въ зап. Сибири и южной Россіи, т.-е. бабы эти держатъ въ рукѣ чашу, очень часто также и мечъ [3])“; 2) обработка грубѣе, деталей одежды меньше (почти нѣтъ?); 3) изображены большею частью мужчины; 4) каменныя бабы стоятъ преимущественно на курганахъ или вблизи ихъ; 5) курганы обыкновенно имѣютъ видъ усѣченнаго конуса, съ воронкообразнымъ углубленіемъ на плоской вершинѣ; 6) въ курганахъ находили костяки; 7) громадное большинство бабъ стояли лицомъ на востокъ, незначительное число—на западъ, единичныя (повидимому, сдвинутыя съ мѣста)—на югъ и сѣверъ; 8) менѣе древнія бабы несомнѣнно принадлежатъ тюркскому племени, ибо въ средѣ послѣдняго и теперь нашелся обычай постановки глиняныхъ бабъ (данныя А. А. Ивановскаго).

В. П. Панковъ,—Раскопка кургановъ близъ г. Ауліеата.

---

[1]) Объясненіе этого углубленія см. ниже, въ раскопкахъ В. П. Панкова.

[2]) Свѣдѣніями А. А. Ивановскаго г. М. пользовался черезъ статью Д. Н. Анучина въ словарѣ Брокгауза, т. XIV. Работа А. А. Иванова помѣщена: въ трудахъ междунар. Московскихъ съѣздовъ 1892 г. (по франц.) и въ протокол. Московскаго Археологическаго съѣзда 1890 г., т. IV (по-русски). Къ цитируемымъ г. М. работамъ прибавимъ: доклады Н. Е. Бранденбурга на Яросл. Археол. съѣздѣ 1887 г. и Междунар. Москов. съѣздѣ 1892 г. и докладъ Слуцкаго на Виленскомъ Археол. съѣздѣ 1893 г. Предстоящій въ 1899 г. Археол. съѣздъ въ Кіевѣ ставитъ вопросъ о каменныхъ бабахъ (перечень, снимки, объясненія).

[3]) Бабы, извѣстныя г. Каллауру въ Ауліеат. у. обыкновенно держатъ обѣими руками у пояса сосудъ (т.-е. положеніе рукъ то, которое преобладаетъ на югѣ Европейской Россіи); лишь двѣ бабы, отличаясь и грубостью отдѣлки, держатъ „сосудъ“ правой рукой на груди, а лѣвую у кинжала (у одной кинжалъ обнаженъ, у другой въ ножнахъ), т.-е. въ положеніи свойственномъ бабамъ Сибири.

Въ верстахъ въ 15 отъ города, въ мѣстности Джеты-курганъ, гдѣ тянется рядъ семи большихъ кургановъ и параллельно имъ—восьми малыхъ и среднихъ. Большіе семь построены по одной линіи, съ З на В, имѣютъ видъ полушара, на вершинѣ котораго довольно значительное воронкообразное углубленіе; высота ихъ 20 футовъ, нижняя горизонталь 25 саж. въ поперечникѣ. Каждый курганъ обнесенъ довольно отчетливо оградкой изъ 3-хъ рядовъ вертикально врытыхъ въ землю камней, высотою въ 3—4 вершка. Покойный Е. Ѳ. Каль прорылъ галлереями два большихъ кургана, въ одномъ спустившись ямой и подъ уровень мѣстности, а въ другомъ дойдя лишь до уровня. Курганы, повидимому клали слоями, перекладывая каждый слой камнями. Г. Панковъ принялся за недорытый курганъ Каля и, углубившись на полсажени подъ уровень мѣстности, нашелъ два огромныхъ камня, пудовъ по 8, продолговатые, нѣсколько плоскіе; повидимому, они были поставлены одинъ противъ другого, въ видѣ вертикальныхъ плоскостей, на разстояніи 2½ футовъ, при такой же высотѣ. Поверхъ ихъ „вѣроятно была покрышка, отъ которой впрочемъ никакихъ слѣдовъ не осталось; когда предполагаемая покрышка отъ времени уничтожилась, одинъ боковой камень отъ напора земли съ сѣверной стороны наклонился, упершись верхнимъ концомъ въ другой камень, найденный стоящимъ вертикально". Между камнями найдены лишь „какіе-то остатки въ видѣ толченой яичной скорлупы" (труха отъ костей?). Направленіе плоскости вертикальнаго камня съ запада на востокъ. Обратившись къ одному изъ малыхъ кургановъ, (состоявшему изъ камней съ землею) г. П. нашелъ фута на два подъ уровнемъ (гдѣ камней уже не было) съ восточной стороны трухлявыя кости черепа; нѣсколько глубже и западнѣе—двѣ скрещенныя, трухлявыя локтевыя кости и еще ниже остатки другихъ костей. Форма могилы цилиндрическая; повидимому, положеніе трупа было сидячее, спиною къ востоку. Г. Панковъ указываетъ, что „воронки надъ курганами, вершины которыхъ указываютъ на мѣсто нахожденія трупа, даютъ поводъ заключить, что трупы хоронились въ ямахъ, сверху перекрывавшихся; отъ разрушенія перекрышки земля проваливалась, и сверху кургановъ образовались воронки.

Нѣсколько статей посвящены Каталинскому уѣзду:

И. Н. Аничковъ. — О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каталинскаго уѣзда, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. Сюда принадлежатъ исчезающія развалины города Джанкента, разрушеннаго, вѣроятно, при Чингисъ-ханѣ; Бегимъ-муната (кирпичная башня - памятникъ) на берегу Аральскаго моря, на прежнемъ островѣ; муната Сараманъ-Коса, саженъ 15 высоты, за Куванъ-Дарьей, верстахъ въ 60 отъ города и 30 отъ Джанкента, далеко отъ моря, а по преданію лежавшая нѣкогда у моря; памятникъ святого Арстамъ-Баба близъ ст. Бикбаули—каменная, невысокая ограда близъ заваленнаго родника; туранговая роща Адамъ-ата у озера Джубанъ-куль; подмываемая водой мазарка Хархута. Далѣе идутъ статьи, посвященныя Джанкенту: *„Легенда о Джанкентѣ* (изъ Туркестанскихъ вѣдом. 1885 г., №№ 45 и 46), съ сообще-

ніемъ о раскопкахъ г. Александрова, списокъ *Статей о Джанкентѣ*, съ подробнымъ извлеченіемъ изъ *„Археологической поѣздки въ Туркестанскій край въ 1867 г. П. И. Лерха. СПБ. 1870“*, и въ заключеніе сообщеніе г. *П. Спиридонова — Поѣздка на развалины Джанкента* (въ 1897 г.), со схематическими чертежами плана крѣпости, разрѣза ея и разрѣза мѣстности отъ развалинъ крѣпости Джанкалы до Джанкента, на пространствѣ 6 верстъ (Мин-тюбэ—„тысяча холмовъ“).

Къ отдѣльнымъ сообщеніямъ принадлежитъ чтеніе и переводъ четырехъ арабскихъ надписей съ Янги-каукатскаго кладбища (см. Археол. Изв. и Зам., стр. 31; различія съ чтеніемъ М. О. Аттаи несущественны), и замѣтка г. Н. Маллицкаго *„О связи тюркскихъ тамгъ съ орхонскими письменами“*, гдѣ цитируется главнымъ образомъ трудъ Аристова: „Опытъ выясненія этническаго состава тюркскихъ племенъ“, 1894 г. и дается таблица 24 тамгъ, преимущественно киргизскихъ, и совершенно близкихъ къ нимъ орхонскихъ буквъ (одинъ изъ варіантовъ объясненъ и по аулеатинскимъ надписямъ); отрадны сообщаемыя попутно свѣдѣнія объ участіи молодежи (учениковъ учител. семин.) въ собираніи мѣстныхъ матеріаловъ. Въ заключеніе изданъ текстъ жалованной грамоты, данной Тимуромъ туркестанской мечети Хазрята Яссави. При выпускѣ двѣ таблицы: таблица письменъ и тамгъ и рисунки нѣсколькихъ бабъ и одной изъ мукаръ. *С. С.*

Добавленіе. Раскопки, произведенныя Кружкомъ въ 1897 г. въ Старомъ Ташкентѣ дали нѣсколько тѣхъ характерныхъ узко-горлыхъ кувшинчиковъ, изъ хорошо обожженной глины, которые приписываются туземцамъ „мугамъ“ (огне-поклонникамъ) и называются ими „мугъ-кузача“ [4]). Изъ случайныхъ раскопокъ въ г. Ташкентѣ и возлѣ него отмѣтимъ доставленные въ музей Кружка: глиняный горшочекъ изъ числа двухъ, стоявшихъ у плечъ одного случайно отрытаго костяка, и особенно два характерныхъ для края глиняныхъ урнъ-коробовъ [5]); одинъ изъ нихъ былъ доставленъ уже пустымъ, какъ это обыкновенно бываетъ, но другой добытъ со всѣмъ содержимымъ: необожженными костями, смѣшанными съ землею, и еще однимъ глинянымъ сосудомъ внутри. Небольшая величина такихъ гробовъ показываетъ, что въ нихъ могли быть положены только кости отдѣленныя отъ мяса и этотъ обычай отдѣленія костей отъ мяса засвидѣтельствованъ въ первой половинѣ VIII в. Ат-Табари и Наршахи: когда (739 г.) бухаръ-ханъ Тахшада и амиръ Бухары Василь были убиты дихканами, то Тахшада (огнепоклонникъ, противившійся введенію мусульманства) „сдѣлалъ завѣщаніе и черезъ часъ скончался; слуги его вошли, отдѣлили мясо, а кости перенесли въ Бухару“, какъ сказано въ Исторіи Бухары у Наршахи. (Докладъ Н. С. Лыкошина).

По поводу этихъ туркестанскихъ урнъ съ перемѣшанными костями и

[4]) А. И. и З., 1896, 243.

[5]) А. И. и З. 1896, 241. Ср. статью В. В. Бартольда „Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи“ (въ прекратившемся, къ сожалѣнію, „Средне-Азіатскомъ Вѣстникѣ“ Е. Т. Смирнова, 1896 г., іюнь).

сообщаемаго Нуршахи свѣдѣнія о мѣстномъ до-мусульманскомъ обычаѣ отдѣлять при погребеніи мясо отъ костей, любопытно отмѣтить подобные же факты на западѣ Европы, во время еще болѣе позднее. Э. Берто (Bertaux) въ статьѣ своей „Le tombeau d'une reine de France a Cosenza (Gazette des Beaux-Arts, 1898, p. 268) приводитъ выписки изъ современныхъ хроникъ о томъ, какъ было, „по старому обычаю“, при помощи варки отдѣлено мясо отъ костей короля французскаго Людовика Святаго и невѣстки его Изабеллы (1270—1271 года). О св. Людовикѣ Guillaume de Nangis пишетъ: „Li cors fu apparilliés et cuis. О королевѣ Изабеллѣ говорится: Elixa prius et qualibet carnositate mundata more majorum. Мясо торжественно погребалось на мѣстѣ, кости безъ торжественности хоронились во Франціи. *С. С.*

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за іюнь и іюль 1898 г.

Aarboger for nordisk obdkyndighed og historie, udgivne af det Kongelige Nordiske Oldskrift-selskab 1897. 11 raekne. 12 и 13 bind. 4 hefte и 1-я. 1898. Kjobenhavn.

Mémoires de la Société royale des Antiquaires du Nord. Nouvelle série. 1897. Copenhague. 1898.

Kongl. vitterhets historie ach antiqvitets Akademiens Månadsblad. 1894. Stockholm 1897—1898.

Antiqvarisk Tidskrift för Sverige, utgifven af kongl. vitterhets historie och antiqvitets Akademien. XVI, 4. Stockholm. 1898.

Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета. Кн. 13. Томскъ. 1898.

Писцовыя книги Рязанскаго края, изд. подъ редакціей члена Рязанской Ученой Коммиссіи В. Н. Сторожева. Изданіе Коммиссіи, т. I. Рязань. 1898.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1898. Май, іюнь, іюль. Петербургъ. 1898.

Н. Лашковъ. Синодикъ Воронинной пустыни 1662 г., принадлежащій Новгородскому музею древностей. Новгородъ. 1898.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXIV. 1898. Вып. 1-й. Петербургъ. 1898.

Вѣстникъ „Народнаго Дома“, вып. 5, 6 и 7. Львовъ. 1898.

Древности. Труды Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. I, вып. 1-й. Москва. 1898.

Rendiconto delle tornate e dei lavori dell'Accademia di archeologia, lettere e belle arti Società Reale di Napoli. Январь, февраль 1898. Napoli. 1898.

Сборникъ консульскихъ донесеній. Изд. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1898. III, вып. 1, 2-й. Петербургъ. 1898.

Университетскія Извѣстія. Изд. Императорскаго Университета Св. Владиміра. 1897 г., вып. 1—12 и 1898 г., вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6. Кіевъ. 1898.

В. М. Сысоевъ. Курджинскій курганъ и его древности. Брошюра.

Игуменъ *Киріонъ.* Обозрѣніе Карталинскихъ церквей Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ экзархомъ Грузіи, съ истор. археол. замѣчаніями члена-кор. Имп. Моск. Арх. Общ. Игумена Киріона.

Игуменъ *Киріонъ*. Святой Давидъ III Возобновитель, Царь Грузіи (1084—1125).

Руководство къ производству археологическихъ раскопокъ и храненію добываемыхъ при раскопкахъ предметовъ древности. Петербургъ. 1898.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова. Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ по матеріаламъ П. П. Сахарова. Изд. Костромской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Часть II. Петербургъ. 1898.

Отчетъ по Нерчинскому Публичному Музею и Нерчинской Городской Общественной Библіотекѣ за 1897 г. Нерчинскъ. 1898.

П. И. Василевъ. Археологическій указатель г. Пскова и его окрестностей. Петербургъ. 1898.

Mittheilungen des Anthropologischen Vereins in Schleswig-Holstein. Heft. 9. Kiel. 1898.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета, т. 72. Одесса. 1898.

Slovenské Pohlády. Časopis zábavno-poučný. Ročnik. XVIII. Sošit 6, 7. V. Turčianskow Sv. Martine. 1898.

Указатель къ Этнографическому Обозрѣнію. Кн. XVI—XXXI. Составилъ Г. И. Куликовскій. Москва. 1898.

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго Отдѣла Импер. Общ. Любит. Ест. Антр. и Этногр. № 4, 1897 г. и № 1, 1898 г. Москва. 1897, 1898.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. XXVIII Band. II—III Heft. Wien. 1898.

Free Museum of Science and Art. Departement of archaeology and paleontology. University of Pennsylvania. Bulletin, № 3. Philadelphia. 1898.

Jahresbericht der Felliner litterarischen Gesellschaft für die Jahre. 1890 — 1895. Fellin. 1898.

Щукинъ, П. И. Собраніе старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ Щукина. Ч. IV. Москва. 1898.

Протоколы засѣданій Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI Археологическаго Съѣзда, №№ 1, 2, 3.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. Годъ 55, книги V и VI. Казань. 1898.

Живая Старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Импер. Русскаго Геогр. Общ., вып. III и IV, г. 7. Петербургъ. 1898.

Д. Н. Анучинъ. Армяне въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніи. Москва. 1898.

Описаніе ризницы и библіотеки Черниговскаго Архіерейскаго дома. Изд. Братства Св. Михаила кн. Черниговскаго. Черниговъ. 1893.

Періодическо списание на Българско то книжовно дружество въ Срѣдецъ. Кн. 55—56. Срѣдецъ. 1898.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. VIII, № 4. Петербургъ. 1898.

Painátky Archaeologické a Místopisné. Organ Archaeologické komise při Ceské Akademii cisaře Františko Josefa pro vědy, slovesnost a umění a Archaeologického sboru Musea královstvi Cesného Dílu XVII, sešit IV, V, VI—VII и VIII; Dílu XVIII, sešit I—II. U Praze. 96—98.

Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1897. Riga. 1898.

Kwartalnik historyczny. Rocznik XII, zeszyt II—1898. We Lwowie. 1898.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1898 г., кн. III. Москва. 1898.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному Музею и Общественной Библіотекѣ за 1897 г. Минусинскъ. 1898.

Notizie degli scavi di antichitá, communicate alla R. Accademia dei Lincei. Marzo. 1898. Roma. 1898.

Л. М. Савеловъ. Библіографическій указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію россійскаго дворянства. Острогожскъ. 1898.

Его же. Матеріалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ, томъ I, вып. 1-й. Москва. 1894.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, № 28-й. Симферополь. 1898 г.

Národní Hlášnik. Ročník XXXI. Čislo 10, 11, 12. Turč. Sw. Martin. 1898.

И. Θ. Токмаковъ. Историко-статистическое и археологическое описаніе церкви во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, что въ Лефортовѣ, въ Москвѣ. Москва. 1898 г.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. Книга XXIII. Омскъ. 1898.

Записки Крымскаго Горнаго Клуба въ Одессѣ, № 5, 6. Одесса. 1898.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. IV. Калуга. 1898.

Годишнак. Српска Краљевска Академија, X, 1897. Београд. 1898.

Монастир Каленитч задужбина деспота Стефана Лазаревитча (1405—1427). Београд. 1897.

Глас Српске Краљевске Академије LIII. Други разред. 35. Београд. 1898.

Споменик XXXI. Други разред. 29. Београд. 1898 г. Српска Краљевска Академија.

Записки Наукового Товариства Імени Шевченка. Кн. II, III и IV, т. XXII, XXIII и XXIV. У Львові. 1898.

Показчик до записок Наукового Товариства Імени Шевченка, т. I—XX. Роки I—VI. У Львові. 1898.

Жерела до Історії України—Руси, видао Археографічна Комісия Наукового Товариства Імени Шевченка, т. IV. У Львові. 1898.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Импер. Юрьевскомъ Университетѣ, т. I. Юрьевъ. 1898.

Личный составъ Юрьевскаго Университета къ 10-му октября 1897 г. Юрьевъ. 1897 г.

Обозрѣніе лекцій Юрьевскаго Университета 1897 г. II семестръ, 1898 г. I семестръ. Юрьевъ. 1897—1898.

Богословскій Вѣстникъ, издаваемый Московскою Духовною Академіей. Сергіевъ Посадъ. 1898. Янв., февр., мартъ, апрѣль, май.

Приложеніе къ Обзору Самаркандской Области за 1896 г. Самаркандъ. 1898.

Eranos, acta philologica suecana. Upsaliae. 1897—1898. Vol. II, Fasc. 2, 3—4; Vol. III, Fasc. 1.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко, т. XVI. Нѣжинъ. 1898.

Труды Орловской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. 1. Орелъ. 1898.

Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, т. XX, вып. 1. Екатеринбургъ. 1898.

О. Поярковъ. Изъ археологическихъ экскурсій по Пишпекскому уѣзду и по берегамъ озера Иссыкъ-Куля. Пишпекъ. 1898.

Братское слово, № 5, 1898. Москва. 1898.

Schriften der Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg in Pr. 1897. Königsberg. 1897.

Записки Импер. Русск. Археол. Общества, т. X, вып. 1 и 2. Труды отдѣленія Славянской и Русской археологіи. Книга III. Петербургъ. 1898.

Труды Восточнаго Отдѣленія Импер. Русск. Археол. Общества, т. XXII. Петербургъ. 1898.

А. Марковъ. Каталогъ Джелаиродскихъ монетъ. Петербургъ. 1897.

Jennart Kjellberg. Asklepios. Mythologisch-archaeologische Studien. II. Upsala. 1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Подписка на 1898 годъ продолжается

для ежедневной литературной и политической газеты

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

„Виленскій Вѣстникъ“ попрежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на запросы мѣстной жизни, ея злобѣ дня въ области бытовой и экономической. Увеличивающееся постепенно число читателей, возрастающее количество сотрудниковъ изъ мѣстной интеллигенціи, служащее доказательствомъ развитія общественной жизни и роста интеллигенціи провинціи, облегчаютъ задачу газеты: редакція съ удовольствіемъ и благодарностью будетъ принимать заявленія и письма читателей, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, стараясь давать имъ широкое распространеніе, въ интересахъ общественной жизни.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обще-русскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго Отечества.

Въ **„Виленскомъ Вѣстникѣ“** читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны: беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни, **Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства**, печатаемыя одновременно съ столичными газетами; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Общественная жизнь г. Минска быстро растетъ и увеличивается интересъ къ ней публики. Въ виду этого 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, помѣщаются корреспонденціи изъ г. Минска, касающіяся разныхъ сторонъ его жизни.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются, на основаніи 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I, ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., *всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края*, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, **равносильны** объявленіямъ, печатаемымъ въ **Сенатскихъ Вѣдомостяхъ**.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета будетъ высылаться **безплатно** за декабрь.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 6 мѣсяцевъ	3 » — »	» 6 мѣсяцевъ	4 » — »
» 3 мѣсяца	1 » 80 »	» 3 мѣсяца	2 » 50 »
» 2 »	1 » 20 »	» 2 »	1 » 80 »
» 1 »	— » 70 »	» 1 »	1 » — »

Допускается разсрочка: годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 руб., 1 мая 3 р. и 1 сентября 2 руб.; городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 сентября 1 руб. Народнымъ учителямъ: на годъ 6 руб., 1 января 2 руб., 1 мая 2 руб. и 1 сентября 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ „Виленскаго Вѣстника“, на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора. Въ **Минскѣ** у М. К. Шоффера, Полицейская улица, въ книжномъ магазинѣ Фрумкина и Френкеля; въ **Ковнѣ**, въ книжномъ магазинѣ Оссовскаго.

Редакторъ-издатель **П. Бывалькевичъ**.

1898 г. №№ 9—10.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Нѣсколько интересныхъ образцовъ древне-русскаго искусства.

Нашъ древній Кіевъ, въ которомъ ведутся нынѣ весьма дѣятельно подготовительныя работы къ будущему XI Археологическому Съѣзду, созываемому съ 1 по 20 авг. 1899 г., весьма богатъ частными собра-

Рис. 1.

Рис. 2.

Энколпіонъ изъ собранія В. Б. Антоновича.

ніями, изъ коллекцій которыхъ обращу вниманіе любителей на нѣсколько крестовъ и другихъ предметовъ, интересныхъ по техникѣ и типамъ.

Изъ собранія Вл. Бон. Антоновича назову три предмета.

Крестъ энколпіонъ (рис. 1 и 2) вышины безъ петель въ 4,7 сант., найденный въ сел. Буки, Свирскаго уѣзда, Кіевской губ., на берегу р. Ростовицы, въ мѣстности, гдѣ въ княжеское время находился городъ Бакожинъ. Энколпіонъ мѣдный, литой, съ изображеніями на одной сторонѣ Спасителя, на другой—Богоматери, выложенными по очертаніямъ фигуръ серебряною тонкою полоскою, какъ бы врѣзанною въ узкую выемку, выбранную по мѣди. Фигуры представлены живыми, въ длинномъ одѣяніи и въ ростъ; очертанія рѣзкія и весьма ясныя въ чертахъ лица, что особенно замѣтно на ликѣ Спасителя. Простота очертаній не мѣшаетъ художнику варьировать въ выраженіи и формѣ лица, въ складкахъ одѣянія и въ движеніи фигуръ. Спаситель держитъ въ рукахъ раскрытое евангеліе; вѣнчикъ вокругъ главы круглый съ указаніями на крестообразность; у Богоматери руки приподняты на груди, съ ладонями обращенными къ зрителю—молитвенное расположеніе, извѣстное въ древнѣйшихъ христіанскихъ изображеніяхъ. На рукахъ креста, по сторонамъ фигуръ, греческія литеры. Энколпіонъ этотъ, по всему вѣроятію, принадлежитъ XI ст.

Рис. 3.
Часть энколпіона изъ собранія В. Б. Антоновича.

Часть энколпіона (рис. 3) почти равнобедреннаго (выш. 6,5, а шир. 6 сант.), происходящій съ городища с. Бѣлгородки, Кіевской губ., на берегу р. Ирпени, бывшій Бѣлгородъ въ эпоху великокняжескую. Энколпіонъ этотъ литой мѣдный, сохранившій слѣды позолоты, украшенъ по всей поверхности (срединный медаліонъ выломанъ) финифтью, расположенной византійскими лѣсенками, подражающими перегородчатой финифти, но вложенными безъ всякихъ перегородокъ по бѣлому фону въ углубленія, выбранныя весьма не глубоко по мѣди. Лѣсенки эти синяго и зеленаго цвѣта, весьма неакуратныхъ очертаній и ноздреватой финифти, выдающей тѣмъ самымъ свое русское происхожденіе, но имѣющей свое оправданіе въ томъ, что, укладываясь безъ необходимыхъ для правильности рисунка перегородокъ, обычныхъ въ предметахъ византійскаго дѣла, финифтяная масса должна была употребляться

болѣе или менѣе остывшею, что необходимо обусловливало ея ноздреватость.

Вторая и главная половина этого энколпіона хранится также въ Кіевѣ, но въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ. На ней изображено Распятіе съ фигурой Спасителя обнаженной, съ платомъ вокругъ чреслъ;

Рис. 4.
Мѣдная бляха съ орнаментомъ, изъ собранія В. Б. Антоновича.

на трехъ оконечностяхъ креста медаліоны съ предстоящими, на желтомъ фонѣ съ краснымъ ободкомъ, который замѣтенъ и вокругъ распятаго Христа *). Всѣ изображенія весьма попорчены, что не мѣшаетъ однакожъ замѣтить и здѣсь ноздреватость финифти и архаическій характеръ головъ.

*) Изображеніе этой половины, заказанное фотографу, еще не получено. Мы надѣемся помѣстить его рисунокъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Археологическихъ Извѣстій». *Ред.*

По типу Распятія крестъ этотъ не можетъ принадлежать болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ XII вѣкъ.

Мѣдная бляха (рис. 4) продолговатой листообразной формы (выш. 11,5, шир. 7,2 сант.), съ ушкомъ въ верхней, болѣе широкой части и со шпиньками на оборотѣ; бляха литая и украшена по фасу двумя рубчатыми ободками, между которымъ расположены круглыя выпуклины; остальная поверхность занята фантастическимъ орнаментомъ, которому обыкновенно придаютъ названіе скандинавскаго и который состоитъ изъ двухъ четвероногихъ звѣрей, перевитыхъ между собой не только изги-

Рис. 5.

Мѣдная круглая привѣска, съ изображеніемъ Богоматери. Изъ собранія В. В. Хвойко.

бами своего туловища, но и травянымъ орнаментомъ, исходящимъ изъ пасти животныхъ и перепутывающихъ лапы ихъ и туловище. Послѣднее покрыто еще самостоятельнымъ рисункомъ, состоящимъ изъ полосокъ, выведенныхъ тычкомъ, и спиральными завитками, расположенными на ляшкахъ животныхъ и той части головы, гдѣ долженъ находиться глазъ. Бляха эта пріобрѣтена В. Б. Антоновичемъ, покупкой, но найдена на городищѣ с. Городска, Радомышленскаго у., Кіев. губ., на рѣкѣ Тетеревѣ, въ мѣстности, гдѣ можно предполагать извѣстный по лѣтописямъ Городескъ.

Въ собраніи мѣстнаго любителя Вик. Вяч. Хвойко, чеха по происхожденію, но много поработавшаго за послѣдніе годы надъ древнѣйшею исторіею Кіева и готовящаго ко времени будущаго Съѣзда про-

странное изслѣдованіе о доисторическихъ стоянкахъ около Триполья, имѣется также значительное количество крестовъ, энколпіоновъ, образковъ и привѣсокъ, найденныхъ вокругъ Кіева. Изъ числа ихъ назову:

Мѣдную привѣску круглую, съ круглымъ припаяннымъ ушкомъ (діам. 7,5 сант.), напоминающую по формѣ, типу и размѣрамъ привѣски, составляющія части бармъ. Привѣска эта украшена по лицевой сторонѣ (рис. 5) изящнымъ пояснымъ изображеніемъ Богоматери, съ воздѣтыми руками въ видѣ древнихъ орантъ, съ плащемъ, перекинутымъ на спину, съ головнымъ уборомъ, перехваченнымъ повязкою вокругъ

Рис. 6.
Другая сторона той же привѣски.

головы, съ вѣнчикомъ и греческими литерами по обѣимъ сторонамъ его. Вокругъ изображенія двойной поясокъ изъ грани и траваного орнамента. Оборотная сторона привѣски (рис. 6), вѣроятно, позднѣйшаго штамба—украшена недодѣланнымъ изображеніемъ Распятія съ поясными медаліонами на всѣхъ четырехъ концахъ креста. Изображеніе Богоматери на главномъ фасѣ оралъ, вѣроятно, гораздо древнѣе оборотной стороны и должно быть причислено если не къ произведенію византійскаго искусства, то по крайней мѣрѣ къ русскому повторенію древняго византійскаго образца; Распятіе же на оборотной сторонѣ по своему характеру принадлежитъ, несомнѣнно, русскому дѣлу XIII ст.

Крестикъ (выш. 5, шир. 3,5 сант.) мѣдный, покрытый по обѣимъ сторонамъ разноцвѣтною финифтью (рис. 7 и 8). Финифть рус-

ская, ноздреватая, подражающая, какъ и вышеописанный энколпіонъ изъ собранія В. Б. Антоновича, рисункамъ византійской перегородчатой финифти. И тутъ ноздреватость финифти слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать тому обстоятельству, что она, укладываясь по поверхности креста безъ всякихъ перегородокъ, должна была, при соблюденіи

Рис. 7.

Рис. 8.

Крестикъ съ разноцвѣтною финифтью, изъ собранія В. Б. Хвойко.

большей или меньшей чистоты очертаній рисунка, употребляться въ охлажденномъ видѣ, что не могло не отозваться на чистотѣ производства и плотности массы. Одинъ фасъ креста (рис. 7) бѣлый, но не

Рис. 9.

Дробница съ эмалью и позолотой, изъ того же собранія.

Рис. 10.

Серебряный полый крестикъ изъ того же собранія.

чистаго цвѣта, съ лѣсенками—полными—синяго цвѣта и полулѣсенками краснаго цвѣта; въ синихъ лѣсенкахъ срединныя точки также красныя. Оборотная сторона (рис. 8): синій фонъ, полныя лѣсенки бѣлыя съ красными точками, полулѣсенки—красныя.

Дробница (рис. 9) мѣдная, весьма изящная по формѣ и сохра-

нившая въ выемкахъ слѣды красной финифти и густой позолоты въ мѣдныхъ частяхъ. Къ сожалѣнію, предметъ весьма испорченъ крестьянами-находчиками, принимавшими его за чистое золото. Дробница эта по формамъ и дѣлу напоминаетъ болѣе древнія привѣски такъ называемаго готскаго типа, выдѣлывавшіяся изъ золота съ уборомъ изъ гранатъ, чему должны были подражать позолоченныя переборки нашей дробницы и красная финифть, наполнявшая въ былое время всѣ выбранныя мѣста по ея поверхности.

Серебряный равнобедренный (одинъ рукавъ отломанъ) круглый полый *крестикъ* (4,5 сант.) покрытъ по всей поверхности орнаментомъ въ видѣ тонкой скани, съ выпуклыми ребрами по оконечностямъ, съ серебряной бусой на серединѣ и со слезками у перекрестья. (рис. 10).

Гр. Уварова.

II.

Свидѣтельство кардинала Гумберта (XI в.) о византійскихъ Распятіяхъ.

Знаменитый латинскій полемистъ XI в., посолъ папы въ Константинополь въ 1054 году, произнесшій въ храмѣ Св. Софіи отлученіе на Восточную церковь, кардиналъ Гумбертъ, въ обличительномъ посланіи, привезенномъ имъ въ Константинополь, упрекалъ грековъ между прочимъ въ томъ, quod hominis morituri imaginem affigitis crucifixae imagini Christi, ita ut antichristus quidam in cruce Christi sedeat, ostendens se adorandum, tamquam sit Deus.

Новые ученые, Гефеле, за нимъ Штокбауеръ, видятъ въ этихъ словахъ свидѣтельство о натурализмѣ въ изображеніяхъ Распятія, который будто бы былъ характеренъ для Востока, въ противоположность идеалистическимъ изображеніямъ Запада. Эти изслѣдователи съ одной стороны стараются подтвердить такое обвиненіе подысканіемъ примѣровъ восточныхъ и западныхъ, съ другой видятъ признаніе фактической обоснованности его въ словахъ отвѣтнаго посланія патріарха Михаила Керуларія: *ἐγκαλέσαντες ἡμῖν ἄλλα τέ τινα καὶ ὅτι τοὺς πωγώνας παραπλησίως ἐκείνοις ξυρᾶν καὶ τὴν κατὰ φύσιν ἀνθρώπου μορφὴν παρὰ φύσιν ἐξαλλάσσειν οὐκ ἀνεχόμεθα* (далѣе перечисляются, отдѣльными періодами, обвиненія: за брачность духовенства, за непріятіе Filioque и т. д., и слѣдуетъ

защита этихъ ученій и обычаевъ восточной церкви) [1]. Эти слова Гефеле въ сокращенномъ своемъ изложеніи передаетъ такъ: „упрекали-де грековъ, что они (ихъ священники) не брѣютъ бороды и не допускаютъ противно природѣ измѣнять природный человѣческій образъ (въ Распятіи)“ [2].

Н. В. Покровскій въ своемъ „Евангеліи въ памятникахъ иконографіи“, стр. 358—359, на основаніи изученія памятниковъ доказываетъ, что, напротивъ, византійскія изображенія Распятія отличались идеалистичностью и что реалистическій типъ, являвшійся на Востокѣ лишь въ зачаткѣ, именно западными художниками доведенъ былъ до крайности. Тутъ же онъ не менѣе справедливо указываетъ на крайнюю искусственность толкованія приведенныхъ словъ патріарха Михаила: въ дѣйствительности здѣсь „совсѣмъ даже нѣтъ рѣчи объ изображеніяхъ Распятія.... рѣчь идетъ о брадобритіи: греки не желаютъ подобно католическому духовенству брить бороды и черезъ то измѣнять естественный видъ человѣка“. Но Н. В. не подвергаетъ критикѣ толкованія, или перевода, сдѣланнаго по словамъ кардинала Гумберта, и полагаетъ, что свидѣтельство, хотя бы и невѣрное, все же было въ XI вѣкѣ произнесено [3]. Но и здѣсь слѣдуетъ ли принимать толкованія Гефеле на вѣру, и не иного ли рода археологическое указаніе скрыто въ словахъ кардинала Гумберта?

Мы думаемъ, что если признать переводъ указываемый Гефеле, то получается странность сугубая, и сугубая съ двухъ сторонъ. Папскій посолъ въ самомъ Константинополѣ, окруженный произведеніями визан-

---

1) Migne, CXX, стр. 737.

2) Все мѣсто Hefele, Conciliengeschichte IV, 776 (изд. 1879 г.): Einige gottlose aus Hesperien hätten die ganze orthodoxe Kirche Gottes mit Anathem belegt und es den Griechen zum Vorwurfe gemacht, dass sie (ihre Priester) den Bart nicht scheeren und die natürlich menschliche Gestalt (im Crucifixbilde) nicht natürwidrig *(παρὰ φύσιν)* verändern lassen, das Symbolum nicht verfälschen (Filioque) und den Priestern die Ehe gestatten.

3) «Точныя данныя въ видѣ значительнаго числа дошедшихъ до насъ вещественныхъ памятниковъ даютъ намъ возможность съ полнымъ безпристрастіемъ рѣшить одинъ изъ спорныхъ вопросовъ XI вѣка. Онъ возникъ въ эпоху вѣроисповѣдныхъ споровъ..., не имѣлъ археологической и даже точной фактической постановки и направленъ былъ къ цѣлямъ догматическимъ. Кардиналъ Гумбертъ обвинялъ грековъ между прочимъ въ томъ, что они изображаютъ Христа умирающимъ на крестѣ и такимъ образомъ изъ Распятія дѣлаютъ подобіе антихриста. Этотъ отзывъ кардинала легковѣрно подхваченъ нѣмецкими учеными Гефеле и Штокбауеромъ»... замѣтивъ и въ западныхъ, въ томъ числѣ въ нѣмецкихъ, памятникахъ слѣды двоякаго трактованія предмета, «Гефеле... — опять увлеченный Гумбертомъ—признаетъ идеальный типъ западнымъ, а натуралистическій объясняетъ греческимъ вліяніемъ»... «Упрекъ Гумберта относительно Распятія остался безъ отвѣта» (Труды VIII Археол. Съѣзда, т. I, стр. 358—59). Очевидно, у Н. В. Покровскаго переводъ словъ Гумберта остается тотъ же, что у Гефеле и Штокбауера, т.-е. приблизительно такой: «Вы придаете образъ умирающаго человѣка образу распятаго Христа, такъ что какой-то антихристъ сидитъ на крестѣ Христовѣ, выставляя себя на поклоненіе, словно онъ Богъ.

тійскаго искусства дѣлаетъ грекамъ упрекъ, лишенный точной фактической постановки, противный тутъ же на-лицо находящейся дѣйствительности; патріархъ можетъ отклонить упрекъ простымъ указаніемъ на окружающую дѣйствительность,—и греки ждутъ этого указанія и этой защиты до XIX вѣка. Но выходитъ и хуже: въ словахъ кардинала заключается явная ересь, ересь невѣроятная ни въ устахъ православнаго, ни въ устахъ латинина: кардиналъ думаетъ, что, „изображая Христа умирающимъ на крестѣ, греки такимъ образомъ изъ Распятія дѣлаютъ подобіе антихриста“.—Итакъ, Христосъ, по мнѣнію кардинала, не умеръ на крестѣ?—и патріархъ въ отвѣтномъ посланіи молчитъ и не обличаетъ своихъ противниковъ, по меньшей мѣрѣ, въ крайней формѣ докетизма?

Переходя къ латинскому тексту, мы видимъ, во-первыхъ, что, если признать данный переводъ, то слѣдуетъ допустить, что слово imago употреблено два раза рядомъ въ двухъ разныхъ значеніяхъ, и что фраза вслѣдствіе этого запутана странно и безъ всякой нужды; во-вторыхъ, что если въ первомъ случаѣ принять для imago (образъ) значеніе „выраженія“, то является страннымъ сочетаніе imaginem affigere — „прикрѣплять, придѣлывать выраженіе“; въ-третьихъ, что слово „moriturus“ переведено неточно.

Moriturus не есть ни moriens (настоящее время)—умирающій, ни болѣе сильное moribundus—находящійся въ агоніи (долгой или краткой): moriturus (будущее время) есть — имѣющій умереть, ожидающій смерти, готовящійся къ ней, предвидящій ее, но еще не захваченный ею. Ave Caesar, morituri te salutant—„Здравствуй, Кесарь, идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя“ —восклицали цвѣтущіе крѣпостью гладіаторы передъ борьбою. Всякій, кто дѣлаетъ духовное завѣщаніе, признаетъ себя moriturum. Въ данномъ случаѣ moriturus есть человѣкъ, которому смерть предстоитъ въ будущемъ, но который еще не прославленъ смертью и которому, слѣдовательно, рано еще быть изображеннымъ на святомъ крестѣ: „къ распятому изображенію Христа вы присоединяете изображеніе человѣка, имѣющаго умереть (т.-е. еще не умершаго, современника вашего), такъ что на крестѣ Христа сидитъ какой-то антихристъ, выставляющій себя на поклоненіе“.

Предлагаемый нами переводъ, конечно, можетъ имѣть полную убѣдительность только тогда, когда будутъ указаны памятники ему соотвѣтственные: т.-е. будутъ указаны кресты съ изображеніемъ Распятія, а внизу его или на крылахъ креста, или на оборотной сторонѣ—съ изображеніемъ соорудителя.

Извѣстны изображенія святыхъ на крестѣ Христовомъ: Богоматери, Іоанна и т. д., и въ русскихъ курганныхъ крестахъ (слѣдова-

тельно, эпохи около XI вѣка), изображенія, напримѣръ, св. Николая, св. Бориса на обратной сторонѣ креста. Извѣстны византійскія изображенія прославленныхъ почившихъ императоровъ на крестѣ Господнемъ (особенно Константина и Елены). Но изображался ли когда на крестѣ живущій императоръ? Мы не знаемъ ни одного подобнаго памятника [4]), но здѣсь это вѣское затрудненіе не представляется намъ непреоборимымъ: 1) памятники *не противорѣчатъ* нашему предположенію; 2) время существованія предполагаемыхъ изображеній могло быть очень краткимъ. Во времена Гумберта такія изображенія могли быть новшествомъ и притомъ новшествомъ, которое не одобрялось и греческимъ духовенствомъ: патріархъ, не возражая на этотъ упрекъ латинянъ, какъ бы признаетъ и фактичность, и справедливость упрека; возможно, что и самое обличеніе Гумберта содѣйствовало прекращенію этого новшества.

Съ реальной стороны, въ объясненіе упрека Гумберта, мы могли выставить одни предположенія. Но мы полагаемъ, что предлагаемый нами переводъ есть естественный и прямой переводъ латинской фразы и что съ принятіемъ его устраняется необходимость влагать ересь въ уста римскаго кардинала и предполагать невѣроятное молчаніе со стороны православнаго патріарха. *С. Слуцкій.*

Добавленіе. Товарищъ мой, А. Ю. Нутъ, классикъ по спеціальности, ознакомившись съ моею замѣткой въ рукописи, возражаетъ, что, при всей странности и непонятности первой части разбираемой фразы, вторая часть, по его мнѣнію, несомнѣнно указываетъ, что на крестѣ предполагается изображеннымъ одно лицо, а не два (иначе было бы, напримѣръ, сказано: ita ut *etiam* antichristus quidam); что, слѣдовательно, и въ первой части надо видѣть указаніе на одно лицо, т.-е. „Христу придано выраженіе умирающаго человѣка“ (хотя morituri остается страннымъ), при чемъ удареніе, вѣроятно, предполагалось на *hominis*, а не на morituri: т.-е., по мнѣнію Гумберта, слишкомъ человѣченъ видъ Христа въ греческихъ распятіяхъ. Считаю долгомъ привести это возраженіе, хотя не считаю и его неопровержимымъ (именно допускаю здѣсь возможность пропустить etiam) и желалъ бы вызвать указанія съ археологической точки зрѣнія [5]).

---

[4]) Хотя въ иныхъ случаяхъ возможно сомнѣніе; такъ, относительно складного креста изъ собранія Б. И. Ханенка въ Кіевѣ (изданъ въ Арх. Изв. 1898 г., стр. 160—161) возможно спросить себя: не портреты ли семьи—и умершихъ (въ нимбѣ), и живыхъ членовъ—изображены на обратной сторонѣ креста?

[5]) Редакція не можетъ высказаться въ пользу остроумнаго толкованія, придуманнаго С. С. Слуцкимъ (*moriturus* въ смыслѣ *mortalis* представляется ей крайне сомнительнымъ); но все же оно кажется ей гораздо болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ толкованіе общепринятое.

III.

Каменная баба въ Чехіи.

Профессоръ Ю. А. Кулаковскій въ № 7—8 „Извѣстій“, подводя итогъ мнѣніямъ ученыхъ о бабахъ, между прочимъ призналъ за несомнѣнное принадлежность бабъ русскаго юга Тюркамъ (стр. 238).

Въ виду этого мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе археологовъ на разсказъ XVII в. о каменной бабѣ въ Чехіи, нѣсколько лѣтъ назадъ перепечатанный въ Časopis'ѣ Чешскаго Музея (1891 г., стр. 417).

Въ книгѣ Болелуцкаго „Rosa Boëmica“, 1668 г., мы читаемъ: Strakona civitas (=деревня Страконицы) annos non ante multos idolum quoddam vidit et mirabatur. Post arcem s. Procopii... juxta viam... ad silvam... rude quoddam saxum oblongum pluribus annis steterat, justam quidem hominis mensuram quodam modo praeferens, sed mancum et acephalum ad instar cylindri, truncum potius informem, quam statuam repraesentans. A summo, quo pectus ab humeris descendit, scurrilis et barba cujuscunque bubulci manus supercilia, oculos, nasum, os et mentum clavo vel quocunque alio ferro rudi Minerva sculpsit, mammas etiam muliebres adjecit, per quas foemineum sexum, ad omnem novitatem et superstitionem facilem, ad novum cultum pelliceret. Utero praegnanti tumet illud saxum, quasi parturiens foetum, ex quo manavit opinio deam hanc parturientibus adjutricem esse... Perduravit rusticus hic error inter idiotas ad annum 1659, quamdiu superioribus ignotus fuit. Postquam detectum esset malum,.. loco mota et in arcem curru devecta est hodieque in arcis area... humi jacens et huc usque parturiens ab omnibus conspicitur.

Болелуцкій на стр. 200 предлагаетъ рисунокъ этой бабы.

Изъ его книги и изъ документовъ архіепископскаго архива въ Прагѣ 1656 г. видно, что въ то время о бабѣ ходили въ народѣ разные разсказы. Говорили, что она—окаменѣвшая беременная женщина, проклятая священникомъ за то, что при встрѣчѣ выказала непочтительность къ св. Дарамъ; что когда пастухи ее сдвинули и опрокинули, одинъ крестьянинъ услышалъ отъ нея человѣческій голосъ, съ приказаніемъ поставить ее опять на прежнее мѣсто, и съ угрозами; что другой крестьянинъ былъ наказанъ ею болѣзнью за безпокойство и потомъ боялся проходить мимо нея ночью.

Изъ документовъ видно еще и то, что баба пользовалась въ округѣ большимъ почитаніемъ. Беременныя женщины къ ней сходились и съ разными обрядами клали ей одежду, пояса, деньги и восковыя свѣчи.

А. Соболевскій.

IV.

Археологическая хроника.

Черепъ князя Владиміра Васильковича.

Извѣстно, что въ восьмидесятыхъ годахъ проф. Праховымъ были произведены раскопки въ нынѣ возобновляемомъ Мстиславовомъ соборномъ храмѣ въ Владимірѣ-Волынскомъ. Въ одной изъ аркосолей этого древняго храма была, между прочимъ, тогда вскрыта княжеская могила съ черепомъ, нижняя челюсть котораго повреждена бывшею на ней язвой. Черепъ этотъ, взятый профессоромъ изъ гробницы, былъ тогда же привезенъ въ Кіевъ и признанъ мѣстными учеными за черепъ князя Владиміра Васильковича, умершаго, какъ извѣстно по лѣтописямъ, отъ рака на нижней челюсти и похороненнаго въ Мстиславовомъ храмѣ. Московскому Предварительному Комитету по устройству XI Археологическаго Съѣзда, имѣющаго въ виду, главнымъ образомъ, разработку древностей Волыни, казалось необходимымъ разыскать интересный и вполнѣ датированный княжескій черепъ, которому во всякомъ случаѣ было не мѣсто въ частномъ собраніи. Поиски, предпринятые Комитетомъ, привели къ слѣдующимъ результатамъ, которые заносимъ на страницы журнала ради сохраненія извѣстія для будущаго времени и будущихъ изслѣдователей. Черепъ князя Владиміра Васильковича и другой черепъ, предположительно князя Василько, были взяты обратно изъ собранія Прахова предсѣдателемъ Владимірскаго Братства Е. Н. Дверницкимъ и отвезены въ Владиміръ-Волынскъ, гдѣ положены въ деревянный ящикъ вмѣстѣ съ найденными при нихъ костями и замурованы въ стѣну Мстиславова храма, служащую основаніемъ аркосоли, возлѣ которой были найдены гробницы князей. При началѣ работъ, предпринятыхъ по возобновленію храма, по распоряженію архіерея, строительною коммиссіею вынесены изъ храма и его склеповъ всѣ кости, за исключеніемъ хранящихся въ упомянутомъ ящикѣ. По увѣренію предсѣдателя коммиссіи, протоіерея Андреевскаго, кости и черепа князей Василько и Владиміра только переложены въ другой ящикъ въ формѣ гроба и оставлены въ той стѣнѣ, гдѣ были установлены почтеннымъ предсѣдателемъ Братства и первымъ радѣтелемъ о возвращеніи княжескихъ останковъ на прежнее ихъ мѣсто. Желая убѣдить Московскій Предварительный Комитетъ въ вѣрности сообщаемыхъ ему свѣдѣній, Е. Н. Дверницкій испросилъ у строительнаго Комитета дозволеніе еще

разъ вскрыть стѣнку и ящикъ съ костями, причемъ оказалось, что черепъ князя Василько изломанъ, во время, вѣроятно, перекладки его изъ ящика въ ящикъ, что въ ящикѣ оказалось отъ перекладки много постороннихъ костей, не принадлежащихъ княжескимъ могиламъ, но что черепъ князя Владиміра Васильковича съ нижнею поврежденною ракомъ челюстью совершенно цѣлъ. Е. Н. Дверницкій завернулъ черепъ этотъ въ бумагу, положилъ обратно въ ящикъ, который при немъ былъ снова замурованъ въ стѣну храма. *Гр. Уварова.*

Справка 1601 года о библіотекѣ Іоанна III *).

I. Письмо Льва Сапѣги къ Клавдію Рангони, нунцію въ Польшѣ. (Archives Doria, fonds Aldobrandini, 11 A. Lettre de Léon Sapieha à Claude Rangoni, nonа de Pologne (copie):

.... „In negotio Jll-mi C-lis S-ti Georgii R-do, Petro Arcudio imposito, de quâdam bibliotheca graeca apud Moscos inquirendi, summam ea in re curam adhibui, sed prout ex ipsis primariis senatoribus intellexi, nulla unquam eiusmodi bibliotheca in Moschovia extitit, et primo quidem more suo perplures esse libros graecos apud suum Patriarcham iactitarunt, verum cum diligentius institi, praecise negarunt se ullam bibliothecam celebrem, neque ullos graecos libros praeter paucos ecclesiasticos nimirum psalteria, libros epistolarum B. Pauli, evangeliorum caeterosque huiusmodi habere. Nullae enim scholae publicae et academiae in Moscovia extant, et qui graecam linguam probe calleant nulli vel admodum pauci iique transfugae reperiuntur...

Datum Mozaisko, 16 martii 1601.

(Переводъ). .... „Въ дѣлѣ свѣтлѣйшаго кардинала Сан-Джоржо, возложенномъ на достопочтеннаго Петра Аркудія, — справиться у москвичей о нѣкоей греческой библіотекѣ, — я приложилъ въ этомъ дѣлѣ крайнее стараніе, но, какъ слышалъ отъ самихъ главныхъ сенаторовъ, никакой такого рода библіотеки въ Москвѣ никогда не было; сначала-то они, по обычаю своему, хвастали, что очень много греческихъ книгъ у ихъ патріарха, но когда я тщательнѣе настоялъ, то опредѣленно отрицали, чтобъ у нихъ была какая-либо знаменитая библіотека, ни какія-либо греческія книги, кромѣ немногихъ церковныхъ, какъ, конечно, псалтырь, книга посланій блаж. Павла, евангелій и другихъ этого рода.

---

*) Заимствуемъ эту любопытную новинку изъ изслѣдованія С. А. Бѣлокурова: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI ст.» (см. ниже въ отдѣлѣ Библіографіи). Копіи съ этихъ писемъ сообщены г. Бѣлокурову о. Павломъ Пирлингомъ.

Ибо въ Москвѣ нѣтъ никакихъ общественныхъ школъ и академій, а знающихъ какъ слѣдуетъ греческій языкъ не находится совсѣмъ, или очень мало, да и то перебѣжчики...

Писано въ Можайскѣ, 16 марта 1601.

II. Письмо Петра Аркудія къ кардиналу Санъ-Джорджо. (Archives Doria, fonds Aldobrandini, 11 A. Lettre de Pietro Arcudio au Cardinal San-Giorgio (autographe).

La libraria greca che certi huomini dotti suspicano che se ritrovi in Moscovia per grandiligenza che facessimo, adoperata anqo l'autorità del Sr. Cancilliero non fù mai possibile di saperne che ella qualche volta ci sia stata. Imperoche dimandando il Sr. Cancillier i loro primi senatori, se haverano quantità de libri, et havendo consuetudine li Moscoviti di rispondere che d'ogni cosa n'hano grande abundantia, cusi dissero anco che haverano molti libri appresso il loro Patriarcha, et dimandando che libri, dissero psalterii, epistolarii, evangelii, menei, et in somma libri di chiesa per ufficiare, et facendo instanza il Sr. Cancelliero di sapere se il loro Duca havera veruna libraria greca, precisamente lo negarono che non vi era. Io anco nel pallazo dimandando non pochi cortegiani suoi, per interpretem, et anco molti Greci della natione, che servono al principe, mi dissero che veramente non ci era simile libraria.

Et io l'ho molto verisimile, impero che se bene li Moscoviti fano professione di osservar la religione greca, nondimeno in molte cose discrepano et in moribus toto coelo dissident. Ne posso credere che i'imperator de Greci tralasciando li Latini l'humanità de queli et cortesia haveva molto bene proveto, havesse voluto ricorrere de un cosi barbaro.

Di que si vede che anco li huomini greci dotti et di queletu momento di quel tempo, come Theodoro Gaza, Argyropulo, Trapezuntio, Chrysolora et altri simili hebero refugio in Italia. Anzi il fratello del Imperatore, che si chiamaro con questo titulo di Despota, che vol dire per eccellentia Signore, porto seco la testa del glorioso Apostolo Andrea, et sene vene a Roma. L'istesso fecero doppo al tempo di Papo Leone dui fratelli Lascari, Musuro et altri homini dotti.

Di più in quel tempo il Duca di Moscovia non era in tanta grandeza, come si può chiaramente vedere dell'historie, ma era tributario dil Tartaro, che novamente era comparso in questi paesi, et pose terrore in tutta l'Europa, et con tanta vile servitù era tributario, che andavo incontro all'Ambasciatore del Tartaro, et gli offerira da bevere il late di cavallo, essendo questa bevanda molto grata a Tartari, che se per aven-

tura cascava qualche giocciola, con la propria lingua la lecava in segno di honore et timore. Di più soleva estendere una preciosa veste sabellina, quale calcava il Tartaro nostre (?) legeva le lettere del suo principe, et il Moscovita era obligato dargli gente etiamdio quando faceva guerra a principi christiani.

Primo che si liberò da simil servitù fu Ioanne Basilida, il quale prima per difesa da Tartari aedificò la forteza di Mosca, la qual nondimeno fù fabricata l'anno 1491 de un certo Pietro Antonio Solario, Milanese, come appare scritto con lettere latine sopra la porta di essa forteza. Et Constantinopoli fu presa inanzi a questo tempo. Come dunque è verisimile che l'imperator de Greci a simil Duca, che viveva in tanto et cosi continuo timore, havesse mandato cose preciose o librarie.

La onde io penso che una buona parte de libri graeci in quel tempo si siano transportati in Italia, massime che Sisto quarto quale fu promotto dal Card-le Bessarione, et fu suo theologo in humiliori fortuna, per persuasione dell'istesso cardinale ha redunato o almeno grandemente augmentata la libraria Vaticana, laquale si chiamava anco Sistiana. Ne senza causa è depinto il Car-le Bessarione in essa...

Da Mosaisco, li 16 marzo 1601.

(Переводъ): „О греческой библіотекѣ, о которой нѣкоторые ученые люди подозрѣваютъ, что она находится въ Москвѣ,—при всемъ нашемъ великомъ стараніи, и также съ помощью авторитета г. канцлера, не было никакъ возможно узнать, чтобъ она находилась когда нибудь здѣсь. Ибо когда г. канцлеръ спросилъ первыхъ сенаторовъ ихъ, есть ли у нихъ большое количество книгъ, то москвичи, имѣя обычай обо всемъ отвѣчать, что у нихъ великое его изобиліе, и здѣсь сказали, что у нихъ много книгъ у патріарха; а когда спросилъ: какія книги, сказали: псалтыри, посланія, евангелія, минеи и вообще церковныя служебныя книги; когда же г. канцлеръ настаивалъ, есть ли у ихъ великаго князя дѣйствительно греческая библіотека, они опредѣленно отрицали существованіе таковой. Я также въ домѣ спрашивалъ не малое число изъ стражи (свиты) своей[1]), черезъ переводчика, и также многіе греки, по происхожденію, служащіе князю мнѣ говорили, что, по правдѣ, нѣтъ такой библіотеки.

И я считаю это весьма правдоподобнымъ, ибо если московиты и исповѣдаютъ сохраненіе греческой религіи, то тѣмъ не менѣе они во многомъ отличаются отъ нихъ, а въ нравахъ расходятся со всѣмъ свѣтомъ. Не могу повѣрить, чтобы императоръ греческій, миновавъ латинъ,

[1]) Слѣдуетъ читать: *его*: *suoi*, очевидно, относится къ *Duca*. *Ред.*

образованность и свѣтскость которыхъ была отлично засвидѣтельствована, пожелалъ бы прибѣгнуть къ такому варвару.

Затѣмъ, извѣстно, что и ученые и значительные греки того времени, какъ Ѳеодоръ Газа, Аргиропуло, Трапезунтій, Хризолора и другіе подобные, имѣли убѣжище въ Италіи. Такъ и братъ императора, именующійся этимъ титуломъ *деспота,* который значитъ по преимуществу господинъ, несетъ [2]) съ собою главу славнаго апостола Андрея и съ нею уходитъ [3]) въ Римъ. То же сдѣлали во время папы Льва два брата Ласкари, Музуро и другіе ученые люди.

Далѣе, въ то время в. кн. Московскій не былъ въ такомъ величіи, какъ можно ясно видѣть изъ исторіи, но былъ данникомъ татарскаго хана, который недавно явился въ тѣ страны и навелъ ужасъ на всю Европу, и былъ данникомъ со столь низкимъ рабствомъ, что выходилъ навстрѣчу посланника ханскаго и предлагалъ ему пить кобылье молоко, такъ какъ это питье весьма любимо татарами, и если посланникъ нечаянно проливалъ нѣсколько капель, то (князь) собственнымъ языкомъ подлизывалъ ихъ въ знакъ почета и страха. Кромѣ того обыкновенно постилали соболій мѣхъ, на который посланникъ становился, читая письмо своего государя; а Московскій государь обязанъ былъ давать людей, даже когда ханъ воевалъ противъ христіанскихъ князей.

Первый освободился отъ подобнаго рабства Иванъ Васильевичъ, который впервые, для защиты отъ татаръ, воздвигъ крѣпость Московскую, каковая все же была построена въ 1491 году нѣкіимъ Петромъ Антоніемъ Соляріемъ, миланцемъ, какъ явствуетъ изъ надписи латинскими буквами надъ воротами этой крѣпости. И Константинополь былъ взятъ также въ это время [4]). Такъ какъ же правдоподобно, чтобы императоръ греческій ввѣрилъ драгоцѣнныя вещи или библіотеки подобному государю (Duca), который жилъ въ столь великомъ и почти постоянномъ страхѣ?

Отсюда я думаю, что добрая часть греческихъ книгъ въ то время была перенесена въ Италію, въ особенности, что Сикстъ IV, который былъ подвигнутъ кардиналомъ Виссаріономъ и былъ его ѳеологомъ въ болѣе скромномъ положеніи, по убѣжденію сего кардинала собралъ или по меньшей мѣрѣ въ великой степени увеличилъ библіотеку Ватиканскую, которая называлась также Сикстіанской. Не безъ причины написанъ въ ней кардиналъ Виссаріонъ...

Изъ Можайска, 16 марта 1601".

---

[2]) *Portò*—принесъ.

[3]) Ушелъ.

[4]) Слѣдуетъ перевести *раньше* (innanzi) того времени. *Ред.*

Городище при с. Порѣчьѣ, Одоев. у., Тульской губ.

Въ средней Россіи вообще еще мало произведено изслѣдованій по части доисторическихъ памятниковъ, что же касается Тульской губерніи, то, сколько мнѣ извѣстно, на всей площади ея, до настоящаго года изслѣдованій строго научныхъ не производилось вовсе, за исключеніемъ прошлогоднихъ раскопокъ члена Имп. Моск. Археологическаго Общества Городцова, который обслѣдовалъ и раскопалъ нѣсколько кургановъ въ юго-западной части Бѣлевскаго уѣзда, на границѣ его съ Болховскимъ. Но, во-первыхъ, раскопки г. Городцова производились на самой окраинѣ данной площади, а во-вторыхъ о результатѣ ихъ пока еще ничего неизвѣстно [1]). Вотъ почему раскопка городища при с. Порѣчьѣ является *началомъ* изученія до-историческаго прошлаго Тульскаго края.

Разнообразные предметы древности, многократно находимые въ окрестности Порѣченскаго городища, дали поводъ священнику сосѣдняго села Протасова о. П. Сахарову довести объ этомъ до свѣдѣнія Императорской Археологической Коммиссіи. Въ свою очередь, Коммиссія поручила произвести раскопку мѣстному помѣщику А. И. Мосолову, при моемъ непосредственномъ участіи. Такимъ образомъ, благодаря просвѣщенному сочувствію г. Мосолова, обязательно предоставившаго собственныя средства для научнаго ознакомленія съ Порѣченскимъ городищемъ, оно стало достояніемъ археологіи Тульскаго края.

По порученію Императорской Археологической Коммиссіи, 6—9-го іюня сего 1898 года, мною, при непосредственномъ участіи А. И. Мосолова, произведена раскопка городища, находящагося при с. Порѣчьѣ, Одоевскаго у., Тульской губерніи, на лѣвомъ (восточномъ) луговомъ берегу р. Упы, на землѣ крестьянъ приходской деревни Елисѣевки.

Мѣсто, отмѣченное высокой насыпью и потому давно обращавшее на себя вниманіе окрестныхъ жителей, обыкновенно называлось здѣсь „курганомъ"; но, при ближайшемъ знакомствѣ съ этой насыпью, оказалось, что она представляетъ собою городище, ровъ котораго въ настоящее время почти совершенно заполненъ наносами рѣки Упы, на лѣвомъ (восточномъ) берегу которой городище расположено. Часть (приблизительно четвертая) всей площади городища, прилегавшая къ самой рѣкѣ, размыта и представляетъ теперь нѣсколько осыпей культурнаго слоя, въ которомъ жители ближайшей деревни Елисѣевки находили разныя вещи, послѣ весенняго разлива рѣки Упы.

---

[1]) Почтенный авторъ въ послѣднемъ случаѣ неправъ. См. Арх. Изв. и Зам. 1898 г., №№ 7—8, стр. 217 и слѣд. *Ред.*

Въ настоящее время городище представляется въ слѣдующемъ видѣ: длина вала при основаніи по наружной сторонѣ 200 фут., длина по верхнему краю насыпи 140 фут., высота вала снаружи 30 фут., высота его же извнутри 26 фут., высота поверхности площади отъ грунта городища maximum (въ разрѣзѣ) 12 фут., minimum $7^{1}/_{2}$ фут.; отъ обвала до воды 36 фут.

Выдающуюся и весьма характерную особенность Порѣченскаго городища составляетъ то, что оно расположено на низменномъ берегу рѣки, а не на высокомъ и не при впаденіи какого-либо суходольнаго оврага въ рѣку, какъ это обыкновенно бываетъ. Защищено оно не только валомъ и рвомъ, но и двумя изгибами рѣки, такъ что вершины этихъ изгибовъ упираютъ въ подошву холма, прилегающаго къ рѣкѣ, слѣва по ея теченію.

Частью размывъ городища водой, частью предварительная раскопка его отваломъ съ краю обнаружили два опредѣленныхъ слоя: нижній, лежащій прямо надъ грунтомъ (глиной), представляетъ собой перегной, прослоенный углемъ, пескомъ, золой и глиной; надъ нимъ верхній растительный слой, образованный изъ рѣчныхъ наносовъ. Толщина перегноя въ разрѣзѣ—3 ф., толщина наноснаго чернозема—$4^{1}/_{2}$ ф.

По вскрытіи вала, а затѣмъ и всей толщи наноснаго чернозема во всю ширину площади городища, въ немъ не обнаружено никакихъ вещей.

По вскрытіи нижняго культурнаго слоя, на томъ же мѣстѣ и протяженіи, въ немъ обнаружены предметы гончарнаго производства и вещи изъ желѣза и бронзы. Здѣсь же встрѣчалось множество костей человѣка и животныхъ: лошади, коровы и овцы; всѣ кости оказались сильно истлѣвшими.

Вотъ дневникъ раскопки городища.

Іюнь, 6-е. Раскопка осыпей городища, отдѣляющихъ рѣку отъ его площади. Найдены глиняныя кольца (— грузила?) вмѣстѣ со многими черепками изъ слабо обожженной глины. Разрытіе сѣверной части вала и городища отваломъ. Снятіе верхняго слоя — чернозема въ срединѣ площади и открытіе перегнойнаго слоя; въ послѣднемъ найдены желѣзный ножичекъ, желѣзный наконечникъ стрѣлы, два глиняныхъ кольца и кости животныхъ, преимущественно лошадиныя.

Іюнь, 7-е. Вскрытіе верхней части культурнаго слоя внутри городища. Найдены два желѣзныхъ ножа, бронзовая проволока, кремневый наконечникъ стрѣлы, кости человѣка (черепъ) и лошади.

Іюнь, 8-е. Вскрытіе нижней части культурнаго слоя. Найдены: желѣзные обломки, бронзовый листъ (напоминающій лавровый), бронзовая пряжка, двѣ бусы, костяная игла (разрушившаяся).

Іюнь, 9-е. Продолженіе раскопки культурнаго слоя съ юга на сѣверъ. Найдены: бронзовое колечко (спиралью), бронзовый листъ и гончарныя кольца.

Въ общемъ, городище весьма бѣдное по содержанію.

Тѣмъ не менѣе, по найденнымъ въ немъ вещамъ, оно съ полною вѣроятностью должно быть отнесено къ весьма древней эпохѣ — какъ на то указываетъ найденный кремневый наконечникъ стрѣлы, костяная игла, преобладаніе бронзы въ издѣліяхъ и грубые черепки съ весьма слабымъ развитіемъ орнамента. *Н. Троицкій.*

250-тилѣтіе г. Симбирска.

5 октября н. г. Симбирскъ праздновалъ 250-лѣтнюю годовщину своего основанія. Въ точности извѣстенъ только годъ основанія, а на 5 окт. остановилась ученая архивная коммиссія потому, что въ это число въ 1670 г. подъ стѣнами Симбирска произошла битва, рѣшившая судьбу Стеньки Разина. Городская дума отпустила на юбилей всего 850 рублей, и потому празднованіе могло быть скромное; но зато устроена была выставка предметовъ, касающихся до симбирской старины и предпринято изданіе довольно обширнаго изслѣдованія члена арх. коммиссіи П. Л. Мартынова „Симбирскъ за 250 лѣтъ существованія“, съ фототипіями и цинкографіями, и брошюры М. Ф. Сперанскаго, кратко излагающей исторію города, для безплатной раздачи. Кромѣ того, В. Н. Поливановъ и В. Э. Красовскій предприняли изданіе „Собранія грамотъ и договоровъ“, а В. Э. Красовскій „Хронологическаго перечня историч. событій Симбирской губ.“.

Составъ выставки, по словамъ „Кн. Вѣстника“ (№ 26): 1) портреты извѣстныхъ мѣстныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей и др. лицъ, ихъ письма, автографы и принадлежавшія имъ вещи; 2) мѣстныя печатныя изданія (первые №№ „Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, объявленія, афиши и т. п.) и рукописныя сочиненія на мѣстныя темы (стихи, поэмы, описанія и т. п.); 3) старинныя гравюры, русскія и иностранныя, а также и планы города; 4) царскія жалованныя грамоты, столбцы и др. документы по городу и пригороднымъ слободамъ; 5) церковная утварь, иконы и кресты; 6) найденные въ городѣ и его окрестностяхъ древнее вооруженіе и предметы домашняго обихода, и 7) эмблемы и др. принадлежности бывшей симбирской масонской ложи „Ключа къ добродѣтели“. Для выставки были получены вещи основателя Симбирска, боярина и оружейничаго Б. М. Хитрово: образъ, булава и ножны, переданные А. З. Хитрово, и коллекція свыше 200 гравюръ изъ обширнѣйшаго и извѣстнаго собранія П. Я. Дашкова.

О самомъ празднованіи было сообщено въ „Моск. Вѣд.“ слѣдующими телеграммами:

1) *Симбирскъ,* 5 октября. Празднованіе юбилея города состоялось съ большою торжественностью. Послѣ богослуженія въ соборѣ, совершенъ крестный ходъ по древней чертѣ города, при участіи городскаго духовенства, епископовъ—мѣстнаго Никандра и казанскаго викарнаго Антонія, въ сопровожденіи губернатора, гражданскихъ и военныхъ властей и народа. Затѣмъ совершено молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору Николаю II, всему Царствующему Дому, дѣятелямъ и жителямъ Симбирска. Народу раздавались брошюры и гравюры, присланныя Е. В. Богдановичемъ. Затѣмъ состоялось торжественное засѣданіе думы въ присутствіи преосвященнаго Никандра, казанскаго викарнаго Антонія, губернатора, предводителя дворянства, почетныхъ гостей и массы публики. Залъ думы былъ изящно убранъ гирляндами зелени и національными флагами. Преосвященнымъ поднесена икона Спасителя. Постановлено просить губернатора чрезъ министра Внутреннихъ Дѣлъ повергнуть къ стопамъ Государя Императора адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и избрать депутацію для поднесенія золотаго жетона, а Государынѣ Императрицѣ—туалета работы мѣстнаго училища. Городскимъ головой поднесены преосвященному Никандру и губернатору, а также составителю исторіи Симбирска, Мартынову, золотые жетоны. Постановлено поднести жетоны министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и другимъ лицамъ. Училищамъ присвоены имена писателей, симбирскихъ уроженцевъ. Прочитаны адресы архивной коммиссіи, суда, земства, Общества врачей; получены привѣтствія отъ министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. Городъ украсился флагами. Огромное движеніе на улицахъ и площадяхъ. Великолѣпная зимняя погода. Вечеромъ устроена иллюминація. Въ 6 часовъ состоялся обѣдъ отъ города.

2) *Симбирскъ,* 5 октября. Сейчасъ окончилось въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ присутствіи преосвященнаго Никандра, ректора Казанской Духовной Академіи Антонія и губернатора Акинфіева, торжественное засѣданіе ученой архивной коммиссіи. Присутствовала вся мѣстная интеллигенція. Прочтены доклады: предсѣдателя коммиссіи Поливанова — о значеніи празднованія юбилея въ память двухсотлѣтняго существованія города Симбирска; профессора Корсакова—о Карамзинѣ, Тургеневѣ, Валуевѣ и другихъ; Краснодубровскаго—о народахъ заселявшихъ Поволжье; Горчакова—о строителѣ города Симбирска бояринѣ Хитрово; Суператскаго—о Гончаровѣ. Затѣмъ открыта выставка мѣстной старины и поднесенъ членами коммиссіи г. Поливанову золотой

жетонъ въ благодарность за организацію архивной коммиссіи и открытіе музея, за дѣятельное участіе въ изданіи трудовъ коммиссіи и археологическихъ изысканіяхъ. Получены привѣтственныя телеграммы отъ Московскаго Археологическаго Общества, отъ графини Уваровой, отъ Археологическаго института, Архива Министерства Юстиціи, Московской Археологической Коммиссіи, ученыхъ архивныхъ коммиссій: Рязанской, Нижегородской, Оренбургской, Тамбовской, отъ историка Иловайскаго, отъ казанскаго предводителя дворянства Мамаева, отъ генераловъ Богдановича, Бранденбурга и другихъ.

Коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ.

Движеніе въ области сохраненія древнихъ памятниковъ, все болѣе и болѣе возникающее въ Кіевѣ, нашло себѣ въ послѣднее время еще одно выраженіе въ лицѣ вновь учрежденной г. кіевскимъ губернаторомъ ученой коммиссіи, по мысли П. Н. Житецкаго. Коммиссія имѣетъ цѣлью возстановленіе древнихъ названій мѣстностей Кіева,—мысль, не лишенная своего рода значенія для кіевской топографіи, представляющей многіе спорные пункты, по поводу которыхъ ученые, въ извѣстныхъ предѣлахъ, пришли, наконецъ, къ соглашенію. До сихъ поръ названія улицъ и мѣстностей давались въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе произвольно, и въ Кіевѣ есть много мѣстностей, названія которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью; такъ, напр., въ Лукьяновскомъ участкѣ встрѣчаются названія улицъ „Печенѣжская", „Половецкая" и т. д., тогда какъ улицы эти расположены именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ печенѣговъ и половцевъ никогда не бывало, и самыя названія, представляющія плодъ досужей фантазіи нѣкоторыхъ самозванныхъ археологовъ, съ перваго раза легко вводятъ въ заблужденіе мало знакомаго съ Кіевомъ человѣка, склоннаго видѣть въ нихъ дѣйствительно остатки старины, и такимъ образомъ невольно извращающаго въ умѣ историческія данныя. Неудобства эти въ настоящее время будутъ радикально устранены, и древнія названія Кіева будутъ возстановлены на основаніи данныхъ науки, такъ какъ коммиссія состоитъ изъ лицъ, наиболѣе компетентныхъ въ исторической топографіи Кіева,—профессоровъ Н. И. Петрова и В. Б. Антоновича, труды которыхъ были, какъ извѣстно, преимущественно посвящены этому вопросу, П. Н. Житецкаго и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе или менѣе заявившихъ себя въ этой области. Результаты, выработанные коммиссіей, были представлены представителямъ города въ общемъ собраніи 14 сентября въ домѣ г. губернатора и заключается въ слѣдующемъ:

Печерскъ. Слободу за ближними пещерами предложено назвать *Пятницкою.* Улицу между арсеналомъ и лаврой—*Олельковъ* проѣздъ. Козловскій переулокъ, находящійся при выходѣ изъ крѣпостныхъ воротъ, будетъ названъ *Угорское.*

Старый городъ. Продолженіе Трехсвятительской улицы отъ Крещатика до Михайловскаго монастыря будетъ названа *Варваринской* улицей. Отъ Михайловскаго монастыря до Владимірской горки мимо костела—*Святополковъ* спускъ. Отъ Михайловскаго монастыря до Андреевской церкви—*Княжій* дворъ. Южный конецъ Большой Житомірской—*Владиміровъ* валъ. Между присутственными мѣстами и скверами—проспектъ *Богдана Хмѣльницкаго.* Въ концѣ Десятинной улицы, при пересѣченіи ея Большой Владимірской—*Батыевы* ворота. Вверху Софіевской улицы—*Лядскія* ворота. Въ концѣ Золотоворотской улицы—*Золотыя* ворота. Въ началѣ Львовской улицы, отъ Сѣнной площади—*Жидовскія* ворота. Жилянская улица будетъ переименована въ *Желаньскую* (Желань—бывшее загородное великокняжеское мѣсто). Будетъ возстановлено названіе *Паньковской* улицы вмѣсто нынѣшней Университетской. Большая Подвальпая будетъ наименована *Ярославовымъ* валомъ, а Мало-Подвальная—просто *Подвальной.* Улица отъ Андреевскаго спуска къ Подолу, называемая Черной грязью, будетъ названа *Замковымъ* переулкомъ (отъ замка на Кисилевкѣ).

Подолъ. Предполагается: 1) назвать каждую сторону гостинаго двора: сѣверную—*Ратушный* рядъ, восточную, къ Братскому монастырю—*Сагайдачный* рядъ, западную, къ церкви—*Успенскій*, южную—*Магистратскій* рядъ; 2) Набережно-Никольскую улицу—*Могилянскою* (въ честь Петра Могилы); изломъ Ильинской улицы, выходящей на Александровскую площадь—*Сагайдачный* переулокъ. Воложская улица будетъ исправлена на *Волосскую* (отъ Бога Волоса), Почаевская улица будетъ переименована въ *Почайнскую*, Воскресенскій переулокъ—въ *Воскресенско-Борецкій.* Улицу отъ Притиско-Никольской церкви къ Житному базару предполагается назвать *Тупталовскою*, а уголъ улицы противъ Воздвиженской церкви *Кожемяцкими* воротами.

На этихъ вполнѣ научныхъ топографическихъ изысканіяхъ и возвращеніи мѣстностямъ Кіева носимыхъ ими раньше древнихъ названій и ограничивается пока дѣятельность вновь организованной коммиссіи. Судя по составу ея, а также по сочувствію, которое оказывается ей высшими властями города, можно ожидать, что она изъ настоящаго ея состоянія разрастется въ значительное цѣлое, и такимъ образомъ Кіевъ обогатится еще однимъ полезнымъ научнымъ обществомъ и учрежденіемъ, въ которомъ многосторонняя и разнообразная дѣятельность по-

слѣдователей науки найдетъ себѣ еще одно достойное примѣненіе. (Ж. и И. № 256).

О музеѣ г. Тарновскаго.

Извѣстный собиратель малорусскихъ древностей, В. В. Тарновскій, обратился къ черниговскому губернскому земству съ предложеніемъ принять въ вѣдѣніе земства имѣющійся у него музей мѣстныхъ древностей. Музей этотъ собирался г. Тарновскимъ въ теченіе всей его жизни и стоилъ собирателю многихъ трудовъ и большихъ денежныхъ затратъ. По цѣнности и важности коллекцій и по количеству и полнотѣ ихъ, музей этотъ не имѣетъ себѣ равнаго на югѣ Россіи, а по характеру своему единственный въ своемъ родѣ. Находящіеся въ немъ предметы характеризуютъ историческую и бытовую жизнь Малороссіи. Къ прежнимъ временамъ относятся въ музеѣ коллекціи старинной одежды, оружія, гетманскихъ и атаманскихъ „клейнодовъ“ (знаковъ достоинства) и пр.; къ болѣе новымъ временамъ, между прочимъ,—рукописи украинскихъ писателей: Кулиша, Шевченка и др. Особенно богатъ отдѣлъ, посвященный Шевченку. Здѣсь находится не только множество его рукописей, но также рисунки его, одежда, которую онъ носилъ, отзывы о его сочиненіяхъ почти всѣхъ періодическихъ изданій и пр. Можно сказать, что открытіе для обозрѣнія публики музея г. Тарновскаго оказало бы пользу мѣстнымъ ученымъ и писателямъ, не говоря уже о публикѣ вообще: для нея открытіе этого музея было бы цѣлымъ событіемъ.

Предложеніе г. Тарновскаго было доложено губернскому земскому собранію сессіи 1896 года. Собраніе рѣшило принять музей, выразить г. Тарновскому благодарность за цѣнный даръ и ходатайствовать о присвоеніи будущему земскому музею имени В. В. Тарновскаго. Такъ какъ г. Тарновскій поставилъ условіемъ, чтобы музей помѣщался въ Черниговѣ въ старинномъ домѣ надъ Десной въ такъ называемомъ въ Черниговѣ „домѣ Мазепы“, а въ дѣйствительности въ старинномъ помѣщеніи бывшей войсковой канцеляріи, то губернское собраніе рѣшило обратиться съ ходатайствомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ этотъ домъ, занятый теперь подъ архивъ губернскаго правленія, объ уступкѣ дома для помѣщенія музея. Министерство отвѣтило, что оно только въ такомъ случаѣ передастъ домъ земству, если послѣднее уплатитъ его стоимость или стоимость будущаго помѣщенія архива губернскаго правленія. Отвѣтъ этотъ былъ доложенъ собранію сессіи 1897 года, которое постановило пріобрѣсти старинный домъ покупкою въ полную собственность земства и для этого просить г. черниговскаго губернатора о распоряженіи „къ производству оцѣнки

этого дома чрезъ командированныхъ имъ лицъ съ участіемъ представителей отъ земства". Лишь лѣтомъ этого года собралась оцѣночная коммиссія и оцѣнила домъ и участокъ земли при немъ въ суммѣ 10,196 рублей. Такимъ образомъ, очередному губернскому земскому собранію текущаго года предстоитъ ассигновать эту сумму, а также и извѣстную сумму на расходы по принятію и устройству музея. (Ж. и И. № 258).

—— Саввинъ-Сторожевскій монастырь (на *Сторожи,* на *Сторожевскихъ горахъ*) близъ Звенигорода, праздновавшій въ этомъ году свое пятисотлѣтіе, основанъ въ 1398 г. преп. Саввой, ученикомъ св. Сергія, по просьбѣ князя Звенигородскаго Юрія Димитріевича (братъ вел. князя Василія I). Нынѣшняя соборная церковь во имя Рождества Божіей Матери создана тѣмъ же княземъ Юріемъ, еще при жизни пр. Саввы (скончавшагося 3 декабря 1407 г.), вмѣсто первоначальной деревянной, пристройки ея, съ юга и запада — XVIII вѣка. Изъ зданій, къ области археологической относятся: церковь Св. Троицы (прежде преп. Сергія), созданная въ 1652 году, но съ пристройками XIX вѣка, и дворецъ царя Алексѣя Михаиловича, особенно, какъ извѣстно, покровительствовавшаго этому монастырю и часто посѣщавшаго его. Ко времени Алексѣя Михаиловича относится нынѣшняя стѣнопись собора. Икона преп. Саввы, помѣщенная надъ ракой его, писана, какъ полагаютъ, въ 1530-хъ годахъ. На колокольнѣ любопытенъ колоколъ Алексѣя Михаиловича, 1667 г., съ обширной надписью (въ концѣ криптографической), и часы 1636 года.

Ризница богата памятниками XVII вѣка (кресты, сосуды, кадила, евангелія, ризы, шапки, панагіи)—дарами царя Алексѣя и старшихъ и младшихъ современниковъ его; сохранились и одежды царя, царицы Маріи Ильинишны, царевны Софіи. Изъ описей 1656 и 1778 г., хранящихся въ архивѣ монастыря видно, что почти всѣ древнія драгоцѣнности сохранны въ немъ и доселѣ (кромѣ свящ. одеждъ, которыхъ встарину было великое множество). Среди дорогихъ книгъ, хранящихся въ ризницѣ, а не въ библіотекѣ, отмѣтимъ рукописную псалтирь въ большой листъ, росписанную золотомъ, серебромъ и красками, обложенную зеленымъ бархатомъ: по ней, говоритъ отмѣтка XVIII в., учился читать царь Алексѣй Михаиловичъ. Въ *архивѣ* большая часть грамотъ, книгъ, описей, разныхъ бумагъ относится къ XVII и XVIII вѣку. Въ монастырѣ сохранилось девять царскихъ и три патріаршія грамоты (1613—1698 гг.).

Но внѣ монастыря извѣстно значительное число данныхъ ему грамотъ XV, XVI и XVII вв.: часть ихъ издана въ Актахъ Истор. и въ

Актахъ Юридич., обширный сборникъ ихъ, изъ собранія Погодина, хранится въ Имп. Публ. Библ. (№ 1910). Первое мѣсто между ними занимаетъ грамота кн. Юрія 1404 года, изданная въ I т. Актовъ Ист.

Въ *библіотекѣ* монастыря, когда въ 1818 г. описывалъ ее (по порученію Румянцева и по инструкціи Малиновскаго) П. М. Строевъ, оказалось только 17 рукописей, которыя и описаны имъ; это описаніе, какъ извѣстно, издано въ 1891 году Обществомъ Любителей Древней Письменности [1]).

Для *быта* монастыря при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, любопытенъ разсказъ Павла Алеппскаго о посѣщеніи монастыря отцемъ его, патріархомъ антіохійскимъ Макаріемъ въ 1656 г. [2]).

Какъ научное описаніе монастыря, слѣдуетъ назвать книгу Смирнова (Сергѣя Константиновича, профессора, впослѣдствіе ректора Моск. Дух. Академіи): „Историческое описаніе Саввина-Сторожевскаго монастыря" (2-ое исправленное и дополненное изданіе вышло въ 1860 г.).

—— Слухи объ основаніи Русскаго Нумизматическаго Общества въ Петербургѣ подтверждаются; уже намѣченъ его будущій предсѣдатель въ лицѣ профессора военно-юридической академіи Панова. Одной изъ первыхъ задачъ этого Общества, безъ сомнѣнія, будетъ каталогизація русскихъ нумизматическихъ собраній, между которыми есть положительные перлы, мало кому извѣстные; назовемъ, напр., драгоцѣнную и богатѣйшую коллекцію при харьковскомъ университетѣ, изъ которой изслѣдована едва ли десятая часть.

—— Въ истекшемъ августѣ въ г. Кишиневѣ состоялось торжественное открытіе *Бессарабской архивной ученой коммиссіи*. Изъ прекрасной рѣчи высокоуважаемаго начальника края А. П. Константиновича (текстъ ея см. Бессар. Губ. Вѣд., № 165) мы узнаемъ, что въ члены ея записалось уже около 200 лицъ (со взносами отъ 25 коп. до 25 руб.). По предложенію г. Константиновича предсѣдателемъ коммиссіи избранъ директоръ реальнаго училища Н. Д. Кодрянъ, помощникомъ его директоръ училищъ А. Л. Крыловъ, а секретаремъ помощникъ инспектора духовной семинаріи Н. И. Халепъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ историческая почва края и при содѣйствіи просвѣщеннаго и энергичнаго начальника губерніи, это будетъ одна изъ самыхъ дѣятельныхъ коммиссій.

---

[1]) П. Строевъ. Описаніе рукописей монастырей: Волоколамскаго, Новый Іерусалимъ, Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго (Пам. Др. Письм. XCVIII), 1891 г.

[2]) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. А. Муркоса (въ Чт. Общ. Ист. и Древ. и отдѣльно); разсказъ входитъ въ IV вып. перевода (нынѣ печатаемый), но изданъ монастыремъ и отдѣльно къ юбилею.

—— *Вскрытіе кургана въ Кіевской Лаврѣ.* Въ первой половинѣ сентября, при работахъ для устройства погреба была снята верхушка небольшого кургана, находящагося за ближними пещерами, при чемъ на сравнительно незначительной глубинѣ обнаружены три человѣческіе черепа въ вертикальномъ положеніи. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что черепа принадлежали людямъ, зарытымъ въ землю стоймя, можетъ быть всадникамъ. О. намѣстникъ Лавры приказалъ засыпать это мѣсто и избрать для погреба другое. О находкѣ сообщено проф. Антоновичу. (Ж. и И. 256).

—— *Азіатское Общество при Томскомъ университетѣ.* Предполагается учрежденіе, подъ этимъ именемъ, ученаго Общества съ цѣлью изученія Азіи въ историческомъ, лингвистическомъ, литературномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. (М. В. 259).

—— Въ Могил. Вѣдомостяхъ (№ 77, 25 сент. 1898 г.) г. Романовъ помѣстилъ очень интересную статью „Храмъ, построенный Петромъ I въ Могилевской губерніи", въ которой вполнѣ убѣдительно доказалъ, что нынѣшній Головенчицкій храмъ (планъ котораго приложенъ къ статьѣ) построенъ первоначально Петромъ I въ память побѣды надъ Левенгауптомъ въ 1708 г. при деревни Лѣсной, а въ Головенчицы (за 30 верстъ) перенесенъ черезъ 40 лѣтъ послѣ постройки и съ тѣхъ поръ существеннымъ передѣлкамъ не подвергался, такъ что представляетъ довольно чистый типъ малыхъ храмовъ начала XVIII в. Въ заключеніе почтенный авторъ, опасаясь, что церковь эта не сегодня—завтра подвергнется безжалостному уничтоженію, такъ какъ стала слишкомъ мала для прихожанъ, предлагаетъ перенести ее обратно въ Лѣсную и „обративъ ее въ часовню, собрать въ ней все напоминающее великаго императора и эпоху сѣверной войны". Всецѣло присоединяемся къ его предложенію.

—— Императорская археологическая коммиссія прислала изъ Петербурга въ даръ московскому Историческому музею весьма интересную археологическую находку—бронзовый гробъ съ человѣческимъ остовомъ, предметами стариннаго вооруженія и пр. Гробъ этотъ найденъ былъ извѣстнымъ археологомъ Н. И. Веселовскимъ въ прошломъ году при раскопкахъ въ Бѣлорѣченской станицѣ, Кубанской области. Гробъ имѣетъ широкій плоскій форматъ. Найденный въ немъ скелетъ прекрасно сохранился; только черепъ раздробленъ. Черепъ и плечи лежатъ на мелкихъ угляхъ. Въ головахъ стоитъ металлическая чаша съ остатками затвердѣвшей пищи. Другая такая же чаша находится у лѣвой руки и третья—подъ правымъ плечомъ скелета. У лѣвой руки находится также большая металлическая шашка съ золоченой рукояткой, а у правой—колчанъ съ серебряной бляхой, наполненный стрѣлами. Талію скелета

охватываетъ золотой поясъ. Нахожденіе бронзоваго гроба большая рѣдкость. Можно предполагать, что въ этомъ гробу былъ похороненъ знатный воинъ. Находку относятъ къ XII — XIV вѣку. Присланный даръ будетъ помѣщенъ въ „Кавказской залѣ“ музея, въ спеціально заказанной желѣзной витринѣ. До изготовленія витрины гробъ со скелетомъ не будетъ выставленъ для обозрѣнія публики. (Рус. Вѣд.).

—— Пріобрѣтавшіяся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Историческимъ музеемъ коллекціи древностей хранились въ первомъ этажѣ музея. Нынѣ всѣ эти коллекціи перенесены во второй этажъ музея и размѣщены въ 6-ти обширныхъ залахъ. Состоятъ эти коллекціи изъ оружія различныхъ эпохъ, предметовъ домашняго обихода и домостроительства, иконъ, церковной утвари, портретовъ царей и замѣчательныхъ людей и орнаментированныхъ издѣлій изъ дерева, представляющихъ богатый матеріалъ для изученія русскаго орнамента. Двѣ изъ освободившихся въ первомъ этажѣ залъ предназначены для другихъ коллекцій. Въ настоящее время эти двѣ залы капитально ремонтируются и украшаются лѣпными орнаментами опредѣленнаго стиля. (Рус. Вѣд.).

—— Начатая нынѣшнимъ лѣтомъ *реставрація дома Петра Великаго въ Ньючепингѣ*, на островѣ Фальстерѣ, гдѣ въ 1707 г. останавливался Императоръ Петръ Великій, пріѣхавшій въ Данію для заключенія союза съ датскимъ королемъ противъ Швеціи, еще не закончена, такъ какъ домъ оказался болѣе ветхимъ, чѣмъ предполагали раньше. Тѣмъ не менѣе, работа подвинулась настолько впередъ, что въ настоящее время уже легко составить себѣ представленіе о будущемъ видѣ этого историческаго зданія, съ которымъ связаны воспоминанія о Царѣ-Преобразователѣ. По очисткѣ панелей, обнаружили ихъ первоначальную краску, которая и будетъ возстановлена. Стѣнныя балки оказались совершенно сгнившими и потому были замѣнены новыми, сдѣланными изъ остова русскаго судна, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ потерпѣло крушеніе у восточнаго берега острова Фальстера. Реставрація производится по желанію и на средства Государя Императора, ассигновавшаго на этотъ предметъ около 5,000 рублей. (Спб.-Вѣд.).

—— Въ петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ чтеніе лекцій началось съ 28 сентября. Въ этомъ академ. году будутъ читать: А. Л. Погодинъ—славяно-русскія древности, В. И. Сергѣевичъ—юридическія древности, Н. В. Покровскій—церковную археологію, А. И. Соболевскій — славяно-русскую палеографію, Н. И. Рерихъ—художественную технику въ примѣненіи къ археологіи, Г. Ф. Церетели—греческую палеографію, Н. И. Веселовскій—первобытную археологію, А. П. Вороновъ—архивовѣдѣніе, А. К. Марковъ—древнюю и русскую нумиз-

—— *Вскрытіе кургана въ Кіевской Лаврѣ.* Въ первой половинѣ сентября, при работахъ для устройства погреба была снята верхушка небольшого кургана, находящагося за ближними пещерами, при чемъ на сравнительно незначительной глубинѣ обнаружены три человѣческіе черепа въ вертикальномъ положеніи. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что черепа принадлежали людямъ, зарытымъ въ землю стоймя, можетъ быть всадникамъ. О. намѣстникъ Лавры приказалъ засыпать это мѣсто и избрать для погреба другое. О находкѣ сообщено проф. Антоновичу. (Ж. и И. 256).

—— *Азіатское Общество при Томскомъ университетѣ.* Предполагается учрежденіе, подъ этимъ именемъ, ученаго Общества съ цѣлью изученія Азіи въ историческомъ, лингвистическомъ, литературномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. (М. В. 259).

—— Въ Могил. Вѣдомостяхъ (№ 77, 25 сент. 1898 г.) г. Романовъ помѣстилъ очень интересную статью „Храмъ, построенный Петромъ I въ Могилевской губерніи", въ которой вполнѣ убѣдительно доказалъ, что нынѣшній Головенчицкій храмъ (планъ котораго приложенъ къ статьѣ) построенъ первоначально Петромъ I въ память побѣды надъ Левенгауптомъ въ 1708 г. при деревни Лѣсной, а въ Головенчицы (за 30 верстъ) перенесенъ черезъ 40 лѣтъ послѣ постройки и съ тѣхъ поръ существеннымъ передѣлкамъ не подвергался, такъ что представляетъ довольно чистый типъ малыхъ храмовъ начала XVIII в. Въ заключеніе почтенный авторъ, опасаясь, что церковь эта не сегодня—завтра подвергнется безжалостному уничтоженію, такъ какъ стала слишкомъ мала для прихожанъ, предлагаетъ перенести ее обратно въ Лѣсную и „обративъ ее въ часовню, собрать въ ней все напоминающее великаго императора и эпоху сѣверной войны". Всецѣло присоединяемся къ его предложенію.

—— Императорская археологическая коммиссія прислала изъ Петербурга въ даръ московскому Историческому музею весьма интересную археологическую находку—бронзовый гробъ съ человѣческимъ остовомъ, предметами стариннаго вооруженія и пр. Гробъ этотъ найденъ былъ извѣстнымъ археологомъ Н. И. Веселовскимъ въ прошломъ году при раскопкахъ въ Бѣлорѣченской станицѣ, Кубанской области. Гробъ имѣетъ широкій плоскій форматъ. Найденный въ немъ скелетъ прекрасно сохранился; только черепъ раздробленъ. Черепъ и плечи лежатъ на мелкихъ угляхъ. Въ головахъ стоитъ металлическая чаша съ остатками затвердѣвшей пищи. Другая такая же чаша находится у лѣвой руки и третья—подъ правымъ плечомъ скелета. У лѣвой руки находится также большая металлическая шашка съ золоченой рукояткой, а у правой—колчанъ съ серебряной бляхой, наполненный стрѣлами. Талію скелета

охватываетъ золотой поясъ. Нахожденіе бронзоваго гроба большая рѣдкость. Можно предполагать, что въ этомъ гробу былъ похороненъ знатный воинъ. Находку относятъ къ XII — XIV вѣку. Присланный даръ будетъ помѣщенъ въ „Кавказской залѣ“ музея, въ спеціально заказанной желѣзной витринѣ. До изготовленія витрины гробъ со скелетомъ не будетъ выставленъ для обозрѣнія публики. (Рус. Вѣд.).

—— Пріобрѣтавшіяся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Историческимъ музеемъ коллекціи древностей хранились въ первомъ этажѣ музея. Нынѣ всѣ эти коллекціи перенесены во второй этажъ музея и размѣщены въ 6-ти обширныхъ залахъ. Состоятъ эти коллекціи изъ оружія различныхъ эпохъ, предметовъ домашняго обихода и домостроительства, иконъ, церковной утвари, портретовъ царей и замѣчательныхъ людей и орнаментированныхъ издѣлій изъ дерева, представляющихъ богатый матеріалъ для изученія русскаго орнамента. Двѣ изъ освободившихся въ первомъ этажѣ залъ предназначены для другихъ коллекцій. Въ настоящее время эти двѣ залы капитально ремонтируются и украшаются лѣпными орнаментами опредѣленнаго стиля. (Рус. Вѣд.).

—— Начатая нынѣшнимъ лѣтомъ *реставрація дома Петра Великаго въ Ньючепингѣ*, на островѣ Фальстерѣ, гдѣ въ 1707 г. останавливался Императоръ Петръ Великій, пріѣхавшій въ Данію для заключенія союза съ датскимъ королемъ противъ Швеціи, еще не закончена, такъ какъ домъ оказался болѣе ветхимъ, чѣмъ предполагали раньше. Тѣмъ не менѣе, работа подвинулась настолько впередъ, что въ настоящее время уже легко составить себѣ представленіе о будущемъ видѣ этого историческаго зданія, съ которымъ связаны воспоминанія о Царѣ-Преобразователѣ. По очисткѣ панелей, обнаружили ихъ первоначальную краску, которая и будетъ возстановлена. Стѣнныя балки оказались совершенно сгнившими и потому были замѣнены новыми, сдѣланными изъ остова русскаго судна, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ потерпѣло крушеніе у восточнаго берега острова Фальстера. Реставрація производится по желанію и на средства Государя Императора, ассигновавшаго на этотъ предметъ около 5,000 рублей. (Спб.-Вѣд.).

—— Въ петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ чтеніе лекцій началось съ 28 сентября. Въ этомъ академ. году будутъ читать: А. Л. Погодинъ—славяно-русскія древности, В. И. Сергѣевичъ—юридическія древности, Н. В. Покровскій—церковную археологію, А. И. Соболевскій — славяно-русскую палеографію, Н. И. Рерихъ—художественную технику въ примѣненіи къ археологіи, Г. Ф. Церетели—греческую палеографію, Н. И. Веселовскій—первобытную археологію, А. П. Вороновъ—архивовѣдѣніе, А. К. Марковъ—древнюю и русскую нумиз-

матику, С. М. Гольдштейнъ—польско-литовскія древности, С. М. Середонинъ—историческую географію, Н. П. Лихачевъ—русскую дипломатику. На первый курсъ принято 70 человѣкъ. Составъ слушателей разнообразенъ: военные, чиновники, студенты; преобладаютъ студенты духовной академіи. (М. В.).

—— Азіатскій музей Императорской Академіи Наукъ, по словамъ газетъ, обогатился новою коллекціей рукописей, составленной россійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ. Коллекція эта содержитъ въ себѣ найденные въ Хотанѣ отрывки буддійскихъ рукописей на санскритскомъ и другихъ, отчасти неизвѣстныхъ, языкахъ. Въ томъ числѣ находятся двѣ рукописи на двухъ длинныхъ полосахъ березовой коры, относящіяся къ первому вѣку по Р. Х.

Въ этотъ же музей поступили пріобрѣтенныя Академіей у шведскаго миссіонера въ Кашгарѣ двѣ рукописи, древняго происхожденія, на совершенно неизвѣстныхъ нынѣ языкахъ. (М. В.).

—— Членъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей П. А. Маврокордато намѣренъ ознакомить одесситовъ съ собранными имъ въ теченіе десяти лѣтъ историческими и рѣдкими древностями, произведеніями искусства и другими археологическими находками. Для музея отведено особое, роскошно отдѣланное, помѣщеніе. Онъ имѣетъ десять отдѣловъ, въ которыхъ находится около 5,000 различныхъ экземпляровъ древностей. Въ первомъ отдѣлѣ расположены терракотовыя расписныя вазы изъ Керчи и Ольвіи. Второй отдѣлъ отведенъ для терракотовыхъ фигурокъ. Въ отдѣлѣ бронзовыхъ вещей замѣчательна коллекція ключей изъ Ольвіи, фибулы, браслеты, кольца, колокольчики, иглы, цѣпочки, безмены для развѣски и фигурки въ видѣ статуэтокъ оттуда же. Четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ золотые предметы, преимущественно также изъ Ольвіи. Ихъ имѣется около 100. Въ одномъ изъ отдѣловъ выдѣляется голова Деметры въ половину натуральной величины и цѣлый подборъ скиѳской посуды изъ оникса. Египетскія древности, составляющія восьмой отдѣлъ, пріобрѣтены большею частью изъ обширной коллекціи покойнаго гофмейстера Двора Его Величества М. А. Хитрово. (Од. Лист.).

—— Вазари въ своей біографіи Гирляндайо (1449—1495) упоминаетъ о фрескѣ художника съ портретами фамиліи Веспуччи въ церкви Всѣхъ Святыхъ во Флоренціи. Долго и напрасно искали эту фреску, наконецъ догадались, что она должна скрываться гдѣ-нибудь подъ образами, и 3 февраля снявъ образъ св. Елисаветы Португальской, нашли изображеніе Богоматери, осѣняющей своимъ покровомъ семейство Веспуччи, въ томъ числѣ и юнаго Америго. (Пет. Вѣд.).

—— *Этрусская гробница* открыта въ Италіи, въ Волатеррѣ, благодаря удару молніи въ сосну, стоявшую на вершинѣ небольшого холма. При корчеваніи спаленаго дерева подъ корнями его обнаружилась древне-этрусская гробница, круглая, поддерживаемая четырехгранными колоннами и облицованная снаружи гладко-тесаными кампями, заполняющими мѣстами и промежутки между колоннъ. Въ эту усыпальницу ведутъ два сводчатыхъ входа, настолько сохранившіеся въ своихъ частяхъ, что, производятъ, вмѣстѣ съ гробницею, впечатлѣніе какъ бы новѣйшей постройки. Въ гробницѣ оказалось нѣсколько вазъ, амфоръ и множество разныхъ мелкихъ вещей, преимущественно женскихъ украшеній. (Цр. Вѣст. 206).

—— Въ засѣданіи Acad. des inscript. et belles lettres отъ 14 января с. г. г. Геронъ-де-Вильфоссъ (Héron de Villefosse) доложилъ о находкѣ, сдѣланной недавно въ департаментѣ Соны и Луары, мѣстнымъ обществомъ исторіи и археологіи. Это — мозаичная картина, къ сожалѣнію, не вся сохранившаяся. На уцѣлѣвшей части изображено состязаніе колесницъ въ циркѣ. По концамъ арены поставлены обелиски, и 4 колесницы, запряженныя каждая парою лошадей, несутся галопомъ по аренѣ. Подъ каждой изъ нихъ написано названіе кучера: (p) RISCIANVS, COMM (unis), BALEARIO и PECVLIARIS. — Засимъ онъ же доложилъ сообщеніе г. К. Жюлліана, о найденной въ 1897 г. въ одной церкви г. Бордо верхней части древней амфоры со штемпелемъ фабриканта на ней и съ изображеніемъ креста. По формѣ буквъ штемпеля амфору должно отнести ко 2-му вѣку по Р. Х. Амфора была, повидимому, разрѣзана въ вертикальномъ направленіи, на 2 части, изъ коихъ одна служила гробомъ для трупа младенца, а другая, плотно прилегавшая къ первой, крышкою этого гроба. Обычай хоронить дѣтей такимъ образомъ былъ очень распространенъ въ древнія христіанскія времена.—Въ засѣданіи той же Академіи отъ 21 января с. г., Филиппъ Берже доложилъ о двухъ греческихъ надписахъ, найденныхъ недавно близъ древняго Сихема въ Палестинѣ. Первая изъ нихъ—эпитафія надъ могилой матери и трехъ ея дочерей, носящихъ еврейскія имена: мать звали Сарою, а дочерей—Домною, Сарою и Мельхой. Эпитафія кончается формулой, равнозначащей съ еврейскимъ „Salom“ т.-е. „съ миромъ“. Вторая надпись, также надгробная, вырѣзана на стволѣ колонны и состоитъ изъ двухъ стиховъ, которые читаются такъ: „Мужайся, сестра моя, ибо теперь—прекрасная служанка Коры, дочери Плутона, такъ какъ ты была посвящена въ елевзинскія таинства“. Такимъ образомъ, эти надписи являются любопытными свидѣтельствами о проникновеніи въ первые же вѣка христіанской эры елевзинскихъ вѣрованій въ Палестину.

V.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи **Археографической Коммиссіи Имп. Москов. Археологическаго Общества** 22 сентября 1898 г. П. Н. Ивановъ прочелъ рефератъ „Къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи на сѣверѣ въ XVII в.". Во второй половинѣ XVII в., а мѣстами (тамъ, гдѣ наплывъ пріобрѣтателей земли значителенъ, напр., около посадовъ) и въ первой большинство крестьянъ держитъ свои земли не по старинѣ, а по крѣпостямъ— признакъ усиленія мобилизаціи. Изъ крѣпостей первое мѣсто занимаютъ гражданскія сдѣлки, сравнительно незначительный % приходится на воеводскія и мірскія данныя. Количество послѣднихъ нѣсколько повышается, никогда впрочемъ не достигая количества первыхъ, только во время неурожаевъ и массовыхъ уходовъ. Земля можетъ выйти изъ рукъ крестьянина по обязательству, вытекшему изъ деликта или изъ договора, по давности, вслѣдствіе совершенія преступленія, за которое Уложеніемъ налагается конфискація. Въ Кеврагѣ, гдѣ больше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, остается мѣсто для самопроизвольнаго развитія формъ крестьянской жизни, уже въ началѣ столѣтія сказываются послѣдствія свободы поземельнаго оборота въ видѣ довольно значительнаго неравенства крестьянскихъ участковъ; во второй половинѣ вѣка прожиточные крестьяне уже имѣютъ своихъ половниковъ.—Въ крестьянскій жеребій кромѣ собственной пахотной земли, входятъ доли въ общихъ имуществахъ, права на которыя онъ свободно отчуждаетъ вмѣстѣ со своимъ участкомъ, съ которымъ они стоятъ въ неразрывной связи. Формы совладѣнія: 1) деревенскаго: a) общія деревенскія имущества, происшедшія путемъ раздѣла первоначальной ячейки - двора или созданныя впослѣдствіи договорнымъ путемъ, b) совладѣніе нѣсколькихъ родственныхъ дворовъ въ предметахъ, оставленныхъ ими „не въ долгу", c) совладѣніе нѣсколькихъ (но не всѣхъ) дворовъ одной или нѣсколькихъ деревень, въ угодьяхъ, отдаваемыхъ изъ порозжихъ земель на оброкъ или безоброчно, d) совладѣніе также нѣсколькихъ дворовъ разныхъ деревень, имѣющее основаніе въ пріобрѣтеніи наѣзжихъ пашенъ, съ которыми связаны общихи. Послѣднее нерѣдко служитъ антецедентомъ припуска. 2) a) союзы волостей во владѣніи рѣками и отхожими сѣнокосами; b) волость; — тѣ и другія обязаны своимъ происхожденіемъ въ значительной степени оброчной и тяглой системѣ; c) группы деревень—совладѣлицы въ лугахъ, рѣкахъ и росчистяхъ. Впрочемъ хозяйственный родъ имущества не опредѣляетъ всецѣло его юридическаго характера; одни и тѣ же предметы могутъ быть за различными субъектами. Средство распредѣленія—„дѣлъ"—передѣлъ; его принципъ— тягло и собственный участокъ, тяглая земля, величина которой и фактически, и юридически опредѣляетъ величину доли въ общихъ имуществахъ. Передъ дѣломъ производится ровня луговой и горной земли; она состоитъ въ обмѣриваніи и возстановленіи старыхъ межей по крѣпостямъ; ею кончаются всѣ отправленія деревенскихъ складниковъ и мірскихъ властей по отношенію къ горной землѣ; по отношенію къ луговой она только предварительный актъ. Иногда ровня совпадаетъ съ вервленіемъ, — цѣль котораго чисто фискальная. Нерѣдко вервленіе и передѣлъ производятся одновременно, послѣдній непосредственно за первымъ: первое съ цѣлью опредѣлить тяглоспособность, второй распредѣлить земли сообразно съ измѣненіемъ количества тяглой земли и тяглоспособности. Каждое постановленіе міра и складниковъ имѣетъ свои санкціи противъ

произвола членовъ союза; иногда ими принимаются мѣры самозащиты противъ посторонниxъ; но эта самозащита простирается только на имущества „не въ дѣлу" и никогда не достигаетъ крестьянскаго собственнаго участка.

Въ засѣданіи **Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества** 8 октября 1898 года Л. З. Мсеріанцъ прочелъ замѣтку, посвященную памяти недавно скончавшагося знаменитаго вѣнскаго оріенталиста академика Фридриха Мюллера [1]. А. С. Хахановъ сообщилъ о вновь открытомъ имъ грузинскомъ отрывкѣ Калилы и Димны. Отрывокъ этотъ, заключающій въ себѣ шестнадцать басенъ (VIII и IX главы арабской версіи) [2], входитъ въ составъ сборника принадлежащаго Тифлисскому Обществу распространенія грамотности (№ 110, въ четверку, въ кожаномъ переплетѣ; рукопись XVIII вѣка, письмо мхедрули). Доселѣ былъ извѣстенъ одинъ грузинскій переводъ К. и Д. — переводъ, сдѣланный царемъ Вахтангомъ VI въ XVIII в.; но въ предисловіи царь свидѣтельствуетъ, что и до него было два перевода: одинъ временъ „царицы царицъ" Тамары, другой—XVII в., сдѣланный Давидомъ, отцемъ царя Теймураза. Вновь найденный отрывокъ разнится съ текстомъ Вахтанга по языку, болѣе простому, легкому и архаичному, по обилію иранизмовъ (въ лексикѣ и стилѣ), по отсутствію стихотворной формы, по расположенію басенъ, по объему отдѣльныхъ мѣстъ. Но это не есть и переводъ Давида, ибо послѣдній кончался VIII главой. Докладчикъ полагаетъ поэтому, что мы имѣемъ дѣло съ переводомъ XII вѣка, доселѣ считавшимся утраченнымъ. Отъ арабской версіи, которая издана въ русскомъ переводѣ М. О. Аттаей и М. В. Рябининымъ, новооткрытый грузинскій переводъ отличается: порядкомъ басенъ, общимъ составомъ ихъ (есть басни, отсутствующія въ арабской версіи), мѣстами изложеніемъ фабулы, составомъ нравоученій; слѣдовательно, не эта арабская версія легла въ основу новооткрытаго грузинскаго перевода. А. С. Хахановъ списалъ текстъ басенъ и перевелъ его.

В. Ѳ. Миллеръ представилъ разборъ новой книги Iensen'a—Hittiter und Armenier (Strassburg, 1898), причемъ, высказывая сомнѣніе въ основательности доводовъ Iensen'a объ армянствѣ хиттитовъ, указывалъ цѣнность его труда въ открытіи чтенія этихъ надписей, подтверждаемаго на рядѣ собственныхъ именъ. Въ дополненіе, Л. З. Мсеріанцъ сообщилъ объ отзывахъ, которыми была встрѣчена теорія Іенсена въ кругу арменистовъ, и о дальнѣйшихъ трудахъ, на основаніи работъ Іенсена (въ вѣнскомъ университетѣ отзывы проф.: Томашека, Краля, о. Гавріила Меневишіяна; въ Proceedings Biblical Archaeology—г. Басмаджіанъ „A propos de deux sceaux Hétéens"; А. Н. Гренъ—„Хиттійскій вопросъ въ современной наукѣ" (въ Братской помощи); въ Révue critique—рецензія Meillet). Къ „армянской" теоріи Іенсена большая часть названныхъ ученыхъ (за исключеніемъ А. Н. Грена) относятся или отрицательно, или осторожно.

Ѳ. Е. Коршъ, пополняя сдѣланное имъ прежде замѣчаніе [3]) о персидскомъ словѣ gund (сохранившемся въ армянскомъ и арабскомъ (ǵunt) языкахъ, ср. санскр. vrnda), привелъ указанія: Горна (Horn) въ Grundriss der neupersischen Etymologie, 1893, стр. 179 и 193; Гюбшмана въ Persische Studien, 1895, стр. 83 и въ Armenische Grammatik, 1895, стр. 130—131, и словаря Еседи, племянника Фирдоуси (изд. Горна 1897 г.). Горнъ приводитъ персидское слово γund. γunde—Schaar, Menge; versammelt... phlv. gund—Heer и сближаетъ его съ армянскимъ gund и (по устному указанію Нельдеке) съ санскр. vrnda. Формы пеглевійскаго слова gund въ семитскихъ языкахъ указываютъ на первоначальное взрывчатое g, а не придувное γ; съ другой стороны и въ тѣхъ иранскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ g въ началѣ слова измѣняется въ γ, переходъ этотъ является, повидимому,

---

[1]) См. ниже статью г. Мсеріанца.

[2]) Kalîlah и Димнаh, въ переводѣ М. О. Аттая и М. В. Рябинина. М. 1892 г.

[3]) А. И. и З. 1897 г., стр. 408, при обсужденіи доклада бар. Штакельберга.

лишь по отношенію къ обще-иранскому g, а не къ тому, которое образовалось изъ v въ новоперсидск., отчасти въ среднеперс. языкѣ: въ виду этого, если сохранять сближеніе gund съ vṛnda, то γund и γunde должны быть отдѣлены отъ gund и, можетъ быть, сближены со среднеперс. gundak, новоперс. gunda — „комъ тѣста"; по переходѣ обще-иранскаго vṛnda въ gund, слово gunda могло смѣшиваться съ этимъ gund не только по звуку, но и по смыслу, откуда діалектическое (а затѣмъ заимствованное новоперсидскимъ) γund въ смыслѣ „войско". Гюбшманъ напрасно отвергаетъ сближеніе gund—vṛnda на томъ основаніи, что gund встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ армянской письменности, въ которыхъ пеглевійскія слова еще не обнаруживаютъ перехода v въ g: переходъ этотъ засвидѣтельствованъ въ среднеперс. яз. формами, какъ: gartan—шея, gursak—голодный, gurg—волкъ, gušan—самецъ, gumān—подозрѣніе и другія.

Въ помѣщеніи **Московскаго Археологическаго Общества** 23 октября, послѣ панихиды о скончавшихся членахъ Общества: Г. Д. Филимоновѣ († 26 мая), А. С. Павловѣ († 16 августа), Н. Ѳ. Красносельцевѣ († 13 сентября) и А. Л. Оберѣ († 16 сентября), состоялось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина, посвященное памяти покойныхъ дѣятелей. А. И. Кирпичниковъ прочиталъ воспоминанія о Г. Д. Филимоновѣ, причемъ указалъ на его заслуги въ области различныхъ отраслей археологіи и на нѣкоторыя его работы по исторіи древне-русскаго искусства. И. М. Громогласовъ сказалъ прочувственную рѣчь о капитальныхъ трудахъ покойнаго профессора А. С. Павлова, внесшихъ такъ много новаго въ разъясненіе трудныхъ вопросовъ византійско-славяно-русскаго православно-церковнаго права, и очертилъ личность покойнаго, посвятившаго всю свою жизнь на разработку юридическихъ церковныхъ древностей, какъ съ точки зрѣнія историческаго ихъ пониманія, такъ и примѣненія къ современнымъ правовымъ потребностямъ. А. И. Кирпичниковъ прочиталъ некрологъ Н. Ѳ. Красносельцова, бывшаго профессора Новороссійскаго университета по каѳедрѣ исторіи церкви, и указалъ важнѣйшіе его труды какъ собственно по церковной исторіи, такъ и по исторіи византійской литературы въ ея воздѣйствіи на литературу древне-русскую. К. М. Быковскій помянулъ теплымъ словомъ память А. Л. Обера, извѣстнаго своею дѣятельностью въ области зодчества и археологіи, трудившагося надъ реставраціей нѣсколькихъ важныхъ памятниковъ древности и принимавшаго въ теченіе 15 лѣтъ участіе въ работахъ состоящей при Обществѣ коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ.

X съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ состоявшійся въ августѣ этого года и весьма оживленный по числу присутствовавшихъ и по количеству рефератовъ, далъ не мало интереснаго и для археолога.

Сюда принадлежатъ уже самыя *экскурсіи по Кіеву*. Такъ проф. Армашевскій показалъ желающимъ интересный геологическій разрѣзъ въ двухъ частныхъ владѣніяхъ на Кирилловской улицѣ, любопытный для опредѣленія древности человѣка на берегахъ Днѣпра въ данномъ мѣстѣ. Здѣсь, въ оврагѣ и на вершинѣ прилегающихъ холмовъ, видны мощныя отложенія лёсса (желтозема, глины съ известковыми включеніями), въ которыхъ, на глубинѣ 6—8 саженей ниже поверхности холмовъ, замѣчается черноватая прослойка (а мѣстами 2—3 такихъ прослойки) съ остатками угля, золы, костей (въ томъ числѣ и мамонта) и кремневыхъ осколковъ, указывающими на присутствіе человѣка. Выше, на вершинѣ холма, можно видѣть, что слой лёсса (здѣсь менѣе мощный) лежитъ на моренѣ, т.-е. на отложеніяхъ древняго ледника со включенными въ нихъ валунами сѣверныхъ горныхъ породъ; эти ледниковые наносы подстилаются песками озерно-рѣчнаго происхожденія, ниже которыхъ идутъ уже отложенія (глины и пески) третичной и болѣе древнихъ эпохъ. Такимъ образомъ, сюда доходилъ когда-то великій сѣверно-русскій ледникъ, по отступаніи котораго здѣсь появился и человѣкъ, какъ то

доказываютъ слѣды его пребыванія, прикрытые теперь мощною толщею лёсса, отчасти нанесеннаго въ видѣ пыли вѣтромъ, отчасти снесеннаго по склону водою [1]). Добытыя отсюда кости и кремневыя издѣлія были собраны особенно г. Хвойко (давно уже поселившимся въ Кіевѣ чехомъ, большимъ любителемъ археологіи), который передалъ эту коллекцію недавно основавшемуся Обществу древностей и искусствъ. Впослѣдствіи она, какъ и нѣкоторыя другія собранія древностей, имѣетъ поступить въ строящееся зданіе музея, а покуда хранится во временномъ помѣщеніи при Обществѣ сельскаго хозяйства. Г. Хвойко занимался также изслѣдованіемъ древнихъ, вырытыхъ въ лёссѣ и случайно открытыхъ въ Кіевѣ пещеръ, гдѣ тоже были найдены любопытные остатки древнѣйшей культуры.

Съ историческими древностями стараго Кіева познакомили членовъ съѣзда проф. В. Б. Антоновичъ (такъ называемыя Золотыя ворота, Софійскій соборъ, Десятинная церковь и т. д.) и проф. Голубевъ (Кіево-Печерская лавра и ея ризница). Многіе члены съѣзда посѣтили также домъ Б. И. Ханенка съ его художественными и археологическими коллекціями, галлерею г. Терещенка, Музей древностей при Университетѣ, состоящій въ завѣдываніи проф. В. Б. Антоновича, Церковно-Археологическій Музей при Духовной Академіи, организованный проф. Н. И. Петровымъ и частную коллекцію г. Хвойко.

Въ секціи *геологіи* проф. А. А. Иностранцевъ сдѣлалъ сообщеніе о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Алтайскомъ краѣ, предпринятыхъ имъ съ нѣсколькими помощниками по приглашенію Кабинета Его Величества, при чемъ представилъ первый листъ геологической карты округа, съ показаніемъ на ней распредѣленія древнихъ отложеній (девонскихъ, каменноугольныхъ) и изверженныхъ (вулканическихъ) породъ. Г. Криштафовичъ сообщилъ о находкахъ каменнаго вѣка по берегамъ р. Вислы, а г. Каракашъ— „О находкѣ остатковъ мамонта на Маломъ Кавказѣ“ и т. д.

Въ секціи *географіи* г. Апостоловъ сообщилъ о физико-географическихъ условіяхъ Кубанской области, было доложено сообщеніе г. Пантюхова „О расахъ Кавказа“, а проф. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „Къ исторіи религіозныхъ вѣрованій и искусствъ: древнія и новыя священныя изображенія парящихъ птицъ и крылатыхъ существъ“,— поясняя докладъ многочисленными рисунками.

На томъ же Съѣздѣ М. Г. Остроумовъ сообщилъ объ „одномъ изъ способовъ объединенія провинціальныхъ научныхъ силъ въ интересахъ усиленія и развитія научныхъ Обществъ“, указавъ на примѣръ г. Перми, гдѣ нѣсколько Обществъ, располагавшихъ каждое малымъ числомъ членовъ и небольшими денежными средствами, предположили соединиться въ общую организацію подъ названіемъ „Пермскій научный музей“ и благодаря этому сконцентрировали свои научныя силы и усилили свои средства. („Рус. Вѣд.“).

---

[1]) Ср. стр. 205—206.

VI.

Библіографія.

Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологіи. Протоколъ № 3, 1898 г., стр. 81—131.

Въ протоколѣ (засѣданіе 21 апрѣля) помѣщенъ докладъ *Н. Ф. Ситняковскаго* объ осмотрѣнномъ имъ древнемъ валѣ на пространствѣ отъ окрестностей 2-й станціи Закасп. жел. дор. къ востоку отъ Бухары, до развалинъ укрѣпленія Деньчакъ-тепе (далѣе селенія Хазаръ, за которымъ невысокій валъ начинаетъ теряться въ массѣ кладбищъ). Всего на этомъ протяженіи отмѣчено и большею частью осмотрѣно г. С. семь укрѣпленій,—а близъ развалинъ укрѣпленія Хазаръ — слѣды цѣлаго селенія. Далѣе г. С. сообщаетъ и о другихъ видѣнныхъ имъ развалинахъ городовъ и укрѣпленій по рѣкѣ Заравшану. Въ приложеніяхъ къ протоколу напечатаны: 1) начало статьи *о. А. Ѳ. Корчагина*: „Историческія судьбы несторіанства въ Персіи и Средней Азіи“ (доложено въ засѣданіи 21 апрѣля). Это — живое и популярное изложеніе данныхъ изъ печатныхъ источниковъ. Припоминая объ одномъ изъ двухъ несторіанскихъ кладбищъ, открытыхъ въ самомъ Туркестанѣ, въ Семирѣченской области и о чтеніи надписей съ него Д. А. Хвольсономъ, о. К., повидимому, не знаетъ о разработкѣ тѣхъ же надписей въ Восточной Коммиссіи Моск. Археол. Общ. (хотя наши „Древности Восточныя“ имѣются въ библіотекѣ Туркест. Кружка). См. Древн. Вост. I, 1—72 и 176—194.

2) „Ташрабатское ущелье (на дорогѣ отъ Нарына къ Кашгару)“—отрывокъ изъ книги д-ра *Зеланда:* „Кашгарія и перевалы Тянь-Шаня“. Омскъ. 1888 г. Здѣсь описывается осмотрѣнная авторомъ въ 1886 г. въ этомъ высокомъ (11,000 фут.) холодномъ и пустынномъ ущельѣ древняя постройка, коей приложенъ и рисунокъ. Это—сложенный изъ нетесанаго камня, на цементѣ, четыреугольникъ въ 48 × 36 шаговъ, съ плоской крышей, въ серединѣ коей — куполъ (около 12 арш. высоты). Подъ куполомъ перекрещиваются, расширяясь въ видѣ залы, два главные корридора зданія: одинъ болѣе короткій, другой болѣе длинный. Черезъ послѣдній и входъ въ зданіе; высота этого корридора около 4 аршинъ; оба корридора—сводчатые. Изъ передняго (т.-е. входнаго) корридора идутъ въ одну сторону болѣе узкіе боковые корридоры. Какъ въ главныхъ, такъ и въ боковыхъ корридорахъ замѣчаются въ стѣнѣ отверстія, вышиною въ 1—1½ аршина, которыя ведутъ въ глухія кельи, въ планѣ четырехугольныя, съ потолкомъ круглымъ, въ объемѣ не болѣе 1 кубической сажени, совершенно темныя и совершенно голыя внутри (безъ слѣдовъ каминовъ, наръ, нишъ и т. п.). Въ средней залѣ сохранились куски грубой штукатурки, а по разсказу подп. Волкова, видѣвшаго зданіе въ 1881 г., въ то время можно было разобрать на штукатуркѣ грубыя фи-

гуры трехглаваго коня и пятиглаваго дракона. Водя д-ра по кровлѣ зданія, киргизы указывали ему мѣсто, подъ которымъ находится, по ихъ словамъ, склепъ, гдѣ похоронены „сарты и киргизы". Д-ръ Зеландъ полагаетъ, что зданіе — монастырь: или буддійскій (на что могли бы указывать видѣнныя г. Волковымъ изображенія), или несторіанскій. Онъ склоняется болѣе къ послѣднему мнѣнію, но ссылается въ подтвержденіе его на ошибочное чтеніе Д. А. Хвольсономъ одной надгробной надписи изъ пишпекскаго кладбища (г. Зеландъ введенъ и въ другое заблужденіе г. Хвольсономъ, который тогда относилъ древнѣйшія изъ этихъ надписей къ IX вѣку) [1]).

3) *В. А. Каллаура* сообщеніе отъ 13 мая 1898 г. о находкѣ имъ двухъ новыхъ камней съ орхонскими письменами на томъ же урочищѣ Аиртамъ-ой, гдѣ были открыты имъ такія же письмена въ 1896 г., и о поѣздкѣ, съ цѣлью осмотра этихъ надписей, совершенной въ маѣ, подъ руководствомъ г. Каллаура, членами финляндской ученой экспедиціи (археологъ Г. І. Гейкель, зоологъ и ботаникъ бар. К. Мункъ и астрономъ О. Доннеръ). Снимки съ надписей, сдѣланныя г. Каллауромъ, отправлены въ Петербургъ барону В. Р. Розену.

4) *И. П. Аничкова* сообщеніе отъ 5 іюня объ археологической находкѣ въ горахъ около Мерке. Киргизъ Асимъ-тюря передалъ г. Аничкову небольшой свертокъ вещей, добытыхъ изъ могилы, раскопанной въ горной долинѣ р. Корагистанъ на Александровскомъ хребтѣ: это—части костяной обкладки сѣдла, кусочки кожи и матеріи, куски серебряной чаши, разломавшейся при извлеченіи, металлическія части удилъ и стремянъ, три желѣзныхъ наконечника стрѣлъ и разные обломки. Могила представляла изъ себя груду камней, подъ которой, на высотѣ человѣческаго роста, были найдены кости, истлѣвшія и разсыпавшіяся. Асимъ - тюря „предполагаетъ", что здѣсь погребенъ былъ всадникъ съ лошадью. „По словамъ Асимъ-тюри, могила была киргизами разрыта для очага, но это неправда, такъ какъ изъ поѣздки съ г. Темировымъ въ горы мы убѣдились, что киргизы повсемѣстно разрываютъ могилы, извлекая изъ нихъ часто довольно цѣнныя вещи. Такъ, напр., намъ говорили, что въ одной могилѣ нашли серебряное сѣдло. Находимыя вещи расходятся по рукамъ и получить ихъ послѣ невозможно. Въ сообщеніи моемъ о каменныхъ бабахъ, читанномъ въ засѣданіи кружка 11 дек. 1896 г., я тогда еще обратилъ вниманіе на множество сброшенныхъ и разбитыхъ каменныхъ бабъ, что ясно указываетъ на практикуемое мѣстными жителями разрываніе могилъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Асимъ - тюря весьма точно опредѣлилъ значеніе найденныхъ вещей".—Далѣе г. А. сообщаетъ объ осмотрѣнномъ имъ, вмѣстѣ съ г. Темировымъ, по указанію того же Асимъ-тюри, большомъ камнѣ съ изображеніями, близъ с. Каменки, въ

[1]) Всѣ надписи относятся къ XIII—XIV вв., въ упомянутой надписи говорится не о монастырѣ, а о церкви; нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ на то, чтобъ существовали несторіанскіе монастыри въ Средней Азіи, и существованіе ихъ тамъ является мало вѣроятнымъ. См. Древн. Вост., I, 184, 188—189 и 192.

ущельѣ Караганъ-тасѣ, на высотѣ 1,000 в. Изображенія, на гладкой вертикальной поверхности камня (длина коей около 10, вышина около 5 аршинъ), г. А. призналъ тамгами.

Изданія Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Къ нынѣшней осени Архивомъ изданы слѣдующія книги:

1. **Древне-русская картографія. Вып. 1: Планы г. Москвы XVII вѣка.**—М. 1898. 8°, 80 стр.

Древнѣйшіе изъ рукописныхъ плановъ Москвы, сохранившихся въ нашихъ архивахъ, находятся въ Государственномъ Архивѣ въ СПБ.—Это—изъ приказа Тайныхъ дѣлъ (т.-е. собственной царской канцеляріи), относящіеся къ 60 — 70 годамъ XVII вѣка. Изъ нихъ 22 изданы В. И. Ламанскимъ въ приложеніи ко II тому „Зап. отдѣленія русской и слав. археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества"; изъ остальныхъ въ настоящей книгѣ печатаются 35, не изданныхъ доселѣ плановъ (и кромѣ того, 6 изданныхъ В. И. Ламанскимъ, но повторенныхъ здѣсь вслѣдствіе отношенія ихъ къ мѣстности, гдѣ стоитъ Архивъ. Изъ остальныхъ, 11 плановъ суть дублеты, а одинъ представляетъ амбары, неизвѣстно откуда. Издаваемые здѣсь планы относятся къ Кремлю, Китаю, Бѣлому, Земляному городу и Замоскворѣчью. Они чрезвычайно интересны и чертежами, и надписями (между прочимъ указанія на церкви, на частныхъ владѣльцевъ, присутственныя мѣста, лавки и т. п.). Составлена книга С. А. Бѣлокуровымъ и имъ же написанъ объяснительный текстъ къ планамъ. С. А. полагаетъ, что планы могутъ относиться къ какому-нибудь нынѣ утраченному дѣлу, о чемъ могутъ свидѣтельствовать два (довольно обширные) отрывка описи домовъ, сохранившіеся въ полуистлѣвшемъ видѣ въ дѣлахъ того же Тайнаго приказа. Оба отрывка тутъ же изданы.

2. **С. Бѣлокуровъ. — О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи.**—М. 1898. 8°, XVI+336+DXXVIII (3 руб.).

Въ „Археол. Изв. и Зам." 1894 г. была напечата статья И. Е. Забѣбина [1]), послужившая началомъ спора о царскихъ библіотекѣ и архивѣ [2]). Отрицая существованіе обширной иноязычной царской библіотеки въ XVI ст., г. Бѣлокуровъ доказываетъ свои положенія рядомъ изслѣдованій, которыя сами

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ—Подземныя хранилища Московскаго Кремля. Арх. Изв. 1894, № 2.

[2]) Статьи С. А. Бѣлокурова и А. И. Соболевскаго въ Моск. Вѣд. и Нов. Вр. 1894 г., перепечатанныя въ А. И. и З. 1894 г., №№ 6 — 7; книга Н. П. Лихачева „Библіотека и Архивъ Московскихъ Государей въ XVI стол.", СПБ., 1894; докладъ С. А. Бѣлокурова на Рижскомъ Археолог. Съѣздѣ 1896 г., см. о немъ въ А. И. и З. 1896 г.; Отчетъ о 3-мъ присуж. преміи Карпова (рецензія М. И. Соколова на трудъ Бѣлокурова въ рукописи) въ Чт. Общ. Ист. и Др Росс.; статья А. И. Соболевскаго въ А. И. и З., 1897, № 5—6.

по себѣ представляютъ интересъ и имѣютъ особую цѣну по документальности и полнотѣ. Такъ въ первую главу (О поискахъ Тремера въ 1891 г.) вошла исторія, тщательно по архивнымъ описямъ и дѣламъ добытая, трехъ старыхъ московскихъ библіотекъ: а) Посольскаго приказа и Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, б) Патріаршей и в) Типографской, и дается очеркъ образованія и состава иноязычныхъ собраній въ остальныхъ Московскихъ библіотекахъ. Тутъ же, совокупной съ весны 1897 г. работой: Оск. Гебгардта въ Дрезденской библіотекѣ и С. А. Б — ва въ Московскихъ установлены фактъ и составъ безстыдныхъ хищеній Маттеи изъ моск. библіотекъ. Для главы 2-ой (О мнимомъ свидѣтельствѣ Максима грека) Б — въ разыскахъ по русскимъ библіотекамъ и просмотрѣлъ сохранившіяся рукописи со словами и переводами Максима грека и сказаніями о немъ (7-ми рукописей не нашлось, изъ остальныхъ 242-хъ 190 просмотрѣны самимъ изслѣдователемъ, 27 другими лицами и 25 должны были остаться не провѣренными); сказанія о Максимѣ грекѣ, содержащіяся въ нихъ, раздѣлились на девять редакцій (большею частью впервые дѣлающихся достояніемъ ученой литературы. Глава 5-я есть любопытное архивное изслѣдованіе о составѣ царскихъ библіотекъ XVII в. и библіотеки Ивана IV и о судьбѣ ихъ. Въ Приложеніяхъ изданы: сказанія о Максимѣ грекѣ съ ихъ варіантами; списокъ (съ описаніемъ) рукописей, содержащихъ слова, переводы и сказанія о Максимѣ грекѣ [3]); описаніе греческихъ и латинскихъ рукописей Москов. Архива Иностр. Дѣлъ (составленное большею частью Ундольскимъ); реестры библіотеки Архива 1773 г., съ замѣчаніями и дополненіями; опредѣленіе рукописей украденныхъ Маттеи. Въ Дополненіяхъ весьма интересны сообщенные о. Пирлингомъ письма Льва Сапѣги и Петра Аркудія къ римскимъ духовнымъ, отъ 16 марта 1601 г. изъ Можайска, по вопросу о царской библіотекѣ. Изъ четырехъ цинкографій, помѣщенныхъ въ книгѣ, отмѣтимъ послѣднюю, на стр. CCCX — изъ рукописи Общ. Люб. Др. П., XVI в. (поступившей въ $189^5/_6$ г.) — профильное изображеніе Максима грека, отличающееся жизненностью.

3. **Les Archives principales de Moscou du ministère des affaires étrangères**. M. 1898 folio. (Цѣна 3 р.).

Книгу составляютъ: историческій очеркъ Архива (12 страницъ убористаго шрифта, въ листъ), написанный княземъ Н. В. Голицынымъ; краткій схематическій списокъ состава дѣлъ по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи (стр. 13 — 18; указаны: страна или городъ, родъ документовъ, года, число связокъ или картоновъ); 23 фотот. таблицы. Для археолога интересны

[3]) Въ списокъ вошли 243 нумера и замѣтки о 80 слишкомъ еще другихъ (отчасти ненайденныхъ) рукописяхъ. Изъ нумерованныхъ 98 относятся къ 12 московскимъ собраніямъ, остальныя къ собраніямъ: въ Сергіевскомъ посадѣ, Казани, Костромѣ, Петрозаводскѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Петербургѣ и разныхъ мѣстахъ Нижегородской, Ярославской, Тверской, Владимірской, Калужской, Вологодской и Архангельской губерніи. Указаны и тѣ хранилища, гдѣ рукописей относящихся къ Максиму греку не оказывается.

снимки: съ договора между Новгородомъ и в. кн. Ярославомъ Ярославичемъ 1264—1265 г.; съ ясячнаго списка Камчатскаго городка и иныхъ, писаннаго на берестѣ въ 1715 г.; съ нѣкоторыхъ печатей русскихъ (Өеодора Алексѣевича—государственная регалія; Петра I—государственная и походная; „печать Великаго Государя кормового дворца неходячая"; тутъ же „золотой" Ивана Грознаго) и иностранныхъ (золотыя вислыя печати императора Максимиліана I и папы Григорія XIII).

4. **Портреты и картины, хранящіеся въ Архивѣ.** Вып. I. М. 1898. 4°; 80 стр.+16 фотот. таблицъ. (Ц. 3 р.).

Первая часть подробнаго каталога (остальныя части готовятся къ печати), обнимающая портреты и картины масляными красками (302), акварелью (27), карандашемъ, эмаль, вышивки—всего 333 номера. Древнѣйшимъ достовѣрнымъ портретомъ является отличный портретъ посла Микулина, писанный на металлѣ, въ Англіи, въ 1600—1601 г. Уникомъ представляется современный портретъ царя Михаила Өеодоровича въ юношескомъ возрастѣ. Въ каталогъ не вошли рисунки, принадлежащіе къ рукописямъ, поэтому не указано изображеніе князя Святослава съ семьею изъ Изборника 1073 г. (этотъ листъ принадлежитъ Государственному Древнехранилищу Архива, хотя остальная рукопись хранится въ Имп. Публ. Библ.); по той же причинѣ не указаны: драгоцѣнное собраніе портретовъ въ Титулярникѣ 1672, портреты и картины въ рукописяхъ, посвященныхъ вѣнчаніямъ на царство и царскимъ бракосочетаніямъ.

5. **Portraits et tableaux appartenants aux Archives.** M. 1898. 4°, 26 стр. и 18 фотот. табл. (Ц. 3 р.).

Краткій обзоръ портретовъ и картинъ, принадлежащихъ Архиву, сдѣланный по русскому подробному каталогу. Стр. 1—13 соотвѣтствуетъ 1-му выпуску каталога; далѣе слѣдуютъ: гравюры, литографіи, фотографіи, фотипныя, геліографныя и т. п. воспроизведенія. Къ древнѣйшимъ русскимъ гравированнымъ портретамъ принадлежатъ (кромѣ портрета Василія III въ книгѣ Герберштейна, изд. 1550, 1567 и 1600 гг. и Ивана IV въ книгѣ Одеборна, изд. 1585 г.): портретъ Лжедимитрія, гравированный Килліаномъ въ 1606 г., и портреты Шереметева и кн. Хованскаго 1690 г. Изъ мастеровъ XVIII и XIX вв. въ Архивѣ имѣются работы: Пикара (громадный видъ Москвы начала нынѣшняго столѣтія, повидимому наиболѣе полный изъ трехъ извѣстныхъ старыхъ экземпляровъ), Штенглина, Вортмана, Ив. Соколова, Качалова, Шмидта, Чемесова, Еф. Виноградова, Радича, Колпакова, Скородумова, Колпашникова, Валькера, Клаубера, Ухтомскаго, Скотникова, девять прекрасныхъ гравюръ Уткина, Фридрица и др.

И. Евсѣевъ. — Замѣтки по древне - славянскому переводу Библіи. (Извѣстія Имп. Ак. Наукъ, 1898, май).

Возражая Ягичу и Воскресенскому, г. Евсѣевъ полагаетъ, что для

возстановленія Кирилловскаго перевода критеріемъ долженъ быть признанъ точно установленный греческій оригиналъ его. Между тѣмъ греческій лукіановскій (=константинопольскій) текстъ Библіи доселѣ установленъ лишь для книгъ законоположительныхъ (Лагардомъ, Vet. Test. pars prior. Göttingae, 1883). Стремясь къ установленію его для остальныхъ книгъ, г. Евсѣевъ указываетъ характерную черту лукіановской редакціи въ ея *большей пространности*, и отмѣчаетъ послѣднюю въ богослужебныхъ текстахъ (Пареміяхъ) книги І. Навина, Псалтири и всѣхъ 16-и пророческихъ книгъ, въ противоположность исихіевому (= александрійскому) типу полныхъ библейскихъ книгъ. Авторъ ставитъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ два вопроса: 1) всѣ ли книги Св. Писанія даютъ эту разницу богослужебнаго и полнаго текста; 2) къ какому типу относится переводъ въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, откуда не бралось церковныхъ чтеній? — Рѣшая этотъ послѣдній вопросъ относительно книги Есѳирь, г. Евсѣевъ, вопреки А. И. Соболевскому, доказываетъ, что славянскій переводъ ея въ сборникахъ XV вѣка *весь* сдѣланъ съ масоретскаго текста, но приводитъ цѣликомъ отрывокъ другого перевода, единственный сохранившійся, въ житіи сербскаго деспота Стефана Лазаревича, написанномъ Константиномъ Костенчскимъ въ 1431 (по Гласнику, XLII, 262 — 263); такъ какъ этотъ отрывокъ — лукіановскаго типа, то онъ относится г. Евсѣевымъ къ утраченному Кирилловскому переводу книги Есѳирь.

Каталогъ Музея Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ. Часть I. Сост. хранитель музея *Д. И. Лобановъ*. Екатеринбургъ. 1898 г., 8°, 613 стр. (Зап. Ур. Общ. Л. Е., т. XX, вып. I).— Цѣна 2 руб.

Первая часть каталога посвящена: геологіи, минералогіи, палеонтологіи, археологіи, зоологіи, энтомологіи и этнографіи. При каждомъ № за русскимъ текстомъ слѣдуетъ французскій переводъ (Г. О. Клерка). Археологіи посвящены страницы 325—374, раздѣляясь на два отдѣла: 1) „доисторическая археологія“—стр. 325—360 (№№ 4627—6640)—мѣстныя находки издѣлій: костяныхъ, глиняныхъ, каменныхъ, мѣдныхъ (желѣзныя вещи изъ раскопокъ А. Н. Зырянова 1866—70 гг.; очень рѣдко золото, какъ въ № 6431, и серебро, какъ въ № 6635); 2) „старинныя вещи“—(стр. 361—374, №№ 6641—6738) мѣстныя мѣдныя издѣлія. литые образа, кресты, разные бытовые предметы, оружіе и т. п. Дополненіемъ является собраніе фототипій и фотографій (съ вещей Минусинскаго музея, тюменскихъ древностей, вещей Гладеновскаго близь Перми городища, несторіанскихъ семирѣченскихъ надписей).

Památky archeologické a místopisné. XVII (1897). Органъ Археолог. Коммиссіи при Чешской Академіи Наукъ въ Прагѣ, томъ XVII, за 1896 и 1897 годы.

Излагаю содержаніе новѣйшаго тома этого теперь центральнаго органа

по чешской мѣстной археологіи, состоящаго подъ редакціей D-ra I. L. Píč'a. Статей самого редактора, посвященныхъ подобно отмѣченнымъ мною въ одномъ изъ предыдущихъ годовъ Археологич. Изв. и Зам. (1894 г., стр. 284) археологическому изслѣдованію средней Чехіи, въ настоящій обзоръ не ввожу, надѣясь имъ посвятить отдѣльную замѣтку, такъ какъ статьи д-ра Пича даютъ не только описаніе новаго матеріала, но и попытку разрѣшить тотъ или другой капитальный вопросъ въ области славянскихъ древностей.

I. K. **Hraše. — Kamenná mohyla nad Hánovem u Milévska.** (Каменная могила надъ Гановымъ около Милевска, стл. 67—72).

Вся мѣстность изобилуетъ могилами, часть коихъ уже пропала; между могилами встрѣчаются и каменныя; сожженія не встрѣчается; вещи, находимыя здѣсь,—бронза, желѣзо и янтарь. Раскопанная авторомъ могила находится въ сторонѣ отъ могильника (прибл. въ 100 метрахъ) въ лѣсу; курганъ (высотой 2,05 метра, окружность 64 м.) выдѣляется и своей вышиной и аккуратностью обдѣлки. Могила была обложена валунами, которые шли поясами съуживаясь къ вершинѣ кургана. Въ западной части могилы, на высотѣ около 0,75 м. попались угли, но въ незначительномъ количествѣ. Выше опять стали попадаться угли, нашлась доска, впрочемъ, вполнѣ сгнившая; подъ доской—опять небольшой (діам. 0,40 м.) кругъ изъ камней, въ срединѣ его валунъ небольшого размѣра, положенный также на доску; подъ этой доской оказался большой бронзовый сосудъ (въ родѣ ведра; рис. при статьѣ), вышиной 0,11—0,16 м., діаметръ 0,21, съ ушами желѣзными, по два на каждой сторонѣ; онъ былъ плотно обложенъ со всѣхъ сторонъ кремнями, подъ нимъ опять слой кремня, далѣе опять доска, подъ доской—бронзовая, хорошей работы миска, подъ ней наконецъ слой пепла. Въ томъ же курганѣ на сѣверъ, въ разстояніи 0,33, второе погребеніе того же характера, но съ нѣсколько инымъ инвентаремъ: вмѣсто большого сосуда—обломки какого то желѣзнаго предмета, повидимому, сосуда въ родѣ миски, рядомъ остатки желѣзнаго пояса (желѣзныя пряжки были пришиты проволокой къ кожаному ремню); подъ всѣмъ этимъ опять пепелъ. На югъ отъ перваго погребенія—третье, также обложенное камнями и прикрытое доской; вещи желѣзныя—почти истлѣвшія и изоржавѣвшія. Въ сосѣднихъ могилахъ, также каменныхъ, оказалась желѣзная разбитая посуда, иногда только пепелъ, придавленный плоскимъ камнемъ.

Всѣ вещи переданы въ Чешскій Королевскій Музей.

I. N. Woldřich.—Předhistorické výzkumy v jihovychodních Čechách z r. 1895. (Изслѣдованія по доисторической эпохѣ въ юго-восточной Чехіи, стл. 159—176; 307—324).

Первая часть изслѣдованія посвящена такъ наз. жертвеннымъ камнямъ (obětní kameny) близъ южной чехоморавской границы, а также и другимъ мегалитическимъ памятникамъ. Этимъ жертвеннымъ камнямъ раньше посвящали свои замѣтки Richlý и I. Smolík (въ Pám. arch.). Эти камни соотвѣт-

ствуютъ тѣмъ, которые у насъ называютъ „чашечными“. Авторъ вкратцѣ излагаетъ споръ объ этихъ камняхъ двухъ школъ: естественники (главн. обр. шведскіе ученые) считали эти камни игрой природы, археологи—искусственнымъ дѣломъ людей, приносившихъ жертвы на этихъ камняхъ; третьи (какъ L. Niederle) соединяли то и другое мнѣніе: ямки, образовавшіеся безыскуственно, были примѣнены для жертвъ людьми. Авторъ перечисляетъ извѣстные ему изъ чешской археологич. литературы „чашечные камни“, описываетъ найденные впервые имъ самимъ. Просмотрѣнный авторомъ матеріалъ заставляетъ его склоняться къ мнѣнію объ естественномъ образованіи чашечекъ въ песчаникѣ, какъ послѣдствіи вывѣтриванія и выпаденія изъ песчаника кремневаго валуна, обусловливавшаго своей формой форму чашки; отсутствіе при этихъ камняхъ остатковъ человѣческой культуры приводитъ его къ выводу, что ни для культурныхъ, ни для религіозныхъ цѣлей они никогда не назначались.—Слѣдующая группа мегалитическихъ памятниковъ—„колеблющіеся камни“ (viklany, logans), т.-е. плоскія поверхности, покоящіеся на очень узкомъ, а потому неустойчивомъ основаніи; и ихъ авторъ прямо считаетъ безыскуственными, объясняя вывѣтриваніемъ болѣе мягкой породы нижняго слоя образованіе болѣе узкаго, тонкаго основанія стола.—„Стоячіе камни“ (menhir) представляютъ болѣе трудности для опредѣленія: между ними были и естественные, и искусственные; склонный къ объясненію естественнымъ образованіемъ появленія этихъ стоячихъ камней, авторъ готовъ развѣнчать изъ искусственныхъ въ природные и описанный ранѣе столбъ у Клобука. (См. Арх. Изв. и Зам., 1894 г., стр. 284).—„Каменныхъ аллей“ или рядовъ изъ камней въ Чехіи не нашлось; тотъ рядъ, который отмѣчаютъ, какъ единственный, у Страконицъ, оказывается природнымъ. „Дольменовъ“ точно также въ Чехіи не найдено.

Вторая часть работъ Вльдржиха посвящена его раскопкамъ могилъ недалеко на СЗ. отъ города Собѣславля (Soběslav) у деревни Rybová Lhota и описанію городища. Могилы разбросаны неправильно; онѣ — глиняныя съ слѣдами сожженія, вещей не найдено никакихъ. Въ той же сторонѣ въ 8 километрахъ отъ города у деревни Želeč — двѣ могилы со слѣдами сожженія, съ остатками желѣза и черепками въ ограниченномъ количествѣ; отнесены онѣ изслѣдователемъ къ VI — VIII вѣку по Р. Х. На востокъ отъ Ryb. Lhoty оказались на пахоти черепки двухъ сортовъ, разбросанные въ нѣсколькихъ мѣстахъ, нашлись здѣсь же горѣлыя кости человѣческія; изъ этого авторъ дѣлаетъ предположеніе о существованіи здѣсь могильника, относящагося, судя по орнаменту черепковъ, къ эпохѣ la-Tène, приблизительно къ III—V ст. по Р. Х. Наконецъ, авторомъ статьи обслѣдовано городище на Сваковѣ (Svákov) у Собѣславля. Это городище извѣстно давно, еще Воцелю (ок. 1860 г.), подвергалось уже изслѣдованію (Richlý). Городище неправильной эллипсовидной формы, валомъ окружено только съ трехъ сторонъ, съ четвертой (восточной) примыкаетъ къ обрыву, подъ которымъ течетъ рѣчка Лужница; величина городища въ окружности 448 ша-

говъ (сажень? sáhů); валъ идетъ въ одинъ рядъ (въ другомъ городищѣ—на Катовицкой горѣ—въ три). Подробное изслѣдованіе автора привело его къ слѣдующимъ выводамъ: 1) насыпка валовъ—устроеніе городища—относится приблизительно къ V ст. по Р. Х.; 2) что создано оно племенемъ славянскимъ, сомнѣній нѣтъ никакихъ.

Jan Felcmann a V. Schmidt.—Archeologický výzkum „Údolí Svatojiřského“. (Археолог. изслѣдованіе долины Свято-Юрьевской, стл. 191—200; 285—308; 411—424; 539—562).

Описаны: 1) погребеніе съ сожженіемъ у *Лисовицъ*, гдѣ найденъ былъ бронзовый сосудъ (около 200 мм. вышины) съ пепломъ, обломками бронзоваго ножа и выпуклиной щита; по времени отнесено погребеніе къ первой половинѣ II ст. по Р. Х.; сосудъ не мѣстнаго происхожденія, скорѣе всего занесенъ съ ю.-запада. 2) Погребеніе со скорченными костяками у *Непробилицъ* (Neprobilice), описаніе котораго начато было еще въ XVI томѣ журнала (вып. VII—VIII), представляло могилы, обложенныя камнями, неправильныя по формѣ; при костякѣ—различная глиняная посуда, иногда бронзовыя спиральныя украшенія; многія могилы безъ вещей. 3) Въ латенской могилѣ у *Малыхъ Чичовицъ* (Malé Čičovice) найдены характерные бронзовые браслеты изъ двухъ половинъ (звенья въ видѣ половинки яйца). 4) Изслѣдованіе городища на *Сланской горѣ*; это—продолженіе изслѣдованій прежнихъ лѣтъ; результатомъ прежнихъ изслѣдованій было установленіе того факта, что въ культурныхъ остаткахъ на городищѣ мы должны различать два періода: старшій, представленный богатыми остатками, и младшій, съ иной культурой; этотъ былъ уже славянскимъ, продолжался очень недолго. Продолженное теперь изслѣдованіе, весьма подробное и всестороннее, привело автора къ такому выводу: „поселеніе на Сланской горѣ въ своемъ старшемъ періодѣ принадлежитъ вовсе теперь неизвѣстному въ исторіи племени длинноголовому, сродному здѣшнимъ „скорченнымъ скелетамъ“ типа Унѣтицкаго (razu Únětického), т.-е. племени, которое подобно доисторическому поселенію сѣверной половины Чехіи, хоронило своихъ покойниковъ въ скорченномъ видѣ и съ тѣми вещами, которыя намъ извѣстны изъ могилъ у Únětic, Holubic, Zvoleněvsi, Osluchova, Dřínova, Neprobilic и т. д.“. Это племя долго жило на Сланской горѣ, развило свою культуру въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; еще въ эпоху Галльштатскую продолжало жить здѣсь это племя, захватило оно и эпоху Латенскую. Далѣе авторъ предполагаетъ, что это первоначальное населеніе Сланской горы было порабощено вторгнувшимися Боями (стало быть, уже историческимъ племенемъ), которымъ и принадлежатъ остатки Латенской культуры, попадающіеся въ перемежку съ вещами древнѣйшаго типа. О славянскомъ населеніи точнѣе судить матеріала нѣтъ; можно только констатировать его присутствіе на Сланской горѣ. 5) Доисторическое поселеніе у *Каменомоста* (между дер. Kamenomost и Zvoleněvsi); на полѣ найденъ культурный слой, обозначавшійся темными пятнами; раскопка этихъ мѣстъ дала рядъ

находокъ: гончарныя издѣлія (черепки), каменныя орудія, костяныя издѣлія, кости звѣрей. Сравненіе культуры Каменомоста съ другими аналогичными заставляетъ предположить, что обыватели Каменомоста еще не знали металла и по времени должны быть старше, нежели намъ извѣстныя поселенія Сланской горы, Ржвнача, Пржемышлени и т. д. Современными Каменомостскому поселенію можно счесть поселенія моравскія въ Велеградѣ, Žopech и можетъ быть около Знойма. 6) Мелочи: а) Доисторическое поселеніе у *Подлешина* (Podlešín) около Зволеневси: въ культурномъ слоѣ найдено уже желѣзо, бронза, меандровый орнаментъ на сосудахъ; все взятое вмѣстѣ заставляетъ поселеніе отнести къ римской эпохѣ. б) Доисторич. поселеніе у *Гуменъ* (Humna), дающее аналогію къ Михельскому (Pám. arch. XVI, 755). 7) Погребеніе у *Лисовицъ* (продолженіе изслѣдованія; см. № 1): недалеко отъ того мѣста, гдѣ найденъ былъ бронзовый сосудъ, найдена могила съ сожженіемъ; въ ней кромѣ обугленныхъ костей, обломокъ какого то бронзоваго предмета, бронзоваго сосуда, нѣсколько черепковъ (одинъ съ меандровиднымъ орнаментомъ); очевидно, сожженныя кости были въ могилѣ безъ сосуда, просто сгребены съ пепломъ въ кучку. Въ 18 м. отъ этого мѣста найдено уже погребеніе: костякъ скорченъ, на правомъ боку, лицомъ къ востоку, повидимому, женскій; въ ногахъ горшокъ, подъ головой камень—песчаникъ. Далѣе идетъ рядъ могилъ въ перемежку и съ погребеніемъ, и съ сожженіемъ. Послѣднія относятся къ римской эпохѣ, ко 2-й половинѣ II ст. по Р. Х.; первыя же относятся къ разнымъ эпохамъ, между прочимъ, къ X или XI вѣку. 8) Погребенія со скорченными костяками у *Лотуши* (Lotouše). Погребенія типа Унѣтицкаго; но вещи попадались и до сихъ поръ неизвѣстныя; поэтому погребеніе имѣетъ весьма важное значеніе. 9) Двѣ находки римской императорской эпохи у *Слатины*: а) поселеніе—культурныя ямы, масса черепковъ, каменный брусокъ, обломки чаши на подножкѣ; орнаментъ—меандровый, желѣзныя шкварки; б) погребеніе съ сожженіемъ; найдено много вещей: бронза, посуда, золотыя украшенія, но также и желѣзо.

1. Smolík. — O trech klíčích, nalezených u Dobřichovic. (Три ключа, найденные около Добржиховицъ, стл. 223—232).

Добржиховице, сельцо по Бероункѣ, съ XIII вѣка было уже монастырскимъ, принадлежало пражскимъ крестовникамъ „съ красной звѣздой“ (křižovníky s červenou hvězdou); при паханіи здѣсь выкопали три желѣзныхъ ключа; авторъ предполагаетъ, что плугомъ было задѣто какое-нибудь погребеніе, гдѣ были эти ключи въ могилѣ. Всѣ ключи продѣты были цѣпочкой; авторъ подробно описываетъ ключи, сравнивая свои ключи съ иноземными, начиная съ лакедемонскихъ, относитъ ихъ къ III ст. по Р. Х.; въ концѣ концовъ пробуетъ онъ реконструировать замокъ, къ которому подходили ключи этого типа.

Jindř. Matiegka.—Nálezy Laténské ze severozápadních Čech. (Находки латенской эпохи въ с.-зап. Чехіи; стл. 271—284).

1) Могилы у Великихъ Жерносекъ-Чагостицъ (u Velkých Žernosek-Cahostic): найдены при выборѣ песку для дороги два скелета, при одномъ бронзовый наплечный браслетъ и фибула латенскаго типа. 2) Описаніе находокъ у Либчевси (u Libčevsi) дополняетъ отчетъ о нихъ г. Смолика въ Pám. arch. (т. XIV, 1888 г.); раскопка дала цѣлый рядъ вещей типа la-Tène, но типа не чистаго, а смѣшанаго, старшаго и младшаго латенскаго же типа: въ слояхъ старшихъ попались вещи младшаго типа.

Fr. Kučera. — Skrčené kostry ve Strádonicích u Loun. (Скорченные костяки въ Страдоницахъ около Лунъ; стл. 457—462).

Между Храштиномъ и Страдоницами есть городище, окруженное валомъ; въ немъ толстый (около 2 метр.) культурный слой. Здѣсь находили костяки ла-тенской эпохи съ богатымъ инвентаремъ (Šnajdr, Počátkové předhistorického místopisu, str. 15); эти вещи, равно и черепа, разбрелись по разнымъ собраніямъ (ихъ перечисляетъ авторъ), но особенно много сосредоточено въ собраніи г. Клапки (Klapka), у котораго сохранились и S-видныя височныя кольца (см. L. Niederle, Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der altslavischen Gräber, S. 43). Авторъ описываетъ содержаніе могилъ этого городища, имѣя главнымъ образомъ въ виду собраніе г. Клапки. Керамика этого могильника типична для могилъ Унѣтицкаго типа. Черепа— всѣ долихоцефальные (приводится таблица измѣреній), въ чемъ опять сходство съ могилами Унѣтицкаго типа (около Strádonic же, недалеко отъ Loun'a).

I. Matiegka.—Naleziště u Brozánek pod Mělníkem. (Мѣсто находокъ у Брозанокъ подъ Мельникомъ, стл. 565—574).

Часть вещей уже давно была извлечена и теперь находится въ музеѣ Кор. Чешскаго. Изслѣдованія автора убѣдили его, что это мѣсто находокъ доисторической эпохи гораздо обширнѣе, нежели полагали до сихъ поръ. Культурный слой залегъ въ глинѣ (почему здѣсь теперь и заводы кирпичные) и представляетъ собой культурныя ямы различной формы (то котлообразныя, то грушеобразныя, то трехугольныя), въ которыхъ и находились черепки, звѣриныя, изрѣдка человѣчьи кости и различные предметы; здѣсь же нашлись и костяки. Подъ головой скелета находится камень, самый скелетъ лежалъ, видимо, на лѣвомъ боку; попадаются и отдѣльные черепа безъ остальнаго скелета. По инвентарю (разные способы погребенія: частью простое погребеніе, частью полусожженіе (opalování), частью полное сожженіе (spalování), бронза, отсутствіе желѣза, керамика (сосуды), предметы въ видѣ полумѣсяца); это мѣсто находокъ надо отнести къ эпохѣ Галльштатской, но младшаго періода.

Fr. Lang. — Mohyly Milavečské a Chrastavické. (Могилы Милавечскія и Храставицкія, стл. 625—634).

Могильникъ курганнаго типа; въ могилѣ цѣлый рядъ горшковъ погребальныхъ и иныхъ; погребеніе, впрочемъ, типа не одинаковаго. Авторъ даетъ подробное описаніе раскопанныхъ имъ 7 могилъ и отдѣльной группы въ 4 могилы; найдено много посуды, хорошая бронза; погребеніе вездѣ въ урнѣ (сожженіе), обложенной крупными камнями.

Изъ сообщеній журнала по древностямъ исторической эпохи для насъ интереснаго не много; все имѣетъ преимущественно мѣстный интересъ: нѣсколько мелкихъ замѣтокъ и статей посвящено исторіи колокольнаго дѣла въ Чехіи (стл. 23, 443, 701), описанію находокъ монетъ въ Чехіи (Смоликъ, 347, 449, 621): преимущественно XIV—XV и XVIII в.; древнѣе монеты въ находкѣ изъ Чистевси (Čistěvsi) (стл. 255, 337—Фіала), относящіяся къ X в. чешскихъ королей, и IX—иноземнаго (итальянскаго) происхожденія.

Мелочи археологическія и историческія. Отмѣчаю нѣкоторыя: 1) Мелкія находки въ Подбабѣ—доисторическомъ поселеніи надъ Прагой—глиняныя вещи изъ первыхъ христіанскихъ столѣтій (стл. 76—77). 2) Стоячій камень (menhir) у Březka na Postoloprtsku (съ рисункомъ, стл. 261 — 264): камень считается чудодѣйственнымъ: его пробовали перенести на другое мѣсто, но пришлось вернуть назадъ, потому что всѣ собаки въ деревнѣ страшно выли, пока камень не водворили на старомъ мѣстѣ. 3) Могилы у Hánov'а съ трупосожженіемъ, очень бѣдныя по содержанію (стл. 358—360; I. K. Hraše). 4) Въ могилѣ съ сожженіемъ у Běsna найдена недурно моделированная глиняная головка быка (стл. 360—361). 5) Легенда о 10000 рыцаряхъ-мученикахъ въ любопытной редакціи чешской, отличной отъ помѣщенной въ Legenda aurea (стл. 361—363). 6) Романскаго типа и хорошаго стиля каменная крестильня (купель) въ Přední Kopanině (съ рисункомъ, стл. 363 — 364). 7) Находка бронзы въ Жеретицахъ (Žeretice), около гор. Ичина—48 наплечныхъ колецъ, два топора (стл. 469—470). 8) Обломокъ черепа человѣческаго, украшенный орнаментомъ въ видѣ кружечковъ, оказался въ числѣ костяныхъ вещей римской эпохи изъ Страдоницкаго могильника (теперь въ вѣнскомъ Hist. Museum) (стл. 665). 9) Въ Hradci Kralovém при копаніи подвала найдены S-видныя височныя кольца, серебряное и мѣдное, вмѣстѣ съ средневѣковыми вещами (стл. 744). 10) Погребенія съ бронзой между сел. Добрыя Вады и Горицы (Hořice).

Изъ библіографическихъ замѣтокъ журнала отмѣтимъ отзывы о книгахъ:

1. **Jul. Naue.—L'époque de Hallstatt en Bavière, particulièrement dans la Haut-Bavière et le Haut-Palatinat.** Paris. 1895. (8°, 39 + X табл.).

Это—попытка опредѣлить систематически и хронологически такъ наз. эпоху Гальштатскаго типа. Авторъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ доисторич. археологіи въ Баваріи, опредѣляетъ Гальштатскую эпоху для Баваріи отъ 800 г. до Р. Х. (приблизительно) и до прихода Римлянъ; La-Tène'ская

культура (она же галльская), какъ отдѣльная культура, не выступаетъ въ Баварiи, проникая сюда съ юга въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ, тогда какъ Галльштатская продолжаетъ развиваться въ Баварiи. Тѣ же соотношенiя между обѣими культурами можно предполагать и для Чехiи. Галльштатская культура распадается на четыре эпохи: 1) 800—700 г., характеризующаяся могилами изъ камня, смѣшаннаго съ глиной; изъ предметовъ характерна—игла (пряжка; фибула еще неизвѣстна); 2) 700—400 г.—преобладаетъ сожженiе, попадается типичный галльштатскiй мечъ, бронза, фибулы; 3) 400—300 г.—господствуетъ сожженiе, характерные мечи, бронзовые сосуды, запонки съ птичьей головкой; глиняная посуда, крашеная въ красный и черный цвѣта, покрыта графитомъ, съ орнаментомъ; 4) 300 г. до Р. Х.—время упадка, влiянiе римское въ посудѣ (стл. 79).

2. **Dr. Lubor Niederle.—O pûvodu slovanû.** (Praha, 1896, 8°, 149).

Проф. Пичъ энергично упрекаетъ автора въ увлеченiи гипотезой, построенной на одностороннемъ пристрастiи къ кранiологiи; защищаетъ взглядъ П. I. Шафарика (стл. 472—476). Ср. Этнографическое Обозрѣнiе, XXXVII, 132 сл.

3. Отзывъ о работахъ *А. И. Черепнина* въ Трудахъ Ряз. арх. ком. X—XI (Борковскiй могильникъ, 800-лѣтiе Казани). Редакторъ журнала передаетъ содержанiе трудовъ А. И. Черепнина (стл. 476—477).

М. Сперанскiй.

Путешествiе антiохiйскаго патр. Макарiя въ Россiю въ половинѣ XVII в., описанное архидiакономъ Павломъ Алеппскимъ. Выпускъ третiй (Москва). 1898 г. Стр. 204. (См. также Чтенiя, книга CLXXXVI, 3-я за 1898 г.).

Неутомимый Г. А. Муркосъ издалъ 3-й выпускъ своего перевода, представляющiй для русскихъ древностей интересъ еще большiй, нежели два первые. Въ немъ наблюдательный, говорливый и откровенный архидiаконъ подробно описываетъ все, что произошло съ „нашимъ учителемъ" (т.-е. отцемъ его, патрiархомъ) и его свитой, а также все, что видѣли и слышали любопытнаго прiѣзжiе, начиная отъ праздника Срѣтенiя, когда они въѣхали въ Москву, и до Свѣтлаго Христова Воскресенiя включительно. Особенно много интереснаго даютъ главы: въ 7-й книгѣ II-ая, гдѣ описывается торжественный въѣздъ молодого царя, IV-ая, гдѣ перечисляются подарки, привезенные патрiархомъ Макарiемъ (иконы, реликвiи и пр.; здѣсь на стр. 13 очень важное указанiе на практическое значенiе оффицiальныхъ лѣтописей); VI-ая, гдѣ описывается торжественный обѣдъ у царя; въ 8-ой книгѣ глава II-ая о торговлѣ мѣхами; глава V-ая о прiемѣ пословъ (здѣсь же и о торговлѣ съ западомъ), глава VI-ая о хитонѣ Спасителя (ср. ниже книга 9, гл. XV); главы IX—XI-ая—*подробное описанiе соборовъ* Успенскаго (особенно важно), Архангельскаго и Благовѣщенскаго и Ивановской колокольни (съ чрезвычайно любопытными свѣдѣнiями объ отливкѣ колоко-

ловъ); въ книгѣ 9, гл. XI-ая о Новодѣвичьемъ монастырѣ и чинѣ погребенія монахинь; гл. XIII-ая—шествіе на осляти и все празднованіе Вербнаго Воскресенія; гл. XIV-ая — обрядъ омовенія ногъ и вся послѣдняя глава о празднованіи Свѣтлаго Воскресенія.

Кромѣ того, чуть не по всѣмъ 200 страницамъ этого выпуска разсыпаны очень интересныя сравненія между образомъ жизни Московитовъ и другихъ „православныхъ“ и указанія на возбуждавшія удивленіе Павла Алеппскаго черты характера и быта нашихъ предковъ: почтеніе къ греческимъ иконамъ (стр. 31), обиліе иконостасовъ (стр. 32, ср. 48, 125, гдѣ говорится о монастырскихъ иконописцахъ и др.), о призрѣніи неимущихъ (стр. 35), объ иностранцахъ въ Москвѣ (стр. 78), о крещеніи иновѣрцевъ (стр. 88), о московской политикѣ (стр. 119), о соблюденіи постовъ (стр. 121) и пр., и пр. Наконецъ, тотъ же выпускъ даетъ массу интересныхъ свѣдѣній объ историческихъ лицахъ, которыхъ зналъ или о которыхъ слышалъ въ Москвѣ наблюдательный авторъ: прежде всего о патріархѣ Никонѣ, котораго онъ видалъ чуть не ежедневно (стр. 47, 145, 159; особенно важны стр. 135—137 и 171, гдѣ говорится объ отношеніи Никона къ латинскимъ новшествамъ, съ одной стороны, и къ старообрядчеству, съ другой; факты изложены безъ малѣйшаго признака тенденціи, но они самопроизвольно подобрались такимъ образомъ, будто авторъ хочетъ объяснить ими будущее паденіе Никона), о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (стр. 95), о дѣятельности царя Алексѣя (стр. 119 и др.), объ Арсеніи Сухановѣ и мн. др.

Авторъ уменъ и наблюдателенъ, говоримъ мы; но пылкое восточное воображеніе и соединенное съ нимъ легковѣріе шутятъ надъ нимъ шутки не малыя: онъ, напр., optima fide увѣряетъ, будто московскія цѣпныя собаки „каждая больше осла“; голова же у ней больше, чѣмъ у буйвола, а пастью своею она *можетъ проглотить голову буйвола* (стр. 71), онъ сообщаетъ множество курьезныхъ подробностей о *песьеголовыхъ* людяхъ (лопаняхъ, т.-е. лопаряхъ), „племени мученика Христофора“, съ которыми антіохійцы бесѣдовали черезъ переводчика (стр. 8, 54 и др.); онъ увѣряетъ (стр. 123), будто москвичи напиваются квасомъ до-пьяна; говоритъ о пушкахъ, которыя стрѣляли безъ звука (стр. 153) и въ перечисленіи московскаго войска, выступившаго противъ поляковъ, такъ и сыплетъ сотнями тысячъ; въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, часть вины лежитъ на самихъ москвичахъ, которые передъ иностранцами частенько бывали хвастливы изъ расчета. Точно также свѣдѣнія по русской исторіи, которыя сообщались автору, не отличались документальною точностью, а онъ, съ своей стороны, перевиралъ ихъ, записывая. Тѣмъ не менѣе его разсказы о прошломъ Руси (стр. 59 и passim) для историка литературы представляютъ интересъ не маловажный, въ качествѣ сказаній, подчиненныхъ общимъ законамъ народной фантазіи.

Примѣчанія переводчика весьма интересны; но почтенный арабистъ, безъ сомнѣнія, согласится, что публикуемый имъ памятникъ нуждается въ комментаріи, по крайней мѣрѣ въ 10 разъ обширнѣйшемъ. *А. К.*

— *Βιβλιθήκη Μαρασλή*, о которой мы уже упоминали въ „Арх. Изв.“ по поводу предпринятаго въ ней какъ бы 3-яго изданія книги Крумбахера, оказала археологіи еще очень важную услугу: въ теченіе лѣта въ ней вышелъ въ 2-хъ толстыхъ томахъ (I т. Европа—631 стр. II-ой Азія и Африка—580), съ роскошно изданнымъ атласомъ въ 35 таблицъ, переводъ знаменитаго руководства по греческой нумизматикѣ Барклая Хида (Barclay-Vincent Head, Historia Nummorum, a manual of greck Numismatics. Oxford. 1887) съ очень цѣнными добавленіями директора національнаго нумизматическаго музея въ Аѳинахъ Іоанна Своронa (*Σβορῶνος*). Приложенныя ко 2-му тому таблицы шрифтовъ имѣютъ большую цѣнность и для ранней византійской палеографіи. Баснословно-дешевая цѣна книги (около 5 руб.) еще больше заставляетъ насъ завидовать грекамъ.

— Недавно вышедшій седьмой томъ изданія Гр. Точилеску начинается большою его статьей на французскомъ языкѣ: „Памятникъ побѣды императора Траяна въ Адамъ - Клисси и городъ Tropaeum Trajani“. Къ описанію фрагментовъ памятника, найденныхъ г. Точилеску въ Добруджѣ, приложенъ цѣлый рядъ снимковъ, историческихъ справокъ, а также реставрированный видъ памятника. Вторая, также большая статья принадлежитъ румынскому ученому Мих. Сутцо и посвящена греческой нумизматикѣ: „Опытъ возстановленія монетной системы у Македонянъ при царяхъ Филиппѣ и Александрѣ и египетской системы при Филиппѣ Сотерѣ“, также на французскомъ языкѣ и съ двумя таблицами. Г. Попа сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Змѣиномъ островѣ на Черномъ морѣ *(Λευκη)*, по поводу экскурсіи на островъ румынскихъ археологовъ, и приводитъ перечень предметовъ, найденныхъ тамъ. По литературѣ румынской мы находимъ также нѣсколько статей. М. Гастеръ напечаталъ румынскій текстъ Александріи изъ Буковины, съ предисловіемъ, излагающимъ исторію Александріи у румынъ и ея литературно - культурное значеніе. Г. Точилеску приводитъ семь историческихъ балладъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ числѣ нѣсколькихъ мелкихъ статей (заговоровъ румынскихъ, пѣсенъ и др.) обращаютъ вниманіе молдавскія грамоты на славянскомъ языкѣ, изданныя вполнѣ палеографически и снабженныя разнообразными примѣчаніями, напримѣръ, Грамота господаря Стефана Великаго отъ 1470-го года, сообщенная П. Сырку. Этою грамотой тетка Стефана даритъ Нямецкому монастырю пасѣку Кипріана возлѣ монастыря того же имени, въ Бессарабіи.

VII.

Некрологъ.

† Н. Ѳ. Красносельцевъ.

13 сентября скончался неожиданно одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и полезныхъ изслѣдователей христіанской старины, Николай Ѳомичъ Красносельцевъ, ординарный профессоръ исторіи Церкви при Новороссійскомъ университетѣ. Николай Ѳомичъ род. въ 1845 году, среднее образованіе получилъ въ Уфимской духовной семинаріи, а высшее въ Казанской духовной академіи. Его магистерская диссертація носитъ заглавіе: „Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно мухамеданъ" (Казань, 1872 г.); но послѣдующія его работы всѣ безъ исключенія—археологическаго и историко-литературнаго характера; особенно много работалъ онъ надъ литургикой, для исторіи которой описалъ и издалъ рядъ новыхъ и чрезвычайно важныхъ памятниковъ. Назову его статью „Толковая служба и другія сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XVIII вѣка" (Правосл. Собесѣдникъ, 1878 г., кн. II); „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ ватиканской библіотеки, съ приложеніемъ изслѣдованія и текстовъ" (Каз., 1885 г.); „Къ исторіи православнаго богослуженія по рукописямъ соловецкой библіотеки (Каз., 1889 года); „Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи св. Іоанна Златоуста (Каз., 1889 г.) и др. Кромѣ того, Н. Ѳ. издалъ нѣсколько очень хорошихъ работъ на болѣе широкія археологическія темы; таковы: „Очерки изъ исторіи христіанскаго храма", „О происхожденіи христіанскаго храма", „Древне-христіанскія усыпальницы въ Римѣ и значеніе сдѣланныхъ въ нихъ открытій для богословской науки" (Рѣчь въ торж. собраніи Каз. академіи, 1883 г.) и проч. Всѣ эти работы, отличающіяся замѣчательною ясностью изложенія и обстоятельностью выводовъ, покойный произвелъ, или готовясь къ занятію каѳедры христіанской археологіи въ Казанской Академіи или уже занимая ее. Онъ довольно долго путешествовалъ по Италіи, въ архивахъ и библіотекахъ которой изучалъ греческія богослужебныя рукописи, а въ 1888 г. совершилъ очень плодотворное путешествіе по Востоку. Назначенный въ 1889 г. экстраординарнымъ профессоромъ исторіи церкви въ Одесскій университетъ, онъ воспользовался близостью Константинополя и Аѳона, расширилъ свои занятія изученіемъ византійской литературы и почти ежегодно предпринималъ

на лѣтніе мѣсяцы путешествіе на Востокъ; въ монастыряхъ аѳонскихъ онъ сдѣлался въ послѣднее время совсѣмъ *своимъ человѣкомъ* и ежегодно къ осени привозилъ оттуда въ Одессу новый и цѣнный матеріалъ. Великолѣпно устроенную и ежегодно богатѣющую библіотеку Пантелеймоновскаго монастыря (подъ управленіемъ высокоуважаемаго отца Матвѣя) Н. Ѳ. зналъ такъ же хорошо, какъ свою университетскую и, благодаря своему симпатичному характеру, своему благодушію, кроткой веселости и постоянной готовности помогать всѣмъ и каждому совѣтомъ и дѣломъ, онъ пользовался въ Россикѣ и Андреевскомъ скиту такимъ уваженіемъ и любовью, что одно названія пріятеля Николая Ѳомича служило превосходною рекомендаціей въ глазахъ свв. отцовъ и открывало передъ нами всѣ двери. Для монаховъ, интересующихся наукой, скучно проходило то лѣто, когда келійка одесскаго профессора оставалась пустою.

Я имѣлъ счастіе быть однимъ изъ такихъ пріятелей Н. Ѳ. съ самаго переселенія его въ Одессу; я прекрасно помню то отрадное впечатлѣніе, которое произвела на всѣхъ насъ вступительная лекція покойнаго, вскорѣ напечатанная подъ заглавіемъ „О значеніи археологическихъ открытій для обработки древней церковной исторіи". Съ первыхъ же словъ нашего новаго собрата мы убѣдились, что передъ нами серьозный и въ то же время идеально-честный ученый, не позволяющій себѣ сказать ни одного слова, которое бы не было основано на глубокомъ изученіи предмета, и столь тщательно избѣгающій всего, похожаго на *фразу*, что свои высокогуманныя мысли и убѣжденія онъ облекалъ въ самыя простыя, умышленно не эффектныя формы. Для профессоровъ это былъ дорогой товарищъ, своими знаніями, трудолюбіемъ и ясностью ума своего способный освѣтить любой вопросъ, соприкасающійся съ предметомъ его занятій; для начинающихъ ученыхъ, магистрантовъ, приватъ-доцентовъ—превосходный руководитель и помощникъ, для студентовъ—добрый и умный, хотя и не блестящій учитель, не стремящійся дѣйствовать на толпу, но приносящій великую пользу тѣмъ немногимъ, кто захотѣлъ бы заниматься серьозно, а тѣмъ, кто отбывалъ его лекціи, какъ повинность, сообщающій незатруднительный, но въ то же время строго-научный курсъ. Свой предметъ, положеніе котораго, несмотря на 25-лѣтіе, протекшее со времени его введенія въ университеты, все еще не совсѣмъ выяснилось, по крайней мѣрѣ въ Одессѣ, онъ сумѣлъ поставить такъ солидно и въ то же время такъ оригинально и симпатично, что ясно опредѣлилъ его направленіе на много поколѣній впередъ; онъ, какъ это видно и изъ самаго заглавія его вступительной лекціи, осуществилъ ту, повидимому, мало исполни-

мую мечту, которую высказывали руководители 1-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ, настаивавшіе на введеніи христіанской археологіи не только въ духовныя академіи, но и въ университеты.

Такая постановка преподаванія исторіи церкви въ университетѣ особенно дорога въ наши дни, при нынѣ дѣйствующемъ уставѣ и связанныхъ съ нимъ программахъ преподаванія. До 1884 г., если гдѣ былъ хорошій преподаватель исторіи искусства, стоявшій на высотѣ своей задачи (какъ, напр., въ той же Одессѣ проф. Кондаковъ), онъ хотя и считалъ своимъ долгомъ знакомить студентовъ съ антиками и съ итальянскимъ возрожденіемъ, все же находилъ возможность читать имъ и курсы по древнехристіанскому, византійскому и средневѣковому искусству, и, стало быть, могъ готовить полезныхъ работниковъ для изслѣдованія искусства русскаго и древностей отечественныхъ. Теперь же, когда весь обязательный курсъ (а на курсы необязательные у студентовъ нѣтъ ни времени, ни охоты) сводится къ начаткамъ искусства греческаго, только одинъ историкъ церкви, съ такою археологическою подготовкой и направленіемъ, какъ проф. Красносельцевъ, можетъ пополнить этотъ важный пробѣлъ въ нашемъ университетскомъ преподаваніи, и въ этомъ отношеніи еще годъ назадъ малочисленнѣйшій изъ русскихъ университетовъ могъ гордиться передъ столичными; что впередъ съ нимъ будетъ, Богъ вѣсть; но можно съ увѣренностью сказать, что если изъ нынѣшняго поколѣнія одесскихъ филологовъ выйдетъ нѣсколько полезныхъ работниковъ по археологіи, русская наука за нихъ должна быть признательна прежде всего Николаю Ѳомичу Красносельцеву.

Во время своей поѣздки на Аѳонъ лѣтомъ 1890 г. Н. Ѳ. совершилъ открытіе, которое сдѣлаетъ имя его вѣчно памятнымъ въ исторіи изученія русской литературы. Любопытный памятникъ нашей древней письменности, такъ наз. Бесѣду Трехъ Святителей, давно уже и вполнѣ основательно считали источникомъ знаменитаго стиха о Голубиной Книгѣ, который въ высшей степени характерно и наглядно опредѣляетъ міровоззрѣніе дореформеннаго русскаго не-книжнаго человѣка. Откуда же произошла сама Бесѣда? Изъ византійскихъ Вопросовъ и Отвѣтовъ, отвѣчали изслѣдователи, но въ византійской литературѣ они могли указать только такіе Вопросо - Отвѣты, связь которыхъ съ Бесѣдой была очень отдаленна и прежде всего потому, что памятники византійскіе представляли высокую ступень богословскаго развитія, тогда какъ наша Бесѣда до крайности наивна и почти простонародна. Естественно было предположить, что наша письменность понижала уровень переходившихъ въ нее идей византійскихъ, и въ этомъ незавидномъ свойствѣ проявляла свою самостоятельность.

Н. Ѳ. въ пергаминной рукописи Пантелеймоновскаго монастыря (XIV в.) нашелъ „Вопросы и Отвѣты полезные и любопытные, ради изъясненія поставленные“, служащіе непосредственнымъ источникомъ „Бесѣды“, и издалъ ихъ („Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды трехъ Святителей“. Одесса. 1890) съ прекраснымъ предисловіемъ и съ приложеніемъ Діалога Василія и Григорія Богослова (по рукоп. Андреевскаго скита, XVIII в.) въ доказательство того, что этотъ Діалогъ, помѣщенный въ Святославовомъ Изборникѣ, съ Бесѣдой общаго ничего, кромѣ формы вопросовъ и отвѣтовъ, не имѣетъ. Такимъ образомъ Н. Ѳ. неопровержимо доказалъ, что и въ этомъ случаѣ наши предки явились только честными пріобрѣтателями и приспособителями византійскаго преданія и оказались виноватыми передъ судомъ исторіи развѣ только тѣмъ, что слишкомъ долго оставались покорными учениками византійскихъ учителей, отъ которыхъ пошла когда то и вся западно-европейская духовная цивилизація.

Своимъ открытіемъ Н. Ѳ. обогатилъ и византійскую литературу и именно въ той ея области, которая представляетъ въ послѣднее время особый интересъ—именно въ области простонародныхъ сказаній, каждый хотя бы самый незначительный памятникъ которыхъ снимаетъ съ всеобщей учительницы несправедливый упрекъ въ сухости, узости, педантизмѣ и въ полномъ отрѣшеніи отъ всего массоваго, популярнаго.

Это открытіе Н. Ѳ. въ сферѣ, отдаленной отъ его первоначальныхъ занятій, возбудило живой интересъ и у насъ и на западѣ, и побудило энергичнаго археолога, не оставляя прежнихъ занятій по исторіи богослуженія, произвести рядъ историко-литературныхъ изысканій въ библіотекахъ востока, результатомъ чего является только что изданная имъ цѣлая книга, заключающая въ себѣ *двѣнадцать* новыхъ списковъ греческой „Бесѣды“ съ превосходнымъ предисловіемъ, въ которомъ Н. Ѳ., опираясь отчасти на изслѣдованіе И. Н. Жданова о joca monachorum (которое съ своей стороны явилось результатомъ его открытій 1890 г.) [1]), доказалъ, что по крайней мѣрѣ одна изъ редакцій Вопросо-Отвѣтовъ возникла не позднѣе V столѣтія. Въ собранныхъ имъ памятникахъ такая масса интереснѣйшихъ указаній на неизвѣстные намъ доселѣ апокрифы, такъ много характернѣйшихъ толкованій текстовъ Св. Писанія и хитроумныхъ замысловъ, что наше представленіе о библейско-народной византійской словесности получаетъ совершенно неожиданную ясность и опредѣленность. (Приводить примѣры значило

[1]) За вышеуказанной работою послѣдовала, кажется, въ томъ же 1890 г. статья: «Еще къ вопросу о греческихъ источникахъ «Бесѣды трехъ Святителей», новыми данными подтверждающая выводы автора (въ настоящую минуту я не имѣю ея подъ руками).

бы выписать, по крайней мѣрѣ, четвертую часть книги). Въ той же книжкѣ, носящей болѣе, чѣмъ скромное, названіе: Addenda къ изданію А. Васильева: Anecdota graeco-byzantina", кромѣ 12 списковъ Бесѣды, находятся: 1) Вопросы Василія Великаго къ Григорію Богослову о священникахъ (по рп. Кутлумушской библ. XIV в.), въ первый разъ издаваемые полностью; 2) Интересная редакція Пренія Панагіота съ Азимитомъ; 3) Полный текстъ Откровенія Христа апостоламъ о духовныхъ и свѣтскихъ (не полный изданъ акад. Ягичемъ); 4) Толкованіе „Отче нашъ", вложенное въ уста самому Христу—памятникъ въ этомъ видѣ совсѣмъ неизвѣстный и, наконецъ, 5) Слово Іоанна Златоуста о св. Воскресеньѣ въ пространной редакціи, къ которому издатель прибавилъ и славянскій его переводъ по синодальной рук. XVI вѣка.

Всѣ эти памятники составляютъ какъ бы мостъ отъ прежнихъ работъ покойнаго—по литургикѣ и церковной археологіи—къ изслѣдованію византійско-славянскихъ апокрифовъ, для уясненія которыхъ наука имѣла полное основаніе ожидать много новаго и важнаго отъ энергичнаго и превосходно подготовленнаго работника. „Замѣчанія и поправки" къ своей высокоцѣнной книгѣ Н. Ѳ. подписалъ 2 сентября, за 11 дней до смерти, которая постигла его въ Константинополѣ, куда онъ поѣхалъ для новыхъ работъ. Такимъ образомъ Н. Ѳ. скончался какъ честный воинъ науки на полѣ битвы, съ оружіемъ въ рукахъ. Дай Богъ такъ пожить и такъ умереть всякому!

Въ заключеніе перечислю тѣ, выше мною не названныя его работы, которыя находятся у меня подъ руками въ настоящую минуту, но оговариваюсь, что списокъ этотъ, безъ сомнѣнія, далеко не полонъ: извѣстіе о смерти дорогого товарища захватило насъ слишкомъ врасплохъ.

1) Объясненіе литургіи, составл. Ѳеодоромъ, еписк. Андидскимъ (памятникъ виз. литературы XII в.). Казань. 1884.

2) Памятникъ древне-русской письменности, относящійся къ исторіи нашего богослуженія въ XVI в. (Правосл. Собесѣдн. 1884, № 1).

3) Церковь св. Климента въ Римѣ и соединенныя съ нею воспоминанія о слав. апостолахъ. Казань. 1885.

4) Рецензія на сочиненіе прот. Никольскаго „О службахъ русской церкви" (Христ. Чтеніе. 1888, №№ 11 и 12).

5) Церк. археологія на русскихъ арх. съѣздахъ (по поводу VII арх. съѣзда въ Ярославлѣ). Прав. Собесѣдн. 1887, № 9.

6) Славянскія рукописи патр. библіотеки въ Іерусалимѣ.

7) Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Одесса. 1892.

8) О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ. Одесса. 1894.

9) Замѣтка по вопросу о мѣстоположенiи Халкопратiйскаго храма. Лѣтоп. Историко-фил. Общества, № 1. Одесса. 1894.

А. Кирпичниковъ.

Памяти А. Л. Обера.

Въ лицѣ Александра Лаврентьевича Обера Московское Археологическое Общество лишилось одного изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ области археологiи и зодчества. Соединяя съ широкимъ разностороннимъ образованiемъ основательное изученiе памятниковъ и любовь къ русскому искусству, Александръ Лаврентьевичъ внесъ въ свою дѣятельность серьезное и внимательное отношенiе въ рѣшенiи сложныхъ вопросовъ своей спецiальности. Строитель извѣстныхъ московскихъ зданiй: Боенъ, Александровскаго пассажа, Боевской богадѣльни, Рукавишниковскаго прiюта и многихъ другихъ, Ал. Лавр. обладалъ обширною техническою строительною опытностью, которая давала ему возможность въ вопросѣ реставрацiй освѣтить многiя частности, неразрывно связанныя съ самымъ строительнымъ дѣломъ. Прекраснымъ образцомъ его дѣятельности можетъ служить послѣднiй его трудъ, который на глазахъ у всѣхъ москвичей и который дорогъ всѣмъ намъ; это произведенная имъ реставрацiя Сухаревой башни, послѣ которой этотъ памятникъ предсталъ передъ нами въ первоначальной его художественной прелести. Тоже просвѣщенное и серьезное отношенiе къ дѣлу проявилъ онъ, какъ представитель Московскаго Археологическаго Общества, въ Комитетѣ по ремонту Московскаго Успенскаго собора. Дѣятельность эта, какъ извѣстно, была удостоена Высочайшей благодарности. Съ 1885 года, состоя членомъ Археологическаго Общества, Алек. Лавр. заявилъ себя неутомимымъ дѣятелемъ въ Коммиссiи по сохраненiю древнихъ памятниковъ. Это была такого рода дѣятельность, которою онъ вносилъ много плодотворнаго, но которая не подлежитъ точному опредѣленiю. Тотъ, кто захочетъ внимательно ознакомиться съ протоколами Коммиссiи, особенно за послѣднiя 10 лѣтъ, увидитъ, какъ постоянно было его участiе въ дѣлахъ Коммиссiи, но только тѣ, которые были постоянными свидѣтелями этой дѣятельности, могутъ оцѣнить вполнѣ ея важное значенiе. Только они могутъ вполнѣ чувствовать всю тяжесть утраты для Общества съ кончиной Александра Лаврентьевича. Не было почти ни одного важнаго вопроса, въ которомъ не имѣло бы значенiя его вѣское мнѣнiе: была ли то защита церковныхъ памятниковъ отъ невѣжественнаго уничтоженiя и разрушенiя, было ли это возстановленiе памятниковъ въ ихъ первобытномъ видѣ.

Давно ли, уже въ то время, когда недугъ, сведшiй его въ могилу,

велъ къ концу свое разрушительное дѣло, Алек. Лавр. принялъ на себя утомительный трудъ подробно осмотрѣть тѣ поврежденія, тѣ захваты частныхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ погибаетъ наша Китайская городская стѣна. Ал. Лавр. былъ изъ тѣхъ людей, которые не хотятъ признавать власти болѣзни надъ собою, и среди страданій онъ продолжалъ сохранять живой интересъ къ тому, чему служилъ, чѣмъ постоянно занимался.

По вопросамъ о сохраненіи и возстановленіи памятниковъ Ал. Лавр. совершилъ, по порученію Общества, много поѣздокъ въ Ростовъ и Ярославль, во Владиміръ, Суздаль. Въ Ярославлѣ подъ его наблюденіемъ была произведена реставрація Николо-Мокринской церкви. Близкое и живое участіе принялъ онъ въ обсужденіи вопросовъ о реставраціи Успенскаго Владимірскаго собора. Но останавлюсь передъ дальнѣйшимъ перечнемъ; я уже сказалъ, что участіе Ал. Лавр. въ дѣлахъ Коммиссіи было неустанное, и чувство глубокаго уваженія и глубокой благодарности Общества заслуживаетъ эта дѣятельность, которая пресѣклась тогда, когда еще такъ много ожидали отъ нея. *К. М. Быковскій.*

† Г. де-Мортиллье.

12 сентября скончался въ Сентъ-Жерменѣ (близъ Парижа), на 77-мъ году жизни, Луи-Лоранъ-Габріэль де-Мортиллье. Покойный пользовался широкою извѣстностью какъ выдающійся представитель доисторической археологіи. Онъ родился 29 авг. 1821 г. въ Мейланѣ, около Гренобля, и съ юныхъ лѣтъ интересовался естественною исторіей, особенно конхіологіей (наземными и прѣсноводными слизняками). Принявъ участіе въ политической дѣятельности, онъ вынужденъ былъ покинуть Францію послѣ декабрьскаго переворота и поселился въ Женевѣ, гдѣ занимался, между прочимъ, конхиліологіей Савойи и сѣверной Италіи, и привелъ въ порядокъ, по порученію Пиктэ и К. Фохта, палеонтологическое и геологическое собраніе Женевскаго музея. Получивъ затѣмъ должность хранителя музея въ Аннеси, онъ занялся составленіемъ геологической карты Савойи, оставшейся однако неизданной вслѣдствіе послѣдовавшаго тогда присоединенія Ниццы и Савойи ко Франціи. Описаніе этой карты, впрочемъ, появилось въ печати, въ формѣ большого тома, за который авторъ получилъ итальянскій орденъ Маврикія и Лазаря. Вскорѣ послѣ того, Г. де-М., какъ знатокъ Альпъ, былъ приглашенъ къ составленію доклада о возможности прорытія туннелемъ Монъ-Сени, а нѣсколько позже — къ обсужденію вопроса объ устройствѣ желѣзной дороги изъ Лозанны въ Фрейбургъ. Слѣдующія семь лѣтъ М. провелъ въ Италіи, въ изысканіяхъ надъ матеріалами для

гидравлическаго цемента, по приглашенію Общества желѣзныхъ дорогъ Ломбардіи и Средней Италіи. Здѣсь ему приходилось многократно присутствовать при земляныхъ работахъ и находкахъ археологическихъ предметовъ, вслѣдствіе чего въ немъ мало по малу и развилась страсть къ изслѣдованіямъ по доисторической археологіи. Въ 1864 г. онъ получилъ возможность вернуться во Францію и немедленно же основалъ въ Парижѣ журналъ: „Materiaux pour l'histoire primitive de l'homme", который и былъ имъ редактированъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, а затѣмъ онъ передалъ его Э. Картальяку.

Въ сентябрѣ 1865 г., на съѣздѣ итальянскихъ натуралистовъ въ Спецціи, Мортилльe предложилъ основаніе международныхъ конгрессовъ антропологіи и доисторической археологіи. Предложеніе это, поддержанное Корналіа, Капеллини и Стоппани, было единогласно принято, и въ 1867 г. состоялся первый такой конгрессъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи они собирались въ Лондонѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, Буда-Пештѣ, Лиссабонѣ, снова въ Парижѣ, и наконецъ, въ 1892 году въ Москвѣ, и труды ихъ, несомнѣнно, много способствовали успѣхамъ доисторической археологіи. Въ 1866 году Мортилльe поручено было устройство отдѣленія доисторическихъ древностей въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ, въ которомъ онъ занялъ мѣсто помощника директора. Его трудамъ это отдѣленіе обязано, главнымъ образомъ, своимъ развитіемъ. Въ 1867 году Мортилльe устроилъ „доисторическую залу труда" на парижской всемірной выставкѣ, а въ 1878 г. по его иниціативѣ былъ организованъ антропологическій отдѣлъ на слѣдующей всемірной парижской выставкѣ. Какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сочленовъ Парижскаго Антропологическаго Общества, Мортилльe былъ приглашенъ къ чтенію лекцій по доисторической археологіи въ основанной этимъ Обществомъ Антропологической Школы (въ Ecole des Hautes Études). Эти лекціи, естественно, побудили его къ систематической обработкѣ данныхъ по первобытной археологіи, давшей матеріалъ и для нѣсколькихъ его печатныхъ трудовъ. Кромѣ того, онъ устраивалъ ежегодно, въ связи съ своими курсами, археологическія экскурсіи въ различныя мѣстности Франціи, привлекавшія всегда массу любителей и значительно способствовавшія распространенію археологическихъ свѣдѣній, а также принималъ участіе во многихъ раскопкахъ пещеръ, дольменовъ, стоянокъ каменнаго вѣка и т. д. Болѣзнь глазъ и усиливавшаяся слѣпота заставили его временно удалиться на покой, но удачно произведенная операція возвратила ему зрѣніе на 72-мъ году жизни, и онъ снова принялся за научныя занятія.

Г. де-Мортилльe напечаталъ множество статей по доисторической

археологіи. Изъ болѣе обширныхъ его трудовъ слѣдуетъ указать: „Le signe de la croix avant le christianisme“, „Le préhistorique“ (руководство по доисторической археологіи), „Album préhistorique“ (систематическій атласъ доисторическихъ древностей съ объясненіями, составленный имъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Адр. де-Мортилле), „Начатки рыболовства, охоты, скотоводства и земледѣлія“, „Образованіе французской націи“ и др. Мортилле принадлежитъ заслуга первой систематизаціи данныхъ по доисторической археологіи, установленіе извѣстнаго ряда эпохъ по характеру и типу различныхъ издѣлій человѣка. Классификація эта, правда, приложима только ко Франціи, да и тамъ не пользуется всеобщимъ признаніемъ, тѣмъ не менѣе она составила важный шагъ въ наукѣ, установивъ извѣстную послѣдовательность въ развитіи доисторической техники и искусства. Интересъ къ наукѣ М. сохранилъ почти до самой кончины; достаточно сказать, что его сочиненіе „Formation de la nation française“ было издано имъ въ 1897-мъ году, а одна замѣтка появилась даже въ теченіе нынѣшняго года.

Д. А.

† Г. I. Оссовскій.

Готфридъ Іосифовичъ Оссовскій, одинъ изъ старыхъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества, скончался уже полтора года тому назадъ, 16 апрѣля 1897 г., но, къ сожалѣнію, мы только теперь можемъ сообщить свѣдѣнія объ его жизни и дѣятельности, пользуясь біографическимъ его очеркомъ, составленнымъ С. К. Кузнецовымъ и помѣщеннымъ въ послѣднемъ выпускѣ „Ежегодника по геологіи Россіи“, изд. подъ ред. Н. Криштафовича (Т. III, вып. 1—3, 1898). Г. О. Оссовскій родился 8 ноября 1835 г. въ с. Казариновкѣ, Каневскаго у., Кіевской губ. Отецъ его имѣлъ небольшое имѣнье въ Житомирскомъ у., Волынской губ., куда Г. О. и былъ перевезенъ родителями въ дѣтскомъ возрастѣ. Первоначальное образованіе Г. О. получилъ въ Житомирѣ, въ частномъ учебномъ заведеніи, окончивъ въ которомъ курсъ, поступилъ въ число студентовъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ. Здѣсь однако онъ не кончилъ курса и въ февралѣ 1855 г. по собственному желанію былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ резервный батальонъ 35-го пѣхотнаго Брянскаго полка, гдѣ черезъ годъ сдѣланъ юнкеромъ, а въ августѣ 1856 г. произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ дѣйствующую армію въ Севастополь, незадолго до заключенія мира. Послѣ того Г. О. служилъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ 1859 г. женился на дочери помѣщика Мценскаго у. Л. А. Богоявленской и въ

1862 г. вышелъ въ отставку. Переѣхавъ на жительство въ Волынскую губ., онъ состоялъ лѣтъ 10 дѣйствительнымъ членомъ волынскаго статистическаго комитета, и къ этому времени относятся его первые печатные труды по географіи, геологіи и статистикѣ Волынской губ. Несмотря на то, что ему приходилось быть самоучкой, Г. О. составилъ и издалъ въ 1866—67 г. „Геологическо - геогностическій очеркъ Волынской губ.“ и геогностическую ея карту. Въ виду того, что спеціалисты нашли въ этой картѣ немаловажные недостатки, Г. О. передѣлалъ ее въ 1870 г. и снова издалъ, въ улучшенномъ видѣ, въ 1880 г., въ Парижѣ. Въ началѣ 70-хъ г. Г. О. заявилъ себя и первыми трудами по археологіи. Въ 1871 г. онъ выступилъ на Кіевскомъ съѣздѣ естествоиспытателей съ докладомъ „О каменномъ вѣкѣ въ уѣздахъ Овручскомъ и Дубенскомъ“, а въ 1873 г.—на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ—съ двумя сообщеніями: 1) „О каменномъ матеріалѣ, изъ котораго построены древнѣйшіе памятники г. Кіева“ и 2) „Изслѣдованіе кургана въ Залужьѣ, Острогожскаго у.“.

Въ 1874 г. Г. О. переѣхалъ въ Пруссію и состоялъ затѣмъ до 1878 г. при музеѣ Торунскаго (въ г. Торнѣ) ученаго Общества; за это время имъ былъ произведенъ рядъ раскопокъ, значительно обогатившихъ музей, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ приведенъ Оссовскимъ въ образцовый порядокъ, и издана серія археологическихъ трудовъ, на польскомъ и французскомъ языкахъ, въ томъ числѣ: „Monuments préhistoriques de l'ancienne Pologne.—Zabytni przedhistoryczne ziem polskich. Ser. I. Prusy Królewskie. 1879 Z 14 tablicami“. Въ 1879 г. Г. О. былъ приглашенъ Антропологической Коммиссіей Краковской Академіи наукъ—заняться изслѣдованіемъ костеносныхъ пещеръ въ окрестностяхъ Кракова. Раскопки, произведенныя здѣсь въ нѣсколькихъ десяткахъ пещеръ, дали массу предметовъ каменнаго вѣка (издѣлій изъ камня, рога, кости, глины), отнесенныхъ Оссовскимъ къ неолитическому періоду, но часть которыхъ, несомнѣнно, относится и къ періоду палеолитическому. Находки эти были описаны Г. О—мъ въ четырехъ отчетахъ на польскомъ языкѣ (Sprawozdanie z badań geologiczno-antropologicznych, w r. 1879—82, съ 12 таблицами) и въ нѣсколькихъ другихъ статьяхъ. Рядомъ съ извѣстными уже типами издѣлій, въ числѣ найденныхъ имъ предметовъ оказались и такіе (особенно разнообразныя рѣзныя бляхи изъ кости), которые могли возбуждать сомнѣніе въ ихъ подлинности, и такое сомнѣніе было дѣйствительно высказано сперва проф. Лепковскимъ, затѣмъ французскими археологами Шантромъ и А. де-Мортилле, и австрійскими—проф. Сомбаты (Szombathy) и д-ромъ Мухомъ. Стало утверждаться мнѣніе, что многіе изъ этихъ предметовъ

представляютъ фальсификацію, жертвою которой сдѣлался Оссовскій. Нашлись однако ученые, которые выступили на защиту Оссовскаго; это были, именно, проф. Вольджрихъ (Woldřich) и извѣстный прусскій археологъ Тишлеръ. Но такъ какъ сомнѣнія и нападки, особенно со стороны французскихъ археологовъ, не прекращались, то Оссовскій обратился къ Краковской Академіи съ просьбой назначить спеціальную коммиссію для разсмотрѣнія вопроса о подлинности сдѣланныхъ имъ находокъ. Согласно этой просьбѣ была составлена коммиссія изъ профессоровъ Лепковскаго и Альта, д-ра Коперницкаго и гг. Саровскаго и Оссовскаго, которая посвятила около 5 мѣсяцевъ на внимательное изученіе коллекцій и послѣ 20 засѣданій единогласно пришла къ заключенію о подлинности найденныхъ остатковъ. Труды этой коммиссіи, вмѣстѣ съ полемическими статьями по данному вопросу, были опубликованы въ приложеніи къ IX тому „Zbior wiadomości do Antropologii krajowej". Краковъ, 1885, 180 стр.—Г. О. не прекращалъ, между тѣмъ, своихъ розысканій и въ 1883—84 гг. производилъ раскопки въ пещерахъ около Ойцова и въ пещерѣ Машицкой; результаты этихъ раскопокъ были описаны имъ на польскомъ языкѣ въ четырехъ отчетахъ съ 7 таблицами („Sprawozdanie z badań paleo-etnologicznych w jaskiniach okolic Ojcowa" (1883 — 87), и въ спеціальной монографіи о Машицкой пещерѣ, съ 8 таблицами („Jaskinie okolic Ojcowa etc. Jaskinia Maszycka w Maczycach, Krak. 1885).

Въ августѣ 1884 г. Г. О. принималъ участіе въ VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, въ трудахъ котораго помѣщена его большая статья: „Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ центральной и восточной Европѣ". Въ 1886—87 гг. были напечатаны имъ статьи о кремневыхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Польшѣ, и о раскопкахъ въ обширной Вержховской пещерѣ (потребовавшихъ четырехлѣтнихъ трудовъ). Въ 1884 и 1887 гг. имъ производились раскопки кургановъ въ юго-западной Россіи, причемъ особенно замѣчательныя находки (поступившія въ Краковскій музей) были сдѣланы въ большомъ (скиѳскомъ) Рыжановскомъ курганѣ, описанномъ въ монографіи: Wielki kurhan Ryżanowski etc. Krak. 1888, Z 6 Tablic. Послѣ того Г. О. занимался раскопками древнихъ могильниковъ въ Петроковской губ. (съ гробницами въ видѣ каменныхъ ящиковъ), описалъ стоянку и мастерскую бронзоваго вѣка, открытую въ Зарѣчьѣ, а съ 1889 по 1892 г. производилъ изслѣдованія въ Галиціи, раскапывая пещеры, курганы и изучая частныя коллекціи (Sprawozdanie z wycieszki paleoetnologiczney po Galicyi, w r. 1889 — 94; 4 отчета, 202 стр., съ 13 табл.). За то же время имъ помѣщенъ рядъ другихъ

статей въ изданіяхъ Краковской Академіи и Татранскаго ученаго Общества, въ варшавскихъ журналахъ, въ цюрихскомъ журналѣ „Antiqua“ и другихъ.

Пробывъ въ Краковѣ около 18 лѣтъ, Г. О. рѣшился, наконецъ, снова переселиться въ Россію и именно въ Сибирь, гдѣ ему удалось получить скромное мѣсто дорожнаго техника сибирскаго почтоваго тракта, съ содержаніемъ въ 900 руб. Прибывъ въ Томскъ въ мартѣ 1893 г., онъ уже черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ докладъ въ Томскомъ Обществѣ естествоиспытателей и врачей о пещерахъ по юго-западной окраинѣ Россіи и въ Галиціи, а съ наступленіемъ лѣта предпринялъ рядъ экскурсій по Томской губ., причемъ посѣтилъ и Алтай съ цѣлью изученія пещеръ на р. Чарышѣ (не оправдавшихъ, однако, его ожиданій). Всѣ эти экскурсіи онъ могъ производить только урывками, такъ какъ большую часть времени онъ долженъ былъ посвящать оффиціальнымъ порученіямъ по изслѣдованію переселенческихъ участковъ въ районѣ Сибирской жел. дороги, главнымъ образомъ по отношенію къ условіямъ ихъ водоснабженія. О дѣятельности его въ этомъ направленіи свидѣтельствуютъ спеціальные отчеты: „Гео-гидрологическія изслѣдованія Барабы“, Томскъ, 1895, V+156 стр. in 4°, съ картою и разрѣзомъ, и „Гео-гидрологическія изслѣдованія Томскаго и Маріинскаго округовъ“, Томскъ, 1896, 6+III+114 стр. in 4°, съ картою. Но эти оффиціальныя работы онъ умѣлъ соединять и съ своими любимыми археологическими изысканіями. Въ Трудахъ Томскаго Общества естествоиспытателей за 1895 г. имъ помѣщена большая статья: „О геологическомъ и палеоэтнологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Евр. Россіи и смежныхъ съ нею мѣстностей Галиціи“ (4+II+86 стр., съ планомъ и 81 рис.), представляющая сводку его работъ по тому же предмету на польскомъ языкѣ. Кромѣ того, онъ занимался по порученію Имп. Археолог. Коммиссіи раскопками кургановъ въ Каинскомъ округѣ, близъ оз. Чаны (см. отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1894 г., стр. 139—147), а въ 1895—96 гг.—археологическими изслѣдованіями въ Маріинскомъ округѣ, гдѣ имъ были открыты курганы съ остатками трупосожженія и могилы съ каменными гробницами, найденные въ коихъ предметы оказались помѣщенными въ тайникахъ, внутри каменной кладки. Къ сожалѣнію, раскопки этихъ послѣднихъ лѣтъ остались не описанными покойнымъ; не успѣлъ онъ также докончить и обширнаго начатаго имъ труда „Monuments préhistoriques de l'ancienne Pologne“, у котораго недостаетъ впрочемъ только заключительной главы, а равно не дописалъ сводной монографіи о раскопкахъ въ пещерахъ Галиціи, хотя рисунки и планы для этого изданія уже были отпечатаны въ Краковѣ.

Вообще Г. О. обладалъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и энергіей, и его дѣятельность по раскопкамъ, опредѣленію и описанію находокъ — вызывала сочувствіе и уваженіе такихъ ученыхъ, какъ Тишлеръ въ Кёнигсбергѣ, проф. Волджрихъ и Елинекъ въ Прагѣ, Ванкель въ Брнѣ, Пигорини и Годцадини въ Италіи и др. Нѣкоторые изъ его взглядовъ и выводовъ возбуждали возраженія, но всѣ отдавали ему должное, какъ неутомимому и опытному изслѣдователю. Какъ выражается его біографъ, г. Кузнецовъ, „наука утратила въ лицѣ Г. І. Оссовскаго талантливаго труженика, который столь плодотворно, съ такою пользою для нея, прошелъ долголѣтнюю карьеру приватнаго ученаго, что имя его долго не забудется спеціалистами“...

Д. А.

Памяти профессора Фридриха Мюллера *).

(† 25 мая 1898 г.).

25-го мая (нов. стиля) Вѣнскій университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь ученый міръ, понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося маститаго академика-профессора — Фридриха Мюллера (Friedrich Müller), въ продолженіе многихъ лѣтъ съ честью занимавшаго каѳедру сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка [1]).

Біографія профессора Фридриха Мюллера—какъ и всякаго другого жреца науки и кабинетнаго ученаго [2])—можетъ быть изложена въ двухъ-трехъ строкахъ самаго стереотипнаго характера. Фридрихъ Мюллеръ родился въ г. Емникѣ (Богемія) 5 марта (нов. ст.) 1834 года. Пройдя курсъ средней школы въ г. Знаимѣ, онъ закончилъ свое высшее обра-

---

*) Прочитано въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 8-го октября 1898 года. *Ред.*

1) Подробности научно-біографическаго содержанія относительно Фридриха Мюллера, равно какъ подробную библіографію его трудовъ, можно найти: у Vapereau—Dictionnaire contemporain (s. v. Frédéric Muller) и въ другихъ Энциклопедіяхъ; въ статьяхъ: «Фридрихъ Мюллеръ» въ армянскомъ журналѣ венеціанскихъ Мхитаристовъ «Bazmavep» (Полигисторъ), 1898, № 7; «Вѣнокъ на могилу Фридриха Мюллера», ibid., 1898, № 10 и, наконецъ, въ трудѣ вен. мхитариста о. Гар. Зарбаналянъ — «Армянскіе этюды на Западѣ въ XIV—XIX вв.» (на арм. яз.), Венеція, 1895, стр. 295 — 305. (Этотъ трудъ представляетъ армянскую переработку, съ многочисленными дополненіями, работы профессора Gustave-Adolphe Schrumpf — «Les Études arméniennes en Europe», печатавшейся въ газетѣ L'Arménie).

2) Фридрихъ Мюллеръ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ кабинетнымъ ученымъ. Для него внѣ міра науки не существовало никакого другого. Сознавая высокую цѣну внутренняго, душевнаго спокойствія, столь необходимаго для научныхъ занятій, Фр. Мюллеръ постоянно держалъ себя вдали отъ всякаго активнаго участія въ политической жизни своего отечества.

зованіе въ Вѣнѣ и Гёттингенѣ. По окончаніи университетскаго курса (въ 1857 г.), молодой Мюллеръ получилъ должность при библіотекѣ Вѣнскаго университета. Затѣмъ, въ 1860 г., будучи утвержденъ доцентомъ, Фридрихъ Мюллеръ открылъ курсъ лекцій въ Вѣнскомъ университетѣ, а въ 1869 году, въ качествѣ ординарнаго профессора, онъ уже окончательно утвердился на каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка, представителемъ которой и оставался до самой смерти [3]).

Обширныя свѣдѣнія покойнаго въ области многочисленныхъ языковъ, и при томъ различныхъ семей, невольно поражали всякаго, кто, хотя бы поверхностно, былъ знакомъ съ его трудами. Несмотря на то, что Фридрихъ Мюллеръ, по своему направленію, и не исповѣдовалъ „ново-грамматическаго“ катехизиса современнаго языковѣдѣнія [4]), и, въ извѣстномъ отношеніи, его лингвистическіе труды носятъ даже отпечатокъ стараго метода, временъ Шлейхера и Курціуса, тѣмъ не менѣе ни одинъ лингвистъ — будетъ ли онъ индіанистъ, иранистъ или арменистъ — не можетъ игнорировать ихъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, громадную эрудицію, разносторонность и остроуміе ихъ автора.

Въ качествѣ лингвиста профессоръ Фридрихъ Мюллеръ явился авторомъ какъ общихъ трудовъ по языковѣдѣнію (таковъ, напримѣръ, его огромный Grundriss der Sprachwissenschaft, 4 тома, Вѣна, 1876 — 1888), такъ и спеціальныхъ, монографическаго характера, изслѣдованій по отдѣльнымъ языкамъ, какъ-то: авестійскому (зенду), древне-, средне- и ново-персидскому, курдскому, осетинскому, афганскому, палійскому (пали), армянскому, грузинскому и многимъ другимъ.

Свои изслѣдованія Фридрихъ Мюллеръ помѣщалъ по преимуществу на страницахъ „Извѣстій по историко-философскому классу Имп.-Кор. Вѣнской Академіи Наукъ“ (Sitzungsberichte d. phil.-hist. Classe d. K. Akademie d. Wissenschaften), а за послѣдніе годы также и въ спеціальномъ органѣ австрійскихъ оріенталистовъ— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes,

---

3) Кромѣ того, профессоръ Фр. Мюллеръ до самой смерти оставался однимъ изъ руководителей въ Oriental Institut, находящемся при вѣнскомъ университетѣ.

4) Положеніе «ново-грамматической» школы (Junggrammatische Schule), возникшей въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, главнѣйшими представителями которой являются Лескинъ, Бругманъ, Остгофъ и др., въ сущности сводятся къ слѣдующимъ: 1) звуковые законы непреложны и не терпятъ, поэтому, исключеній; 2) въ качествѣ могучаго фактора въ образованіи формъ языка является аналогія (или законъ формальной ассоціаціи).

однимъ изъ редакторовъ котораго онъ состоялъ съ перваго года изданія [5]).

Неутомимая дѣятельность покойнаго профессора неослабно продолжалась до самой смерти. Хотя за послѣднее время зрѣніе уже начало измѣнять ему, такъ что процессъ писанія для него становился все труднѣе и труднѣе [6]), однако каждая свѣжая книжка „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“ и каждый новый томъ „Sitzunsberichte“ Вѣнской Академіи приносили не только небольшія — всегда полныя интереса и жизни — изслѣдованія (преимущественно въ области армянскаго и иранскихъ языковъ), но также и библіографическія замѣтки (между прочимъ и о трудахъ русской филологической литературы).

Профессоръ Фридрихъ Мюллеръ былъ особенно извѣстенъ какъ одинъ изъ первыхъ арменистовъ и иранистовъ Европы. Хотя его взглядъ на армянскій языкъ [7]) теперь и является устарѣлымъ (Фридрихъ Мюллеръ, какъ извѣстно, считалъ армянскій языкъ языкомъ иранской вѣтви, тогда какъ въ настоящее время — благодаря трудамъ профессора Генриха Гюбшмана [8]) — онъ уже всѣми считается представителемъ самостоятельной вѣтви въ индо-европейской семьѣ языковъ), — тѣмъ не менѣе услуги, оказанныя имъ армянской филологіи громадны: его разносторонняя дѣятельность не остановилась на изслѣдованіи одной формальной стороны древнеармянскаго языка (сюда относятся статьи по различнымъ отдѣламъ армянской фонетики, морфологіи и этимологіи), но затронула и другія дисциплины молодой армянской филологіи; такъ, напримѣръ, въ области армянской палеографіи слѣдуетъ назвать его работы по вопросу о происхожденіи древне-армянскаго алфавита, въ области критики текста — исправленіе нѣкоторыхъ мѣстъ извѣстныхъ авторовъ и т. д.

Въ лицѣ Фридриха Мюллера — члена многочисленныхъ ученыхъ обществъ и университетовъ — наука теряетъ не только лингвиста (и

---

[5]) Кромѣ того, Фридрихъ Мюллеръ помѣщалъ свои изслѣдованія и статьи также на страницахъ «Orient und Occident» — извѣстнаго журнала Бенфея, въ Geograph. Jahrbuch-Behm'a и въ Mittheilungen d. Anthropolog. Gesellschaft zu Wien (соредакторомъ которыхъ онъ состоялъ).

[6]) На это обстоятельство онъ горько сѣтуетъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ намъ, отъ 9 ноября 1897 года.

[7]) См. относящіяся сюда подробности въ «Армянскихъ Этюдахъ» проф. Э. Диллона (Харьковъ, 1884), ч. I. стр. 28 и слѣд.; у меня — въ статьѣ «Армянская Діалектологія» (М. 1898 г. = Этнографич. Обозрѣніе, кн. XXXVI). стр. 1 и слѣд.

[8]) См. его статью «Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise d. Indogerman. Sprachen» (Kuhn's Zeitschrift, XXIII, pp. 5—49) и изслѣдованіе Armenische Studien. I. Leipzig, 1883.

при томъ лингвиста-полиглотта), занимавшагося неустанно въ продолженіе сорока лѣтъ научнымъ языковѣдѣніемъ, но также этнографа[9]) (ср. его труды: Allgemeine Ethnographie, 2-е изд. Вѣна, 1879; лингвистическій и этнографическій отдѣлы въ извѣстномъ сочиненіи Reise der oesterreich. Fregate Novara, Вѣна, 1867 и 1868; Ethnologischer Atlas, Вѣна, 1884) и археолога (ср., напримѣръ, его изслѣдованія по клинообразнымъ надписямъ, такъ наз. „ванской" системы и по истолкованію древне-персидскихъ клинописей).

При современной спеціализаціи науки, вызванной ея необыкновеннымъ, все болѣе и болѣе прогрессирующимъ ростомъ, типы такихъ ученыхъ, какъ покойный профессоръ Фридрихъ Мюллеръ, къ сожалѣнію, встрѣчаются все рѣже и рѣже. Смѣемъ думать, что мы едва ли преувеличимъ, если скажемъ, что со смертью вѣнскаго профессора-языковѣда стало однимъ колоссомъ филологической науки менѣе *).

Левонъ Мсеріанцъ.

---

[9]) Фридрихъ Мюллеръ былъ именно главнымъ представителемъ «лингвистической этнографіи».

*) По окончаніи чтенія данной статьи, по предложенію г. предсѣдателя Восточной Коммиссіи — профессора Вс. Ѳ. Миллера — присутствовавшіе почтили память почившаго вставаніемъ. *Ред.*

ПОПРАВКА. Въ статьѣ В. А. Городцева, помѣщенной въ №№ 7 и 8 «Арх. Изв.», на стр. 224 напечатано: «сплетеннаго», нужно читать «слѣпленнаго», а на стр. 235 напечатано: «онъ велъ *бродячій* образъ жизни», нужно читать: «онъ велъ *кочующій* образъ жизни».

Помѣщая эту поправку, по желанію г. Городцева, редакція позволяетъ себѣ замѣтить, что выраженіе «бродячій образъ жизни» въ данномъ случаѣ кажется ей болѣе подходящимъ, чѣмъ «кочующій», который предполагаетъ значительное развитіе скотоводства, чего въ данной мѣстности и въ соотвѣтственную древнюю эпоху едва ли можно предполагать.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за августъ и сентябрь 1898 г.

Atti della R. Accademia dei Lincei. Anno CCXCV. 1898. Roma. 1898.

Записки Импер. Новороссійскаго Университета. Т. 73. Одесса. 1898.

Священникъ Транквиллинъ *Земляницкій*. Лѣтопись Богоявленской церкви, села Исакова, Свіяжскаго уѣзда.

Указатель предметовъ, хранящихся въ Самарскомъ Публичномъ Музеѣ. Самара. 1898 г.

Н. П. Лихачевъ. По поводу сборника А. Н. Юшкова: „Акты XIII — XVII вв., представленные въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества". Петербургъ. 1898.

Богословскій Вѣстникъ, издаваемый Московскою Духовною Академіею. Іюнь, іюль и августъ 1898 г. Сергіевъ-Посадъ. 1898.

Филологическія Записки. Годъ 38, вып. 2. Воронежъ. 1898.

Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1894—95, 1897. U Zagrebu.

Slovenské Pohlády. Časopis zábavnopoučný. Ročnik. XVIII, Sosit 8. V Turčianskom sv. Martine. 1898.

С. П. Писаревъ. Памятная книжка Смоленской губерніи. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель. Смоленскъ. 1898.

Университетскія Извѣстія, № 7. Кіевъ. 1898.

Notizie degli scavi di antichità, comunicate alla R. Accademia dei Lincei. Апрѣль, май 1898 г. Roma. 1898.

Живая старина, изд. отдѣленія этнографіи Импер. Русск. Геогр. Общ. Вып. 1-й, годъ 8-й. Петербургъ. 1898.

С. К. Кузнецовъ. Г. I. Осовскій. Біографическій очеркъ. Варшава. 1898.

Туркестанскій коммерческій Адресъ-Календарь 1898 г. Самаркандъ. 1898.

Отчетъ Александровской Публичной Библіотеки въ г. Самарѣ за 1897 г. Самара. 1898 г.

Samlede. Philologiske Afhandlinger of *P. O. Schott* Professor. Christiania. 1896.

Norronaskaller. Crania antiqua in parte orientali Norvegiae meridionalis inventa. Christiania. 1896.

[redacted]

Stavanger Domkirke ved *N. Nicolaysen*. Iste Hefte, 2 det Hefte. Christiania. 1895—96.

Kunst og Haandverk fra Norges fortid ved *N. Nicolaysen*. Anden Raekke. Kristiania. 1897.

Летопис Матице Српске. 1898. Свеска третьа. У Новоме Саду. 1898.

Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Апрѣль. 1898. Петербургъ. 1898.

'Αναλεκτα Ἱεροσολυμιτικης Σταχυολογ. ας, изд. Импер. Прав. Палест. Общ., *τομος Ε'*. Петербургъ. 1898.

Записки Историко-Филологическаго факультета Импер.Петерб. Университета. Ч. XLVI, XLVII. Петербургъ. 1898.

Византійскій Временникъ, изд. при Импер. Академіи Наукъ. Т. IV, вып. 3 и 4. Т. V, вып. 1 и 2. Петербургъ. 1898.

Отчетъ о шестомъ присужденіи Академіею Наукъ преміи митрополита Макарія въ 1895 г. Петербургъ. 1897.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. I, №№ 6 и 7; т. II, № 1; т. III, № 1. Петербургъ. 1897—98.

Aarboger for Nordisk oldkyndighed og historie. II Raekke, 13 Biud, 2 hefte. Kjobenhavn. 1898.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Августъ. Сентябрь. 1898 г.

Monuments funéraires. Catalogue sommaire. Musée Impérial Ottoman. Constantinople. 1898.

Е. К. Рѣдинъ. Θ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ. 1898.

Foreningen tie Norsue Fortids mindes mervers Bevaring. Aarsberetning for 1894, 1895, 1896. Kristiania. 1895, 1896, 1897.

Société archéologique de Bordeaux. Bulletin. T. XXI, 3 и 4. Fascicules. Bordeaux. 1896.

Descriptions des îles de l'Archipel par *Christophe Buondelmonti*. Première partie. Publications de l'école des langues orientales vivantes. Paris. 1897.

Oûmara du Yémen, sa vie et son oeuvre par *Hartwig Derenbourg*. T. I. Publications de l'école des langues orientales vivantes. Paris. 1897.

Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama por *Jean N. Smirnov*. Première partie. I. Les Tchérémisses. II. Les Mordves. Publications de l'école des langues orientales vivantes. Paris. 1898.

Cimiliturile românilor de *Artur Gorovei*, editiunea Academiei Române. Bucuresci. 1898.

Analele Academiei Române. Seria II, t. XIX, XX, XVIII. Bucuresci. 1897—98.

Etymologicum magnum Romaniae. Dictionarul limbei istorice si poporane a Românilor. T. IV. Bucuresci. 1898.

Протоколъ № 3 (Засѣданіе 21 апр. 1898 г.) Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Ташкентъ. 1898.

И. Θ. Токмаковъ. Историко-статистическое и Археологическое описаніе с. Всѣхсвятскаго, Московской губ. и уѣзда съ 1398—1898 г. Москва. 1898.

Л. М. Савеловъ. Статьи по генеалогіи и исторіи дворянства. Петербургъ. 1898.

Slovenské Pohlády, časopis zábovno - poučný. Ročnik XVIII. Sosit 9. V Turčianskom Sv. Martine. 1898.

И. Спрогисъ. Древній русскій документъ-декретъ граничнаго копнаго суда 1531 г. 15 ноября. Витебскъ. 1898.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ. Т. XIV, вып. 4. Казань. 1890.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Т. VIII, № 5 и т. IX, № 1—2. Петербургъ. 1898.

Университетскія Извѣстія, № 8, 1898 г. Кіевъ. 1898.

Вѣстникъ „Народнаго Дома", № 8, 1896 г. Львовъ. 1898.

L'Anthropologie. Matériaux pour l'histoire de l'homme. T. IX, № 4. Paris. 1898.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи Импер. Москов. Археол. Общества. Т. II. Москва. 1898.

Записки Крымскаго Горнаго клуба въ Одессѣ, № 7—8, 1898. Одесса. 1898.

Записки Приамурскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. Т. IV, вып. II. Хабаровскъ. 1898.

Н. Н. Харузинъ. Очерки первобытнаго права. I. (Семья и родъ). Москва. 1898.

Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. II (перв. полов. XVII ст.). Кіевъ. 1898 (отъ Е. Н. Мельникъ).

Проф. *Н. Султановъ.* Памятникъ Императору Александру II въ Кремлѣ Московскомъ. Петербургъ. 1898.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Band XXVIII, Heft IV. Wien. 1898.

Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Т. XIII, вып. 1. Рязань. 1898.

Národní Hlásnik. Ročnik XXXI, Čislo 18. Turč. Sw. Martin. 1898.

Периодическо Списание по Българското Книжовно Дружество. Книжка 57. Срѣдецъ. 1898.

Древности. Труды Археографической Коммиссіи Импер. Моск. Археол. Общ. Т. I, вып. 2. Москва. 1898.

Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. Knjiga CXXXIV. Zagrebu. 1898.

Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. Zeitschrift des Vereins für das Museum Schlesischer Altertümer. Band VII, Heft 3. Breslau. 1898.

L'Anthropologie, 1898, t. IX, № 3, Mai—Juin. Paris. 1898.

Извѣстія Импер. Русск. Географ. Общ. Т. XXX, 1897, вып. V; т. XXIV, 1898 г., вып. II. Петербургъ. 1898.

Národní Hlásnik. Ročnik XXXI, Čislo 15, 16, 17, 18, 19. Turč. Sw. Martin. 1898.

Записки Приамурскаго Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общ. Т. IV, вып. 1. Хабаровскъ. 1898.

Журналъ засѣданія Уральскаго Областнаго Статистическаго Комитета 18 марта 1898 г.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета, книги 7, 8, 9. Казань. 1898 г.

Памятная книжка и адресъ-календарь Уральскаго Областнаго Статистическаго Комитета за 1897 и 1898 гг.

Сборникъ консульскихъ донесеній, вып. IV. Петербургъ. 1898.

Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. III. Нижній Новгородъ. 1898.

Журналы XL и XLIII засѣданій Нижегородской Губер. Ученой Арх. Коммиссіи. (8 дек. 1896 г. и 2 іюня 1897 г.).

Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII ст. по 1892 г., съ прибавленіемъ за 1893, 1894 и 1895 г. П. Прозорова. Петербургъ. 1898.

Отчетъ Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ за 1897 г. Москва. 1898.

Kwartalnik Historyczny. Rocznik XII. Leszyt 1. Lvow. 1898.

Москва. Актовыя книги XVIII столѣтія. Тома VII, VIII и указатель къ VII тому. Москва. 1897—1898.

Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga CXXI, CXXIV и CXXV. U Zagrebu. 1895—96.

Przewodnik Bibliograficzny. XXI, №№ 1—9. Kraków. 1898.

Вѣстникъ „Народнаго Дома“, № 9. Львовъ. 1898.

Обзоръ Самаркандской области за 1897 г. Самаркандъ. 1898.

Чтенія о Святой землѣ изд. Импер. Правосл. Палест. Общества, №№ 9—16. Петербургъ. 1898.

Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, №№ 6, 8. Петербургъ. 1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. Н. АНУЧИНА и А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Томъ VI.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА.
1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи.

II. Археологическая хроника.

Раскопки и развѣдки; находки; древности историческія.

Охрана памятниковъ; церкви и древности церковныя; музеи и выставки; памятники археографическіе.

Ученыя учрежденія и общества, преміи, предпріятія, съѣзды.

Хроника иностранная.

III. Засѣданія Ученыхъ Обществъ.

IV. Библіографія *).

*) Изъ отдѣла «Засѣданія ученыхъ Обществъ» дополн. сюда доклады гг.: Айналова, Кобеко, Маркова, Миллера, Мсеріанца, Покровскаго, Соболевскаго, Халатьянца.

V. Некрологи.

VI. Списокъ книгъ, полученныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ

1898 г. №№ 11—12.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Апокрифическое сказаніе о Лѣствицѣ въ изображеніяхъ иконописи.

Давно установленная изслѣдованіемъ связь, соединявшая апокрифическую литературу съ иконописью, не перестаетъ подтверждаться новыми фактами. Въ качествѣ общаго вывода, который можетъ быть сдѣланъ изъ обзора относящагося сюда матеріала, необходимо признать, что въ Византіи никогда не было недостатка въ художникахъ, умѣвшихъ соединять религіозное одушевленіе съ главными интересами своего времени—литературными, догматическими и государственными. Развитіе культа, борьба религіозныхъ направленій и внѣшняя судьба царства какъ въ зеркалѣ отражались въ иконописи, которая и сейчасъ могла бы представить весь духовный процессъ византійской эпохи, если бы несмѣтное богатство иконописныхъ изображеній было собрано и приведено въ историческую послѣдовательность.

Среди многочисленныхъ изображеній Богоматери есть одно, сравнительно мало извѣстное, носящее названіе „Камня Нерукосѣчной Горы“. Это—изображеніе Дѣвы Маріи въ ростъ, сидящей на каѳедрѣ, или поясное, съ младенцемъ Христомъ на рукѣ. Отличительную особенность

этого иконнаго типа составляютъ различныя мелкія изображенія, помѣщаемыя поверхъ ризъ Богоматери — на челѣ, плечахъ и груди ея фигуры. Существенныя черты этого типа повторяются также на центральномъ изображеніи иконы Неопалимой Купины, а одинъ мотивъ — лѣствицу въ рукѣ Богоматери — находимъ на различныхъ другихъ иконахъ ея: Молченской, Путивльской, также на Западѣ [1]).

Въ этихъ мелкихъ изображеніяхъ, о которыхъ ниже говорится подробнѣе, можно видѣть отраженіе литературнаго апокрифа о Лѣствицѣ. Послѣдній, какъ извѣстно, составляетъ распространеніе библейскаго

Рис. 1.
Камень Нерукосѣчныя Горы.

сказанія о лѣствицѣ, видѣнной Іаковомъ (кн. Бытія XXVIII, 10—22) и дошелъ до насъ въ славянскихъ переводахъ, включаемыхъ въ ту сложную полемическую энциклопедію, которая носитъ названіе Толковой Палеи. Мы приведемъ здѣсь фактическую часть легендарнаго разсказа, на сколько онъ относится къ иконѣ.

„Поиде же убо Ияковъ къ Лавану ую своему и обрѣте мѣсто и успе ту, на камень взложивъ главу; солнце бо зашло бяше. Туже и видѣ сонъ, и се лѣствица бяше утвержена на земли и досягши небесе; и бѣ верху ея лице акы чловѣче изъ огня исѣчено, имѣя же 12 сте-

[1]) Обѣ иконныя прориси, издаваемыя при этой замѣткѣ, заимствованы изъ коллекціи церковныхъ древностей Н. М. Постникова и сообщены мнѣ владѣльцемъ коллекціи, которому приношу здѣсь мою признательность.

пеней, и на коемждо степени лици чловѣчи: двѣ одесную и о шуюю,— двадесять и четыре лица на лѣствици; среднее же лице превыше всѣхъ бяше, еже видѣхъ изъ огня до раму и до руку, страшно паче онѣхъ двудесяту лицъ. И еще мнѣ зрящу и се ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по неи. Господь же утверждашеся на неи,—тако убо есть разумѣти, яко се кто подпрется жезломъ своимъ".

Изъ палейныхъ толкованій явленія заимствуемъ слѣдующія, для насъ наиболѣе существенныя строки [2]):

„О ангелѣхъ же разумѣваемъ, еже восхождаху,—образъ убо есть

Рис. 2.

Неопалимая Купина, среднее изображеніе.

о семъ егда водрузися древо крестное на земли въ страсть владычню, якоже утвержена бысть лѣствица при Іаковѣ: и абіе пріимаше крещающіяся языки Господь, и восхождаху на небо. А еже нисходяще,—непокоривый развращенный родъ жидовскій прообразова".

Въ откровеніи ангела, посланнаго къ Іакову тотчасъ послѣ видѣнія Лѣствицы, находимъ далѣе слѣдующее раскрытіе этого прообраза:

„Въ послѣдняя лѣта будетъ чловѣкъ отъ вышняго и похощетъ

[2]) По поводу этихъ строкъ толкованія здѣсь же обращаемъ вниманіе на фигуру ангела, съ изображеніемъ восьмиконечнаго креста въ рукѣ (рис. 1). Н. М. Постниковъ указываетъ, что издаваемая здѣсь прорись „Нерукосѣчной Горы" не полна: на ризахъ Богоматери недостаетъ обычныхъ ликовъ (ср. рис. 2), а при крестѣ—трости и копія. Такимъ образомъ въ своемъ полномъ видѣ композиція иконы имѣетъ въ виду несомнѣнно крестъ Голгоѳскій, или «древо крестное» палейныхъ толкованій.

совокупити горняя съ нижними, о немъ же прежде пришествія его возвѣстятъ сынове и дщери ваша и уноша ваша; видѣнія видятъ о немъ. Будутъ же и знаменія сица во время пришествія его: древо сѣкомо сѣчивомъ кровь источитъ, отрочата трехмѣсячна возглаголютъ разумъ, младенецъ во чрѣвѣ матерни повѣсть путь его" и т. д.

Палейныя толкованія говорятъ по этому поводу слѣдующее:

„Въ послѣднія лѣта будетъ чловѣкъ отъ вышняго,—то есть Сынъ Божій отъ Пречистыя Дѣвы".

„А еже рече: о немъ преже пришествія его возвѣстятъ сынове ваши и дщери ваши, се же убо сбысть ся: по ряду бо вси пророци возвѣстиша, съ ними же и пророчицы о воплощеніи божіи и о рождествѣ и о крещеніи и страсти и о распятіи и о воскресеніи и о вознесеніи и о сшествіи св. Духа".

„А еже рече юноши ваши видѣнія видятъ о немъ, и будутъ, рече, знаменія сица о немъ: ..... и младенецъ во чревѣ матерни повѣсть путь его,—се убо бысть се: егда пріиде Елисаветь цѣловати Богородицы, тогда Іоаннъ взыграся во чревѣ матерни, матерними усты пророчествоваше и проповѣдаше Вышняго".

Такимъ образомъ, въ толкованіяхъ Палеи видѣніе Лѣствицы прежде всего является прообразомъ воплощенія Христова; при этомъ, однако, не трудно убѣдиться, что среди подробностей видѣнія сама Лѣствица, занимающая центральное мѣсто, естественнымъ образомъ становится символомъ Богоматери.

Но если всѣ элементы для живописнаго изображенія Богоматери-Лѣствицы были даны въ догматическихъ взглядахъ, нашедшихъ отраженіе въ Палеѣ, то по самымъ условіямъ этого сюжета его выраженіе въ образахъ искусства представляло существенныя трудности: литературный и догматическій матеріалы не соединялись въ одинъ цѣльный художественный образъ съ обликомъ Богоматери,—въ изобразительномъ искусствѣ всякая комбинація этого рода могла получить только внѣшній, механическій характеръ.

Тѣмъ не менѣе попытка соединенія образовъ Дѣвы Маріи и Лѣствицы Іакова была сдѣлана въ искусствѣ. При этомъ лѣствица обратилась на иконѣ въ простой аттрибутъ, находящійся въ рукѣ Богоматери; ни „огненные лики", ни вереницы „ангеловъ восходящихъ и нисходящихъ", ни образъ „Господа утверждающагося" не могли быть помѣщены на лѣствицѣ. Но огненные лики изображаются на ризахъ Богоматери; изображеніе ангела, явно стоящее въ связи съ палейными толкованіями, уже указано выше, а „Господь утверждающійся" является въ видѣ лика Великаго Архіерея (Христа) среди зданія, утвер-

жденнаго на скалѣ, которая сама помѣщается на груди Богоматери. Эта скала, послужившая вѣроятно поводомъ для современнаго названія иконы, изображается иногда и отдѣльно отъ упомянутаго лика; а на иконѣ Неопалимой Купины, рядомъ съ ликомъ Великаго Архіерея, появляется другой ликъ — съ сіяніемъ въ кругу. Въ немъ видятъ обыкновенно изображеніе Соломона, какъ кажется — безъ достаточнаго основанія. Самое отсутствіе видимой связи между отдѣльными изображеніями, соединенными на иконѣ, должно было облегчать различныя измѣненія первоначальной композиціи. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ изображеній, отдѣльно взятыя, съ успѣхомъ могутъ быть объясняемы также изъ церковныхъ пѣснопѣній [3]). Но въ связи они находятъ себѣ объясненіе только въ литературномъ текстѣ апокрифа, какъ и вообще болѣе тщательное изученіе апокрифическаго элемента въ иконописи обыкновенно приводитъ къ выводу, что связь иконныхъ изображеній съ гимнографіей никогда не бываетъ непосредственною: обѣ области религіознаго творчества черпали непосредственно только изъ литературныхъ апокрифовъ. Этотъ выводъ, вполнѣ несомнѣнный для цѣлаго ряда случаевъ, долженъ быть примѣненъ и къ разсмотрѣннымъ здѣсь изображеніямъ. *В. Щепкинъ.*

II.

Происхожденіе славянскихъ текстовъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.

Въ настоящей археологической замѣткѣ я пользуюсь главнымъ образомъ двумя юго-славянскими списками древнѣйшей ред.: 1) сербскимъ спискомъ XVI вѣка, Чертковской библіотеки, напечатаннымъ Е. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Рос.“, іюнь—сентябрь. Москва, 1887 г. *(Ч.)*; 2) сербскимъ спискомъ XVI в., находящимся въ Софійской библіотекѣ (въ Болгаріи), копія съ котораго любезно предоставлена въ наше пользованіе проф. Одесскаго унив. П. А. Лавровымъ *(Соф.)*, и 3) русскимъ спискомъ древн. ред., принадлеж. Обществу Исторіи и Древн. Росс., № 189 (второй) половины XV-го вѣка *(О.)*.

---

[3]) См. «Сравнительное описаніе и краткое объясненіе иконы Приснодѣвы Богородицы Неопалимой Купины». статья А. Н. Виноградова въ Изв. Имп. Русск. Арх. Общ., т. IX. Авторъ этой статьи приводитъ для объясненія иконы, между прочимъ, слѣдующія гимнографическія обращенія къ Богоматери: «Лѣствица небесная, отъ земли возвысившая всѣхъ благодатію, ею же сниде Богъ»; «Iерусалимъ горній, прекрасный, просіявшая, въ нерукотворенный его храмъ прерадостно вшедшая»; «гора усыренная, гора тучная» и др.

Церковно-славянскій языкъ этихъ трехъ древнѣйшихъ списковъ повѣсти относится: въ *Ч.* и *Соф.* къ сербской, а въ *О.* — къ русской редакціи. Размотримъ отдѣльно эти списки.

Въ *Ч.*, на ряду съ церковно-славянскими словами и формами, мы встрѣчаемъ и сербизмы, напр.: **врѣме, чедо, пое, не побѣдиксе, велмужи, поль, вьскрьмихь, повинилъ, изъ полате, водо, сьгрѣшаю ч҃лкии** и массу другихъ. Но изрѣдка мы встрѣчаемъ въ этомъ спискѣ явленія, не свойственныя сербскому языку и указывающія на болгарскій оригиналъ: 1) прежде всего — смѣшеніе юсовъ: 10 стр.: **„сие быль ми еси ѩкоже стлпица лежѹщи"**; правильно было бы **„лежащи"**; очевидно, вм. послѣдняго болгарскій писецъ, согласно закону Лескина о смѣшеніи юсовъ (Лавровъ, обзоръ звуков. и формальныхъ особен. болгарскаго языка. М. 1893, стр. 31) поставилъ **„лежѫщи"**, сербскій же передалъ эту форму (согласно своему произношенію „ж"=„ѹ") чрезъ **„лежѹщи"**; 8, 30—35: **„стою же црк҃и и всѣмь люде и пѹстыхь его"**, въ *О.*: **„стоящѹ цр҃кви"**, въ *X.* (Хлудовскомъ, № 246, конца XVII или нач. XVIII в. также древнѣйшей ред.): **„стоящѹ цр҃кви"**; правильно было бы **„стоящѹ же"**. откуда въ болгарскомъ текстѣ — **„стоѫщѹ же"**, а въ сербскомъ спискѣ отсюда: **„стоющѹ же"**; затѣмъ, не понимая этой формы, писецъ исправилъ ее на первое лицо **„стою же"**. Быть можетъ, къ смѣнѣ юсовъ нужно относить 4: **„и принесе ѡбе книге прѣ цр҃а, юже бѣ написаль са҃мь"**, хотя тутъ быть можетъ только смѣшеніе чиселъ;—2) затѣмъ встрѣчаемъ болгарскій переходъ въ неударяемыхъ слогахъ: **„о"** въ **„ѵ"**: 7, 10: **„ѩко ѹслыша... фараѡ и вьзрадѹвасе"**, 9, 1—5: **„и вьзѹпи акѵріе"**, ср. Лавровъ, стр. 50;—3) далѣе мы видимъ **„ѣ"** вм. **„ѩ"**: 10, 20—25: **„ѡна же ре кланѣемсе б҃ѹ"**, 80, 25: **„кланѣніе"** (ср. Лавровъ, 69 стр., 6 **„покланѣемсе"**);— 4) встрѣчается смѣшеніе падежей 1: **„къ домь сы пожикѣши"**, вм. **„въ домоѵ"**; имен., вм. вин. 3: **„искѹшаи дрѹга своего ѩви емѹ таина... да аще не ѡблизѵить таина твоа то люби его"** (ср. Лаврова, 18 стр.) рядомъ съ **„аще ли ѩвить таинѹ твою"**;—5) быть можетъ, сюда надо относить и слѣд. случаи: 8, 30—35: **„межѹ нбомь и землю"** 3: **„съ голѣмою мерѹ оѵзимаи съ малою не продаваи"**, 4: **„сь вьсѣмь ср҃цемь пріими"**, т.-е. въ послѣднемъ примѣрѣ вѣроятно, правильный творительный уже не чувствовался творительнымъ падежомъ, а потому усиленъ предлогомъ **„съ"**; 4: **„да сы готовъ на полѹ егѵпотскомѹ"**.—Если бы не смѣшеніе юсовъ, то можно было бы думать, что остальныя особенности вошли въ текстъ какъ-нибудь позднѣе, при переходѣ памятника отъ сербовъ къ болгарамъ, но смѣшеніе юсовъ, закрѣпленное сербскою транскрипціей ихъ, прямо свидѣтельствуетъ о переходѣ памятника отъ болгаръ къ сербамъ.

Обращаемся къ *Соф.* списку. Здѣсь еще больше, чѣмъ въ *Ч.*, отступленій отъ церковно-славян. языка въ пользу сербскаго языка; но и здѣсь встрѣчаются явленія, свойственныя не сербскому, а болгар-

скому языку: 1) смѣшеніе юсовъ 2: **„къ срамотѣ обрѣщеши нею“**. 5: **„на опе^т полетоу^т“** (послѣдній примѣръ, правда, не подходитъ подъ обычныя правила смѣны юсовъ);—2) смѣшеніе падежей: именит. падежъ вм. винит. 7: **„и третіа книга написавь тако рекь“**, 7: **„тако гле^т въ писаніе“**; винит. въ качествѣ общаго падежа: 10: **„данокь ѿ землю мою“**, 11, 2 стлб.: **„ѿ землю негови, данокь ѿ землю мою“**;—3) болгарскія формы глаголовъ: 9: **„живех мо“** (діалектич., см. Лавровъ, 204 стр.), 15, 2 стлб. **„рекохв“** (ср. Лавровъ, 204 стр.), 14, 2 стлб.: **„наити хте коренїе та ми хте кожв ѿурьвить“** (ср. Лавровъ, 206 стр., изъ влахо-болгар. грамотъ, напр., XIV вѣка) **„кои хте по нихь бити“**; 4) болгарское слово: 13: **„оурисвєшь“** отъ **„оурисовати“**—греч. *ὁρίζω*—iubere; затѣмъ еще 3: **„прибитокь“** съ болгарскимъ переходомъ ъ въ о, вм. серб. **„прибитак“**. Смѣшеніе юсовъ опять показываетъ, что памятникъ перешелъ отъ болгаръ къ сербамъ, а не наоборотъ.

Итакъ сербскіе списки первой редакціи указываютъ на болгарскій оригиналъ. Списки второй сербской редакціи, напечатанные Ягичемъ въ „Arkiv za pov. jugslav., кн. IX“ не обнаруживаютъ неоспоримыхъ чертъ болгарскаго языка (списокъ глаголическій XV в. напечатанъ, впрочемъ, не весь) и возникли, вѣроятно, на сербской почвѣ.

Относительно русскаго текста *О.* можно съ увѣренностью сказать, что онъ происходитъ отъ юго-славянскаго оригинала: мы въ немъ встрѣчаемъ, напр., 94, 9: **„летеща по аєрв“**, 94, 8: **„размысли къ ср^дци си“**, 101 об., 14: **„иди во обітель си“**, 103 об., 7—8: **„и оуглоби си ноги въ сѣті свою“** (sic); что же касается примѣровъ, которые могли бы доказывать болгарское происхожденіе, то хотя они и есть, но не могутъ считаться несомнѣннымъ доказательствомъ, ибо ихъ можно объяснить и иначе; они слѣдующіе: 101 об., 21: **„ѿтроци шедше юша дхорь жи“** („ю“ можетъ быть простою опиской, вм. **„ѧ“**), 100 об., 13: **„не дошедшю ми градъ“**; написаніе **„оже ратници приде^т“** не имѣетъ значенія, въ виду написаній: 98 об., 25: **„въ гарести ср^дца своего“**, 103 об.; **„вы идїте к баню мытса“**, не говоря уже о 102, 2: **„тако“**, 104, 22: **„тома добро бвдеть“**.

Мы знаемъ, что не позднѣе X вѣка наша повѣсть уже была извѣстна въ византійской литературѣ, ибо съ нея тамъ была сдѣлана около X в. передѣлка въ біографіи Эзопа. Мы знаемъ, что рукописи *Ч.* и *Соф.* первой редакціи и Дубровацкій списокъ второй редакціи относятся къ XVI-му вѣку (Дубр.—къ 1520 г.). Глаголическій списокъ второй сербской редакціи относится къ третьей четверти XV в. (къ 1468 г.), Обращаемся къ даннымъ русскихъ списковъ древнѣйшей редакціи. Съ одной стороны, мы знаемъ, что тотъ сборникъ гр. Мусина-Пушкина, по которому въ 1800 г. было напечатано Слово о Полку Игоревѣ, относился къ XIV или XV вѣку [1]); съ другой стороны, мы знаемъ, что сборникъ Общ.

[1]) Основываясь на этомъ, акад. А. Веселовскій высказалъ догадку, что переходъ изъ

Ист. и Древн. Росс., № 189 относится ко второй, а, по мнѣнію хранителя рукописей Рум. Музея г. Долгова, быть можетъ, и къ первой половинѣ XV-го вѣка. Слѣдовательно, и на основаніи времени написанія рукописей нашей повѣсти мы можемъ думать, что переводъ ея на славянскій языкъ произошелъ между XI — XIV вв. Но, кромѣ этихъ данныхъ, есть еще одинъ фактъ палеографіи, имѣющій важное значеніе для болѣе опредѣленнаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса,— фактъ, впервые отмѣченный Н. С. Тихонравовымъ и до сихъ поръ мало оцѣненный.

Въ университетскихъ лекціяхъ по „Исторіи древней русской литературы“, читанныхъ Тихонравовымъ въ $188^3/_4$ году (стр. 8) мы находимъ слѣдующія строки: „въ новгородскомъ спискѣ [2]) въ двухъ-трехъ мѣстахъ, оказываются такія странныя описки, которыя не могли не обратить вниманія изслѣдователей. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ [3]) вмѣсто „**сына**“ стоитъ „**сьгна**“. Какимъ образомъ могла произойти такая описка? Очевидно, что это вина оригинала, а не переписчика, который старался вѣрнѣе скопировать лежавшій предъ его глазами древній оригиналъ, оригиналъ же былъ глаголическій, какъ видно изъ начертанія буквъ. И такимъ образомъ возникло предположеніе, что первоначальная основная редакція Акира Премудраго списана съ глаголицы“.

Исходя изъ этой догадки, мы пересмотрѣли весь текстъ списка *О.* и мы нашли слѣдующіе примѣры, служащіе доказательствомъ первоначальнаго глаголическаго оригинала: 91 об., 25 въ предложеніи „**ѩко Годи на виногра̑ въʒлиѥѣть**“ поставлено „**Годи**“, вм. „**води**“, что могло произойти скорѣе всего отъ чтенія глаголич. „Ⰽ“ (к) за „Ⰳ“ (г) ср. прилагаемую къ настоящей замѣткѣ таблицу *) глаголическихъ знаковъ, клѣтки

византійской письменности въ юго-славянскую могъ произойти еще въ XIII вѣкѣ (см. 1001 ночь. Изд. Кушнерева и К°. Т. II. М., стр. XVII).

²) Т.-е. спискѣ Общ. Ист. и Древн. Росс., № 189.

³) Именно 90 об., 13.

*) Къ таблицѣ глаголическихъ знаковъ:

1*a*—знаки Ⰻ, Ⰹ, равные кирилловскимъ **И, І**

1*b*—варіанты знака Ⰳ = **Г**	2*c*—варіанты знака Ⰴ = **Д**
1*c*—варіанты знака Ⱈ = **Х**	3*a*—варіанты знака Ⰺ = **И**
2*a*—варіанты знака Ⰽ = **К**	3*b*—варіанты знака Ⱁ = **О**
2*b*—варіанты знака Ⱅ = **Т**	3*c*—варіанты знака Ⱏ = **Ъ** и вязь **лъ**

Большинство начертаній заимствовано изъ Синайской Псалтыри и Синайскаго Требника; только древнѣйшія начертанія Ⰽ и Ⰴ (сходныя съ печатными) заимствованы изъ Зографскаго Евангелія; два знака Ⱁ (съ права въ клѣткѣ 3*b*) и два знака Ⱏ (съ лѣва въ клѣткѣ 3*c*) заимствованы изъ Ассеманова Евангелія, а одинъ знакъ **Х** (послѣдній направо въ клѣткѣ 1*c*) изъ памятника болѣе поздняго (глаголической вставки въ Зогр. Ев., относимой къ XII вѣку).

1*b* и 2*a*; 92 об., 18: въ предложеніи **„сн҃ъ гнѣхъ своѥ̑г въстагни“** [4]) поставлено **„гнѣхъ“**, вм. **„гнѣвъ“**, т.-е. вмѣсто глаголич. „Ⰲ“ (в) прочтено „Ⱈ“ (х), ср. табл. 2*a* и 1*c*; 91 об., 1: въ выраженіи **„а҆́ще бoi великим гл҃мъ“**, **„бoi“** поставлено вм. **„бы“** (ы въ такомъ начертаніи встрѣчается въ нашей рукописи два раза; такъ, на 99 л., 1: **„ѡ҆бѣды“**), что̀ могло произойти отъ смѣшенія „Ⱏ“ (ъ) съ „Ⱁ“ (о) см. табл. 3*b* и 3*c*; 99 об., 22: въ выраженіи: **„а҆́ще ли ꙗ҆вито таи́нꙋ твою ѡ҆вракися ѿ него“** **„ѡ҆вракися“** поставлено вм. **„ѡ҆вратися“**, что̀ могло произойти отъ смѣшенія глаголич. „Ⱅ“ (т) съ „Ⰲ“ (в), см. табл. 2*a* и 2*b* (ср. въ Асс. ев. изд. Чернчича, стр. 128 **„мисѣоти“**, вм. **„мосѣови“**); 102 л., 8: въ выраженіи **„всю нощь. и҆̈де вхореси во а҆лїві҃ю ꙁемлю. и҆̈ во а҆̂дорью̈“**, **„вхореси“** поставлено, вм. **„дхоресн“** (раньше **„дохорь“**, **„дхорь“**), т.-е. глаголич. „Ⰴ“ (д) прочтено за „Ⰲ“ (к), ср. табл. 2*a* и 2*c*. Очень важно, что приведенные случаи смѣшенія всего легче могутъ быть объяснены изъ

	a	*b*	*c*
1			
2			
3			

Таблица глаголическихъ знаковъ.

начертаній древнѣйшей глаголицы: отсюда можно заключать, что наша повѣсть была извѣстна на славянскомъ языкѣ уже въ XI—XII вѣкѣ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одной важной чертѣ, бросающей свѣтъ на происхожденіе славянскаго перевода. Проф. О. Евг. Коршъ, просматривая имена собственныя лицъ въ славянской версіи, указывалъ на то, что въ этихъ именахъ чувствуется армянскій элементъ и посовѣтовалъ намъ обратиться по этому поводу къ проф. Лазаревскаго института г. Халатеанцу, при содѣйствіи котораго мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

Особенное вниманіе возбудили слѣдующія имена: **„адоровъ“** *Общ.* **„адорски“** *Ч.* и *Соф.*; **„анаданъ“** (*Общ.*, **„анаданъ“** *Ч.* и *Соф.*), **„аналбугилъ“** (*Общ.*, **„нагубыль“** *Ч.*, въ *Соф.* нѣтъ), **„а҆̈бесамь“** (и **„ѡбека“**“ *Общ.*, **„ѡ҆̈бнка“** *Ч.*, **„набека“** и **„набека“** *Соф.*) и **„арапаръ“** (имя человѣка, казненнаго вмѣсто Акира *Общ.*; въ *Ч.* и *Соф.* этого имени

---

[4]) Сначала было „своѥго ъстагни“, что переправлено на „своѥ̑г въстагни“.

нѣтъ). Первыя два имени возбудили подозрѣніе по присутствію въ нихъ „д“; если „анаданъ“ и соотвѣтствуетъ сирійско-арабскому „*Nadan*“, то „адоровъ“ нельзя возвести прямо изъ сирійско-арабскаго: при передачѣ на греч. языкъ „*At'ûr*“, „*At'or*“ ожидается „*τ*“, а не „*δ*“. Слѣдующія 2 имени поражаютъ присутствіемъ въ нихъ „б“; имя „анабыгнлъ“ соотвѣтствуетъ сир.-араб. „*Nabusmîk*“, а „âбесамь“—„*Abikâm*“; при переводѣ на греч. языкъ греки передали бы „в“ (б) чрезъ „*β*“, а этотъ послѣдній звукъ славяне передавали черезъ „*в*“, ср. *Навуходоносоръ*, *Вавилонъ* и т. д. Если бы славяне перевели прямо съ греческаго, то вышеприведенныя два имени звучали бы „анакыгнлъ“ и „âвесамь“. Но что еще важнѣе, имя „арапаръ“, находимое въ спискѣ *Общ.* (болѣе древнемъ сравнительно со списками *Ч.* и *Соф.)*, оказывается армянскимъ словомъ [5]): арм. „*ἀῤῥαπάῤ*“=*τραχύς*, asper, *ἀκρότομος*, praeruptus, rupes. У армянъ же есть и „*b*“, которымъ они передаютъ и греч. „*β*“ („Babylon“ и „Nabuhodonosor“ и т. д.); слово же „адоровъ“, т.-е. смѣшеніе „т“ съ „д“ указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ нарѣчіемъ западной Арменіи, гдѣ такая замѣна существуетъ. Теперь является вопросъ, когда внесенъ въ нашу повѣсть этотъ армянскій элементъ, до перевода ея на греческій языкъ или по переводѣ на этотъ языкъ? Первое предположеніе, оказывается, невозможнымъ, ибо въ армянской версіи именамъ „адоровъ“ и „наданъ“ соотвѣтствуютъ „*asorestan*“ (Ассирія) и „*Nat'an*“, отраженія которыхъ мы должны были бы ожидать въ (недошедшемъ) греческомъ и далѣе въ славянскомъ переводѣ. Остается, высказаться за второе допущеніе: армянскій элементъ внесенъ въ текстъ повѣсти послѣ ея перевода на греческій языкъ. Оно возможно, ибо славяне не разъ соприкасались съ армянами. Армяне извѣстны въ юго-западной Болгаріи уже въ IX-мъ вѣкѣ: о нихъ говорится въ вопросахъ, предложенныхъ папѣ Николаю I болгарскимъ княземъ Борисомъ послѣ крещенія, и въ CVI-ой главѣ папскихъ отвѣтовъ; здѣсь армяне оказываются проповѣдниками монофизитской, а потомъ и монофелитской ереси. Остатки этихъ армянъ встрѣчаются еще въ XII в. въ западномъ краѣ Болгаріи, какъ видно изъ житія Иларіона Могленскаго. Армяне жили и въ Солунѣ [6]). Происходили ли всѣ эти армянскія колоніи изъ западной Арменіи, — неизвѣстно. Въ этомъ вопросѣ гораздо большее значеніе имѣютъ для насъ извѣстія объ армянахъ-павликіанахъ. Секта павликіанъ, какъ извѣстно, возникла въ Арменіи во второй половинѣ VII в. Основателемъ ея былъ Константинъ, родомъ изъ села близъ „Самосата“ (см. Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, статью „Павликіане“), а *Samsat* находится на Ефратѣ на юго-западъ отъ Діарбекира, т.-е. въ западной Арменіи. Здѣсь же Константинъ и привлекалъ послѣдовате-

[5]) Въ сир. и араб. текстахъ нашей повѣсти этого имени нѣтъ.

[6]) См. «Изъ древней исторіи болгаръ», проф. М. И. Соколова. Спб. 1879, стр. 144.

лей своей секты, изъ дальнѣйшей исторіи которой мы знаемъ, что „въ 970 г. Іоаннъ Цимисхій сумѣлъ вывести большую колонію павликіанъ и поселить её для охраны границы около Филиппополя во Ѳракіи, гдѣ имъ была обезпечена религіозная свобода. Здѣсь павликіане въ полной независимости жили около столѣтія“, т.-е. до 1115 года, когда византійцы приняли мѣры для обращенія ихъ въ православіе. Итакъ, мы можемъ думать, что при переходѣ нашей повѣсти изъ греческой въ славянскую литературу, посредниками были армяне-павликіане, отдѣльные проповѣдники которыхъ были извѣстны въ Болгаріи еще въ IX вѣкѣ. При отвѣтѣ на вопросъ, въ чемъ именно выразилась роль этихъ посредниковъ, въ переводѣ ли прямо съ греческаго на славянскій языкъ, или въ томъ, что армянскій переводъ съ греческаго послужилъ оригиналомъ для славянскаго текста, намъ кажется, слѣдуетъ высказаться за вторую возможность. Можно думать, что основаніемъ славянскаго предложенія „**се бо ёсть мѹжь оу мене в темнїцѣ ёмѹже имѧ̂. л(ра)паръ**“ послужила фраза, въ родѣ слѣдующей: „вотъ у меня есть въ темницѣ страшный (или „суровый“ — *ἀῤῥαλάρ*) [7]) мужъ“, при чемъ слово „страшный“ („суровый“) сначала было оставлено непереведеннымъ, а затѣмъ сдѣлалось собственнымъ именемъ.

Изложенные факты приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ первоначально переведена на церковно-славянскій языкъ.

2. Оригиналомъ послѣдующихъ кирилловскихъ текстовъ былъ глаголическій текстъ.

3. Переводъ сдѣланъ въ XI или XII вѣкѣ.

4. Переводъ былъ сдѣланъ въ Македоніи или южной Болгаріи.

5. Церковно-славянскій переводъ былъ сдѣланъ съ греческаго языка не прямо, а при посредствѣ армянскаго текста.

А. Григорьевъ.

---

7) Ср. въ арм. Библіи Сир. 6, 21 „Для невѣждъ она очень *сурова*, и неразумный не останется съ нею“, гдѣ слову „сурова“ по-армянски соотвѣтствуетъ „*ἀῤῥαπάρ*“.

III.

Воспоминанія о Г. Д. Филимоновѣ.

26 мая скончался *послѣдній членъ-основатель* нашего Общества; уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы благодарныя поминки по немъ сдѣлать по возможности обстоятельнѣе. Но этотъ послѣдній основатель, *Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ*, пріобрѣтшій обширную и въ высшей степени почетную извѣстность во всѣхъ четырехъ областяхъ нашихъ занятій: въ археологіи доисторической, въ иконографіи, въ изученіи русскихъ древностей и, наконецъ, въ палеографіи; онъ былъ не только однимъ изъ основателей общества, но и однимъ изъ основателей русской археологической науки во второмъ и наиболѣе плодотворномъ періодѣ ея развитія, когда она отъ простого собиранія матеріала перешла къ подведенію итоговъ, къ теоретическимъ обобщеніямъ и къ практическимъ выводамъ. Кто изъ насъ не знаетъ историческаго значенія его раскопокъ на Кавказѣ? Кто не слыхалъ о той важной роли, какую игралъ покойной въ дѣлѣ возстановленія національнаго вкуса и направленія въ русскомъ искусствѣ? Кто можетъ забыть его строго научныя и въ то же время горячія до восторженности статьи по исторіи русской иконописи, по византійской архитектурѣ и пр.? Кто не пользовался его описаніями нашихъ важнѣйшихъ древлехранилищъ? Кто, наконецъ, изъ москвичей или изъ пріѣзжихъ не обращался къ нему лично за совѣтами и указаніями въ полной увѣренности, что знаменитый археологъ отнесется къ нему съ товарищескимъ, даже дружескимъ благодушіемъ?

Покойный представляетъ рѣдкое и въ высокой степени отрадное явленіе еще въ одномъ отношеніи.

Насъ, русскихъ, Господь не обидѣлъ ни талантами, ни энергіей; но въ насъ обыкновенно не хватаетъ выдержки, настойчивости въ преслѣдованіи одной цѣли, а наши талантливые ученые (какъ и вообще наши талантливые люди) или слишкомъ разбрасываются въ своихъ занятіяхъ и въ продолженіе короткой человѣческой жизни нѣсколько разъ мѣняютъ направленіе работъ, или слишкомъ быстро утомляются, старѣютъ и лишаются научной производительности. Георгій Дмитріевичъ, типичный, даже идеальный русакъ по своей добротѣ, прямотѣ, откровенности, неумѣнью приноровливаться къ людямъ и обстоятельствамъ и устраивать свои личныя дѣла, по всему складу своего широкаго ума и характера, даже по самой наружности своей, въ отношеніи работы

былъ выдержаннѣй и настойчивѣй всякаго нѣмца и сохранилъ энергію и научную производительность въ продолженіе почти полустолѣтія. Въ 1849 г. юнымъ двадцатилѣтнимъ кандидатомъ онъ издаетъ свой первый чисто археологическій трудъ: *Описаніе памятниковъ древности церковнаго и гражданскаго быта изъ русскаго музея П. Ѳ. Карабанова* и черезъ 49 лѣтъ, уже нося въ себѣ смертельную болѣзнь, послѣ длиннаго, длиннаго ряда трудовъ по всѣмъ отдѣламъ археологіи, онъ читаетъ нѣсколько рефератовъ о *Мономаховой шапкѣ* (Чтенія 1898 г., кн. II, IV), въ которыхъ является такимъ же чистокровнымъ археологомъ, юношески смѣлымъ и увлекающимся, но, конечно, во всеоружіи 50-лѣтней глубокой и широкой учености.

Всѣ эти причины должны бы побудить того, кто возьметъ на себя печальный трудъ читать его некрологъ въ нашемъ Обществѣ, занять имъ по крайней мѣрѣ, цѣлое засѣданіе; но эти же причины, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ чисто случайныхъ, заставляютъ меня сегодня предложить вашему вниманію, вмѣсто обстоятельнаго изложенія и оцѣнки трудовъ Георгія Дмитріевича, только отрывочныя личныя воспоминанія о немъ. Дѣло въ томъ, что для уясненія роли Филимонова въ исторіи русской науки и самопознанія нуженъ приблизительно годъ работы по печатнымъ и непечатаннымъ матеріаламъ (и я надѣюсь, если мнѣ откроется доступъ къ его драгоцѣннымъ бумагамъ и у меня хватитъ силъ, совершить эту работу), а сказать объ этой роли нѣсколько незначительныхъ и непровѣренныхъ словъ и ограничиться изложеніемъ общеизвѣстныхъ фактовъ его жизни и перечнемъ его статей и книгъ мнѣ кажется не вполнѣ достойнымъ памяти нашего послѣдняго члена - основателя. Личныя же воспоминанія всегда имѣютъ нѣкоторое значеніе, какъ матеріалъ для біографіи или характеристики.

Имя Филимонова я услышалъ въ первый разъ, еще будучи студентомъ въ началѣ 60-хъ г., отъ Буслаева, въ одну изъ рѣдкихъ у нашего незабвеннаго учителя минутъ *порицательныхъ*, когда онъ бранилъ кого-то изъ много о себѣ мнящихъ ученыхъ:

„Ну, какой онъ палеографъ?"—говорилъ Буслаевъ при мнѣ и двухъ-трехъ моихъ товарищахъ одному изъ своихъ старшихъ учениковъ: онъ только начетчикъ, да и то не изъ лучшихъ; у насъ пока есть только одинъ настоящій палеографъ Викторовъ, въ сравненіи съ которымъ и NN. и я никуда не годимся; точно также какъ у насъ есть только два настоящихъ знатока русскихъ древностей, два настоящихъ археолога: гр. Уваровъ да Филимоновъ.

А. Е. Викторова мы постоянно видали у Буслаева и хорошо знали. О гр. Уваровѣ (*молодомъ* графѣ, какъ еще называли его старшіе изъ

нашихъ учителей) и его знаменитыхъ коллекціяхъ мы тоже слыхали. Но кто такое Филимоновъ? Да и что такое русскія древности? — Эти вопросы сильно заинтересовали меня (древности намъ были извѣстны только классическія).

Въ тотъ же вечеръ я обратился съ просьбой къ Буслаеву дать мнѣ вкратцѣ понятіе о томъ, чѣмъ русская археологія отличается въ своихъ пріемахъ отъ классической, и познакомить меня съ трудами Филимонова.

— Различіе въ пріемахъ, — отвѣтилъ мнѣ Ѳ. И., — конечно существуетъ по различію въ матеріалѣ, но вкратцѣ это выразить трудно; всего лучше возьмите какую-нибудь работу Филимонова: онѣ всѣ одинаково хороши и прочтите со вниманіемъ и съ конспектомъ, при этомъ какъ можно старательнѣе разсматривайте рисунки и старайтесь припомнить, не видали ли чего подобнаго въ дѣйствительности. И онъ далъ мнѣ небольшую книжечку in 4° подъ заглавіемъ „Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. Церковь св. Николая на Липнѣ близъ Новгорода. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ“. Книжка начиналась такимъ образомъ: „Основываясь на изученіи остатковъ древнихъ церквей, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, археологическая наука уже можетъ приступить въ настоящее время, если не къ рѣшенію, то, по крайней мѣрѣ, *къ постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ* изъ исторіи русскаго церковнаго зодчества. Вопросы эти, разъясняя факты исторической жизни памятниковъ, представляютъ собою еще и ту важность, что *они тѣсно связаны съ современною потребностью возсозданія древнихъ формъ*, съ этимъ стремленіемъ усвоивать и передавать новымъ сооруженіямъ церковнаго зодчества новый характеръ, основанный на первоначальной потребности и освященный вѣковыми употребленіями. *Древность подаетъ въ этомъ случаѣ руку современности, и археологія становится посредницей между древними и новыми зодчими*. Она должна принять на себя это посредничество уже потому, что, имѣя подъ руками всѣ данныя относительно древнихъ построекъ, она одна можетъ руководить современнаго зодчаго въ изученіи древняго стиля; кромѣ того, она можетъ указать ему на несообразности понятій относительно новыхъ сооруженій, *построенныхъ, по большинству мнѣній, въ древнемъ стилѣ, на самомъ же дѣлѣ, въ какомъ-то искаженіи его;* она одна, наконецъ, разоблачая подлогъ, можетъ снять незаслуженное въ этомъ случаѣ порицаніе древности. Въ самомъ дѣлѣ, сколько зданій, построенныхъ въ наше время, несправедливо присвоиваютъ себѣ названіе древняго стиля, зданій, стоящихъ часто ниже архитектурной критики и не имѣющихъ отъ древности ни-

чего порядочнаго. Между тѣмъ древность завѣщала намъ въ памятникахъ своихъ много прекрасныхъ идей, заслуживающихъ подражанія и въ наше время. Правда, что идеи эти нелегко разоблачаются за пристройками и передѣлками; но тутъ-то и нужна помощь археологіи, безъ которой, не говоря уже о подражаніи, почти невозможно добраться до первоначальной формы памятника".

Изъ этихъ первыхъ по неизвѣстной мнѣ отрасли знаній строкъ, мною прочитанныхъ, узналъ я прежде всего, что русская археологія— дѣло очень новое, во-вторыхъ, что она чрезвычайно тѣсно связана съ современностью, въ-третьихъ, что ей приходится бороться съ ложными мнѣніями, и наконецъ, въ-четвертыхъ, что настоящая древность представляетъ нѣчто истинно прекрасное, но ее надо старательно очистить отъ позднѣйшихъ плохихъ наслоеній, въ которыхъ самомнительное невѣжество видитъ будто бы древній стиль.

Прошло почти сорокъ лѣтъ съ того времени, какъ Георгій Дмитріевичъ высказывалъ эти рѣзкія мысли; теперь онѣ сдѣлались общимъ достояніемъ. Изъ талантливыхъ статей нашего сочлена П. Н. Милюкова въ „Мірѣ Божьемъ" теперь всякій умный подростокъ знаетъ, что въ 30-хъ годахъ у насъ и въ искусствѣ, и въ наукѣ, какъ и въ литературѣ, явился официальный націонализмъ, который во всѣхъ этихъ областяхъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, столько же зла, сколько и добра, и съ которымъ потомъ пришлось упорно бороться наукѣ, подобно тому, какъ наукѣ западной пришлось въ 40-хъ и 50-хъ годахъ упорно бороться съ невѣрнымъ представленіемъ романтиковъ о среднихъ вѣкахъ.

Г. Милюковъ [1]) справедливо утверждаетъ, что въ русской архитектурѣ quasi-національный стиль основывался на полномъ незнакомствѣ съ ея исторіей и могъ существовать только до тѣхъ поръ, „пока не были изучены образцы нашего стариннаго зодчества". Данная мнѣ Буслаевымъ статья Филимонова оказалась одною изъ основательнѣйшихъ работъ, способствовавшихъ возрожденію истинно-національныхъ элементовъ въ русскомъ искусствѣ черезъ изученіе его исторіи.

Послѣ приведеннаго вступленія ея авторъ непосредственно высказываетъ основной свой тезисъ, что „современное устройство русскихъ иконостасовъ далеко не первоначальное" (стр. 3) и доказываетъ его съ поразительною наглядностью существованіемъ въ старыхъ церквахъ остатковъ древней фресковой росписи на той сторонѣ алтарныхъ столбовъ, къ которой въ настоящее время плотно прислонены деревянные иконостасы. Такіе остатки находитъ онъ въ церкви Николая Чудотворца на

---

[1]) Очерки, II, 200.

Липнѣ, исторіи и обстоятельному описанію которой посвящено начало его изслѣдованія. Я не буду, разумѣется, излагать его содержанія, а только скажу о томъ впечатлѣніи, которое произвело оно на совершенно неподготовленнаго читателя. Я далеко не все понялъ въ немъ, такъ какъ самые простые храмостроительные и иконографическіе термины были мнѣ неизвѣстны. Но я не могъ не усмотрѣть и огромной важности дѣла и столь же огромной его трудности. Глубокая идея въ строеніи и росписи христіанскаго храма, вполнѣ соотвѣтствующая содержанію христіанскаго вѣроученія, удивительная стойкость преданія на пространствѣ столѣтій и тысячъ верстъ, объединяющая всѣ народы христіанскіе, въ первый разъ предстала незрѣлому уму моему; въ первый разъ я понялъ и *почувствовалъ,* чѣмъ для нашихъ бѣдныхъ и безграмотныхъ предковъ была *церковь*, дававшая усладу всѣмъ чувствамъ ихъ, сразу вдвигавшая ихъ въ семью духовно-культурныхъ народовъ и высоко возносившая ихъ надъ ничтожными интересами ихъ обыденной жизни; я понялъ не умомъ только, а всею душой слова пословъ Владиміровыхъ о Софійскомъ храмѣ.

Ученые, посвящающіе труды свои изученію христіанской старины, пробирающіеся къ древнимъ церквамъ „часа три верхомъ, иногда въ водѣ по грудь лошади", какъ пробирался Г. Д. къ храму Чудотворца Николая на Липнѣ (стр. 5), и работающіе тамъ въ грязи и сырости, на сквозномъ вѣтру, среди развалинъ и въ то же время принужденные бороться противъ неумѣло-усердныхъ подновителей — храмостроителей, не могли не представиться мнѣ истинными мучениками науки, передъ которыми блѣднѣютъ труды дѣятелей западнаго возрожденія. Я не могъ не увидать, какая разнообразная подготовка (историческая, филологическая и художественная) была необходима для успѣха въ такихъ работахъ и въ какой огромной степени обладалъ ею авторъ *этого* изслѣдованія. Это не могло не запугать меня; но за-то меня обрадовало то обстоятельство, что и здѣсь я увидалъ силу того же *сравнительнаго метода*, который былъ хорошо знакомъ намъ по историко-литературнымъ работамъ: имъ вооруженный молодой изслѣдователь ставилъ и рѣшалъ совсѣмъ заново рядъ интересныхъ вопросовъ и рѣшалъ съ такою убѣдительностью и достовѣрностью, что предшественники его казались передъ нимъ какими-то дѣтьми безпомощными, простыми наблюдателями имъ мало понятныхъ явленій; благодаря подготовкѣ по археологіи древне-христіанской и западной и искусному приложенію этого метода, скромный ученый оказывался законодателемъ для архитекторовъ и художниковъ.

Заинтересованный этою живою и убѣдительною работой, я попро-

силъ у Ѳ. И. Буслаева „еще чего-нибудь въ этомъ родѣ“, и онъ далъ мнѣ брошюру того же автора еще меньшаго объема: „Окладъ Мстиславова Евангелія“ (М. 1861). Въ ней прежде всего меня пріятно поразило то обстоятельство, что хотя я ни въ оригиналѣ, ни въ снимкахъ не видалъ разбираемаго памятника, онъ оказался описаннымъ такъ обстоятельно и такъ ясно, что пониманіе аргументаціи и выводовъ изслѣдованія не представило для меня ни малѣйшей трудности, хотя опять-таки нѣкоторые термины были для меня совершенно новы. Перечитавъ впослѣдствіи это изслѣдованіе Георгія Дмитріевича, я убѣдился, что главною причиной такой общедоступности столь спеціальной по заглавію работы былъ превосходный *методъ* изслѣдованія, совмѣщавшій въ себѣ пріемы и филолога и историка. Описавъ памятникъ, авторъ подвергаетъ тщательному анализу то мѣсто послѣсловія, гдѣ *хоудый Наславъ* говоритъ о своемъ путешествіи въ Царьградъ ради учиненія *химипета* и, строго держась прочно установленныхъ фактовъ, проявляя мѣстами даже какъ бы излишнюю осторожность [2]), даетъ совсѣмъ новое толкованіе тексту въ противность уже общепринятому мнѣнію такого авторитетнаго ученаго, какимъ тогда считался Снегиревъ. Въ результатѣ объясненіе историческихъ данныхъ и выводы изъ наблюденія надъ памятникомъ оказываются тождественными, и оттого получается впечатлѣніе чрезвычайно полное и опредѣленное. Напомню, что проф. Кондаковъ въ своей огромной работѣ объ эмаляхъ г. Звенигородскаго (на стр. 187), дойдя до Мстиславова Евангелія, ограничивается только изложеніемъ выводовъ Георгія Дмитріевича, сдѣланныхъ тридцать *слишкомъ* лѣтъ назадъ.

1864 года, кажется весною, было назначено первое послѣ учредительнаго, собраніе Общества Древле-Русскаго Искусства. Буслаевъ, его секретарь, пригласилъ нѣсколькихъ студентовъ присутствовать на немъ, въ качествѣ публики. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ или по крайней мѣрѣ услышалъ (видалъ я его, можетъ быть, и раньше, но мелькомъ) Г. Д. Филимонова. Онъ состоялъ редакторомъ изданій Общества и однимъ изъ главнымъ его дѣятелей [3]) и въ этомъ засѣданіи читалъ рефератъ, если не ошибаюсь, о Софіи Премудрости, который иллюстрировалъ цѣлымъ рядомъ демонстрацій. Его крупная, почти грандіозная фигура чисто славянскаго типа, съ большими добродушными голубыми глазами, съ бѣлокурыми слегка вьющимися волосами подкупала въ его пользу немногочисленную публику. Изслѣдованіе

---

[2]) На стр. 16 относительно словопроизводства *финифть*.

[3]) Немного позднѣе онъ остался въ немъ единственнымъ работникомъ и поддерживалъ существованіе его лѣтъ пять.

его было написано цѣликомъ, но онъ излагалъ его устно, излагалъ, долженъ признаться, не особенно краснорѣчиво и гладко, за-то съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своей, не переходящимъ, однако, въ самодовольство и самомнѣніе человѣка, сдѣлавшаго открытіе. Съ первыхъ же словъ его стало ясно, что онъ придаетъ главное значеніе не отвлеченнымъ аргументамъ и не текстамъ, а живымъ памятникамъ, полунѣмымъ и часто сбивчивымъ; но подъ его опытною и искусною рукой они становились краснорѣчивыми и ясно убѣдительными. Насъ, студентовъ, не могло не поразить то уваженіе, съ которымъ относились самые авторитетные изъ нашихъ профессоровъ къ этому сравнительно молодому ученому (ему было только 35 лѣтъ), въ особенности если дѣло касалось опредѣленія времени или мѣста происхожденія памятника. „Георгій Дмитріевичъ говоритъ такъ, сказалъ Буслаевъ во время преній: стало быть и толковать здѣсь нечего“.

Къ крайнему моему сожалѣнію, другія занятія, требовавшія всего моего свободнаго времени, отвлекли меня отъ русской археологіи, и я на нѣсколько лѣтъ потерялъ Г. Д. изъ виду.

Я встрѣтился съ нимъ снова въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ на иномъ поприщѣ. Я былъ учителемъ гимназіи и въ то же время готовился къ магистерскому экзамену. Между прочимъ, мнѣ понадобилось заняться юго-западною литературой и дѣятельностью кіевлянъ въ Москвѣ. Зимой, поглощаемый уроками, я могъ работать очень понемногу, а лѣтомъ Румянцевскій музей и университетская библіотека закрывались.

Не помню, кто меня надоумилъ обратиться въ Общество Исторіи и Древностей, весьма цѣнною библіотекой котораго завѣдывалъ Г. Д., нерѣдко остававшійся ради работъ въ Москвѣ и на лѣто. Я и отправился къ знаменитому археологу въ его казенный домикъ у Спасскихъ воротъ съ покорнѣйшею просьбой допускать меня въ библіотеку Общества, когда онъ самъ будетъ заниматься тамъ. Г. Д. принялъ меня очень ласково и спросилъ, что̀ именно нужно мнѣ. Я назвалъ мою тему и указалъ на старо-печатные сборники проповѣдей Симеона Полоцкаго *Обѣдъ душевный* и *Вечеря душевная*. Г. Д. обрадовалъ меня извѣстіемъ, что оба они въ библіотекѣ имѣются и, по соглашенію со мной, назначилъ время, когда онъ будетъ въ библіотекѣ.

Я, конечно, не преминулъ явиться. Г. Д. досталъ два огромныхъ фоліанта и, кромѣ того, самъ указалъ мнѣ на небольшую рукописную тетрадку съ письмами Галятовскаго къ царямъ московскимъ, очень неразборчиво (по крайней мѣрѣ мнѣ тогда такъ казалось) написанную. Я спросилъ сколько разъ въ недѣлю и подолгу ли позволитъ мнѣ Г. Д. заниматься рукописью и старо-печатными фоліантами.

— А вы въ самой Москвѣ живете?—спросилъ меня Г. Д.

— Нѣтъ, подъ Москвой, на дачѣ: послѣ зимней работы и весеннихъ экзаменовъ необходимо хоть воздухомъ подышать.

— Ну, такъ знаете что? Возьмите-ка и обѣ книги и тетрадку къ себѣ на дачу и работайте тамъ себѣ съ Богомъ; а недѣли черезъ 3—4 мнѣ верните въ сохранности.

— Какъ? Вы мнѣ довѣряете такія вещи? спросилъ я съ удивленіемъ.

— *Э! дорогой мой!* (—поговорка Г. Д) *если мы, занимающіеся люди, которыхъ такъ мало въ Россіи, не будемъ довѣрять другъ другу, намъ и жить нельзя будетъ.*

Скоро послѣ этого я уѣхалъ за границу, а потомъ на каѳедру въ провинцію и почти четверть столѣтія не видалъ Георгія Дмитріевича; но слова его врѣзались мнѣ въ память, какъ одно изъ тѣхъ *motto*, которыми добрые учителя снабжаютъ учениковъ своихъ на прощанье, и когда, во время моей доцентской и профессорской службы, студентъ или молодой кандидатъ просилъ у меня казенную или мою, особенно мнѣ нужную книгу, или когда въ иномъ случаѣ у меня возникало сомнѣніе, слѣдуетъ ли оказать довѣріе или нѣтъ, я всегда вспоминалъ Георгія Дмитріевича, слѣдовалъ его изреченію и примѣру и почти никогда не раскаивался.

Приблизительно въ срединѣ этого 25-лѣтняго промежутка я сталъ немного заниматься исторіей искусства и иконографіей и, разумѣется, съ первыхъ же шаговъ долженъ былъ обратиться къ работамъ Георгія Дмитріевича: къ его Симону Ушакову и его подлиннику. „Ушакова", вмѣстѣ съ общими понятіями объ иконописи Буслаева, я переплелъ отдѣльно, чтобы не возиться съ толстымъ „Сборникомъ древне-русскаго искусства", и эта увлекательная до восторженности и въ то же время строго научная работа не могла не стать моею настольною книгой. Я увѣренъ, что такимъ выдѣленіемъ этихъ двухъ работъ—Буслаева и Филимонова я, такъ сказать, только предупредилъ событія, что настанетъ время, когда обѣ онѣ будутъ перепечатаны съ подстрочными примѣчаніями и дополненіями, подобно тому, какъ нѣмцы перепечатываютъ работы Винкельмана, Гримма, Гервинуса и другихъ богатырей науки, приспособляя ихъ обстоятельными дополненіями и поправками къ современному уровню знанія.

Когда я 3 года назадъ переселился въ Москву и сталъ посѣщать Румянцевскій музей, я нашелъ Г. Д., повидимому, вполнѣ свѣжимъ физически и умственно и такимъ же сильнымъ работникомъ науки, какимъ онъ былъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Я сильно разсчитывалъ на его авторитетную помощь и указанія въ нѣкоторыхъ моихъ работахъ, но

получилъ меньше, чѣмъ ожидалъ, конечно, *не по его винѣ*. Въ началѣ онъ былъ такъ огорченъ и угнетенъ одною незаслуженною жизненною неудачей, что я не рѣшался безпокоить его моими запросами, а оправившись и успокоившись, онъ съ такою юношескою энергіей принялся за новыя изслѣдованія, что почти не могъ говорить ни о чемъ кромѣ лотоса, а потомъ Мономаховой шапки. Онъ былъ всегда такъ добръ и обязателенъ, что я, конечно, могъ бы добиться своего и упросить его познакомить меня съ его великолѣпною коллекціей снимковъ съ иконъ Богоматери, а также и разъяснить многія мои иконографическія недоумѣнія, но бѣда въ томъ, что „текущія дѣла“ отвлекли меня на время отъ моей темы, и я откладывалъ свои просьбы и запросы въ долгій ящикъ, въ чемъ теперь глубоко раскаиваюсь. Но кто, глядя на его могучую фигуру и на напряженность его работы, могъ подумать, что въ немъ уже гнѣздилась смертельная болѣзнь?

У насъ часто и небезосновательно жалуются на недостатокъ хорошо подготовленныхъ Privatgelehrter'овъ, безъ которыхъ наука можетъ двигаться только черепашьимъ шагомъ, такъ какъ профессора и академики и немногочисленны, и слишкомъ заняты да и нуждаются въ средѣ, которая поддерживала бы ихъ усердіе. По счастію, наша археологія въ этомъ отношеніи находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ: она своими успѣхами, по крайней мѣрѣ, столько же обязана ученымъ добровольцамъ, сколько и ученымъ профессіональнымъ, и послѣдніе въ ней часто являются только учениками первыхъ. Однимъ изъ такихъ добровольцевъ, руководителей нашихъ былъ и Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ, имя котораго *всегда* будетъ занимать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русской науки.

А. Кирпичниковъ.

IV.

Курганы Люблинской губерніи.

Въ польскомъ сборникѣ подъ названіемъ „Dla sierot“, изданнымъ Люблинскимъ благотворительнымъ Обществомъ въ прошломъ году, извѣстный антропологъ д-ръ *Влад. Олехновичъ* помѣстилъ статейку подъ заглавіемъ *„Лучъ свѣта въ доисторическомъ прошломъ Люблинскаго края“*. (Część światła w dziejach przedhistorychnych Lubelskiego). Въ ней онъ даетъ краткую характеристику кургановъ, находящихся въ довольно большомъ количествѣ въ предѣлахъ уѣздовъ Грубешовскаго, Холмскаго и Люблинскаго и далѣе къ западу вплоть до Вислы,

въ лѣсахъ и на поляхъ. Курганы встрѣчаются группами числомъ отъ 35 и до 20 въ группѣ; расположены довольно тѣсно и неправильно. Величина ихъ различна даже въ одной и той же группѣ; нѣкоторые достигаютъ 4 локтей, другіе не превышаютъ 1 локтя въ вышину. При изслѣдованіи ихъ оказывается, что они насыпались на мѣстѣ кострищъ, на холмахъ, причемъ слой золы бываетъ въ нихъ иногда довольно толстый, а иногда встрѣчается нѣсколько слоевъ золы въ одномъ и томъ же курганѣ, что указываетъ на нѣсколько періодовъ, въ образованіи самихъ кургановъ. Въ одной группѣ кургановъ Ново-Александрійскаго уѣзда, съ обильными остатками кострищъ, оказались основанія кургановъ, сплошь замощенныя камнемъ, имѣющимся на поляхъ. Находками вещей всѣ эти курганы крайне бѣдны. Только въ одной группѣ, на поляхъ дер. Ментова, Люблинскаго уѣзда, гдѣ раскопано болѣе 10 кургановъ, оказалось много черепковъ глиняной посуды, повидимому, разныхъ эпохъ. Нѣкоторые, плохо обожженные, указываютъ на примитивный способъ исключительно ручной лѣпки, съ значительною примѣсью къ глинѣ толченаго гранита; другіе, болѣе поздніе, носятъ слѣды гончарнаго станка и украшены обычною славянскою орнаментаціей изъ прямыхъ или волнистыхъ линій. Такъ какъ ни костей ни другихъ остатковъ умершихъ здѣсь не найдено, то авторъ допускаетъ возможность объяснить происхожденіе этихъ кургановъ какими-нибудь религіозными обрядами, при которыхъ жглись костры, и употреблялась жертвенная посуда, а потомъ на мѣстѣ совершенія обрядовъ насыпались курганы. Но въ другой группѣ кургановъ, близъ мѣстечка Ополя, Ново-Александрійскаго уѣзда, нашлось иное показаніе. Здѣсь авторомъ раскопана могила съ трупосожженіемъ и въ ней найдена урна, слезница и черпакъ; въ золѣ, наполнявшей урну, оказались обломки бронзоваго ожерелья. Правда, все это помѣщалось въ верхней части кургана, можетъ быть, принадлежащей другому времени, тогда какъ основаніе этого кургана представляло, подобно другимъ, остатки простого кострища. Отсюда авторъ заключаетъ, что мѣстные курганы съ остатками кострищъ относятся къ тому времени, когда обычай трупосожженія еще не прекратился совершенно, т.-е. къ бронзовому періоду, несмотря на то, что мѣстныя преданія относятъ ихъ къ шведамъ и татарамъ. При уясненіи вопроса о принадлежности кургановъ той или иной народности авторъ держится того мнѣнія, что въ передвиженіяхъ народовъ и въ доисторическое время принимало участіе только меньшинство представителей каждаго племени въ видѣ воинственныхъ шаекъ или ордъ, оставившихъ по себѣ лишь незначительные слѣды. Главная масса населенія со времени неолитической эпохи оставалась на своихъ мѣ-

стахъ, занятыхъ въ болѣе отдаленныя времена, и могла въ болѣе широкихъ размѣрахъ совершать свои религіозные обряды, въ данномъ случаѣ сожиганіе костровъ, можетъ быть въ честь Купалы, выбирая для этого возвышенныя мѣста. Выходя изъ этого положенія, авторъ допускаетъ, что изслѣдованные имъ курганы были насыпаны языческими предками нынѣшнихъ жителей этихъ мѣстностей, у которыхъ культъ огня и понынѣ сохранился въ сожженіи купальскихъ костровъ, или такъ называемой „Sobótki", причемъ это празднество усвоено въ новѣйшее время даже образованнымъ классомъ и пышно справляется на берегахъ Вислы въ Краковѣ и Варшавѣ.

Н. Янчукъ.

V.

Замѣтка о загадочныхъ знакахъ на обломкахъ глиняной посуды.

На страницахъ 12-го номера „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ" за минувшій 1897 годъ была помѣщена моя небольшая статья о глиняномъ сосудѣ съ загадочными знаками, который былъ пріобрѣтенъ при раскопкѣ одной могилы на дюнѣ Могилкахъ, въ окрестностяхъ села Алеканова, Рязанскаго уѣзда. Въ той замѣткѣ указывалось, что погребеніе, давшее столь интересный сосудъ, сопровождало остатки поселка X—XI вѣка и было ему современно.

Раскопки текущаго 1898 года подтвердили оба высказанныя предположенія. Въ одной развѣдочной траншеѣ раскопокъ, спеціально направленной для отысканія слѣдовъ первобытныхъ стоянокъ, случайно пришлось прорѣзать культурный слой поселка и въ немъ найти два обломка отъ различныхъ глиняныхъ сосудовъ, содержащихъ загадочные знаки совершенно того же характера, какъ и знаки погребальнаго сосуда (рис. 3, 4).

Оба обломка хорошо обожжены, хорошо формованы и, повидимому, относятся къ лучшему сорту гончарныхъ издѣлій древняго поселка.

На одномъ изъ нихъ оказались начерченными еще по свѣжей глинѣ три знака, на другомъ—два, изъ которыхъ одинъ—цѣльный, отъ другого же сохранилась часть въ видѣ черточки. Въ первомъ случаѣ очевидно, а во второмъ—очень вѣроятно,—знаки располагались въ строку, т.-е. совершенно такъ, какъ и на погребальномъ сосудѣ [1]).

---

[1]) Арх. Изв. и Зам. 1897 г., № 12, рис. 1 и 2.

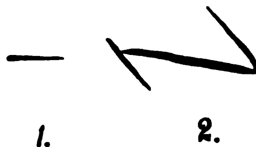
На первомъ изъ обломковъ (рис. 3) знаки расположены по шейкѣ сосуда, по обрѣзу которой идетъ простой орнаментъ изъ черточекъ. На второмъ знаки, очевидно, шли ниже шейки, по боковымъ стѣнкамъ, и, очень вѣроятно, такъ, какъ они идутъ на погребальномъ сосудѣ.

Интересно, что изъ четырехъ цѣльныхъ знаковъ два оказались сходными съ знаками погребальнаго сосуда (сравни 2 и 3 знаки, изображенные на 3 рисункѣ съ 1 и 13-мъ знаками 2-го рисунка 12 номера Арх. Изв. и Зам. за 1897 г.). Другіе два знака имѣютъ начертаніе оригинальное. Смыслъ знаковъ попрежнему остается загадочнымъ, но уже является болѣе вѣроятности имѣть въ нихъ памятники до-исторической письменности, чѣмъ клейма или родовые знаки, какъ можно было предполагать при первомъ знакомствѣ съ ними на погребальномъ

рис. 3.

рис 4.

сосудѣ, гдѣ казалось очень естественнымъ явленіе на одномъ сосудѣ многихъ клеймъ или родовыхъ знаковъ, такъ какъ актъ погребенія могъ служить причиной съѣзда нѣсколькихъ семей или родовъ, которые и пожелали увѣковѣчить свое присутствіе на похоронахъ начертаніемъ своихъ клеймъ на глинѣ погребальнаго сосуда.

Совсѣмъ другое дѣло — нахожденіе знаковъ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ и въ строковой планировкѣ на бытовыхъ сосудахъ. Объяснять ихъ какъ клейма мастера, — невозможно, потому-что знаковъ много; объяснять, что это знаки или клейма нѣсколькихъ лицъ, также нѣтъ возможности. Остается одно болѣе вѣроятное предположеніе, что знаки представляютъ изъ себя литеры неизвѣстнаго письма, а комбинаціи ихъ выражаютъ какія-нибудь мысли мастера или заказчика. Если же это вѣрно, то мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи до 14 буквъ неизвѣстнаго письма.

В. А. Городцевъ.

VI.

Археологическая хроника.

250-лѣтіе гор. Симбирска.

4 сего октября г. Симбирскъ праздновалъ 250-лѣтіе своего историческаго существованія, прошлое котораго, между прочимъ, имѣетъ связь и съ исторіей Оренбургскаго края, такъ какъ съ 1782 по 1797 г., бывшее *Симбирское намѣстничество* находилось подъ общимъ управленіемъ генералъ-губернаторовъ симбирскихъ и уфимскихъ, — послѣдніе же были назначаемы изъ оренбургскихъ губернаторовъ, со времени переименованія Оренбургской губерніи въ 1782 году въ Уфимское намѣстничество; послѣднее 2 декабря 1797 года переименовано было снова въ Оренбургскую губ.

Пользуясь данными, собранными А. Н. Зерцаловымъ и изданными Симбирскою губернскою Ученою Архивною Коммиссіей [1]), приводимъ нѣсколько историческихъ указаній о *„городѣ Симбирскѣ, славномъ и похвальномъ"*.

Г. Симбирскъ, построенный на правомъ берегу Волги, заложенъ бояриномъ и оружейничнымъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово „съ товарищи" въ 1648 году. По преданію, на мѣстѣ его была черемисская деревня, гдѣ послѣ взятія Казани поселены были русскіе люди, по указу Іоанна Грознаго; но какъ „городъ" или укрѣпленіе, Симбирскъ ведетъ свое начало именно съ 1648 года.

Особенное значеніе пріобрѣлъ г. Симбирскъ со времени бунта Стеньки Разина, какъ военный пунктъ для охраны низовыхъ и заволжскихъ земель. Во время этого бунта—въ 1771 году—сподвижникъ Разина—донской казакъ Ѳедька Шелудякъ, послѣ казни Разина въ Москвѣ, выступилъ съ своими сообщниками - казаками изъ Астрахани къ Симбирску и напалъ на Симбирскъ, но, благодаря мужеству и распорядительности боярина и воеводы симбирскаго Петра Вас. Шереметьева, бунтовщики были побиты и разсѣяны.

Строился Симбирскъ по общему типу городовъ того времени: въ срединѣ стояла крѣпость, погребъ для пороха и оружія, воеводскій дворъ, Соборъ Живоначальныя Троицы, приказная или съѣзжая изба,

---

[1]) Краткій историко-географическій очеркъ Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половинѣ XVIII вѣка. А. Н. Зерцаловъ. Симбирскъ, 1896 года, и того же автора: «Матеріалы для исторіи Симбирска и его уѣзда (Приходо-расходная книга симбирской приказной избы 1665—1667 года). Симбирскъ, 1896 года».

осадные дворы помѣщиковъ и вотчинниковъ, а кругомъ тянулся земляной валъ со рвомъ, а надъ нимъ острожный тынъ для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ съ шестью башнями и двумя воротами. За валомъ шелъ „посадъ", — площадь, земляная изба (вѣдала земляныя работы), гостиный дворъ, конская изба, слободы съ дворами тяглыхъ людей, Успенскій мужской монастырь, Спасскій дѣвичій монастырь и нѣсколько городскихъ церквей.

Первымъ воеводой былъ стольникъ Ив. Комынинъ, которому было ввѣрено не только управленіе городомъ, но и уѣздомъ, потому что близь лежащіе города хотя и имѣли воеводъ, но были безъ уѣздовъ и управленіе послѣдними зависѣло отъ симбирскихъ воеводъ. Такъ продолжалось до 1708 г., когда были учреждены указомъ Петра I-го губерніи и города Самара [2]), Сызрань, Петровскъ, Корсунь были приписаны къ Симбирской губ.

Симбирскіе воеводы подчинены были вѣдѣнію приказа казанскаго дворца, дѣла котораго сгорѣли въ 1701 году. Послѣ Ив. Комынина съ 5 марта 1665 года по 7 февр. 1670 года состоялъ воеводой гор. Симбирска князь Иванъ Ивановичъ Дашковъ, воеводствовавшій передъ тѣмъ въ гор. Алатырѣ; преемникомъ ему былъ назначенъ въ городъ Симбирскъ окольничій Ив. Богдановичъ Милославскій, а князь Ив. Ив. Дашковъ перемѣщенъ былъ на службу въ Разбойный приказъ (вѣдавшій дѣла о разбойникахъ).

Памятникомъ дѣятельности князя Ив. Ив. Дашкова въ гор. Симбирскѣ является сохраненный въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи весьма интересный документъ, а именно: *„Приходо-расходная книга симбирской приказной избы 1665—1667 годовъ"*. Въ этой книгѣ каждый изслѣдователь старины можетъ найти не мало цѣнныхъ указаній о жизни русскаго общества половины XVII столѣтія и извлечь указанія, необходимыя по предмету изслѣдованія. Съ своей стороны, мы останавливаемся на нѣкоторыхъ указаніяхъ о *„ратныхъ людяхъ"*, поселенныхъ въ Симбирскѣ и его уѣздѣ и, между прочимъ, о казакахъ.

Изъ этого историческаго документа видно, что казаки и стрѣльцы жили по слободамъ, находившимся за чертою земляного вала, тянувшагося для обороны отъ Симбирска до р. Суры и далѣе до Воронежскаго уѣзда. Таковыми слободами были: Юшанскъ, Тагай, Карсунь, Урень [3]), Погорѣлое, Аргашъ, Тольскъ и Сурскъ, изъ которыхъ одинъ

---

[2]) Гор. Самара переименованъ былъ въ губернскій въ 1850 году.

[3]) Въ *Уренскую* слободу входили, между прочимъ, и стрѣльцы Царево-Кокшайскіе, Кузьмодемьянскіе, Яранскіе; въ *Тагаевскую*: Ядринскіе, Цивильскіе, Кокшайскіе; въ *Симбирскую*: Свіяжскіе, Лаишевскіе, Шумовскіе.

только Карсунь удержалъ донынѣ названіе города, а всѣ прочіе обратились въ села и деревни. Для управленія казаками и стрѣльцами были особые *„казачьи и стрѣлецкіе головы“*.

Изъ военныхъ походовъ приходо-расходная книга отмѣчаетъ степной походъ въ 1675 году: 200 стрѣльцовъ и 200 казаковъ, вышедшихъ изъ Симбирска 31 мая *„для промыслу за измѣнники башкирцы“*. По сему случаю былъ отслуженъ попомъ соборной церкви Онтипомъ Микифоровымъ съ братіей напутственный молебенъ, за что отъ воеводы „дано“ ему 8 алтынъ 2 деньги. Въ статьѣ *„Степной расходъ“*, т.-е. расходъ по степному походу за башкирцами, интересно указаніе, что по распоряженію воеводы на знамена въ лавкѣ *„у Павла Казанца“* покупались скипидаръ (22 мая куплено), бѣлила, сурикъ, у другихъ—козлины; покупались струны и кожа къ барабанамъ и у того же Казанца *„къ знаменамъ на хвосты“* аршинъ зеленова киндяку волковаго за 4 алтына, а въ лавкѣ у шелковаго мастера Маметкасима для знаменъ же куплено полтора аршина кумачу краснаго. Наконецъ, взято было *Симбирской слободы у казака у Силки Иванова знамя пятиколинное съ краснымъ кумачемъ, хвосты красные, на немъ нашитъ крестъ, а за то знамя ему Силкѣ, 13 алтынъ 2 деньги „дано“, а то знамя отдано подъячему Микифору Глазунову* [1]). Изъ этихъ указаній можно заключить, что знамена для ратныхъ людей заводились средствами хотя казны, но по распоряженію воеводы, а казаки и сами изготовляли знамена, иначе за что бы платилъ воевода казаку Силкѣ Иванову 13 алтынъ, 2 деньги? Фактъ этотъ имѣетъ большое значеніе при изученіи исторіи казачьихъ войскъ и вполнѣ подтверждаетъ указаніе, помѣщенное въ энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ генерала Леера (т. III, 1888 г., стр. 284 — 285), что знамена хотя преимущественно жаловались государями, но иногда дѣлались самими войсками, и что казаки *донскіе*, *слободскіе*, *запорожскіе имѣли тоже свои знамена*, *иногда пожалованныя царями*.

Въ числѣ вооруженія въ приходо - расходной книгѣ отмѣчаются мушкеты, карабины, пистолеты. Ружья и пистолеты были съ кремнями.

Кромѣ служилыхъ слободскихъ казаковъ, бывшихъ на жалованьѣ у правительства, какъ и стрѣльцы, и получавшихъ царское жалованье *„солью и деньгами“*,—(солью по 8 пудовъ въ годъ, а деньгами давалось, что недоставало до полнаго оклада жалованья, судя по торговой цѣнѣ одного пуда соли)—существовали, скрываясь за Волгою, по тайнымъ притонамъ, такъ называемые *воровскіе казаки*.

---

[1]) «Матеріалы для исторіи Симбирска и его уѣзда» А. Н. Зерцаловъ. Симбирскъ. 1896 г., стр. 236 - 237.

Въ приходо-расходной книгѣ есть отмѣтка отъ 10 іюля 1663 г., что дано заплечнымъ мастерамъ Ивашкѣ Микитину и Онтошкѣ Фомину на вино 4 алтына, за то „что *они сего числа пытали воровскихъ казаковъ атамана Мартынка Кузьмина съ товарищи пять человѣкъ*". Тѣмъ же заплечнымъ мастерамъ 12 іюля дано 4 алтына на вино за то „*что они сего числа повѣсили дву человѣкъ воровскихъ казаковъ за Волгою рѣкою на веску*".

Упомянутыхъ пять воровскихъ казаковъ поймали 11 іюля бѣлоярскіе стрѣльцы Ивашка Алексѣевъ Брылкинъ съ 10 товарищи. Казаки и стрѣльцы, какъ видно изъ той же раздаточной книги, посылались на службу на Донъ „для донскія службы" и получали государево жалованье также *солью и деньгами* (232 стр. „Матеріаловъ"). Въ числѣ служилыхъ людей нельзя не отмѣтить, кромѣ дворянъ и другихъ служилыхъ людей, еще такъ называемыхъ *иноземцевъ*. Въ числѣ ихъ были и присланные въ 1664 году изъ Казани *по вестямъ на государеву службу новоприписные* [3]) *иноземцы витепскіе*. Смотря по чину, имъ положенъ былъ и кормовой окладъ отъ 2 — 10 денегъ въ день на каждаго.

Нѣкоторыхъ изъ „переѣзчиковъ нѣмцевъ и ляховъ" въ числѣ 14 человѣкъ, по ихъ желанію, велѣно было „*написать въ конные казаки или въ какую службу кто пригодится и землями ихъ устроить*" (стр. 194 „Матеріаловъ". А. Н. Зерцаловъ). Такимъ образомъ, въ казаки поступали и иноземцы. Впослѣдствіи подобный аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ оренбургскомъ войскѣ, когда по журналу гг. министровъ отъ 2 сентября 1814 года, князю Волконскому—оренбургскому военному губернатору—было разрѣшено записывать дѣтей татарскихъ мурзъ и смоленскихъ шляхтичей гор. Мензелинска, Занска и другихъ пригородовъ и слободъ, напр. Кувацкой и Письменской, Бугульминскаго уѣзда, по ихъ желанію, — въ составъ оренбургскаго казачьяго войска, почему и приписано было въ Нагайбацкую станицу немало смоленскихъ шляхтичей, какъ, напр., Кустовскіе, Тихоновы, Есиповы, Шемановскіе, Стрѣлковскіе, Сушковы, Барозна, Бѣльскіе, Тетеревниковы, Яньковы, Спытковы, Дыньковы, Зубовы и т. д., а изъ дѣтей татарскихъ мурзъ: Дашкины (Дѣло войскового архива по описи 1810—1821 г., № 46). (Ор. Л.).

---

[3]) Новоприписными они назывались, вѣроятно, потому, что перешли въ русское подданство сравнительно недавно, вмѣстѣ, какъ надо полагать, съ другими иноземцами, напр., смоленскими шляхтичами, по грамотѣ короля польскаго Яна Казиміра отъ 9 февр. 1649 г. названными панцирными боярами и переведенными подъ чернымъ знаменемъ или хорогною; въ 1655 г. въ г. Мензелинскъ (Дѣло войск. архива оренб. казач. войска по описи 1810—1821 г., № 46).

Чествованіе профессора М. С. Дринова, по случаю двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности.

Недавно исполнилось двадцатипятилѣтіе преподавательской дѣятельности одного изъ почтеннѣйшихъ профессоровъ историко-филологическаго факультета харьковскго университета *Марина Степановича Дринова*.

М. С. Дриновъ пріобрѣлъ широкую извѣстность своими научными трудами по славяновѣдѣнію не только у насъ въ Россіи, но и заграницей, въ славянскихъ земляхъ. Онъ представляетъ собою типъ слависта въ лучшемъ, высокомъ значеніи этого слова, работающаго и въ области чисто филологической, и въ исторической, и историко-литературной. Онъ, можно сказать, совмѣщалъ и совмѣщаетъ въ своей личности, въ своей ученой дѣятельности—энциклопедію славяновѣдѣнія.

Къ этимъ высокимъ качествамъ М. С. Дринова, какъ ученаго, присоединяются его въ высшей степени замѣчательныя, обаятельныя качества, какъ человѣка, товарища, учителя. Многочисленные ученики, которые вышли изъ его школы, съ благодарностью вспоминаютъ о немъ, какъ объ отзывчивомъ человѣкѣ, отвѣчающемъ на ихъ запросы въ занятіяхъ, его товарищи цѣнятъ въ немъ, какъ доброжелательнаго, любвеобильнаго человѣка, вносящаго съ собою всюду единеніе, отвѣчающаго также по мѣрѣ силъ на ихъ научные запросы въ соприкасающихся съ славяновѣдѣніемъ областяхъ историко-филологическихъ наукъ.

11 октября въ интимномъ кругу товарищей и учениковъ состоялось чествованіе высокочтимаго профессора.

Чествованіе носило въ высшей степени простой, но сердечный характеръ. За товарищеской трапезой былъ произнесенъ въ честь юбиляра рядъ привѣтствій, въ которыхъ отмѣчались высокія его научныя заслуги въ области славяновѣдѣнія, его высокополезная дѣятельность въ нашемъ университетѣ, въ историко-филологическомъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ. Въ тѣхъ же привѣтствіяхъ отмѣчались его симпатичныя обаятельныя черты, какъ человѣка, товарища, какъ благороднѣйшаго слависта, послужившаго съ честью и наукѣ, и дѣлу освобожденія славянъ.

Изъ многочисленныхъ привѣтствій, произнесенныхъ товарищами и учениками (А. С. Лебедевымъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ, Д. И. Багалѣемъ, В. П. Бузескуломъ, М. Г. Халанскимъ, Шепелевичемъ, Андреевымъ, Грунскимъ) приведемъ привѣтствіе Б. М. Ляпунова. „Спеціалисты историки, несомнѣнно, лучше, чѣмъ могъ бы я, отмѣтили заслуги М. С. Дринова не только въ политической и бытовой исторіи южныхъ славянъ,

но и въ средневѣковой исторіи юго-восточной Европы вообще. Заслуги Марина Степановича по исторіи литературы, народной словесности и вообще по этнографіи южныхъ славянъ также отмѣчены и оцѣнены спеціалистами. Но я беру на себя смѣлость обратить вниманіе на то, что и лингвистикѣ, въ частности славянскому языкознанію М. С. оказалъ неоцѣнимыя услуги. Представляя типъ стараго слависта, М. С. изучалъ одну сторону жизни славянства на ряду съ другими, а именно, занимаясь спеціально политической и бытовой исторіей южныхъ славянъ, М. С. никогда не пренебрегалъ не только выясненіемъ ихъ литературной дѣятельности, но и выясненіемъ ихъ взаимнаго сродства по языку. Въ своихъ этнологическихъ изысканіяхъ онъ всегда обращалъ вниманіе на тѣ данныя, которыя мы получаемъ изъ сравнительно-историческаго изученія славянскихъ нарѣчій. Эти данныя служили и служатъ для него пособіемъ въ уясненіи взаимныхъ отношеній славянскихъ народностей.

Это вниманіе къ языкознанію М. С. обнаружилъ еще 25 лѣтъ тому назадъ въ своей первой диссертаціи, посвященной вопросу о заселеніи славянами Балканъ. Это вниманіе замѣтно и въ его изслѣдованіи о дебрскихъ славянахъ. М. С., какъ своими личными наблюденіями и изданіемъ образцовъ народныхъ говоровъ, такъ и изданіемъ и описаніемъ памятниковъ изъ времени болгарскаго возрожденія много пролилъ свѣта на спорный вопросъ о славянскомъ населеніи Македоніи. Но и чисто лингвистическіе интересы, безъ приложенія къ этнологіи и исторіи, не были чужды М. С. Дринову. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ цѣлый рядъ рецензій на болгарскіе словари и грамматическія изслѣдованія, такъ и классическая статья о произношеніи глухихъ звуковъ въ болгарскихъ говорахъ, въ которой М. С. обнаружилъ способность къ тонкимъ фонетическимъ наблюденіямъ. Кромѣ чисто научныхъ вопросовъ М. С. никогда не переставалъ интересоваться практическими вопросами—просвѣщенія своей родины, представители и дѣятели которой не разъ обращались къ нему за совѣтами. Какъ своими сочиненіями на болгарскомъ языкѣ, такъ и своими руководствами, начиная съ конца 60-хъ годовъ до настоящаго времени, М. С. очень много сдѣлалъ для созданія болгарскаго литературнаго языка и правописанія. Итакъ, я позволю себѣ привѣтствовать М. С., какъ слависта въ широкомъ смыслѣ слова, какъ ученаго филолога, дѣятеля просвѣщенія и присоединить пожеланія о продленіи его дѣятельности въ томъ же направленіи".

Пожелаемъ же и мы—въ заключеніе—высокочтимому М. С. Дринову—здоровья, бодрости, энергіи для совершенія новыхъ трудовъ, да послужитъ его дѣятельность высокимъ примѣромъ для молодыхъ дѣя-

телей на нивѣ изученія славянской литературы, исторіи и древностей („Хар. Губ. Вѣд.“, № 263). *Е. Р.*

—— **Раскопки В. В. Хвойка, въ Кіевѣ.** Недавно въ усадьбѣ г. Зайцева, бывшей Зивала и Багрѣева, членомъ Императорской Археологической Коммиссіи, В. В. Хвойка, произведены были раскопки, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ были найдены древнѣйшіе въ Россіи остатки каменнаго вѣка и слѣды людей, современниковъ мамонта и пещернаго медвѣдя. Въ настоящемъ случаѣ, цѣлью г. Хвойка было желаніе отыскать еще болѣе ясные слѣды пребыванія человѣка на землѣ въ концѣ третичной эпохи. Съ этой цѣлью раскопка, имѣвшая уже 28 саженъ въ высоту, продолжена была еще на полторы или двѣ сажени въ глубину, причемъ обнаруженъ послѣтретичный слой сѣрой глины,— бывшее морское дно, и до-ледниковые слои, залегающіе между пластами красноватаго желѣзняка четвертичной формаціи. Далѣе, въ залежахъ песковъ обнаружено громадное кострище съ остатками угольковъ и обугленныхъ костей мамонта, Rhinoceros tychorhinus и другихъ животныхъ, простирающееся на большое пространство; толщина культурнаго слоя въ этомъ мѣстѣ позволяетъ предполагать, что онъ имѣетъ за собой многовѣковую давность, что одно уже говоритъ въ пользу долговременнаго пребыванія человѣка на этой стоянкѣ, не будь даже для этого наглядныхъ доказательствъ въ видѣ остатковъ пищи и топлива первобытныхъ людей. По другой сторонѣ раскопки найдены многочисленныя кремневыя орудія палеолитическаго періода, вмѣстѣ съ землянками доисторическихъ обитателей Кіевской территоріи, расположенными нѣсколько выше, на вершинѣ горы, и обнаруженныхъ разрѣзомъ почвы весьма ясно. Землянки эти имѣютъ видъ закругленныхъ ямокъ, по одной сторонѣ которыхъ тянется небольшое возвышеніе, въ видѣ лежанки; на нихъ устраивались печи, а снаружи землянка защищалась, по всей вѣроятности, небольшимъ навѣсомъ. При землянкахъ находятся въ большомъ количествѣ кухонные остатки, состоящіе главнымъ образомъ изъ прѣсноводныхъ ракушекъ. Здѣсь же найдено множество черепковъ со слѣдами огня и безъ нихъ, представляющихъ большое разнообразіе въ орнаментѣ; всѣ они выдѣланы изъ грубой горшечной глины, безъ помощи гончарнаго круга и орнаментированы различными острыми и тупыми орудіями. Одинъ изъ сосудовъ былъ сдѣланъ съ помощью плетеной изъ травы корзинки, внутренняя поверхность которой была покрыта глиной и затѣмъ сосудъ былъ подвергнутъ дѣйствію огня, при чемъ трава, конечно, сгорѣла, оставивъ ясные слѣды на поверхности сосуда, а самъ онъ затвердѣлъ, принявъ форму корзинки. Верхняя часть описываемаго сосуда разбита на куски, но дно и нѣкоторая часть

стѣнокъ сохранилась, позволяя судить объ его формѣ, а также не оставляя никакого сомнѣнія въ способѣ выдѣлки, благодаря покрывающимъ весь сосудъ слѣдамъ перекрещивающихся и неравномѣрно пересѣкающихъ другъ друга листьевъ, повидимому, довольно жесткой травы („Жизнь и Искусство“, № 309).

—— **Клады древнихъ монетъ.** Находка римскихъ монетъ на лѣвомъ берегу Днѣпра сдѣлана, по словамъ „Кіевлянина“, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крестьянами селъ: Келеберды и Лѣпляваго, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Монеты довольно хорошей сохранности и относятся ко временамъ императора Марка Аврелія, т.-е. ко II столѣтію по Р. Х. Возлѣ м. Лѣпляваго найдены двѣ монеты, изъ которыхъ одна императора Антонина Пія, а другая—Марка Аврелія. На лицевой сторонѣ первой, вокругъ изображенія головы императора, находится надпись: Divus Antoninus, т.-е. божественный Антонинъ; а на оборотной—изображеніе четырехъ-ярусного, постепенно суживающагося кверху, на подобіе пирамиды, костра, на которомъ было сожжено тѣло императора. Вокругъ надпись: CONSECKRATIO. Это—погребальный динарій, выбитый по случаю похоронъ Антонина Пія. Въ 1894 г. въ с. Ковтунахъ, Золотоношскаго уѣзда, найдены 104 римскихъ серебряныхъ монеты временъ императоровъ: Траяна, Коммода и Септимія Севера. Недавно возлѣ мѣстечка Прохоровки, того же уѣзда, было найдено нѣсколько римскихъ серебряныхъ монетъ, изъ которыхъ одна временъ Антонина Пія и вполнѣ тождественна, какъ по надписи, такъ и по изображенію лица императора, съ описаннымъ выше погребальнымъ динаріемъ, а другая—Септимія Севера, голова котораго изображена въ вѣнкѣ; вокругъ монеты надпись: Imp. CAEL. Sep. Sev. PART. AVG. Въ м. Семиполкахъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., найдена монета Элія Вера. Въ м. Б. Крупольѣ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ., на старомъ городищѣ, на валахъ была вырыта изъ земли серебряная римская монета Марка Аврелія. Наконецъ, въ Роменскомъ уѣздѣ, той же губерніи, у с. Медвѣжьяго найдено значительное количество римскихъ серебряныхъ монетъ. Кромѣ того, въ селѣ Волковцахъ, Роменскаго уѣзда, недавно отысканъ кладъ, состоявшій изъ 250 золотыхъ и серебряныхъ римскихъ монетъ, но къ какому времени онѣ относятся, рѣшить пока трудно.

—— **Археологическія раскопки въ Калужской губерніи** производилъ минувшимъ лѣтомъ предсѣдатель Калужской Ученой Архивной Коммиссіи И. Д. Четыркинъ. Раскопки производились въ уѣздахъ Козельскомъ, Лихвинскомъ и Калужскомъ. Въ Козельскомъ уѣздѣ между селами Губиномъ и Мереницами находится группа кургановъ, изъ которыхъ

5 были подвергнуты раскопкѣ. Въ одномъ изъ кургановъ найденъ скелетъ лошади, а въ другомъ въ грунтовой могилѣ — скелетъ человѣка. Черепъ отъ скелета, переданный на храненіе въ мѣстный музей, принадлежитъ къ долихоцефальнымъ. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ произведена раскопка большого древняго городища, извѣстнаго подъ названіемъ „Дуна". Оно находится на высотѣ 17 саженъ надъ уровнемъ Оки и ясно раздѣляется на два слоя: историческій и доисторическій. Въ верхнемъ слоѣ попадаются вещи такъ называемаго желѣзнаго вѣка, а во второмъ слоѣ собраны исключительно подѣлки изъ кости временъ доисторическихъ. Изъ коллекцій остатковъ доисторической древности, хорошо сохранившихся и прекрасно обработанныхъ, отшлифованныхъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе наконечники стрѣлъ, иглы и шила. Археологическою рѣдкостью, едва ли не единственною въ своемъ родѣ, является найденный здѣсь рожокъ-вабикъ, предназначавшійся для приманки охотникомъ утокъ. Звукъ, издаваемый этою подѣлкой, украшенною примитивнымъ орнаментомъ, очень похожъ на звукъ, издаваемый уткой. Другой найденный сквозной костяной цилиндрикъ, вѣроятно, служилъ для приманки рябчиковъ или же молодыхъ тетеревовъ. Въ Курганѣ, близъ устья р. Калужки, Калужскаго уѣзда, найдены издѣлія изъ кремня, желѣзное огниво и небольшія бронзовыя вещицы; бронзовая фибула оказалась совершенно сходною съ одною изъ фибулъ, найденною въ Лифляндіи, а огниво имѣетъ сходство съ найденнымъ въ Петербургской губерніи. Это даетъ поводъ предполагать, что на доисторическую культуру Калужскаго края имѣла вліяніе западная культура. На то же указываютъ нѣкоторые знаки, оказавшіеся на днищѣ посуды, найденной при описываемыхъ раскопкахъ. Эти знаки имѣютъ нѣкоторое сходство съ руническими знаками. Всѣ эти вещи, послѣ доставленія въ Императорскую Археологическую коммиссію, будутъ переданы въ Калужскій Историческій музей, который отъ времени до времени продолжаетъ пополняться интересными предметами мѣстной старины („Калуж. Губ. Вѣд.").

—— **Раскопка кургановъ въ Костромской губ.** Въ 15 верстахъ отъ Костромы, въ усадьбѣ Подольскомъ, на лѣвомъ, возвышенномъ берегу р. Покши, на мѣстѣ, покрытомъ нѣкогда вѣковымъ лѣсомъ, изслѣдованъ былъ по сообщенію „Костр. Губ. Вѣд.", членомъ Костромск. Архивн. Комм., В. А. Петровскимъ, одинъ изъ кургановъ находящагося тамъ могильника. При раскопкѣ найденъ скелетъ женщины; около черепа оказались височныя кольца, на груди ожерелье изъ 10 круглыхъ бронзовыхъ привѣсокъ, на поясѣ подвѣски въ видѣ треугольника, конуса и ажурнаго изображенія птицы; на рукѣ—бронзовый браслетъ и

около желѣзный ножъ. По приглашенію владѣльца усадьбы, г. Москвина, нѣсколько членовъ Коммиссіи продолжали раскопку могильника. Въ восьми вскрытыхъ курганахъ оказались на глубинѣ 2 — $2^1/_2$ арш. скелеты, большею частью сильно истлѣвшіе. Скелеты лежали съ С.-З. на Ю.-В., руки были сложены на поясѣ. Большая часть скелетовъ была мужскіе, и лишь два женскихъ съ височными и ручными кольцами, браслетами, а также желѣзными ножами. (Спб. Вѣд. 225).

—— **Аукціонъ коллекціи древностей**. Въ теченіе двухъ дней 30 и 31 октября въ Кіевѣ производилась распродажа имущества и археологическихъ коллекцій покойнаго Н. Я. Тарновскаго, предназначавшихся имъ для церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи, но волею судебъ попавшихъ вмѣсто того на аукціонъ. Продажа эта, по словамъ кіевскихъ газетъ, произвела большую сенсацію въ средѣ любителей и собирателей древностей. Продажа началась съ картоновъ, на которыхъ находились предметы изъ с. Пекарей,—копья, стрѣлы, бусы, браслеты, пряслицы, грузила, кресты и т. п. Картоны эти, оцѣненные отъ 1 до 3 руб., шли по 20—35 и до 50 руб.

—— Вдова Г. Д. Филимонова, перваго хранителя доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей въ Румянцевскомъ музеѣ, Н. Ѳ. Филимонова, пожертвовала музею 12 витринъ и 2 шкафа доисторическихъ древностей, добытыхъ, главнымъ образомъ, въ Россіи, отчасти собственными раскопками, отчасти покупкою, и до сихъ поръ находившихся въ нижней залѣ музея только на правахъ временнаго пользованія. Въ витринахъ заключается болѣе 500 предметовъ, добытыхъ раскопками внутри Россіи, около 300 предметовъ кавказскихъ и 27 предметовъ, пріобрѣтенныхъ покупкою изъ Франціи (главнымъ образомъ, изъ Бретани). 2 шкафа заключаютъ болѣе 400 предметовъ, или вырытыхъ покойнымъ Филимоновымъ на Кавказѣ (преимущественно подъ Тифлисомъ), или тамъ же имъ пріобрѣтенныхъ отъ другихъ собирателей. Между кавказскими предметами особеннаго вниманія заслуживаютъ бронзовые браслеты, очень изящной формы, и превосходный подборъ шейныхъ бусъ; изъ раскопокъ внутри Россіи очень любопытны предметы, добытые въ Тушковомъ городищѣ и др. мѣстностяхъ Можайскаго уѣзда.

—— **Открытіе клада въ Кіево-Печерской лаврѣ**. 26 ноября, въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры, совершенно случайно открытъ цѣнный кладъ. Эта интересная находка обнаружена при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ Великой церкви, уже въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ извѣстно, происходитъ крупный ремонтъ и, между прочимъ, замѣна деревяннаго пола каменными плитами. Для этой цѣли рабочіе въ теченіе послѣдней недѣли занимались срываніемъ досокъ на хорахъ и когда накатъ

былъ обнаженъ, оказалось, что мѣсто подъ поломъ засыпано старымъ щебнемъ въ довольно большомъ количествѣ. Отъ времени щебень этотъ отвердѣлъ такъ, что его пришлось ломать ломами. 26-го ноября рабочіе отбивали щебень у лѣваго придѣла святителя Ѳеодосія, и когда одинъ изъ нихъ ударилъ сильно ломомъ у стѣны, послышался звукъ металла и ломъ легко вошелъ въ стѣну, словно попалъ въ пустое мѣсто. Это обстоятельство всѣхъ очень заинтересовало, и мѣсто, гдѣ остановился ломъ, стали подробно осматривать и осторожно очищать отъ щебня. Наконецъ, глазамъ рабочихъ представилась небольшая ниша, закрытая наполовину чугунной доской. Когда послѣдняя была оторвана, ниша оказалась заставленной четырьмя оловянными сосудами и деревянной круглой кадушкой. Два сосуда круглой формы, емкостью по полведра, а два—четырехугольной, емкостью по ведру. Сосуды эти закрыты винтовыми крышками, деревянная же кадушка, емкостью въ два ведра, по всей вѣроятности, представляетъ собою старинный улей. По осмотрѣ содержимаго сосудовъ, одинъ изъ нихъ, меньшій, оказался на три четверти наполненнымъ золотыми монетами, а остальные въ томъ числѣ и кадушка, — до верху серебряными монетами. Монеты, относящіяся къ началу и половинѣ семнадцатаго вѣка, всѣ польскія и австрійскія съ изображеніемъ короля Сигизмунда III-го, и лишь одна золотая оказалась русской 1702 года, съ рельефнымъ изображеніемъ императора Петра Великаго. Монета эта очень крупная, больше нашихъ старинныхъ пятаковъ. Между золотыми монетами оказались нѣкоторыя, не принадлежащія къ денежнымъ знакамъ, а представляющія собою, по всей вѣроятности, медали или жетоны. Когда монеты были извлечены изъ сосудовъ, на днѣ каждаго сосуда найдены документы, написанные преимущественно на польскомъ языкѣ. Документы эти уже полуистлѣли и пожелтѣли отъ времени, но слова различаются ясно. Они безъ всякихъ подписей и испещрены цифрами. На днѣ же сосуда, гдѣ находились золотыя монеты, оказался большой документъ въ размѣрѣ обычнаго листа бумаги. Онъ писанъ славянской вязью и на верху въ видѣ заглавія начертано: 1731 года, ноября 26-го дня (замѣчательно, что кладъ открытъ также 26-го ноября). Въ документѣ говорится о томъ, что 26-го ноября 1731 года состоялась генеральная ревизія лаврскихъ сокровищъ, изъ которыхъ взята нужная сумма для ремонта и починки пострадавшаго отъ пожара 1718 года лаврскаго храма и на постройку лаврской колокольни, которая, какъ извѣстно, окончена въ 1745 году. Въ концѣ документа находятся слѣдующія слова, которыя приводимъ дословно: „остается въ скобцѣ червонныхъ 1,100 и талеровъ 10,000“ — а внизу подписано: „Архимандритъ Романъ Копа и три лаврскихъ

старца". При счетѣ монетъ оказалась небольшая недостача въ сравненіи съ приведенными цифрами, но предполагаютъ, что недостающія монеты расхищены рабочими до прибытія лаврской администраціи. Монеты большею частью очень крупныя, при чемъ золотыя изъ высокопробнаго золота.

Находка клада была полной неожиданностью для лавры, такъ какъ тамъ ничего не было слышно объ имѣющемся кладѣ и никакихъ легендъ на этотъ счетъ, какъ это вообще бываетъ, не существовало. Конечно, является очень загадочной цѣль сокрытія этихъ суммъ; существуютъ предположенія, что сокровища могли быть скрыты вслѣдствіе нашествія непріятеля или мора, когда архимандритъ Копа и три старца могли сдѣлаться жертвами эпидеміи и унести съ собой въ могилу тайну о сокровищахъ. Во всякомъ случаѣ, намѣстникъ Кіево-Печерской лавры архимандритъ Антоній поручилъ справиться по архивнымъ документамъ о времени сокрытія сокровищъ и, если возможно, извлечь какую-либо историческую справку о кладѣ и о самихъ кладохранителяхъ. Остальные документы, какъ полагаютъ, являются ничѣмъ инымъ, какъ счетоводными записями о состояніи лаврской казны, расходахъ, а въ большомъ документѣ приводится счетъ расходовъ на постройку колокольни и ремонтъ церкви. Въ Кіево-Печерской лаврѣ и въ настоящее время существуютъ сосуды, подобные найденнымъ въ нишѣ; но они уже рѣдки и остаются какъ памятники глубокой старины („Жизнь и Искусство", № 329).

Приводимъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ кладѣ, заимствованныя изъ кіевскихъ газетъ.

По словамъ проф. Лашкарева, найденный кладъ представляетъ собою одно изъ богатѣйшихъ собраній старинныхъ монетъ, между которыми попадаются жетоны и медальоны съ священными изображеніями. Въ общемъ онъ заключаетъ *болѣе тысячи золотыхъ монетъ* разнаго достоинства и до *десяти тысячъ* (болѣе 20 пудовъ) крупныхъ серебряныхъ, заграничнаго чекана XVII вѣка. Среди нихъ есть монеты голландскихъ штатовъ, Гамбурга и другихъ вольныхъ германскихъ городовъ; шведскія, австрійскія, венгерскія и польскія. Большая часть талеры, между которыми находится много такъ называемыхъ ефимковъ — голландскихъ талеровъ 1655 года съ гербомъ Московскаго государства (изображеніемъ Георгія Побѣдоносца), составляющихъ сравнительно рѣдкіе и съ большимъ тщаніемъ отыскиваемые собирателями экземпляры. Изъ числа золотыхъ, большую рѣдкость и цѣнность представляетъ имѣющаяся въ кладѣ квадратная золотая монета, принадлежащая къ тѣмъ, которыя, какъ и извѣстные нумизматикѣ овальные экземпляры такихъ

же монетъ, употреблялись обыкновенно для одариванія московскими государями иностранныхъ пословъ. При кладѣ находятся записи о взятіи изъ нихъ въ разное время суммъ на потребности Лавры, датированныя XVII—XVIII в. (съ 1631 по 1743 г.), но изъ нихъ разобрана еще только самая незначительная часть, такъ какъ большинство ихъ весьма плохой сохранности. Одною изъ небезынтересныхъ подробностей, извлеченныхъ пока изъ этихъ записей, является упоминаніе объ употребленіи *салтаней,* то есть золотыхъ турецкихъ монетъ; на основаніи этого упоминанія можно съ большею увѣренностью предположить, что кладъ заключалъ въ себѣ, кромѣ монетъ христіанскихъ государствъ, также и восточныя, которыя, быть можетъ, будутъ отысканы при болѣе подробномъ изслѣдованіи драгоцѣнной находки. Изъ числа золотыхъ медальоновъ съ изображеніями священнаго характера, докладчику удалось видѣть одинъ экземпляръ съ изображеніемъ Крещенія Господня. Такихъ медальоновъ съ различными изображеніями имѣется еще нѣсколько. Въ цѣльномъ своемъ составѣ находка даетъ богатое собраніе образцовъ монеты, обращавшейся въ краѣ въ XVII и въ первой половинѣ XVIII в.

Въ томъ же отдѣленіи хоръ, гдѣ открыто упомянутое казнохранилище, пазухи древнихъ сводовъ подъ хорами оказались заполненными до уровня пола на хорахъ кувшинами, поверхъ которыхъ въ щебнѣ и мусорѣ найдены куски и плитки ценины, которою, очевидно, былъ настланъ древній полъ. Въ настоящее время онѣ выбраны для производства работъ по настиланію новаго пола. Употребленіе кувшиновъ (голосниковъ) при устройствѣ сводовъ составляетъ характеристическую особенность строительнаго искусства великокняжескаго періода, почему настоящее открытіе можетъ служить еще однимъ изъ фактическихъ указаній на время построенія великой Лаврской церкви.

—— По желанію духовнаго собора лавры, Церковно-Археологическое Общество при кіевской духовной академіи въ экстренномъ засѣданіи своемъ 2 декабря назначило особую коммиссію изъ членовъ своихъ: профессоровъ П. А. Лашкарева, Н. И. Петрова и В. З. Завитневича и чиновника генералъ-губернаторской канцеляріи А. Ф. Новицкаго, для научнаго опредѣленія клада, найденнаго 26 ноября въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Коммиссія собиралась 3, 8 и 9 декабря и нашла слѣдующее. Реестры и счетныя записи, найденныя при монетахъ, начинаются съ 1631 года и оканчиваются 1753 годомъ. Вѣроятно, казнохранилище забыто было во время чумы, свирѣпствовавшей въ Кіевѣ въ 1769—71 гг., когда лица, вѣдавшія казнохранилище, могли или умереть отъ чумы, или удалиться изъ Кіева. Древнѣйшая вещь въ находкѣ есть большой золотой медальонъ императоровъ восточной римской имперіи

Констанція и Констанса, а позднѣйшія относятся къ 1702 году. Большинство монетъ — XVII в., меньше — XVI в. и изрѣдка попадаются XV вѣка. Русскихъ монетъ весьма мало, но зато всѣ онѣ представляютъ большую рѣдкость, а именно: двѣ золотыя — Бориса Ѳеодоровича Годунова, двѣ золотыя—Алексѣя Михайловича, 1 золотая—Софьи Алексѣевны, Іоанна и Петра Алексѣевичей и 1 золотая въ 10 червонцевъ Петра Великаго 1702 года. Къ русскимъ же монетамъ нужно отнести 167 ефимковъ, т.-е. западно-европейскихъ талеровъ съ московскимъ штемпелемъ, XVII вѣка. Польскія монеты, какъ серебряныя, такъ особенно золотыя, идутъ сплошнымъ рядомъ начиная со Стефана Баторія и оканчивая Яномъ Собѣсскимъ. Между польскими золотыми есть массивныя донативы (Стефана Баторія и Сигизмунда III) и коронаціонные червонцы (2 Яна Казиміра). Единственную въ своемъ родѣ вещь представляетъ большая золотая медаль князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, съ его портретомъ во весь ростъ. Есть частные фамильные жетоны князей Радзивиловъ и др. Много есть шведскихъ, датскихъ, трансильванскихъ и прусскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, а также мелкихъ германскихъ княжествъ и городовъ, которыя болѣе или менѣе точно и подробно опредѣлены коммиссіей. Менѣе важныя, съ точки зрѣнія русской нумизматики, монеты голландскія, австрійскія, венгерскія, венеціанскія и вообще итальянскія, швейцарскія, испанскія, португальскія, французскія (англійскихъ нѣтъ ни одной) и турецко-татарскія, распредѣлены только по группамъ, но духовный соборъ лавры намѣренъ и эти монеты точно опредѣлить и описать.

—— **Къ реставраціи древняго храма Псковскаго Мирожскаго монастыря.** Ежегодно весною повторяющіяся наводненія рѣки Великой, заливающія нижнюю часть Спасо-Преображенскаго Мирожскаго собора, въ значительной степени повредили основанія колоннъ, поддерживающихъ его своды. Въ виду этого, въ настоящее время приступлено къ капитальному ремонту этого храма, памятника старины, по своему научному значенію рѣдчайшаго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, единственнаго въ Россіи. Какъ извѣстно, подъ слоемъ штукатурки Мирожскаго монастыря находятся замѣчательныя стѣнныя живописи или фрески. Въ алтарѣ и въ средней части церкви обвалившаяся штукатурка обнаружила ихъ. Ученые археологи, судя по контурамъ изображенія евхаристіи въ алтарной апсидѣ, предполагали, что эти фрески современны первоначальному сооруженію собора, т.-е. относятся къ XII вѣку. Расчищенныя сполна въ недавнее время фрески дали блестящее подтвержденіе прежнимъ догадкамъ археологовъ. Глазамъ зри-

теля открыты прекрасныя изображенія, замѣчательныя какъ со стороны художественнаго стиля, такъ и иконографическихъ композицій. Неизвѣстно, кто исполнялъ фрески Мирожскаго собора,—русскіе ли мастера или греки; но, во всякомъ случаѣ, всѣ сюжеты этихъ фресокъ взяты съ греческихъ образцовъ. Типы святыхъ—греческіе; костюмы—также традиціонные византійскіе; даже надписи, уцѣлѣвшія при нѣкоторыхъ изображеніяхъ, сдѣланы тоже по-гречески. Въ мирожскихъ фрескахъ религіозная идея преобладаетъ надъ свободою художественнаго творчества, и личное религіозно-художественное воззрѣніе подчиняется традиціонному воззрѣнію церкви на задачи христіанскаго искусства. Самое расположеніе фресковыхъ изображеній въ Мирожскомъ соборѣ сдѣлано согласно византійскому обычаю, установившемуся подъ вліяніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Такъ, въ алтарѣ, мѣстѣ совершенія безкровной жертвы, установленной Спасителемъ на Тайной вечерѣ, помѣщены изображенія, относящіяся къ евхаристіи. Фрески средней части храма, выражая идею торжествующей церкви Христовой, представляютъ, съ одной стороны, представителей церкви новозавѣтной съ ея главою — Христомъ, съ другой — представителей Ветхаго завѣта—ветхозавѣтныхъ пророковъ. Особый интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству и жизни Богоматери. Они представляютъ собою детальное воспроизведеніе миніатюръ изъ кодекса XI вѣка Іакова, монаха Киновафскаго монастыря, и, такимъ образомъ, показываютъ, что этотъ кодексъ въ XII вѣкѣ былъ уже извѣстенъ въ Россіи и служилъ руководствомъ для иконописцевъ. Стѣнныхъ росписей такой почтенной старины, какъ фрески Мирожскаго собора, въ Россіи немного. На сѣверѣ Россіи мы имѣемъ только два памятника XII—XIII вв., уцѣлѣвшіе безъ замѣтныхъ позднѣйшихъ реставрацій, — это фрески церквей Спасонередицкой близъ Новгорода и Староладожской св. Георгія.

Въ настоящее время во всѣхъ фресковыхъ изображеніяхъ Мирожскаго собора произведены новые контуры мѣломъ, они въ нѣкоторой степени затрудняютъ распознаваніе иконографическихъ сюжетовъ и типовъ. Весьма печально будетъ, если по этимъ новымъ контурамъ теперь, при капитальномъ церковномъ ремонтѣ, реставрируютъ мирожскія фрески. Тогда, несомнѣнно, погибнетъ для науки этотъ замѣчательный и прекрасный памятникъ отечественной старины и утрата этого памятника будетъ тѣмъ ощутительнѣе, что до настоящаго времени нѣтъ его научнаго изданія въ точныхъ снимкахъ, сопровождаемыхъ объяснительнымъ текстомъ. Съ другой стороны, если реставраторы пожертвуютъ и частью только мирожскихъ фресокъ, какъ предполагали сдѣлать завѣ-

дывающіе ремонтомъ храма, то и тогда неизвѣстно будетъ, какъ разрушеніе части фресокъ отзовется на общей ихъ консистенціи и не приведетъ ли оно къ утратѣ среди нихъ наиболѣе цѣннаго и интереснаго. Нельзя не пожелать, чтобы такой замѣчательный и рѣдкій старинный храмъ, какъ Спасо-Преображенскій соборъ Псковскаго Мирожскаго монастыря, остался цѣлымъ и невредимымъ отъ поправокъ въ смыслѣ искаженія его первоначальнаго вида (Спб. Вѣдом., № 334). *Археологъ.*

—— **Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи,** существующій болѣе 25 лѣтъ, заключаетъ много выдающихся по интересу предметовъ южно-русской старины. Музей помѣщается въ одномъ изъ зданій духовной академіи, вполнѣ соотвѣтствующемъ цѣли. Самое зданіе представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ южно-русской архитектуры: оно построено еще гетманомъ Мазепой; весь нижній этажъ, состоящій изъ 6-ти комнатъ и длинной галлереи, наполненъ коллекціями музея. Первая комната заключаетъ первобытныя и историческія древности, преимущественно языческаго характера; здѣсь собраны небольшія коллекціи древностей египетскихъ, финикійскихъ, кипрскихъ, греко-римскихъ; есть затѣмъ образцы древностей изъ греческой колоніи по сѣверному берегу Чернаго моря, какъ, напр., изъ Пантикапеи и Ольвіи; имѣется немного и скиѳскихъ древностей, найденныхъ въ Черкасскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., въ курганѣ между селомъ Матусовымъ и Лебединскимъ монастыремъ.

Что касается первобытныхъ древностей въ собственномъ смыслѣ, т.-е. относящихся къ каменному и бронзовому вѣкамъ, то хотя въ музеѣ такихъ древностей и не особенно много, но онѣ вполнѣ достаточно характеризуютъ данныя эпохи, особенно каменную; имѣются образцы разнаго рода молотковъ, топоровъ, стрѣлъ, ножей и т. п.; между ними извѣстную цѣльность представляетъ коллекція предметовъ, собранная на мѣстѣ такъ называемой стоянки и мастерской каменнаго вѣка у села Вышенокъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ.

Изъ предметовъ позднѣйшихъ эпохъ особенно замѣчательны: найденная въ Липовецкомъ уѣздѣ складная діадема и широкій бронзовый поясъ съ изображеніями животныхъ изъ с. Подгорецъ, Кіевскаго уѣзда (подобные которому извѣстны только изъ Закавказья). Предметы, собранные въ другихъ комнатахъ, даютъ полное представленіе о внутреннемъ содержаніи православнаго южно-русскаго храма; по времени преобладаютъ предметы XVIII вѣка, довольно много есть XVII вѣка и нѣсколько болѣе раннихъ; преобладающій матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы,—дерево, олово, мѣдь. Замѣчательно особенно богатое собраніе иконъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ большую цѣнность („Кіев. Слово“).

—— **Кіевскій музей.** Въ началѣ декабря, состоялось засѣданіе строительной коммиссіи кіевскаго музея древностей и искусствъ для обсужденія вопроса объ исполненіи статуй и барельефовъ, которыми будетъ украшенъ фасадъ зданія музея. Изъ многочисленныхъ гипсовыхъ проектовъ, представленныхъ различными художниками, коммиссія признала лучшими проекты итальянскаго художника г. Sala, которымъ недавно исполнены барельефы для Ксеніевскаго института въ Петербургѣ, и отдала подрядъ по исполненію скульптурныхъ работъ Л. Б. Гинцбургу и г. Sala въ качествѣ компаньона послѣдняго.

Парапетъ музея будетъ вѣнчать группа, состоящая изъ трехъ фигуръ: искусства, архитектуры и поэзіи. Искусство, громадная женская фигура, вышиною въ $4^{1}/_{2}$ аршинъ, вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ двѣ другія женскія фигуры, живопись и архитектуру. Изъ многочисленныхъ варіантовъ группъ, представленныхъ для главнаго фронтона зданія, избрана аллегорическая группа, изображающая торжественное шествіе искусства. Искусство возсѣдаетъ на колесницѣ, запряженной пылкими конями; вокругъ шествуетъ толпа съ факелами. У главнаго входа въ музей, по обѣ стороны большой лѣстницы, будутъ помѣщаться два льва, колоссальныя фигуры длиною въ 7 и вышиною въ $4^{1}/_{2}$ аршинъ. Всѣ статуи, грифоны, пальметки, которыми будетъ украшенъ фасадъ зданія, будутъ изготовлены изъ особаго состава, искусственнаго камня, напоминающаго песчаникъ. По прочности и выносливости искусственный камень нисколько не уступаетъ натуральному и въ этомъ отношеніи составъ его неизмѣримо выше алебастра. Общество древностей и искусствъ приступило пока къ сооруженію частей зданія, обращенной фасадами къ Европейской гостиницѣ и Царскому саду. Часть зданія, обращенная фасадомъ къ институту благородныхъ дѣвицъ, будетъ выстроена впослѣдствіи. Строющаяся часть зданія, возведенная въ настоящее время подъ крышу, будетъ заключать 20 залъ, по пяти въ каждомъ этажѣ. Изъ нихъ собственно для музея предназначается десять залъ, въ двухъ надземныхъ этажахъ зданія, въ двухъ же подземныхъ этажахъ будутъ помѣщаться залъ общихъ собраній, библіотека, архивъ, залъ для публичныхъ лекцій и т. д. Съ Царской площади зданіе музея будетъ производить впечатлѣніе капитальнаго одноэтажнаго зданія, возвышающагося на вершинѣ 13 аршинной скалы, созданной, замѣтимъ, искусственно. Будетъ построена гранитная стѣна, производящая впечатлѣніе скалы. Такимъ образомъ, главный входъ въ музей, съ расположенными по обѣ его стороны колоссальными львами, поднимается на высоту третьяго этажа домовъ Александровской улицы. Съ площади ведетъ ко входу широкая каменная лѣстница. Холмъ будетъ отдѣланъ

двумя уступами, на первомъ изъ которыхъ будутъ разбиты клумбы и цвѣтники, на второмъ будетъ возвышаться зданіе.

Стоимость сооруженія, которое, несомнѣнно, явится однимъ изъ лучшихъ украшеній Кіева, исчислена въ 400,000 руб., стоимость же части сооружаемой теперь, вмѣстѣ съ упорною стѣною, цвѣтниками, канделябрами у входа и желѣзною рѣшеткою, исчисляется въ 215,000 р. Въ распоряженіи Общества древностей и искусствъ, которому Кіевъ будетъ обязанъ этимъ прекраснымъ зданіемъ, имѣется около 200,000 р. Въ части зданія, обращенной фасадомъ къ институту благородныхъ дѣвицъ, предполагается помѣстить художественно-промышленную школу, учрежденіе которой проектируется. Общество надѣется исходатайствовать себѣ правительственную субсидію собственно для учрежденія школы, причемъ эта субсидія дала бы ему возможность закончить зданіе музея.

Къ предстоящему осенью будущаго года въ Кіевѣ археологическому съѣзду часть начатаго постройкой зданія будетъ закончена. У Общества имѣются уже нѣкоторыя коллекціи для помѣщенія ихъ въ музеѣ и состоящія изъ предметовъ, пожертвованныхъ разными лицами. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ помѣщены также нѣкоторыя изъ извѣстныхъ частныхъ коллекцій, имѣющихся въ Кіевѣ. Кромѣ того, въ залахъ музея будутъ открываться періодически выставки картинъ, которыя теперь устраиваются въ залѣ биржи или университета („Жизнь и Иск.“, № 334).

—— **Выставка предметовъ древности** въ помѣщеніи петербургскаго археологическаго института, открытая въ декабрѣ мѣсяцѣ, имѣла цѣлью, главнымъ образомъ, дать наглядное представленіе о трехъ эпохахъ въ исторіи иконописанія: новгородской, московской и переходной, отмѣчающей переходъ отъ древней иконописи къ новой живописи въ смыслѣ академическомъ. Отличительные признаки новгородскаго письма составляютъ: рисунокъ рѣзкій длинными, прямыми чертами; фигуры, по большей части, коротки, лицо длинное, носъ опущенъ на губы; выраженіе лица строгое, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественное и спокойное. Московская иконописная школа представляетъ два період въ своей исторіи: первоначальныя иконы этой школы близко подходятъ, въ общихъ чертахъ къ новгородскимъ и устюжскимъ, но позднѣйшія, второй половины XVII вѣка, имѣютъ уже преимущества надъ послѣдними. Лики святыхъ представляются болѣе мягкими и колоритъ иконъ свѣтлый. Школа строгоновская, организованная извѣстными именитыми людьми Строгоновыми, въ общемъ стилѣ сходна съ московскою. Къ числу ея болѣе или менѣе характерныхъ отличій относятся: тщательность въ отдѣлкѣ фигуръ, разнообразіе въ изображаемыхъ лицахъ и яркость красокъ. Особеннаго совершенства достигли строгоновскіе жи-

вописцы въ мелкихъ изображеніяхъ: на незначительномъ пространствѣ онѣ воспроизводили множество мелкихъ фигуръ, едва замѣтныхъ простымъ глазомъ, снабжали ихъ многосложными надписями и отдѣлывали всѣ мельчайшія детали съ замѣчательною тщательностью и чистотою. На выставкѣ иконы расположены были примѣнительно къ тремъ вышеупомянутымъ эпохамъ. Для болѣе полнаго представленія о предметѣ были присоединены металлическія украшенія иконъ, а также металлическіе складни, кресты и образцы древне-русскаго шитья. Весьма цѣннымъ дополненіемъ выставки служили произведенія византійской перегородчатой эмали, изъ собранія И. П. Балашева, а для позднѣйшей эпохи греческаго исскуства, аналогичной съ переходною эпохою въ исторіи русской иконописи,—иконы такъ называемой критской школы изъ собранія Н. П. Лихачева. Распредѣленіе иконъ по эпохамъ, а не по школамъ, соотвѣтствуетъ требованіямъ современной художественно-археологической науки, устраняя неясность и сбивчивость представленій, какія неизбѣжны при классификаціи памятниковъ, основанной на случайныхъ, не поддающихся научному анализу, признакахъ. Важнѣйшія собранія древности на выставкѣ принадлежали слѣдующимъ учрежденіямъ и лицамъ: коммиссіи по сооруженію храма Воскресенія Христова въ С.-Петербургѣ, И. П. Балашеву, И. М. Ивакину, Г. М. Казакову, А. П. Кудряшеву, Н. П. Лихачеву, братьямъ Нелаевымъ, А. А. Парланду, А. М. Постникову, Н. Ѳ. Романченко, М. В. Тюлину и В. И. Успенскому. Всего на выставкѣ было собрано 532 предмета: иконъ, образковъ, панагій, разныхъ мелкихъ вещей, складней, распятій, ларцовъ, фонарей, поручей, четокъ, и проч. („Прав. Вѣст.“, № 277).

—— **Археологическая раскопка въ Елисаветградѣ.** Въ 2-хъ верстахъ отъ Елисаветграда, на-дняхъ, какъ оттуда пишутъ въ „О. Н.“, совершенно случайно подъ курганомъ открыта пещера изъ нѣсколькихъ галлерей со сводами. Отъ входа сбоку кургана въ пещеру ведутъ нѣсколько ступеней. Своды галлерей достаточно высоки, чтобы подъ ними можно было свободно стоять и ходить. Какъ говорятъ, при обыскѣ въ передней части пещеры найдены икона, восьмиконечный крестъ, топоръ и лампа. Другія галлереи остались пока еще неизслѣдованными, такъ какъ не находится храбрецовъ, которые бы рѣшились туда проникнуть. Ежедневно къ кургану стекается масса любопытныхъ. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, о пещерѣ уже начинаютъ слагаться всякіе „страхи“ и небылицы: разсказываютъ, напр., что подъ курганомъ сидитъ какое-то „оно“, которое, ревностно оберегая свое жилище, засыплетъ пескомъ глаза всякому, кто рѣшится пройти подъ своды подальше, и т. п. ле-

генды. По отсутствію данныхъ пока трудно сказать, къ какому времени относится сооруженіе кургана и расположенныхъ подъ нимъ галлерей; вѣроятно, это скиѳскій могильникъ, впослѣдствіи расширенный и обращенный въ раскольничью молельню, изъ которой елисаветградскіе мазурики въ позднѣйшія времена устроили себѣ удобный притонъ; по крайней мѣрѣ, за это говоритъ присутствіе въ пещерѣ топора и лампы новѣйшаго издѣлія.

—— **Къ вопросу о первоначальномъ видѣ Венеры Милосской.** Въ 1897 году С. Рейнакъ опубликовалъ въ Chronique des arts, рядъ статей о статуѣ, извѣстной подъ названіемъ Венеры Милосской, основанныхъ на неопровержимыхъ оффиціальныхъ документахъ. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) статуя Венеры уже при самомъ нахожденіи ея была лишена обѣихъ рукъ, 2) рисунки Вутье (Voutier), видѣвшаго и зарисовавшаго статую тотчасъ же, какъ она была открыта, доказываютъ, что она была найдена вмѣстѣ съ двумя гермами и двумя надписями, 3) одна изъ этихъ надписей— подпись художника Агесандра (жилъ послѣ 260 г. до Р. Х.) находилась на кускѣ мрамора, имѣющемъ впадину, куда, по мнѣнію Вутье, вставлялась одна изъ гермъ, именно безбородая, и 4) второй обломокъ мрамора съ надписью „Ѳеодоридъ, сынъ Дайстрата“, служилъ, по мнѣнію Вутье, базою для второй гермы — бородатой [1]). Этотъ обломокъ неизвѣстно когда и куда изчезъ, и потому въ настоящее время можно сомнѣваться, чтобы онъ дѣйствительно предназначался для второй гермы только въ pendant къ первой, тогда когда нашли статую. Надпись на первомъ обломкѣ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ проектъ реставраціи г. Фуртвенглера, состоящій въ томъ, что Венера опирается лѣвою рукою на рядомъ стоящую колонку. Далѣе, Рейнакъ доказываетъ, что эти обломки хотя и найдены вмѣстѣ съ статуей Венеры, но никакого прямого отношенія къ ней не имѣютъ, и что Венера составляла одно самостоятельное цѣлое, а не часть какой-либо группы. Затерявшійся же обломокъ мрамора съ надписью „Ѳеодоридъ, сынъ Дайстрата“, даетъ поводъ къ новой гипотезѣ, подкрѣпляемой свидѣтельствами историковъ. Именно — приводя эту надпись въ связь съ таковою же на другихъ статуяхъ, Рейнакъ высказываетъ предположеніе, что Ѳеодоридъ былъ богатый меценатъ, посвятившій Посидону цѣлый рядъ статуй, въ томъ числѣ и свое собственное изображеніе (какъ предполагаютъ), найденное, къ сожалѣнію безъ головы. Это собраніе статуй находилось на о. Милосѣ, подобно тому, какъ существовало, по сло-

---

[1]) Chronique des arts. 1898 г. № 25.

вамъ Филохора, греческаго писателя (ок. 300 л. до Р. Х.), таковое же на о. Теносѣ, гдѣ находились статуи Посидона и Амфитриты. Указывая на сходство Посидона Милосскаго съ Венерой — размѣры, расположеніе складокъ одежды и т. д. — Рейнакъ предлагаетъ слѣдующую догадку: статуя, называемая Венерою Милосской, изображаетъ Амфитриту, стоявшую рядомъ съ статуей Посидона. Посидонъ держитъ въ правой рукѣ скипетръ, а лѣвою придерживаетъ одежду у бедръ,— соотвѣтствующая ему статуя Амфитриты (Венеры иначе) должна была бы правой рукою придерживать одежду, въ лѣвой держать также скипетръ. Подтвержденіе своей догадки Рейнакъ видитъ и *во взглядѣ* Венеры Милосской: она какъ бы внимательно всматривается вдаль. такой взглядъ, конечно, болѣе всего идетъ морскому божеству, и дѣйствительно, извѣстный ученый Бруннъ уже давно подмѣтилъ, что у всѣхъ изображеній морскихъ божествъ, встрѣчается такой, устремленный вдаль, взоръ. Итакъ — Венера Милосская есть Амфитрита, стоявшая нѣкогда въ pendant къ Посидону. Предположеніе это, во всякомъ случаѣ, остроумно и не лишено научнаго основанія, т. е. обладаетъ достоинствами, которыхъ не имѣетъ бо́льшая часть предложенныхъ до сей поры проектовъ реставраціи. А. *С.*

—— **Новѣйшія археологическія открытія въ Малой Азіи.** Между городами Биледжикомъ и Коніей (въ сѣверо-западной части Малой Азіи), на разстояніи шести часовъ отъ послѣдней, расположенъ подземный ходъ, въ родѣ туннеля, въ который до сихъ поръ не удавалось проникнуть вслѣдствіе очень узкаго отверстія, служившаго входомъ. Недавно въ этомъ туннелѣ произведены археологическія развѣдки двумя русскими учеными: профессоромъ П. Н. Милюковымъ и членомъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ П. Д. Погодинымъ. Этимъ ученымъ, какъ сообщаетъ константинопольскій корреспондетъ тифлисской газеты „Мшакъ“, удалось побѣдить затрудненія и проникнуть въ таинственный туннель. Въ концѣ туннеля изслѣдователи нашли довольно обширную камеру со сводчатымъ потолкомъ и, повидимому, имѣвшую наружный выходъ, который, однако, оказался загороженнымъ большою каменною плитой. Полъ этой камеры былъ покрытъ человѣческими костями и фрагментами различныхъ предметовъ древняго быта. Надо предполагать, что за два или за три вѣка до нашей эры это подземелье служило мѣстомъ погребенія. Помимо этой камеры, въ томъ же подземельѣ имѣются и другія, изслѣдовать которыя пока не удалось. Профессоръ Милюковъ провелъ нѣсколько часовъ въ подземельѣ и сдѣлалъ нѣкоторые снимки. Туннель имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина 20 метровъ, ширина 1 метръ, высота 1,5 метра. Не-

сомнѣнно, что правильныя археологическія развѣдки въ этихъ мѣстахъ могутъ вознаградить изслѣдователей открытіемъ богатыхъ находокъ. П. Д. Погодинъ посѣтилъ также одну древнюю крѣпость по имени Гисаръ-Калэ, находящуюся на разстояніи $1^1/_2$ часа пути отъ гор. Биледжика и расположенную на высотѣ 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря. Эта крѣпость, какъ думаютъ, представляетъ древне - греческій храмъ. Мѣстная легенда передаетъ, что Гисаръ-Калэ нѣкогда служилъ убѣжищемъ для одного князя, укрывшагося тамъ. Кромѣ того, г. Погодину удалось сдѣлать весьма интересное археологическое пріобрѣтеніе въ видѣ барельефа, изображающаго богиню Деметру („Р. В.“).

—— **Раскопки римскаго города въ Алжирѣ**. Мѣстность у сѣверныхъ склоновъ горъ Ауресъ, самыхъ высокихъ въ Алжирѣ, въ настоящее время совсѣмъ почти необитаема, кое-гдѣ только попадается одинокое строеніе, между тѣмъ почва тамъ плодородна и климатъ здоровъ. Неудивительно поэтому, что мѣстность эта, въ противоположность теперешнему ея состоянію, въ римскую эпоху была густо населена. Изъ Батны шла въ Тебессу большая дорога, на которой лежало много римскихъ городовъ. И теперь еще многочисленные остатки зданій свидѣтельствуютъ о прежнемъ значеніи этой римской колоніи.

Раскопки одного изъ этихъ древнихъ городовъ производятся въ настоящее время французскими археологами. Послѣ пятнадцатилѣтней работы теперь открыта важнѣйшая часть этихъ развалинъ.

Gazette des Beaux-Arts сообщаетъ, на основаніи сохранившихся остатковъ, слѣдующія свѣдѣнія о наружномъ видѣ города и жизни прежнихъ его обитателей.

Городъ этотъ назывался Тимгадъ и былъ основанъ императоромъ Траяномъ въ 100 году по Р. X. Тимгадъ скоро сдѣлался центромъ варварской страны, процвѣталъ во время имперіи и пережилъ вторженіе вандаловъ. Передъ прибытіемъ византійцевъ, горныя племена напали на городъ, прогнали жителей и разрушили его огнемъ и мечомъ; подъ покровительствомъ византійскаго оружія городъ еще разъ ожилъ, пока не былъ окончательно разрушенъ арабами.

Вышеупомянутая большая дорога проходила черезъ середину города и до сихъ поръ на ней, такъ же какъ на улицахъ Помпеи, видны слѣды колесъ. Всѣ важныя зданія города лежали на этой главной улицѣ; справа и слѣва тянулись колоннады, защищавшія пѣшеходовъ отъ дождя и солнца. Въ началѣ и концѣ улицы возвышались двѣ прекрасныя тріумфальныя арки, одна изъ которыхъ отчасти сохранилась и до сихъ поръ. Передъ нею стоятъ еще два большіе цоколя, поддерживавшихъ нѣкогда статуи Марса и Конкордіи. Недалеко отсюда находится входъ

на форумъ; послѣдній былъ вымощенъ плитами и окруженъ колоннадами и зданіями. Базилика и храмъ, посвященный, вѣроятно, Викторіи, отличаются римскимъ типомъ. Платформа передъ портикомъ храма служила трибуной для оратора.

Особеннымъ интересомъ отличается ратуша, такъ какъ это единственная, сохранившаяся съ древнихъ временъ, провинціальная ратуша. Своимъ внѣшнимъ видомъ она напоминаетъ храмъ. Лѣстница въ четыре ступени ведетъ въ большой прямоугольный залъ, весь выложенный плитами. На заднемъ планѣ была воздвигнута небольшая эстрада, къ которой вели двѣ ступени. У стѣнъ еще стоятъ каменные цоколи, на которыхъ прежде находились статуи. Множество статуй возвышались также на форумѣ.

На форумѣ граждане Тимгада проводили бо̀льшую часть дня; здѣсь они производили покупки, вели свои процессы въ зданіи суда и слушали оффиціальныя сообщенія, возвѣщаемыя имъ съ ораторской трибуны. Здѣсь же они забавлялись и разными играми, слѣды которыхъ находятся еще на плитахъ форума: въ одномъ мѣстѣ вырыты на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга небольшія углубленія, повидимому, для какой-то игры въ мячъ; въ другомъ мѣстѣ было нарисовано что-то въ родѣ шахматной доски.

Кромѣ форума, въ Тимгадѣ находился также капитолій, на которомъ стоялъ храмъ, посвященный Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ.

Особенность этого города, не встрѣчающаяся въ другихъ городахъ, состоитъ въ существованіи тамъ спеціально торговаго рынка. Онъ былъ построенъ для города однимъ гражданиномъ и его женой, и въ благодарность за это ихъ имена были выгравированы и имъ были посвящены статуи. Нѣсколько ступеней ведутъ здѣсь къ вымощенному двору открытому съ двухъ сторонъ. По обѣимъ другимъ сторонамъ находятся зданія, гдѣ производилась торговля. Посрединѣ площади находилось помѣщеніе, окруженное колоннадой, въ серединѣ котораго билъ фонтанъ. Лавки всѣ открытыя; громадный столъ былъ вдѣланъ съ обѣихъ сторонъ въ боковыя стѣны. Торговцы приходили въ свои лавки только на опредѣленные часы дня и приносили и уносили съ собою товары.

Недалеко отъ форума находится театръ, выстроенный, какъ и всѣ римскіе театры, полукругомъ и хорошо сохранившійся въ своей нижней части. Вмѣщаетъ онъ приблизительно 3.500 зрителей.

Въ общемъ граждане Тимгада, повидимому, старались въ постройкѣ своего города какъ можно больше подражать Риму, хотя, конечно, мѣстные архитекторы и художники въ выполненіи своихъ задачъ не могли сравниться съ римскими. (М. В.).

—— **Римскій военный госпиталь**. Недавно въ Боденѣ, маленькомъ городкѣ въ Швейцаріи, какъ передаетъ *Journal des Débats*, открыты развалины римскаго военнаго госпиталя. Найденные остатки постройки не представляютъ ничего выдающагося въ архитектурномъ отношеніи; но эти развалины имѣютъ громадное значеніе для археологовъ, какъ первое свидѣтельство о существованіи больничныхъ учрежденій во времена классической древности. До сихъ поръ ничего подобнаго не было найдено ни въ Помпеѣ, ни въ Тимгадѣ, гдѣ такъ хорошо сохранились остатки общественной и частной жизни древнихъ народовъ. Въ этихъ городахъ не встрѣчается ни одного зданія, по которому можно было бы судить, что въ нихъ существовали госпитали или больницы. Кромѣ того, ни одинъ изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ не оставилъ намъ описанія современныхъ ему больничныхъ учрежденій. Одинъ только Гиппократъ вкратцѣ упоминаетъ о томъ, что больныхъ лѣчили при храмѣ Эскулапа. Но отецъ медицины ничего не говоритъ о существованіи особыхъ помѣщеній для больныхъ при этомъ святилищѣ.

Расположеніе боденскихъ развалинъ не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно назначенія самого зданія. Постройка состоитъ изъ четырнадцати небольшихъ комнатъ, въ которыхъ найдено значительное количество медицинскихъ и хирургическихъ инструментовъ. Между ними встрѣчаются пинцеты, трубки, ложки, мѣрки для жидкостей, коробки для мазей и пр. Изъ всего видно, что въ этомъ зданіи помѣщался госпиталь четвертаго и пятаго легіоновъ, главная квартира которыхъ находилась въ нынѣшнемъ Боденѣ.

—— Недавно, по словамъ *Italie*, въ развалинахъ храма Юпитера Олимпійскаго открытъ фундаментъ, на которомъ стояла знаменитая статуя Юпитера изъ золота и слоновой кости работы Фидія. Фундаментъ открытъ на томъ самомъ мѣстѣ, о которомъ упоминаетъ Павзаній.

Кромѣ того, близъ этого же мѣста, открыта подземная христіанская церковь, которая относится къ первымъ временамъ христіанства.

Церковь имѣетъ видъ катакомбъ, куда укрывались первые христіане во время гоненій на нихъ языческихъ императоровъ, для совершенія богослуженій.

—— **Новѣйшія раскопки въ Помпеѣ**. По послѣднимъ извѣстіямъ, раскопки въ Помпеѣ продолжаются съ блестящими результатами: въ нераскопанной части города между базиликою и Porta Marina недавно найдены остатки какого-то громаднаго зданія, какъ-то: гигантскіе куски мрамора, стволъ колонны, колоссальныхъ размѣровъ базы и капители. Быть можетъ, это—остатки храма Венеры, столь жадно отыски-

ваемаго археологами. Изъ Помпеи же сообщаютъ и о томъ печальномъ обстоятельствѣ, что подъ вліяніемъ сѣрныхъ испареній, которыми насыщенъ воздухъ близъ Помпеи, столь яркая красная краска, которою расписанъ домъ Веціевъ [1]), становится совершенно черною.

—— **Открытіе древняго города въ Мексикѣ** сдѣлано недавно совершенно неожиданно, извѣстнымъ археологомъ Савиллемъ, близъ урочища Хоко, въ центральномъ округѣ Оаксакѣ. Савилль открылъ и изслѣдовалъ на этомъ мѣстѣ нѣсколько пирамидъ и кургановъ; двѣнадцать изъ этихъ пирамидъ, болѣе значительныя по размѣрамъ, оказались при ближайшемъ изслѣдованіи очень древними могилами языческихъ божковъ („Teocalli"). Въ одномъ изъ кургановъ обнаружено устье терракотовой трубы, проведенной изъ этого кургана на окрестныя поля. Труба состояла изъ отдѣльныхъ звеньевъ, хорошо смыкающихся между собою. Слѣдуя по направленію проложенной трубы, Савилль очутился на возвышенности, на вершинѣ которой обнаруженъ обширный языческій храмъ. Изслѣдователь былъ пораженъ величіемъ окружающей храмъ колоннады, которая густо заросла непроницаемою растительностью. Вся возвышенность, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказалась покрытою развалинами древняго города; склоны возвышенности имѣютъ совершенно правильную террасовидную форму. Судя по остаткамъ бывшихъ укрѣпленій, этотъ городъ, по мнѣнію изслѣдователя, въ свое время долженъ былъ считаться неприступнымъ. Близь языческаго храма сохранилась развалина древняго амфитеатра, а на противоположномъ концѣ горы до сихъ поръ видны развалины дворцовъ и многихъ общественныхъ зданій. Савилль полагаетъ, что ему удалось открыть столицу древнихъ цапотековъ. Гора эта до сихъ поръ обозначалась на картахъ, какъ пустынное урочище, подъ названіемъ Бѣлой горы („Monte Alban"), и хотя мѣстное населеніе знало, что на ея вершинѣ сохранились развалины, но полагало, что онѣ принадлежатъ къ столь обыкновеннымъ въ этой странѣ индѣйскимъ укрѣпленіямъ. Савилль пришелъ къ заключенію, что древній городъ, вѣроятно, назывался Захила, потому что это названіе носитъ теперь туземная деревушка, находящаяся по сосѣдству съ горой. Населеніе древняго города, судя по его размѣрамъ, изящнымъ постройкамъ и найденнымъ сосудамъ, находилось, несомнѣнно, на высокой степени культурнаго развитія. Городъ занималъ площадь въ нѣсколько англійскихъ миль; уцѣлѣвшій каменный водопроводъ имѣетъ въ ширину два метра, слѣдовательно долженъ былъ доставлять питьевую воду для весьма значительнаго городского населенія. Имѣются

[1]) См. «Археолог. Изв. и Зам.» 1897 г., стр. 324.

весьма основательныя данныя для предположенія, что древній городъ этотъ погибъ не отъ человѣческихъ рукъ: онъ, по всей вѣроятности, разрушенъ сильными землетрясеніями и теперь еще нерѣдкими въ этой мѣстности. Въ 350 метрахъ отъ „Monte Alban“ находится огромный курганъ, имѣющій въ поперечникѣ до 100 метровъ; на его вершину вела нѣкогда каменная лѣстница, теперь также разрушенная, какъ и каменное зданіе, развалины котораго виднѣются на вершинѣ исполинскаго кургана („Прав. Вѣстн.“, № 256).

—— Недавно въ газетахъ были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ интересной находкѣ христіанской скульптуры XIII вѣка, сдѣланной на древнемъ кладбищѣ въ Нью-Россѣ, въ Ирландіи, и подробно описанной въ протоколахъ „Royal Society of Antiquaries of Ireland“. Находка эта представляетъ единственное въ своемъ родѣ изображеніе „Бамбино“, т.-е. богато одѣтое изображеніе Младенца Христа, которое въ католической церкви признается чудотворнымъ. Подобное изображеніе, изъ дерева имѣлось до сихъ поръ лишь въ римской церкви Ara Coeli.

Ирландская находка представляетъ огромную плиту, имѣющую 6 футовъ въ длину, 3—въ ширину и почти до полуаршина въ толщину. На ней изображенъ рельефомъ младенецъ до 3 футовъ ростомъ, весь запеленутый. Головка покрыта густыми вьющимися локонами, подстриженными крайне своеобразно, какъ это было принято во всей Западной Европѣ въ продолженіе XI и XII столѣтій; личико необыкновенно миловидное, улыбающееся. По обѣимъ сторонамъ Бамбино имѣются по одной такой же младенческой головкѣ, съ такими же свѣтлоулыбающимися личиками, но безъ тѣлъ; головки находятся на равной высотѣ съ головкой средней фигуры, но волосы на нихъ подобраны и заплетены въ широкія пышныя косы. Ниже средней фигуры вся поверхность плиты до самаго края, на протяженіи трехъ футовъ, совершенно гладкая и не носитъ никакихъ изображеній или рѣзьбы. Подобныя изображенія Христа-Младенца до сихъ поръ извѣстны были только на древне-греческихъ картинахъ отъ VI и до XII столѣтій. На знаменитомъ изображеніи Бамбино, хранящемся въ Ara Coeli, въ Ромундѣ, въ Чивитануови, Младенецъ такъ же спелененъ, какъ и нью-росская статуя. Что подобныя изображенія были въ древнія времена общеупотребительны, объ этомъ свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, картина греко-итальянской школы, написанная около 1300 года въ стилѣ Таддео Гадди и хранящаяся во Флоренціи, и, во-вторыхъ, болоньская картина, принадлежащая кисти Лоренцо ди-Криди; на послѣдней имѣются даже фигуры обоихъ ангеловъ. Отсюда спеціалисты выводятъ заклю-

ченіе, что нью-росская находка изображаетъ Рождество Христово, исполненное въ духѣ XIII столѣтія. Главная фигура по серединѣ изображаетъ Святого Младенца, а головы по обѣимъ сторонамъ—архангеловъ Гавріила и Рафаила, которыхъ въ средніе вѣка считали руководителями небесныхъ хоровъ. Полагаютъ, что найденный древне-христіанскій памятникъ является типичнымъ образцомъ „Яслей", какія обязательно въ глубокой старинѣ выставлялись въ рождественскіе праздники въ католическихъ храмахъ. Подобныя ясли всегда окружались множествомъ зажженныхъ свѣчъ и зеленыхъ вѣтвей. Совершенно гладкая поверхность плиты подъ изображеніемъ Младенца, очевидно, служила для установки свѣчъ и для украшенія зеленью и цвѣтами. Найденное въ Нью-Россѣ изображеніе относится къ наиболѣе цвѣтущей эпохѣ норманской скульптуры. Несмотря на то, что лица всѣхъ трехъ изображеній сильно пострадали отъ времени, они носятъ несомнѣнные слѣды высокохудожественной красоты и тонкости отдѣлки деталей. Имѣется основаніе предполагать, что фигуры были первоначально покрыты красками и позолочены, хотя никакихъ видимыхъ слѣдовъ того и другого не сохранилось. Точно также не имѣется никакихъ слѣдовъ бывшихъ надписей; по внѣшнему виду всѣхъ четырехъ краевъ плиты видно, что она никогда не прикрѣплялась къ стѣнамъ, но была укрѣплена въ видѣ памятника на цоколѣ. На нью-росское кладбище статуя попала совершенно случайно: ее пріобрѣлъ гдѣ-то, по случаю, одинъ изъ мѣстныхъ жителей и поставилъ ее вмѣсто надгробнаго памятника надъ могилой одного изъ своихъ родственниковъ.

—— Въ засѣданіи Acad. d. inscript. отъ 8 іюля 1898 г. г. Шлумбергеръ предъявилъ любопытные фотографическіе снимки съ рѣзного ларца изъ слоновой кости, византійской работы, конца X или начала XI-го вѣка. Изображены, главнымъ образомъ, различные эпизоды изъ жизни царя Давида, причемъ многочисленныя фигуры людей и животныхъ, несмотря на малый размѣръ, поражаютъ своею жизненностью. Чрезвычайно любопытны также изображенія военнаго византійскаго костюма и разной утвари. На ларцѣ находится длинная надпись въ стихахъ, свидѣтельствующая, что ларецъ былъ сдѣланъ по поводу бракосочетанія нѣкоего базилевса съ базилиссою. Въ настоящее время ларецъ находится въ Римѣ, въ собраніи музея Кирхера. Въ томъ же засѣданіи г. Равессонъ (Ravaisson) обратилъ вниманіе присутствующихъ на тотъ любопытный фактъ, что одна изъ статуй Мадонны, украшающихъ надгробіе Рафаэля, работы Лоренцетто, представляетъ собою подражаніе греческой статуи, сохранившейся въ садахъ Ватикана и являющейся, по своему стилю, какъ бы прабабкой Венеры Милосской. А такъ какъ

Рафаэль самъ при жизни распорядился во всѣхъ подробностяхъ относительно своихъ похоронъ и надгробнаго памятника, то ясно, что онъ самъ заказалъ и эту копію.

—— Въ засѣданіи той же Академіи отъ 15-го іюля г-мъ де-Мели (de-Mély) былъ представленъ оттискъ (эстампажъ) съ одной любопытной византійской камеи, находящейся нынѣ въ Вѣнѣ, въ ризницѣ церкви „Heiligenkrentz". Камея, величиною въ 17 сантиметровъ въ діаметрѣ, изображаетъ голову Пр. Дѣвы, вокругъ которой помѣщена надпись: „Матерь Божья, Святая Дѣва, прими подъ свой покровъ (или „сохрани") Никифора Ботоніата, раба Христова". Благодаря этой надписи устанавливается точная дата этой камеи, именно года 1078—1081 по Р. Х., а такъ какъ до сихъ поръ точно датированныхъ византійскихъ камей не находилось, то эта камея является чрезвычайно важнымъ пособіемъ къ разсѣянію мрака неизвѣстности, которымъ окутаны болѣе шести вѣковъ искусства рѣзьбы на камнѣ въ Византіи.

—— Въ засѣданіи той же Академіи отъ 22-го іюля членъ румынской академіи, проф. Точилеско сообщилъ о результатахъ своихъ раскопокъ въ Румыніи, при чемъ настаивалъ на томъ, что извѣстный памятникъ побѣды въ Адамъ-Клисси [1]) долженъ быть отнесенъ ко времени Траяна, хотя нѣкоторые ученые, напр., Фуртвенглеръ въ Мюнхенѣ, относятъ его къ эпохѣ Августа. Затѣмъ проф. Точилеско представилъ полную реставрацію мавзолея, воздвигнутаго близъ этого памятника въ честь воиновъ, павшихъ въ битвѣ съ Даками. Реставрація исполнена вѣнскимъ архитекторомъ Ниманомъ (Niemann). При этомъ проф. Точилеско предложилъ небольшое измѣненіе въ чтеніи третьей строки надписи на мавзолеѣ, а именно, вмѣсто „Nicopoli Ponti" онъ читаетъ „Neapoli Ponti". — Далѣе, имъ открыта еще одна постройка вблизи, вышиною въ 50 метровъ, служившая, повидимому, обсерваціонною башней. Наконецъ, въ городѣ „Tropaeum Trajani" имъ открыты: трое городскихъ воротъ, восемь башенъ, и три базилики, изъ которыхъ одна напоминаетъ своею величиной извѣстную базилику Юліи (basilica Juliae) въ Римѣ.

—— Въ засѣданіи той же Академіи отъ 3-го августа г. Эдм. Потье, помощникъ хранителя въ Луврскомъ музеѣ, прочелъ рефератъ, гдѣ доказываетъ, что греки (какъ и египтяне, у которыхъ они заимствовали этотъ способъ) прибѣгали, при изображеніи черныхъ фигуръ на вазахъ, къ способу, употреблявшемуся еще недавно при рисованіи силуэтовъ, т.-е. наносили на вазы очертанія, получаемыя на бѣломъ

---

[1]) См. выше, стр. 328.

экранѣ при отбрасываніи на него тѣни головы или всей фигуры. Въ подтвержденіе своего реферата г. Потье привелъ много древнихъ текстовъ, относящихся до этого способа рисованія.

—— Въ Дельфахъ недавно найдено, при раскопкахъ, произведенныхъ французскимъ институтомъ въ Аѳинахъ, нѣсколько бронзовыхъ предметовъ, между прочимъ, голова быка и статуэтка (римской эпохи), изображающая Артемиду. Произведенными же нѣсколько времени тому назадъ раскопками на островѣ Паросѣ, нѣмецкимъ институтомъ въ Аѳинахъ, открытъ храмъ Эскулапа, неоднократно описанный древними авторами и къ которому стекалось нѣкогда масса поклонниковъ. Храмъ имѣетъ въ длину 41¼ метра и 19½ метра въ ширину. Къ сожалѣнію, этотъ чудный памятникъ древности столь часто подвергался разграбленію, что нельзя расчитывать найти въ немъ какихъ-либо интересныхъ статуй, барельефовъ или иныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ.

—— Британскій музей обогатился недавно рѣдчайшимъ пріобрѣтеніемъ: въ него поступилъ престолъ (тронъ) царицы Хатсу, царствовавшей въ долинѣ Нила за 1600 л. до Р. Х.

—— **Бренные останки Будды,** найденные въ могилѣ, случайно открытой близъ деревни Пипра-Гуа, на границѣ Непаля, будутъ въ непродолжительномъ времени торжественно перевезены въ городъ Бангкокъ, столицу сіамскаго королевства. Сіамскій король, какъ сообщаютъ заграничнымъ газетамъ, уже отправилъ въ Индію чрезвычайное посольство съ порученіемъ привести съ границы Непаля драгоцѣнные для послѣдователей буддизма останки великаго Сакіамуни. Окрестности индусской деревни Пипра-Гуа принадлежатъ одному англійскому поселенцу, на землѣ котораго рабочіе, рывшіе глубокую канаву, случайно набрели на что-то твердое, оказавшееся каменнымъ навѣсомъ надъ могилою, заключавшею сложенный изъ камней саркофагъ, внутри котораго находились кости, пепелъ, деревянные и стеклянные сосуды, разныя мелкія вещицы и украшенія. На одномъ изъ сосудовъ, имѣвшемъ форму вазы, сохранилась надпись, гласящая, что въ саркофагѣ покоится прахъ „блаженнаго Будды (мудреца) Сакіамуни“ и что его гробница была сооружена „великому сподвижнику нравственной добродѣтели его братьями и женами сыновей его“. По формѣ и характеру письменныхъ знаковъ, профессоръ Бюреръ заключилъ, что надпись относится къ временамъ глубокой древности и служитъ безусловнымъ ручательствомъ въ томъ, что сохранившіеся въ саркофагѣ останки дѣйствительно принадлежали основателю буддизма. Не трудно представить себѣ интересъ, возбужденный этою находкою въ буддійскомъ мірѣ. Англо-индійское правительство рѣшило, что останки праха Сакіамуни должны быть ввѣрены охранѣ

Сіамскаго короля, какъ монарха единственнаго азіатскаго государства, исповѣдующаго буддистскую религію во всей ея первоначальной чистотѣ, но съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы король распредѣлилъ часть найденныхъ въ гробницѣ вещей между буддистами Бирмы и Цейлона. Что касается вазъ, сосудовъ и части мелкихъ украшеній, найденныхъ въ той же гробницѣ, имѣвшей видъ подземнаго склепа, то владѣлецъ земли, на которой землекопы отрыли драгоцѣнную для буддистовъ могилу, распорядился такимъ образомъ, что часть ихъ поступила въ хранилища индусскихъ древностей Лукнова и Калькутты, остальные же вещи были отправлены на храненіе въ британскій музей („II. В.“).

VII.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 27-го ноября Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „Къ исторіи искусства и вѣрованій у приуральской чуди“. Предметомъ его изученія (составившимъ содержаніе печатаемой нынѣ статьи) были древнія мѣдныя или бронзовыя изображенія летящихъ птицъ или крылатыхъ звѣрей, находимыя нерѣдко въ Приуральѣ и Прикамьѣ, въ губерніяхъ Пермской, Вятской, Казанской, Вологодской, Тобольской и Томской. Эти „чудскія“ издѣлія представляютъ довольно значительное разнообразіе и имѣли, по всей вѣроятности, религіозное значеніе. Они изображаютъ обыкновенно хищныхъ птицъ,—сокола, орла, коршуна, филина, иногда двухъ- и трехглавыхъ, часто съ человѣческою головой на груди, а иногда и съ цѣлою человѣческою фигурой; въ другихъ издѣліяхъ этой категоріи голова птицы замѣняется звѣриною, или крылатая фигура имѣетъ человѣческіе признаки; звѣриныя головы видны иногда и на крыльяхъ или тѣлѣ птицы, представляя признаки головъ драконовъ. Находятъ подобныя изображенія или случайно, отдѣльными экземплярами, въ землѣ, или цѣлыми группами на вершинахъ холмовъ, на древнихъ жертвенныхъ мѣстахъ, въ видѣ кладовъ, а также и въ могилахъ поставленными стойма (воткнутыми хвостомъ въ землю). Референтъ разсмотрѣлъ стоящія въ связи съ этими крылатыми фигурами изображенія миѳическихъ животныхъ, такъ называемыхъ „ящеровъ“ и „драконовидныхъ“, и перешелъ къ уясненію смысла этихъ религіозныхъ символовъ, пользуясь для того историческими и этнографическими параллелями. Онъ указалъ именно на то значеніе, которымъ пользовались птицы въ вѣрованіяхъ, культѣ и религіозномъ искусствѣ древнихъ народовъ Азіи, Африки, Европы и Америки, а также на ту роль, которую они играютъ у многихъ современныхъ, менѣе культурныхъ народовъ въ ихъ шаманскомъ культѣ, причемъ были особенно указаны священныя изображенія птицъ у различныхъ инородцевъ Сибири и Сѣверо-Западной Америки. Эти вѣрованія были отчасти усвоены и буддизмомъ; въ каждомъ ламайскомъ монастырѣ Тибета, Монголіи и т. д., а также на вершинахъ горъ Монголіи и т. д. можно видѣть изображеніе священной (первоначально индійской) птицы Гаруди или Гаруды. Съ другой стороны, изображенія миѳическихъ крылатыхъ существъ были усвоены религіознымъ искусствомъ Персіи и распространялись отсюда отчасти (въ эпоху Сассанидовъ) въ области Приуралья и Прикамья. Такимъ образомъ, первоначальные религіозные образы сибир-

скихъ и приуральскихъ инородцевъ могли получить впослѣдствіи болѣе опредѣленныя формы подъ вліяніемъ художественныхъ издѣлій Южной и Передней Азіи. Сообщеніе сопровождалось демонстраціей рисунковъ и образцовъ бронзовыхъ изображеній. — В. А. Гамбурцевъ сообщилъ о древней церковкѣ въ с. Борисовѣ (близъ Царицына), уничтоженной въ мартѣ 1898 г. Церковка эта, бѣлокаменная, одноглавая, была замѣчательна тѣмъ, что сооружена была сплошь изъ бѣлаго камня; такъ клались церкви только въ глубокой древности. Главка церкви сложена была вся цѣликомъ изъ каменныхъ плитъ; вѣсъ ея былъ около 300 пудовъ, и, тѣмъ не менѣе, она стояла непосредственно на сомкнутомъ сводѣ. Замѣчательны найденные въ стѣнахъ церкви „голосники“, т. е. вложенные въ стѣны глиняные (изъ бѣлой немуравленной глины) кувшины различной величины, отъ 4-хъ до 16-ти фун. вѣсомъ. Всѣ они были заложены въ стѣнахъ горлышкомъ внутрь храма. Кувшины съ ручками, что указываетъ на то, что они были простые хозяйственные кувшины, а не особые, для храма сдѣланные. О „голосникахъ“ писали Стасовъ, Даль и др., но значеніе ихъ и до сихъ поръ не вполнѣ выяснено. Полагаютъ, что они служили для отраженія звуковъ или приданія имъ большей ясности (хотя это мало понятно), а по другимъ, — что цѣль ихъ была облегчить тяжесть сводовъ, хотя они встрѣчаются и въ нижнихъ частяхъ стѣнъ и при основаніи сводовъ. Въ церкви 12-ти Апостоловъ въ Москвѣ они имѣются наверху подъ сводами, размѣщенными симметрично, по 3 или по 5. Докладъ сопровождался демонстраціей плановъ, фотографій и вещей („голосниковъ“).—Графиня Уварова доложила объ экспедиціяхъ и раскопкахъ, совершенныхъ лѣтомъ по порученію и на средства археологическаго Общества въ Средней Россіи, на Кавказѣ и, въ виду предстоящаго въ августѣ мѣсяцѣ археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, на Волыни и вообще въ Юго-западной Россіи. Значительная дѣятельность была проявлена состоящею при Обществѣ археографическою коммиссіей, члены которой посѣтили многіе города Западной, Средней и Восточной Россіи для изученія мѣстныхъ архивовъ или знакомились съ состояніемъ архивнаго дѣла за границей. Именно археографическою коммиссіей были командированы, въ теченіе лѣта 1898 г., слѣдующіе ея члены: П. П. Никольскій—въ Тулу, С. К. Шамбинаго—въ Кострому, П. И. Ивановъ—въ Архангельскъ, П. А. Кожевниковъ—въ Италію, А. П. Сапуновъ — въ Могилевъ (на Днѣпрѣ), Минскъ и въ им. К. Л. Бутенова Щорсы, гдѣ хранится архивъ Хребтовичей, П. А. Кордтъ—въ Берлинъ и Дрезденъ, М. М. Плохинскій—въ Черниговскую губ., В. О. Эйнхорнъ—въ Черниговъ, Кіевъ и Харьковъ, Ю. В. Готье — въ Пермскую губ., С. П. Алферьевъ — въ Саранскъ, М. В. Довнаръ-Запольскій для ознакомленія съ семейнымъ архивомъ Подгорецкихъ въ с. Николаевкѣ, Каневскаго уѣзда, М. М. Соколовъ — въ Ярославскую губ., М. М. Богословскій — въ государственный архивъ въ Петербургъ, Д. Н. Давьялло—въ Лепель.

Въ цѣляхъ предстоящаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ произведены были лѣтомъ 1898 г. изслѣдованія слѣдующими лицами:

В. Б. Антоновичъ предпринималъ археологическую экскурсію въ Волынскую губернію, въ уѣзды: Кременецкій, Дубенскій и Новоградволынскій; раскопалъ три могильника у селъ: Брыкова, Рыкань и Краснаго; снялъ планы городищъ (числомъ 56), обслѣдовалъ 14 стоянокъ каменнаго вѣка въ уѣздахъ Дубенскомъ и Кременецкомъ, провѣрилъ свѣдѣнія о мегалитическихъ постройкахъ въ Кременецкомъ уѣздѣ и осмотрѣлъ три частныя коллекціи древностей гг. Орлова, Житицкаго и Волянскаго.

П. О. Бѣляшевскій обслѣдовалъ оба берега рѣки Западнаго Буга отъ впаденія въ него р. Влодавы до впаденія р. Красны (Кшны) и часть береговъ этой послѣдней, причемъ имъ обнаружено болѣе 30 стоянокъ каменнаго вѣка неолитической эпохи и собрана коллекція предметовъ древности въ количествѣ около 1000 экземпляровъ.

В. Г. Ляскоронскій обслѣдовалъ лѣвую сторону Днѣпра въ предѣлахъ Полтавской, Харьковской и Черниговской губерній, причемъ въ мѣстности по теченію рѣки Удая, отъ с. Повстска до с. Гурдинецъ подробно сняты планы городищъ близъ По-

ветска, въ Пирятинѣ и Варвѣ; въ мѣстности по теченію р. Лиснора, отъ впаденія его въ р. Удай до с. Алексинецъ детально сняты городища въ м. Сребномъ и близъ Сребнаго до с. Грицевки; изслѣдованы городища и курганы близъ Бѣлой-Вѣжи и близъ Дмитровки; нанесены на планъ городища по теченію р. Ромна и его притока Тарговицы; подробно начерчены и описаны городища по теченію р. Сулы, отъ Недрыгайлова до впаденія р. Сулы въ Днѣпръ,—всего на протяженіи 250 верстъ. Кромѣ того, обслѣдованы берега р. Терна, впадающаго въ верхнюю Сулу отъ с. Череповки (Курской губ.) до с. Будокъ, причемъ сняты на планъ и описаны городища у м. Терновъ и у с. Городища (Харьковской губ.). Собраны свѣдѣнія о длинныхъ (такъ называемыхъ зміевыхъ) валахъ близъ с. Гиревки (Конотопскаго уѣзда), близъ с. Будокъ (Роменскаго уѣзда) и близъ устьевъ р. Сулы.

Свящ. С. Сѣцинскій объѣхалъ западную Подолію въ Каменецкомъ, Проскуровскомъ, Летичевскомъ, Литинскомъ, Винницкомъ и Ушицкомъ уѣздахъ, осмотрѣлъ всѣ древнія церкви края, съ нѣкоторыхъ церквей и иконъ снялъ фотографическіе снимки. Кромѣ того, осмотрѣлъ 14 городищъ и въ двухъ (въ дер. Приворотьѣ Камен. уѣзда и Матерскомъ Ушицк. у.) произвелъ раскопки.

С. Н. Мельникъ занималась изслѣдованіемъ кургановъ въ Волынской губерніи, причемъ ею изслѣдовано 19 могильниковъ и въ нихъ раскопано 152 кургана. Раскопки произведены: въ Ровенскомъ уѣздѣ близъ селъ: Басовъ-Кутъ (2 группы), Корнинъ (2 группы) и Колоденка; въ Луцкомъ уѣздѣ: въ чертѣ г. Луцка и близъ селъ Горка, Полонная, Городище, Ставскъ, Крупы, Лысце (2 группы), Торемно, Поддубцы (2 группы), Бороховъ, Вишневъ и Усичи; въ Дубинскомъ уѣздѣ близъ селъ Вечулки и Новоселки.

П. А. Лашкаревъ обслѣдовалъ въ г. Черниговѣ пять церквей, относящихся по своему первоначальному сооруженію къ велико-княжескому періоду русской Исторіи, а именно: соборы Спасо-Преображенскій и Борисо-Глѣбскій, церковь Успенскую Елецкаго монастыря, церковь Пятницкую бывшаго Пятницкаго и церковь Ильинскую бывшаго Ильинскаго монастыря. Со всѣхъ этихъ церквей имъ сняты планы и разрѣзы, а также фотографическіе снимки. Кромѣ того, въ Новгородѣ - Сѣверскомъ осмотрѣнъ Спасо-Преображенскій монастырь, Успенскій соборъ и Покровская церковь.

М. П. Истоминъ объѣхалъ мѣстности Волынской губ. съ цѣлью изученія памятниковъ иконографіи и стѣнописи въ православныхъ храмахъ и католическихъ церквахъ съ XVI по XVIII в., осмотрѣлъ въ г. Бердичевѣ (какъ пунктѣ, нѣкогда входившемъ въ составъ Волынской губ.), стѣнопись въ главномъ костелѣ, подробно изучилъ въ г. Житомірѣ церковно-археологическій музей, гдѣ отмѣтилъ предметы, которые желательно было бы переслать въ Кіевъ на выставку съѣзда, осмотрѣлъ церкви въ м. Чудновѣ, въ м. Полынномъ, какъ православныя церкви, такъ и костелъ; въ с. Городищахъ—Женскій монастырь и Никольскую церковь; въ г. Острогѣ — Межирѣчскій храмъ, старинныя иконы въ соборной церкви, такъ называемой Новомѣстской, Воскресенскую церковь и часовню на кладбищѣ; въ г. Дубно—соборную и Спасопреображенскую церкви и бывшую Крестовоздвиженскую пустынь; въ г. Почаевѣ — соборный храмъ, пещерныя церкви во имя св. Іова, Антонія и Θеодосія, только-что организующееся еще древлехранилище, типографіи.

И. М. Каманинъ совершилъ поѣздку въ Волынскую и Подольскую губерніи съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ архивахъ правительственныхъ учрежденій, монастырей, церквей и частныхъ лицъ, осмотрѣлъ въ г. Житомирѣ архивы: консисторій, православной и римско-католической, губернскаго правленія и канцеляріи губернатора, казенной палаты, палаты государственныхъ имуществъ, губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, дворянскаго депутатскаго собранія и уѣзднаго предводителя дворянства, Межевой архивъ, архивы окружнаго суда. Тѣ же архивы осмотрѣны имъ въ Каменецъ-Подольскомъ. Въ мм. Чудновѣ и Полонномъ осмотрѣны старопечатныя книги и рукописи, какъ въ церквахъ, такъ и въ костелахъ. Въ с. Городищѣ—библіотека и архивъ

женскаго монастыря и въ мѣстной церкви старопечатныя книги и рукописи. Въ г. Заславѣ осмотрѣна богатая библіотека бывшаго францисканскаго монастыря; въ гг. Острогѣ и Дубнѣ - старопечатныя книги и немногія рукописи; въ Почаевѣ — важный и богатый архивъ Лавры и ея библіотека; въ г. Кременцѣ ознакомился съ весьма рѣдкими рукописями и старопечатными книгами Волынской духовной семинаріи; въ Ковнѣ осмотрѣлъ старопечатныя книги; въ Засоровѣ разобралъ архивъ и осмотрѣлъ богатую библіотеку. Сверхъ того, въ Житомірѣ, Луцкѣ, Владимірѣ-Волынскѣ и Каменецъ-Подольскѣ осмотрѣны церковно-археологическіе музеи. Касательно владѣльцевъ частныхъ архивовъ г. Каманинъ сообщаетъ, что слѣдующіе лица изъявили готовность принять участіе въ выставкѣ съѣзда высылкой своихъ рукописныхъ или гравюрныхъ коллекцій: въ Житомірѣ—баронъ И. М. де-Шодуаръ, помѣщикъ Подольской губ. К. К. Красовскій и преподаватель Волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ.—Въ связи съ бывшимъ рижскимъ археологическимъ съѣздомъ, А. и В. М. Успенскіе осмотрѣли и описали собраніе иконъ и другихъ древнихъ предметовъ въ рижской единовѣрческой церкви и Ѳедосѣевской молельнѣ. Результаты ихъ поѣздки войдутъ въ „Труды“ X-го археолог. съѣзда.—Случайныхъ экспедицій, на средства Общества было пять. Н. Е. Бранденбургъ ѣздилъ въ Екатеринославскую губ., гдѣ произвелъ раскопку кургана „Москалевой могилы“ близъ Днѣпровскихъ пороговъ у с. Воронье, но громадный курганъ этотъ (7 арш. выс. и 170 арш. въ окружности) оказался очень бѣденъ содержаніемъ. В. А. Городцовъ— производилъ раскопки въ Рязанской губ., изслѣдуя стоянки каменнаго вѣка; И. Д. Четыркинъ въ Калужской губ.; В. Н. Леоновъ – изслѣдовалъ стоянку каменнаго вѣка на берегу оз. Святого въ Рязанской губ.; А. С. Хахановъ занимался описаніемъ древнихъ церквей въ Горійскомъ уѣздѣ и просмотромъ древнихъ рукописей въ тифлисскихъ собраніяхъ.

Въ засѣданіи **Археографической коммиссіи Имп. Москов. Археологич. Общества,** 2-го октября, М. М. Богословскій прочелъ докладъ подъ заглавіемъ „Власть Московскихъ государей XVII в.“. Докладчикъ прежде всего остановился на характеристикѣ власти московскихъ государей XVI в., указавъ, во-1-хъ, фактическое положеніе, какого достигла эта власть во второй половинѣ этого вѣка, во-2-хъ, изложивъ установившуюся къ тому времени въ литературныхъ кругахъ теорію царской власти и выяснивъ сложившійся на нее народный взглядъ, затѣмъ были разобраны тѣ перемѣны, которыя были внесены въ положеніе царской власти событіями смутнаго времени, благодаря которымъ эта власть сдѣлалась избирательною и ограниченною. Въ заключеніе докладчикъ пытался выяснить причины, по которымъ эти внесенныя смутнымъ временемъ перемѣны были непрочны и недолго удержались.

Засѣданіе **Археографической Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества** 14 ноября 1898 г. П. И. Ивановъ прочелъ докладъ о *документахъ Крестнаго Онежскаго монастыря.* По разъясненію докладчика они состоятъ: изъ переписки, въ связи съ которой стоитъ дѣлопроизводство монастырскихъ приказныхъ и другихъ лицъ, вѣдавшихъ монастырское хозяйство, изъ дѣлъ судебно-полицейскихъ, финансовыхъ и поземельныхъ, отдѣльныхъ челобитныхъ, мірскихъ постановленій, указовъ и памятей по тѣмъ и другимъ, допросовъ, поручныхъ и сдѣлокъ. Содержаніе всего этого матеріала раскрываетъ внутренній бытъ монастырскихъ крестьянъ и отношеніе къ нимъ монастыря-вотчинника съ 1658 г. по 30-ые года XVIII в.—Трудъ населенія эксплоатируется вотчинникомъ въ двоякомъ направленіи: 1) монастырь создаетъ свое хозяйство, въ которомъ какъ производство продукта, такъ и производство капитала ложится въ качествѣ повинности на крестьянъ и бобылей, 2) съ труда, употребляемаго мѣстнымъ населеніемъ на себя, идетъ опредѣленный оброкъ въ пользу монастыря. Ограниченіе эксплоатаціи: введеніе платныхъ повинностей и наемъ на работы. Недостатокъ гото-

выхъ услугъ и продуктовъ уже въ 50-хъ г. XVII в. повелъ къ ограниченію права распоряжаться своимъ трудомъ. Ограниченіе имущественныхъ правъ: 1) ограниченіе права распоряжаться своимъ участкомъ, 2) монастырь безконтрольно распоряжается участкомъ и движимостью крестьянина въ 60-хъ годахъ XVII в.—Увеличились права волости: въ передѣлъ сначала волостной, а затѣмъ деревенскій входитъ вся земля; крестьянинъ только временно пользуется ею.—Самоуправленіе подверглось ближайшему и постоянному контролю монастыря; выборныя должности имѣютъ характеръ повинностей, отправляемыхъ поочереди каждымъ крестьяниномъ со своего участка. — Второй докладъ былъ прочитанъ П. П. Никольскимъ *о частномъ собраніи рукописей Н. И. Троицкаго* (въ Тулѣ). Собраніе состоитъ изъ 20 рукописей различнаго содержанія, преимущественно церковнаго характера, литературныхъ сборниковъ и пр. Время, къ которому относятся рукописи,—XV—XVIII в. Древнѣйшихъ рукописей (XV в.)—шесть. Докладчикъ подробно остановился на описаніи нѣкоторыхъ рукописей (напр., сборника съ житіемъ Зосимы и Савватія и др.), обративъ вниманіе на ихъ литературныя и палеографическія особенности. — Рефератъ Д. И. Довгялло объ архивѣ Лепельскаго городского управленія былъ, за позднимъ временемъ, отложенъ.

Въ засѣданіи **Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи**, 11 октября 1898 г., Г. А. Халатьянцъ прочелъ переводъ (съ примѣчаніями) армянскаго указателя путей по передней Африкѣ XVII вѣка (подлинникъ изданъ въ венеціанскомъ журналѣ Polyhistor въ 1897 г.). Исходная страна — Египетъ; отсюда, со счетомъ разстояній днями, указывается отъ города до города и отъ страны до страны путь въ Абиссинію, затѣмъ пути по Абиссиніи, по побережьямъ Краснаго моря (захватывая и аравійскій берегъ), обозрѣваются страны по сѣверному берегу Африки до Гибралтара и, наконецъ, сообщаются слухи о „невѣдомой землѣ“, что начинается къ югу отъ Марокко. По пути отмѣчается племя и религія жителей (христіане, арапы [=негры], народъ фунджъ, мусульмане, евреи, племя тыгрулъ [=тигрэ], калла), при чемъ порой кратко характеризуются внѣшній видъ и обычаи ихъ: въ Донголѣ дворецъ царя -- каменный, остальные дома — соломенные; въ Гамеджѣ живутъ толстогубые арапы; у жителей Паріи кожа бѣлая; калла — храбрые наѣздники и наиболѣе дикое племя среди абиссинцевъ, брѣютъ макушку и не соблюдаютъ мусульманства; подробнѣе говорится о разбойничьей жизни получерныхъ, голыхъ жителей Ананты. Тыгрулы, или тугрулы, статны, красивы и храбры; если за обыкновеннаго раба платятъ 50 піастровъ, то за нихъ вдвое; по происхожденію они—арапы, по вѣрѣ магометане, но дружественно расположены къ армянамъ; покрой платья ихъ— какъ у османскихъ турокъ. Любопытно указаніе на *раскопки* въ Марокко: „жители умѣютъ производить раскопки и съ большимъ искусствомъ находятъ зарытые древніе клады“. Сообщаются свѣдѣнія о политическомъ положеніи и международныхъ отношеніяхъ страны, о крѣпостяхъ, гаваняхъ, войскѣ и флотѣ, порой о природѣ (безводные переходы, обиліе ручьевъ за Сынаромъ, вредная вода въ озерахъ Сынара, добываніе жемчуга въ Савакимѣ, выносливость верблюдовъ, гигантскіе крокодилы въ Нилѣ и въ Марокко; плодородіе Марокко и золотые самородки, тамъ находимые).

Порой дѣлаются библейско-историческія ссылки (царство царицы, приходившей къ Соломону, проповѣдь ап. Θаддея, потопленіе Фараона). Порой даются лингвистическія поясненія („страна Трэра, называемая *мырк*', что значитъ *царь*“; „страна Арападжъ, что значитъ *князь*“; *боль въ рукахъ и ногахъ, происходящая отъ воды* сынарскихъ озеръ, называется *франдидъ;* крокодиловъ „называютъ *тымсах*'“).

Отъ Донголы въ четырехъ дняхъ пути вверхъ по Нилу лежитъ царство Горди, гдѣ жители христіане и гдѣ много красивыхъ церквей. Передъ Фецомъ, какъ „говорятъ иные“, есть будто царство евреевъ съ 20,000 войска. Къ югу отъ Марокко начинается „Невѣдомая земля“, лежащая на экваторѣ, о которой ходятъ диковинные слухи (люди

безъ ногъ — безъ рукъ, катятся какъ бурдюки; драконы, которые могутъ проглотить верблюда съ ношей).

У сочиненія такое послѣсловіе:

„Вотъ описалъ я вкратцѣ земли, которыя видѣлъ и обходилъ самъ и представилъ здѣсь въ качествѣ очерка землевѣдѣнія. Кто увидитъ сей трудъ и прочтетъ его или спишетъ, пусть не забудетъ о моемъ трудѣ и не пожалѣетъ произнести: „Помилуй, Господи, смиреннаго чтеца изъ города Тигранакерта, Аветика, измѣрившаго названныя земли вмѣстѣ съ архимандритомъ Аствацатуромъ, по прозванію Тымбукъ, изъ города Харберда. Помяните меня и его за то, что въ этомъ трудѣ мы оставили міру память о себѣ“.

---

5 октября состоялось засѣданіе **церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи**, на которомъ членомъ общества Н. И. Петровымъ прочитанъ былъ рефератъ „Изъ исторіи кіевскаго Владимірскаго собора“. Исторію этого собора референтъ раздѣлилъ на два періода: періодъ постройки самаго храма и періодъ внутренняго украшенія его. Второй періодъ распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый обнимаетъ выработку церковно-археологическимъ обществомъ проектовъ внутренняго украшенія собора, а второй — производство работъ по внутреннему устройству и украшенію сего собора подъ руководствомъ профессора А. В. Прахова. Референтъ изложилъ только первый отдѣлъ этого періода на основаніи офиціальныхъ данныхъ архива церковно-археологическаго общества.

Вопросъ о внутреннемъ устройствѣ кіевскаго Владимірскаго собора возбужденъ былъ въ церковно-археологическомъ обществѣ членомъ его, покойнымъ профессоромъ И. И. Малышевскимъ, въ засѣданіи общества 12 апрѣля 1882 г., а въ засѣданіи 19 мая того же года заслушана была и подробная записка профессора Малышевскаго по сему предмету. Кіевскій митрополитъ Платонъ, присутствовавшій на этомъ засѣданіи, препроводилъ копію записки къ оберъ-прокурору св. синода съ просьбой дать ей движеніе, вслѣдствіе чего министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, сдѣлалъ распоряженіе о выдѣленіи изъ общаго предположенія мѣстнаго губернскаго начальства составленныхъ уже проектовъ и смѣтъ на устройство 5-ти иконостасовъ, на внутреннюю окраску собора и на устройство рѣшетокъ на клиросахъ и на хорахъ, съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ ихъ составлены были новые проекты и смѣты по указаніямъ церковно-археологическаго общества, расходъ на выполненіе которыхъ не превышалъ бы 69,091 руб. Для выработки новыхъ проектовъ и смѣтъ церковно-археологическое общество составило коммиссію изъ 8 лицъ, въ числѣ коихъ является и профессоръ Праховъ, занимавшійся тогда въ Кіевѣ возстановленіемъ древнихъ фресокъ въ кіевской Кирилловской церкви. Онъ постепенно изъ рядового члена коммиссіи становится и предпринимателемъ по выполненію проектовъ. Профессоръ Праховъ принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ проекта объ устройствѣ иконостасовъ и сѣни надъ престоломъ Владимірскаго собора; но такъ какъ превышалъ данныя ему коммиссіею и обществомъ полномочія, проектировалъ неравномѣрное во всѣхъ частяхъ украшеніе собора и, отвлекаемый другими своими занятіями, тормозилъ своими проволочками спѣшное дѣло, то церковно-археологическое общество поручило составить новый проектъ, общій чертежъ иконостасовъ и киворія и смѣты по внутреннему украшенію собора архитектору В. Н. Николаеву, давъ ему необходимыя указанія. Проектъ архитектора Николаева былъ принятъ церковно-археологическимъ обществомъ и представленъ высшему начальству, съ приложеніемъ и проекта г. Прахова. Въ С.-Петербургѣ г. Праховъ принесъ г. оберъ-прокурору св. синода жалобу на дѣйствія церковно-археологическаго общества, вслѣдствіе чего оба представленные проекта препровождены были на разсмотрѣніе и заключеніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Послѣднее, не стѣсняясь первоначальною смѣтою въ 69,091 руб. на внутреннее украшеніе Владимірскаго собора,

отдало предпочтеніе болѣе дорогому проекту г. Прахова, рекомендовавъ распространить его и на тѣ части собора, которыя, по первоначальнымъ проектамъ, оставались бы, по недостатку смѣтныхъ средствъ, безъ украшенія. Объ этомъ дано было знать кіевскому митрополиту указомъ св. Синода отъ 19 апрѣля 1884 года. Послѣ этого церковно-археологическое общество уже не принимало участія въ дѣлѣ внутренняго украшенія кіевскаго Владимірскаго собора.

Въ заключеніе референтъ отдалъ справедливость г. Прахову за то, что онъ сумѣлъ выхлопотать богатыя денежныя средства (около 400,000 р.) на внутреннее устройство и украшеніе кіевскаго Владимірскаго собора и пригласилъ для росписи собора такого выдающагося художника, какимъ безспорно является художникъ Васнецовъ. Но, по предположенію референта, постановка дѣла внутренняго устройства и украшенія Владимірскаго собора была бы еще лучше, если бы главнымъ руководителемъ его былъ не г. Праховъ, а другой болѣе его компетентный спеціалистъ. Предположеніе это подтверждается результатами работъ г. Прахова. Извѣстна уже исторія съ киворіемъ (сѣнью надъ престоломъ), который пришлось убрать изъ алтаря Владимірскаго собора и безцѣльно загромоздить имъ половину притвора храма. А въ послѣднее время поговариваютъ и даже пишутъ и о другихъ недостаткахъ въ выполненіи г. Праховымъ своего проекта, о которыхъ можетъ быть,—прибавилъ референтъ—намъ придется поговорить въ другой разъ.

Кстати замѣтимъ, что профессоръ Петровъ предъявилъ собранію общества новое, прекрасно иллюстрированное изданіе С. В. Кульженко „Соборъ св. князя Владиміра въ Кіевѣ", стоющее, однако, недешево (10 р.). Оно заключаетъ въ себѣ исторію Владимірскаго собора и описаніе его украшеній и снабжено 105-ю иллюстраціями въ текстѣ и 42-мя иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. По этимъ иллюстраціямъ можно детальнымъ образомъ изучать иконы, стѣнописи и украшенія собора даже и тѣмъ лицамъ, которыя не имѣли возможности видѣть самый соборъ („Кіевское Слово", 11 окт. 1898 г., № 3863).

Въ Обществѣ любителей древней письменности въ Петербургѣ состоялось въ октябрѣ общее собраніе, въ которомъ, между прочимъ, было сдѣлано, какъ передаютъ газеты, сообщеніе Н. П. Кондаковымъ о „Научныхъ задачахъ археологіи русскаго искусства".

Докладчикъ показалъ, что нельзя называть искусство кіевскаго періода византійскимъ, и что оно является продуктомъ греко-восточной промышленности, центромъ которой былъ не Константинополь, а Сирія и всѣ области греко-восточнаго искусства. Доказательствомъ этого является тождество находокъ Кіева и Херсонеса.

Затѣмъ докладчикъ высказалъ свой взглядъ на такъ называемыя романскія скульптуры суздальскихъ церквей, которыхъ основные типы (скульптуры въ соборѣ Юрьева-Польскаго) имѣютъ, по его мнѣнію, источникъ не западный и никакъ не романскій, а арабо-византійскій, хотя въ предѣлахъ Дмитровскаго собора и представляютъ уже редакцію южно-европейскую. Сходство архитектурныхъ памятниковъ Владимірско-Суздальской Руси съ ломбардскими, на которое указывали изслѣдователи,—случайно, потому что ломбардское искусство само слагалось подъ вліяніемъ тѣхъ же факторовъ, какъ и владимірско-суздальское; только эти факторы были занесены другимъ путемъ. И наука поспѣшила окрестить звѣриный стиль, который даетъ, главнымъ образомъ, основаніе сближать памятники средне-вѣкового искусства съ владимірско-суздальскимъ, „романскимъ", тогда какъ несомнѣнно, что звѣриный стиль представляетъ собой начальный періодъ средне-вѣкового искусства всей южной, юго-западной и юго-восточной Европы въ періодъ сложенія европейскихъ государствъ.

Основнымъ началомъ этого искусства была старина и традиція, внесенная въ него содѣйствіемъ культуръ византійской и арабской. Звѣриные типы этого общаго

стиля образовались на Востокѣ и переданы всего живѣе, богаче и лучше въ скульптурахъ суздальскихъ, а всего художественнѣе въ памятникахъ Ломбардіи, почему и были окрещены именемъ „ломбардскаго" или „романскаго" стиля. Реальное объясненіе типовъ (единорога и другихъ фантастическихъ звѣриныхъ фигуръ) зависитъ отъ сближенія съ памятниками и оригиналами Сибири и Китая: звѣриный стиль возникъ у тюркскихъ племенъ, затѣмъ занесенъ кочевниками въ Китай и Индію въ эпоху образованія дружинныхъ государствъ въ этихъ странахъ и воспринятъ осѣдлыми культурными племенами, какъ нѣчто волшебное и сказочное. (М. В.).

Въ **Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности**, 27 ноября, состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Засѣданіе открылось заявленіемъ предсѣдателя о томъ, что Общество понесло утрату въ лицѣ скончавшагося почетнаго члена П. А. Морица. Общество почтило память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ графъ С. Д. Шереметевъ прочелъ некрологъ, въ которомъ напомнилъ о томъ, какое дѣятельное участіе въ основаніи Общества принималъ П. А. Морицъ, и какъ онъ сочувствовалъ Обществу. Первое сообщеніе: „По поводу изданія Мирославова Евангелія"—сдѣлано В. В. Стасовымъ. Мирославо Евангеліе написано въ Сербіи въ XII вѣкѣ. Въ настоящее время оно принадлежитъ сербскому королю и на его средства воспроизведено въ великолѣпномъ изданіи, благодаря которому стало возможно изученіе замѣчательнаго орнамента этого Евангелія. Отдѣльные снимки съ текста Мирославова Евангелія были впрочемъ извѣстны и ранѣе, и Ѳ. И. Буслаевъ высказалъ мнѣніе, что на орнаментѣ его замѣчается западное вліяніе. Стояновичъ, подъ редакціей котораго издано теперь Мирославово Евангеліе, ссылается на это мнѣніе и пытается подтвердить его; но съ Буслаевымъ въ данномъ случаѣ нельзя согласиться. У Буслаева, при его большомъ талантѣ, огромныхъ знаніяхъ, строгомъ научномъ методѣ, были своего рода вѣрованія (въ классическую красоту, въ византинизмъ, въ то, что на русскомъ искусствѣ не отразилось восточное вліяніе), которыя шли иногда въ разрѣзъ съ тѣмъ, къ чему приходилъ онъ путемъ научнаго изслѣдованія, и вызывали погрѣшности въ его сужденіяхъ. Буслаевъ, умѣвшій удивительно тонко изучать художественные памятники и съ замѣчательной глубиной мысли указавшій путь, какимъ должно идти изученіе орнамента, ошибся въ вопросѣ о такъ называемомъ звѣриномъ стилѣ вообще и объ орнаментѣ Мирославова Евангелія въ частности (чего не сдѣлалъ бы, конечно, если бы у него въ рукахъ было нынѣшнее полное изданіе Мирославова Евангелія). Подробно разобравъ изображенія растеній, животныхъ, людей и изображенія архитектурнаго характера въ орнаментѣ Мирославова Евангелія, докладчикъ пришелъ къ выводу, что на этомъ орнаментѣ сказывается несомнѣнно восточное и византійское вліяніе, но не западное романское, которое можно отмѣтить только въ минимальной степени. По окончаніи доклада, Н. П. Кондаковъ высказалъ пожеланіе, чтобы изслѣдованіе о русскомъ орнаментѣ было написано именно В. В. Стасовымъ. Второе сообщеніе: „Къ вопросу о происхожденіи русскаго Хронографа"—было сдѣлано А. А. Шахматовымъ. Референтъ, признавъ доказаннымъ предыдущими изслѣдователями фактъ составленія Хронографа славяниномъ не ранѣе XV вѣка, остановился на вопросѣ, гдѣ именно работалъ этотъ славянинъ, въ Россіи или южно-славянскихъ земляхъ. Отмѣтивъ, что предположеніе о южно-славянскомъ происхожденіи Хронографа основывается, главнымъ образомъ, на отсутствіи въ редакціи Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ списковъ русскихъ лѣтописныхъ статей и извѣстій, референтъ доказываетъ позднее происхожденіе указанной редакціи и умышленное устраненіе въ ней такихъ статей и извѣстій. Показавъ, что эта редакція основывается на той древней редакціи Хронографа, которая отразилась и въ Русскомъ Временникѣ, онъ заключаетъ, что въ первоначальной редакціи Хронографа, — основной для редакціи 1512 года, для редакціи Толстовскаго и сходныхъ списковъ, а также для Русскаго Временника,—уже находились рус-

скія лѣтописныя статьи и извѣстія. Сопоставивъ это съ тѣмъ, что въ основаніи Хронографа лежитъ русская редакція Еллинскаго лѣтописца, референтъ заключаетъ, что Хронографъ составленъ въ Россіи. Начитанность въ сербскихъ памятникахъ, введенныхъ въ составъ Хронографа, а также сербизмы большинства списковъ Хронографа, объясняются тѣмъ, что русскій Хронографъ составленъ сербомъ. На основаніи свидѣтельства обѣихъ редакцій Хронографа — 1512 года и Толстовскаго списка, видно, что въ основной редакціи число лѣтъ царствованія Іоанна Палеолога (вступилъ на престолъ въ 1425 г.) опредѣлено цифрою 17. Референтъ выводитъ отсюда, что Хронографъ составленъ на 18-й годъ Іоаннова царствованія (оно продолжалось всего 23 года), т.-е. въ 1442 году. Имѣя въ виду, что Пахомій Логоѳетъ уже въ 1443 г. былъ въ Россіи, референтъ предполагает, что составителемъ Хронографа былъ именно этотъ ученый сербъ. Указавъ на то, что повѣсть объ убіеніи Батыя, содержащаяся въ Хронографѣ и составленная во всякомъ случаѣ Пахоміемъ, доказываетъ его занятія русской исторіей и еще тѣснѣе связываетъ его имя съ Хронографомъ, референтъ обращаетъ вниманіе на то, что рукопись XV вѣка, содержащая почти всѣ сербскія статьи Хронографа и хранящаяся теперь въ московской духовной академіи, принадлежала нѣкогда Пахомію. Въ результатѣ референтъ заключаетъ, что Хронографъ составленъ въ 1442 году, въ Россіи, сербомъ Пахоміемъ. По окончаніи реферата А. А. Шахматова, Н. П. Кондаковъ показалъ собранію альбомъ русской археологической экспедиціи на Аѳонъ. Экспедиціи этой было поручено Императорскою академіей наукъ разслѣдованіе аѳонскихъ ризницъ. Экспедиціи посчастливилось, и участникамъ ея удалось осмотрѣть и недоступную прежнимъ изслѣдователямъ лаврскую ризницу, въ которой, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе сотни тканей XIV, XV и XVI вв. необыкновенной красоты и сохранности. Сопровождая демонстрированіе рисунковъ и снимковъ объясненіями, Н. П. Кондаковъ обратилъ вниманіе собранія: на рисунокъ древохранительницы, украшенной эмалями второй половины XI вѣка; на окладъ иконы Іоанна Богослова (скань которой тождественна со сканью шапки Мономаха и служитъ новымъ доказательствомъ византійскаго происхожденія этой шапки); на рядъ иконъ, скань которыхъ указываетъ, что окладъ иконы Владимірской Божіей Матери сдѣланъ греческими мастерами, и на много другихъ рисунковъ („Прав. Вѣстн.“, № 260).

Въ засѣданіи того же Общества 11-го декабря состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ Д. О. Кобеко. Первое сообщеніе о спискахъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“, было сдѣлано Г. З. Кунцевичемъ. Указавъ на то, что „Исторія о Казанскомъ царствѣ“, или такъ называемый „Казанскій Лѣтописецъ“, обращаетъ на себя вниманіе любителей исторіи уже въ XVIII вѣкѣ, что ею интересовался графъ Н. П. Румянцовъ, что о ней упоминаютъ и высказываютъ свои мнѣнія Карамзинъ и Соловьевъ и что археографическая коммиссія возлагала порученіе на А. Е. Викторова издать „Исторію“ (изданіе не состоялось по болѣзни А. Е. Викторова)—докладчикъ посвятилъ свой рефератъ обозрѣнію ея списковъ, число которыхъ доходитъ до 152. „Исторія“ была внесена въ „Хронографъ“ уже второй редакціи, существовало съ конца XVI в. до первой четверти нынѣшняго столѣтія, списывалась даже съ печатнаго изданія, перебывала рѣшительно между всѣми классами общества и давалась, наконецъ, вкладомъ въ монастыри и церкви. Изъ списковъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ референтомъ обращено особое вниманіе на списокъ В. М. Ундольскаго, какъ старѣйшій (конца XVI в.), и на лицевой списокъ московской духовной академіи. П. А. Сырку было указано, что въ разныхъ мѣстахъ за границей, сверхъ отмѣченныхъ въ различныхъ описаніяхъ, имѣется еще пять списковъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“. Второе сообщеніе о служебникѣ XIII—XIV вв. библіотеки ярославскаго архіерейскаго дома было сдѣлано А. С. Раевскимъ. Непосредственное ознакомленіе съ пергаменными рукописями библіотеки ярославскаго архіерейскаго дома приводитъ къ убѣжденію, что число памятниковъ рус-

скаго языка старше XV в. хранящихся тамъ, должно считаться большимъ, чѣмъ считалось до сихъ поръ. Причина неточности въ опредѣленіи ихъ числа заключалась въ неполнотѣ печатныхъ описаній книгъ этой библіотеки. На дѣлѣ оказывается, что, сверхъ рукописей, отнесенныхъ въ печатныхъ описаніяхъ ко времени до XV в., еще 6 рукописей не противорѣчатъ XIV в. Въ особенности же интересенъ служебникъ, будто бы 1561 года, но въ дѣйствительности относящійся къ XIII—XIV вв. (данныя письма, языка и орнамента приводятъ къ убѣжденію, что служебникъ этотъ писанъ въ Ростовско-Суздальской области, ранѣе появленія въ ней исправленныхъ въ Болгаріи богослужебныхъ книгъ). Далѣе С. О. Долговъ прочелъ рефератъ о найденныхъ имъ новыхъ документахъ, относящихся ко второму собору (1490 г.) противъ еретиковъ жидовствующихъ. Документы эти: 1) поученіе митрополита Зосима и всего собора православнымъ христіанамъ, заключающее, между прочимъ, исторію собора (до сихъ поръ была извѣстна только $^1/_3$ этого поученія); 2) самый приговоръ собора, объявленный еретикамъ. Напомнивъ въ общихъ чертахъ исторію ереси, докладчикъ указалъ на то, что новаго вноситъ въ наши свѣдѣнія о ереси найденные имъ документы. Графъ П. С. Шереметевъ предложилъ вниманію общества атласъ де-Вита съ надписью, сдѣланною Никитою Зотовымъ и позволяющею предполагать, что по этому атласу учился Петръ Великій. („Пр. В.“, № 272).

Въ засѣданіи **Харьковскаго Историко-филологическаго Общества**, 9 октября, проф. *Д. И. Багалѣй* сдѣлалъ сообщеніе „объ новооткрытомъ литературномъ произведеніи начала XIX вѣка“. Это произведеніе, озаглавленное „Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ“, помѣщено въ рукописи, принадлежащей члену харьковской земской управы г. Кочетову, къ сожалѣнію, дошедшей лишь въ отрывкѣ.

Въ повѣсти выведены Екатерина Великая, дѣятели ея времени и Павла I-го. Авторъ—сторонникъ дѣятельности императрицы и противникъ дѣятельности Павла I, для характеристики которой въ его произведеніи богатый матеріалъ. Во французской литературѣ есть нѣсколько произведеній подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ которыми необходимо сравнить новооткрытое произведеніе. Судя по даннымъ, приводимымъ у Бильбасова относительно этихъ произведеній, Д. И. Багалѣй полагаетъ, что это произведеніе—не переводное, а оригинальное и, если ближайшее изслѣдованіе подтвердитъ это предположеніе, то оно явится цѣннымъ въ исторической литературѣ.

Въ томъ же засѣданіи выбраны были предсѣдателемъ общества проф. Н. Ѳ. Сумцовъ и секретаремъ Е. К. Рѣдинъ и въ новые члены гг. Зѣлинскій и Кемарскій; постановлено также принять участіе въ юбилеѣ—столѣтнемъ—малорусской литературы, устраиваемомъ товариществомъ имени Шевченко въ Львовѣ—посылкой привѣтствія товариществу, и послать таковое же привѣтствіе въ Полтаву ко дню открытія памятника Котляревскому.

Рѣшено также собрать среди членовъ общества и педагогическаго отдѣла—по просьбѣ лужицкихъ сербовъ—пожертвованія на постройку „народнаго дома“ („Х. В.“, № 260, 1898 г.).

Въ засѣданіи **того же общества** 3 декабря проф. *М. С. Дриновъ* сдѣлалъ докладъ „Объ одной румынской надписи на иконѣ Богоматери, находящейся въ церкви села Рогани (Харьковской губерніи)“. Надпись, въ русскомъ переводѣ, гласитъ: „Точная копія съ чудотворной иконы Пресвятой Божіей Матери, которая обрѣтается во святомъ монастырѣ, именуемомъ Нямецкимъ, въ землѣ Молдавской, и прислана благочестивымъ императоромъ царьградскимъ Андроникомъ Палеологомъ Александру воеводѣ, господарю земли Молдавской въ лѣто 6907 (=1401).

Нямецкій монастырь, лежащій въ сѣверозападной прикарпатской части Молдавіи, одинъ изъ знаменитѣйшихъ молдавскихъ монастырей. Находящаяся въ немъ чудотвор-

ная икона Божіей Матери всегда служила предметомъ благоговѣйнѣйшаго почитанія не только въ Румыніи, но и въ сосѣднихъ съ нею православныхъ странахъ. Часть иноковъ Нямецкой лавры около половины нынѣшняго вѣка выселилась въ русскую Бессарабію и основала тамъ *Ново-Нямецкій* монастырь, стараніями котораго неоднократно издавались въ Россіи, на особыхъ листахъ, литографированныя изображенія *Божіей матери Нямецкой*. Два изъ этихъ изданій (1862 и 1889 г.) снабжены надписями, отчасти сходными съ роганьскою надписью, отчасти же разнящимися отъ нея. Разница заключается главнымъ образомъ въ обозначеніи имени византійскаго императора, который въ указанныхъ изданіяхъ названъ, совершенно правильно, Іоанномъ, въ роганьской же надписи — Андроникомъ. Этотъ анахронизмъ, по мнѣнію проф. Дринова, весьма характеренъ, такъ какъ онъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ довольно старыхъ румынскихъ памятникахъ и можетъ служить однимъ изъ доказательствъ того, что Роганьская копія съ чудотворной нямецкой иконы сдѣлана не позднѣе XVII вѣка. По всей вѣроятности, она привезена въ Россію или извѣстнымъ молдавскимъ господаремъ Димитріемъ Кантемиромъ или же кѣмъ нибудь изъ выселившихся вмѣстѣ съ нимъ сюда румынскихъ бояръ. Какъ извѣстно, пожалованныя Петромъ I Кантемиру имѣнія находились въ нынѣшней Харьковской губерніи и въ числѣ ихъ также Рогань.

Въ своемъ докладѣ проф. М. С. Дриновъ останавливался и на исторіи Нямецкой лавры, которая не только играла важную роль въ исторіи славянскаго просвѣщенія въ Молдавіи, но и была долгое время однимъ изъ главныхъ центровъ и этаповъ духовнаго и литературнаго общенія между южнымъ славянствомъ и Россіею.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* прочелъ докладъ „О времени мозаикъ купола св. Софіи Солунской". Указавъ на то богатство памятниковъ византійскаго искусства, которыми обладаетъ Солунь (древняя Өессалоника), и на то печальное состояніе, въ которомъ они находятся, докладчикъ остановился на изложеніи печальной судьбы одной изъ замѣчательныхъ святынь и драгоцѣннаго памятника искусствъ—св. Софіи, бывшей соборной церкви Солуни, щадившейся даже завоевателями и обращенной въ мечеть въ 1589 г. Какъ извѣстно, мечеть эта послѣ пожара въ 1890 г. пришла въ совершенно запущенный видъ, но она сдѣлалась доступнѣе изслѣдованію. Сохраняющіяся въ куполѣ мозаики, представляющія изображеніе Вознесенія Христа, сильно поврежденныя турками, перемазанныя, полуприкрытыя, были до послѣдняго времени извѣстны главнымъ образомъ по хромолитографированнымъ таблицамъ Тексье и Пюллана, которыя не передаютъ оригинала, искажаютъ его стиль. Докладчикъ, на основаніи наблюденій надъ мозаиками на мѣстѣ, на основаніи сравнительнаго изученія ихъ съ другими византійскими памятниками, высказываетъ предположеніе, что онѣ относятся не къ VI вѣку, а къ болѣе позднему времени, къ эпохѣ вторичнаго процвѣтанія византійскаго искусства.

Е. М. Ивановъ сообщилъ о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ обществу *В. Соловьевымъ* (грамоты, указы 1681 г., 1709 г., 1723 г., 1762 г.; книга Правикова „Памятникъ изъ законовъ"—1813 г.), *М. М. Плохинскимъ*—свитокъ съ изображеніемъ похоронной процессіи Елисаветы Алексѣевны.

Недавно въ г. Владимірѣ-Губернскомъ состоялось открытіе **Владимірской губернской архивной Коммиссіи.** Первое засѣданіе было устроено непремѣннымъ попечителемъ коммиссіи—владимірскимъ губернаторомъ генералъ-лейтенантомъ П. М. Цеймерномъ, который открылъ засѣданіе сообщеніемъ о разрѣшеніи на открытіе во Владимірѣ этой Коммиссіи, предоставивъ затѣмъ слово А. В. Селиванову, пожелавшему выяснить задачи и средства вновь открываемаго учрежденія.

Изъ рѣчи послѣдняго выяснилось, что Владимірская Коммиссія не ограничится только разборомъ и описаніемъ актовъ и старыхъ дѣлъ въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ правительственныхъ учрежденій, но будетъ заботиться и о собира-

нія памятниковъ древности въ музей, имѣющій быть учрежденнымъ при Коммиссіи, объ описаніи этихъ памятниковъ и о сохраненіи ихъ отъ гибели и искаженія.

Затѣмъ было приступлено къ выбору должностныхъ лицъ: большинствомъ голосовъ были избраны: предсѣдателемъ кн. Н. П. Урусовъ, товарищемъ его А. В. Селивановъ, правителемъ дѣлъ В. Т. Георгіевскій, библіотекаремъ и хранителемъ музея А. В. Смирновъ и казначеемъ Н. А. Маклаковъ.

Въ заключеніе А. В. Селивановъ передалъ и первое пожертвованіе для будущаго музея отъ Покровскаго уѣзднаго предводителя дворянства М. К. Поливанова — рукописную пропись-азбуку конца XVII — нач. XVIII в., чернильницу московскихъ подъячихъ XVII в. и три фототипическихъ снимка съ древнихъ фамильныхъ жалованныхъ грамотъ.

---

28 ноября состоялось, послѣ долгаго перерыва, засѣданіе **оренбургской ученой архивной Коммиссіи** въ собственномъ помѣщенія. Было доложено, между прочимъ, что начальникъ артиллерійскаго историческаго музея въ С.-Петербургѣ предложилъ коммиссіи передать музею два орудія царствованія императрицы Анны Іоанновны (1730—40), а взамѣнъ предлагаетъ одно орудіе, вылитое сообщниками Пугачева и до поступленія въ артиллерійскій музей находившееся въ Ижовскомъ оружейномъ заводѣ. Это небольшая мѣдная пушка съ вензелемъ или иниціаломъ П, въ срединѣ котораго помѣщено изображеніе знамени. Пушка помѣщается на грубо сдѣланномъ и окованномъ станкѣ. Экземпляръ крайне рѣдкій, ибо такихъ болѣе неизвѣстно нигдѣ.

Въ виду интереса для мѣстнаго музея вышеописанной пушки, постановлено вступить въ предлагаемый обмѣнъ.

П. С. Назаровъ, живущій въ Орскѣ, изъявилъ желаніе производить за свой счетъ раскопки кургановъ съ цѣлью изученія памятниковъ скиѳскаго курганнаго періода въ Оренбургской губерніи и Тургайской области. Коммиссія съ большою благодарностью приняла предложеніе г. Назарова и исхлопотала ему открытый листъ на право производства раскопокъ въ указанныхъ мѣстностяхъ.

Заслушано было письмо дѣйствительнаго члена коммиссіи, Д. Н. Соколова, съ описаніемъ камня, находящагося на лѣвомъ берегу р. Илека, въ предѣлахъ Тузъ-Тюбинской волости, Актюбинскаго уѣзда, и имѣющаго *надпись арабскимъ шрифтомъ, выпуклыми буквами*. При этомъ Н. О. Мышковскій выразилъ готовность при поѣздкѣ въ Илецкую Защиту (вѣроятно, въ январѣ 1899 года) сдѣлать для коммиссіи фотографическіе снимки съ предметовъ старины, которые онъ найдетъ въ окрестностяхъ города. Въ 1899 г. исполняется сто лѣтъ со времени учрежденія Оренбургской епархіи, а потому и предложено было къ слѣдующему засѣданію обсудить вопросъ, какое участіе можетъ принять коммиссія въ празднованіи предстоящаго юбилея (Оренб. газ., № 530).

Въ засѣданіи **Антропологическаго Общества при Императорской военно-медицинской академіи**, 23-го ноября, прозекторъ академіи по каѳедрѣ анатоміи и приватъ-доцентъ И. Э. Шавловскій, сдѣлалъ сообщеніе о муміяхъ, находимыхъ въ Африкѣ и Америкѣ, и о способахъ, которые практиковались въ древнѣйшія времена для бальзамированія труповъ и приготовленія изъ нихъ мумій. При этомъ докладчикомъ была представлена присутствовавшимъ въ засѣданіи только что поступившая въ даръ Антропологическому Обществу отъ свѣтлѣйшей княгини Волконской мумія временъ 22-й династіи и изготовленный изъ нея въ академіи скелетъ (только конечностей), при чемъ оказалось, что одинъ изъ пальцевъ ноги имѣлъ раздвоеніе. Случай этотъ является новымъ примѣромъ полидактиліи, существовавшей и въ древнѣйшія времена („Русск. Инв.“).

VIII.

Библіографія.

Искусство и Художественная Промышленность, ежемѣсячное иллюстрированное изданіе Императорскаго Общества Поощренія Художествъ, подъ редакціей Н. П. Собко №№ 1—3.

Конецъ 1898 года ознаменовался почти одновременнымъ появленіемъ двухъ художественныхъ журналовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ, съ вышеописаннымъ заглавіемъ, долженъ имѣть и немаловажное научное значеніе. За это ручаются превосходныя издательскія средства, весьма почтенное имя редактора (составителя „Словаря русскихъ художниковъ") и основная идея изданія, выраженная въ руководящей статьѣ такими словами: „Редакція новаго журнала ставитъ себѣ цѣлью: распространеніе въ массѣ публики возможно точныхъ и вѣрныхъ понятій и знаній по художественной части какъ *прежняго*, такъ и нынѣшняго времени; знакомство ея со всякими новыми идеями и принципами въ той же области; борьбу какъ съ старою рутиной, такъ и съ новѣйшими вредными направленіями въ той или другой области искусствъ у насъ и за границей; наконецъ, развитіе въ обществѣ идеи о *народности* въ художествѣ и промышленности, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова". Хотя здѣсь нѣтъ ни слова объ исторіи искусства, а немного ниже редакція прямо заявляетъ, что „не намѣрена придавать своему матеріалу *строго-научной формы*", но общедоступность *формы* никогда и нигдѣ не исключала полной научности *содержанія*; а „точныя и вѣрныя понятія и знанія по художественной части прежняго времени" есть, конечно, нечто иное, какъ исторія искусства и неразрывно съ нею связанная археологія; наконецъ, „развитіе идеи о народности въ художественности и промышленности" немыслимо безъ изученія прошлаго этой народности, *старины* ея.

Эти научныя задачи, такъ прикровенно выраженныя въ программѣ (очевидно, чтобы не распугать „большой" публики, которая, можетъ быть, не безосновательно, считается у насъ въ извѣстныхъ областяхъ столь же мало расположенной въ научности, какъ бѣсъ къ запаху ладона), гораздо яснѣе выражаются самымъ содержаніемъ лежащихъ передъ нами нумеровъ. Прежде нежели мы заглянемъ даже въ оглавленіе, насъ пріятно поразятъ изящныя заставки изъ старыхъ русскихъ и славянскихъ рукописей, удачно выбранныя и съ научною точностью воспроизведенныя, подъ которыми всякій разъ отмѣчено, изъ какой именно рукописи (какого времени и гдѣ находящейся) взята приводимая заставка. Уже одни эти орнаменты изданія представляютъ интересъ не только историческій, но и палеографическій, а робкую „большую" публику они какъ будто конфеткой искусно заманиваютъ къ изученію

родной старины и народности. Обращаясь къ оглавленію, мы прежде всего встрѣчаемся съ большою вполнѣ научною статьею самого редактора о русскихъ художественныхъ журналахъ съ 1807 по 1897 г., представляющей чрезвычайно цѣнную страницу изъ исторіи русской литературы XIX вѣка, сущность которой должна войти во всякій большой учебникъ словесности. Далѣе въ спискѣ авторовъ мы чаще всего встрѣчаемся съ всѣмъ извѣстнымъ именемъ Вл. Вас. Стасова, который въ продолженіе чуть не полустолѣтія представляетъ очень отрадный и у насъ крайне рѣдкій (чтобы не сказать *единственный*) образецъ соединенія общедоступности и почти фельетонной живости изложенія съ огромною и чрезвычайною разнообразно эрудиціей. Въ № 3 мы находимъ очень интересную и дѣльную лекцію Н. К. Рериха: „Искусство и археологія", а въ спискѣ статей, обѣщанныхъ редакціи для послѣдующихъ выпусковъ,—работы В. И. Сизова, проф. П. П. Кондакова, Е. К. Рѣдина, Д. В. Айналова и другихъ старыхъ и молодыхъ ученыхъ, которые по самой натурѣ своей не могутъ писать статей, не имѣющихъ научной цѣнности. Даже самыя корреспонденціи изъ университетскихъ городовъ принадлежатъ людямъ съ хорошею научною подготовкой.

Отъ всей души привѣтствуемъ новое изданіе и желаемъ ему полнаго успѣха, а прежде всего обширнаго распространенія по нашимъ среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ. *А. К.*

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Выпускъ четвертый. (Москва, Новгородъ и путь отъ Москвы до Днѣстра).

Выбрался, наконецъ, послѣ многихъ приключеній и неожиданнаго возвращенія въ Москву уже съ дороги, изъ Болхова, наивный и экспансивный сирійскій арабъ изъ „благословенной" Московіи и возрадовался духомъ и плотью: въ странѣ „казаковъ" онъ чувствуетъ себя почти дома, и люди здѣсь „въ родѣ насъ самихъ", а въ благочестивой землѣ царской „замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ" (sic) и „умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ той странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько-нибудь свободнымъ или довольнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей, но всякій подобно намъ, хотя бы онъ сдѣлался властителемъ всей страны, никогда не перестанетъ смущаться духомъ и тревожиться сердцемъ" (стр. 185). Превосходное указаніе на коренное различіе сѣвернаго и южнаго типовъ!

Въ настоящемъ 4-мъ выпускѣ мы находимъ много интереснаго для археологіи Москвы (стр. 3 — о Московскихъ рядахъ, стр. 6 — о Никольскихъ воротахъ и образахъ на нихъ, стр. 10—о храненіи частнаго имущества въ каменныхъ церквахъ, стр. 11—о стрѣлецкой стражѣ въ Кремлѣ, стр. 105—о Крестовой палатѣ и дворцѣ патріаршемъ и т. д.) и массу достовѣрныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній о московскихъ и подмосковныхъ монастыряхъ, куда ѣздилъ служить антіохійскій патріархъ ради угожденія царю и Никону

и, конечно, не безъ выгоды для себя и своей свиты. Здѣсь же находится довольно обстоятельное описаніе Троицкаго монастыря (стр. 23—38) и нѣсколькихъ монастырей по пути къ Новгороду, куда антіохійскіе гости совершили продолжительный визитъ (стр. 58 и слѣд.); подробно описаны и главныя святыни Новгорода (о Корсунскихъ вратахъ см. стр. 70), но не безъ промаховъ, которые, впрочемъ, тоже не всегда лишены поучительности; такъ, напр., на стр. 71 авторъ увѣряетъ, будто въ синаксарѣ св. Никиты, митроп. Новгородскаго, повѣствуется, какъ святой закрестилъ въ кувшинѣ дьявола и выпустилъ его только послѣ того, какъ тотъ свозилъ его на себѣ къ службѣ въ Іерусалимъ и въ ту же ночь доставилъ обратно. Извѣстно, что въ житіи св. Никиты, митрополита Новгородскаго, ничего подобнаго нѣтъ, а дѣяніе это приписывается св. Іоанну Новгородскому (см. Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, стр. 247 и слѣд.). Можетъ быть, здѣсь порча въ рукоп. (см. въ примѣчаніяхъ почтеннаго переводчика указаніе на ошибку въ описаніи). а можетъ быть, здѣсь повліяла извѣстная иконописная легенда о борьбѣ *мученика* Никиты съ дьяволомъ. Для исторіи московской иконописи важны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ на стр. 43—44, а также и на стр. 95 (относительно Иверской иконы). Изъ данныхъ историческихъ любопытенъ, очевидно, достовѣрный разсказъ о введеніи греческихъ высокихъ клобуковъ въ книгѣ XI, гл. XV (стр. 107 и слѣд.); интересны свѣдѣнія объ Иринѣ Михайловнѣ (стр. 15), о вспыльчивости царя Алексѣя (стр. 126), объ отношеніяхъ царя къ Никону (стр. 129 и стр. 169); мечты Алексѣя объ освобожденіи Царьграда изъ подъ власти турокъ (стр. 158, 170—1). Не лишено археологическаго значенія (какъ подтвержденіе извѣстныхъ фактовъ) описаніе царской одежды (стр. 113), указаніе на патріаршихъ пѣвчихъ „изъ дѣтей казаковъ" (стр. 111) и многое другое. Авторъ еще разъ пересказываетъ до крайности *сокращенную* русскую исторію, по которой князь Владиміръ, мужъ греческой царевны, оказывается и побѣдителемъ татаръ и строителемъ Владиміра и самой Москвы (стр. 47). Интересенъ, несмотря на всю свою нелѣпость, разсказъ объ апостолѣ Андреѣ въ языческомъ Новгородѣ, представляющій, повидимому, сліяніе южно-русскаго лѣтописнаго сказанія съ плохимъ каламбуромъ какого-то греческаго книжника относительно имени Ῥῶς.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать послѣдняго выпуска и при немъ указателя ко всему путешествію. *А. К.*

Савваитовъ Павелъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. СПБ. 1896 г.

Ко дню своего пятидесятилѣтняго юбилея, 15 декабря 1896 г., Императорское Русское Археологическое Общество выпустило рядъ изданій по археологіи, и въ числѣ ихъ переиздало вновь трудъ покойнаго П. Савваитова, заглавіе коего приведено выше. Впервые „Описаніе" это появилось въ 1865 году, въ XI т. Записокъ того же Общества и, представленное на

Уваровскую премію, получило таковую по отзыву И. И. Срезневскаго. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 30 лѣтъ, авторъ не переставалъ работать надъ „Описаніемъ“, исправляя его согласно замѣчаніямъ Срезневскаго и дополняя новыми данными, но смерть помѣшала ему довести самому до конца свой трудъ; въ виду же его значенія для русской археологіи Русское Археологическое Общество признало полезнымъ выпустить его, хотя бы и не въ вполнѣ обработанномъ видѣ, за что нельзя не принести ему глубокой благодарности. Къ сожалѣнію, отзывовъ объ этомъ интереснѣйшемъ трудѣ появилось очень мало, и это обстоятельство и побудило насъ, хотя и поздно нѣсколько, дать замѣтку о немъ на страницахъ „Археолог. Извѣст. и Замѣт.“, тѣмъ болѣе, что для Московскаго Археологическаго Общества, давно уже собирающаго матеріалы для Русскаго Археологическаго Словаря, трудъ П. Савваитова имѣетъ особенно важное значеніе.

Всего г. Савваитовымъ объяснено свыше 550 словъ, что, несомнѣнно, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ археологическую науку. Кромѣ того, описаніе сопровождается 14 таблицами, на которыхъ изображено 123 предмета. Очень желательно было бы, чтобы трудъ этотъ вызвалъ достойныхъ подражателей, а также необходимыя дополненія, пополненія и поправки. Со своей стороны мы можемъ при бѣгломъ просмотрѣ „Описанія“, предложить лишь немного поправокъ и дополненій. Такъ „*варежки*“ (рукавицы) назывались еще „*варегами*“ — „куплено семнадцать гнѣздъ *варег* дано семнатцать алтынъ [1])“. „*Гнѣздо*“, какъ видно изъ предыдущаго, означало не только „металлическую ямочку, въ которую вставляется драгоцѣнный камень...“, но, повидимому означало и „пару“, т.-е. двѣ штуки, подобно тому, какъ это говорится теперь о птицахъ—*гнѣздо куръ*, т.-е. пѣтухъ и курица и т. п. Кромѣ „*кормазина*“ былъ и „полу-кармазинъ [2])“, что подтверждаетъ предположеніе Савваитова, что *карм.* означалъ не только цвѣтъ, но и качество сукна; „*нагалище*“ (*лагалище*, *влагалище*) обозначало не только „ящикъ или футляръ“, но употреблялось и въ значеніи „*чехолъ*“ при описаніи оружія — „карабинъ съ кожанымъ *нагалищемъ*“, „карабинъ короткій въ черномъ кожанномъ *полунагалищѣ*“ и др. *Фляга*, *фляжка*—у Савваитова „носилось на перевязи во время пути, при конскомъ нарядѣ, сверхъ чюгъ“. *Фл.* употреблялась не только въ одномъ значеніи. Въ указанномъ изданіи П. Щукина мы читаемъ [3]) „куплено пят *фляжек* глиненые мурамленые а в них отпускат к великому государю в приказ тайных дѣл святая вода и умовенная...“, „куплены пят *фляжек* глиненые ж мурамленые зелѣные для святые ж воды въ оддачю приѣзжим молебщиком...“. Размѣры журнала не позволяютъ привести другихъ поправокъ и дополненій, и мы въ заключеніе лишь отмѣтимъ, что и въ той области, которую охватываетъ „Описаніе“ при томъ же бѣгломъ просмотрѣ, многаго еще не достаетъ. Напр., нѣтъ словъ: *Вѣка* или *вѣко*—

[1]) П. Щукинъ. Сборникъ старин. бум., ч. I., стр. 57.

[2]) Ibid. 56.

[3]) Стр. 65.

овальное блюдо съ ручками; *крошня* или *крашня*—миса для крошева, окрошки и т. п.; *шандань* или *шендань*—подсвѣчникъ; *кровля*—крышка у кубка; *кругъ*—глобусъ (какъ украшеніе на столъ); *тореля*—тарелка; *воронокъ*—небольшой кувшинчикъ съ крышкой; *пузо*—выпуклость на серебряномъ сосудѣ; *пукля*—дутый шарикъ въ украшеніяхъ сосуда; холстъ *алненный*, х. *хрещь* и др. Отмѣтимъ, наконецъ, то трудно согласиться съ опредѣленіемъ П. Савваитова слова *шелепуга*—„(отъ шлепать = хлопать, бить) — бичъ, плеть, кистень"? Какъ ссылка, приведенъ отрывокъ изъ Сборника Кирши Данилова изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ... „взялъ *шелепугу* дорожную, которая была въ пятьдесятъ пудъ"... Слово *шелепуга* употребляется почти всегда въ былинахъ при описаніи каликъ и каждый разъ она вѣситъ десятки пудовъ. Странно было бы видѣть каликъ съ плетью или бичемъ; скорѣй всего тутъ надо предполагать дубину, клюку или ослопъ, которымъ иногда и замѣняется *шел.* въ былинахъ. Во всякомъ случаѣ, нужно быть очень благодарнымъ Русскому Археологическому Обществу за переизданіе почтеннаго и полезнаго труда П. Савваитова. *В. К. Т.*

Passio Andreae, ex actis Andreae, martyria Andreae, Acta Andreae et Matthiae, Acta Petri et Andreae, Passio Bartholomaei, Acta Ioannis, Martyrium Matthaei, ed. Max. Bonnet. Lipsiae. MDCCCXCVIII.

Эта книга составляетъ первый выпускъ 2-го тома новаго, послѣ Тишендорфскаго изданія апокрифическихъ дѣяній апостоловъ, предпринятаго нѣмецкимъ ученымъ Липсіусомъ и французскимъ профессоромъ Бонне (первый томъ вышелъ еще въ 1891 г., подъ редакціей Липсіуса; второй выпускъ 2-го тома будетъ заключать въ себѣ дѣянія Филиппа и Ѳомы и въ видѣ приложенія дѣянія Варнавы). Часть работы, доставшаяся на долю Максимиліана Бонне, оказалась еще болѣе трудною: приходилось слово за словомъ сличать массу рукописей, сильно расходящихся, и *возстановлять* текстъ часто отъ начала до конца. Въ результатѣ этого тяжелаго и мѣшкотнаго труда получилъ два открытія, одно частное, а другое общаго характера: издателю, во-1-хъ, удалось различить 2 греческія редакціи страстей ап. Андрея, смѣшанныя у Тишендорфа, и, во-2-хъ, доказать, что страсти Андрея и страсти Варѳоломея переведены на греческій языкъ съ латинскаго.

Напомнимъ нашимъ читателямъ, что четыре года назадъ (Древности, томъ XV, 1894 г.) молодой русскій ученый М. Н. Сперанскій напечаталъ очень интересную работу подъ заглавіемъ: „Апокрифическія дѣянія апостола Андрея въ славяно-русскихъ спискахъ", въ которой онъ, изложивъ въ общихъ чертахъ значеніе вопроса объ апокрифическихъ дѣяніяхъ апостоловъ, подвергъ критическому разсмотрѣнію текстъ одного изъ такихъ дѣяній, именно того, который въ новомъ изданіи Бонне помѣщенъ на стр. 65—116 подъ названіемъ: *Πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθείας εἰς τὴν πόλιν τῶν ἀνθρωποφάγων* (Дѣянія Андрея и Матѳія въ городѣ человѣкоядцевъ) и который представляетъ въ историко-литературномъ отношеніи бóльшій интересъ, нежели

многія другія, часто весьма шаблонныя. Позволительно было надѣяться, что новый критическій греческій текстъ, хотя бы въ варіантахъ своихъ, укажетъ на тотъ сокращенный источникъ славянскаго перевода, существованіе котораго предполагалъ, повидимому, съ такими солидными основаніями, проф. Сперанскій. Но, сколько мы можемъ судить по бѣглому просмотру книги, этого не случилось: многочисленные варіанты слишкомъ незначительны, и славяно-русскій текстъ, напечатанный г. Сперанскимъ, уже по заглавію своему и первой главѣ, остается пока въ безнадежномъ одиночествѣ, и естественно возникаетъ сомнѣніе: не есть ли онъ вольный и небрежный пересказъ, который, хотя и не приноситъ большой чести литературнымъ способностямъ своего составителя, все же является совершенно особою редакціей? Въ такомъ случаѣ (да, впрочемъ, и во всякомъ другомъ) нельзя не пожалѣть, что почтенный издатель греческихъ текстовъ не зналъ о существованіи работы г. Сперанскаго: еслибъ онъ, при своихъ средствахъ, искалъ того же, о чемъ мечталъ русскій ученый, искомое, можетъ быть, и было бы найдено. Конечно, и теперь критически очищенный текстъ Бонне даетъ кое-что для дополненія работы М. Н. Сперанскаго, но, повидимому, очень немногое. *А. К.*

G. Perrone e L. Volpe Rinonapoli, Niobe, contribuzione allo studio della mitologia comparata. Milano-Palermo, Remo Sandron, 1898 (Перроне и Вольпе Ринонаполи, Ніобея, очеркъ по сравнительной мифологіи).

Какъ извѣстно, по убѣжденію Макса Мюллера, Ніобея, художественное воспроизведеніе которой играетъ такую видную роль въ классической археологіи, есть не что иное, какъ *снѣгъ*; по Коксу, та же Ніобея есть олицетвореніе *облака*. Два молодыхъ итальянскихъ профессора, авторы вышеназванной работы, очень остроумно и убѣдительно доказываютъ, что и Максъ Мюллеръ и Коксъ слишкомъ упорно держатся небесныхъ сферъ и даютъ слишкомъ большую волю своей фантазіи. Несравненно ближе къ истинѣ Преллеръ, который видитъ въ Ніобеѣ женское божество земли, оплакивающее своихъ многочисленныхъ дѣтей—богатую весеннюю растительность,— погибшихъ отъ палящихъ лучей солнца во время лѣтнихъ жаровъ. Перроне и Ринонаполи доходятъ приблизительно до того же вывода, что и Преллеръ, но они идутъ къ нему болѣе вѣрнымъ и научнымъ путемъ. Они исходятъ изъ того справедливаго убѣжденія, что нѣтъ возможности изучать миѳъ изолированнымъ, а необходимо брать его въ связи съ другими миѳами той же семьи. Далѣе въ самой разработкѣ миѳа они тщательно и методически держатся источниковъ, избѣгая всѣми мѣрами собственныхъ измышленій. Вотъ въ двухъ словахъ ихъ выводы: Ніобея, дочь Тантала, супруга Амфіона, мать прекраснаго и многочисленнаго потомства есть влажная земля, оплодотворенная весенними дождями. Аполлонъ и Артемида, убивающіе ея дѣтей стрѣлами (по другимъ, Ассаонъ, предающій ихъ огню)—палящіе лучи солнца, сжигающіе эту растительность. Девять дней несчастныя остаются безъ погребенія, т.-е. высохшія растенія валяются въ пыли. Ніобея, превращаемая въ камень, —земля, по-

терявшая всю свою влагу; гибели избѣгла одна ея дочь Хлорисъ, супруга рѣки Нелея, такъ какъ только по близости рѣкъ остается зеленая растительность (Revue critique, № 49).

Palmquist, Erich.—Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muscou gjorde observationer öfver Rysslandh etc., т.-е. „Нѣсколько замѣчаній о Россіи, о ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ, во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю“. Составлены Эрихомъ Пальмквистомъ.

Въ 1673 году было отправлено въ Москву особое шведское посольство съ цѣлью положить конецъ непріязненнымъ отношеніямъ, продолжавшимся между Швеціею и Россіей, несмотря на заключенный въ 1661 году Кардисскій миръ. Въ качествѣ военнаго агента при этомъ посольствѣ состоялъ молодой артиллерійскій капитанъ Эрихъ Пальмквистъ, уже обратившій на себя вниманіе своими познаніями, способностями и работами по укрѣпленію Риги. Своимъ пребываніемъ въ Россіи Пальмквистъ воспользовался, чтобы вести дневникъ путешествію, дѣйствіямъ посольства и, вообще, всему видѣнному и слышанному имъ. Такимъ образомъ составилось очень любопытное описаніе Россіи того времени, иллюстрированное 28 листами рисунковъ, сдѣланныхъ самимъ Пальмквистомъ. На рисункахъ представлены: виды зданій (церквей, монастырей, соляной варницы и т. д.); планы городовъ и мѣстностей, сцены наказанія батогами, кнутомъ и холодною водой, медленно капающею на бритую голову осужденнаго, крѣпко привязаннаго къ столбу; пріемъ посольства русскимъ царемъ; поѣздъ знатной боярыни и т. п. Дневникъ этотъ до нынѣшняго года былъ извѣстенъ лишь въ рукописномъ оригиналѣ [2]), хранящемся въ шведскомъ государственномъ архивѣ и, если не ошибаемся, въ единственной, также рукописной копіи, находящейся въ Моск. Глав. Архивѣ М. И. Дѣлъ. Лѣтомъ нынѣшняго года было, наконецъ, предпринято изданіе этого памятника, и на-дняхъ оно вышло въ свѣтъ. Рукопись Пальмквиста издана шведскою королевскою типографіей, факсимиле, фототипически, въ форматѣ подлинника, со всѣми рисунками и планами, но въ количествѣ лишь всего 50 экз. Въ виду историческаго значенія этого памятника крайне желательно появленіе его въ переводѣ на русскій языкъ, ибо шведскій языкъ у насъ мало распространенъ, даже между учеными, и въ бо̀льшемъ количествѣ экземпляровъ. *А. С.*

Analele Academieĭ Române. Tomulŭ XVII. Memorii le Sectiunii Istorice. Bucuresci, 1895, in 4⁰, pp. 1—200.

Первое мѣсто въ послѣднемъ томѣ „*Лѣтописей Румынской Академіи*“

---

[1]) Подробности см. о посольствѣ «Историч. Вѣстникъ», 1882 г., мартъ, статья С. Н. Шубинскаго: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.», стр. 652 слѣд.

[2]) Въ 1881 г. въ шведской газетѣ «Illustrerad Tidning» было помѣщено небольшое извлеченіе изъ дневника Пальмквиста съ приложеніемъ 4-хъ картинокъ.

отведено большому по размѣрамъ изслѣдованію *Александра Пападопулъ-Калимаха*, имѣющее отношеніе къ русской исторіи: *„Софія Палеологъ, племянница императора Константина XII Палеолога, и княжна Олена, дочь молдавскаго господаря Стефана Великаго, 1472—1509 г.“*. Изслѣдованію предшествуетъ обширное предисловіе, цѣль котораго—показать, что бракъ великаго князя московскаго Іоанна III съ Софьей Палеологъ былъ дѣломъ политики папы и слѣдствіемъ цѣлаго ряда политическихъ событій на востокѣ, на Балканскомъ полуостровѣ и отчасти на западѣ, началомъ которыхъ слѣдуетъ считать паденіе Константинополя въ 1453-мъ году и послѣдовавшія за нимъ перемѣны. Предисловіе это въ особенности цѣнно потому, что изслѣдователь привлекъ массу источниковъ, документовъ, которыми до сихъ поръ не пользовался никто изъ изслѣдователей, писавшихъ по этому вопросу, напримѣръ, итальянскими документами, изданными Румынскою Академіей. Изъ русскихъ историковъ изслѣдователь пользуется почти что исключительно Карамзинымъ. Рисуя несимпатичную фигуру честолюбивой, сильной по натурѣ, вел. кн. Софіи, А. Пападопулъ-Калимахъ съ особенною любовью и весьма подробно говоритъ о женѣ Іоанна Молодого, сына Іоанна III, дочери молдавскаго господаря Стефана Великаго *(1458—1504 г.)* Еленѣ или—въ русскихъ лѣтописяхъ—Оленѣ, съ которою наслѣдникъ московскаго престола былъ обвѣнчанъ 6-го января 1483-го года. Дочь молдавскаго господаря Стефана Великаго родилась отъ брака его съ Евдокіей, сестрой кіевскаго князя Симеона изъ рода Олельковичей въ 1463 году,—черезъ два года послѣ этого брака. Затѣмъ авторъ передаетъ, преимущественно по Карамзину, тѣ немногія свѣдѣнія о несчастномъ царевичѣ Іоаннѣ и его женѣ Еленѣ, которыя сохранились въ лѣтописи. Какъ извѣстно, въ 1484-мъ году у нихъ родился сынъ Димитрій, котораго дѣдъ Іоаннъ III, послѣ смерти сына своего, назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Здѣсь на сцену выступаетъ честолюбіе Софьи, которая не могла перенести того, что въ данномъ случаѣ обойденъ сынъ ея Василій. Результатомъ ея козней было то, что несчастная Елена съ своимъ сыномъ были удалены отъ двора и содержались въ темницѣ. Умирая, вел. кн. Іоаннъ III просилъ прощенія у обиженнаго имъ Димитрія; но бояре успѣли его увести. Въ 1505-мъ году Елена умерла „отъ горести и тоски“. Когда умеръ Димитрій — неизвѣстно; по словамъ Герберштейна, Димитрій „умеръ отъ холоду, отъ голоду или задохся въ дыму“. Незнакомство съ учеными трудами по данному вопросу въ русской литературѣ даетъ себя чувствовать въ изслѣдованіи А. Пападопулъ-Калимаха. Такъ, онъ ничего не говоритъ о томъ, что невѣстка Іоанна была на сторонѣ лицъ, принявшихъ ересь жидовствующихъ, послѣ пріѣзда свящ. Діонисія и Алексѣя изъ Новгорода въ Москву. А это обстоятельство важно по тому, что можетъ дать извѣстныя объясненія торжеству царицы Софьи и сына ея Василія надъ Еленой. Болѣе подробныя свѣдѣнія въ работѣ г. *Никитскаго* „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ“. *Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., іюль;* также въ статьѣ *Ѳ. Ильинскаго* „Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ“.

Русскій Архивъ, 1895 г., кн. I, стр. 8—9-я. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что изслѣдователю осталось неизвѣстнымъ недавно вышедшее сочиненіе о царицѣ Софіи, о. Пирлинга. Въ послѣдніе годы своей жизни Стефанъ Великій перемѣнилъ свою политику и пересталъ соблюдать интересы московскаго великаго князя. Опечаленный горькой судьбой своей любимой кроткой дочери, какъ бы желая заглушить порывы своего горя, злобы, онъ съ ожесточеніемъ бился съ врагами, какъ бился онъ всю жизнь, и отстаивалъ свободу и цѣлость своего горячо любимаго отечества. Изслѣдованіе А. Пападопулъ-Калимаха написано яснымъ, красивымъ языкомъ и снабжено нѣсколькими отдѣльными очерками, касающимися отдѣльныхъ вопросовъ его изслѣдованія; много находимъ такихъ свѣдѣній изъ исторіи Стефана Великаго, кое-что изъ русской исторіи и археологіи.

Второе изслѣдованіе *Іоанна Калиндера* касается интереснаго вопроса по классической археологіи: *„Vilegiatura si residintele la vară la Romanĭ“*. Въ небольшомъ очеркѣ авторъ говоритъ о римскихъ дачахъ, загородныхъ садахъ, ихъ культурѣ, объ устройствѣ лѣтнихъ резиденцій римскихъ императоровъ, о типахъ архитектуры въ постройкахъ виллъ, о занятіяхъ интиллегентныхъ римлянъ на дачахъ и т. д., пользуясь и показаніями авторовъ и результатами раскопокъ. Къ статьѣ приложено нѣсколько рисунковъ, изображающихъ цѣлыя виллы, напримѣръ, императора Адріана, Плинія, или отдѣльныя сцены изъ дачной римской жизни, по современнымъ памятникамъ.

Въ концѣ тома *В. А. Уреніа* издалъ *„Новый документъ Константина Кантемира воеводы, данный въ Яссахъ въ 1689-мъ году“*, и написанный на румынскомъ языкѣ. Изданію документа предшествуетъ нѣсколько замѣчаній, критически разбирающихъ новыя историческія и генеалогическія свѣдѣнія, которыя не были извѣстны современнымъ хронистамъ: Николаю Костину, Іоанну Некульчѣ и Константину Капитану. Свѣдѣнія эти касаются непріязненныхъ отношеній молдавскаго господаря къ династіи Кантакузеновъ, занимавшихъ въ это время престолъ Валахіи. Документъ этотъ изданъ въ современной латинской транскрипціи, скрадывающей интересныя особенности письма и языка. *А. И. Яцимирскій.*

Dr. Martin Kříž. Ueber die Quartärzeiten in Mähren und ihre Beziehungen zur tertiëren Epoche.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ появилась обширная статья г. Кржича, въ Mittheil. d. Anthropol. Gesell. in Wien (1898, I). Г. Кржичъ объединяетъ свѣдѣнія, имѣющіяся въ настоящее время въ распоряженіи науки, о дилювіальномъ періодѣ въ Моравіи. Онъ перечисляетъ прежде всего извѣстныя мѣста находокъ дилювіальнаго періода, поскольку они были изслѣдованы Ванкелемъ, Машки и самимъ авторомъ. Далѣе слѣдуютъ обстоятельные очерки климата, фауны и флоры страны, и, наконецъ, авторъ объединяетъ свѣдѣнія о дилювіальномъ насельникѣ Моравіи, поскольку имѣющіяся археологическія данныя позволяютъ заглянуть въ жизнь человѣка того отдален-

наго періода. Скудость матеріала позволяетъ намѣтить эту жизнь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, которыя могутъ быть сведены къ слѣдующему. Дилювіальный обитатель Моравіи, появившись въ послѣдней въ началѣ постпліоценоваго періода, выступаетъ передъ глазами изслѣдователя уже съ извѣстнымъ, относительно большимъ, культурнымъ запасомъ; онъ былъ знакомъ съ добываніемъ и употребленіемъ огня; кромѣ растительной пищи онъ пользовался въ широкихъ размѣрахъ и мясною; охота, для производства которой онъ имѣлъ уже рядъ орудій, доставляла ему возможность пользоваться убитыми лошадьми, сѣв. оленями, полярными лисицами, зайцами и повидимому, изрѣдка молодыми мамонтами. Жители Моравіи дилювіальнаго періода правда, не знали еще искусства прирученія домашнихъ животныхъ, не умѣли также изготовлять глиняную посуду. Но посуда, изготовляемая изъ краснаго песчанника, повидимому, была имъ извѣстна; она служила, какъ предполагаетъ г. Кржичъ, въ качествѣ свѣтильниковъ; къ этому предположенію авторъ приходитъ на основаніи сходства этихъ древнихъ каменныхъ чашъ съ глиняными подобными же чашами, употребляемыми въ качествѣ свѣтильниковъ, мѣстами современнымъ населеніемъ; искусство выглаживанья и сшиванья кожъ было знакомо, при чемъ одежда сшивалась олеными жилами; въ качествѣ украшенія человѣкъ того періода пользовался раковинами, находимыми въ тертіерныхъ слояхъ, и, повидимому, окрашивалъ свое тѣло въ красный цвѣтъ. Культурный запасъ, съ которымъ выступаетъ въ началѣ дилювіальнаго періода человѣкъ въ Моравіи вынуждаетъ къ предположенію, что культурному уровню, открываемому наукой, долженъ былъ предшествовать длительный періодъ, въ теченіе котораго могла развиться та рудиментарная цивилизація, которая характеризуетъ палеолитика Моравіи. Это приводитъ автора къ вопросу, откуда пришло населеніе Моравіи; авторъ откидываетъ предположеніе о возможности переселенія изъ другихъ областей, кромѣ сѣверныхъ, точнѣе сѣверовосточныхъ, и такимъ образомъ затрогиваетъ болѣе широкій и несомнѣнно трудно рѣшаемый вопросъ о мѣстѣ первичнаго появленія человѣка на земномъ шарѣ. Въ рѣшеніи указаннаго вопроса г. Кржичъ примыкаетъ къ группѣ изслѣдователей, принимающихъ за прародину человѣка полярныя страны, въ предшествующіе геологическіе періоды, отличавшіеся мягкимъ климатомъ (Катрфажъ, Іос. Мюллеръ и друг.). Населеніе зап. Европы пришло, по предположенію г. Кржича, изъ Сибири; но въ Сибирь оно проникло изъ арктическаго полярнаго пояса, гдѣ и слѣдуетъ искать колыбель человѣчества. Въ этой полярной области дифференцировался человѣкъ въ теченіе отдаленныхъ геологическихъ эпохъ и, вѣроятнѣе всего, въ пліоценовый періодъ. Онъ накопилъ далѣе въ теченіе своего постепеннаго передвиженія черезъ Сибирь извѣстный культурный запасъ, и это-то, по мнѣнію автора, объясняетъ фактъ, что въ началѣ слѣдующаго, постпліоценоваго періода, человѣкъ въ зап. Европѣ выступаетъ уже относительно цивилизованнымъ. Выставляя эту гипотезу, авторъ не является ни самостоятельнымъ, ни оригинальнымъ; онъ даже не подкрѣпляетъ ее какими-

нибудь солидными фактами, ограничиваясь общими соображеніями. Онъ высказываетъ въ заключеніе искреннее пожеланіе, чтобы работы и изслѣдованія по отысканіи предковъ современнаго человѣка направились въ полярныя страны, такъ какъ именно тамъ, а не на югѣ, можно, по его мнѣнію, вѣроятнѣе всего найти факты, которые подтвердятъ поддерживаемую имъ гипотезу. Г. Кржичъ не является первымъ, высказывающимъ это пожеланіе: оно повторялось въ трудахъ различныхъ западно-европейскихъ ученыхъ, вѣрующихъ, что ключъ къ рѣшенію многихъ вопросовъ западной археологіи лежитъ въ Россіи. Лишь усиленная работа отечественныхъ изслѣдователей можетъ выяснить, посколько археологія Россіи и въ вопросѣ о дилювіальномъ человѣкѣ призвана играть видную роль въ общей наукѣ археологіи.

Н. Х.

J. Fraipont: La race „imaginaire“ de Cannstadt ou de Neanderthal.

Въ этой болѣе горячо, чѣмъ убѣдительно, написанной статьѣ (Bull. de la Soc. d'anthrop. de Bruxelles, XIV) авторъ выступаетъ защитникомъ мнѣнія о существованіи въ Европѣ въ дилювіальный періодъ расы, называемой Hamy—канштатской или неандертальской. Черепа, найденные въ Канштатѣ и Неандерталѣ, служившіе опорой этому мнѣнію, подвергались неоднократно сомнѣнію относительно ихъ принадлежности дилювіальному періоду; въ числѣ лицъ, не рѣшавшихся признать принадлежность этихъ череповъ дилювіальному человѣку, оказывается и Вирховъ. Противъ мнѣнія этого послѣдняго и направлена преимущественно статья г. Фрэпона: онъ старается доказать, что, даже допуская сомнѣніе относительно череповъ Канштата и Неандерталя, краніологическія данныя, относящіяся къ дилювіальному періоду, достаточно обильны, чтобы признать несомнѣнное существованіе „канштатской (неандертальской)“ расы, т.-е. существованіе въ дилювіальный періодъ въ Европѣ населенія, краніологическія особенности котораго совпадаютъ съ характерными признаками обоихъ спорныхъ череповъ. Эта раса съ своими типичными чертами выступаетъ, по мнѣнію автора, въ дилювіальный періодъ какъ во Франціи и Бельгіи, такъ и въ Англіи, Италіи и Австріи. *Н. Х.*

Sophus Müller: Nouveaux types d'objets de l'âge de pierre.

Названная работа составляетъ содержаніе послѣдне-вышедшаго тома Mémoires de la Soc. des antiquaires du Nord (за 1897) и посвящена детальному изученію различныхъ типовъ предметовъ, относящихся къ внѣ-металлическому періоду жизни населенія современной Даніи. Авторъ основательно указываетъ, что обиліе археологическаго матеріала Сѣвера Европы привело къ тому, что въ трудахъ, объединяющихъ этотъ матеріалъ, нѣтъ возможности дать мѣста детальнымъ изслѣдованіямъ различныхъ отдѣльныхъ предметовъ древности. Нѣкоторое восполненіе этого пробѣла составляетъ задачу почтеннаго изслѣдователя, при чемъ онъ имѣетъ въ виду отмѣтить нѣкоторыя особенности въ издѣліяхъ т. н. каменнаго вѣка, наименѣе еще обра-

щавшія на себя вниманіе. Г. Софусъ Мюллеръ открываетъ свое изслѣдованіе съ изученія нѣсколькихъ предметовъ изъ рога сѣв. оленя; находки изъ этого матеріала рѣдки въ Даніи. Путемъ ряда остроумныхъ соображеній онъ устанавливаетъ фактъ, что эти предметы были занесены изъ областей болѣе сѣверныхъ, гдѣ сѣв. олень еще встрѣчался въ то время, какъ въ Даніи одновременное существованіе человѣка и сѣв. оленя никогда не имѣло мѣста. Къ числу подобныхъ же, импортированныхъ съ сѣвера предметовъ авторъ относитъ нѣсколько каменныхъ орудій и топоры изъ рога лося. Этимъ г. Софусъ Мюллеръ устанавливаетъ интересный для древнѣйшей исторіи Даніи фактъ существованія сношеній съ арктическими областями и вводитъ новый элементъ въ исторію древнѣйшей культуры Даніи, такъ какъ обыкновенно принимались во вниманіе лишь отношенія Даніи къ южнымъ странамъ. Сношенія съ арктическими странами, доказанныя для Швеціи и Норвегіи, должны были распространяться и на Данію, при чемъ они возникли, повидимому, еще въ древнѣйшее время и затѣмъ поддерживались въ теченіе какъ внѣ-металлическаго періода жизни населенія Ютландіи, такъ и въ эпоху появленія металлическаго производства. Далѣе авторъ подвергаетъ обстоятельному изученію рукояти топоровъ эпохи Кёккенмединговъ, орнаментаціи внѣметаллическаго періода, каменные наконечники копій, топоры, кремневые и костяные ножи, кинжалы, разбираетъ далѣе вопросъ объ употребленіи древними насельниками Даніи кабаньихъ клыковъ, описываетъ нѣсколько различныхъ типовъ каменныхъ орудій, отличающихся частью величиной, частью изяществомъ отдѣлки, останавливается на предметахъ украшенія изъ янтаря, изъ которыхъ встрѣчаются нѣкоторые особенно интересные по своимъ размѣрамъ (12 цент.) и по формѣ (воспроизведеніе формы топоровъ) и т. д. Иллюстрированная большимъ количествомъ рисунковъ (79), сообщающая данныя преимущественно о новыхъ или мало извѣстныхъ предметахъ, работа г. Софуса Мюллера представляетъ выдающійся интересъ для изученія каменнаго вѣка въ Даніи. Но она имѣетъ и другое, при томъ болѣе широкое значеніе, именно методологическое. Трудъ г. Софуса Мюллера можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для ознакомленія съ пріемами серьезнаго, тщательнаго и детальнаго изученія древностей неолитическаго періода. *Н. Х.*

A. v.-Schweiger-Lerchenfeld: Der Bernstein als Handelsartikel der Alten (Oest. Monatschr. f. d. Orient, № 12, 1898). Небольшая, но не лишенная интереса статья г. Швейгера, объединяетъ важнѣйшіе матеріалы по слѣдующимъ вопросамъ: 1) откуда направлялся въ древности янтарь на южные рынки; 2) какимъ путемъ слѣдовала на югъ торговля янтаремъ и 3) каковы причины развитія и упадка этой торговли. Относительно перваго вопроса авторъ старается доказать, что, въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, будто янтарь привозился въ древности съ береговъ Индійскаго океана,—преимущественнымъ экспортнымъ рынкомъ янтаря слу-

жили берега Бельгійскаго и Нѣмецкаго морей. Спорный вопросъ о торговыхъ путяхъ, по которымъ направлялась торговля янтаремъ съ сѣвера на югъ, не рѣшается авторомъ вполнѣ опредѣленно; онъ старается лишь доказать, что торговыя отношенія съ сѣверомъ не велись непосредственно; это положеніе авторъ подкрѣпляетъ ссылками на нѣкоторые современные авторитеты науки археологіи. Такимъ образомъ, эта часть работы г. Швейгера представляетъ мало новаго. Болѣе интересенъ сдѣланный авторомъ обзоръ фазисовъ развитія и упадка торговли янтаремъ въ древности. Выводы автора въ этомъ послѣднемъ вопросѣ сводятся къ слѣдующему: высокая рыночная цѣна янтаря опредѣлялась, глав. обр., трудностью его полученія, а слѣдовательно, относительной рѣдкостью его; суевѣрныя представленія, прикрѣпленныя къ янтарю, его внѣшній видъ, непонятное древнимъ свойство янтаря проявлять электрическое явленіе и пр., естественно, лишь способствовали поднятію цѣнности янтаря. Но высокая цѣна на янтарь могла держаться только въ теченіе періода, когда между сѣверомъ и южными культурными центрами не установилось еще непосредственныхъ торговыхъ сношеній: въ это время въ качествѣ мѣновой стоимости за янтарь направляются на сѣверъ дорогія издѣлія юга. Съ развитіемъ римскаго владычества на сѣверѣ, спросъ на янтарь не ослабѣваетъ, но онъ падаетъ въ цѣнѣ вслѣдствіе большей легкости экспорта. Въ началѣ нашей эры онъ привозится массами въ Италію. Развившійся импортъ янтаря на южные рынки дѣлаетъ его общедоступнымъ, и на янтарѣ оправдывается общее положеніе, что вульгаризація прежде дорого стоющаго товара заставляетъ послѣдній выходить изъ моды; проходитъ мода и на янтарь, а это приводитъ къ постепенному упадку торговли имъ. Съ наступленіемъ эпохи великаго переселенія народовъ, торговлѣ янтаремъ наносится окончательный ударъ. *Н. Х.*

O. Montelius: The Tyrrhenians in Greece and Italy.

Г. Монтеліусъ стремится въ статьѣ, заглавіе которой мы выписали (напеч. въ Journ. of the anthropol Inst. of Great Britain and Ireland, XXVI) рѣшить преимущественно на основаніи археологическихъ данныхъ вопросъ о происхожденіи этрусковъ. Авторъ основываетъ свои выводы на фактѣ распространенія. т. н. микенской культуры. Онъ поддерживаетъ гипотезу, согласно которой микенская культура была занесена въ Европу съ береговъ Ефрата черезъ страну гиттитовъ и М. Азію. Носители микенской культуры пришли въ Европу изъ М. Азіи, а не изъ Финикіи или Египта; они подверглись вліянію цивилизаціи гиттитовъ. Пелазги, тиррены, карійцы-лелеги—таковы различныя названія, которыя древніе писатели давали носителямъ микенской культуры. До-эллинское населеніе Греціи не состояло, по мнѣнію Монтеліуса, изъ пелазговъ или тирреновъ: послѣдніе жили разсѣянными въ разныхъ мѣстностяхъ страны, среди туземцевъ. Дорійское нашествіе вынудило пелазговъ или тирреновъ къ выселенію; часть ихъ направилась на Лемносъ, часть возвратилась въ М. Азію и, наконецъ, часть.

достигла Сицилія и береговъ Италіи; въ послѣдней они осѣли колоніями между Тибромъ и Арно. Греки продолжали ихъ называть тирренами, римляне называли ихъ этрусками. Уступая количественно туземцамъ, новые пришельцы стояли на болѣе высокой ступени культуры; основы этой культуры пришельцы продолжали развивать на новомъ мѣстѣ жительства. Такимъ образомъ для г. Монтеліуса микенская и этруская культуры представляются лишь двумя хронологическими стадіями развитія одной и той же, занесенной съ востока, цивилизаціи: микенская представляетъ болѣе древнюю, этрусская—болѣе позднюю, но органически развившуюся изъ первой стадіи.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

полученныхъ въ Археологическомъ Обществѣ

за октябрь и ноябрь 1898 г.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Октябрь и ноябрь 1898 г. Петербургъ. 1898.

Иконописный подлинникъ сводной редакціи XVIII в., изд. Общ. Древне-русскаго искусства, подъ редакціей *Г. Д. Филимонова*. Москва. 1876.

Г. Д. Филимоновъ. Сванетія въ археологическомъ отношеніи. Москва. 1876.

Его же. Окладъ Мстиславова Евангелія. Москва. 1861.

Его же. Археологическое изслѣдованіе о статуѣ Таврической Венеры и акты, относящіеся къ ея пріобрѣтенію. Москва. 1848.

Его же. Археологическія изслѣдованія по памятникамъ. Церковь св. Николая Чудотворца на Липнѣ, близъ Новгорода. Москва. 1859.

Описныя книги царскихъ палатъ: золотой и грановитой, сост. С. Ушаковымъ въ 1672 г., подъ редакціей *Г. Филимонова*. Москва. 1882.

Г. Д. Филимоновъ. Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи. Москва. 1873.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Литовскія упоминна татарскимъ ордамъ. Скарбовая книга метрики литовской 1502—1509 гг. Симферополь. 1898.

Его же. Западно-русская сельская община въ XVI в. Петербургъ. 1897.

И. М. Громогласовъ. Памяти А. С. Павлова. Сергіевъ-Посадъ. 1898.

Отчетъ Якутскаго Областного Статистическаго Комитета за 1896 г. Якутскъ. 1898.

Краткій обзоръ дѣятельности Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. съ 1894—95 г. и отчетъ за 1897 г. Москва. 1898.

Протоколъ обыкновеннаго общаго собранія Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Пріамурскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ., № 5. Москва. 1898.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. Книга X и XI. Казань. 1898.

Труды Черниговской Губернской Архивной Коммиссіи. Вып. 1. Черниговъ. 1898.

Рукописная повѣсть о видѣніи Косьмы игумена, 1688 г., съ рисунками. Посмертное изданіе И. А. Голышева. Владиміръ. 1898.

The Finding of the Remains of the Tossil Hoth at Big Bone Cave, Tennessee in 1896. Henry C. Mercer. Philadelphia.

Frank-Hamilton Cushing. Pepper-Hearst Expedition. Philadelphia. 1897.

Ближайшія окрестности Іерусалима. Карта, изд. Импер. Правосл. Палест. Общества. Петербургъ. 1898.

И. Никольскій. Тульское Епархіальное Древлехранилище. Тула. 1898.

Free Museum of Science and Art. Departement of Archaeology and Paleontology University of Pennsylvania, № 4, 1898. Philadelphia. 1898.

Епископъ Киріонъ. Жизнь и подвиги преподобнаго Антонія Столпника, чудотворца Мартиконскаго. Тифлисъ. 1898.

Его же. Святой Давидъ III Возобновитель, Царь Грузіи (1084—1125). Тифлисъ. 1898 г.

Его же. Повѣствованіе о чудодѣйственномъ камнѣ Давидо-Гареджійской пустыни. Тифлисъ. 1898.

Богословскій Вѣстникъ, изд. Москов. Дух. Академіи. Сентябрь, октябрь и ноябрь, 1898. Сергіевъ-Посадъ, 1898.

Notizie degli Scavi di antichità, comunicate alla R. Accademia dei Lincei, № 6, 7. 1898. Roma. 1898.

Протоколъ засѣданій Кіевскаго Отдѣленія Прав. Комит. по устр. XI Кіевскаго Съѣзда. IV засѣданіе 7 дек. 1897 г. Кіевъ. 1898.

Записки Пріамурскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ., т. III, вып. III. Хабаровскъ. 1898.

Летопис Матице Српске. Кн. 196. Свеска 4. У Новоме Саду. 1898.

P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. Paris. 1896—97, vol. I, II.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXIII, вып. VI; т. XXXIV, вып. III. Петербургъ, 1898; т. XXXIV, вып. IV.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1897 г. Петербургъ. 1898.

Národní Hlásnik. Čislo 20—23. Turc. Sw. Martin. 1898.

Университетскія Извѣстія, № 9 и 10, 1898 г. Кіевъ. 1898.

The Canadian Antiquarian and Numismatic Journal, published by the Numismatic and Antiquarian Society of Montreal. Vol. I. July 1898. Montreal. 1898.

Открытіе Бессарабской Ученой Архивной Коммиссіи. Кишиневъ. 1898.

D-r. *Wojciech Kętrzyńsk.* Przyczynki do historyi piastowiczów i polski piastowskiej. Krakow. 1898.

Его же. Najdawniejsze żywoty Św. Wojciecha i ich autorowie. Krakow. 1898.

Вѣстникъ „Народнаго Дома“, № 10 и 11. Львовъ. 1898.

Ученыя записки Импер. Юрьевскаго Университета, № 4. Юрьевъ. 1898.

В. Е. Данилевичъ. Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Юрьевъ. 1898.

Juliusz Hr. Ostrowsni. Księga herbowa rodów polskich. Leszyt IV. Warszawa. 1898.

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. II, VII. Тобольскъ, 1894, 1897.

Е. К. Рѣдинъ. Профессоръ М. С. Дриновъ (къ чествованію двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности). Харьковъ. 1898.

Finska Fornmimusföreningens Tidskrifx Suomen Muinaismuisto - yhdistyksen Aikokauskirja XVIII. Helsingissä. 1898.

Slovenské Pohlády. Časopis zábavno-poučný Ročnik XVIII, Sošit 11 и 12. V. Turčianskom. Sv. Martine. 1898.

Алфавитная опись дѣламъ архива Сарановскаго Окружнаго Суда. Ч. I. Уголовныя дѣла. Ч. II. Гражданскія дѣла. 1876, 1877. Саратовъ.

Извѣстія Импер. Академіи Наукъ. Т. IX, № 3 и 4. Петербургъ. 1898.

„Живая Старина“, изд. отдѣленія этнографіи Импер. Русск. Географическаго Общества. Вып. II Петербургъ. 1898.

Историко-географическій словарь Саратовской губерніи, составилъ *А. Н. Минхъ*. Т. I, вып. I. Саратовъ. 1898.

Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 21. Саратовъ. 1898.

Филологическія записки. Вып. III—IV. Воронежъ. 1898.

Сообщенія Импер. Правосл. Палест. Общества. Октябрь. 1898. Петербургъ. 1898

Горнозаводская и золотоплатиновая промышленности на XVI Всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ Новгородѣ. Отчетъ горнаго инженера Сборовскаго. Изд. Западно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. Омскъ. 1898.

Поливановъ, В. Н. и *Красовскій, В. Э.* Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца, т. II. Изд. Симбирской Уч. Арх. Коммиссіи. Симбирскъ. 1898.

П. Мартыновъ. Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда. Симбирскъ. 1898 г.

М. Ѳ. Суперанскій. Симбирскъ и его прошлое. Историческій очеркъ. Симбирскъ. 1898 г.

П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Симбирскъ. 1898 г.

Н. П. Лихачевъ. По поводу изданія „Liste de pièces imprimées pour la plupart à Venise en 1727 pendant l'occupation française“. Петербургъ. 1898.

Его же. Иностранецъ-доброжелатель Россіи въ XVII столѣтіи. Петербургъ. 1898.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 5—6. Калуга. 1898.

Отчетъ Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 г. Астрахань. 1898.

Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. 5. Петербургъ. 1898.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Правительствующаго Синода, т. II, ч. 1 и 2-я; т. III, IV. Петербургъ. 1878—1880.

В. П. Наливникъ. Руководство къ практическому изученію сартовскаго языка. Изд. Самаркандскаго Статистическаго Комитета. Самаркандъ. 1898.

О. Ф. Вульфъ. Александръ съ копьемъ. Бронзовая статуэтка коллекціи А. И. Нелидова. Софія. 1898.

L'Anthropologie. Matériaux pour l'histoire de l'homme, t. IX, № 5. Paris 1898.

LXXV засѣданіе Нижегородскаго Статистическаго Комитета 1 іюля 1898 г.

Древнерусская картографія. Вып. 1. Планы г. Москвы XVII в. Изд. Коммиссіи печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Москва. 1898.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ъ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находится въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. ва тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. ва тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. ва тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II. Ц. 8 р. Т. III. . 8 р. Т. IV. Ц. 9 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. омъ I. Ц. 8 р. Т. II. Цѣна 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда ъ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2—3 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-6, 1896 г. Ц. 6 р.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 5 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.

Приложеніе къ VIII тому.

Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., Ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
Томъ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три вып., по 4 р. Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. II. Ц. 3 р.

Древности. Труды Археографической Коммиссіи. Т. I, вып. 1 и 2-й по 1 р. 50 к. вып.

Древности Ярославскія и Ростовскія. Ц. 3 р.

Археологическая карта Кіевской губерніи, 1897. Ц. 2 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соедин. засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти арх. Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго. Ц. 1 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Памяти арх. Саввы, проф. Павлинскаго и гр. Толстаго. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, годы: 1893—1897 по 1 р. 50 к.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома, 1881 г. Ц. 18 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р. Продается безъ уступки.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большого Каменнаго моста.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1899-мъ году (7-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ,

подъ редакціей Д. Н. АНУЧИНА и А. Н. КИРПИЧНИКОВА.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

Прежніе года (1893—98) могутъ быть получаемы, при выпискѣ изъ Московскаго Археологическаго Общества, по 1 р. 50 к. за годъ, а всѣ вмѣстѣ за 7 рублей, при условіи подписки и на 1899 годъ (т.-е. всѣ года съ 1899-мъ включительно за 10 рублей).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Бохъ (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три рубля исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, не **получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительство, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

	DATE DUE		